

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2020. № 454. Май

• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• СОЦИОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY
И ПОЛИТОЛОГИЯ	AND POLITICAL SCIENCE
• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2020. № 454. May

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филол. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портунова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прозументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Philo-
logy, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Romyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Анисимов К.В. Порывая «всякую связь с землёю». Орнитология буинского тревелого «Тень птицы»: поэтика и смысл	5
Васильева А.В. Эмоциональность диминутива в ментальном лексиконе носителя русского языка как родного и тюркско-русского билингва	12
Куликова Е.Ю. «Самоубийство (Записки эмоциолога)» Виталия Рябинина: футуризм vs акмеизм	21
Пржиготский В.А. Первый цикл рассказов Н.И. Наумова «Мирные сцены военного быта»	28
Степура С.Н. Переводческая изобретательность vs языковая игра Дж. Джойса: на материале переводов восьмого эпизода романа «Улисс» 1920–1930-е гг.	37
Чернова Д.А., Слюсарь Н.А., Алексеева С.В. Особенности орфографической обработки падежных форм русских существительных в контексте предложения	45

ФИЛОСОФИЯ

Гончарко Д.Н., Гончарко О.Ю. Античные, византийские и новоевропейские архетипы в сказке А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города»	55
Корниенко М.А. Молчание как дискурс смысла	67
Кужелева-Саган И.П., Спичева Д.И. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе	72
Политов А.В. Ориентирование в хронотопе как элемент человеческого существования	88
Царёв Р.Ю. Концепция миросистемного анализа в контексте постнеклассической науки	97

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Андриянова Т.В. Религиозность студенческой молодежи региона в контексте формирования образа Русской православной церкви: основные тренды и противоречия	109
Подрезов М.В. Австрия как объект геополитических и идеологических воззрений Ф.М. Достоевского	118

ИСТОРИЯ

Бокерия С.А. Концепт «безопасность–развитие» в деятельности БРИКС	123
Ермакова О.К. Индустриальная идентичность Урала и правовая культура: на стыке западноевропейских и российских традиций (XVIII – середина XIX в.)	131
Лихоманов И.В., Бойко В.А. «Аз и Я» Олжаса Сулейменова в контексте евразийского дискурса	137
Маслюженко Д.Н., Почекаев Р.Ю. Проблемы изучения государственности и права Сибирского ханства в отечественной историографии	145
Мацневский Г.О. Роль кубанского казачества в гармонизации межнациональных отношений в конце XX в.	156
Рынков В.М. «Права революционные, гарантии контрреволюционные»: социальное страхование на востоке России во второй половине 1918–1919 гг.	162
Чуркин М.К., Абселемов С.А. Историография «национальной травмы»: аграрная колонизация Степного края в современных исследованиях Республики Казахстан	173

CONTENTS

PHILOLOGY

Anisimov K.V. Breaking “All Ties with the Ground”. The Ornithology of Bunin’s Travelogue <i>Bird’s Shadow</i> : Poetics and Sense	5
Vasilyeva A.V. The Emotionality of the Diminutive in the Mental lexicon of the Russian Native Speaker and the Turkic-Russian Bilingual	12
Kulikova E.Yu. “Suicide (Emotionalist’s Notes)” by Vitaliy Ryabinin: Futurism vs Acmeism	21
Przhigotskiy V.A. <i>The Peaceful Scenes of Military Life</i> : The First Cycle of Stories by Nikolai Naumov	28
Stepura S.N. Translational Ingenuity vs James Joyce’s Language Play: Based on the Translations of Episode Eight of <i>Ulysses</i> (1920s–1930s)	37
Chernova D.A., Slioussar N.A., Alexeeva S.V. Orthographic Processing of Russian Case Forms in Sentential Context	45

PHILOSOPHY

Goncharko D.N., Goncharko O.Yu. Ancient, Byzantine and Modern Archetypes of <i>The Wizard of the Emerald City</i> Fairy Tale by Alexander Volkov	55
Korniienko M.A. Silence as a Discourse of Meaning	67
Kuzheleva-Sagan I.P., Spicheva D.I. The Phenomenon of Digital Nomadism in the Modern Interdisciplinary Discourse	72
Politov A.V. Orientation in Chronotope as an Element of Human Existence	88
Tsarev R.Yu. The Conception of World-Systems Analysis in the Context of Post-Non-Classical Science	97

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Andriyanova T.V. Religiosity of Students in the Region in the Context of the Russian Orthodox Church Image Formation: Main Trends and Contradictions	109
Podrezov M.V. Austria as an Object of the Geopolitical and Ideological Views of Fyodor Dostoevsky	118

HISTORY

Bokeriya S.A. The “Security–Development” Concept in the BRICS Activities	123
Ermakova O.K. The Industrial Identity of the Urals and Legal Culture: At the Intersection of Western European and Russian Traditions (The 18th to Mid-19th Centuries)	131
Likhomanov I.V., Boyko V.A. <i>AZ i YA</i> by Olzhas Suleimenov in the Context of the Eurasian Discourse	137
Maslyuzhenko D.N., Pochekaev R.Yu. The Problem of Studying the State System and Law of the Khanate of Siber in Russian Historiography	145
Matsievsky G.O. The Role of the Kuban Cossacks in the Harmonization of Interethnic Relations in the Late Twentieth Century	156
Rynkov V.M. “Revolutionary Rights, Counter-Revolutionary Guarantees”: Social Insurance in the East of Russia in the Second Half of 1918 and in 1919	162
Churkin M.K., Abselelov S.A. The Historiography of the «National Trauma»: The Agricultural Colonization of the Steppe Region in the Modern Studies of the Republic of Kazakhstan	173

ПЕДАГОГИКА

Ариян М.А., Татаурова Е.М. Иноязычный коммуникативный тренинг как средство социального развития личности старшеклассника в условиях современного информационного общества	182
Захарова И.Г., Белякова Е.Г. Возможности концепции Agile для поддержки профессионального самоопределения студентов-педагогов с использованием платформы Trello	190
Мухина М.П., Художитков С.А. Совершенствование техники скольжения на коньках юных хоккеистов	198
Попов Н.И., Шустова Е.Н. Ключевые задания как средство повышения уровня математических знаний школьников при изучении элементарных функций	203
Султанов М.Б. ЭЭГ-корреляты личностных суперфакторов Айзенка у юшошей-спортсменов	209

ПРАВО

Бавсун М.В., Берестовой А.Н., Карпов К.Н., Попов И.В. Квалификация умышленных и неосторожных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	214
Крымов А.А. Реализация досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в исправительных учреждениях: постановка отдельных проблем	220
Лепина Т.Г. Уголовная ответственность за совершение контрабанды в зарубежных странах	226
Оганесян Т.Д. Международно-правовые аспекты реализации права на защиту данных: проблемы и тенденции	233
Раздяконова Е.В. Принцип равной защиты всех форм собственности и публично-частное партнёрство	244
Смушкин А.Б. Использование компьютерно-опосредованной реальности в правоохранительной деятельности	251
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	260

PEDAGOGICS

Ariyan M.A., Tataurova E.M. Foreign Language Communicative Training as a Means of Senior Students' Personality Social Development in the Conditions of a Modern Information Society	182
Zakharova I.G., Belyakova E.G. Agile Methodology Capabilities in Supporting Student Teachers' Professional Self-Determination Using the Trello Platform	190
Mukhina M.P., Khudozhitkov S.A. Improving the Skate Sliding Technique in Young Hockey Players	198
Popov N.I., Shustova E.N. Key Tasks as a Means of Advancing Schoolchildren's Mathematical Knowledge When Learning Elementary Functions	203
Sultanov M.B. EEG Correlates of Eysenck's Personality Traits in Young Male Athletes	209

LAW

Bavsun M.V., Berestovoi A.N., Karpov K.N., Popov I.V. Qualification of Intentional and Reckless Violations of Traffic and Vehicle Operation Regulations	214
Krymov A.A. Implementation of Pre-Trial Forms of Criminal Procedural Activity at the Introduction of the Mode of Special Conditions in Correctional Facilities: Stating Specific Problems	220
Lepina T.G. Criminal Liability for Smuggling in Foreign Countries	226
Oganesian T.D. International Legal Issues of Realization of the Right to Data Protection: Problems and Trends	233
Razdyakonova E.V. The Principle of Equal Protection of All Forms of Ownership and Public-Private Partnership	244
Smushkin A.B. The Use of Computer-Mediated Reality in Law Enforcement	251
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	260

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-992

К.В. Анисимов

ПОРЫВАЯ «ВСЯКУЮ СВЯЗЬ С ЗЕМЛЁЮ». ОРНИТОЛОГИЯ БУНИНСКОГО ТРАВЕЛОГА «ТЕНЬ ПТИЦЫ»: ПОЭТИКА И СМЫСЛ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-012-41004.

Определяется роль птиц в концептуально-мировоззренческой программе бунинского травелога (связь с небом, вертикально-интенсивным измерением пространства), а также в синтагматике повествования, устанавливаются корреляции птиц с насекомыми и животными, которые также описываются путешественником. Во всех случаях реконструируются повествовательные связи между разными представителями фауны, позволяющие им играть, наряду с историко-антропологическими и культурно-религиозными артефактами травелога, важную смыслообразующую роль.

Ключевые слова: И.А. Бунин; литература путешествий; поездки русских писателей в Палестину; имагология; поэтика цикла.

Вынесенная в заглавие цитата из первой части «путевых поэм», очерка, давшего в 1931 г. свое название всему циклу, – «...и, с грохотом сдвинув с себя сходни, пароход порвал всякую связь с землею» [1. Т. 3. С. 500] – как будто относится вовсе не к птицам. Однако в метафорике Бунина существа плавающие и летающие отчетливо увязываются (корабль, сам «сдвинувший» «сходни», здесь одушевлен). Например, стремительно движущиеся в воде дельфины показывают путешественнику свои «*летящие*» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – К.А.) вперегонки спины» [1. Т. 3. С. 501], а их спинной плавник определяется по аналогии с птицей – «перо»: «По глянцевитой мраморно-голубой воде черными кругами, показывая перо, шли дельфины» [1. Т. 3. С. 517]. Правило обратимо – птичий полет может описываться как плавание: «Стая краснолапых чаек долго провозжала нас вчера, долго *плыла* на тугих острых крыльях...» [1. Т. 3. С. 499].

Образотворческая закономерность здесь, в общем, ясна: Ж. Женетт, ссылаясь на Г. Башляра, объяснял «контаминацию двух видов фауны» – птицы и рыбы – «механической гомотетией полета и плавания» [2. С. 58–59], или, как выразился Г. Башляр, «речь идет о простом, почти геометрическом сочетании – сочетании полета по воздуху и плавания в воде» [3. С. 303]¹. Точно отмечена и фундаментальная причина, делающая сравнение возможным: «Человек находится в тягостной зависимости от малейших складок земной поверхности; птица и рыба пересекают пространство во всех его трех измерениях» [2. С. 59]. «Вертикальное» измерение плавания, роднящее его с полетом, путешественник бунинского травелога, коротающий ночь «возле тонкой железной стенки, за которой <...> шумно переливались волны» [1. Т. 3. С. 500], явственно осознает: «бездонность» моря его ужасает. Частный момент субъективного переживания, он произведен от выявленного Н.В. Пращерук организующего принципа: «Путь бунинского путешественника “по морю”, начало которому положил одесский порт, един, непрерывен и устремлен в небо – так метафорически означает

автор смысловую и пространственную стратегию цикла» [5. С. 31].

Известно, что писатель долгое время пытался конкретизировать и отразить в заглавии цветовую (на самом деле, конечно, историософскую) доминанту своего произведения. Отдав вначале предпочтение соляной теме («Храм Солнца» в 4-м томе марковского собрания сочинений 1915 г.) и, следовательно, свету и просветлению, позднее, в 1931 г., он «окрасил» замысел в тона ноктурна: «Храм Солнца» стал «Тенью птицы», но уже через 5 лет для издания «Петрополиса» (1-й том 1936 г.) первое в очередности название было возвращено – чтобы в конце жизни вновь быть зачеркнутым и измененным опять на «Тень птицы»². Тень на земле Ближнего Востока была брошена крыльями птицы Хумай. «О ней говори Саади: “Нет жаждающих приюта под тенью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свете!” И комментаторы Саади поясняют, – добавляет Бунин, – что это – легендарная птица и что ее тень приносит всему, на что она падает, царственность и бессмертие» [1. Т. 3. С. 514–515].

Основы бунинской философско-исторической программы в науке давно прояснены: присущее восточным культурам, особенно буддийской, «единство человека и природы» [7. С. 91] позволило наблюдателю спроецировать историю, это изобретение европейского модерна, на архаическую идею вечного чередования природных циклов, а значит, выйти из плена гегельянского и дарвинистского эволюционизма, пасующего перед загадкой смерти, и начать говорить об историческом процессе в терминах «возрастов нации» [8. С. 82 и сл.], «круговорота жизни и смерти» [9. С. 554]. В череде общемировых «закатов» и «рас(с/ц)ветов» уже превратившийся в «сотни тысяч могил» [1. Т. 3. С. 530] Восток и приближающийся к этой грани Запад сложно соединялись, и мысль об этом симбиозе у сторонившегося идеологических дискуссий Бунина отразилась прежде всего в поэтике его художественных произведений. В фокусе внимания, естественно, находилась Россия, пережившая в первые десятилетия XX в. революционную катастрофу, а «поэма» о ней (с обязательной жанровой «оглядкой» в сторону Гоголя) отлилась в

триединстве «Деревни», «Суходола» и «путевых поэм» о Ближнем Востоке [9. С. 554–563]. Так, напряженный дуализм света и тени, цветения и упадка, зафиксированный в со-/противопоставлении двух, ранней и итоговой, версий заглавия, получил в итоге свое исчерпывающее объяснение.

Однако являясь, по Ж. Женетту, «тематическим заглавием» с насыщенной смысловой историей и ощутимой внутритекстовой влиятельностью [10. Р. 81 et passim], другим своим слагаемым – «птичьим», орнитологическим – заголовок бунинского цикла редко увлекал исследователей, обычно повторявших вслед за нарратором и процитированным им Саади все ту же легенду о птице Хумай. Согласно классическому определению «имя текста» в данном случае является названием «второго уровня», отсылая не к диегезису как таковому, а к внедренному в него постороннему источнику [10. Р. 84]. А раз так, резонно предположить, что птица Хумай определяет смысловую перспективу бунинского травелога не только своими артикулированными в голосе рассказчика предикатом «тени» и аллегорическим предназначением даровать «царственность и бессмертие», но также кодирует и более дробные, менее «проявленные» единицы текста, сгруппированные в «птичьем» семантическом поле, очевидно наделенном какими-то функциями и свойствами. Попробуем выявить эти единицы, конкретизировать их функции и соотнести реконструированные смыслы с общей историософской установкой цикла.

Для начала постараемся определить системное положение птиц в повествовательном массиве травелога. В открывающем книгу очерке, озаглавленном, как и весь цикл, «Тень птицы», видим экфрастический фрагмент (и наверняка, как часто бывает с экфрастиками, – указатель к содержательной глубине текста):

Когда-то я купил в этой стране руин и кладбищ, еще до сих пор именуемой на языке старой Турции «Вратами счастья», несколько лубочных картин. На одной был турецкий богатырь, бьющийся с кентавром Полканом возле ярко-зеленого дуба. На другой – святой город, состоящий из одних мечетей, минаретов и надгробных столиков. На третьей – *караван верблюдов, нагруженный гробами* [1. Т. 3. С. 502].

Если Полкан открывает заманчивую перспективу разговора о бестиарии «путевых поэм», тяготеющему к удивительным гибридам (ср.: «свиноглазых» крокодилов, страусов «с лошадиными ногами» и прочих причудливых обитателей каирского зоопарка [1. Т. 3. С. 537–538]), если «святой город» обретает свои многочисленные отголоски в разнообразных древних капищах, щедро описываемых путешественником, то с чем и кем соотносятся верблюды? Почему они несут гробы, т.е. ассоциированы со смертью? И какое отношение все это имеет к птицам?

Верблюды неоднократно упоминаются и позднее, ключевая характеристика их образов – *тяжесть*. Тягловый скот Востока верблюды изображаются навьюченными, уставшими, медленно и едва-едва идущими: несомый ими груз гнетет их и пригибает изогнутую горбом спину *вниз*. «Встретилась медленная вереница соловых дромадеров, навьюченных сахарным тростником» [1. Т. 3. С. 525]. Они специфич-

ны именно для Востока – в Стамбуле повествователь восклицает: «...хоть бы здесь-то, *по улице, ведущей в европейскую Перу, не пускали верблюдов!* Но нет, араб-полицейский <...> совершенно равнодушно смотрит на эту *горбатую грудку*...» [1. Т. 3. С. 525]³. На самом деле располагающий, как и многие животные, которые обитают в сухом пустынном климате, своеобразным изяществом, верблюды словно нарочно описываются Буниним существом грузным и приземистым: в одной из сцен мы словно воочию видим, как лениво и тяжело поднимается верблюд на ноги: «Понукаемые жожаками, *глухо урчат* верблюды, поднимаясь с теплого песка» [1. Т. 3. С. 569]. Медленность, тяжесть, глухость, похожесть на «грудку» – все это в художественном языке Бунина признаки могилы и земли, которые дополняются символизирующим смерть движением *вниз*. Напомним хрестоматийную преамбулу к «Легкому дыханию» (1916): «На кладбище, над свежей *глиняной насыпью* стоит новый крест из дуба, *крепкий, тяжелый, гладкий*» [1. Т. 4. С. 94]. В общем, неудивительно, что на лубочной картинке верблюды несут гробы.

В историософии и на «ментальной карте» Бунина номенклатура «гробовых» образов, акценты на «кладбищах мира», свою тягу к которым создатель «Тени птицы» любил поминать, – индикаторы Востока. Эквивалентность переключки признаков позволяет без труда уловить связь между горбатым, похожим на «грудку», влекомым тяжким грузом к земле верблюдом и, к примеру, храмом Св. Софии, зарисовка которого у Бунина словно предвосхищает программный очерк И. Бродского «Путешествие в Стамбул» (1985), проникнутый по отношению к Византии и Турции едва ли не чаадаевским настроением. «Возвышается София над городом, как корабль на якоре! – говорили когда-то. *Теперь она осела*, затерялась среди новых мечетей. Издалека она кажется даже небольшою» [1. Т. 3. С. 504]⁴. Ср. у Бродского: «Но мечети Стамбула! Эти гигантские, *насевшие на землю, не в силах от нее оторваться* застывшие каменные жабы! <...> А тон этим жабо- и крабообразным сооружениям задан был Ая-Софией – сооружением в высшей степени христианским» [1. Т. 5. С. 306].

В тематическом соседстве с верблюдами Бунин размещает быков. «Египетские» наблюдения писателя словно прошиты этой «бычьей» темой. Впрочем, лейтмотивно-словесная вязь здесь почти та же, что была применена к верблюдам: *не-* или *мало*подвижность, обращенность к низу, земле (песку) и смерти. «Ко-Комех – “пирамида *черного быка*”. Внутри она уже разрушается, а снаружи *полусасыпана песками*. <...> Ах, как пышно-прекрасны были эти “земные воплощения бога Нила”, эти мощные *траурные быки* – черные с белым ястребом на спине, с белым треугольником на лбу!» [1. Т. 3. С. 531]. В поезде на пути из Александрии в Каир соседом путешественника оказался египтянин-феллах, «...совершенный *бык*, по своему *нечеловеческому* сложению <...>. И *сидит* он так, как и подобает ему, прямому потомку *древнего* египетского человека: *прямо, нечеловечески спокойно*, с поднятыми плечами, ровно положивши ладони на колени...» [1. Т. 3. С. 528]. Перед нами не человек в

общепринятом смысле этого слова, а скорее сочетание быка с каменным сфинксом, в многовековом безразличном покое которого трудно отличить вечность от смерти.

Частный момент образотворческой поэтики здесь полностью соответствует общему видению Востока как цивилизационной руины и некой общей могилы – общей ввиду того, что Константинополь, Греция, Египет, Палестина, Иудея являются для путешественника не только колыбелью человеческой истории, но и знаменитыми религиозными центрами, распространившими свои вероучения сначала по всему миру, а затем погрузившимися в запустение и упадок. Не новая в контексте европейского ориентализма, эта мысль приобретает остроактуальные и даже рискованные обертоны, когда речь заходит о христианских, т.е. имеющих прямое отношение к европейцам и русским, святынях. Ср.: «За стеной домов, над водоемом, лежащим подо мною, два тоже рубчатых черно-синих купола. Это главы *тяжких, вросших в землю* храмов над Гробом и Голгофой» [1. Т. 3. С. 543]. Наблюдаемый в таком ракурсе, Храм Гроба Господня едва ли чем-то отличается от почти уже прикрытой песком пирамиды Ко-Комех. На символическом языке путевых поэм эта растянутая во времени катастрофа возвращения к первобытности («кости <...> чуждой и уже непонятной нам жизни» [1. Т. 3. С. 520]) передается образами, доносящими до читателя смысл движения к земле, нахождения в ее вечном плену, подвластности ее неумолимым медленным колебаниям, в ходе которых ею поглощается все созданное людьми.

Именно в этой проблематической точке историософии цикла автор и локализует своих птиц. Свобода и воздушность трехмерного движения противопоставляются всему медленному, плоскостному, приземленному, обращенному вниз и вглубь – к незримости и небытию.

Усиливая смыслы жизни и спасения от беспамятства, автор, о чем уже в науке говорилось [9. С. 555], первым делом соотносит свое повествовательное alter ego с Саади: рассказчик обретает металитературную опору, его слова внедряются в давнюю традицию свидетельств о неисчерпаемой красоте мира. Реже отмечался тот факт, что постижение прекрасного неотделимо от неустанного паломничества, странствий, закрепленных в трех возрастных периодах человеческой жизни за вторым тридцатилетием (в начале которого и находился весной 1907 г. 36-летний Бунин).

– Родившись, употребил он тридцать лет на приобретение познаний, тридцать на странствования и тридцать на размышления, созерцание и творчество...

– И так протекли дни Саади, пока не *воспарил феникс* чистого духа шейха на небо – в пятницу в месяце Шеввале... [1. Т. 3. С. 500].

Немаловажно, что земной путь (в прямом смысле, учитывая требование 30 лет разъездов) восточного мудреца оканчивается воспарением-полетом его души, уподобившейся птице: движение по горизонтали оканчивается подъемом в области вечного бытия.

В 1907 г. Бунин не мог ничего знать о своде позднейших записей Толстого, который моралист и мыслитель составит в последние месяцы своего

земного существования (т.е. еще через три года) и озаглавит «Путь жизни». Здесь одно из толстовских определений человека, уверовавшего во Христа, таково:

Человек, познавший учение Христа, испытывает то, что испытала бы *птица*, если бы она не знала того, что у нее есть *крылья*, и вдруг поняла бы, что она может *летать*, быть свободной и ничего не бояться [12. С. 37].

За вычетом учительной установки, логика, которой руководствуется автор путевых поэм, принципиально созвучна мысли его вечного литературного кумира. Птиц в бунинском травелоге читатель наблюдает постоянно: они распределяются по всей «вертикальной» образной парадигме цикла – от стилистически «низкой» зарисовки птичника, содержащегося на борту русского корабля (тем уподобившегося некой «плавучей» деревне – важный историософский намек писателя), до почти иконографических голубей, плещущих крыльями под куполом Св. Софии. Издали кажущаяся плоскостной «громад[ой] неуклюж[ей]» [1. Т. 3. С. 511], изнутри главная церковь / мечеть Константинополя мгновенно приобретает воздушно-вертикальное измерение, индикатором которого как раз и оказываются христианские голуби. Избегая обширного цитирования этого объемного фрагмента, ограничимся пунктирным перечнем: «фигурки молящихся» кажутся «пигмеями» «среди его (храма. – К.А.) необъятного простора и необъятной *высоты*» [1. Т. 3. С. 511]. Пространство исполнено «радостного *солнечного* света» (исходная мифологема цикла), голуби внутри, но – на самой вершине «тишина, нарушаемая только плеском и свистом голубиных крыльев *в куполе*» [1. Т. 3. С. 511].

Соотнесенный с топографической и ценностно-символической вертикалью, образ птицы усиливает не очень явную в путевых поэмах антитезу *верха* и *низа*, уступающую, конечно, по степени эксплицированности выдвинутой на передний план идеологеме *тогда* и *сейчас*; великого прошлого и утлого настоящего, однако ничуть не менее важную, чем эта последняя. С самого начала читателю дается понять, что ему вместе с рассказчиком предстоит увидеть не только руины, оставленные *прошлым*, но и очутиться в неких воронках, провалах бытия, из которых нужно долго и тяжело выбираться наверх. Примечательно, что Бродский, развивавший (осознанно или неосознанно – другой разговор) типологию бунинского травелога, не просто покинул Стамбул, а не найдя возможности *уехать*, в прямом смысле *улетел* из турецкой / византийской столицы.

Пора завязывать. Парохода, как я сказал, ни из Стамбула, ни из Смирны было не найти. Я сел в *самолет* и через два часа *полета над* Эгейским морем – *сквозь воздух*, не менее некогда обитаемый, чем архипелаг внизу, – приземлился в аэропорту в Афинах [11. Т. 5. С. 312].

Один из районов Константинополя охарактеризован Буниным так: «Не то Галата, не даром Галату называют помойной *ямой* Европы, сравнивают с Вавилоном, Содомом» [1. Т. 3. С. 506]. Эта смысловая нить протянута и далее. Не будем забывать, что мифологема тени подразумевает солнечный закат – дви-

жение светила вниз. «Зеленоватое небо еще светло над темным и четким силуэтом Стамбула <...> Но над набережной и над рейдом уже висит опускающийся книзу дым, пыль, сумрак» [1. Т. 3. С. 506]. На этом фоне важен пассаж, весьма вероятно, эмблематически изоморфный по своему смыслу всему своду путевых поэм. Он расположен здесь же, в финале первого очерка, что важно снова подчеркнуть – соименного циклу. В Галате, только что уподобленной *яме*, стоит построенная генуэзцами еще во времена Византии башня Христа (Christea Turris). Посетив ее, путешественник оставляет такую запись:

Зато как прохладно в жерле башни Христа! Сладок среди вони и плесени базарных улиц <...> свежий запах овощей и лимонов, но еще слаще после галатской духоты *чистый морской воздух*. Медленно поднимаемся мы по темным лестницам возле стен башни, достигаем ее круглой вышки – и выходим на каменный покатый балкон <...> *Легкое головокружение* туманит меня при взгляде *в бездну подмною*, раскрывается в ней целая необозримая страна <...> – страна, на которую пала «тьма Птицы Хумай» [1. Т. 3. С. 514].

Подъем в воздушную высоту, обозрение мира вокруг с этой верхней точки, соотнесение последней с именем Иисуса Христа – эти обстоятельства дополняют паломнический подтекст путевых поэм, обычно отыскиваемый в самом маршруте травелога, в его египетских и палестинских разделах. Однако пространственность бунинского текста не только экстенсивна, но и интенсивна: на срезе одной только протяженности пути как такового путешественник и его читатель не видят почти ничего, кроме безмолвных, полужасыпанных руин и могол. Требуемое от всякого травелога, т.е. путешествия, осмысливаемого в категориях культуры, а не географии, преобразование героя (согласно удачной формулировке «внутренний маршрут» [13. С. 462]) концептуально намечается именно небесно-воздушной образностью, одной из составных частей которой (точнее – метонимией воздуха и неба) становятся птицы.

По мере приближения путешественника, побывавшего в Константинополе, Греции и Египте, к библейским землям восточного Средиземноморья упоминания о птицах становятся все реже. Иначе и быть не может: автором нагнетаются мотивы пустынности, заброшенности и царящей здесь какой-то абсолютной исторической погибели. «В Сионе за гробницей Давида видел я *провалившуюся* могилу, густо заросшую маком. *Вся Иудея – как эта могила*» [1. Т. 3. С. 544]. В образной системе координат путевых поэм это положение ассоциировано с низом, и если очерк «Иудея» начисто лишен упоминаний о птицах, то впоследствии, начиная с рассказа «Камень», вместо привычных уже чаек, голубей и ястребов читатель видит стрижей, которые «*злорадно верезжат* и *черными* стрелами носятся» [1. Т. 3. С. 550]. «Тысячи черных стрижей кружат, сверлят полдненную тишину *скрипучим верезжанием*» [1. Т. 3. С. 561]. Своей чернотой ассоциируясь с тьмой и закатом (ср. белизну чайки, египетское контрастное изображение белого ястреба на спине черного, «траурного» быка [1. Т. 3. С. 531], «блистание» там же, на берегах лагуны Мареотис, «тысячи длинноногих фламинго, ибисов и

цапель» [1. Т. 3. С. 527]), а малым размером, массовой стайностью, «пикирующим» направлением полета и издаваемым звуком – скорее с насекомыми, чем с птицами, стрижи действительно словно медируют два этих столь непохожих мира летающих существ.

Черный цвет был специально акцентирован еще в египетских разделах.

Черное! Сколько тут черного! Черны были палатки таинственных азиатских кочевников, «царей-пастухов», несметной ратью охватившие некогда Египет на целых пятьсот лет. Черны были Аписы Мемфиса. Черным гранитом лоснились скаты пирамиды Хуфу. «Семусином» – черно-пламенным ураганом песков – прошел по Египту Камбиз, до основания разрушив Он и Мемфис... [1. Т. 3. С. 532].

Фрагментарно цвет траура и смерти проявлялся и ранее – в предметах, «издалека», метафорически связанных птицами. Например, проводник путника по Стамбулу грек Герасим «является на пароход всегда в шляпе, в бумажных отложных воротничках и ветхом *черном галстуке в виде летучей мыши*...» [1. Т. 3. С. 505]. Позднее наблюдая этих рукокрылых воочию, Бунин предсказуемо подчеркивает неотделимую от их образа тему сумрака и заката: «*Солнце опускалось все ниже* <...> Летучие мыши дрожащими зигзагами зареяли вокруг: они любят теплые *вечера*, катакомбы, пустынные скалы...» [1. Т. 3. С. 531].

Итак, «тысячи черных стрижей» коннотируют своим странным положением меж птиц и насекомых попадание путешественника в одну из низших точек его странствия – пустыню дьявола, начиная с которой мухи, осы, москиты и даже блохи регулярностью своих поминаний словно приходят на смену птицам.

От Вифании начинается *спуск, неуклонное падение*. И страна, лежащая окрест, поражает своей красотой, волнует радостью, обманывает, *как искуситель* [1. Т. 3. С. 562].

<...> Мы уже давно в *глубоком, извилистом* ложе потока, иссохшего в незапамятное время <...> *гробовая* тишина стоит над этой страной, столь бесплодной, что даже древнейших кочевников ужасала она, навеки связанная с *образом незримо Обитающего* в ней [1. Т. 3. С. 563].

Чем дальше от Гадрура, тем *все круче падает в провалы и ущелья* известковая дорога, а с перевалов уже видно, что окрестные бугры <...> стали конусообразными, похожими на потухшие вулканы, однообразного верблюжьего цвета [1. Т. 3. С. 565].

Дьявольскими искушениями был испытан здесь Иисус Христос: ради этой главной мысли и выстраивается Буниным вся его живописательная, орнитологическая и энтомологическая поэтика. В единственном оазисе начинается «таинственно-звенящий, горячий шепот насекомых»; «Сад кружится в беззвучном кружении зелено-лиловых мух, их скользких огненных вихрей...»; «...тело, поминутно палимое жалами москитов, покрывается горячечным потом» [1. Т. 3. С. 567]. «Отойди от меня, Сатана» [1. Т. 3. С. 568] – таким заклинание оканчивается раздел, в котором небо и воздух заполняется не птицами, а их антиподами. В следующем рассказе «Страна содомская» даже насекомые поначалу смолкают («Смолкли жабы, замер звон насекомых в кустарниках, погасли огненные мухи» [1. Т. 3. С. 569]), но затем поминаются

«какие-то большие металлически-серые мухи», липнущие «к жарким гривам лошадей» [1. Т. 3. С. 571].

Вспомним, что впервые на страницах «путевых поэм» (уже в четвертой строке после заглавия) птицы появились в неразрывной связи с морем. Чайки сопровождали русский корабль на его пути в Константинополь. В перспективе системной, закономерностной организации цикла, проступающей изнутри его, на первый взгляд, прихотливо-авторского, на основании «впечатлений», принципа соединения эпизодов⁵, писатель удивительно последователен: как лазурное небо над морем населено птицами, так в раскаленном воздушном мареве по берегам «асфальтическо[го] мор[я]», «символ[а] страшной страны сей» [1. Т. 3. С. 571], роятся насекомые, от которых путники скрываются под накинутыми «бедуинскими платками» [1. Т. 3. С. 571]. «Анти-море» и «анти-птицы» – вот что видится повествователю, отыскивающему в Земле обетованной старинный Эдем, но на пути к нему проходящему словно сквозь преисподнюю. Причем этой персональной истории путешественника полностью соответствует всякий раз вспоминаемая Буниным евангельская трактовка земной жизни, искушений в пустыне, казни и воскресения Иисуса Христа.

Н.В. Пращерук подметила имагологическую связь: «в последних рассказах, повествующих о местах, “отмеченных” присутствием Христа, образ ветра становится повторяющимся». Однако, как свидетельствуют данные текста, дело здесь заключается не в том, что, понятые отвлеченно-онтологически, движения воздуха привносят «мотив изменчивости, движения, активности природно-космической жизни», а «открывающийся простор благодаря ветру становится ощутимым, “ветром” он “касается” путешественника <...> “ветром” “входит” в его душу» [5. С. 54]. В символической, сложной шифрованной панораме путешествия воздушная ветреная высота неотделима от альтернативного падению смысла *возвышения*, подъема и итогового воскресения, каковое, в частности, со временем организует и «воздушный» по своему происхождению концепт «легкого дыхания», обеспечивший Бунину после знаменитой статьи Л.С. Выготского славу и популярность среди теоретиков литературы.

Именно в отсутствие птиц, медиаторов неба и земли, посреди тьмы («Солнце было за горами. Свет его гаснет здесь быстро...» [1. Т. 3. С. 584]) и продолжающих царить насекомых, ассоциированных со смертью (ср. чуть ранее: «множатся, как соты ос, крипты в каменистых обрывах...» [1. Т. 3. С. 572], а здесь: «...в полутемной жаркой келье беззвучно плакали москиты. Блохи же Тивериады упоминаются даже в путеводителях...» [1. Т. 3. С. 585]), начинает дуть спасительный ветер, порывы которого вербализуются в словах повествователя, «склеиваясь» с выпиской из Евангелия. «Ветер ударил в парус, крепко накренил его, – и мы понесли в сумрак, и дальние огни Тивериады...»; «Становилось темно, а Иисус не приходил к ним. Дул сильный ветер и море волновалось» [1. Т. 3. С. 584], – цитирует Бунин Евангелие от Иоанна (Иоанн. 6: 17–18). Все заключительные пассажи этой последней главы цикла, «Геннисарет», представляют собой тот самый палимпсест, когда авторский

текст наносится словно «поверх» евангельского. Наложение нарративов, свидетельствующее о счастье повторения повествователем земного пути Христа («Это ночь была одной из счастливейших во всей моей жизни» [1. Т. 3. С. 585], – говорится сразу после замечания о блохах, неспособных повлиять на это чувство), достигает своего пика в заключительной сцене, когда путешественник берет в руки священную книгу непосредственно: «И, оставшись один на террасе, я взял с каменного стола лежавшее на нем Евангелие, развернутое как раз на тех страницах, что говорят о море Галилейском. Теперь оно было предо мною» [1. Т. 3. С. 586]. По правилу палимпсеста, реализованному здесь как «текст в тексте», пишущаяся самим автором книга получает как бы «подсветку» от вечной Книги всех христиан.

Последние слова «Геннисарета» возвращают нас к самому началу путевых поэм, когда читатель заставал рассказчика на корабле, идущем из Одессы в Стамбул:

Как сладок, как ласков здесь изредка набегающий, теплый от дыхания затуманенных зноем гор, сильный южный ветер! Как широко, все сгущаясь и темнея, бежит перед ним лиловая зыбь по зеркалам у берегов, где светит золото предгорий! Как долго, как дремотно кланяются после него кипарисы и шелестят вайи пальм, напоминая о Египте, сохранившем его драгоценную жизнь в младенчестве! [1. Т. 3. С. 586].

Тогдашнее природное господство воды и неба откликается здесь в ландшафте, который включает в себя те же слагаемые – небо, теплый ветер и «Галилейское море» (на самом деле это Тивериадское озеро), однако смысл зарисовки кардинально иной. «Второй день в пустынном Черном море» [1. Т. 3. С. 499] – таковы первые слова произведения. Замыкаясь огромной смысловой дугой к этой символической «черноте» и «пустынности» (первые слова кодируют весь текст, избыливающий их лексическими и объективно-бытописательными производными), заставляя вспомнить смертную черноту исторических могил древних цивилизаций, описанных в центральных разделах, черное как будто звучит и в этих венчающих травелог пассажах. «...Черный мальчик пасет десяток черных вислоухих коз <...>»; «Настоятель здесь старик-немец, чистота и порядок у него немецкие. Встретил он нас, сожженных зноем, сдержанно, но приветливо...»; «чернели молоденькие кипарисы»; «сгущаясь и темнея...» [1. Т. 3. С. 586] и т.д. Однако задаваемое контекстом смысловое качество цветового индикатора здесь решительно иное: сразу после «чернеющих кипарисов» читатель узнает, как «цвели розы, ворковали дикие горлинки, наслаждаясь солнечным затишьем...» [1. Т. 3. С. 586], т.е. созерцает реалии идиллические и райские.

После всей прослеженной нами повествовательной истории птиц, воздуха, нисхождения героя в потемки и пропасти исторического небытия, встреч с насекомыми и возвращения к по-новому прочувствованным ветру и морю воздушная стихия начинает ощущаться читателем иначе.

Преображение здесь достигается примерно так же, как через малое время «возвышено» будет легкое дыхание: от тривиального, пусть и привлекательного, признака внешности к могучим и вечным воздушным потокам пасхальной весны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О «гидроморфной природе», например, русской поэтической ласточки см.: [4].
- ² Анализ этого напряженного дуализма заголовков и, соответственно, очерков, становящихся внутри цикла его альтернативными «центрами притяжения», проделан Е.Р. Пономарёвым [6]. Я признателен автору, любезно познакомившему меня со своей статьей, находящейся в настоящее время в печати.
- ³ Отметим здесь спонтанную, но под пером поэта, конечно, не случайную, фоносемантическую переключку: *gruz* – *gruda* – *grob* – *gorb*.
- ⁴ Связь Софийского собора Константинополя с небом и, как следствие, пространственной вертикалью (ср.: «...первобытно-простой, огромный и единственный на земле по *легкости* полушар-купол»; «четыре белых минарета исполинскими копьями возносятся по углам ее *в сиюю глубину неба*» [1. Т. 3. С. 511]) ни в коем случае нельзя рассматривать изолированно, ибо всякий раз к описаниям Св. Софии Бунины добавляет противоположный вертикали смысл: купол – «древне-приземистый» [1. Т. 3. С. 511], «приземистый купол Софии» [1. Т. 3. С. 504], «гром[а] неклож[ая]» [1. Т. 3. С. 511] и т.д. Художественное мышление писателя возводимо к логической операции, не членящей предметы, а к объединяющей их – вплоть до оксюморонности. С этим обстоятельством связан и другой важнейший метатекст «Тени птицы» – палимпсест. Ср.: «Есть древние пергаменты, называемые палимпсестами, – хартии, письма которых полустерты или покрыты чем-либо, чтобы, на месте их, можно было начертать новые. В Вифлееме чувствуешь, прозреваешь то драгоценное, первое, что сохранилось на его священном палимпсесте» [1. Т. 3. С. 538] и т.д.
- ⁵ О намеренно «перепутанном» относительно реального путешествия порядке следования глав см. [14. С. 71].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И.А. Собр. соч. : в 6 т. М., 1987–1988.
2. Женетт Ж. Обратимый мир // Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 58–66.
3. Башляр Г. Бестиарий Лотреамона // Избранное: Поэтика пространства. М., 2004. С. 291–308.
4. Мароши В.В. «Ласточка» Г.Р. Державина как метатекст поэзии А. Введенского // Поэт Александр Введенский : сб. материалов / сост. и общ. ред. К. Ичин, С. Кудрявцева. Белград ; Москва, 2006. С. 153–171.
5. Прашерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1996.
6. Пономарёв Е.Р. «Храм солнца» или «Тень птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина. В печати.
7. Сливацкая О.В. Бунин и Восток (К постановке вопроса) // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1971. Т. 114. С. 85–96.
8. Карпенко Г.Ю. Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. Самара, 1998.
9. Бройтман С.Н., Магомедова Д.М. Иван Бунин // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2001. Кн. 1. С. 540–585.
10. Genette G. Paratexts. Thresholds of Interpretation. Cambridge, 2001.
11. Бродский И.А. Путешествие в Стамбул // Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. СПб., 2001. Т. 5. С. 281–315.
12. Толстой Л.Н. Путь жизни // Полное собрание сочинений : в 90 т. М., 1956. Т. 45. С. 13–479.
13. Пронин А.А. Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И.А. Бунина «Тень птицы» и поэма В.А. Жуковского «Агасфер» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 459–464.
14. Латухина А.Л. Особенности циклизации «путевых поэм» И.А. Бунина «Тень птицы» // Пушкинские чтения – 2007. СПб., 2007. С. 70–76.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 апреля 2020 г.

Breaking “All Ties with the Ground”. The Ornithology of Bunin’s Travelogue *Bird’s Shadow*: Poetics and Sense
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/454/1

Kirill V. Anisimov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

Keywords: Ivan Bunin; travelogues; Russian writers’ voyages to Palestine; imagology; poetics of prosaic cycle.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-41004.

Ivan Bunin’s travelogue *Bird’s Shadow* (1907–1911) is the source on which the present study is based. In the article, the role of bird images is analyzed in paradigmatic and syntagmatic perspectives, referring this imagery to Bunin’s conceptual world-viewing (symbolic ties with the skies; the vertical, “intensive” dimension of space) as well as to the narrative expansion. This is the primary aim of the article. Among the variety of living creatures depicted on the travelogue’s pages, birds are confronted/compared to camels and bulls, on the one hand, and to insects, on the other. The representatives of the first group convey the idea of heaviness, downward motion, bonds with the ground and death—compare it, for example, with spontaneous, yet not accidental in the poet’s mind, phonosemantic word play: *gruz* – *gruda* – *grob* – *gorb*. Simultaneously, the semantic boundaries of these characteristics embrace the architectural edifices: low and squat temples and pyramids half-covered with sand. Here this detail of imagological poetics is in line with the general view of the East as a ruin of civilizations and some common grave. The author places his birds right in this problematic point of his philosophy of history. Freedom and airiness of three-dimensional motions are opposed to everything slow, flat, squat and bulky, directed downwards and inland—to invisibility and non-being. The hero’s transformation is intrinsic to every travelogue, the genre in which journeys are described in terms of culture, not geography. In Bunin’s text, the hero transforms against the background of aerial and celestial imagery. Birds are part of this imagery or, to put it better, the metonymy of air and sky. As the traveler who has already visited Constantinople, Greece and Egypt, approaches the biblical lands of the eastern Mediterranean, the narrator’s mentioning of birds becomes more and more scarce. And it could not be otherwise: the author intensifies the motifs of emptiness, abandonment and absolute perdition reigning here, in these barren lands. Birds are replaced with insects whereas swifts become creatures that mediate these two main worlds of air-dwellers. Swifts remind insects being small-sized, comprising huge flocks, practicing the steep diving style of flying and producing a sound that makes the author associate them with insects rather than with birds. As all this narrative story of the birds, the air, the hero’s descending into the dark abysses of historical non-being and facing insects, is finally over and the hero returns to the wind and the sea which he feels differently about now, the reader perceives the whole aerial world in a new way. The hero transforms here in almost the same way as *light breathing* will later be sublimed: from a trivial though attractive sign of appear-

ance to mighty and eternal aerial streams of paschal spring. This final observation, in the author's opinion, opens up a fruitful prospect of studying Bunin's "air" imagery.

REFERENCES

1. Bunin, I.A. (1987–1988) *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected Works: In 6 Vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Genette, G. (1998) *Figury: v 2 t.* [Figures: In 2 Vols]. Translated from French by N. Pertsova. Vol. 1. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh. pp. 58–66.
3. Bachelard, G. (2004) *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected Works: Poetics of Space]. Translated from French by N.V.Kislova, G.V.Volkova, M.Yu.Mikheev. Moscow: ROSSPEN. pp. 291–308.
4. Maroshi, V.V. (2006) "Lastochka" G.R. Derzhavina kak metatekst poezii A. Vvedenskogo ["A Swallow" by G.R. Derzhavin as a Metatext of A. Vvedensky's Poetry]. In: Ichin, K. & Kudryavtsev, S. (eds) *Poet Aleksandr Vvedenskiy: sb. materialov* [Poet Alexander Vvedensky: Collection of Materials]. Belgrad; Mosow: Gileya. pp. 153–171.
5. Prashcheruk, N.V. (1996) *Khudozhestvennyy mir prozy I.A. Bunina: yazyk prostranstva* [The Artistic World of I.A. Bunin's Prose: The Language of Space]. Yekaterinburg: [s.n.].
6. Ponomarev, E.R. (n.d.) "Khram solntsa" ili "Ten' ptitsy"? Poetika "putevykh poem" I.A. Bunina ["Temple of the Sun" or "Shadow of the Bird"? Poetics of "Travel Poems" by I.A. Bunin]. In print.
7. Slivitskaya, O.V. (1971) Bunin i Vostok (K postanovke voprosa) [Bunin and the East (Formulating the Question)]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 114. pp. 85–96.
8. Karpenko, G.Yu. (1998) *Tvorchestvo I.A. Bunina i religiozno-filosofskaya kul'tura rubezha vekov* [I.A. Bunin's Works and the Religious-Philosophical Culture of the Turn of the Century]. Samara: Samara Humanitarian Academy.
9. Broymant, S.N. & Magomedova, D.M. (2001) Ivan Bunin. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature of the Turn of the Century (1890s – Early 1920s)]. Book 1. Moscow: IWL RAS: Nasledie. pp. 540–585.
10. Genette, G. (2001) *Paratexts. Thresholds of Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Brodskiy, I.A. (2001) *Sochineniya Iosifa Brodskogo: v 7 t.* [Works by Joseph Brodsky: In 7 Vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Pushkinskiy Fond. pp. 281–315.
12. Tolstoy, L.N. (1956) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: In 90 Vols]. Vol. 45. Moscow: Goslitizdat. pp. 13–479.
13. Pronin, A.A. (2001) Evangel'skiy "sled" v tsikle putevykh rasskazov I.A. Bunina "Ten' ptitsy" i poema V.A. Zhukovskogo "Agasfer" [The Gospel "Trace" in I.A. Bunin's Cycle of Travel Stories "Bird's Shadow" and V.A. Zhukovsky's "Agasfer"]. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [Gospel Text in the Russian Literature of the 18th–20th Centuries. Quote, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Is. 7. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 459–464.
14. Latukhina, A.L. (2007) Osobennosti tsiklizatsii "putevykh poem" I.A. Bunina "Ten' ptitsy" [Features of Cyclization in I.A. Bunin's "Bird's Shadow"]. In: *Pushkinskie chteniya–2007* [Pushkin Readings–2007]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 70–76.

Received: 19 April 2020

А.В. Васильева

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ ДИМИНУТИВА В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ТЮРКСКО-РУССКОГО БИЛИНГВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

Представлены результаты исследования компонента эмоциональности в ментальном лексиконе тюркско-русских билингов и носителей русского языка как родного, актуализируемого использованием диминутива, производного существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Основной аспект анализа – соотношение компонента эмоциональности с компонентами оценочности и частотности. Установлено, что носители русского языка как родного и тюркско-русские билингвы имеют схожую чувствительность к фактору эмоциональности и связанным с ним факторам.

Ключевые слова: тюркско-русский билингвизм; ментальный лексикон; диминутив; эмоциональность; оценочность; возраст усвоения.

В настоящее время исследования, посвященные категории эмоциональности, активно развиваются. В сфере внимания исследователей находятся как функционально-семантические особенности данного класса единиц, выявляемые с использованием лингвистических текстологических, структурно-семантических методов анализа, так и аспекты их когнитивной обработки, восприятия и понимания, исследуемые с опорой прежде всего на психолингвистические экспериментальные методы. Так, ученые рассматривают вопросы, связанные с особенностями выражения данной категории средствами разных уровней [1, 2] спецификой восприятия эмоциональной лексики по сравнению с нейтральной [3–5], особенностями взаимодействия эмоциональности с другими психолингвистическими категориями, влияющими на восприятие [5–8].

Кроме того, категория эмоциональности изучается с точки зрения влияния различных социолингвистических и этнолингвистических параметров на использование эмотивов в речи говорящим и их восприятие слушающим. В частности, ученые исследуют своеобразие использования диминутивов в разных социальных детерминированных жанрах и дискурсах, корреляцию темы общения и активности использования диминутивов и др. [9–11], влияние гендерного фактора на обработку эмоциональной лексики [12], восприятие эмоциональных слов детьми и взрослыми [13], а также взаимодействие эмоциональности и фактора билингвизма [14].

В настоящее время интерес к исследованию этого аспекта социальных, этноязыковых детерминаций использования и когнитивной обработки диминутивов возрастает в связи с общим повышением исследовательского внимания к проблемам билингвизма, детерминированного, в свою очередь, возрастанием социальной значимости билингвальных взаимодействий в современном мире. В широком спектре психолингвистических исследований проблем билингвизма отметим изучение специфики ментального лексикона билингва, особенностей взаимодействий в нем первого, материнского языка (L1) и второго, усваиваемого (L2), факторов, детерминирующих данное взаимодействие. Ментальный лексикон (МЛ) понимается как

«система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах, а также выполняющая сложные функции, связанные не только с указанными языковыми единицами, но и стоящими за ними структурами представления экстралингвистического (энциклопедического) знания» [15. С. 97].

В ряду наиболее важных проблем, которые разрешают психолингвисты, находится проблема организации ментального лексикона билингва [16–18]: решается вопрос о том, осуществляется ли доступ к единицам первого и второго языков параллельно, или слова второго языка опознаются через слова первого; проблема положения разных компонентов МЛ, в том числе эмоционального компонента, в структуре ментального лексикона. При решении данного вопроса ученые на материале разных языков и разных типов лексики [19–21] приходят к выводу, что эмоциональный лексикон одного языка не всегда соотносится с эмоциональным лексиконом другого языка. Так, А. Павленко в своей работе [22] делает подробный обзор имеющихся исследований по данной тематике и, обобщая, выделяет три типа билингвального эмоционального ментального лексикона:

1. Эмоциональный лексикон под влиянием L1. В этом случае слова второго языка связаны с понятиями первого языка, что приводит к интерференции и категоризации эмоций на основе L1; такой тип лексикона характерен для носителей билингвизма с низким уровнем L2, а также низким уровнем аккультурации.

2. Эмоциональный лексикон под влиянием L2 – слова L1 связаны с понятиями L2, категоризация эмоций осуществляется на основе L2; данный тип лексикона характерен для билингов, которые длительное время проживают в языковой среде, где распространен L2, постоянно взаимодействуют с его носителями.

3. Транскультурный эмоциональный лексикон – тип лексикона, при котором репрезентации эмоциональных слов так или иначе соотносятся с репрезентациями монолингвальных испытуемых, говорящих на тех же языках, либо они легко видоизменяются в зависимости от контекста и собеседников; такой тип лексикона характерен для транскультурных билингов, которые находятся то в одной, то в другой языковой среде [22. Р. 107–108].

Цель данной статьи – представление результатов исследования выявления положения эмоционального компонента в структуре метального лексикона тюркско-русских билингвов и носителей русского языка как родного в соотношении с другими психолингвистическими параметрами, а также влияния этих компонентов на процессы когнитивной обработки. Исследуется соотношение эмоциональности и таких компонентов, как оценочность (соотносится с параметром valence), частотность слова, возраст усвоения, а также контекстная реализация.

Выбор для анализа класса диминутивов как класса эмоционально-оценочных единиц русского языка мотивирован тем, что деривационный способ выражения эмоционального отношения к предмету речи составляет отличительную особенность русского языка [23–25]. Незначительное количество соотносимых деривационных морфем в тюркских языках не имеет той широты функциональности в выражении смыслов, которая присуща русскому языку, вследствие этого мы предполагаем, что данный аспект структурно-семантического своеобразия родного языка билингва может оказать воздействие на интерпретацию единиц анализируемого класса эмоциональной лексики второго, русского языка. Однако мы также считаем, что значимым окажется и фактор типа билингвизма, поскольку сравниваются оценки эмоциональности, данные носителями языка как родного и носителями раннего естественного билингвизма. Таким образом, в статье представлено решение исследовательской задачи выявления влияния факторов структурно-семантического устройства первого языка и типа билингвизма на оценки эмоциональности слов второго языка.

При разрешении поставленной задачи мы опираемся на данные о восприятии категории эмоциональности носителями билингвизма, полученные в предшествующих исследованиях. Так, в статье Ронаги и др. [26] приводится обзор работ, посвященных данной проблеме. В частности, было показано, что в целом первый язык является более эмоциональным, чем второй или последующие языки [27–29], что эмоциональные ассоциации слов устанавливаются, как правило, в детстве [30]; доказана необходимость учитывать тип билингвизма, важность противопоставления сбалансированного раннего билингвизма и позднего учебного [27, 30, 31] по отношению к категории эмоциональности L2. Исследования субъективных оценок эмоциональности носителями билингвизма, проводимые с использованием метода анкетирования с применением приема шкалирования, показали, что билингвы считают первый язык более эмоциональным, чем второй, независимо от уровня владения, что является основанием утверждения, что хотя билингвы знают эмоциональный смысл слов второго языка, они его не чувствуют [22. Р. 140–141].

Одной из базовых теоретических идей об устройстве ментального лексикона является утверждение, что ментальный лексикон представляет собой не статичный конструкт, а функциональную систему, компоненты которой находятся в активных динамических отношениях. Конкретизацией этого положения при-

менительно к эмоциональному компоненту является тезис о том, что эмоциональность находится в динамических соотношениях с рядом других значимых психолингвистических категорий. В современных психолингвистических исследованиях эмоциональность анализируется в соотношении с компонентами семантики: 1) valence, или evaluation (коннотация, или оценка), – восприятие стимула как положительного или отрицательного; 2) arousal, или activity (активация), – степень, в которой стимул является «спокойным» или «волнующим» [32, 33]. В предыдущих исследованиях было выявлено влияние контекстуальной соотношенности стимулов на обработку эмоциональных слов [8, 34]. Кроме того, многие ученые выделяют такие факторы, как частотность слова и возраст усвоения (Age of Acquisition – AoA), как те, которые оказывают влияние на восприятие различных групп лексических единиц [35, 36].

Поставленная в нашем исследовании задача сравнить соотношение компонента эмоциональности с рядом отмеченных психолингвистически релевантных компонентов, признаков и условия актуализации в ментальном лексиконе билингва и носителя русского языка решается с помощью метода анкетирования с применением приема шкалирования (использовалась семичленная шкала Ликерта).

Опросные листы включали единицы, соотносимые по исследуемым параметрам. Для формирования групп стимулов для анализа был использован словник «Большого толкового словаря русских существительных» Л.Г. Бабенко [37]. Были отобраны непроемные и образованные от них диминутивы с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *вилка – вилочка, рука – ручка, папа – папочка*; эта группа стимулов включала наименования родственных связей (*папа, тетя, бабушка, жена* и др.), частей тела (*рука, живот, глаз, желудок* и др.), предметов одежды (*блуза, джинсы, костюм, кофта* и др.), предметов домашнего быта и предметов мебели (*вилка, стул, ковер, кушетка* и др.).

Для проведения сравнительного анализа были сформированы группы слов с положительным (*великолепие, шедевр, прелесть, триумф*) и отрицательным (*идиотство, тупица, безобразие, мерзость*) значениями, которые использовались с целью определения наиболее точного места диминутивов на шкале эмоциональности.

Общее количество стимулов в опросных листах – 371, из которых 163 единицы – непроемные слова (*стол, костюм, дочь*), 166 – диминутивы (*столлик, костюмчик, доченька*), образованные от непроемных слов, 42 – филеры (*великолепие, мерзость*).

В процессе проведения анкетирования участникам предлагалось оценить лексические единицы по шкале от 1 до 7 по следующим параметрам:

- сила эмоции (что, как мы считаем, соотносится с психолингвистическим параметром – arousal);
- тип оценки (соотносимый с параметром valence);
- типовые контексты использования: а) в разговоре о ком чаще используется слово (о ребенке vs. о взрослом), б) в разговоре с кем чаще используется слово (с ребенком vs. со взрослым);

- частотность;
- возраст усвоения слова.

Исследования проводились с использованием анкет, напечатанных на бумаге (формат А4). Все слова были разделены на 6 списков, от 60 до 70 существительных в каждом списке, упорядоченных случайным образом. На каждом листе была размещена инструкция для информантов, скорректированная относительно оцениваемого параметра.

Целью первого этапа проведения исследования было выявление корреляции эмоциональной семантики лексем-диминов со смежными психолингвистически релевантными параметрами, сравнение диминов с другими группами эмоциональной и нейтральной лексики по данному параметру. Сравнение проводилось с использованием статистических методов (пакет программ STATISTICA).

На первом этапе анкетирование было проведено в группе носителей русского языка как родного, в качестве которых выступили студенты филологического факультета и факультета иностранных языков ТГУ; возраст – от 17 до 28, средний возраст – 22,4 года, всего – 240 человек (86 мужчин и 154 женщины); все респонденты указали русский язык как родной.

В результате анкетирования было получено 52 764 наблюдений. На основе корреляционного анализа были выявлены статистически значимые взаимосвязи между исследуемыми параметрами: субъективной частотностью, типом оценки, степенью эмоциональности, типовым контекстом сочетаемости и возрастом усвоения. Кроме того, была выявлена специфика слов с диминовыми суффиксами по сравнению с другими группами слов – диминовы являются наименее частотными, оцениваются как те, которые употребляются скорее в разговоре с детьми (о детях), могут быть как эмоциональными, так и неэмоциональными, а также характеризуются скорее как нейтральные единицы, чем положительные. Также, согласно ответам испытуемых, они являются словами, усваиваемыми в довольно раннем возрасте. Результаты анкетирования, проведенного с привлечением в качестве респондентов носителей русского языка как родного, были опубликованы в [38].

На втором этапе было проведено аналогичное исследование, респондентами в котором выступили тюркско-русские билингвы. Респонденты называли в качестве первого, материнского языка один из тюркских языков – шорский (5 человек), хакасский (28 человек), татарский (27 человек). Всего к участию в анкетировании было привлечено 60 человек, 24 мужчины и 36 женщин в возрасте от 16 до 73 лет, средний возраст – 32,7 года (стандартное отклонение = 14,3); уровень образования варьировался от среднего до высшего и при этом уровень владения, время усвоения и частота использования данных языков также варьировались.

Как можно видеть из приведенных данных, возраст, а также уровень образования респондентов, принявших участие в первом этапе анкетирования, значительно отличаются от возраста и уровня образования билингвов, принявших участие во втором этапе. Значительные социолингвистические различия в

группах респондентов могли повлиять на результаты анкетирования. Вследствие этого было принято решение привести выборки монолингвов и билингвов к сходному распределению признаков. Так как привлечение билингвальных испытуемых строго ограниченного типа связано со значительными трудностями, было принято решение провести дополнительные опросы в группе носителей русского языка как родного, привлечь к анкетированию респондентов других возрастных групп, имеющих более широкий диапазон уровня образования.

Таким образом, ко второй серии анкетирования было привлечено 27 респондентов – носителей русского языка как родного в возрасте от 18 до 71, каждый из которых заполнил 1 сет, т.е. 6 анкет. Кроме того, еще 28 сетов, по 6 анкет каждый, были собраны из данных, полученных на первом этапе, т.е. в качестве респондентов выступили студенты в возрасте от 17 до 25 лет. Средний возраст респондентов на данном этапе – 30,6 года (стандартное отклонение – 13,4).

В результате на втором этапе было получено 20 653 наблюдения респондентов – носителей русского языка как родного, все наблюдения были включены в анализ.

В табл. 1 представлены описательные статистики полученных результатов по параметрам «Субъективная частотность», «Тип оценки», «Степень эмоциональности», типовым контекстам сочетаемости и возрасту усвоения у испытуемых – носителей русского языка как родного на двух этапах анкетирования.

Опираясь на данные, указанные в табл. 1, при сравнении значений, полученных в результате проведения двух этапов анкетирования, мы видим, что все статистические показатели отличаются незначительно ($\sim 0,1$), что, вероятно, свидетельствует о близости оценок, которые испытуемые обеих групп присваивали словам-стимулам.

Так же как и на первом этапе проведения анкетирования, на втором этапе наличие корреляций проверялось с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена. В табл. 2 представлены данные, полученные на втором этапе, в сопоставлении с данными корреляционного анализа, проведенного на первом этапе.

Исходя из данных, полученных в группе носителей русского языка как родного на втором этапе анализа, и при сравнении их с данными первого этапа можно выделить следующие наиболее значимые корреляции:

- 1) прямая корреляционная связь между параметрами «Разговоры с ребенком / взрослым» и «Разговоры о ребенке / взрослом» ($r = 0,874$; $r = 0,919$);
- 2) прямая корреляционная связь между параметрами «Тип оценки» и «Разговоры с ребенком / взрослым» ($r = 0,442$; $r = 0,582$);
- 3) прямая корреляционная связь между параметрами «Возраст усвоения» и «Разговоры с ребенком / взрослым» ($r = 0,450$; $r = 0,542$);
- 4) обратная корреляционная связь между параметрами «Степень эмоциональности» и «Разговоры с ребенком / взрослым» ($r = -0,467$; $r = -0,297$);

Таблица 1

Описательные статистики эмоциональности и смежных категорий у респондентов – носителей русского языка как родного на двух этапах анкетирования

Параметр	Средн.		Min		Max		Q1		Q2		Q3		Ст. откл.		IQR	
	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2
Разговоры о ребенке / взрослом	4,124	4,131	1,827	1,600	6,823	7,000	3,166	3,222	4,166	4,222	4,862	4,888	1,113	1,177	1,695	1,666
Степень эмоциональности	2,779	2,717	1,000	1,000	6,045	6,000	1,500	1,666	2,928	2,500	3,727	3,666	1,280	1,227	2,227	2,000
Тип оценки	3,451	3,209	1,024	1,000	6,896	7,000	2,700	2,500	3,566	3,000	3,933	3,888	0,960	0,999	1,233	1,388
Разговоры с ребенком / взрослым	3,974	3,941	1,916	1,285	6,653	6,714	3,066	3,000	4,000	4,000	4,695	4,571	1,085	1,130	1,628	1,571
Возраст усвоения	2,509	2,597	1,045	1,000	4,680	5,625	1,920	1,875	2,400	2,500	3,000	3,222	0,754	0,920	1,080	1,347
Субъективная частотность	4,062	4,020	1,185	1,125	6,952	3,546	2,880	2,833	4,107	3,875	5,280	5,222	1,410	1,494	2,400	2,388

Примечание. Здесь и в табл. 2: A1 – первый этап анкетирования; A2 – второй этап анкетирования. Здесь и далее в таблицах: Средн. – среднее значение; Ст. откл. – стандартное отклонение; Min, Max – минимальное и максимальное значения; Q1, Q2 (медиана), Q3 – первый, второй, третий квантили соответственно; IQR – межквартильный размах.

Таблица 2

Корреляции параметров у респондентов – носителей русского языка как родного (с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена) на двух этапах анкетирования

Показатель	Разговоры о ребенке / взрослом		Степень эмоциональности		Тип оценки		Разговоры с ребенком / взрослым		Возраст усвоения		Субъективная частотность	
	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2
Разговоры о ребенке / взрослом	1,000	1,000	-0,448	-0,277	0,557	0,385	0,919	0,874	0,518	0,485	0,321	0,115
Степень эмоциональности	-0,448	-0,277	1,000	1,000	-0,520	-0,375	-0,467	-0,297	-0,024	0,059	-0,433	-0,284
Тип оценки	0,557	0,385	-0,520	-0,375	1,000	1,000	0,582	0,442	0,212	0,150	0,247	0,144
Разговоры с ребенком / взрослым	0,919	0,874	-0,467	-0,297	0,582	0,442	1,000	1,000	0,542	0,450	0,306	0,170
Возраст усвоения	0,518	0,485	-0,024	0,059	0,212	0,150	0,542	0,450	1,000	1,000	-0,402	-0,485
Субъективная частотность	0,321	0,115	-0,433	-0,284	0,247	0,144	0,306	0,170	-0,402	-0,485	1,000	1,000

Таблица 3

Описательные статистики оценки параметров с распределением по группам стимулов у испытуемых-носителей русского языка как родного

Параметр / Тип	Слова с положительной оценкой			Диминутивы			Слова с нейтральной оценкой			Слова с отрицательной оценкой		
	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max
Разговоры о ребенке / взрослом	5,115	2,125	7,000	3,306	1,600	6,620	4,657	2,200	7,000	5,489	4,250	6,666
Степень эмоциональности	3,229	1,200	5,666	3,341	1,000	5,500	1,848	1,000	4,857	4,402	1,700	6,000
Тип оценки	2,295	1,000	4,000	2,806	1,000	5,111	3,434	1,250	5,000	5,619	1,555	7,000
Разговоры с ребенком / взрослым	5,062	3,200	6,285	3,069	1,285	6,090	4,462	2,428	6,571	5,583	3,928	6,714
Возраст усвоения	3,267	1,625	4,875	2,492	1,000	5,000	2,508	1,000	5,625	3,522	1,777	4,875
Субъективная частотность	4,282	1,714	7,000	3,389	1,125	7,000	4,646	1,250	6,909	3,663	1,571	5,750

Таблица 4

Описательные статистики эмоциональности и смежных категорий у тюркско-русских билингвов в сопоставлении с данными, полученными от респондентов – носителей русского языка как родного

Параметр	Средн.		Min		Max		Q1		Q2		Q3		Ст. откл.		IQR	
	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB
Разговоры о ребенке / взрослом	4,131	4,027	1,600	1,571	7,000	6,888	3,222	3,111	4,222	4,000	4,888	4,785	1,177	1,179	1,666	1,674
Степень эмоциональности	2,717	2,679	1,000	1,000	6,000	6,444	1,666	1,666	2,500	2,555	3,666	3,333	1,227	1,173	2,000	1,666
Тип оценки	3,209	3,370	1,000	1,133	7,000	6,833	2,500	2,866	3,000	3,400	3,888	3,857	0,999	0,840	1,388	0,990
Разговоры с ребенком / взрослым	3,941	4,025	1,285	1,500	6,714	7,000	3,000	3,285	4,000	4,000	4,571	4,666	1,130	1,120	1,571	1,380
Возраст усвоения	2,597	2,836	1,000	1,111	5,625	5,333	1,875	2,125	2,500	2,777	3,222	3,444	0,920	0,872	1,347	1,319
Субъективная частотность	4,020	4,147	1,125	1,000	3,546	7,000	2,833	3,166	3,875	4,139	5,222	5,125	1,494	1,345	2,388	1,958

Таблица 5

Корреляции параметров в группе тюркско-русских билингвов (с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена) в сравнении с данными корреляционного анализа, проведенного в группе носителей русского языка как родного

Показатель	Разговоры о ребенке / взрослом		Степень эмоциональности		Тип оценки		Разговоры с ребенком / взрослым		Возраст усвоения		Субъективная частотность	
	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB	AP	AB
Разговоры о ребенке / взрослом	1,000	1,000	-0,277	-0,268	0,385	0,431	0,874	0,870	0,485	0,442	0,115	0,043
Степень эмоциональности	-0,277	-0,268	1,000	1,000	-0,375	-0,562	-0,297	-0,303	0,059	0,008	-0,284	-0,203
Тип оценки	0,385	0,431	-0,375	-0,562	1,000	1,000	0,442	0,452	0,150	0,138	0,144	0,088
Разговоры с ребенком / взрослым	0,874	0,870	-0,297	-0,303	0,442	0,452	1,000	1,000	0,450	0,449	0,170	0,007
Возраст усвоения	0,485	0,442	0,059	0,008	0,150	0,138	0,450	0,449	1,000	1,000	-0,485	-0,394
Субъективная частотность	0,115	0,043	-0,284	-0,203	0,144	0,088	0,170	0,007	-0,485	-0,394	1,000	1,000

Таблица 6

Описательные статистики оценки параметров с распределением по группам стимулов у испытуемых – тюркско-русских билингвов

Параметр / Тип	Слова с положительной оценкой			Диминутивы			Слова с нейтральной оценкой			Слова с отрицательной оценкой		
	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max	Ср.	Min	Max
Разговоры о ребенке / взрослом	4,834	2,142	6,285	3,323	1,714	6,750	4,433	1,571	6,888	5,601	3,555	6,857
Степень эмоциональности	3,679	1,777	6,166	3,209	1,222	6,222	1,889	1,000	5,285	3,923	1,666	6,444
Тип оценки	2,630	1,133	4,000	2,990	1,222	5,166	3,622	1,916	5,166	5,184	1,666	6,833
Разговоры с ребенком / взрослым	5,060	2,250	6,333	3,313	1,500	6,833	4,404	2,666	6,833	5,661	3,875	7,000
Возраст усвоения	3,423	2,142	4,750	2,730	1,333	5,333	2,804	1,166	5,000	3,366	1,11	4,833
Субъективная частотность	4,433	1,666	6,333	3,705	1,166	7,000	4,648	1,000	7,000	3,290	1,625	5,928

5) обратная корреляционная связь между параметрами «Степень эмоциональности» и «Тип оценки» ($r = -0,375$; $r = -0,520$);

6) обратная корреляционная связь между параметрами «Возраст усвоения» и «Субъективная частотность» ($r = -0,485$; $r = -0,402$).

Все отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$.

Как видно из полученных результатов, число значимых корреляций на высоком и среднем уровне у носителей русского языка как родного на втором этапе отличается от числа таких корреляций, выявленных на первом этапе. В то же время имеющиеся значимые корреляции совпадают и в первом и во втором случае, однако на втором этапе показатели по каждому параметру отличаются в меньшую сторону (примерно на 0,1 по каждому параметру). Данный факт свидетельствует о том, что общие тенденции во взаимодействии параметров групп эмоциональных слов, являющихся стимулами во всех проведенных анкетированиях и поведенческих экспериментах, одинаковы для обеих групп испытуемых.

Описательные статистики оценки параметров с распределением относительно представленных групп лексики представлены в табл. 3.

Анализ средних значений каждой групп единиц позволяет говорить о том, что по сравнению с тремя другими группами слов диминутивы имеют примерно одинаковую частотность со словами с отрицательной оценкой (3,389 – средняя частотность диминутивов vs. 3,663 – средняя частотность слов с отрицательной оценкой), оцениваются как те, которые употребляются скорее в разговоре с детьми (о детях) (3,306; 3,069 – данные показатели наиболее близки делению шкалы «это слово скорее используется в разговоре с детьми (о детях), чем со взрослыми (о взрослых)»), как слова, которые могут быть как эмоциональными так и неэмоциональными (3,341 соотносится с делением шкалы «как нейтральное, так и эмоциональное»), а также характеризующиеся скорее как нейтральные единицы, чем положительные (2,806 соотносится с делением шкалы «слово выражает скорее нейтральную оценку, чем положительную»). Кроме того, они являются словами, которые усваиваются в довольно раннем возрасте (от 3 до 5 лет), согласно ответам испытуемых (2,492 – слова, усвоенные в промежутках 3–5/7–9 лет).

Для выявления различий внутри выделенных групп стимулов полученные характеристики стимулов были проанализированы с использованием критерия Краскела–Уоллиса. Внутригрупповой анализ полученных данных по различным показателям выявил следующее:

1. По показателю «Субъективная частотность» диминутивы значимо отличаются от нейтральных производящих слов ($p < 0,001$) и от единиц с положительным значением ($p < 0,05$).

2. По параметрам «Разговоры с ребенком / взрослым (о ребенке / взрослом)» диминутивы значимо отличаются от всех остальных групп слов ($p < 0,001$).

3. По параметру «Степень эмоциональности» диминутивы значимо отличаются от исходных нейтральных слов ($p < 0,001$).

4. По параметру «Тип оценки» диминутивы значимо отличаются от исходных нейтральных слов ($p = 0,000000$), а также от отрицательных единиц ($p < 0,001$).

5. По параметру «Возраст усвоения» диминутивы и исходные нейтральные слова значимо отличаются от положительных и отрицательных слов ($p < 0,001$).

Таким образом, сравнивая результаты, полученные на первом и втором этапах проведения анкетирования с респондентами – носителями русского языка как родного, мы можем сделать вывод о том, что несмотря на то, что количество корреляций и их числовые показатели немного отличаются, общие тенденции по всем числовым показателям сохраняются, что позволяет говорить о том, что такие факторы, как возраст испытуемых и уровень образования респондентов, оказывает незначительное влияние на обработку эмоциональных слов.

Как было отмечено ранее, на втором этапе анкетирования в качестве респондентов выступили также тюркско-русские билингвы. Всего было получено 21 959 наблюдений, все наблюдения были включены в анализ.

На материале данных, полученных в группе тюркско-русских билингвах, были проведены аналогичные тесты, как и в предыдущих двух случаях.

В табл. 4 представлены описательные статистики полученных результатов по параметрам «Субъективная частотность», «Тип оценки», «Степень эмоциональности», типовым контекстам сочетаемости и возрасту усвоения у билингвальных испытуемых в сравнении с данными, полученными во второй серии экспериментов, проведенных на испытуемых-носителях русского языка как родного (анкетирование в группе носителей русского языка как родного – АР, анкетирование в группе тюркско-русских билингвов – АБ).

Как видно из табл. 4, показатели по всем параметрам описательных статистик, полученных в двух группах респондентов в этом случае, также отличаются незначительно ($\sim 0,1$).

На следующем этапе, также как и в двух предыдущих случаях, был проведен корреляционный анализ с целью выявления наличия корреляций между категориями эмоциональной лексики у тюркско-русских билингвов. В табл. 5 представлены данные корреляционного анализа, проведенного на данных тюркско-русских билингвов в сопоставлении с данными корреляционного анализа, проведенного на данных, полученных в группе носителей русского языка как родного.

В результате анализа в группе оценок тюркско-русских билингвов были выделены следующие значимые корреляции:

1) прямая корреляционная связь между параметрами «Разговоры с ребенком / взрослым» и «Разговоры о ребенке / взрослом» ($r = 0,870$);

2) прямые корреляционные связи между параметрами «Тип оценки» и «Разговоры с ребенком / взрослым (о ребенке / взрослом)» ($r = 0,452$; $r = 0,509$);

3) прямые корреляционные связи между параметрами «Возраст усвоения» и «Разговоры с ребенком / взрослым (о ребенке / взрослом)» ($r = 0,449$; $r = 0,442$);

4) обратная корреляционная связь между параметрами «Степень эмоциональности» и «Разговоры с ребенком / взрослым» ($r = -0,303$);

5) обратная корреляционная связь между параметрами «Степень эмоциональности» и «Тип оценки» ($r = -0,562$): чем более эмоциональным является слово, тем более положительная выражаемая им оценка;

6) обратная корреляционная связь между параметрами «Возраст усвоения» и «Частотность» ($r = -0,394$).

Таким образом, мы видим, что корреляционные связи, выявленные у билингвальных респондентов, и корреляционные связи, выявленные у носителей русского языка как родного, совпадают. Показатели выявленных связей отличаются, однако незначительно.

В табл. 6 представлены описательные статистики оценки параметров с распределением по группам стимулов.

Анализ средних значений по данной таблице позволяет говорить о диминутивах как об единицах, которые билингвальные испытуемые оценивают как единицы со средней частотностью, как слова, которые употребляются скорее в разговоре с детьми (о детях), как не совсем эмоциональные слова, но близкие к ним, а также характеризующиеся скорее как нейтральные единицы, чем положительные. Кроме того, они являются словами, которые усваиваются в довольно раннем возрасте (от 3 до 5 лет), согласно ответам испытуемых. Таким образом, эти оценки также совпадают с оценками, данными диминутивам носителями русского языка как родного.

Анализ внутригрупповых различий с использованием критерия Краскела–Уоллиса показал, что отличия диминутивов от других групп лексики (нейтральные, положительные, отрицательные единицы) по всем параметрам совпадают с различиями, обнаруженными у носителей русского языка как родного.

В результате проведенного анкетирования мы можем сделать вывод об особенностях эмоционального компонента ментального лексикона билингвов и носителей русского языка как родного. Наличие статистически значимых корреляций выделенных параметров («Субъективная частотность», «Возраст усвоения», контекстуальная соотнесенность, «Тип оценки») свидетельствует о том, что эмоциональность действительно вступает во взаимодействие с данными психо-

лингвистическими характеристиками эмоциональных слов. Статистический анализ, направленный на сравнение диминутивов с тремя другими группами слов по указанным параметрам, также продемонстрировал их специфику.

Таким образом, данное исследование дополняет имеющиеся результаты, полученные на материале русского языка, свидетельствующие о взаимодействии эмоциональности с другими психолингвистическими факторами [38] и о влиянии контекстуальной соотнесенности на обработку эмоциональных слов [8; 34]. То есть, с одной стороны, общие закономерности, выявленные в предыдущих работах, находят подтверждение в настоящей статье, однако если предшествующие исследования рассматривали особенности взаимодействия категории эмоциональности со смежными психолингвистическими факторами в группе носителей одного языка – русского, то в данном случае фиксируется влияние фактора билингвизма на такое взаимодействие.

Особый тип исследуемого билингвизма – тюркско-русский, предопределяет, в свою очередь, новизну исследования по отношению к результатам, полученным ранее на материале других языков, свидетельствующих о влиянии типа билингвизма на обработку эмоциональной лексики [27–31]. Основываясь на этих данных, мы полагаем, что полученные нами результаты могут быть связаны главным образом с типом исследуемого билингвизма – естественный с доминированием второго языка. Участники нашего исследования используют второй язык ежедневно и повсеместно, в большинстве случаев чаще, чем первый, а также большая часть респондентов – ранние билингвы, т.е. они усвоили русский язык в довольно раннем возрасте. Этот факт обуславливает, во-первых, наличие корреляционных связей между эмоциональностью и смежными психолингвистическими категориями у билингвальных респондентов, что согласуется с имеющимися данными о том, что эмоциональные ассоциации устанавливаются, как правило, в детстве [30]. Во-вторых, как следствие, это объясняет схожесть результатов, полученных в группах носителей русского языка как родного и тюркско-русских билингвов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск : Наука, 1986. 230 с.
2. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. 255 с.
3. Kanske P., Kotz S.A. Concreteness in emotional words: ERP evidence from a hemifield study // *Brain Res.* 2007. № 1148. P. 138–148
4. Kousta S.-T., Vinson D.P., Vigliocco G. Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words // *Cognition.* 2007. № 112. P. 473–481.
5. Sheikh N.A., Titone D.A. Sensorimotor and linguistic information attenuate emotional word processing benefits: an eye-movement study // *Emotion.* 2013. № 13. P. 1107–1121.
6. Kuchinke L. et al. Pupillary responses during lexical decisions vary with word frequency but not emotional valence // *International Journal of Psychophysiology.* 2007. № 65 (2). P. 132–140.
7. Scott G.G., O'Donnell P.J., Leuthold H., Sereno S.C. Early emotion word processing: Evidence from event-related potentials // *Biological Psychology.* 2009. № 8 (1). P. 95–104.
8. Резанова З.И., Васильева А.В., Позовкина К.С., Хабибулина А.С. Когнитивная обработка русских экспрессивных единиц: гендерное своеобразие // *Вестник Томского государственного университета.* 2017. № 420. С. 74–81.
9. Менькова Н.В. Диминутивы как речевая неудача // *Верхневолжский филологический вестник.* 2018. № 4. С. 127–136.
10. Протасова Е.Ю. Овладение категорией свое-чужое в детской речи // *Теоретические проблемы функциональной грамматики : материалы Всерос. науч. конф. (СПб., 26–28 сентября 2001) / под ред. А.В. Бондарко. СПб., 2001. С. 238–245.*
11. Буряковская А.А., Звонарева Ю.Н. Гендерные особенности выражения оценки при помощи диминутивов и аугментативов // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки.* 2011. № 2. С. 448–454.
12. Gohier B., Senior C., Brittain P.J., Lounes N., El-Hage W., Law V., Phillips M.L., Surguladze S.A. Gender differences in the sensitivity to negative stimuli: Cross-modal affective priming // *European Psychiatry.* 2013. № 28. P. 74–80.

13. Vasa R.A. et al. Valence ratings of emotional and non-emotional words in children // *Personality and individual differences*. 2006. № 41 (6). P. 1169–1180.
14. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (2). P. 147–164.
15. Краткий словарь когнитивных терминов / общ. ред. Е.С. Кубрякова. М. : Филол. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
16. The bilingual mental lexicon: Interdisciplinary approaches / ed. by A. Pavlenko. *Multilingual Matters*, 2009. Т. 70.
17. An introduction to bilingualism: Principles and processes / ed. by J. Altarriba, R.R. Heredia. Routledge, 2018.
18. Costa A., Miozzo M., Caramazza A. Lexical selection in bilinguals: Do words in the bilingual's two lexicons compete for selection? // *Journal of Memory and Language*. 1999. Vol. 41 (3). P. 365–397.
19. Altarriba J. Does cari 'no equal 'liking'? A theoretical approach to conceptual nonequivalence between languages // *International Journal of Bilingualism*. 2003. Vol. 7, № 3. P. 305–322.
20. Anoshian L., Hertel P. Emotionality in free recall: Specificity in bilingual memory // *Cognition and Emotion*. 1994. Vol. 8, № 6. P. 503–514.
21. Drennan G., Levett A., Swartz L. Hidden dimensions of power and resistance in the translation process: A South African study // *Culture, Medicine, and Psychiatry*. 1991. Vol. 15. P. 361–381.
22. Pavlenko A. *Emotions and multilingualism*. Cambridge University Press, 2005. 304 p.
23. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 240 с.
24. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411 с.
25. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 218 с.
26. Ponari M. et al. Processing advantage for emotional words in bilingual speakers // *Emotion*. 2015. № 15 (5). P. 644–652. DOI: 10.1037/emo0000061
27. Altarriba J. Expressions of emotion as mediated by context // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (2). P. 165–167.
28. Dewaele J.M. The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals // *Journal of multilingual and multicultural development*. 2004. № 25 (2-3). P. 204–222.
29. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (2). P. 147–164.
30. Pavlenko A. Affective processing in bilingual speakers: disembodied cognition? // *International Journal of Psychology*. 2012. № 47 (6). P. 405–428.
31. Dewaele J.M., Pavlenko A. Emotion vocabulary in interlanguage // *Language learning*. 2002. № 52 (2). P. 263–322.
32. Kuperman V., Estes Z., Brysbaert M., Warriner A.B. Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2014. № 143 (3). P. 1065–1081.
33. Larsen R.J., Mercer K.A., Balota D.A., Strube M.J. Not all negative words slow down lexical decision and naming speed: Importance of word arousal // *Emotion (Washington D.C.)*. 2008. Vol. 8. P. 445–452.
34. Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Семантика диминутивных суффиксов в восприятии носителей русского языка: влияние контекстных и социальных факторов // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 421. С. 12–21.
35. Mendez-Bertolo C., Pozo M.A., Hinojosa J.A. Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data // *Neuroscience Letters*. 2011. № 494 (3). P. 250–254. DOI: 10.1016/j.neulet.2011.03.026
36. Zevin J.D., Seidenberg M.S. Age of acquisition effects in word reading and other tasks // *Journal of Memory and Language*. 2002. № 47 (1). P. 1–29. DOI: 10.1006/jmla.2001.2834
37. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М. : АСТ-Пресс Книга, 2008. 862 с.
38. Васильева А.В., Резанова З.И. Эмоциональность диминутива: соотношение с оценочностью, частотностью, возрастом усвоения, контекстуальной маркированностью // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. №. 445. С. 22–31.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 апреля 2020 г.

The Emotionality of the Diminutive in the Mental lexicon of the Russian Native Speaker and the Turkic-Russian Bilingual

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 12–20.

DOI: 10.17223/15617793/454/2

Alina V. Vasilyeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alvasilevaa@mail.ru

Keywords: Turkic-Russian bilingualism; mental lexicon; diminutive; emotionality; evaluation; age of acquisition.

The study is supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Grant No. 14.Y26.31.0014.

This article presents the results of a study on identifying the status of the emotional component in the structure of the mental lexicon of Turkic-Russian bilinguals and native speakers of Russian in relation to other psycholinguistic parameters, and the influence of these components on cognitive processing. The correlation of emotionality and such components as evaluation (correlated with the valence parameter), word frequency, age of acquisition, and contextual implementation is studied. The problem set in the study is solved with the help of the questionnaire method using the scaling technique (the seven-point Likert scale). During the experiments, the participants were asked to evaluate lexical units on a scale from 1 to 7 according to the following parameters: power of emotion (which, as the author believes, corresponds to the psycholinguistic parameter *arousal*); type of evaluation (correlated with the parameter *valence*); typical usage contexts: (a) the word is most often used in conversations about a child or an adult, (b) the word is most often used in conversations with a child or an adult; word frequency; age of acquisition of the word. The total number of the stimuli in the questionnaires is 371, of which 163 units are non-derivative words, 166 are diminutives formed from non-derivative words, and 42 are fillers—groups of words with positive and negative meanings. The study was conducted in three stages. The article presents the results of the last two and compares the results with each other. At the second stage, the participants were Russian native speakers aged 18 to 71. At the third stage, the participants were the Turkic-Russian bilinguals, aged 16 to 73, all the respondents called one of the Turkic languages (Shor, Khakass, Tatar) their native language. Using the nonparametric Spearman correlation coefficient of the STATISTICA software package, similar correlations of diminutive lexemes' emotional semantics with the selected psycholinguistically relevant parameters were revealed in comparison with other groups of emotional and neutral vocabulary in both groups of subjects. The analysis of the diminutives using the Kruskal–Wallis criterion for Russian native speakers and Turkic-Russian bilinguals showed that the diminutives significantly differ in all the studied parameters from other groups of emotional and neutral vocabulary. The analysis in the two groups of subjects allows suggesting that they both have similar sensitivity to the emotional and the related factors, and the differences within the groups are identical. The author believes that the obtained results may be related mainly to the type of the studied bilingualism—natural with the dominance of a second language. This fact determines the correlations between emotionality and the related psycholinguistic categories in the bilingual partici-

pants, which is consistent with the available data that emotional associations are usually established in childhood. It also explains similar data obtained in both groups of participants—Russian native speakers and Turkic-Russian bilinguals.

REFERENCES

- Luk'yanova, N.A. (1986) *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki* [Expressive Vocabulary of Colloquial Use: Problems of Semantics]. Novosibirsk: Nauka.
- Skovorodnikov, A.P. (1981) *Ekspressivnye sintaksicheskie konstruksii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Expressive Syntactic Constructions of the Modern Russian Standard Language]. Tomsk: Tomsk State University.
- Kanske, P. & Kotz, S.A. (2007) Concreteness in emotional words: ERP evidence from a hemifield study. *Brain Res.* 1148. pp. 138–148
- Kousta, S.-T., Vinson, D.P. & Vigliocco, G. (2007) Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words. *Cognition.* 112. pp. 473–481.
- Sheikh, N.A. & Titone, D.A. (2013) Sensorimotor and linguistic information attenuate emotional word processing benefits: an eye-movement study. *Emotion.* 13. pp. 1107–1121.
- Kuchinke, L. et al. (2007) Pupillary responses during lexical decisions vary with word frequency but not emotional valence. *International Journal of Psychophysiology.* 65 (2). pp. 132–140.
- Scott, G.G., O'Donnell, P.J., Leuthold, H. & Sereno, S.C. (2009) Early emotion word processing: Evidence from event-related potentials. *Biological Psychology.* 8 (1). pp. 95–104.
- Rezanova, Z.I., Vasil'eva, A.V., Pozovkina, K.S. & Khabibulina, A.S. (2017) Cognitive processing of an expressive word: gender specificity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 420. pp. 74–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/10
- Men'kova, N.V. (2018) Diminutives as Speech Failure. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhski Philological Bulletin.* 4. pp. 127–136. (In Russian).
- Protasova, E.Yu. (2001) [Mastering the Category of Friend or Foe in Children's Speech]. *Teoreticheskie problemy funkcional'noy grammatiki* [Theoretical Problems of Functional Grammar]. Conference Proceedings. St. Petersburg. 26–28 September 2001. St. Petersburg: Nauka. pp. 238–245. (In Russian).
- Buryakovskaya, A.A. & Zvonareva, Yu.N. (2011) Diminutives in the Male/Female Speech. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki.* 2. pp. 448–454.
- Gohier, B. et al. (2013) Gender differences in the sensitivity to negative stimuli: Cross-modal affective priming. *European Psychiatry.* 28. pp. 74–80.
- Vasa, R.A. et al. (2006) Valence ratings of emotional and non-emotional words in children. *Personality and Individual Differences.* 41 (6). pp. 1169–1180.
- Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition.* 11 (2). pp. 147–164.
- Kubryakova, E.S. (ed.) (1997) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University.
- Pavlenko, A. (ed.) (2009) *The Bilingual Mental Lexicon: Interdisciplinary Approaches.* Multilingual Matters.
- Altarriba, J. & Heredia, R.R. (ed.) (2018) *An Introduction to Bilingualism: Principles and Processes.* Routledge.
- Costa, A., Miozzo, M. & Caramazza, A. (1999) Lexical selection in bilinguals: Do words in the bilingual's two lexicons compete for selection? *Journal of Memory and Language.* 41 (3). pp. 365–397.
- Altarriba, J. (2003) Does cari 'no equal 'liking'? A theoretical approach to conceptual nonequivalence between languages. *International Journal of Bilingualism.* 7 (3). pp. 305–322.
- Anooshian, L. & Hertel, P. (1994) Emotionality in free recall: Specificity in bilingual memory. *Cognition and Emotion.* 8 (6). pp. 503–514.
- Drennan, G., Levett, A. & Swartz, L. (1991) Hidden dimensions of power and resistance in the translation process: A South African study. *Culture, Medicine, and Psychiatry.* 15. pp. 361–381.
- Pavlenko, A. (2005) *Emotions and Multilingualism.* Cambridge University Press.
- Zemskaya, E.A. (1979) *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Learning Problems]. Moscow: Flinta.
- Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Russkie slovari.
- Rezanova, Z.I. (1996) *Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya: Russkoe proizvodnoe imya* [The Functional Aspect of Word Formation: Russian Derivative Name]. Tomsk: Tomsk State University.
- Ponari, M. et al. (2015) Processing advantage for emotional words in bilingual speakers. *Emotion.* 15 (5). pp. 644–652. DOI: 10.1037/emo0000061
- Altarriba, J. (2008) Expressions of emotion as mediated by context. *Bilingualism: Language and Cognition.* 11 (2). pp. 165–167.
- Dewaele, J.M. (2004) The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals. *Journal of Multilingual and Multicultural Development.* 25 (2-3). pp. 204–222.
- Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition.* 11 (2). pp. 147–164.
- Pavlenko, A. (2012) Affective processing in bilingual speakers: disembodied cognition? *International Journal of Psychology.* 47 (6). pp. 405–428.
- Dewaele, J.M. & Pavlenko, A. (2002) Emotion vocabulary in interlanguage. *Language Learning.* 52 (2). pp. 263–322.
- Kuperman, V., Estes, Z., Brysbaert, M. & Warriner, A.B. (2014) Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition. *Journal of Experimental Psychology: General.* 143 (3). pp. 1065–1081.
- Larsen, R.J., Mercer, K.A., Balota, D.A. & Strube, M.J. (2008) Not all negative words slow down lexical decision and naming speed: Importance of word arousal. *Emotion* (Washington D.C.). 8. pp. 445–452.
- Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2017) Semantics of diminutive suffixes in the perception of native speakers of the Russian language: influence of contextual and social factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 421. pp. 12–21. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/2
- Mendez-Bertolo, C., Pozo, M.A. & Hinojosa, J.A. (2011) Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data. *Neuroscience Letters.* 494 (3). pp. 250–254. DOI: 10.1016/j.neulet.2011.03.026
- Zevin, J.D. & Seidenberg, M.S. (2002) Age of acquisition effects in word reading and other tasks. *Journal of Memory and Language.* 47 (1). pp. 1–29. DOI: 10.1006/jmla.2001.2834
- Babenko, L.G. (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy* [The Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns: An Ideographic Description. Synonyms Antonyms]. Moscow: AST-Press Kniga.
- Vasil'eva, A.V. & Rezanova, Z.I. (2019) Emotionality of the Diminutive: The Relation with the Evaluation, Frequency, Age of Acquisition, Contextual Correlation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 445. pp. 22–31. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/445/3

Received: 15 April 2020

УДК 821.161.1

Е.Ю. Куликова

«САМОУБИЙСТВО (ЗАПИСКИ ЭМОЦИОЛИСТА)» ВИТАЛИЯ РЯБИНИНА: ФУТУРИЗМ VS АКМЕИЗМ

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127

«Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Рассматривается стихотворение дальневосточного поэта Виталия Рябинина «Самоубийство (Записки эмоциолога)». Рябинин видится одновременно принадлежащим футуристическому и акмеистическому направлениям, продолжателем традиций как В. Маяковского, так и позднего Н. Гумилева с его «сюрреалистическими» образами и мотивами. Определенные метафоры, плотность мира, явленная в слове, позволяют говорить о разнообразии поэтических вкусов Рябинина, о его умении показать мир сложным, символическим и преображенным.

Ключевые слова: восточная эмиграция; Виталий Рябинин; Н. Гумилев; футуризм; акмеизм.

Виталий Рябинин – поэт, «предположительно, прибывший во Владивосток из Томска во второй половине 1918 г. как военный, бежавший... с остатками белой армии» [1. С. 56], может быть рассмотрен среди дальневосточных футуристов наряду с С. Третьяковым и Д. Бурлюком. Е. Кириллова в своих исследованиях описывает творчество Рябинина в рамках поэтики русского авангарда, обращает внимание на его «речетворческие эксперименты», следование «школе» В. Хлебникова, Д. Бурлюка и В. Маяковского (см.: [1–3]).

Однако стихотворение «Самоубийство», опубликованное в журнале «Юнь» в феврале 1921 г. вместе с текстами С. Третьякова, Д. Бурлюка, А. Несмелова, В. Силлова и других поэтов, привлекает к себе внимание не только футуристической направленностью, но и обращением к акмеистам, в частности, одноименному «Самоубийству» Н. Гумилева и его сюрреалистической балладе «У цыган».

«Самоубийство» В. Рябинина получило вторую премию на конкурсе стихов Литературно-художественного общества Дальнего Востока и имеет подзаголовок «Записки эмоциолога». Приведем полностью текст этого стихотворения (в современной орфографии), поскольку после 1921 г. стихотворение нигде не переиздавалось:

...Серая падаля расплавленных вихрей,
Ищущих выхода из черепной тюрьмы
Скоро ли стихнет?... Скоро ли стихнет?..
...Сердце к границам удары стремится...

...Сизая девушка с голубиными перьями
Вместо грающих углы бровей, –
Выдумывай новые смерти термины:
Вперед ли, назад ли, левой ли, правой...

...Пальмы качаются... Пароходная качка...
Уши сжирают мозгорожденный звон...
Глаз синева – синим небом испачкана...
Пальцы заблудившийся в походе взвод...

Плакать ли, слезы сквозь стены разбрасывая,
Ударить ли в всемирный, в все-мирный набат...
...Полно... – не шевелись... Все напрасно.
Видишь подыхает на брате брат...

Смерть... – бояться ли слова упругого,
Крепкого телом деревенского размазни,
Соленого и задорного, как мужицкая ругань,
Готовая сжечь, раздавить, раздражить...

Павлиньи перья мозг закутали,
Веерами хвостов прохладу даря...
Грудь запахнули шелковистые кудри...
...А если сдернуть листки календаря?!

Может, тогда дни посыплются,
И рабски прижмутся, упадут к ногам...
А сердце раздерется хрустальной ситца,
Ночь растоптав, расплюя, разругав...

...Нет, – неудачно... Снова – ошибка...
Ночь проживет и без солнца лучей.
...Снова стрекочет упрямо и шибко...
... – Хоть бы пробило сквозь грудь щель!..

... Вчера, когда я шел, смехом
Камни мощеных улиц дразня –
Не для того ли какой-то автомобиль проехал,
Чтобы только грязью забрызгать меня...

...Так что же делать, – вот раз непослушно
Рука отпадает нож искать,
Когда не хочешь, прильнув к подушке
Слышать удары молотков виска?..

Когда дыханье не может нарушить
Законы, написанные ненавистой рукой?..
Может, тогда и вправду лучше
Мускулы горла сдавить на покой?..

.....
Женщина пришла в мою спальню,
Женщина, желающая мускульных снов...
...Глаза еще видеть и знать не устали...
И видят и знают снова и снова...

.....
А как же пальмы и павлиньи перья,
Разве они не вернутся потом?..

.....
... Так вот – пока мускулы гимн не запели,
Мыслями вытоплю новый потоп...
И когда любовница, стыд размазав,
Торопясь и волнуясь раздирает лиф, –
Просверлить в голове не размышляя... сразу...
Мгновенную скважину – в небо лифт...

.....
[4. С. 4–5].

Четырехиктный дольник с элементами акцентного стиха, подчеркивающий рваный ритм сбивающихся ударов сердца, ассонансные, педалированно неточные, рифмы (*упругого – ругань, качка – испачкана, посыплотся – ситца* и т.д.), гиперболизированная метафоричность (например, «Павлиньи перья мозг закутали», «Просверлить в голове... мгновенную скважину») – все эти черты, казалось бы, говорят о том, что перед читателем настоящий футуристический текст, для которого характерны эксперименты с ритмом и вызывающая авангардная образность.

С другой стороны, перечисленные особенности не противоречат поэтике позднего Гумилева, и данный текст Рябинина не только в целом связан с гумилевским лексиком, но и отчетливо перекликается со стихотворением «У цыган», по мнению критиков и исследователей, одним из самых загадочных произведений поэта, в котором Гумилев «делает попытку... отрешиться от пространства и времени – преодолеть их, сделать “несколько снимков на одну пластинку»» [5. С. 289].

Надо отметить, что именно Гумилев стал любимым поэтом русских эмигрантов на Востоке, именно его творчество «...в представлении харбинских акмеистов... связывалось “с той стальной деловитостью, которой характеризуются хотя бы фигуры... дальневосточных деятелей – мореходов и землепроходцев”. В стихах Гумилева привлекало чувство уверенности в себе и в жизни, сила, широта и смелость порыва» [6]. В Китае «в конце 1920-х гг. возник кружок “Акмэ”, выпустивший свой сборник “Лестница в облака”, который открывается стихотворением, посвященным Гумилеву» [6], в 1937 г. поэтическим объединением «Пятница» был издан «Гумилевский сборник».

Почитателями Гумилева были А. Несмелов и В. Перелешин, «дальневосточный акмеист» В. Обухов и другие, А. Вертинский написал музыку на две «китайские» строфы стихотворения Гумилева «Я верил, я

думал»¹. В 1925 г. А. Ачаир в Харбине основал литературный кружок «Зеленая лампа», превратившийся в литературное объединение «Молодая Чураевка», члены которого чрезвычайно ценили творчество Гумилева. «Внутри» «Чураевки» Н. Петерек и Н. Щеголев создали «Круг поэтов», ориентированный на основанный Гумилевым «Цех поэтов», объявив своим идеалом «конквистадора» Гумилева. Молодой писатель Б. Юльский в своих рассказах-эссе поминал и самого Гумилева («Человек, который ушел» («Синяя бескозырка») из цикла «Зеленый легион») и откликнулся на сюжеты его произведений (ср. мотивы оборотничества в рассказах Юльского «Вторая смерть Шазы», «След лисицы» и «Возвращение г-жи Цай» и «преображение» человека в зверя в «Черном Дике», обретение зверем человеческих черт в «Лесном дьяволе» Гумилева).

Неудивительно, что владивостокский поэт Виталий Рябинин, продолжая традиции футуристов, вместе с тем отозвался и на лирику акмеиста Гумилева. В журнале «Юнь», на первых страницах которого можно прочитать вполне футуристические опыты Третьякова, Бурлюка и Несмелова, линия Гумилева, тем не менее, идет вторым значимым планом: это, во-первых, морская тематика («Морелюбы» Несмелова [4. С. 4]; «У грота плещется Нереея» Бурлюка [4. С. 4]); во-вторых, любимая Гумилевым бестиарная экзотика («Он был когда-нибудь бизоном, / И в джунглях, в вервях лиан / Дышал стремительным озоном, / Луной кровавой осиян» Несмелова [4. С. 3]; «Закат заогнил тигра пасть» Третьякова [4. С. 4]; «У нежности выросли крылья, / Клюв и когти орла» Силлова [4. С. 3]); в-третьих, свойственная Гумилеву балладность с фольклорным налетом («Где все наоборот» Несмелова [4. С. 14]); наконец, экфрасисная образность, которая проявляется, например, в «Андрее Рублеве» Гумилева, звучит в «Смеярышне» М. Скачкова, когда описание лица героини подобно портрету, сделанному рукой художника: «Бровей крылатых полеты в небо, / Взмахнувших бунтов жемчуга» [4. С. 3]. И, конечно, сам мотив глаз-жемчугов отсылает к знаменитому сборнику стихов Гумилева.

Заголовок «Самоубийства» Рябинина повторяет раннее стихотворение Гумилева 1907 г. из «Романтических цветов». Близость текстов остается в основном на уровне названия и минимальной мотивной переклички. Если в несколько символистском сюжете гумилевской баллады героиня пьет отравленное вино и падает «трепеща» на ковер, слыша «иные звуки», то лирический герой Рябинина представляет множество вариантов собственной гибели. В тексте поэта-дальневосточника нет «красивостей», четко очерченного балладного трагизма и т.д. Одно из его видений – «сизая девушка с голубиными перьями» [4. С. 4], отзвук гумилевских строк «На ковре она трепещет, / Слово белая голубка» [8. С. 92]. Именно эта девушка создает своего рода тезаурус смерти для лирического героя:

Выдумывай новые смерти термины:
Вперед ли, назад ли, левой ли, правой
[4. С. 4].

Интродукция, с которой начинается стихотворение Рябинина, – это характеристика разгоряченного мозга, жаждающего гибели:

Серая падаля расплавленных вихрей,
Ищущих выхода из черепной тюрьмы
Скоро ли стихнет?

[4. С. 4]

Мозг, сравниваемый с падалью, несомненно, отсылает к скандальному для второй половины XIX в. и уже ставшему классикой в веке Серебряном стихотворению Ш. Бодлера. Разнообразные образы смерти в тексте Рябинина апеллируют и к физиологическим описаниям Бодлера, неслучайно мысли и чувства видятся буквально изнутри: желание смерти рождается в «черепной коробке» – «тюрьме», как ее называет Рябинин, «сердце к границам удары стремится». Поэт смотрит внутрь себя и видит, что происходит с его мозгом и его сердцем, ушами, глазами, пальцами и грудью.

Подчеркнутая телесность описаний – чисто футуристическая черта, когда образ как будто перестает быть традиционно возвышенным, а превращается в вещь, пугающую читателя своей обнаженностью и откровенностью. «Поэт шел вслед за футуристами, слово у которых лишалось ореола сакральности и неприкосновенности, оно опредмечивалось, его можно было дробить, переиначивать, создавать новые комбинации морфологических и даже фонетических элементов» [1. С. 61].

Однако вещественность и предметность поэзии характерны не только для авангардистов, именно акмеисты захотели вернуть слово к его земной ипостаси, «опустить» его на землю, открыть его предметную сущность. Пространство у акмеистов обнаруживает себя посредством вещей, вещи дают ему меру и осязаемость, позволяют явственнее проследить те или иные динамические процессы. «Через мир вещей и через человека (последующий уровень творца вещей) пространство собирается как иерархизованная структура соподчиненных целому смыслов» [9. С. 242]. «Пространство приурочено к принятию вещей, оно восприимчиво и дает им себя, уступая вещам форму и предлагая им взамен свой порядок, свои правила простираения вещей в пространстве» [9. С. 279]. В творчестве акмеистов вещь нарочито акцентирована, выдвинута на первый план, заполненное вещами пространство акмеистов – это своего рода контрреплика, обращенная к символизму.

Одна из оживляемых Рябининым картин связана с экзотическим гумилевским топосом: «Пальмы качаются... Пароходная качка» [4. С. 4]. И внутри этого южного мира под ясными небесами лирический герой готовится к гибели:

Уши сжирают мозгорожденный звон...
Глаз синева – синим небом испачкана...
Пальцы заблудившийся в походе взвод

[4. С. 4].

Телесное страдание лирического «я» Рябинина отчасти напоминает историю духовного пути героя, описанную Гумилевым в «Пятистопных ямбах», где плавание по южным морям сменяется походом на войну и поиском покоя в монастыре на отдаленном острове, напоминающем место изгнания Наполеона. Только покоя (и мечты о нем) у Рябинина как раз нет, поиск смерти – это напряжение мышц и мускулов, клеток мозга и сосудов.

Ритм и сюрреалистическая образность «Самоубийства» Рябинина перекликается с гумилевской балладой «У цыган». Четырехиктный дольник, местами переходящий в акцентный стих, свойствен лирике позднего Гумилева².

Двойственность лирики Гумилева – сочетание «классической ясности» и сюрреалистического безумия («Заблудившийся трамвай», «У цыган» и некоторые другие стихотворения) происходит из его любви к французской поэзии во всех ее обертонах – и поэтов гармонии Ш. Леконта де Лиля и Т. Готье, и «темного», путаного и сложного А. Рембо, которого Андре Бретон называл «сюрреалистом в практике своей жизни и во всем прочем», поэта «сумасшедших», порой диссонирующих, как бы «вспененных» образов, тяготеющего «к созданию шокирующих, контрастных композиций, к соединению взаимоисключающих, разнородных образов» [10].

Гумилев умел сочетать в своих стихах эти два абсолютно противоположных и словно бы несовместимых начала. Он принял от французских символистов «безумные» метафоры и «смелые повороты мысли». И его последние стихотворения – свидетельство того, что авангард был им осмыслен и преобразован не только на уровне мотивики и образности, но и на уровне ритмическом. Из «безумия» Рембо Гумилев пришел к практически футуристическому мироощущению и, соответственно, элементам футуристической поэтики.

В балладе «У цыган» происходит наложение миров – современного и древнего, мира упорядоченного и хаотического, обыденного и мистического. На фоне происшествия в ресторане открывается «колдовская пляска жрицы перед тигром» [11. С. 275], и сила хищника меркнет перед красотой девушки, которая убивает его:

Хочет встать, не может... Кремень зубчатый,
Зубчатый кремень, как гортанный крик,
Под бархатной лапой, грозно подъятой,
В его крылатое сердце проник

[8. С. 334].

В стихотворении Рябинина именно «любовница» подтолкнет лирического героя к самоубийству. В начале текста это «девушка с голубиными перьями вместо... бровей», она «сизая» – воплощение смерти и женской красоты:

Павлиньи перья мозг закутали,
Веерами хвостов прохладу даря...
Грудь запахнули шелковистые кудри...

[4. С. 4].

В финале обозначение героини меняется: «Женщина пришла в мою спальню, / Женщина, желающая мускульных снов» [4. С. 5]. От «мускульных снов» лирическое «я» отстраняется, отталкивается почти с ненавистью и отвращением:

Пока мускулы гимн не запели
Мыслями вытоплю новый потоп
[4. С. 5].

И в последней строфе именно женский телесный порыв губит героя:

И когда любовница, стыд размазав,
Торопясь и волнуясь раздирает лиф, –
Просверлить в голове не размышляя... сразу...
Мгновенную скважину – в небо лифт...
[4. С. 5].

Девушка, напоминая гумилевскую балладную красавицу из «Самоубийства» и одновременно мистическую жрицу («У цыган») и, кроме того, блоковскую Незнакомку³ («шляпа с траурными перьями» [12. С. 186], «перья страуса склоненные / В моем качаются мозгу» [12. С. 186]), трансформируется у Рябинина в женщину, жаждущую физической страсти, и, наконец, в любовницу, срывающую с себя одежду. Почти романтический, безусловно, возвышенный образ практически на глазах читателя материализуется, символические детали (голубиные и павлиньи перья с веерами хвостов, шелковистые кудри) уходят, их сменяет воплощенная телесность, граничащая с грубостью, пугающей лирического героя (спальня, мускульные сны и пр.). Грудь, прикрытая шелковистыми кудрями, – символ молодости и красоты, воздушности и изящества, а разодранный любовницей лиф – это знак животной страсти, от которой отказывается герой, мечтающий о смерти. Его гибель словно возвращается к началу текста, где «смерти термины» в устах девушки звучали завораживающе и притягательно:

А как же пальмы и павлиньи перья,
Разве они не вернутся потом?
[4. С. 5].

Уход от романтико-символистской образности оборачивается для героя не только отчаянием и провалом, но и взлетом «в небо».

Возможно, мотив отказа от стыда («когда любовница, стыд размазав» [4]) у Рябинина связан с обществом «Долой стыд» (Москва, Петроград, Казань), в которое входил В.Р. Гольцшмидт – «футурист жизни», атлет и первый русский йог, пропагандировавший по всей России (в том числе в Тифлисе, Баку, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, Владивостоке) и даже добравшийся до Харбина и Японии, где его не приняли, здоровый образ жизни, физические упражнения и наготу (вместе с девушками из этого общества Гольцшмидт появлялся на улицах Москвы полностью обнаженным с плакатом «Долой стыд»)⁴.

Рифма «лифт / лиф» – конечно, отсылка к известному стихотворению В. Маяковского 1913 г. «Из улицы в улицу»:

Ванны.
Души.
Лифт.
Лиф души расстегнули.
Тело жгут руки.
Кричи, не кричи:
«Я не хотела!» –
резок
жгут
муки.
Ветер колючий
трубе
вырывает
дымчатой шерсти клок
[14. С. 11–12].

У Маяковского это внутренняя рифма, вариация симплоки, хотя и не вполне точная. «Лифт», стих из одного слова, не членится, но это же единственное слово и выступает как концевое (хотя и как начальное тоже). Но «лиф» в следующем стихе однозначно начальное слово, и их поглощающее созвучие (*лифт* – *лиф*) работает как симплока, т.е. контаминация эпифоры с анафорой (конечное звено повторяется в начале следующей цепочки). И вся эта зеркальность находится в окружении разноударных омографов: души-лиф-т-лиф-души. Выглядят стихи зеркально-анаграмматически (как в начале стихотворения: улица – лица – у дог-ов – год-ов – рез-че – че-рез), но с усложнением, потому что и звеньев больше, и ударения разнятся: дУши – души.

Маяковский и Рябинин превращают вещи в метафорические переживания чувств, и наоборот: лиф души переключается с душами и ваннами, а лифт у Рябинина сравнивается с выстрелом из револьвера, пробивающим в голове «мгновенную скважину». В лирике раннего Маяковского мотив «разрывания», «разрываемого» достаточно частотен: можно вспомнить хотя бы такую метафору, напоминающую пробитую голову поэта у Рябинина (вырванная с корнями из памяти нежность):

«Мысли в призыв»

А такая
нравится манера вам:
нежность
из памяти
вырвать с корнями,
головой скрутить орудием нервам
[14. С. 41].

Или эпизод из «Анафемы», когда лирический герой срывает с себя игрушечные латы – метафору защищенной души:

Ты
уронила только:
“В мягкой постели
он,
фрукты,
вино на ладони ночного столика».

Любовь!
Только в моем
воспаленном
мозгу была ты!
Глупой комедии остановите ход!
Смотрите –
срываю игрушки-латы
я,
величайший Дон-Кихот!

[14. С. 23–24].

У Рябинина любовница рвет на себе лиф, открываясь страсти, лирический герой, наоборот, отстраняется и уходит в метафорический сложный и мгновенный прыжок в смерть. А у Маяковского прием обнажения и разрыва чаще всего характерен для самого лирического героя-поэта: он остается нагим и беспомощным перед стихией страсти или стихией предательства (пошлости, мещанства и т.д.).

В балладе Гумилева «У цыган» героиня тоже претерпевает ряд метаморфоз, как и в «Самоубийстве» Рябинина. Сначала она появляется в роли жертвы – то ли в сцене насилия, то ли в облике жрицы на жертвенном столе:

Гортанный голос – жалобы девичьи
Из-под зажимающей рот руки
[8. С. 333].

Далее описание колеблется между эпизодами в ресторане («Девушка, что же ты? Ведь гость богатый» [8. С. 334]) и возле костра, где совершается ритуальный обряд:

Встань перед ним, как комета в ночи.
Сердце крылатое в груди косматой
Вырви, вырви сердце и растопчи.

Шире, все шире, кругами, кругами
Ходи, ходи и рукою мани,
Так пар вечерний плавает лугами,
Когда за лесом огни и огни

[8. С. 334].

И именно девушка-комета несет в своей руке «кремень зубчатый», ее страдание, которое служит началом «второй», «тайной» истории с бенгальским тигром и жертвами, преобразуется в смертоносное оружие. Жертва превращается в палача. А герой баллады двоятся в сюрреалистическом пространстве текста. «Гость в ярко-красном гусарском мундире (“Толстый, качался он как в дурмане, / Зубы блестели из-под хищных усов”) вызывает в памяти у наблюдателя ассоциативные переключки с бенгальским тигром (“Капли крови текут с усов колючих, / Томно ему, он сыт, он опьянел”). Создается впечатление, что гость – и военный, и тигр в одно и то же время. Гумилеву удается одновременно... удерживать оба эти плана в лирическом пространстве» [15. С. 104].

Герои стихотворений Гумилева и Рябинина существуют параллельно в двух пластах бытия: в мире обычном, пошлом и грязном, порой в самом буквальном смысле («Рухнул грудью, путая аксельбанты, / Уже ни пить, ни смотреть нельзя, / Засуетились офи-

цианты, / Пьяного гостя унося» [8. С. 334] – «У цыган» Гумилева и «какой-то автомобиль проехал, / Чтобы только грязью забрызгать меня» [4. С. 5] – «Самоубийство» Рябинина), и в мире мистическом (в балладе Гумилева), и в состоянии духовно-напряженном, наполненном страданием и мукой (у Рябинина).

Индикатором и символом этого сюрреалистического натяжения между мирами становится сердце – его удары, которые создают у обоих поэтов рваный ритм стихотворений, и объясняют в некоторой мере мозаику образов и мотивов, то наплывающих друг на друга, то расходящихся в противоположные стороны.

Несколько раз упоминается сердце в балладе «У цыган», причем в самых ключевых моментах – на пересечении миров и на границе со смертью. И у Рябинина сердце ведет повествование, переключая его из пространства быта в духовный мир, вырывая из томительной череды дней к возвышению и полету. Аллитеративно стук выдержан и в стихах Гумилева, и в стихах Рябинина: сочетание звуков «к» и «т», их постоянные повторы отражают часто и неровно стучащее сердце. «Отстукивание такта» чувствуется не только в балладе «У цыган», но и в «Самоубийстве», где неровные колебания дольника создают эффект аритмии:

... чубуком янтарным Злого сердца <i>отстукива-</i> <i>ющим такт?</i> ..	Сердце к границам удары <i>стремит</i> ...
--	---

1-2-4⁵ 2-1-2

Сердце крылатое в груди косматой	Сердце раздерется хру-
-------------------------------------	------------------------

2-3-1 3-3-1

Вырви, вырви сердце и растопчи...	Когда не хочешь, приль-
--------------------------------------	-------------------------

1-1-4 1-2-1

Зубчатый кремень, как гортанный крик	Слышать удары молот-
---	----------------------

2-2-1 1-3-1

Под бархатной лапой, грозно подъятой	«Самоубийство»
---	----------------

2-1-2

В его крылатое сердце проник...	
------------------------------------	--

1-2-2

«У цыган»

Аллитеративные повторы согласных отмеряют секунды жизни героев, только у Гумилева счет ведет рок: девушка-жрица одновременно видит и тигра, и гостя (то ли пьяного, то ли убитого), и это его сердце бешено стучит. Тигр-охотник «опьянел» от крови, от запаха «сладких, пахучих тел», подобно тому, как пьянеет в ресторане почти непохожий на него гусар. Точкой схождения двух планов является «алмазный струг» с таинственным героем, уплывающий к Творцу. Загадочный образ толкуется исследователями по-разному – как Люцифер [16. С. 61], Асмодей [11. С. 275], Соломон [15. С. 108]:

...кто помнит его в струге алмазном,
На убегающей к Творцу реке
Грозою ангелов и сладким соблазном,
С кровавой лилией в тонкой руке?

[8. С. 334].

В балладе Гумилева есть еще некое всевидящее лицо, ведущее повествование, – тот, кто смотрит в будущее и в прошлое, помнит времена падших ангелов, жертвоприношений и как будто присутствует в ресторане. Возможно, это поэт, наделенный даром менять души и смотреть сквозь века.

Лирический герой Рябинина – не рассказчик в широком смысле этого слова, он находится внутри своего тела, жаждет смерти, слышит и чувствует движение крови и биение своего сердца и погружается в череду сменяющих друг друга картин (каждая строфа отделена от другой строкой многоточий, что подчеркивает отдельность описаний):

– практически слышит «биение» мозга и удары сердца:

Серая падаля расплавленных вихрей,
Ищущих выхода из черепной тюрьмы
Скоро ли стихнет?
Сердце к границам удары стремится

[4. С. 4];

- видит «сизую девушку»;
- качается на пароходе, и качка напоминает биение сердца:
- видит апокалиптические картины («поддыхает на брате брат» [4. С. 4]);
- попадает в деревню – представляет крепкого грубого мужика, который может уничтожить все (аллегория революции);
- любит женской красотой («Павлиньи перья мозг закутали» [4. С. 4]);
- чувствует мелькание дней и ход времени («дни посыплются, / И рабски прижмутся, упадут к ногам» [4. С. 5]);
- погружается в ночное пространство;
- идет по улице, где его обрызгивает грязью автомобиль;

- ищет нож для самоубийства;
- представляет иной вариант гибели:

Когда дыханье не может нарушить
Законы, написанные ненавистной рукой?..
Может, тогда и вправду лучше
Мускулы горла сдавить на покой?

[4. С. 5];

- переживает свидание с женщиной;
- видит финал: в момент свидания стреляет себе в голову.

Это тоже одномоментность взгляда, охватывающего бытие, касающегося не только судьбы героя, но и всего мира. Здесь и намек на южные экзотические путешествия, и на русскую революцию – «бунт бессмысленный и беспощадный», и на стремительный бег времени, и на одиночество человека в огромном городе. Но все сводится к порыву, заданному изначально: «Сердце к границам удары стремится».

В стихотворении Виталия Рябинина создается своего рода целая мотивная сетка наподобие сосудов и капилляров, по которым движутся, тем самым согласовываясь между собой, остальные образы и мотивы. И так открывается футуристическая и одновременно акмеистическая направленность поэта. Определенные метафоры, плотность мира, явленная в слове, отклик на лирику позднего Гумилева – все это позволяет говорить о разнообразии поэтических вкусов Рябинина, о его умении показать мир сложным, символичным, странным и, главное, новым. Основной девиз футуризма «Слова на свободе», когда не литератор управляет формой своего произведения, а сами слова, можно увидеть и в «Самоубийстве» – тексте, ведущем автора «из черепной тюрьмы» на свободу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. об этом: [7].
- ² «Заблудившийся трамвай», «Ольга».
- ³ Как и у Блока, в стихотворении Гумилева «ресторанное» пространство.
- ⁴ См. об этом: [3. С. 272–274; 13].
- ⁵ Здесь и далее цифрами обозначены междуктоковые интервалы в каждом стихе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллова Е.О. Русская футуристическая поэзия на Дальнем Востоке 1917–1922 гг.: идейно-художественные искания, поэтические имена : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 258 с.
2. Кириллова Е.О. Поэтические направления на Дальнем Востоке в начале 1920-х гг. Модернизм и его художественные искания // Художественный текст: варианты интерпретации : в 2 ч. Бийск : РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. Ч. 1. С. 204–221.
3. Кириллова Е.О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Книга первая. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (поэтические имена, идейно-художественные искания). Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. 636 с.
4. Юнь. Литературно-художественный ежемесячник. Владивосток : Типо-литография Иосиф Короть, 1921. № 1. 27 с.
5. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М. : Воскресенье, 2001. 394 с.
6. Крейд В. Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001. 720 с.
7. Куликова Е.Ю. «Китайская акварель» Николая Гумилева, Валерия Перелешина и Александра Вертинского // Восточные чтения: Религии. Культуры. Литературы. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 120–125.
8. Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1988. 632 с.
9. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М. : Наука, 1983. С. 227–284.
10. Гарин И.И. «Проклятые поэты». URL: <https://www.proza.ru/2013/10/13/794> (дата обращения: 23.01.2020).
11. Слободнюк С.Л. «Идущие путями зла...». Дьяволы Серебряного века (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.) СПб. : Алетей, 1998. 427 с.
12. Блок А.А. Собрание соч. : в 8 т. Т. 2: Стихотворения и поэмы. М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1960. 466 с.
13. Пятигорское эхо. 1916. 2 июля.
14. Маяковский В.В. Полное собрание произведений : в 20 т. Т. 1: Стихотворения 1912–1923. М. : Наука, 2013. 614 с.

15. Паздников П.В. Мифопоэтические аспекты стихотворения Н. Гумилева «У цыган» // Гумилевские чтения : материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–16 апреля 2006 г.). СПб. : Изд-во СПбГУП, 2006. С. 104–109.
16. Малых В.С. Творчество Николая Гумилева: вузовский и школьный аспекты изучения. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2012. 100 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 апреля 2020 г.

“Suicide (Emotionalist’s Notes)” by Vitaliy Ryabinin: Futurism vs Acmeism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 21–27.

DOI: 10.17223/15617793/454/3

Elena Yu. Kulikova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kulis@mail.ru

Keywords: Eastern emigration; Vitaliy Ryabinin; Nikolay Gumilyov; Futurism; Acmeism.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00127

The article considers the poem “Suicide (Emotionalist’s notes)” by Vitaliy Ryabinin, a Far Eastern poet. It aims to show that Ryabinin simultaneously belongs to Futurism and Acmeism, that he is the successor of the traditions of both Vladimir Mayakovsky and the late Nikolay Gumilyov with his “surreal” images and motives. The methodological basis of the study is determined by the unity of the historical and literary, phenomenological, comparative and structural approaches. The material for the study was Ryabinin’s poem “Suicide (Emotionalist’s Notes)”, Mayakovsky’s lyrics, Gumilyov’s poem “Suicide” and the surreal ballad “With the Gypsies”. The article analyzes the Futurist and Acmeist “roots” of Ryabinin’s poetry. The title “Suicide” that Ryabinin uses repeats Gumilyov’s early poem of 1907 from the *Romantic Flowers* collection. The texts are close mainly at the level of the title and some motifs. If in the somewhat Symbolist plot of Gumilyov’s ballad the female character drinks poisoned wine and falls on the carpet “trembling” and hearing “different sounds”, Ryabinin’s character pictures many options for his own death. Ryabinin’s text is not “pretty”, it lacks the ballad-like tragedy. The rhythm and surreal imagery of Ryabinin’s “Suicide” echoes Gumilyov’s ballad “With the Gypsies”. The four-ictus dolnik, sometimes turning into an accentual verse, is characteristic of the late Gumilyov lyrics. The characters of Gumilyov’s and Ryabinin’s poems exist simultaneously in two layers of being: in the ordinary world, which is vulgar and dirty, sometimes in the most literal meaning, and in the mystical world (in Gumilyov’s ballad) and in the spiritually intense state filled with suffering and torment (in Ryabinin’s poem). The heart becomes an indicator and symbol of this surreal tension between the worlds. The heart beats, which create the “torn” rhythm of both poets’ poems and somehow explain the mosaic of images and motifs sometimes overlapping or diverging in opposite directions. The study has shown that, in his poem, Ryabinin creates a kind of a motif net, like vessels and capillaries, and other images and motives move along the net. This reveals the poet’s Futurist and Acmeist orientation. The objectified metaphors, the density of the world revealed in the word, allow speaking about the diversity of Ryabinin’s poetic tastes, about his ability to show the world as complex, symbolic, and transformed. The main motto of Futurism, “Words-in-Freedom”, when it is not authors who control the form of their works, but words themselves, can also be seen in “Suicide”—a text that leads the author “from the cranial prison” to freedom.

REFERENCES

1. Kirillova, E.O. (2007) *Russkaya futuristicheskaya poeziya na Dal'nem Vostoke 1917–1922 gg.: ideyno-khudozhestvennye iskaniya, poeticheskie imena* [Russian Futurist Poetry in the Far East in 1917–1922: Ideological and Artistic Searches, Poetic Names]. Philology Cand. Diss. Vladivostok.
2. Kirillova, E.O. (2005) [Poetic Directions in the Far East in the Early 1920s. Modernism and Its Artistic Quests]. *Khudozhestvennyy tekst: varianty interpretatsii: v 2 ch.* [Literary Text: Interpretation Options: In 2 Parts]. Conference Proceedings. Pt. 1. Biysk: Biysk State Pedagogical University. pp. 204–221. (In Russian).
3. Kirillova, E.O. (2011) *Dal'nevostochnaya gavan' russkogo futurizma* [The Far Eastern Harbor of Russian Futurism]. Book 1. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
4. *Yun' Literaturno-khudozhestvennyy ezhe mesyachnik* [Yun: A Monthly Journal of Literature and Art]. (1921) 1. Vladivostok: Tipo-litografiya Iosif Korot'
5. Gumilev, N.S. (2001) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: In 10 Vols]. Vol. 4. Moscow: Voskresen'ye.
6. Kreyd, V. (2001) *Russkaya poeziya Kitaya: Antologiya* [Russian Poetry of China: An Anthology]. Moscow: Vremya.
7. Kulikova, E.Yu. (2018) [“Chinese Watercolor” by Nikolay Gumilyov, Valery Pereleshin and Alexander Vertinsky]. *Vostochnye chteniya: Religii. Kul'tury. Literaturny*. [Oriental Readings: Religions. Culture. Literature]. Proceedings of the International Conference. Moscow: IWL RAS pp. 120–125.
8. Gumilev, N.S. (1988) *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and Poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
9. Toporov, V.N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and Text]. In: Tsiv'yan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Semantics and Structure]. Moscow: Nauka. pp. 227–284.
10. Garin, I.I. (2013) “Proklyatye poety” [“Cursed Poets”]. [Online] Available from: <https://www.proza.ru/2013/10/13/794>. (Accessed: 23.01.2020).
11. Slobodnyuk, S.L. (1998) “Idushchie putyami zla...” *D'yavoly Serebryanogo veka (drevniy gnostitsizm i russkaya literatura 1890–1930 gg.)* [“Walking the Ways of Evil . . .” Devils of the Silver Age (Ancient Gnosticism and Russian Literature of 1890s–1930s)]. St. Petersburg: Aleteya.
12. Blok, A.A. (1960) *Sobranie soch. : v 8 t.* [Collected Works: In 8 Vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit.
13. *Pyatigorskoe ekho*. (1916) 2 July.
14. Mayakovskiy, V.V. (2013) *Polnoe sobranie proizvedeniy: v 20 t.* [Complete Works: In 20 Vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
15. Pаздников, P.V. (2006) [Mythopoietic Aspects of N. Gumilyov’s Poem “With the Gypsies”]. *Gumilevskie chteniya* [Gumilyov Readings]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 14–16 April 2006. St. Petersburg: Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences. pp. 104–109. (In Russian).
16. Malых, V.S. (2012) *Tvorchestvo Nikolaya Gumileva: vuzovskiy i shkol'nyy aspekty izucheniya* [Works of Nikolay Gumilyov: University and School Aspects of Study]. Izhevsk: Udmurtia State University.

Received: 13 April 2020

В.А. Пржигоцкий

ПЕРВЫЙ ЦИКЛ РАССКАЗОВ Н.И. НАУМОВА «МИРНЫЕ СЦЕНЫ ВОЕННОГО БЫТА»

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Рассматривается цикл Н.И. Наумова «Мирные сцены военного быта», представляющий собой первую попытку осмысления писателем народной жизни в контексте идей петербургского кружка сибирского землячества. Исследуются механизмы, связывающие рассказы цикла в единое целое и помогающие автору выстроить многогранный образ сибиряка-солдата и Сибири как особого локуса. Выявляются формирующиеся в данном цикле жанровые и идейно-эстетические особенности творчества Наумова.

Ключевые слова: Н.И. Наумов; сибирская литература; повествование; цикл рассказов.

Имя Николая Ивановича Наумова прочно вошло в русскую литературу благодаря его рассказам и очеркам 1870–1880-х гг., демонстрировавшим пореформенную жизнь сибирских крестьян и рабочих. Они привлекали особое внимание современников (среди которых можно выделить основателей сибирского областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, а также критика А.М. Скабичевского) и более поздних исследователей (Г.В. Плеханова, С.Е. Кожевникова, Л.Г. Беспалову, И.Н. Кубикова, И.Г. Попова, Е.Г. Новикову и др.), вошли в пантеон народнической беллетристики (см.: [1–7] и др.).

Между тем в творчестве Наумова важное место занимает «солдатская» проза, с которой и началось его формирование как сибирского писателя. «Мирные сцены военного быта» являются не только одной из первых попыток (первый рассказ Н.И. Наумова «Случай из солдатской жизни» был опубликован в «Военном сборнике» за 1859 г., за два года до публикации «Мирных сцен...») погружения автора, прошедшего военную службу юнкером в сибирской линейной пехоте, в тематику солдатской жизни на сибирском материале, но и первым циклом в его творчестве. Однако научных работ о «Мирных сценах», в том числе о поэтике их циклизации, главной, на наш взгляд, проблеме в плане осмысления содержательности художественной формы цикла, нет. Этим определяется новизна предлагаемого исследования. Его актуальность обусловлена стремлением установить место цикла в общей картине творчества писателя, практически всю жизнь совмещавшего литературную деятельность с государственной службой, всматривавшегося в Сибирь то изнутри – из Сибири, то извне – из столичного Санкт-Петербурга. Целью нашей статьи является анализ первого цикла рассказов Наумова как лаборатории его повествовательных форм и как первого целостного выражения его мировоззрения начала 1860-х гг.

Прежде всего, отметим, что «Мирные сцены» написаны Наумовым по приезде из Сибири в Петербург, после выхода в отставку, обусловленного показательными внутренними и внешними причинами. Во-первых, имели место личностное созревание Наумова и осознание им ограниченности армейских условий для познания окружающей действительности и созидательной деятельности: «Я почувствовал скудость своих знаний, тяготился этим и кончил тем, что

вышел в отставку и поехал в Петербург, в университет» [8. С. 180].

Ценные сведения о стремлениях Наумова в этот период находим также в письмах и воспоминаниях близких людей. Из его переписки с отцом узнаем о тяге будущего писателя к наукам [9. Л. 13]. Осуществить свое намерение получить высшее образование ему помогли Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – будущие лидеры сибирского областничества. Как отмечает в своих воспоминаниях Г.Н. Потанин, он и его соратник Н.М. Ядринцев, который был знаком с Наумовым с детства (они вместе учились в Томской гимназии), активно способствовали приезду Наумова в Петербург, его поступлению в университет, вхождению в круг их идей и в петербургское литературное сообщество [10. Т. 6. 1983. С. 116; Т. 7. 1986. С. 128–129]. Так, в дошедшем до нас письме Потанин пишет: «...горячая любовь к науке, которой нельзя не верить, прочитав Ваше письмо, одна достаточна заменить все прочее, что необходимо для успеха... <...> Мне кажется, важнейшие из других условий – это быть приготовленным нравственно, т.е. иметь убеждение, что ищешь и желаешь науки только для того, чтобы служить науке и человечеству, а не делать из нее впоследствии только ремесла для своего пропитания. А кто имеет непреодолимое влечение к науке, какое же тому нужно еще приготовление? <...> В этом нет никакого сомнения, что Вы будете полезнее на сцене более высокой, чем линейная служба... Приезжайте сюда, и Ваша благородная любовь не останется без братского отзыва и сочувствия» [11. С. 36].

К приезду Наумова в Петербурге сложился и активно функционировал кружок сибирского землячества, куда помимо Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева входили такие видные деятели, как Н.С. Щукин, И.А. Худяков и др. На его заседаниях обсуждались новые книги и журнальные статьи, важнейшие события университетской жизни, студенческие волнения, ход подготовки крестьянской реформы, а также перспективы Сибири [12. С. 133].

В то же время кружок был тесно вплетен в революционно-демократическое движение шестидесятиничества, разворачивающееся на фоне экономического, социального и политического кризиса, а также начавшихся реформ Александра II. В литературном поле эти процессы во многом обуславливают появление и популяризацию идей Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена, которые еще в

армии увлекли Наумова [10. С. 180] и которые наряду с концепциями Н.И. Костомарова и А.П. Щапова лягут в основу формирующегося сибирского областничества.

Приехав в северную столицу в 1861 г., Н.И. Наумов оказался в среде, благоприятной для его формирования как писателя и как гражданина. В подтверждение этого обратимся к словам Г.Н. Потанина: «Внутренняя политика изменилась к лучшему; появилась надежда на некоторый простор в сфере общественной деятельности; расширились права для частной инициативы, и человек с даже скромными силами получил надежду найти сферу для своей деятельности. Люди почувствовали себя с расправленными членами, общество рванулось к деятельности, кто к чему чувствовал себя способным» [10. Т. 7. 1986. С. 128]. Для Наумова той сферой, где он мог реализовать свои способности и направить их на пользу общему делу – служению Сибири, стало литературное творчество, к которому его активно подталкивали Потанин и Ядринцев, видевшие в нем будущего большого сибирского писателя в том смысле, в каком они это понимали (см.: [13]). Богатый материал для этого ему дала военная служба в Омске и Томске.

Чрезвычайно показательно, что рассматриваемые в данной статье рассказы были опубликованы писателем как цикл. Примечательны дата и место его публикации: 1861–1862 гг., «учено-литературный» журнал «Светоч». Его редактором был Александр Петрович Миллюков, с которым Наумов познакомился в Петербурге и которым был зван на «вечера», по воспоминаниям Потанина, многолюдные и оживлявшиеся «горячими диспутами, например, Антоновича с Достоевским» [10. Т. 7. 1986. С. 131]. Вхождение в общество писателей расширило круг литературных знакомств Наумова: так, Ядринцев вспоминает «...восторженные рассказы по возвращении с вечеров, где он (Наумов. – В.П.) видел и такого-то писателя, и такую-то знаменитость» [10. Т. 4. 1979. С. 308].

Обратимся к анализу цикла, который принес Наумову, по словам Потанина, титул «второго после Погосского (Известный писатель солдатской прозы, издатель журналов «Солдатская беседа», «Народная беседа», «Досуг и дело», в которых публиковался и Н.И. Наумов.) рассказчика из солдатского быта» [10. Т. 7. 1986. С. 130–131]. Прежде всего обозначим вопрос о самом понятии «цикл». Утвердившееся в отечественном литературоведении только в XX в. понятие литературного цикла до сих пор не имеет единого толкования и единого подхода к изучению. Особенно это касается прозаического цикла, место которого в системе жанров до сих пор не определено [14. С. 475]. Наиболее плодотворной, на наш взгляд, является точка зрения М.Н. Дарвина и В.И. Тюпы, согласно которой цикл следует рассматривать как наджанровое (или сверхжанровое) образование. В этом ключе принципиальным является вопрос взаимодействия части (отдельного произведения) и целого (цикла). При этом, как отмечают ученые, «в циклической художественной форме важна... не столько подчиненность части целому... сколько сама эта связь частей» [15. С. 30]. Такую связь исследователи сближают с

«монтажной композицией» С.М. Эйзенштейна, согласно которой «два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединятся в новое представление, возникающее из того сопоставления как новое качество» (цит. по: [15. С. 31]). С одной стороны, это означает, что значение цикла превышает сумму значений составляющих его элементов, взаимное расположение которых, их внутренние смысловые связи формируют авторскую картину мира. С другой стороны, это позволяет анализировать и составные части как относительно самостоятельные. Кроме того, большое значение для нас имеют выявленные М.Н. Дарвином и В.И. Тюпой на материале прозы А.С. Пушкина, а также его журнала «Современник» ключевые принципы циклизации – интегративность и конвергентное сознание. Первая, по мнению исследователей, выражается в «предельной сращенности отдельных произведений друг с другом, единстве и целостности возникающей в рамках цикла художественной картины мира» [15. С. 282]. Конвергентное сознание же, в отличие от дивергентного (уединенного), характеризуется открытостью, диалогом с миром, признанием ценности Другого.

Исходя из вышесказанного в первую очередь поставим вопрос именно о целостности «Мирных сцен» Н.И. Наумова, о механизмах «сцепления» рассказов, входящих в этот цикл. Позволяющие быть прочитанными как самостоятельные, эти произведения объединены автором общим названием, общей тематикой и проблематикой, системой героев, рассказчиков, авторской позицией, хронотопом, они выстроены в определенную последовательность, композицию, откуда вытекает последовательное наращивание логики и смысла целого.

Так, название «Мирные сцены военного быта» отражает и конкретизирует авторский замысел: показать различные стороны («сцены») повседневной («мирной») жизни солдата-сибиряка, продолжив и укрупнив художественные поиски, начатые в литературном дебюте писателя – рассказе «Случай из солдатской жизни». Автор цикла проявляет себя и в масштабе тем и проблем, раскрываемых на выбранном материале.

Важнейшую циклообразующую роль в «Мирных сценах» играет, в частности, идея общины, выдвинутая в центр русской общественной мысли в середине XIX в., ставшая одним из оснований областной идеологии, она будет определять очень многое и в дальнейшем творчестве Наумова, в его представлениях о сибиряках, о русском народе в целом, что скажется и на его отношении к своим служебным обязанностям, связанным, прежде всего, с нуждами русского крестьянства. Герои цикла, повествователи и рассказчики, объединенные своим социально-экономическим положением, несущие в себе общие, соответствующие этому положению, вытекающие из него традиции, мировоззренческие и культурные особенности. И прежде всего Наумов подчеркивает, что, несмотря на трансформации в их сознании, вызванные продолжительным отрывом от привычной жизни и деятельности, солдаты (и их жены), оказавшись в условиях казарменного быта, живут по законам солдатской артели, близким к устоям деревенской общины (внутреннее самоуправление при наличии управ-

ления официального, коллективистские принципы жизни и т.д.).

Эта «артельность» обуславливает тип героя, оказавшегося в центре всех рассказов и цикла в целом – сибирский крестьянин или горожанин (мещанин), не по своей воле сменивший привычный труд на военную службу. Обратим внимание на то, что герои нередко так и называются повествователями или рассказчиками артельщиками. Композиция цикла нацелена на то, чтобы раскрыть перед читателем разные стороны (облики) этого типа героя, во-первых, сквозь призму его «военного быта» мирного времени, во-вторых, голосами разных рассказчиков, повествователей, и создать картину народной жизни в Сибири, стремящуюся к эпической целостности.

Уже в первом рассказе цикла «Ротный праздник» написанном от третьего лица, представлен общий портрет солдата-сибиряка, главного героя цикла. Слово повествователя здесь преимущественно изображающее, но и изображенное, т.е. дающее возможность читателю сформировать отношение и к событиям, и к их участникам, и к тому, кто о них рассказывает. Следующий рассказ «Караул в остроге» вводит в цикл образы караульных солдат, и от лица одного из них излагается сцена в острожной «кордегардии», участниками которой являются молодая арестантка и ее мать. Во всех остальных рассказах: «Ротная школа», «Солдатский досуг», «Гулянье» и «Кумушки-солдатки» – рассказ вновь ведется повествователем, как бы наблюдающим со стороны за солдатами в ротной школе, в казарме, на берегу Иртыша, а также за их женами в домашней обстановке. Его слово при этом дополняется и даже отстраняется на второй план голосами героев-рассказчиков. Таким образом, внутри цикла возникает система разных точек зрения и, соответственно, несколько версий «мирной жизни» сибиряка-солдата, вступающих в диалог, задуманный биографическим автором цикла и поддерживающий его целостность.

Каждый рассказ, как правило, начинается с описания места и времени действия. Наиболее подробно оно представлено в первом рассказе «Ротный праздник», который открывается детальной и многоступенчатой зарисовкой, демонстрирующей различные материальные и нематериальные аспекты солдатской жизни. В начале рассказа читателю представляется «куча солдат», которые сообща наводят порядок в казарме. Все они – «с засученными рукавами до локтей и панталонами до колен, в поту и грязи». В казарме рядами установлены одинаковые для всех нары, солдаты причесываются перед общим зеркалом общей гребенкой, не стесняясь друг друга, совершают утренний туалет, переодеваются и т.д. Повседневная, однообразная и тяжелая рутинная жизнь оттеняется описанием отмечаемого в роте «Никола Весеннего», церковного праздника перенесения мощей святителя Николая Чудотворца, который считается в народном календаре важной датой, когда крестьяне обращались к святителю с просьбами уберечь урожай, скот, когда в честь Николая Весеннего устраивали пиры (братчины). В завязке рассказа, представляющей подготовку к празднику, читатель знакомится с характером и особенностями пригото-

вления праздничной солдатской братчины, предпраздничными занятиями и ожиданиями героев.

Это описание встраивается в проблемное поле и идейный замысел автора – показать исконное народное сознание. В сцене празднования подчеркивается, что оно удовлетворяет самые главные для человека мировоззренческие желания изобилия, свободы, равенства и братства: «Еще за месяц между ними (солдатами. – В.П.) начинались толки и предположения насчет обеда: говорили, что вероятно кроме щей будет и жаркое, видимое всего раз или два в год, а может напекут и булок, причем между некоторыми из более опытных возникали споры: может ли еще печь булки недавно выбранный хлебопек» [16. 1861. Кн. 11. С. 83]. Обращают на себя внимание и другие детали, свидетельствующие о генетической памяти сибирских солдат-крестьян об их истинных ценностях. Например, солдаты принимают активное участие в приготовлении праздничного хлеба и булок: со знанием дела они жуют, мнут между пальцами муку, определяя ее качество, советуют хлебопеку, как делать опару, как смазывать булки сметаной, купленной на рынке, и т.д. Праздничный обед в роте, во время которого было много выпито и съедено, заканчивается общей «стройной проголосной песней»: «Любо слушать эту широкую, надрывную песню, каждая нота ее хватает за сердце и не оторванного от родной избы солдата», и следующей за ней «разгульной». На празднике воцаряется атмосфера единства и родства: ротный весельчак Ножка учит играть на балалайке скрипача Голейку, а к концу вечера Голейка неистово подыгрывает Ножке на своей «березовой» скрипке; спорившие в начале пира о своем превосходстве с «российцами», «господскими», сибиряки, угощают их табаком [16. 1861. Кн. 11. С. 94–95]. Торжество, по заключению повествователя, оставило воспоминания «о минутном разгуле» и «неясные надежды и ожидания в будущем», чувства, по терминологии М.М. Бахтина, амбивалентные, соответствующие народному карнавалному сознанию.

Характерно и то, что истинное, религиозное, значение праздника не находит в героях рассказа отклика, да и как важная дата народного календаря Никола Весенний тоже не воспринимается ими, что также передается красноречивыми деталями: ротный образ с вычищенной к празднику медной лампадой находится в «койке», куда солдатам вход воспрещен, причем икона размещена в окружении портретов ефрейторов разных отделений, выполненных «домашними художниками», и «литографированных женских головок».

В рассказе «Караул в остроге» действие разворачивается осенним дождливым утром в «тесной каменной кордегардии, с узким окном, загороженным толстой железной решеткой», под «беспрерывный звон цепей проходивших колодников», с которым в повествование входит тема арестантов [16. 1861. Кн. 11. С. 97]. С ними солдаты-сибиряки сталкивались практически ежедневно и раньше, до поступления на службу. Как и раньше, они исходят в своих отношениях к колодникам из принципов солидарности с угнетенными и сострадания к ним. «Ротная школа» открывается описанием морозного зимнего

вечера, звездного неба, выплывшего из-за горизонта месяца, «окаймленного широким радужным кругом», которому противопоставлен интерьер ротной школы, отличающийся от казармы лишь четырьмя столами со скамьями и черной доской. «По стенам висели таблицы взаимного обучения по методу Ланкастера» [16. 1861. Кн. 12. С. 165–166].

В «Солдатском досуге» действие вновь переносится в казарму [16. 1861. Кн. 12. С. 173–174]. Оттенья эту картину, рассказ «Гулянье» открывается прекрасным пейзажем теплой июльской лунной ночи, под «звонкую трескотню кузнечиков... обливающей серебристым полусветом широкое поле... густо разросшиеся кусты берез и черемух», скрывающих бараки [16. 1862. Кн. 6. С. 5]. Все события происходят на Иртыше. Последний рассказ «Кумушки-солдатки» вновь переносит героев и читателей в тесную комнату, расположенную в подвале двухэтажного покосившегося на сторону дома, где живут солдатские жены [16. 1862. Кн. 6. С. 15–16].

Таким образом, уже в экспозиции всех рассказов вводится их главная тема – повседневная жизнь сибирских крестьян, находящихся на армейской службе. Вполне очевидно здесь изображение попытки солдат устроить ее по принципам общины, невзирая на противоположные ей законы армейской службы. Столь же очевидна позиция повествователя, единая для всех историй. Она заключается в пристальном наблюдении за обстоятельствами, в которых находятся его герои, и за поведением сибирских крестьян, призванных в этих чуждых для них обстоятельствах жить и нести военную службу. Кроме артельности и верности традициям народной жизни, о которой речь шла выше, повествователь настойчиво подчеркивает в сибиряках внутреннюю свободу. В «Ротном празднике» солдат по имени Михеич объясняет превосходство сибиряков над «россиянами» тем, что последние – «господские». С этим он связывает и то, что «россияны... хлеб с соломой» едят и «солдатчина» им в радость: «хоща хлеба-то вдоволь едите... чего ты думаешь, не знают вашей жизни что-ли: ведь ты господский? ...И чего вы это кочевряжитесь, право, – продолжает он свое рассуждение, – Россия, да Россия, а избы-то бы посмотрели, выходит, почитай, конюшни нашенские». Окружающие Михеича его охотно поддерживают: «...да какое уж там житье, коли не свое все, а барское» [16. 1861. Кн. 11. С. 86].

С этим связано и акцентирование в солдатско-сибиряке душевной отзывчивости, чувства сострадания и взаимопомощи. Вместе с тем рассказ «Ротная школа» дополняет этот портрет сибиряка доказательством «от противного»: в центре повествования находится образ ефрейтора Сомова, «сапожника и ротного пригонщика амуниции, слывшего за богача и скупца первой руки», которого никто в роте не любил. Перед читателем предстает своего рода антиидеал сибиряка. Сомова сослуживцы называли «скалдырником». Его не любили за жадность, скупость и «тяжелый неподатливый характер». Сомову в рассказе противопоставлен Кузьма Остолопов, отличающийся веселым характером и добротой и приобретший «общую любовь товарищей». В его портрете повествователем

отмечены «открытая физиономия, постоянно оживляемая улыбкой, голубые смеющиеся глаза, заставляющие невольно улыбнуться каждого». И главной чертой Кузьмы было соучастие, умение отвлечь от печали и тоски.

В связи с этим весьма показательна тема службы, также играющая циклообразующую роль в «Мирных сценах...». Так, в «Ротном празднике» мы видим солдат, даже в праздничный день живущих в соответствии со строгим режимом и правилами поведения. В рассказе «Гулянье» солдат поднимают посреди ночи, но не по военной тревоге, а потому что командирам, устроившим гулянку, понадобилось наловить рыбы в Иртыше. В «Ротной школе» солдаты по приказу обязаны отправляться после службы на занятия в школу и т.д. При этом строгие порядки и приказы почти во всех рассказах цикла обсуждаются солдатами, а также низшими чинами их начальства. В рассказе «Ротная школа» солдаты обсуждают друг с другом плохую организацию занятий в школе и даже высказывают вслух нежелание учиться в таких условиях. Герои из «Солдатского досуга», от наблюдательности которых, замечает повествователь, «редко скрываются злоупотребления», любят «полиберальничать в кругу друзей, перетолковывая действия фельдфебеля», правда, такие разговоры ведутся «только тогда, когда хорошо уверены друг в друге». Фельдфебель и дежурный в «Гулянье» наряду с солдатами недовольны приказом о ночной рыбалке, полученным от командиров. «Да куда ж гулять, на ночь-то глядя», – недоумевает дежурный, на что фельдфебель говорит, что его самого разбудили в неурочный час без причины [16. 1862. Кн. 6. С. 6]. Приказание фельдфебеля из рассказа «Ротный праздник» «не куролесить» на братчине солдаты выслушивают молчаливо, про себя уже зная, что этот бессмысленный, в их представлении, приказ выполняться ими не будет (к вечеру, в отсутствие командиров, в разгар празднования жизнь в казарме действительно течет в соответствии с желаниями, привычками, личными решениями солдат). С большим, едва сдерживаемым неудовольствием, о котором солдаты говорят друг другу уже вслух, они у накрытых столов ожидают прибытия командира, без поздравления которого не разрешается приступить к праздничной трапезе: «Да, вот бы, значит, мой обычай, проздравь роту да и допусти ее до закусок... а то нет – уедут еще да и жди». Рядом солдаты разговаривают о предстоящих смотрах, когда солдату приходится «и хватать, и мыть, и шить, и все», и возмущаются несправдливостью «порядков»: «...эх, порядки, порядки, а опосля как неисправность, значит, какая, так и зыскивают с солдата» [16. 1861. Кн. 11. С. 91].

Распоряжения и установленные правила могут с легкостью нарушаться военнотружущими. Например, прапорщик Крутиков разрешает неположное свидание в остроге, слегка «поворачив» на просящую о встрече мать арестантки («Караул в остроге»). Муж Федосьи Кузьминичны (рассказ «Кумушки-солдатки»), конвойный солдат, сопровождая «крепостного арестанта», зашел вместе с ним в «непотребный дом, да и напились тамо-ка», за что конвойного отправили на гауптвахту, откуда его «вызволила

жена». Нарушителям-солдатам противопоставлен другой ряд. В рассказе «Ротная школа» подпоручик постоянно и безнаказанно пропускает занятия с солдатами, в «Гулянье» командиры отдают приказ, не имеющий никакого отношения к служебным обязанностям подчиненных». Обычным делом считаются оскорбления солдат со стороны высшего по званию, нередко к солдатам применяются и телесные наказания.

Показательно, что, в отличие от высшего командования (дворянского происхождения), отношения между солдатами и низшими чинами военного начальства почти родственные. Так, прапорщик Крутиков, заметив внутреннюю тоску героя-повествователя, «лечит» его душу чаем и душевным разговором за самоваром. Повар Федоска «искусно проникает в семейную жизнь фельдфебеля и даже командира роты» («Солдатский досуг»). В «Ротном празднике» солдаты пропускают мимо ушей грозные предостережения фельдфебеля «беречь зубы да спину», если они позволят себе выпить лишнего – они знают, что фельдфебель грозит им по «долгу службы». Более того, ситуация на Иртыше («Гулянье») показывает, что солдаты могут обходиться без начальства, без их приказов и правил, в нужную минуту самостоятельно принимая единственно правильные решения. В опасной ситуации все руководство над «неводчиками» взял на себя солдат Иванов.

Вышедшие из крестьянской среды солдаты в своей ежедневной жизни чаще всего руководствуются другими, не установленными для них начальством, а понятными им, впитанными с молоком матери правилами и принципами. Например, несмотря на оторванность от прежней жизни, для солдата все также чрезвычайно важна жизнь природы, он всегда, практически на бессознательном уровне наблюдает за ней, обращает внимание на приметы, предвещающие изменения в природном мире: «Нет, дождя-то не можно ждать! – опровергали иные. – А ветер-то, оно пожалуй, что будет: вишь, значит, кабы в тучу солнце-то село, так это к дождю, а коли в красное облако, так к ветру» [16. 1861. Кн. 11. С. 87]. Подобным предсказанием погоды открывается рассказ «Ротная школа»: «Ну будет мороз, братцы, ишь, месяц рукавицы надел» [16. 1861. Кн. 12. С. 165].

Особую роль в развертывании художественного мира и раскрытии образов героев играет пространство сибирской природы. В рассказах «Мирных сцен» очевиден дуализм в его изображении. Большинство событий происходит, как было сказано выше, в казарме, кордегардии, подвальной комнате. При этом сибирское природное пространство неизменно присутствует во всех рассказах и в той или иной степени взаимодействует с героями, влияет на развитие сюжета. Как правило, Сибирь представлена мотивами ненастья, холода, мокрого снега, тоскливо завывающего ветра, которыми может быть отмечен как осенний, так и весенний пейзаж. Интересно, что это практически не влияет на настроение героя-сибиряка и воспринимается им как норма. Например, в «Ротном празднике» хмурая погода в день торжества не мешает солдатам с воодушевлением готовиться к празднику. Осенняя, дождливая погода обозначена и в «Карауле в остро-

ге», подчеркивая общую атмосферу, создаваемую бытовыми зарисовками и сюжетом. Примечательно в этом рассказе и упоминание Амура в качестве далекого места ссылки, трагическим образом повлиявшего на судьбу персонажей. В «Гулянье», несмотря на «теплую июльскую ночь», природа вновь выступает угрозой человеку: этой семантикой наполнен образ реки Иртыш.

Однако солдаты знают, как себя вести в подобных природных условиях, знают о своих «помощниках» в противостоянии суровой и непреклонной природе (здесь на равных выступают и православные, и языческие народные верования). В целом, так или иначе, сибирская природа и сибиряки органично «сочетаются» в своих характерах и дополняют друг друга. Кроме того, мотив противоборства человека и природы отражает противоречивое отношение писателя к сибирскому краю.

С таким же полным доверием, как к природным приметам, относятся солдаты и к верованиям и знаниям, переданным им предками. В частности, для героев очень важны приметы, предвещающие определенные события, пространство и время для них всегда отмечено особой семантикой, которой их испокон веков наделяет народное сознание. Так, храбрый сослуживец Федоски решается пойти спать в баню только после уверения, что там «уже спит один»: «Ведь знамо, баня, какая она ни на есть, все-таки баня; ночью идти, хоть кого страх возьмет» [16. 1861. Кн. 12. С. 179]. В «Гулянье» солдаты говорят о реке как о пространстве нечистой силы, доказательством тому им служит «слово стариков» («Да уж старики говорят, так, знамо, правда») и собственный опыт. Особенно опасен, по словам одного из солдат, Иртыш, в который, не перекрестившись, и входить нельзя, «так в воду и утянет». Солдат Иванов убеждает всех в том, что наравне с крестом от беды может спасти родительское благословение [16. 1862. Кн. 6. С. 9–10]. Героиня рассказа «Кумушки-солдатки» связывает беду, приключившуюся с ее мужем, строевым солдатом, исключительно с событием, то ли увиденным накануне во сне, то ли реально произошедшим: кто-то «с козлиной поступью» приходил душить ее ночью и в ответ на ее вопрос, к добру это или к худу, ответил: «К ху-у-ду» [16. 1862. Кн. 6. С. 23–24].

Другими словами, главным принципом организации художественного времени в цикле является передача связи прошлого (вечного, исконного) и настоящего, выражающейся через мировоззрение героев и сами нарративные акты, что, безусловно, отсылает к архаической народной, крестьянской культуре, сохранившейся в сибиряке и Сибири практически в первоизданном виде. Традиции, верования, приметы, народные представления о жизни и смерти, природе и человеке, их отношениях имеют важнейшее значение для жизни героев в настоящем, реализуясь на бессознательном уровне.

Откровенное обсуждение «обыденных вопросов жизни, новостей и случаев» среди «своих» порождает, очевидно, новеллистическое и даже анекдотическое начало повествования. Рассказы, как правило, состоят из коротких, нередко смешных историй, изложенных

свидетелями произошедшего. Вместе с тем в нарративе очевидна кодификация бытового поведения, сближающая анекдот с быличкой, сказкой, легендой, преданием. Солдаты с нетерпением ждут рассказов тех, кто умеет эти два начала соединить: рассказчики считаются авторитетными, если, умея «складно говорить», они больше других «видели и слышали», если же рассказчик – человек грамотный, да еще сошлется на печатное слово, ему верят безоговорочно, он становится «кумиром своего кружка». Таким кумиром «слыш ротный повар Федосей Здобнов», которому солдаты дали подходящее прозвище «Федоска ходячий газет» (заметим, кстати, что у многих солдат есть прозвища, заменяющие им личное имя и фамилию).

С одной стороны, в своих рассказах он сообщает слушателям конкретные детали, что делает его рассказ достоверным, подчеркивает реальность изложенного в нем: героем его историй был сослуживец, который запомнился ему «парнем на все руки», «статным молодцем», потому и попал «во фрунтовые». С другой стороны, безымянный герой историй Федоски интерпретирован в духе народного мировоззрения, он – характерный персонаж фольклорной несказочной прозы, вызывающий восхищение Федоски и тех, кто его слушает, тем, как ловко обманул богатую купчиху, которая сама отдала ему дорогую шубу. Здесь очевиден социальный пафос нарратива, характерный для народного творчества.

То же взаимопроникновение различных жанровых начал проявляется в рассказах «Гулянье» и «Кумушки-солдатки», что подводит нас к выводу о жанровой стратегии, выдержанной в цикле «Мирные сцены» в целом и являющейся еще одной из его скреп, придающих циклу дополнительные сверхсмыслы. Ее специфика позволила Н.И. Наумову синтезировать острую злободневность темы сибирского крестьянства, что было характерно для документально-очеркового дискурса о Сибири, и ее универсальный, общечеловеческий потенциал, общий подход к проблеме Сибири как особого локуса России с интересом к личности сибиряка, к его мировидению. В эту систему характеристик органично встроен и социально-исторический подтекст. Так, в ряде рассказов отражаются социальные, классовые конфликты не только между солдатами и высшими чинами командиров, о чем шла речь выше, но и между простыми солдатами. Его зачатки можно проследить уже в первом рассказе цикла «Ротный праздник» в связи с эпизодическим конфликтом ротного «банкира» (ростовщика) и Степаныча, которых не примирил даже ротный праздник. Более того, изобличая друг друга, герои тем самым агитируют и остальных, являющихся свидетелями и пассивными участниками этого противостояния.

Вместе с тем конфликты между героями возникают в рассказе Наумова не только на социальной, но и, при всей общности солдатской жизни, на мировоззренческой почве. С этой точки зрения кульминацией цикла можно назвать рассказ «Ротная школа», особенно его центральную сцену спора упоминавшихся выше Кузьмы Остолопова и Сомова, прямых антагонистов в представлении и героев, и повествователя, который усматривает в Кузьке «натуру дарови-

тую» с «непонятными» ему самому «внутренними желаниями». Остолопов ранее всех начал бойко читать, охотнее других, «из любви к знанию», ходил в ротную школу, вечерами читал на последние деньги купленные книги, правда, по оценке повествователя, это была «печатная рухлядь», которую только и предлагал толкучий рынок. Суть его спора с Сомовым – вопрос о смысле жизни и понимании человека. Кузьма прямо в лицо говорит Сомову о том, что тот абсолютно безграмотен, ничего не знает, не знает даже ни одной молитвы и умеет только «обирать у своё брата последнее да копить копейки и гроши». Сомов не видит в образовании никакого смысла – грамота не напоит и не накормит. В этом он получает, неожиданно для Кузьмы, поддержку других солдат, которые тоже не довольны тем, что они ходят в школу, но, в отличие от Сомова, их недовольство вызвано тем, что им приходится читать о том, что «писано не про них», и это воспринимается ими как пустая трата времени. Позиции спорщиков определились вполне четко: по словам Сомова, все, чего он достиг, он «на спине выносил», а Остолопов все «грамотой хочет взять». «Мы и без нее прослужим... послужи-ка и ты», – обращается он к Кузьме, представителю молодого поколения. Однако Остолопов не желает служить «спиной» и «под палку заучивать артикулы», о чем он «с сознанием своего достоинства» и заявляет всем присутствовавшим при споре [16. 1861. Кн. 12. С. 169–172].

Спор этих героев, по сути, столкновение разных мировоззрений (общинного, артельного и нарождающегося личностного, индивидуального) заканчивается монологом безымянного пожилого унтер-офицера, не только вставшего на сторону Кузьмы, но и выводящего дискуссию на новый уровень, к вопросу о будущем Сибири и сибиряков: «...теперича уже совсем, значит, не то, что прежде... коли ты грамотный-то... как голубчик все сам видишь, и прочитав ли что, письмо ли написать – все сумеешь (выделено нами. – В.П.)». С этим соглашается даже Сомов, еще раз подчеркивающий, однако, что учат их плохо, с постоянным унижением: «...пригонят нас, а мы и сидим вот так себе. Подпоручик и не ходит, хоша и начальник школы, а юнкера, помощники его, выходит, дворянничают только: дескать, я да я, как ты смеешь мне ты говорить, я дворянин, значит, а ты кто?» Совпадает с общим мнением героев и позиция повествователя. Его слово завершает рассказ открытой постановкой проблемы государственной важности: «В Сибири, в линейных батальонах, положение школ самое жалкое. Горячо сначала взялись за них, но только сначала. Скоро эта энергия остыла. На них не стали уже обращать внимания, а предоставили на произвол случая». По барабанному бою пришедшие в школу после службы в сильный мороз солдаты, так и не дождавшиеся учителя, отправляются назад, получив, по оценке повествователя, большой урок: спор Сомова и Остолопова заставил всех задуматься и «перетолковать» его по-своему [16. 1861. Кн. 12. С. 172–173].

Любопытен в связи с этим еще один солдатский разговор в рассказе «Гулянье». Рассуждая о смерти, герои, как уже было сказано выше, руководствуются народным представлением о конце человеческой жиз-

ни как естественном общеприродном явлении. Солдат Иванов, едва не погибший в водах Иртыша, спасая жизни товарищей, поддерживает общую беседу о «нечистой реке Иртыш», от которой может спасти только слово родительское, и неожиданно для всех, «глубоко вздохнув и с раздумьем», задает вопрос, касающийся его личной смерти, трагедию которой он видит в следующем: «А что, братцы... если б я утоп-то, ведь меня бы не стало». В ответ на это «озарение» Иванова, может быть, впервые задумавшегося о ценности его личной жизни, звучат «общие» слова безымянного кашевара, не способные объяснить трагизм исчезновения из коллективной бытия отдельного человека: «Да уж это чего говорить...» [16. 1862. Кн. 6. С. 8–9].

В этом плане показателен и рассказ «Караул в остроге», герой которого прапорщик Крутиков разрешает старухе-матери свидание с дочерью-арестанткой, в которой «ничего... особенного не было; неправильные черты лица и робкий, запуганный взгляд серых глаз, оттененных длинными русыми ресницами». «Но между тем разлитая в них грусть родила... сострадание и участие» не только повествователя, но и прапорщика [16. 1861. Кн. 11. С. 100–101]. Не совсем понимая предложения своего молодого напарника оставить женщин наедине, он все-таки выходит с ним из комнаты, где проходит свидание, на улицу. Увидев там замерзшего солдата, ходившего по заледенелой платформе, как бы мимоходом отправляет его в будку, что, конечно, тоже не положено караульному. Откликается Крутиков и на просьбу матери о том, чтобы дочь не осматривали по возвращении со свидания.

Практически одновременно у прапорщика, ежедневно встречающегося со многими другими каторжниками, и у повествователя, впервые столкнувшегося с подобной историей, возникает вопрос о судьбе этой арестантки. Ефрейтор рассказывает весьма типичную историю с «жалостью», как неповторимую индивидуальную трагедию девушки и ее родителей. Основой трагедии, именно так воспринимают Крутиков, повествователь и рассказчик то, что случилось с Аннушкой, явилась ее глубокая любовь к одному из солдат, который обманул ее и бросил с ребенком. Судя по рассказу ефрейтора, как непоправимое воспринимают это и родители девушки, и она сама. Рассказ заканчивается описанием последнего свидания Аннушки, которую отправляли на поселение, с матерью. Его случайным свидетелем оказался повествователь, передающий эту сцену с высшим трагическим накалом: «Спустя три месяца после этого я опять случайно встретил старуху и Аннушку. <...> Трудно было узнать ее, так похудела и побледнела она: глубоко впавшие глаза светились уже не прежней робостью, а одним болезненным огнем, крупные слезы текли из них и падали на лицо старухи-матери, припавшей к груди ее и причитавшей по ней, как по покойнице» [16. 1861. Кн. 11. С. 106].

Таким образом, в «Мирных сценах военного быта» прослеживается влияние, с одной стороны, формирующейся идеологии сибирского областничества, выраженное в стремлении понять и познать Сибирь и сибиряка (в данном случае представленного един-

ственной знакомой на тот момент Наумову социальной категорией – солдатской массой) через категорию общины, а с другой – революционной-демократических идей шестидесятников, вскрывающих социальные и мировоззренческие противоречия народной массы.

Интересно посмотреть в свете выявленной организации сюжета в отдельных рассказах на макросюжет цикла «Мирные сцены». Рассказ «Ротный праздник» вводит читателя в общую атмосферу «общинной» жизни сибирских солдат, бывших крестьян и мещан. «Караул в остроге» выделяет отдельные личности героев, включая героя-повествователя, и подчеркивает в них общие черты характера. Общие черты мировоззрения сибирских солдат, проистекающие из их народного, «артельного» мировидения, и диалог общинного взгляда на жизнь, прочно укрепленного в Сибири, с идеей пробуждающейся личности, пришедшей с Запада и активно развивающейся в Центральной России, организуют сюжет следующей истории – «Ротная школа».

Рассказ «Солдатский досуг» отсылает читателя к истокам народной философии жизни, прорастающим в речевом творчестве крестьян-рассказчиков, изображаемых в обстоятельствах армейской службы. Следующий рассказ «Гулянье» показывает народное, крестьянское сознание сибиряка на фоне сознания командиров, представителей дворянства, прибывших в Сибирь на службу из Центральной России.

Последний рассказ цикла – «Кумушки-солдатки», словно оформляя макросюжет «Мирных сцен» в кольцевую композицию, переносит читателей в тесную подвальную комнату, где протекает «мирная жизнь» солдатских жен. Картина жизни сибирского «армейского» крестьянства расширяется по гендерному принципу, обогащается в связи с этим новыми (женскими) интонациями историй и рассуждений героинь на общие для всего цикла темы.

Таким образом, в цикле создается яркий тип сибиряка, точнее, несколько его вариантов, из которых носители народного сознания, традиций (прежде всего, имеется в виду общинный уклад жизни, близость к природе, амбивалентность взгляда на мир), общечеловеческих ценностей, в наиболее чистом виде сохранившихся, по убеждению автора, в Сибири, и представители с нарождающимся новым типом сознания, ориентированным на ценность личностной позиции, интересуют писателя в первую очередь. Кроме того, героев цикла можно поделить на две группы по их социальному положению, происхождению, мироотношению и принадлежности к Сибирскому региону. С одной стороны, это солдаты-сибиряки, вступившие в армейскую службу из крестьянской и мещанской среды, с другой – их командиры, принадлежащие дворянскому сословию, приехавшие в Сибирь из Центральной России по долгу службы. Автор подчеркивает существующий между ними разительный контраст, который имеет даже форму скрытой неприязни и конфликта. Симпатии (но не идеализация) повествователя (и автора) неизменно обращены к солдатам-сибирякам.

Сосредоточившись на важнейших, с нашей точки зрения, сторонах поэтики циклизации в «Мирных сценах...» Н.И. Наумова, в целом мы можем утвер-

ждать следующее. Одним из ее существенных моментов является наличие в цикле макросюжета, системы героев, общего круга тем и проблем, что позволяет автору отойти от документально-очеркового нарратива, в рамках которого преимущественно осмыслялась тема сибирского крестьянства и столичными, и сибирскими писателями, в сторону собственно художественного повествования, связывающего конкретное и всеобщее, сиюминутное, злободневное и вечное, обстоятельства и личную мораль и психологию в глобальную картину мира. В этом цикле рождается многоголосое слово, произносимое последовательно или

параллельно автором-повест-вователем, героями-повествователями, рассказчиками, которое отнюдь не размывает изображение, а делает его объемным, живым, целостным. Столь своеобразное художественное воплощение одной из самых острых тем русской общественной жизни второй половины XIX в. – темы Сибири и сибиряка – органично вписывается в общее русло эволюции отечественной литературы названного периода, свидетельствуя о мощном социально-историческом и культурном потенциале этой темы. Ее разработкой в обозначенном плане начинается служение Н.И. Наумова Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы: 1848–1890. М. : Книга по требованию, 2015. С. 252–272.
2. Плеханов Г.В. Н.И. Наумов // Литература и эстетика. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 2. С. 319–340.
3. Кожевников С. Литературное наследство Наумова // Собрание сочинений. 1939. Т. 1. С. 3–31.
4. Беспалова Л.Г. Рабочие Сибири в творчестве Н.И. Наумова // Сибирь в художественной литературе. Тюмень, 1961. С. 3–30.
5. Кубиков И.Н. Рабочие сибирских золотых промыслов в очерке Н.И. Наумова «Паутина» // Рабочий класс в русской художественной литературе. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Московский рабочий, 1928. С. 114–123.
6. Попов И.Г. Два очерка Н.И. Наумова о народах Алтая // Труды историко-филологического факультета Якутского университета. 1966. Вып. 1. С. 150–157.
7. Новикова Е.Г. Томск в жизни Н.И. Наумова: эскизы без теней // Русские писатели в Томске. Томск : Водолей, 1996. С. 128–146.
8. Автобиография Н.И. Наумова // Сибирские огни. 1963. № 9. С. 177–180.
9. Наумов И.Н. Письмо сыну Николаю от 21 февраля 1858 г. // ОРКП НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 150. Л. 13.
10. Литературное наследство Сибири : в 7 т. / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-сиб. кн. изд-во, 1969–1986. Т. 1–7.
11. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.
12. История Сибири: С древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма / СО АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука, 1968. 511 с.
13. Айзикова И.А. Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 83–97.
14. Кадацкая Д.С. Термин «цикл» в отечественном литературоведении // Молодой ученый. 2017. № 22. С. 473–478.
15. Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина. Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск : Наука, 2001. 293 с.
16. Светоч : учено-литературный журнал. СПб. : Типография Д.И. Калиновского, 1860–1862.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 апреля 2020 г.

The Peaceful Scenes of Military Life: The First Cycle of Stories by Nikolai Naumov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 28–36.

DOI: 10.17223/15617793/454/4

Vladislav A. Przhigotskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: hoa1d@mail.ru

Keywords: Nikolai Naumov; Siberian literature; narration; cycle of stories.

This research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

This article examines the cycle *The Peaceful Scenes of Military Life* and its place in Nikolai Naumov's literary work, which was continually combined with his civil service. The author of the article analyzes the mechanisms linking the stories of this cycle and helping Naumov to create the multi-faceted image of a Siberian soldier and Siberia as a specific locus. He also investigates the genre, ideological and aesthetic features of Naumov's literary work that are forming in this cycle under the influence of ideas of St. Petersburg Siberian circle. The analysis showed that, in this cycle, Naumov created a bright type of a Siberian, or rather some of its variants: carriers of national consciousness, traditions, universal values, according to Naumov preserved in their purest form in Siberia, and people with an emerging new type of consciousness, focused on individualism. In addition, the heroes of the cycle can be divided into two groups according to their social status, origin, worldview and belonging to the Siberian region: (1) Siberian soldiers who came the army from the peasant and philistine environment and (2) their commanders belonging to the nobility who came to Siberia from central Russia on duty. Naumov emphasizes the striking contrast between them, which shapes as hidden hostility and conflict. The narrator's (and author's) sympathy (but not idealization) is invariably addressed to Siberian soldiers. The other significant points of the poetics of cyclization in *The Peaceful Scenes of Military Life* are the macro-plot, the common range of topics and problems, which allow Naumov to escape from the documentary narrative (this is how the theme of the Siberian peasantry was mainly interpreted by both metropolitan and Siberian writers) towards the artistic narration uniting the specific and the universal, the momentary and the eternal, circumstances and personal morality and psychology into a deep image of the world. Such a peculiar artistic embodiment of one of the most acute topics of Russian public life in the second half of the 19th century—the themes of Siberia and Siberian—organically fits into the general channel of the evolution of Russian literature of the period, testifying to the powerful socio-historical and cultural potential of this topic, whose development in the indicated way gives start to Naumov's service to Siberia.

REFERENCES

1. Skabichevskiy, A.M. (2015) *Istoriya noveyshey russkoy literatury: 1848–1890* [History of the Newest Russian Literature: 1848–1890]. Moscow: Kniga po trebovaniyu. pp. 252–272.
2. Plekhanov, G.V. (1958) *Literatura i estetika* [Literature and Aesthetics]. Vol. 2. Moscow: Goslitizdat. pp. 319–340.
3. Kozhevnikov, S. (1939) Literaturnoe nasledstvo Naumova [The Literary Heritage of Naumov]. In: Naumov, N.I. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. pp. 3–31.
4. Bepalova, L.G. (1961) Rabochie Sibiri v tvorchestve N.I. Naumova [Workers of Siberia in the Work of N.I. Naumov]. In: *Sibir' v khudozhestvennoy literature* [Siberia in Fiction]. Tyumen: [s.n.]. pp. 3–30.
5. Kubikov, I.N. (1928) Rabochie sibirskikh zolotykh promyslov v ocherke N.I. Naumova “Pautina” [Workers of the Siberian Gold Mines in N.I. Naumov's “Web”]. In: *Rabochiy klass v russkoy khudozhestvennoy literature* [The Working Class in Russian Fiction]. 4th ed. Moscow: Moskovskiy rabochiy. pp. 114–123.
6. Popov, I.G. (1966) Dva ocherka N.I. Naumova o narodakh Altaya [Two Essays of N.I. Naumov on the Peoples of Altai]. *Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta Yakutskogo unversiteta*. 1. pp. 150–157.
7. Novikova, E.G. (1996) Tomsk v zhizni N.I. Naumova: eskizy bez teney [Tomsk in the Life of N.I. Naumov: Sketches Without Shadows]. In: Yanushkevich, A.S. et al. *Russkie pisateli v Tomske* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley. pp. 128–146.
8. *Sibirskie ogni*. (1963) Avtobiografiya N.I. Naumova [N.I. Naumov's Autobiography]. 9. pp. 177–180.
9. Department of Rare Books and Manuscripts, Tomsk State University Research Library. Fund 2. List 1. File 150. P. 13. Naumov, I.N. (1858) *Pis'mo synu Nikolayu ot 21 fevralya 1858 g.* [A Letter to Son Nikolai of February 21, 1858].
10. Yanovskiy, N.N. (1969–1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri: v 7 t.* [The Literary Heritage of Siberia: In 7 Vols]. Novosibirsk: Zap.-sib. kn. izd-vo.
11. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1987) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University.
12. Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri: S drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 5 t.* [The History of Siberia: From Ancient Times to the Present Day: In 5 Vols]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka.
13. Ayzikova, I.A. (2017) The Image of a Siberian Writer in Literary Criticism and Journalism of G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev (The 1870s–1900s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 83–97. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/49/6
14. Kadatskaya, D.S. (2017) Termin “tsikl” v otechestvennom literaturovedenii [The Term “Cycle” in Russian Literary Criticism]. *Molodoy uchenyy*. 22. pp. 473–478.
15. Darvin, M.N. & Tyupa, V.I. (2001) *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina. Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya* [Cyclization in Pushkin's Works. Experience in the Study of the Poetics of a Convergent Consciousness]. Novosibirsk: Nauka.
16. *Svetoch: ucheno-literaturnyy zhurnal* [Svetoch: A Scholarly and Literary Journal]. (1860–1862). St. Petersburg: Tipografiya D.I. Kalinovskogo.

Received: 10 April 2020

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ VS ЯЗЫКОВАЯ ИГРА ДЖ. ДЖОЙСА: НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ВОСЬМОГО ЭПИЗОДА РОМАНА «УЛИСС» 1920–1930-е гг.

Анализируется возможность реализации сознательного участия самого языка в создании литературного произведения в русских переводах 1920–1930-х гг. в аспекте переводческой изобретательности на материале восьмого эпизода романа Дж. Джойса «Улисс». Признанный вершиной модернизма, роман рассматривается в контексте языковой игры, а также в перспективе задействованной автором сложной системы неологизмов, вместе способных нарушить целостность языкового знака и стать основным элементом сюжета.

Ключевые слова: языковая игра; переводческая изобретательность; английский роман; Улисс; Джойс.

На протяжении уже почти целого века «Улисс» Дж. Джойса (1922) привлекает к себе внимание не только исследователей, но и переводчиков, чьи многократные переводы романа на разные языки мира лишь подчеркивают исключительный к нему интерес. Вопрос о роли перевода в литературоведческих исследованиях по-прежнему широко обсуждается [1. Р. 3]; насущные проблемы начала XX в. остаются жизненно важными и в наши дни. Известно, что «культурное пространство <...> наделяется способностью не только разделять, но и связывать, предоставляя место для встречи и диалога. Это и есть глобальная посылка современной компаративной теории» [2. С. 89], суть которой раскрывается в триаде «глобализация – интертекст – диалог культур». В какой-то степени именно эти три составляющие компаративистики способны указать на причины создания первых переводов «Улисса». Не менее важна и информация о переводчиках, так как их биографии, литературные карьеры и общественные ситуации дают ключ к пониманию их роли посредников [3. Р. 24–25].

В момент встречи разных культур возникают новые задачи, одной из которых становится перевод художественного текста и, как следствие, его соответствие подлиннику. В случае с романом Джойса, который с трудом поддается определению «традиционный», возникают сомнения в возможности выполнения этого условия. «Улисс» – вершина модернистского течения в литературе, *modernist tour-de-force*. Для большинства случайных читателей, поклонников Джойса и любителей языка основное удовольствие от чтения «Улисса» извлекается в процессе взлома его различных кодов, в наслаждении семиотическим потенциалом неологизмов, двусмысленных или неоднозначных мест, игры слов. Однако для других читателей стиль романа кажется непостижимым, недоступным: словесные фейерверки, головоломки и беспричинная лингвистическая эксцентричность берут верх над смыслом и последовательностью событий, тем самым часто замедляя процесс восприятия и превращая чтение скорее в академическое упражнение, нежели в удовольствие (Дж. Тротта) [4]. Элементы языковой игры, называемые неологизмами, другими исследователями (Е.А. Наугольных) определяются как «осознанные отступления от языковой нормы» или как «окказиональные единицы», способные нарушить нормативную «симметрию

языкового знака»; их целью является достижение эффекта парадокса [5. С. 84]. Считается, что «Улисс» Джойса «заслуживает эпитета «unreadable» или «не поддающийся чтению» [5]. Одновременно с этим существует альтернативная точка зрения, согласно которой «Улисс» поддается «бесконечному прочтению, поскольку не существует единого исторического кода значения, способного истощить» его семантические возможности [5. С. 7; 6].

Наиболее характерные для модернистской литературы нарративные практики, придуманные в «Улиссе», воплощенные в нем или ассоциируемые с ним, представляют собой поток сознания или внутренний монолог, кинематографические техники или монтаж и ретроспекцию, параллакс или наложение событий и перспектив. Понятно, что в одну из основных задач «Улисса» в процессе его создания должна была войти необходимость озвучить или дать слово беспорядочной, невыраженной и часто эфемерной активности человеческой психики. Осуществляя все это, автор романа эксплуатирует и разрабатывает языковой потенциал по-новому, используя парадоксы, причудливые образы, нарушения, ассоциации, символы и сленговые выражения вместе с импрессионистически визуальными и слуховыми текстурами слов из разных диалектов и других источников [4].

Помимо всех перечисленных характеристик, которые, несомненно, влияют на стиль романа и отличают Джойса от большинства его современников, сознательное участие самого языка как основного элемента сюжета в «Улиссе» имеет центральный, почти постмодернистский акцент [4]. Поэтому основное внимание сосредоточено на лингвистической изобретательности Джойса. Но как следует ее понимать?

Существуют разные виды изобретательности или креативности. У шведского ученого-лингвиста американского происхождения Дж. Тротта это «generative creativity», т.е. порождающая изобретательность, творчество или «порождающий» компонент, работающий с ограниченной системой неявно понятых или неосознанно принятых правил и алгоритмов, которые потенциально могут производить бесчисленные предложения. Речь в этом случае не идет об оригинальности или экстраординарности. Важное замечание, которое делает исследователь, заключается в том, что **языковая игра**, неологизмы, рифмованные стихи, аллюзии, сарказм, ирония, сравнения, метафоры, ана-

логии, каламбуры и другие остроты являются естественной частью компетенции (artistic creativity) носителя языка, хотя она редко, если вообще когда-либо, проверяется и дифференцируется от обычной компетенции (ordinary type of creativity) внутри порождающей структуры. Носители любого языка, часто остаются незамеченными, когда в процессе разговора создают новые слова, новые значения, идиосинкразические соединения, которые легко воспринимаются собеседниками, несмотря на то, что их никогда не занесут в словари и руководства по использованию [4]. Таким образом, с одной стороны, лингвистическая креативность Джойса частично является почти естественным процессом и заложена в самом языке, хотя технически редко фиксируется; с другой стороны, большая часть лексических инноваций Джойса используется таким образом, что влияет или разрушает обычный, почти автоматический процесс создания смысла. Неслучайно, в учении постструктуралистов «вопрос о “власти” языка над человеком» является ключевым [7]. «Ролан Барт сравнивал языковую деятельность с “законодательной”, поскольку, по его мнению, язык является средством классификации, которая есть форма “подавления”. Следовательно, язык – это “общеобязательная форма принуждения”, в его знаках дремлет “чудовище, имя которому – стереотип”, пленниками этого “чудовища” мы все неизбежно становимся» [8. С. 333]. «Очевидно, что “диктаг” языка особенно остро чувствуют художники слова, которые как раз и “не укладываются” в границы языка и его нормы, что заставляет их искать новые языковые формы, часто являющиеся намеренными языковыми девиациями, нарушающими / деформирующими конвенциональные языковые правила» [7. С. 462].

С точки зрения Дж. Тротта, в рамках литературных терминов подобные типы нарушений иногда рассматриваются как проявления остранения, либо как бессмысленные значения или, в некоторых случаях, как **свободная игра** означающих (плавающие или изменчивые символы). Все эти понятия могут быть полезны, если они имеют отношение к тому, как знак интерпретируется или усваивается, но они не подходят, если точно не выражают само явление и не объясняют другие пути, способные воздействовать на процесс интерпретации знака (семиозис) [4]. Поэтому Тротта предпочитает работать с общим термином, способным охватить все явления, вместо того чтобы изучать несущественные технические различия каждого из вышеуказанных понятий. Этим термином является «измененный семиозис», влияющий на понятийную ссылку. Согласимся с тем, что речь идет именно о лингвистической изобретательности или креативности (linguistic creativity), входящей у исследователя в более общее понятие – лингвистическую карнавализацию (linguistic carnivalization), под которой понимаются культурные установки, позволяющие строить «иной мир», противоположный официальному [9. С. 135].

О креативности, странных конструкциях и игре новыми словами, которые требуют внимательного прочтения «Улисса», пишет китайский исследователь Ксянью Ву. Его рабочим термином также является

«лингвистическая изобретательность» (linguistic inventiveness, creativity), наилучшим образом характеризующая лексическую революцию Джойса, в которой на первый план выходят креативность и **игривость языка** [10]. Общий термин Ву – «лексическая девиация» (lexical deviation). Китайский ученый применяет теорию «остранения» с ее акцентом на важности чувств, ощущения жизни в искусстве и необходимостью видеть мир по-новому для изучения разных типов словообразований у Джойса. Данный прием способствует увеличению «трудности и долготы восприятия» [11; 12. С. 42], акцент ставится на описании вещи как в первый раз увиденной; ее не называют своим именем, так как в приоритете – требование видеть предмет, а не узнавать его.

Материалом для статьи послужили фрагменты трех переводов: С.Я. Алымова и М.Ю. Левидова (1929), Д.П. Мирского (1935) и творческого объединения переводчиков под руководством И.А. Кашкина (1935–1936). Неполные переводы поэта-песенника Алымова, писателя и журналиста Левидова¹, публициста и критика Мирского отнесем к условно любительскому переводу; работу творческого объединения переводчиков под руководством И.А. Кашкина – к профессиональному переводу, учитывая регулярную переводческую деятельность и планы на реализацию перевода всего романа.

Переводчики С.Я. Алымов и М.Ю. Левидов известны тем, что были вторыми в списке тех, кто решил приблизить мир Джойса русскому читателю. Перевод под названием «Улисс» (фрагменты)», опубликованный в «Литературной газете» в 1929 г., представлял собой два отрывка, тематически связанных между собой: четвертый эпизод, стилистически нейтральный, в котором Джойс впервые показывает второго главного героя, Леопольда Блума, и восьмой, также с ним связанный. Перевод являет собой пример кинематографической техники – монтажа или коллажа: в первом отрывке (4-й эпизод) Блум собирается завтракать, а во втором (8-й эпизод) – некоторое время спустя снова начинает думать о еде. Однако его воспаленное от жары сознание начинает видеть вокруг себя жуткие картины, связанные с поглощением еды. Автор представляет их через фильтр измененного восприятия действительности.

Д.П. Мирский обратился к переводу нескольких отрывков из романа в процессе написания критической статьи, посвященной основным особенностям стиля Джойса². Он сообщал о разных словесных «ключках» в «Улиссе», которые придавали повествованию в романе «новое измерение, новый коэффициент». Он также указывал на то, что эти «ключки» позволяют эпизодам отличаться друг от друга не только содержанием, но и «своей словесной окраской». По напряженности «словотворческой» и «словодеформирующей» энергии, по ее разнообразию и виртуозности Джойс, несомненно, не имеет равных» [13. С. 438]. «Словодеформирующая» энергия есть, по сути, отступление от нормы, изменение формы слова или **языковая игра**. «Словотворчество» представляет собой создание новых слов, неологизмов или окказионализмов, что напрямую связано с «лингвистической

изобретательностью» или «лингвистической креативностью» (linguistic creativity), так как английское слово «creativity», образованное от глагола «create», означает «создавать, творить, созидать, изобретать». Сюда же можно отнести и «лексическую девиацию». Таким образом, понятие «деформация» (от лат. *deformation* – искажение), напрямую связано с термином «словодеформирующая энергия», которое Мирский применил в своей статье [13]. Оно также может рассматриваться как проявление словотворчества и именно поэтому становится в один ряд с терминами «лингвистическая креативность» или «лексическая девиация / отклонение». Однако в рамках данной статьи термины, связанные с лингвистической креативностью, лексической девиацией или деформацией слова, входят в более общее понятие **языковой игры**.

Сегодня трудно сказать, каким мог получиться перевод «Улисса» выполненный «кашкинцами», будь он переведен полностью³. В нашем распоряжении есть только первые десять эпизодов из восемнадцати – по своему объему самая малая его часть, а лингвистические эксперименты Джойса раскрываются и усиливаются от эпизода к эпизоду по нарастающей. Поэтому возникает необходимость выявления сложных и неоднозначных мест в первых относительно «спокойных» или «традиционных» частях романа и, что не менее важно, их отражение в русском переводе. Перевод «Улисса» в исполнении В. Хинкиса и С. Хоружего (1989, 1993) в силу своей временной удаленности в сферу наших интересов не входит. Ключевая особенность первых русских переводов (1920–1930-е гг.) – их фрагментарность, поэтому выбор восьмого эпизода «Улисса» определяется наличием тех отрывков, которые есть во всех заявленных переводах. Соответственно, из десяти эпизодов, переведенных «кашкинцами», будут рассматриваться примеры в переводе Н.Л. Дарузес (восьмой эпизод).

Анализ примеров осуществляется в хронологическом порядке.

Пример № 1. «Perched on high stools by the bar, hats shoved back, at the tables *calling for* more bread no charge, *swilling, wolfing* gobfuls of sloppy food, their eyes *bulging*, *wiping* wetted moustaches. A pallid **su-faced** young man polished his tumbler knife fork and spoon with his napkin» [14. P. 150].

Дословно: Взгромоздившись на высокие табуреты у стойки, шляпы откинута назад, за столами *требуя* больше хлеба бесплатно, (жадно) *лакая, пожирая* (с жадностью) большие куски забрызганной еды, их глаза *выпячивая, вытира*я увлажненные усы / *выпученные, вытирающие* влажные усы. Бледный **жирнолицый** молодой человек начищал свои стакан нож вилку и ложку с своей салфеткой.

С.Я. Алымов и М.Ю. Левидов: «Насест высоких табуретов у стойки, шляпы сдвинуты на затылок, столы, *требуют* добавочного бесплатного хлеба, *волчий проглот* обслоненной жратвы, *выкатившиеся* глаза, *вытирают* мокрые усы. Бледный, **с лицом бараньего жира** юноша вытирал стакан, нож, вилку и ложку салфеткой» [15. С. 3].

Д.П. Мирский: «Забравшись на высокие табуретки перед стойкой, заломив шляпы на затылок, у сто-

лов *требуя* еще хлеба в счет порций, *чавкая, глотая* полные рты жеваной пищи, *с глазами навывкат, вытира*я мокрые усы. Бледный **смальцелицкий** молодой человек натирал стакан, нож и ложки своей салфеткой» [16. С. 44].

Н.Л. Дарузес: «Взобравшись на высокие табуреты у стойки, сдвинув шляпы на затылок, за столиками, *требуя* еще хлеба бесплатно, *прихлебывая, по-волчьи глотая* ложками помой, *выпуча* глаза, *вытира*я мокрые усы. Бледный **сальнолицый** юноша вытирал стакан, нож, вилку и ложку своей салфеткой» [17. С. 435].

Первое предложение в этом примере представлено отглагольными формами (причастиями прошедшего времени: *perched, shoved* и причастиями настоящего времени: *calling, swilling, wolfing, bulging and wiping*), создающими крайне неприглядную визуальную картину у барной стойки. Действие во втором предложении подчеркивает его отсутствие в первом; в обоих случаях характерно нарушение синтаксиса. Наиболее показательная в этом плане его завершающая часть: «their eyes *bulging, wiping* wetted moustaches», где «their eyes» можно определить как подлежащее. В этом случае причастия «*bulging*» и «*wiping*» выполняют функцию однородных членов предложения, создавая абсолютно неральную ситуацию: «их глаза *выпячивая, вытира*я увлажненные усы», т.е. глаза не только выпячиваются, но и вытирают усы. Субъектов действия в предложениях нет, но они предполагаются – это посетители кафе. Все причастия в первом предложении, кроме «*bulging*», можно отнести к «hats shoved back» (шляпы сдвинуты на затылок), что, по сути, не являясь подлежащим, тем не менее, может быть к нему причислено. (*Создание видения предмета, а не его узнавание*).

Алымов и Левидов начинают предложение не с *прич. прош. вр.* «*perched*» (взгромоздившийся, вскарабкавшийся, севший на насест), как у автора, а с *суц.* «насест». Переводчики сохранили в выбранном ими слове то значение, которое исчезает при выборе глагольной формы; оно необычно тем, что содержит в себе характеристики не человека, а животного или, скорее, пернатого – насест имеет прямое отношение к курятнику. Так, отглагольная форма (*perched*) в первом предложении оригинала переводится существительным (*насест*), которое обычно не используется при изображении барной стойки кафе или ресторана, не будучи его общепринятой характеристикой, однако всегда используемое при изображении курятника – это перекладина, на которую куры садятся ночью. В данном контексте сохраняется только значение высоты. Соответственно, существительное «насест» в переводе Алымова и Левидова несомненно усложняет процесс и увеличивает долготу восприятия: насест → курятник → стойка бара. (*Лексическая эксцентричность и создание видения предмета*) – **языковая игра**.

Нарушение синтаксической конструкции у Джойса (отсутствие прямого подлежащего и сказуемые, выраженные отглагольными формами, а не самими глаголами) несколько иначе передается переводчиками, которые обстоятельство места «at the tables» (*косвенный падеж*) переводят существительным «столы» (*им.п.*). Это, в свою очередь, вызвано предшествующим выбором слова «насест».

Также словосочетание «волчий проглот» с *сущ.* в *ед. ч.* предупреждает о несогласованности предложения, в котором все действия выполняются кем-то во *мн. ч.* (сдвинуты, требуют, вытирают). Поэтому в целом описательный прием при отсутствии прямого действия в оригинале, у Алымова и Левидова становится именно действием. Причастие «swilling» не переведено. К общим чертам оригинала и перевода относится отсутствие подлежащего. Воссоздаваемая в переводе картина рисует животные страсти, отсюда – смысловое соответствие перевода оригиналу.

У Мирского форма причастий совпадает с выбором автора: «perched» – «забравшись», «calling for» – «требуя», «swilling» – «чавкая», «wolfing» – «глотающая», «wiping» – «вытирающая», кроме причастия «bulging», которое переведено несогласованным определением с предлогом, способствующим воссозданию картины животных страстей – «с глазами навывкат».

Дарузес переводит причастие «swilling». В целом ее перевод повторяет синтаксическую конструкцию Джойса: отглагольные формы и отсутствие подлежащего, эффект которого усиливается перестановкой «their eyes», которое уже было идентифицировано как подлежащее во второй половине предложения оригинала: «*their eyes bulging, wiping wetted moustaches*» – «выпуча глаза, вытирая мокрые усы». Конструкция предложения не вызывает отторжения и не затрудняет понимания. Единственное, что звучит необычно, это форма причастия «выпуча». Часть предложения «по-волчьи глотая ложками помои» также создает картину отчуждения, а фраза «по-волчьи глотая» соответствует причастию «wolfing» в оригинале; оно образовано от глагола *wolf*, который переводится на русский язык как *пожирать с жадностью*; форма глагола без изменений перешла от существительного *wolf*, имеющего следующие значения: *волк, хищник, жадный человек*. Животный инстинкт, заложенный в самом слове оригинала через значение хищника, также отражается в переводе Алымова и Левидова – это «волчий проглот», однако вместо причастия мы получаем *прил. + суц.*; у Мирского данное значение теряется, так как *прич.* «глотающая» не содержит в себе никаких дополнительных смыслов, однако формально наблюдается полное совпадение, выраженное в причастии – одна семантическая единица: *wolfing* и *глотающая*; у Дарузес сохраняется первичная сема «волк» – «по-волчьи глотая», но для этого переводчице приходится добавлять еще одно слово ввиду отсутствия в русском языке полного соответствия «wolfing» (*пожирающий с жадностью*) в одной лексической единице.

Существительное «gobful» (форма *мн. ч.* «gobfuls»), *сленг*, используется преимущественно в Великобритании и Ирландии [18]; соответствует существительному «a mouthful» – полный рот, глоток, кусок. «Gobful» – одно слово, содержащее две семы: «gob» (плевок, комок) и «ful» (суффикс, образованный от *прил.* «full» со значением «наполненным, богатый чем-либо»).

Алымов и Левидов: «проглот»; относится к категории жаргонных или сленговых слов, одна единица.

Мирский: «полными ртами»; нейтральная лексика, переводится двумя словами.

Дарузес: «ложками», одна единица.

«Gobful» у Джойса – одно слово, в переводе Алымова, Левидова и Дарузес – тоже, но в отличие от оригинала в нем не заложено многозначности. Однако на содержательном уровне выбранное слово соответствует оригиналу, русская фраза «есть ложками» означает есть много и быстро. Так, использование сленговых выражений вносит элемент эксцентричности и заставляет *посмотреть* на описываемый предмет *по-новому*. В данном случае это ярко выражено только у Алымова и Левидова.

«Sloppy food» (*прил. + суц.*) – неряшливая / забрызганная еда:

Алымов и Левидов: «обслуженная жратва» (яркие образы, жаргон / сленг) – создание видения предмета (**языковая игра**).

Мирский: «жеванная пища» – более спокойная версия оригинала.

Дарузес: «помои» (выбор одного слова вместо двух, передающего значение жидкой пищи, напоминающей еду или пойло для свиней или других домашних животных; количество слов для переводчика не является приоритетом, цель – в передаче смысла) – лексическая эксцентричность.

Второе предложение данного примера обращает на себя внимание словом «suetfaced», использованное Джойсом для описания молодого человека у стойки бара, вытирающего посуду. У него на лице жирный блеск, но автору, создающему крайне неприглядную картину, оказывается недостаточным просто на это указать. Джойс не выбирает слово, которое бы корректно указало на проблему молодого человека с лицом, но создает свое собственное, тем самым усиливая неприятную картину в самом баре в целом. *Суц.* «suet» – нутряное сало, *гл. прош. вр.* «faced» – столкнулся, встретился; *прил.* «облицованный», «отделанный» или значение *прич. прош. вр.* – «столкнувшийся». К этому можно добавить дополнительные значения, содержащиеся у Джойса, – «имеющий лицо», «имеющий жирное лицо».

Алымов и Левидов: «с лицом бараньего жира», построение фразы, характерное для русского языка – конструкция с предлогом (несогласованное определение в косвенном падеже с предлогом), предлагающая большее количество слов – четыре слова вместо одного. В целом создается картина, вызывающая отвращение ко всему, что находится в баре. Более того, данное определение нельзя назвать привычным в описании человеческой внешности. (*Лексическая эксцентричность*.)

Мирский: «смальцелицый», это прилагательное сегодня может быть понятно не всем и потому восприниматься как неологизм. Согласно справочной информации это польское слово «smalec», образован от немецкого «Schmalz». Оно означает жир, вытапливаемый из сала; чаще всего смалец свиной или гусиный. У Алымова и Левидова смалец имеет иное происхождение. Главное отличие перевода Мирского – «смальцелицый» как пример словообразования: два слова «смалец» и «лицо» складываются в одно целое подобно оригиналу: «suet» + «faced». (*Создание видения предмета*) – **языковая игра**.

Дарузес: «сальнолицый», вписывается в авторскую модель определения перед существительным – это одно сложное слово, состоящее из двух сем: «сало» + «лицо». К характеристике данного слова добавляется его непривычное звучание. Прилагательное Дарузес не относится к списку часто употребляемых слов, что, в некотором смысле, сближает его с неологизмами – **языковая игра**.

В отличие от перевода 1929 г. у Мирского и Дарузес определение «suetfaced» переведено согласованным определением (как у автора – определением перед существительным, одно слово): «**смальцелицкий** молодой человек» и «**сальнолицый** юноша». Дарузес вкладывает значение английского прилагательного «young» в русское существительное «юноша», равнозначное «young man» – «молодой человек».

Последняя часть второго предложения включает в себя перечисление посуды, которую вытирает юноша: Алымов и Левидов, Дарузес ставят запятые там, где у Джойса их нет, лишая предложение определенного эффекта – потока сознания, на воссоздание которого работает и пунктуация в том числе. Мирский поступает несколько иначе, из четырех предметов посуды упоминает только три. Уточнения в тексте, кто этот молодой человек, вытирающий посуду, нет. Но есть указание в предыдущем предложении на местоположение у стойки бара, вероятно, он – бармен, и в его обязанности может входить протирание посуды, и чаще всего это стаканы. Значит, более логично, что посуды много, но Джойс показывает каждый объект в единственном числе. Мирский, исходя из ситуации, переводит два последних предмета во *мн. ч.*, но первый предмет – стакан, у него также в *ед. ч.*: «стакан, ножи и ложки». Интересно также то, что сема «стакан» у английского слова «tumbler» не является первым: это тумблер – реверсивный механизм и уже после этого – высокий стакан, бокал или неваляшка. Все переводчики используют слово «стакан», тем самым упрощая авторский вариант. (*Нарушение авторской пунктуации.*)

Пример № 2. «Smells of men. **His gorge rose**» [14. P. 151].

Дословно: Запахи людей. Его горло поднялось.

С.Я. Алымов и М.Ю. Левидов: «Человечьи запахи. **К горлу подкатило**» [15. С. 41].

Д.П. Мирский: «Запахи людей. **Ему подступило к горлу**» [16. С. 44].

Н.Л. Дарузес: «Запахи мужчин. **Его затошнило**» [17. С. 435].

Короткие обрывистые предложения оригинала почти всеми переводчиками переведены также кратко и обрывисто.

У Алымова и Левидова подлежащее оригинала «his gorge» (его горло) в *им. п.* становится дополнением, отвечающим на вопрос косвенного падежа (к горлу).

Наиболее близок автору Мирский, который также начинает предложение с местоимения, но не в именительном падеже, что нарушает синтаксическую конструкцию и поэтому читается непривычно: «**Ему подступило к горлу**». Типичной для русского предложения была бы конструкция с безличным предложением:

ем: К горлу подступило. (*Словодеформирующая энергия. Девияция.*)

Вариант перевода Дарузес остается в рамках правильной конструкции на русском языке.

Для описания состояния тошноты Джойс мог использовать более простые и привычные способы: например, глагольные формы «feel sick» или «puke», но его выбор падает на существительное «gorge» – теснина, глотка. «Горло» не является первым значением. Такой выбор также работает на описательный прием, воссоздающий состояние Блума на указанный момент времени с его гипертрофированными чувствами и ощущениями. С точки зрения синтаксиса предложение оригинала предстает как правильное, акцент оказывается на выборе слова. Из всех переводчиков только Мирский пытается показать необычность данного предложения, но делает это с помощью синтаксической конструкции.

Пример № 3. «He gazed round the **stooled and tabled** eaters, tightening the wings of his nose» [14. P. 151].

Дословно: Он осмотрелся вокруг / огляделся [на] пристуленных и застоленных едоков, сжимая крылья своего носа.

С.Я. Алымов и М.Ю. Левидов: «Он посмотрел кругом, сузив ноздри» [15. С. 42].

Д.П. Мирский: «Он посмотрел кругом на **встабуреченных и пристолившись** едоков, крепко сжимая *стенки ноздрей*» [16. С. 44].

Н.Л. Дарузес: «Он обвел взглядом едоков **за столиками и на стульях**, сжимая *ноздри*» [17. С. 435].

Фраза «gaze round» по форме представляет собой два слова и может переводиться как двумя словами «смотреть вокруг», так и одним глаголом «озираться». Алымов, Левидов и Мирский перевели эту фразу в соответствии со словарными данными: *гл. + предлог*, в то время как Дарузес выбрала: *гл. + суф.* Слово *gaze* может также переводиться существительным *взор*, либо комбинацией слов *пристальный взгляд*. По сути, переводчицей было также использовано два слова. Глаголы «посмотреть кругом», «оглядеться» при необходимости сообщения объекта, на который направлен взгляд, требует добавления предлога «на», отсутствующего в оригинале. Поэтому у Алымова и Левидова объект отсутствует, у Мирского используется предлог «на». Выбор глагола предлагает Дарузес другой предлог – «за».

Причастия «stooled» и «tabled» в использованных в романе смыслах не зафиксированы в словарной форме, за исключение последнего, однако в этом случае «tabled» переводится иначе. На сегодняшний день форма первого слова «stooled» по-прежнему не используется в речи, но «tabled», повторяющий форму *прич. прош. вр.*, образованный от глагола «table», имеет следующие значения: «класть на стол», «составлять таблицу», «откладывать в долгий ящик», «выносить на обсуждение». Однако ни одно из этих значений не совпадает с тем, что, вероятнее всего, имел в виду автор (посетители, сидящие на высоких стульях за барной стойкой – высоким столом). Это позволяет расценивать определение «tabled» как авторский неологизм.

Алымов и Левидов, известные своим интересом к футуризму со свойственными ему языковыми экспе-

риментами, не продемонстрировали окказионализмы Джойса: «stooled» и «tabled». Эта часть предложения в их переводе никак не представлена (*китюра*).

Данный пример наиболее показателен тем, что в нем сфокусированы предпочтения всех переводчиков. Выбор Алымова и Левидова вышеуказанных фрагментов для перевода предположительно был обусловлен не желанием создавать новые слова или идиосинкразические соединения в русском тексте «Улисса», а скорее в применении новых приемов (*монтаж*) и в поиске слов, правильных грамматически, но непривычных при использовании в определенных контекстах – возможная цель заключена именно в *создании видения предмета*.

Мирский, задачей которого было показать в статье языковые эксперименты Джойса, справляется с воспроизведением авторских неологизмов по-русски: такие определения, как «пристолившись» и «встабуреченный» не являются нормой русского языка и, таким образом, успешно представляют то, что выше было определено как *лингвистическая креативность, эксцентричность*, неологизм или, в более общем смысле, **языковая игра**.

Дарузес перевела данное предложение согласно правилам русского синтаксиса: где находятся едоки? Где и на чем они сидят? – Они сидят «за столиками и на стульях».

В заданном контексте максимально значимы слова Мирского, который, заблаговременно извиняясь за перевод, говорил, что ввиду своей приблизительности он не способен дать даже малейшего «представления об этой стороне Джойса – той величайшей адекватности, с которой он использует средства английского словаря, расширяя их словотворчеством, которое в натуралистических главах остается еще довольно дискретным» [13]. И так как текст является многоуровневой структурой, «точность в одних аспектах не обязательно сопровождается точностью в других [19]. Однако если это высказывание верно относительно традиционных произведений, то перевод модернистского романа многократно усложняется. Считается, что сама возможность переводимости художественного текста определяется степенью «языковой обусловленности произведения»: чем выше этот показатель, тем труднее перевод. Так, роман «Улисс», вне всякого сомнения, «является своеобразным вызовом переводчику, и далеко не каждый принимает этот вызов, поэтому полных переводов романа “Улисс” <...> достаточно мало» [5]. И в первую очередь речь идет именно о лингвистической изобретательности, деформации английского слова или **языковой игре**.

Ранее упомянутые любительский и профессиональный переводы важны тем, что первый предоставляет переводчикам некоторого рода свободу, т.е. освобождает от ограничений и условно «традиционного» подхода к переводу. Например, заинтересованность Алымова и Левидова романом Джойса может быть объяснена поиском особого слова; за некоторым исключением (как в примере ниже, что также можно отнести к поиску нового) в их переводе не наблюдается каких-либо нарушений синтаксиса или грамматики (дополнительные примеры: «почки, щекотавшие

его небо тонким привкусом слегка *надушенной урины*) и «собирал посуду для завтрака на *поместительный* поднос» [15. С. 37]; «Я иду на *угол*» [15. С. 38]).

Алымов (поэт-песенник) и Левидов (журналист, писатель) – в прошлом оба имели отношение к футуризму: монтаж, сценарий, создание видения предмета → сделать предмет странным → литературоведческий прием остранения.

Цель написания статьи Мирским заключалась в демонстрации недостатков новаторского метода письма Джойса, но итогом стало представление истинной сущности романа в одном из его проявлений – **языковой игре**. Работа Мирского интересна тем, что стоит над переводом, автор статьи размышляет критически и, возможно, видит то, что недоступно другим переводчикам «Улисса», его современникам. Он не случайно подчеркивал, что суть творчества Джойса заключалась в особой энергии, и этот вывод требовал манифестации примеров.

Мирский (литературовед, критик и публицист) → лингвистическая креативность – языковая игра → создание неологизмов в русском переводе → упор на лингвистику.

В целом никто из переводчиков не следует форме оригинала полностью и вслепую. Но каждый выбирает свой способ показать языковую игру, осуществленную Джойсом в «Улиссе». Менее всего это проявляется у Дарузес, что может быть обусловлено именно заявкой на профессиональный перевод. Речь идет о потере заостренной сущности «стилевой эксцентричности», ярко выраженной у Джойса, но проявляющейся в переводе Дарузес в упрощенной форме. Объяснить это можно фактом ее принадлежности творческому объединению переводчиков, официальным заказом на перевод, борьбой за качество перевода, которая велась в 1930-е гг. Выбор лексических единиц определяется преимущественно их наличием в словарях и справочниках. Так, языковые деформации Джойса, направленные на разрушение стереотипов, у Дарузес представлены преимущественно в пределах языковой нормы, сохраняющих стереотипность или шаблонность мышления.

Дарузес (переводчик) → соблюдение норм русского языка (грамматика) + языковая игра в малом процентном соотношении.

Так, исходя из постулата о том, что «Улисс» – это роман, поддающийся «бесконечному прочтению», семантические возможности которого невозможно исчерпать, мы и получаем разные переводы. Сравнение одной и той же работы или автора предлагает обширную область для исследований в компаративистике, помогая проследить через переводы различные вкусы и интерпретации разных периодов или эпох. Но не менее показательными оказываются переводы одного и того же произведения, осуществленные в общую с ним эпоху и перенесенные в одну и ту же культуру. Различий оказывается не меньше, чем, если бы это были разные языки и чуждые культуры.

Таким образом, очевидно, что перед нами предстают три перевода с различными формами восприятия и понимания, и каждый отдельно взятый перевод – это лишь один из возможных способов интер-

претации текста Джойса, демонстрирующий переводческую изобретательность.

Однако, учитывая саму суть перевода, а именно необходимость его соответствия оригиналу в максимально возможных объемах, можно ожидать от переводчиков такой же виртуозности в обращении с языком, каковая наблюдается у автора. Но анализ примеров показал значительное расхождение в восприятии переводчиками языковой игры автора. Данная разница может быть обусловлена следующими факторами:

1) *субъективностью*, которая определяется разными целями и задачами перевода: любительский перевод (Алымов, Левидов и Мирский) расширяет возможности

креативности, в то время как профессиональный (Дарузес) ограничивает необходимостью придерживаться «традиционного» подхода к переводу;

2) *объективно, расхождением в языковых системах*;

3) *фрагментарностью*, исключающей сюжетность и, как следствие, саму демонстрацию участия языка, т.е., собственно, деформацию или девиацию.

Таким образом, вышеупомянутые факторы могли оказать влияние на воссоздание языковой игры оригинала, в результате чего перед читателем предстали три отличающихся друг от друга перевода со смещенными акцентами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С.Я. Алымов и М.Ю. Левидов – авторы одного перевода, опубликованного в «Литературной газете» в 1929 г. [15].

² В 2015 г. в издательстве «Salamandra P.V.V.» вышла книга ранних русских переводов «Улисса». Составители «ранних переводов» включили в свое издание перевод нескольких фрагментов из разных эпизодов романа, выполненных публицистом и критиком Д.П. Мирским. В действительности это были примеры, необходимые автору в его работе со статьёй о Джойсе. Статья «Джеймс Джойс» была опубликована в 1933 г. в альманахе «Год шестнадцатый» (№ 1) [13, 16].

³ Перевод десяти эпизодов «Улисса», выполненный первым творческим объединением переводчиков под руководством И.А. Кашкина, был опубликован в московском журнале «Интернациональная литература» в 1935–1936 гг. Восьмой эпизод в переводе Н.Л. Дарузес был издан в 1936 г. (№ 2. С. 52–73).

ЛИТЕРАТУРА

1. Carlos G. Tee. Towards a New and More Constructive Partnership: The Changing Role of Translation in Comparative Literature // *Fu Jen Studies: literature & linguistics*. 2012. Vol. 45. 21 pp. URL: https://www.academia.edu/4251399/Towards_a_New_and_More_Constructive_Partnership_The_Changing_Role_of_Translation_in_Comparative_Literature
2. Клюс А.Г. Основные аспекты современной компаративистики как ведущей научной стратегии гуманитарного познания // *Филологические науки: вопросы теории и практики*. 2013. № 8 (26): в 2 ч. Ч. II. С. 87–89.
3. Inci Sariz. The reception of translation in comparative literature from the 19th century onwards. Istanbul Bilgi University, 2010. 70 p.
4. Trotta Joe. Creativity, playfulness and linguistic carnivalization in James Joyce's *Ulysses*. URL: https://www.academia.edu/8402289/Creativity_Playfulness_and_Linguistic_Carnivalization_in_James_Joyces_Ulysses
5. Наугольных Е.А. Окказионализмы как элемент языковой игры писателя (на материале романа Дж. Джойса «Улисс») // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2010. № 6. С. 83–89.
6. Megee P. Paperspace: Style as ideology in Joyce's *Ulysses*. Lincoln: University Press, 1988. 243 p.
7. Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. Деформация языка в произведениях Дж. Джойса: проблема интерпретации и перевода // *Вестник РУДН. Сер. Лингвистика*. 2019. Т. 23, № 2. С. 460–472.
8. Барт Р. Нулевая степень письма // *Семиотика*. М.: Академический проспект, 2001. С. 327–370.
9. Волгогонова А.В., Красса С.И. Каламбур – Языковая игра – Карнавализация // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2014. С. 133–135.
10. Xianyou Wu. The Poetics of Foregrounding: The Lexical Deviation in *Ulysses* // *Theory and Practice in Language Studies*. 2011. Academy Publisher. Vol. 1, № 9. P. 1176–1184.
11. Шкловский В.Б. Искусство как прием. Поэтика. Петроград: 18-ая Гос. типография, 1919. С. 13–26.
12. Джусупов Н.М. Теория выдвигания в лингвистических исследованиях: истоки, тенденции, вопросы интерпретации // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016. № 2. С. 41–50.
13. Мирский Д. Джеймс Джойс // *Год шестнадцатый*. Альманах первый. М.: Советская литература, 1933. С. 428–450.
14. James Joyce. *Ulysses*. Wordsworth Editions Limited, 2010. P. 682.
15. Джойс Джеймс. Улисс. (Фрагменты) / пер. С. Алымова, М. Левидова // *Литературная газета*. 1929. № 20. С. 3.
16. Джойс Джеймс. Улисс. Ранние переводы. Salamandra P.V.V. 2015. С. 44–48.
17. Джойс Джеймс. Избранное. М.: Радуга, 2000. С. 418–449.
18. Gobful // *Definitions*. URL: <https://www.yourdictionary.com/gobful>
19. Бузаджи Д.М. К вопросу об определении понятия «перевод» // *Мосты*. 2011. № 2 (30). С. 44–55.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 апреля 2020 г.

Translational Ingenuity VS James Joyce's Language Play: Based on the Translations of Episode Eight of *Ulysses* (1920s–1930s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 37–44.

DOI: 10.17223/15617793/454/5

Svetlana N. Stepura, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stepura@tpu.ru; lana3670@rambler.ru

Keywords: translational ingenuity; language play; English novel; *Ulysses*; Joyce.

The aim of this study is to analyze the implementation options of the conscious participation of the language itself in the creation of a literary work in the Russian translations of the 1920s–1930s. Episode Eight of James Joyce's novel *Ulysses* has become the basis for the study. Since the key feature of the first Russian translations is their fragmentariness, the choice of the episode has been determined by the presence of the sought-for examples in all the stated translations: by S. Alymov and M. Levidov (1929); by D. Mirsky (1935); by N. Daruzes, a member of I. Kashkin's translation team, (1936). The translation by V. Khinkis and S. Horujy is not considered due to the time of its creation (1989, 1993). The translation fragments are examined for the presence of artistic or linguistic creativity inherent in the original. A language play has been chosen as a term; it is often regarded as an intentional language deviation

that violates generally accepted norms. The analysis of the examples shows that each of the translators prefers their own way of demonstrating Joyce's language play: (1) *Alymov* (songwriter) and *Levidov* (journalist and writer). They drew attention to Joyce's novel in search for specific words. In their translation, there are no syntax or grammar changes but a montage and foregrounding devices. (2) *Mirsky* (literary critic and publicist). His translation fragments were part of a critical article whose aim was to demonstrate the flaws of Joyce's innovative writing method, but the result was a representation of the true essence of the novel in one of its manifestations—the language play. Mirsky's passages represented the author's linguistic creativity, the language play and creation of neologisms. (3) *Daruzes* (translator). Joyce's linguistic deformations aimed at breaking stereotypes are presented in Daruzes' translation mainly within the limits of the language norm; conventional language structures are maintained. The study of the examples shows a significant discrepancy in the perception of the author's language play by the translators. The reasons may be the following: (1) a subjective approach when the translation has been made by an amateur or a professional. The first option expands the possibilities of creativity while the second one limits them; (2) an objective restraining factor: a discrepancy in the language systems; (3) the fragmentary translations themselves influence the actions of individual translators; disintegration eliminates the plot and, as a consequence, the need to demonstrate the participation of the language itself, i.e., deformation or deviation. Thus, having been partially manifested by Alymov, Levidov and Mirsky and almost completely lost in Daruzes' work, stylistic eccentricity is not able to become the basic element of the plot in the Russian translations of the 1920s–1930s.

REFERENCES

1. Carlos, G.T. (2012) Towards a New and More Constructive Partnership: The Changing Role of Translation in Comparative Literature. *Fu Jen Studies: Literature & Linguistics*. 45. [Online] Available from: https://www.academia.edu/4251399/Towards_a_New_and_More_Constructive_Partnership_The_Changing_Role_of_Translation_in_Comparative_Literature.
2. Klyus, A.G. (2013) Main Aspects of Modern Comparative Studies as Leading Scientific Strategy of Classical Cognition. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences: Issues of Theory and Practice*. 8 (26):II. pp. 87–89. (In Russian).
3. Inci Sariz. (2010) *The Reception of Translation in Comparative Literature From the 19th Century Onwards*. Istanbul Bilgi University.
4. Trotta, J. (n.d.) *Creativity, playfulness and linguistic carnivalization in James Joyce's Ulysses*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/8402289/Creativity_Playfulness_and_Linguistic_Carnivalization_in_James_Joyces_Ulysses.
5. Naugol'nykh, E.A. (2010) Occasional Words as Part of the Writer's Language Game (Based on James Joyce's Ulysses). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 6. pp. 83–89. (In Russian).
6. Mcgee, P. (1988) *Paperspace: Style as ideology in Joyce's Ulysses*. Lincoln: Lincoln University Press.
7. Nesterova, N.M. & Naugol'nykh, E.A. (2019) The Deformation of Language in James Joyce's Literary Works: Interpretation and Translation Challenges. *Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*. 23 (2). pp. 460–472. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-460-472.
8. Barthes, R. (2001) *Semiotika* [Semiotics]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii prospekt. pp. 327–370.
9. Volkogonova, A.V. & Krassa, S.I. (2014) Pun – Language Game – Carnivalization. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. pp. 133–135. (In Russian).
10. Xianyou Wu. (2011) The Poetics of Foregrounding: The Lexical Deviation in Ulysses. *Theory and Practice in Language Studies*. 1 (9). pp. 1176–1184.
11. Shklovskiy, V.B. (1919) *Iskusstvo kak priem. Poetika* [Art as a Technique. Poetics]. Petrograd: 18-aya Gos. tipografiya. pp. 13–26.
12. Dzhusupov, N.M. (2016) Foregrounding Theory in Linguistics: Foundations, Trends, Interpretations. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – Rudn Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2. pp. 41–50. (In Russian).
13. Mirskiy, D. (1933) Dzheyms Dzhoyz [James Joyce]. In: Gor'kiy, M. et al. (eds) *God shestnadsatyy. Al'manakh pervyy* [Year Sixteen. Almanac One]. Moscow: Sovetskaya literatura. pp. 428–450.
14. Joyce, J. (2010) *Ulysses*. Wordsworth Editions Limited.
15. Joyce, J. (1929) *Uliss. (Fragmenty)* [Ulysses. (Fragments)]. Translated from English by S. Alymov, M. Levidov. *Literaturnaya gazeta*. 20. p. 3.
16. Joyce, J. (2015) *Uliss. Rannie perevody* [Ulysses. Early Translations]. Translated from English. Salamandra P.V.V. pp. 44–48.
17. Joyce, J. (2000) *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from English. Moscow: Raduga. pp. 418–449.
18. Yourdictionary.com. (n.d.) *Gobful*. [Online] Available from: <https://www.yourdictionary.com/gobful>.
19. Buzadzhi, D.M. (2011) K voprosu ob opredelenii ponyatiya “perevod” [On the Definition of the Concept “Translation”]. *Mosty*. 2 (30). pp. 44–55.

Received: 26 April 2020

Д.А. Чернова, Н.А. Слюсарь, С.В. Алексеева

ОСОБЕННОСТИ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00837).

Результаты эксперимента, направленного на изучение восприятия падежных форм существительных, показывают, что неверные (не соответствующие контексту) падежные формы, окончание которых синкретично окончанию требуемого в данном контексте падежа у существительных другого типа склонения, обрабатываются значимо быстрее других ошибочных форм. Это свидетельствует о морфологической декомпозиции, в результате которой оказываются активированы все наборы грамматических признаков синкретичного аффикса.

Ключевые слова: падежные формы; зрительное распознавание слова; чтение предложения; декомпозиция; ментальный лексикон.

Введение

В современных исследованиях чтения важное место занимает изучение орфографической обработки изменяемых словоформ. Эта проблема связана с более общим вопросом о том, как в ментальном лексиконе осуществляется доступ к лексическому и грамматическому значению слов. Словоформы одной лексемы, в частности падежные формы, близки по написанию (и произношению) и противопоставлены друг другу по грамматическим значениям. Таким образом, вопрос о том, как происходит их обработка, связан с изучением как низкоуровневых процессов чтения (например, механизмов распознавания букв в слове), так и высокоуровневых морфосинтаксических процессов – механизмов доступа к лексическому и грамматическому значению слова и его интеграции в контекст. Интерес представляет обработка как отдельных (изолированных) словоформ, так и словоформ, встроенных в контекст предложения. Исследования проводятся на материале языков с развитым словоизменением, таких как немецкий [1], финский [2], сербский [3], русский [4] и др.

Существует несколько основных моделей доступа к изменяемым словам в ментальном лексиконе. Ключевое различие между этими моделями заключается в том, какую роль они отводят процессу декомпозиции, т.е. раскладыванию словоформы на морфемы (см.: [5]). Так называемая модель цельнословного хранения предполагает, что каждая словоформа хранится и распознается как отдельная запись в ментальном лексиконе [6, 7]. Модель автоматической декомпозиции [8, 9] постулирует раздельное хранение основ и окончаний и, соответственно, автоматическую декомпозицию любой словоизменительной формы на основу и окончание, независимый доступ к значению того и другого и последующую комбинацию значений в единое целое. Наконец, гибридные модели [10–12] признают сосуществование обоих способов хранения языковых единиц (как в виде цельной формы, так и в виде основ и окончаний), предполагая, что лексический доступ может идти либо по первому, либо по второму пути в зависимости от частотности или регулярности конкретной языковой единицы.

Отдельный вопрос касается того, как взаимосвязаны между собой словоформы одной лексемы в струк-

туре ментального лексикона. Есть надежные свидетельства того, что начальная форма слова обрабатывается быстрее любых других. В случае падежной парадигмы номинативно-аккузативных языков это форма именительного падежа по сравнению со всеми косвенными падежами [13]. Данное явление может объясняться и большей частотностью форм именительного падежа в целом относительно других падежей, и, как правило, большей частотностью формы именительного падежа конкретной лексемы по сравнению с ее косвенными формами, и большей «когнитивной выделенностью» именительного падежа, связанной со спецификой его грамматического значения (ядро падежной парадигмы, назывная форма). Однако вопрос об иерархии косвенных форм в ментальном лексиконе остается открытым.

В данной работе мы обращаемся к этому вопросу на материале русского языка. Русские существительные имеют развитую систему словоизменения. Словоизменительные классы подробно описаны А.А. Зализняком [14], а в упрощенной форме могут быть представлены в виде нескольких типов склонения. Далее мы будем использовать систему склонений, принятую в «Русской грамматике» [15], где к первому склонению относятся существительные мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже и существительные среднего рода. Следует отдельно отметить, что ключевой особенностью русской падежной системы является синкретизм, или морфологическая неоднозначность: например, совпадение форм винительного и родительного падежей для одушевленных существительных первого склонения в единственном числе (например, *без мальчика / на мальчика*) и для всех одушевленных существительных во множественном (например, *без девочек / на девочек*), совпадение форм дательного и предложного падежей для существительных второго склонения в единственном числе (например, *к девочке / о девочке; к папе / о папе*) и т.д. Анализ падежного синкретизма играет важную роль в различных морфологических теориях [16–19], а психолингвистические исследования, как показывают, в частности, рассмотренные ниже примеры, свидетельствуют о тесной связи между совпадающими формами в ментальном лексиконе. Кроме того, падежи отличаются с точки зрения ча-

стотности. Для русского языка были сделаны расчеты на материале различных корпусов [20, 21], согласно которым падежи можно расположить следующим образом в порядке убывания частотности форм: именительный, родительный, винительный, предложный, творительный, дательный.

Что касается предыдущих экспериментальных работ на материале русского языка, М.Д. Васильевой [22, 23] было проведено масштабное исследование восприятия изолированных падежных форм имен существительных с использованием методики лексического решения. (Суть методики лексического решения заключается в следующем. Испытуемому предъявляются на экране последовательности букв, и он должен как можно быстрее определить, являются ли они словами его родного языка или псевдословами. При этом регистрируется скорость, с которой испытуемый принимает решение, и точность его ответов. Это позволяет исследовать особенности доступа к слову в ментальном лексиконе.) Данное исследование показало, что в среднем у русских существительных формы именительного и винительного падежей распознаются значимо быстрее, чем формы родительного и предложного, а формы дательного и творительного падежей распознаются значимо дольше других. При этом у существительных мужского рода первого склонения в единственном числе дольше всего обрабатываются формы родительного и предложного падежей, а у существительных женского рода второго склонения – формы дательного и предложного. Это лишь частично соотносится с данными о частотности падежей [20, 21]; кроме того, часть различий можно объяснить падежным синкретизмом: так, во втором склонении форма дательного падежа совпадает в единственном числе с формой предложного (например, *к девочке / о девочке*).

Кроме того, на материале изолированных словоформ в эксперименте использовалась методика лексического решения с праймингом. (Этот метод отличается от простого задания на принятие лексического решения тем, что перед целевой последовательностью букв на экране на небольшой промежуток времени показывается еще одна последовательность букв (*прайм*). Изменение скорости распознавания целевого слова под влиянием прайма называется *эффектом прайминга*. Так, если прайм совпадает с целевым словом или связан с ним по смыслу или по форме, целевое слово распознается значимо быстрее, чем в контрольном условии (где стимул и прайм никак не связаны). Эффект прайминга *объясняется* тем, что ключевое слово уже было активировано в ментальном лексиконе и его повторная активация требует меньше времени.) С.В. Алексеева и Н.А. Слюсарь показали [24], что косвенные формы русских существительных подвергаются декомпозиции на ранних этапах обработки. Они выявили, что при чтении близких по написанию слов с перестановкой букв, затрагивающей окончание, отсутствует прайминг-эффект: так, прайм *призам* не влияет на скорость распознавания целевого слова *призма*, несмотря на сходство графического облика. Это может быть объяснено тем, что косвенная форма сразу рас-

кладывается на основу и окончание, доступ к которым происходит отдельно. Если форма *призам* распадается на основу *приз-* и окончание *-ам*, каждый компонент существенно отличается от целевого слова *призма* с точки зрения визуального облика (по количеству и составу букв), вследствие чего прайминг-эффект, который возникает лишь при очень сильном графическом сходстве, в данном случае не фиксируется. При этом начальные формы, в отличие от косвенных, прайминг-эффект вызывают: так, прайм *бая* уменьшает время распознавания целевого слова *баян*. Это свидетельствует о том, что начальные формы не подвергаются декомпозиции, и подтверждает идею об их особом статусе в ментальном лексиконе. В целом эти данные согласуются с гибридными моделями, постулирующими хранение как целых словоформ, так и отдельных морфем.

Одновременно с этим отмечается, что восприятие словоформ в контексте предложения [25, 26] может подчиняться иным закономерностям, чем их восприятие в изоляции. Так, в экспериментах на материале финского языка эффекты контекстной предсказуемости оказались сильнее эффекта частотности формы. В результате скорость обработки форм разных падежей в соответствующих этим падежам контекстах не отличалась [25].

На материале русского языка обработка падежных форм в контексте предложения рассматривается только в серии исследований Н.А. Слюсарь и Н.В. Череповской, посвященной так называемой аттракции при согласовании [27, 28] – ошибке в выборе падежа существительного, вызванной синкретизмом падежных форм прилагательного (**Фильмы без известных актерах пользуются меньшим успехом*). Используя метод чтения с саморегулировкой скорости, Н.А. Слюсарь и Н.В. Череповская обнаружили так называемую иллюзию грамматической правильности при обработке формы существительного в падеже, который не соответствует управлению предлога, но сочетается с формой прилагательного (**без известных актерах*): замедление обработки таких ошибочных форм меньше выражено, чем при обработке ошибочной формы существительного, не соответствующей форме прилагательного (**без известных актерам*). Однако, сравнивая скорость чтения форм разных падежей в контрольном условии, где форма прилагательного не синкретична (*плакаты к завтрашним дебатам / *дебатов / *дебатах*), Н.А. Слюсарь и Н.В. Череповская не нашли между формами, не соответствующими падежному управлению предлога, никаких значимых различий, несмотря на то что форма родительного падежа частотнее, чем форма предложного [20, 21].

Такие данные соответствуют описанным выше результатам, полученным на материале финского языка. Но все же на основании этого единичного примера невозможно делать общие выводы о тех факторах, которые влияют на обработку падежных форм в контексте предложения. Поэтому в данной работе нам представляется целесообразным включить в рассмотрение и другие падежные формы, а также другие типы грамматического контекста.

Постановка задачи

В нашем исследовании с применением методики чтения с саморегулировкой скорости рассматривается обработка падежных форм русских существительных в контексте предложения. Мы сравниваем обработку грамматически правильных предложений и предложений с грамматической ошибкой – неверно выбранной падежной формой. Изменение степени замедления (а следовательно, затруднения обработки) по сравнению с контрольной грамматически правильной формой в зависимости от того, какая именно ошибка допущена, даст возможность проверить, сохраняется ли при обработке словоформ в контексте предложения эффект падежной иерархии, выявленный М.Д. Васильевой [22, 23] для изолированных падежных форм, а также, возможно, позволит выявить другие факторы, влияющие на обработку.

Материалом исследования стали предложения с предлогом, управляющим определенным падежом, после которого следовало ключевое слово – верная или неверная падежная форма существительного. В качестве ключевых слов были выбраны существительные женского рода второго склонения в форме единственного числа. Так как включить в один эксперимент и единственное, и множественное число, а также разные словоизменительные классы невозможно из соображений объема, мы решили остановиться на таких ключевых словах, так как в этой парадигме проще ситуация с падежным синкретизмом. Во втором склонении в единственном числе совпадают формы дательного и предложного падежей, в то время как во всех остальных парадигмах синкретизм зависит от одушевленности и форма винительного падежа совпадает или с родительным, или с именительным (а также могут совпадать другие формы).

Также невозможно в рамках одного эксперимента сравнить друг с другом все падежи. Поэтому мы выбрали родительный, дательный, винительный и творительный. Эти падежи отличаются по частотности (родительный и винительный значительно превосходят дательный и творительный). Если посмотреть на два менее частотных падежа, дательный отличается от творительного с точки зрения синкретизма: у выбранных нами ключевых слов его формы совпадают с формами предложного. Тем не менее даже при таких ограничениях включение всех падежных комбинаций в одну экспериментальную сессию сделало бы эксперимент слишком длинным. Поэтому было решено провести две отдельные экспериментальные сессии: в первую вошли предложения с предлогами, управляющими родительным и дательным падежами, а во вторую – винительным и творительным падежами.

Экспериментальная сессия 1: обработка падежных форм в контексте предлогов, управляющих дательным и родительным падежами

Метод. В эксперименте приняли участие 42 носителя русского языка, монолингвы в возрасте от 18 до 32 лет, 36 женщин и 6 мужчин.

В первую экспериментальную сессию вошли два блока стимулов: предложения с предлогами *из* и *у*,

управляющими родительным падежом (см. примеры 1a-d, 2a-d), а также предложения с предлогами *к* и *по*, управляющими дательным падежом (см. примеры 3a-d, 4a-d). В контрольном условии использовалась верная падежная форма (см. примеры 1a, 2a, 3a, 4a), в трех других условиях производилась подмена на форму какого-либо другого падежа (см. примеры 1b-d, 2b-d, 3b-d, 4b-d). В качестве ключевых слов использовались существительные с основой на твердый согласный, чтобы формы родительного и дательного падежей не являлись омофонами.

- (1)
a) *Десерт из малины содержит много витаминов.*
b) *Десерт из *малине содержит много витаминов.*
c) *Десерт из *малину содержит много витаминов.*
d) *Десерт из *малиной содержит много витаминов.*

- (2)
a) *Коттедж у трассы стоит очень дешево.*
b) *Коттедж у *трассе стоит очень дешево.*
c) *Коттедж у *трассу стоит очень дешево.*
d) *Коттедж у *трассой стоит очень дешево.*

- (3)
a) *Письмо к сестре потерялось на почте.*
b) *Письмо к *сестры потерялось на почте.*
c) *Письмо к *сестру потерялось на почте.*
d) *Письмо к *сестрой потерялось на почте.*

- (4)
a) *Движение по автостраде будет надолго прервано.*
b) *Движение по *автострады будет надолго прервано.*
c) *Движение по *автостраду будет надолго прервано.*
d) *Движение по *автострадой будет надолго прервано.*

Все предложения содержали по семь слов, целевое слово всегда было третьим. Было создано четыре экспериментальных протокола по числу условий: в каждый протокол вошло 40 экспериментальных предложений (20 с предлогами, управляющими дательным падежом, и 20 с предлогами, управляющими родительным падежом), по пять предложений в каждом условии. Экспериментальные предложения были распределены по протоколам по принципу латинского квадрата, т.е. в каждом протоколе каждое из предложений предъявлялось только один раз в одном из четырех возможных условий. Например, в первый протокол попадали предложения 1a, 2b, 3c, 4d и так далее, во второй – 1b, 2c, 3d, 4a и так далее, в третий – 1c, 2d, 3a, 4b и так далее, в четвертый – 1d, 2a, 3b, 4c и так далее. Таким образом появляется возможность сравнить скорость обработки одних и тех же лексем в одних и тех же контекстах (предложениях) в четырех различных условиях (падежных формах).

Кроме того, в каждый протокол было включено 120 предложений-филлеров. Они не содержали грамматических ошибок (например, «*Экскурсия по крепости длилась два часа*») и в разных протоколах не варьировались. Филлеры были необходимы для того, чтобы доля предложений с падежными ошибками не была слишком большой – иначе читающие перестали бы на них реагировать.

Для проведения эксперимента использовалась онлайн-платформа Ihex Farm [29]. Была выбрана клас-

сическая методика чтения с саморегулировкой скорости, которая широко используется в экспериментальных исследованиях синтаксиса и морфосинтаксиса [30]. Испытуемым была дана инструкция читать предложения и отвечать на вопросы по их содержанию. Предложения предъявлялись пословно: сначала предложение появлялось на экране компьютера, замаскированное дефисами (т.е. все буквы были заменены на дефисы, а пробелы и знаки препинания сохранены), при нажатии испытуемым на клавишу «пробел» появлялось первое слово, при следующем нажатии на клавишу – следующее слово и т.д. Был использован некумулятивный вариант методики, т.е. уже прочитанное слово вновь заменялось на последовательность дефисов: это давало возможность измерить время чтения каждого отдельного слова, исключая возможность возврата к уже прочитанным фрагментам.

Программа фиксировала время между нажатиями на клавишу с точностью до 1 мс – таким образом регистрировалась скорость прочтения каждого слова в предложении. После блока из четырех тренировочных предложений следовали экспериментальные предложения, в случайном порядке перемешанные с филлерами. Для того чтобы испытуемые читали достаточно внимательно, после 30% предложений задавались вопросы по содержанию прочитанного с двумя вариантами ответов, из которых испытуемые должны были выбрать правильный (например, «*Сколько длилась экскурсия по крепости? а) час; б) два часа*»).

Результаты. Сначала была проанализирована точность ответов на вопросы по содержанию прочитанного. Число допущенных ошибок не превышало 6% ни у одного участника. Это свидетельствует о том, что все читали предложения достаточно внимательно, а значит, данные всех участников могут быть включены в дальнейший анализ.

Далее была произведена предварительная обработка времен реакции. А именно, выбросы (очень быстрые и очень медленные реакции) были подвергнуты винзоризации, как это часто делается в исследованиях грамматических явлений, в которых использован метод чтения с саморегулировкой скорости (см., например, [31, 32]). Под винзоризацией подразумевается следующее. Сначала реакции, превышающие некоторый порог, приравниваются к этому значению. В нашем случае, как и в других подобных исследованиях, в качестве порога было выбрано значение в 1500 мс. Это делается, чтобы реакции, связанные с тем, что испытуемый отвлекся, не повлияли существенно на результат. На следующем этапе времена реакции, которые выходят за границы, рассчитанные по формуле $M \pm 2,5SD$ (где M – среднее значение, а SD – стандартное отклонение для каждого сегмента в каждом условии), приравниваются к соответствующей границе. В нашем случае винзоризацией было затронуто около 2% всех данных. Преимуществом этого подхода является то, что после винзоризации количество данных не изменяется, однако очень быстрые и очень медленные реакции заменяются на менее экстремальные значения, посчитанные на основе средних для каждого сегмента в каждом условии.

Статистический анализ времени реакции был проведен для ключевого слова и слова, следующего за ключевым, отдельно в контексте предложения, управляющего родительным падежом, и в контексте предложения, управляющего дательным падежом. Был использован метод смешанной линейной регрессии. Сначала правильный вариант сравнивался с каждым из ошибочных. В этом случае в модель была введена одна независимая переменная «используемый падеж» с четырьмя уровнями (правильный вариант и три ошибочных), закодированная через контраст «treatment». Базовым уровнем выступал правильный вариант.

Затем мы сравнивали ошибочные варианты между собой. Уровни независимой переменной в этом случае также были закодированы через контраст «treatment». В первом сравнении базовым уровнем выступал первый (при сортировке названий падежей по алфавиту) ошибочный вариант, с ним сравнивались два остальных. Во втором сравнении в качестве базового уровня мы выбрали второй (при сортировке по алфавиту) ошибочный вариант и сравнили его с третьим. Во всех сравнениях случайные эффекты включали среднее (intercept) по каждому участнику и по каждому предложению. Зависимая переменная (время реакции) была введена в модель в трансформированном виде (использовалась обратная трансформация). Это было необходимо для того, чтобы так называемые остатки модели (та вариативность, которую не удалось предсказать) были распределены нормально.

Для статистической обработки данных мы использовали язык программирования R (www.r-project.org). Смешанные линейные регрессии были построены при помощи библиотеки lmer4 [33]. Расчет значимости был осуществлен при помощи библиотеки lmerTest [34]. В соответствии с поправкой Бонферрони на множественные сравнения для анализа ошибочных вариантов уровень значимости был установлен как равный 0,016 (в остальных случаях использовался уровень значимости 0,05).

Среднее время обработки ключевого слова в восьми экспериментальных условиях приведено в табл. 1 и на рис. 1 (где для наглядности представлены результаты обеих экспериментальных сессий). Ошибочные словоформы в целом обрабатываются дольше, чем правильные (выделено серым), однако это различие достигает статистической значимости только в контексте предлогов, управляющих родительным падежом (замена родительного на дательный: $b = 0,08$, $SE = 0,03$, $t = 2,45$, $p = 0,015$; замена родительного на винительный: $b = 0,09$, $SE = 0,03$, $t = 2,86$, $p = 0,004$; замена родительного на творительный: $b = 0,08$, $SE = 0,03$, $t = 2,45$, $p = 0,015$), а также при ошибочной форме родительного падежа в контексте предлогов, управляющих дательным ($b = 0,09$, $SE = 0,03$, $t = 3,46$, $p < 0,001$). Значимых отличий в обработке ошибок различных типов не наблюдается (для всех сравнений $p > 0,05$), кроме замедления обработки ошибочных форм родительного падежа по сравнению с ошибочными формами винительного падежа в контекстах предлогов, управляющих дательным ($b = 0,07$, $SE = 0,03$, $t = 2,58$, $p = 0,010$).

Таблица 1
Среднее время прочтения ключевого слова, мс

Требуемая форма / используемая форма	Винительный	Дательный	Родительный	Творительный
Дательный	407,4	388,4	441,8	415,3
Родительный	442,9	428,3	373,1	430,2

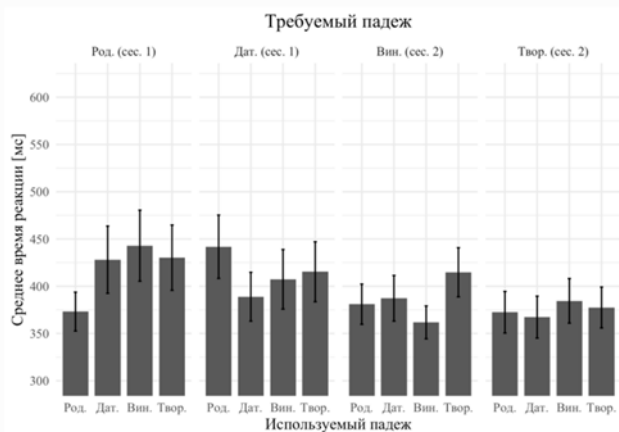

Рис. 1. Среднее время прочтения ключевого слова, мс

Среднее время прочтения слова, следующего за ключевым, в восьми экспериментальных условиях приведено в табл. 2 и на рис. 2.

Таблица 2
Среднее время прочтения слова, следующего за ключевым, мс

Требуемая форма / используемая форма	Винительный	Дательный	Родительный	Творительный
Дательный	490,9	401,9	544,7	527,3
Родительный	494,3	497,2	396,7	539,5

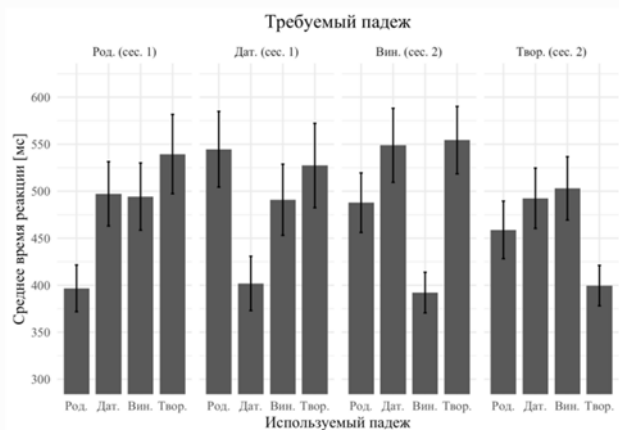

Рис. 2. Среднее время прочтения слова, следующего за ключевым, мс

Эффект замедления при обработке ошибочных форм по сравнению с верными проявляется более явно и статистически значим для всех контекстов (замена дательного на родительный: $b = 0,27$, $SE = 0,03$, $t = 8,00$, $p < 0,001$; замена дательного на винительный: $b = 0,17$, $SE = 0,03$, $t = 4,86$, $p < 0,001$; замена дательного на творительный: $b = 0,21$, $SE = 0,03$, $t = 6,06$, $p < 0,001$; замена родительного на дательный: $b = 0,19$, $SE = 0,03$, $t = 5,50$, $p < 0,001$; замена роди-

тельного на винительный: $b = 0,17$, $SE = 0,03$, $t = 4,97$, $p < 0,001$; замена родительного на творительный: $b = 0,24$, $SE = 0,03$, $t = 7,08$, $p < 0,001$). Кроме того, обнаруживается различие в обработке разных типов ошибок: в контексте управляющих дательным падежом предлогов *к* и *по* форма винительного падежа обрабатывается значимо быстрее (выделено жирным) формы родительного ($b = 0,11$, $SE = 0,03$, $t = 3,24$, $p = 0,001$) и несколько быстрее формы творительного (различие не достигает статистической значимости: $b = 0,04$, $SE = 0,03$, $t = 1,25$, $p = 0,210$). В предложениях с предлогами, управляющими родительным падежом, значимых различий между ошибочными формами обнаружено не было.

Экспериментальная сессия 2: обработка падежных форм в контексте предлогов, управляющих винительным и творительным падежами

Метод. В эксперименте приняли участие 55 носителей русского языка, монолингвы в возрасте от 19 до 40 лет, 31 женщина и 24 мужчины.

Во вторую экспериментальную сессию вошли два блока стимулов: предложения с предлогами *про* и *через*, управляющими винительным падежом (см. примеры 5a-d, 6a-d), и предложения с предлогами *с* и *над*, управляющими творительным падежом (см. примеры 7a-d, 8a-d). Как и в первой экспериментальной сессии, в контрольном условии использовалась верная падежная форма, в трех других условиях производилась подмена на форму другого падежа. Остальные характеристики стимульного материала полностью совпадали с первой сессией. В частности, в качестве ключевых использовались существительные второго склонения женского рода с основой на твердый согласный в форме единственного числа. Кроме того, в стимулах с предлогами, требующими винительного падежа, использовались только одушевленные существительные или имена собственные, чтобы исключить омонимию форм родительного падежа единственного числа и винительного падежа множественного числа (иначе примеры, аналогичные (7b) и (8b), были бы грамматически правильными). Структура экспериментальных протоколов и процедура эксперимента полностью совпадала с описанными для первой экспериментальной сессии.

- (5)
- Браслет с бирюзой спрятан в икатулке.
  - Браслет с *бирюзы спрятан в икатулке.
  - Браслет с *бирюзе спрятан в икатулке.
  - Браслет с *бирюзу спрятан в икатулке.

- (6)
- Полка над плитой повешена слишком низко.
  - Полка над *плиты повешена слишком низко.
  - Полка над *плите повешена слишком низко.
  - Полка над *плиту повешена слишком низко.

- (7)
- Басня про ворону прозвучала со сцены.
  - Басня про *вороны прозвучала со сцены.
  - Басня про *вороне прозвучала со сцены.
  - Басня про *вороной прозвучала со сцены.

(8)

а) Маршрут через Москву является единственно возможным.

б) Маршрут через *Москвы является единственно возможным.

в) Маршрут через *Москве является единственно возможным.

г) Маршрут через *Москвой является единственно возможным.

Результаты. Первичная обработка результатов и их статистический анализ производились так же, как и в первой экспериментальной сессии. В частности, ни один участник не допустил более 6% ошибок при ответах на вопросы. При анализе времен реакции винторизации подверглось менее 2% данных.

Среднее время прочтения ключевого слова в восьми экспериментальных условиях приведено в табл. 3 и на рис. 1. Ошибочные словоформы обрабатываются дольше, чем правильные (выделено серым цветом), однако это различие не достигает статистической значимости ни в одном сравнении ($p > 0,05$), кроме ошибочной формы творительного падежа в контексте предлогов, управляющих винительным ($b < 0,01$, $SE < 0,01$, $t = 4,26$, $p < 0,001$). Отличий в обработке ошибок различных типов не наблюдается ($p > 0,05$), кроме значимого замедления обработки ошибочных форм творительного падежа по сравнению с ошибочными формами родительного в контексте предлогов, управляющих винительным падежом ($b = 0,06$, $SE = 0,02$, $t = 2,53$, $p = 0,011$).

Таблица 3
Среднее время чтения ключевого слова, мс

Требуемая форма / используемая форма	Винительный	Дательный	Родительный	Творительный
Винительный	361,8	387,2	381,0	414,8
Творительный	384,6	367,3	372,5	377,5

Среднее время прочтения слова, следующего за ключевым, в восьми экспериментальных условиях приведено в табл. 4 и на рис. 2. Эффект замедления при обработке ошибочных форм по сравнению с верными проявляется более явно и является статистически значимым во всех сравнениях (замена винительного на родительный: $b < 0,01$, $SE < 0,01$, $t = 5,97$, $p < 0,001$; замена винительного на дательный: $b < 0,01$, $SE < 0,01$, $t = 8,67$, $p < 0,001$; замена винительного на творительный: $b < 0,01$, $SE < 0,01$, $t = 9,74$, $p < 0,001$; замена творительного на родительный: $b < 0,01$, $SE < 0,01$, $t = 4,01$, $p < 0,001$; замена творительного на дательный: $b < 0,01$, $SE < 0,01$, $t = 5,80$, $p < 0,001$; замена творительного на винительный: $b < 0,01$, $SE < 0,01$, $t = 6,35$, $p < 0,001$). Кроме того, обнаруживается различие в обработке разных типов ошибок. В контексте управляющих винительным падежом предлогов *про* и *через* ошибочная форма родительного падежа обрабатывалась значимо быстрее ошибочной формы дательного ($b = -0,08$, $SE = 0,03$, $t = -2,69$, $p = 0,007$) и творительного ($b = -0,11$, $SE = 0,03$, $t = -3,64$, $p < 0,001$) (выделено жирным шрифтом).

Таблица 4

Среднее время чтения слова, следующего за ключевым, мс

Требуемая форма / используемая форма	Винительный	Дательный	Родительный	Творительный
Винительный	392,2	548,9	487,8	554,4
Творительный	503,1	492,5	458,9	399,6

Обсуждение. Прежде всего, в обеих экспериментальных сессиях мы наблюдаем, что быстрее всего происходит обработка формы того падежа, которым управляет употребленный в предложении предлог. Это ожидаемый результат: ошибочные формы вызывают значимое замедление обработки по сравнению с правильной во всех контекстах. Заметим, что это замедление более ярко выражено не при чтении ключевого слова, а при чтении слова, следующего за ключевым: если в ключевом сегменте различия не всегда достигают значимости, оставаясь на уровне тенденции, в следующем сегменте все ошибочные условия значимо отличаются от соответствующих правильных. Во многих работах отмечается, что эффекты, связанные с затруднением морфосинтаксической обработки, могут проявляться на следующем слове, и это особенно характерно именно для данных, полученных с помощью методики саморегулировки скорости чтения по сравнению, например, с методикой регистрации движения глаз [35, 36].

При сопоставлении обработки различных типов падежных ошибок не обнаружено падежных форм, которые, будучи употреблены ошибочно, всегда обрабатывались бы быстрее или дольше других неверных форм. Таким образом, иерархия падежных форм, выявленная М.Д. Васильевой для изолированно предъявляемых русских существительных [23], согласно нашим данным, не проявляется при обработке форм в контексте предложения. Также мы не можем сказать, что формы более частотных падежей, родительного и винительного, обрабатываются быстрее, чем формы дательного и творительного. Эти выводы соотносятся со сделанными ранее на материале финского языка [25], однако в этом исследовании авторы ограничились несколькими сравнениями. Попытка систематически сравнить разные падежные формы в контекстах, где требуются различные падежи, была предпринята нами впервые.

Кроме того, нам удалось выявить некоторые значимые отличия в скорости обработки одних ошибочных форм по сравнению с другими, которые не были обнаружены ни в одной предыдущей работе. Так, в контексте предлогов, управляющих винительным падежом, ошибочная форма родительного падежа (**про вороны*) прочитывалась значимо быстрее других ошибочных форм (**про вороне*, **про вороной*). Отметим, что такая форма не могла быть воспринята как форма винительного падежа множественного числа от этого слова. В предложениях, где требовался винительный падеж, все ключевые существительные были либо одушевленными (соответственно, в винительном падеже множественного числа они имели нулевое окончание (например, *про ворон*), либо именами собственными, не имеющими формы множественного

числа (например, *через Неву*). Однако появление словоформы с окончанием *-ы* в контексте управляющих винительным падежом предлогов все-таки возможно: это окончание встречается в формах множественного числа других, не использовавшихся в эксперименте лексем, а именно неодушевленных существительных женского рода (*про короны*) или мужского рода (*про вагоны*).

Аналогичная закономерность была обнаружена нами для форм винительного падежа в контексте предлогов, управляющих дательным (**к сестру*). Такая ошибка обрабатывалась значимо быстрее ошибочных форм родительного и творительного падежей в тех же контекстах (**к сестры*, **к сестрой*). Это также может быть объяснено тем, что окончание *-у* передает не только грамматическое значение винительного падежа у существительных второго склонения, но и значение дательного падежа у существительных первого склонения (*к брату*).

Таким образом, наши данные позволяют предположить следующее. При чтении носитель языка, с одной стороны, предсказывает конкретную форму, которая последует за управляющим предлогом, вследствие чего верные формы всегда обрабатываются значительно быстрее неверных независимо от их частотности и места в выявленной для изолированных форм падежной иерархии [23]. С другой стороны, носитель языка предсказывает также определенный набор окончаний, связанных с данным падежом в том или ином типе склонения. В контексте управляющего дательным падежом предлога окончание *-у* ожидаемо, поэтому ошибочная форма **к сестру* обрабатывается дольше правильной формы *к сестре*, но быстрее неверных **к сестрой* и **к сестры*. Это свидетельствует о том, что окончания представлены в ментальном лексиконе независимо от основ, и, соответственно, является аргументом в пользу морфологической декомпозиции.

О морфологической декомпозиции говорят и результаты экспериментов, в которых исследовались изолированные словоформы (например, [4] и [24] на материале русского языка). Однако на основании собранных нами данных мы можем дополнить картину: при обработке предложения окончания не только отделяются от основы и интерпретируются независимо – при этом активируются все наборы грамматических признаков, которые с ними связаны, а не только набор, подходящий для обрабатываемой лексемы. Именно за счет этого ошибки типа **к сестру* или **про вороны* вызывают меньшее замедление при чтении.

Здесь можно заметить, что хотя взрослые носители русского языка не допускают таких ошибок при по-

рождении речи, они очень характерны для усвоения языка детьми [37–39]. Русскоговорящие дети трех-четырех лет часто допускают ошибки, вызванные смешением окончаний различных словоизменительных классов (*видим машинок, удочком рыбу ловили, суп с вермишелем*), но крайне редко используют форму одного падежа вместо другого: «...для передачи значений известного падежа используются окончания только этого падежа... в пределах одного падежа распространено смешение окончаний, свидетельствующее о том, что... соотносительность окончаний одного типа склонения усваивается значительно позже, чем разграничение падежей» [37. С. 394]. Таким образом, обсуждаемая выше идея о соотносительности падежа с определенным набором окончаний и относительно независимом статусе окончаний в ментальном лексиконе носителя русского языка находит подтверждение не только в аспекте восприятия письменной речи, но и в аспекте порождения устной речи детьми. Взрослые носители избавляются от такого рода ошибок при порождении, однако общие принципы организации системы сохраняются и проявляются при обработке речи.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного экспериментального исследования можно сформулировать несколько закономерностей обработки падежных форм в контексте предложения. Во-первых, основным эффектом является эффект контекстной предсказуемости – подходящие по контексту падежные формы обрабатываются быстрее, чем неподходящие. Во-вторых, закономерности, выявленные при обработке падежных форм в изоляции (в частности, иерархия падежных форм, описанная для русского языка М.Д. Васильевой [23]), в контексте не действуют.

В-третьих, мы впервые показали, что контекстная предсказуемость действует не только на уровне конкретных словоформ, но и на уровне отдельных морфем (окончаний). Словоформы с окончанием, которое соответствует требуемому падежу, но используется в лексемах другого типа склонения, вызывают меньшее затруднение при обработке по сравнению со словоформами, имеющими окончание, не соответствующее нужному падежу ни в одном из типов склонения. Полученные данные свидетельствуют о морфологической декомпозиции при обработке словоформ и о возможности «отдельного» хранения окончаний в ментальном лексиконе, о предсказуемости на уровне не только лексических, но и грамматических элементов при чтении предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Clahsen H., Eisenbeiss S., Hadler M., & Sonnenstuhl I. The mental representation of inflected words: an experimental study of adjectives and verbs in German // *Language*. 2001. № 77. P. 510–543.
2. Jarvikivi J., Niemi J. Form-Based Representation in the Mental Lexicon: Priming (with) Bound Stem Allomorphs in Finnish // *Brain and language*. 2002. № 81. P. 412–423.
3. Kostic A., Mirkovic J. Processing of inflected nouns and levels of cognitive sensitivity // *Psihologija*. 2002. № 35. P. 287–297.
4. Gor K., Chrabaszcz A., Cook S. Processing of native and nonnative inflected words: Beyond affix stripping // *Journal of Memory and Language*. 2017. № 93. P. 315–332.
5. Васильева М.Д. Ментальный лексикон: где же место морфологии? // *Российский журнал когнитивной науки*. 2014. № 1 (4). С. 31–57.

6. Butterworth B. Lexical representation // *Language Production: Development, Writing and Other Language Processes*. London : Academic Press, 1983. P. 257–294.
7. Baayen R.H., Milin P., Filipović Đurđević D., Hendrix P., Marelli M. An amorphous model for morphological processing in visual comprehension based on naive discriminative learning // *Psychological Review*. 2011. № 118. P. 438–481.
8. Taft M. Morphological decomposition and the reverse base frequency effect // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2004. № 57A. P. 745–765.
9. Fruchter J., Marantz A. Decomposition, lookup, and recombination: MEG evidence for the Full Decomposition model of complex visual word recognition // *Brain and Language*. 2015. № 143. P. 81–96.
10. Baayen R.H., Dijkstra T., Schreuder R. Singulars and plurals in Dutch: Evidence for a parallel dual route model // *Journal of Memory and Language*. 1997. № 37. P. 94–117.
11. Clahsen H., Felser C., Neubauer K., Sato M., Silva R. Morphological structure in native and nonnative language processing // *Language Learning*. 2010. № 60. P. 21–43.
12. Pinker S. *Words and rules: the ingredients of language*. New York : Harper Collins, 1999. 352 p.
13. Lukatela G., Carello C., Turvey M. Lexical representation of regular and irregular inflected nouns // *Language and Cognitive Processes*. 1987. № 2. P. 1–17.
14. Зализняк А.А. *Грамматический словарь русского языка: Словоизменение*. М., 1977. 879 с.
15. *Русская грамматика* / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с.
16. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже // *Избранные работы*. М. : Прогресс, 1985. С. 133–175.
17. Baerman M., Brown D.P., Corbett G.G. *The syntax-morphology interface: A study of syncretism*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
18. Stump G. *Inflectional morphology*. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
19. Zwicky A. Systematic versus accidental phonological identity // *Paradigms: The economy of inflection*. Berlin : Mouton de Gruyter. P. 113–132.
20. Копотев М.В. К построению частотной грамматики русского языка: падежная система по корпусным данным / А. Mustajoki, M.V. Kopotev, L.A. Birjulin, E.Ju. Protasova (Eds.) // *Slavica Helsingiensia*. Helsinki : University of Helsinki, 2008. № 34. P. 136–151.
21. Слюсарь Н.А., Самойлова М.В. Частотности различных грамматических характеристик и окончаний у существительных русского языка // *Материалы 21-й Международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог» (27–30 мая, Москва)*. 2015. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/SlioussarNASamoilovaMV.pdf>
22. Vasilyeva M. Demasking Russian case inflection // *Когнитивная наука в Москве: новые исследования : материалы конф. (15 июня 2017 г.)*. М. : Букри Веди; ИПШПИ, 2017. С. 467–472.
23. Vasilyeva M. Russian case inflection: Processing costs and benefits // *Advances in formal Slavic linguistics 2016 / eds. by Denisa Lenertová, Roland Meyer, Radek Šimik & Luka Szucsich*. Berlin : Language Science Press, 2018. P. 427–453.
24. Алексеева С.В., Слюсарь Н.А. Орфографические соседи в русском языке: база данных и эксперимент, направленный на изучение морфологической декомпозиции // *Вопросы психолингвистики*. 2017. № 32 (2). С. 12–27.
25. Bertram R., Hyöñä J., Laine M. The role of context in morphological processing: Evidence from Finnish // *Language and Cognitive Processes*. 2000. № 15 (4/5). P. 367–388.
26. Hyöñä G., Vainio S., Laine M. A morphological effect obtained for isolated words but not for words in sentence context // *European Journal of Cognitive Psychology*. 2002. № 14 (4). P. 417–433.
27. Slioussar N., Cherepovskaia N. Processing of case morphology: Evidence from Russian // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2013. № 12. P. 726–735.
28. Slioussar N., Cherepovskaia N. Case Errors in Processing: Evidence from Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The First Hamilton Meeting 2013 / eds by C. Chapman, O. Kit, I. Kučerova*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2014. P. 319–338.
29. Drummond A., von der Malsburg T., Erlewine M.Y., Vafaie M. *Ibex farm*. GitHub, 2016. URL: <https://github.com/addrummond/ibex>
30. Just M.A., Carpenter P.A., Woolley J.D. Paradigms and processes in reading comprehension // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1982. № 111. P. 228–238.
31. Tucker M.A., Idrissi A., Almeida D. Representing number in the real-time processing of agreement: self-paced reading evidence from Arabic // *Frontiers in psychology*. 2015. № 6. P. 347.
32. Ness T., Meltzer-Asscher A. When is the verb a potential gap site? The influence of filler maintenance on the active search for a gap // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2019. № 34 (7). P. 936–948.
33. Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. lme4: Linear mixed-effects models using Eigen and S4 // R package version 1. 2015. P. 1–8.
34. Kuznetsova A., Brockhoff P.B., Christensen R.H.B. lmerTest Package: Tests in Linear Mixed Effects Models // *Journal of Statistical Software*. 2017. № 82. P. 1–26.
35. Witzel N., Witzel J., Forster K. Comparisons of Online Reading Paradigms: Eye Tracking, Moving-Window, and Maze // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2012. № 41. P. 105–128.
36. Frank S.L., Monsalve I.F., Thompson R.L., Vigliocco G. Reading time data for evaluating broad-coverage models of English sentence processing // *Behavior Research Methods*. 2013. № 45 (4). P. 1182–1190.
37. Гвоздев А.Н. *Вопросы изучения детской речи*. СПб. : Детство-Пресс, 2007. 472 с.
38. Дейтлин С.Н. *Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи*. М. : Знак, 2009. 592 с.
39. Воейкова М.Д. *Становление имени: усвоение детьми именных категорий русского языка*. М. : Языки славянской культуры, 2015. 350 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 апреля 2020 г.

Orthographic Processing of Russian Case Forms in Sentential Context

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 45–54.

DOI: 10.17223/15617793/454/6

Daria A. Chernova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: d.chernova@spbu.ru

Natalia A. Slioussar, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: slioussar@gmail.com

Svetlana V. Alexeeva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mail@s-alexeeva.ru

Keywords: case forms; visual word recognition; sentence processing; decomposition; mental lexicon.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-00837.

The aim of the study is to compare the processing of Russian case forms in sentential contexts. In most contexts, only one form is correct, so the question is which case errors are more costly and why. Russian has a rich inflectional morphology: Russian nouns are inflected for six cases and two numbers and belong to several inflectional classes with diverse patterns of syncretism. Many studies of case processing in morphologically rich languages investigated differences between noun forms presented in isolation, case hierar-

chies were revealed according to the reaction times in a lexical decision task. Frequency, syncretism and other factors were found to affect reaction times. However, morphological processing in isolation and in context may be influenced by different factors, and it is not clear which factors are relevant in sentential context and which are not. In the authors' self-paced reading study (96 participants, Latin square design), Russian sentences with prepositions requiring different cases (Genitive, Dative, Accusative, Instrumental) were used in four conditions, with correct and incorrect case forms: e.g., *Desert iz maliny-GEN/ *maline-DAT/ *malinu-ACC/ *malinoy-INS soderzhit mnogo vitaminov* [A Raspberry dessert contains many vitamins]. All target nouns were feminine singular of the same inflectional class, this allowed avoiding undesired syncretism patterns. The authors used linear mixed-effects models for statistical analysis. All errors were read longer than correct case forms. Among incorrect forms, Genitive forms after prepositions requiring Accusative and Accusative forms after prepositions requiring Dative were processed significantly faster than other errors ($p < 0.01$). This can be explained by the syncretism of case affixes across different inflection types in Russian: the Gen.Sg affix in the first declension coincides with the Acc.Pl affix in many inanimate nouns; the Acc.Sg affix in the first declension coincides with the Dat.Sg one in the second declension. The data show that after a preposition the reader not only predicts a particular form (hence correct forms are always processed faster independently from their relative frequency and place in the case hierarchy, which are usually called upon to explain RTs to isolated forms), but also expects a particular set of inflections, which are associated with the relevant case in one or another inflectional class. The second finding is novel and provides evidence for the morphological decomposition and independent representation of inflectional affixes in the mental lexicon.

REFERENCES

1. Clahsen, H., Eisenbeiss, S., Hadler, M. & Sonnenstuhl, I. (2001) The mental representation of inflected words: an experimental study of adjectives and verbs in German. *Language*. 77. pp. 510–543.
2. Järvikivi, J. & Niemi, J. (2002) Form-Based Representation in the Mental Lexicon: Priming (with) Bound Stem Allomorphs in Finnish. *Brain and Language*. 81. pp. 412–423.
3. Kostic, A. & Mirkovic, J. (2002) Processing of inflected nouns and levels of cognitive sensitivity. *Psihologija*. 35. pp. 287–297.
4. Gor, K., Chrabaszc, A. & Cook, S. (2017) Processing of native and nonnative inflected words: Beyond affix stripping. *Journal of Memory and Language*. 93. pp. 315–332.
5. Vasil'eva, M.D. (2014) Mental Lexicon: Where Is Morphology Located? *Rossiyskiy zhurnal kognitivnoy nauki – Russian Journal of Cognitive Science*. 1 (4). pp. 31–57. (In Russian).
6. Butterworth, B. (1983) Lexical representation. In: Butterworth, B. (ed.) *Language Production: Development, Writing and Other Language Processes*. London: Academic Press. pp. 257–294.
7. Baayen, R.H. et al. (2011) An amorphous model for morphological processing in visual comprehension based on naive discriminative learning. *Psychological Review*. 118. pp. 438–481.
8. Taft, M. (2004) Morphological decomposition and the reverse base frequency effect. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 57A. pp. 745–765.
9. Fruchter, J. & Marantz, A. (2015) Decomposition, lookup, and recombination: MEG evidence for the Full Decomposition model of complex visual word recognition. *Brain and Language*. 143. pp. 81–96.
10. Baayen, R.H., Dijkstra, T. & Schreuder, R. (1997) Singulars and plurals in Dutch: Evidence for a parallel dual route model. *Journal of Memory and Language*. 37. pp. 94–117.
11. Clahsen, H. et al. (2010) Morphological structure in native and nonnative language processing. *Language Learning*. 60. pp. 21–43.
12. Pinker, S. (1999) *Words and rules: the ingredients of language*. New York: Harper Collins.
13. Lukatela, G., Carello, C. & Turvey, M. (1987) Lexical representation of regular and irregular inflected nouns. *Language and Cognitive Processes*. 2. pp. 1–17.
14. Zaliznyak, A.A. (1977) *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [Grammar Dictionary of the Russian Language: Inflection]. Moscow: Russkiy yazyk.
15. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
16. Jakobson, R.O. (1985) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Progress. pp. 133–175.
17. Baerman, M., Brown, D.P. & Corbett, G.G. (2005) *The syntax-morphology interface: A study of syncretism*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Stump, G. (2001) *Inflectional morphology*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Zwicky, A. (1998) Systematic versus accidental phonological identity. In: Plank, F. (ed.) *Paradigms: The economy of inflection*. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 113–132.
20. Kopotev, M.V. (2008) K postroeniyu chastotnoy grammatiki russkogo yazyka: padezhnaya sistema po korpusnym dannym [On the Construction of the Frequency Grammar of the Russian Language: Case System According to Corpus Data]. In: Mustajoki, A. et al. (eds) *Slavica Hel-singiensa*. Is. 34. Helsinki: University of Helsinki. pp. 136–151.
21. Slyusar', N.A. & Samoilo,va, M.V. (2015) [Frequencies of Different Grammatical Features and Inflectional Affixes in Russian Nouns]. *Proceedings of the 21st International Conference on Computer Linguistics "Dialogue"*. Moscow. 27–30 May 2015. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/SlioussarNASamoilovaMV.pdf>. (In Russian).
22. Vasilyeva, M. (2017) Demasking Russian case inflection. *Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya* [Cognitive Science in Moscow: New Studies]. Conference Proceedings. 15 June 2017. Moscow: Buki Vedi; IPPiP. pp. 467–472.
23. Vasilyeva, M. (2018) Russian case inflection: Processing costs and benefits. In: Lenertova, D. et al. (eds) *Advances in formal Slavic linguistics 2016*. Berlin: Language Science Press, pp. 427–453.
24. Alekseeva, S.V. & Slyusar', N.A. (2017) Orthographic Neighbors: A Database on Russian Language and an Experiment Studying Morphological Decomposition. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 32 (2). pp. 12–27. (In Russian).
25. Bertram, R., Hyönä, J. & Laine, M. (2000) The role of context in morphological processing: Evidence from Finnish. *Language and Cognitive Processes*. 15 (4/5). pp. 367–388.
26. Hyönä, G., Vainio, S., Laine, M. (2002) A morphological effect obtained for isolated words but not for words in sentence context. *European Journal of Cognitive Psychology*. 14 (4). pp. 417–433.
27. Slioussar, N. & Cherepovskaia, N. (2013) Processing of case morphology: Evidence from Russian. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 12. pp. 726–735.
28. Slioussar, N. & Cherepovskaia, N. (2014) Case Errors in Processing: Evidence from Russian. In: Chapman, C. et al. (eds) *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The First Hamilton Meeting 2013*. MI: Michigan Slavic Publications. pp. 319–338.
29. Drummond, A., von der Malsburg, T., Erlewine, M.Y. & Vafae, M. (2016) *Ibex farm*. GitHub. [Online] Available from: <https://github.com/addrummond/ibex>
30. Just, M.A., Carpenter, P.A. & Woolley, J.D. (1982) Paradigms and processes in reading comprehension. *Journal of Experimental Psychology: General*. 111. pp. 228–238.

31. Tucker, M.A., Idrissi, A. & Almeida, D. (2015) Representing number in the real-time processing of agreement: self-paced reading evidence from Arabic. *Frontiers in Psychology*. 6. p. 347.
32. Ness, T. & Meltzer-Asscher, A. (2019) When is the verb a potential gap site? The influence of filler maintenance on the active search for a gap. *Language, Cognition and Neuroscience*. 34 (7). pp. 936–948.
33. Bates, D., Maechler, M., Bolker, B. & Walker, S. (2015) Lme4: Linear mixed-effects models using Eigen and S4. *Journal of Statistical Software*. 67.
34. Kuznetsova, A., Brockhoff, P.B. & Christensen, R.H.B. (2017) lmerTest Package: Tests in Linear Mixed Effects Models. *Journal of Statistical Software*. 82. pp. 1–26.
35. Witzel, N., Witzel, J. & Forster, K. (2012) Comparisons of Online Reading Paradigms: Eye Tracking, Moving-Window, and Maze. *Journal of Psycholinguist Research*. 41. pp. 105–128.
36. Frank, S.L., Monsalve, I.F., Thompson, R.L. & Vigliocco, G. (2013) Reading time data for evaluating broad-coverage models of English sentence processing. *Behavior Research Methods*. 45 (4). pp. 1182–1190.
37. Gvozdev, A.N. (2007) *Voprosy izucheniya detskoy rechi* [Issues of Studying Children's Speech]. St. Petersburg: Detstvo-Press.
38. Tseytlin, S.N. (2009) *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoy rechi* [Essays on Word Formation and Morphogenesis in Children's Speech]. Moscow: Znak.
39. Voeykova, M.D. (2015) *Stanovlenie imeni: usvoenie det'mi imennykh kategoriy russkogo yazyka* [Formation of the Name: Children's Learning of the Nominal Categories of the Russian Language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Received: 06 April 2020

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091); 82.091

Д.Н. Гончарко, О.Ю. Гончарко

АНТИЧНЫЕ, ВИЗАНТИЙСКИЕ И НОВОЕВРОПЕЙСКИЕ АРХЕТИПЫ В СКАЗКЕ А.М. ВОЛКОВА «ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА»

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18–78–10051
«Византийский фактор в формировании русской логической традиции».*

Выявляется структурная аналогия между архетипами основных персонажей сказки «Волшебник Изумрудного города» и основными логико-философскими сюжетами Античности, Средневековья и Нового Времени. Мы попытались посмотреть на произведение А.М. Волкова как на модернистский текст, смысл которого в большей степени зависит от эффекта прочтения, чем от замысла автора, что позволяет провести совершенно неожиданные структурные аналогии. В свою очередь, этот текст является своеобразным – «волковским» прочтением оригинальной версии сказки Л.Ф. Баума.

Ключевые слова: философия литературы; философия искусства; философия культуры; интертекстуальность; архетипы; модернистский текст; авторская сказка; «эффект прочтения».

В данной статье мы применяем понятие интертекстуальности в качестве методологического подхода к изучению двух версий одной из самых популярных авторских сказок XX в., рассматривая тексты А.М. Волкова [1] и Л.Ф. Баума [2] как части более обширных интертекстов, проявляющихся в различных типах культур и даже «действительностей познания» (термин М.М. Бахтина). Также мы используем возведение к архетипу в качестве одного из методов структуралистского подхода к анализу волшебной сказки, разработанного В.Я. Проппом. Метод интертекстуальности предполагает рассмотрение любого текста как «части единого полифонического дискурса, но не в качестве цитатного мышления, а в качестве метода художественного творчества, части межкультурных коммуникаций», т.е. интертекста (термин Юлии Кристевой) как способа установки межэпохальных связей, способа «нахождения смысловых связей текста с общим пространством культуры человечества, с принципами смыслопорождений» [3. С. 138]. Возведение к модели – аналитический прием, получивший распространение в русском структурализме, предполагающий типологическую трактовку сюжетов и образов персонажей сказок.

Интертекстуальный анализ, который предлагается применить в настоящей статье к текстам сказок «Волшебник страны Оз» и «Волшебник Изумрудного города», предполагает выявление исторических, психологических, мифологических, эстетических, ментальных и культурных архетипов и скрытых аллюзий, которые способны породить совершенно различные в рамках разных культур «эффекты прочтения» одних и тех же сюжетов и смыслов. Основываясь на этом анализе, мы делаем выводы относительно различия культур. Если посмотреть на межкультурное пространство как на поле взаимодействия и трансформации различных текстов, то несложно в каждом конкретном случае выявить «эффект прочтения», который видоизменяет исходное смысловое ядро текста как в зависимости от присущих типу культуры смысловых связей с общим пространством культуры, так и в зависимости от «внутреннего интертекста» каждого конкретного

читателя [4. С. 240]. С этой целью предполагается проиллюстрировать, насколько внутренний интертекст читателя может не совпадать с авторским или, наоборот, усиливать его на примере двух экранизаций сказок А.М. Волкова и Л.Ф. Баума: советской кукольной экранизации «Волшебника Изумрудного города», выполненной творческим объединением «Экран» (1973–1974 гг.) [5], где в качестве эффекта прочтения сказки предлагается рассмотреть текст, который написал сценарист Александр Кумма; а также американского музыкального фильма-сказки производства студии «Metro-Goldwyn-Mayer» (1939 г.), режиссером итоговой версии которого стал Виктор Флеминг [6].

Поставим задачу показать на конкретных примерах, каким образом эволюционируют основные персонажи сказки Л.Ф. Баума при их «пересадке» на почву другой культуры (как в географическом смысле – иная страна, так и в смысле хронологическом – иная эпоха в той же самой стране). Проиллюстрируем выше сказанное на примерах из исходных (американской и русской) версий сказки и различных «эффектов прочтения» в виде других (также авторских) ее вариаций. Для начала рассмотрим самих персонажей сказки, в каждом из которых (как в оригинале Л.Ф. Баума, так и в вариациях А.М. Волкова) проявляются очень выразительные, исторически фундированные архетипы, которые бытуют еще со времен Античности в европейской культуре. Благодаря этому возможно провести параллели или интерпретировать персонажей сказки в духе ключевых вех развития истории философии. Для этого необходимо продемонстрировать, как в образах героев А.М. Волкова воспроизводится одна и та же парадоксальная логико-философская формула, которая порождала ключевые мыслительные сюжеты в античной, средневековой и новоевропейской философии.

Обратимся непосредственно к сюжетам. Первым по дороге в Изумрудный город Элли встречает Страшила, который *знает только то, что ничего не знает*, его предельным желанием является ум. Диагноз его отсутствия Страшила устанавливает себе сам, проявляя в разные моменты развития сюжета

совершенно явную сообразительность (идея срубить дерево и построить мост, идея броситься под ноги людоеду и прочие эффективные решения). Параллель с Сократом напрашивается сама собой (неказистая внешность, храбрость в бою, знаменитая сократическая парадоксальная формула знания о незнании *οἶδα ὅτι οὐδὲν οἶδα*). Однако прочитывает образ Страшилы как Сократа именно А.М. Волков. У Л.Ф. Баума Страшила сначала действительно глуповат, однако восприимчив к новому знанию и очень быстро учится по мере приобретения опыта. Первое, что он осваивает, это логически правильный способ рассуждения (т.е. силлогистику), на чем построено немало шуток о Страшиле в американском оригинале сказки: «Изумрудный город находится на другом конце дороги, значит, мы должны идти туда, куда она приведет нас» [2. Р. 24]. О силлогистике Л.Ф. Баум прямым текстом, вложенным в уста Страшилы, говорит, что она не требует умственных усилий: «Ясное дело... если бы для этого потребовались мозги, я никогда до этого не додумался бы» [2. Р. 25]. И действительно, вряд ли нужен ум, чтобы рассуждать логически: «Летать мы точно не умеем, спуститься в этот огромный ров мы тоже не сможем. Стало быть, если не сумеем перепрыгнуть через него, то мы должны остановиться там, где мы есть» [2. Р. 42]. У А.М. Волкова же Страшила изначально мудр по-сократовски – знанием о собственном незнании, которое в качестве мудрости необходимо должно предвдвять любое подлинное знание. Об этом в самом начале его диалога с вороной Кагги-Карр говорит ему ворона: «Коли нет мозгов, так и не будет!» [2. Р. 29], а следовательно, если появились, то значит – были. О своем незнании Страшила говорит даже с гордостью:

«– Разве ты не знаешь, что изумруд – зеленый?..»

– Я ничего не знаю, с гордостью возразил Страшила» [2. Р. 80].

При раздаче подарков Гудвин говорит Страшиле: «Я наполню вашу голову первосортными мозгами. Но вы сами должны научиться употреблять их» [1. С. 147] – подарок-обман, ведь научиться уму и есть научиться его употреблению. О том, что Гудвин обманул, а не наделил Страшилу умом, видно из диалога во дворце:

«– Зачем Вам мозги? Судя по всему, что я знаю о Вас, у вас соображение не хуже, чем у любого человека с мозгами, – польстил Гудвин Страшиле.

– Может быть, и так, – возразил Страшила, – а все-таки без мозгов я буду несчастен.

Гудвин внимательно посмотрел на него.

– А Вы знаете, что такое мозги? – спросил он.

– Нет! – признался Страшила. – Понятия не имею, как они выглядят!

– Хорошо! Приходите ко мне завтра!» [1. С. 147].

Таким образом, согласно версии А.М. Волкова, Гудвин не улучшает, а даже ухудшает Страшилу, из мудрого незнайки превращая его в зазнавшегося знайку (и действительно, в следующих частях Страшила обретает свойства гордости и бахвальства знаниями). По сути, Гудвин сказал следующее: если вы не знаете, что такое знание, то тогда можно сделать

так, что вы будете думать, что вы знаете, – это скорее антисократовский логический ход.

Американские литературные критики произведение Л.Ф. Баума считают скорее политической и экономической сатирой. Генри Литлфилд полагал даже, что эта сказка с ее дорогой из золотого кирпича является аллегорией на дебаты о золотом стандарте в Америке конца XIX в. [7]. Страшила в таком ключе интерпретируется как образ американского фермера конца XIX в., который на самом деле умен и способен, однако должен осознать свой политический потенциал, избавившись от предрассудков о недостатке знаний. Л.Ф. Баум, создавая этого персонажа в 1900 г., дает ему скорее социально-политическое звучание, чем логико-философское. С нашей точки зрения, Страшила волковской версии более похож на философа (причем непосредственно на Сократа), чем на фермера, воссоздать чей образ А.М. Волков и не стремился. Стоит также отметить, что Страшила советской мультипликационной версии [5], поставленной по сценарию, который написал А. Кумма, прочитан еще более сократически, чем в книге: в мультфильме формула Страшилы, которой нет в книге, такова: «Если бы у меня был ум, я бы сказал “Сделай плот!”», «Если бы у меня был ум, я бы сказал “Руби дерево!”».

Вторым по дороге Элли встречает Железного Дровосека, который *переживает, что не способен переживать* (страдает от отсутствия страданий или чувствует, что ничего не чувствует), предельное желание которого – получить способное чувствовать сердце. Фигура явно средневековая, воспроизводящая ту же античную формулу знания о незнании, только в виде этического парадокса: плачу о том, что «ни капли слез имею от жестосердия» (*οὐδὲ ῥαπίδα δακρύων ἔχω ἐκ σκληροκαρδίας*) [8. С. 38]; «верую, Господи, помоги неверию моему» [9] и пр. Формула истинной христианской сердечности – это постоянное сомнение в собственной сердечности, формула истинной христианской веры – сомнение в собственной способности верить: становится бессердечным тот, кто не сомневается в собственной сердечности, становится еретиком тот, кто слишком уверен в собственной трактовке вероучения. Истинно милосердный сомневается в том, что он милосерден. Истинно верующий не верит от собственного лица, воспринимая веру как дар, а не как собственную активность. Истинное смирение – это всегда сомнение в истинности смирения: в христианской богословской и аскетической литературе считается гордецом человек, думающий, что он смиренный. Даже внешне Железный Дровосек напоминает средневекового рыцаря (у А.М. Волкова, как и у Л.Ф. Баума, есть упоминания и о даме его сердца). В качестве интеллектуальных прототипов Железного Дровосека волковской версии можно выделить такие средневековые фигуры, как Леонтий Иерусалимский [10], Иоанн Златоуст [11], Симеон Новый Богослов [12], Иоанн Дамаскин [13], Иоанн Лествичник [14] и многие другие, в рассуждениях которых встречаются парадоксальные формулы такого типа. В предельном смысле, его прототипом можно считать Апостола Фому, который не верит, что верит, или

верит, что не верит [15]. Конечно, термин «прототип» в данном контексте слишком сильный, и мы не утверждаем, что А.М. Волков умышленно его воспроизвел, однако перечисленные выше византийские богословы создали некоторые мыслительные образцы и закрепили некоторые стереотипные формулы рассуждений, которые настолько укоренились в восточно-христианской культуре, что зачастую бессознательно копируются и воспроизводятся в народном и авторском творчестве, а также, с нашей точки зрения, представлены в некоторых рассуждениях Железного Дровосека волковской версии.

Одной из подобных стереотипных формул стала христианская формула покаяния, парадоксальная сама по себе: если вы сочтете себя смиренным, то вы горды (истинно смиренный никогда не считает себя в достаточной мере смирившимся); истинное раскаяние – это всегда сомнение в самой способности к покаянию; только с помощью истинного чувства возможно почувствовать собственное нечувствие. Наглядные формулировки этой идеи можно найти у византийских авторов или в греческом и славянском молитвенном правиле: греческий прототип славянской формулы «окамененного нечувствия» (τῆς λιθώδους ἀναίσθησίας) как тревожного духовного симптома содержится в греческом правиле XVI в. в молитве Иоанна Златоуста, впрочем, скорее всего, ложно ему атрибутированной, но относящейся к восточно-христианской традиции осмысления покаяния. Греческого прототипа «слез жестосердия» (τῶν δακρῶν τῆς σκληροκαρδίας) нам не удалось найти в корпусе изданной на данный момент греческой христианской средневековой литературы, но вполне возможно, что эта формула может быть и собственно славянским молитвенным творчеством, воспринятым из византийской традиции в качестве культурного архетипа. Мы умышленно оставляем в стороне западно-европейскую христианскую традицию в разговоре о Железном Дровосеке, так как в версии Л.Ф. Баума этот персонаж меньше похож на христианского святого, произвольные аллюзии на которого А.М. Волков если и дал повод обсуждать, то, скорее всего, оказавшись под влиянием восточно-христианской традиции (формально прервавшейся в советском обществе, но реально бытовавшей в ментальной культуре советского народа).

Сама формула, по которой рассуждает Железный Дровосек, такова: «переживаю, что не способен переживать» – та же самая логически парадоксальная формула Сократа «знаю, что ничего не знаю», которая свойственна Страшילה, но только в плоскости чувства. Она соотносится с христианской аскетической идеей направления чувства, на основе которой выстраивается парадоксальная восточно-христианская аскетика: необходимо почувствовать прежде всего именно собственное «окамененное нечувствие» (τῆς λιθώδους ἀναίσθησίας). Например, житие одного из византийских святых Леонтия Иерусалимского может быть отражением этого архетипа, который закрепился в восточно-христианской культуре и стал одним из примеров острых пережи-

ваний о неспособности переживать в византийской агиографической традиции: он в отчаянии что-то почувствовать даже бился головой об стену от того, что ничего не способен почувствовать – классический, хоть и немного утрированный пример борьбы с «окамененным нечувствием» [16]. В этом поступке заключен некоторый аскетический парадокс: нет чувств у человека, который не чувствует своего «окамененного нечувствия» [17]. Даже если формально какие-то чувства у него есть, ему необходимо ощутить их как нечувствие и, только почувствовав это, прийти к правильно работающей эстезии. Ее работа основана на том же парадоксе, что и парадоксальная христианская святость в целом, одним из примеров которой может быть юродство с его «неумным умом» или «умным безумием» и другими парадоксами [18].

Итак, истинно способен к чувствованию только тот, кто почувствовал собственное нечувствие. Подобного рода рекомендации по преодолению нечувствия (ἡ ἀναίσθησία) можно найти и в «Лествице». Иоанн Лествичник духовной анестезии посвятил целую ступень, пройти которую возможно, как это ни парадоксально, только приведя себя в чувство (εἰς συναίσθησιν ἐλθεῖν) [14. XVIII]. Можно даже сказать, что переживание о недостаточном переживании (радении) в вере является распространенным топосом для византийской аскетической литературы, в которой большое внимание уделяется техникам почувствовать себя в состоянии нечувствия, обнаружить и зафиксировать себя в состоянии анестезии [19]. Не блокирует ли она сам процесс осознания? Как это распознать и зафиксировать? Вот пример одного из многочисленных рассуждений Железного Дровосека: «Мне страшно только ржавчина... Ах, это ужасно – стоять целый год в лесу и думать о том, что у тебя нет сердца!» [1. С. 42], – занятие, вполне свойственное христианским отшельникам, пустынникам, аскетам и подвижникам. Неумышленным прототипом такого неподвижного стояния в лесу может быть моление на камне преподобного Серафима Саровского или любого другого отшельника, образ которого архетипичен для восточно-христианской культуры.

Л.Ф. Баум выстраивает несколько иную антропологию Дровосека. Примечательно, что в оригинальной американской сказке этот персонаж не железный, а жестяной (Tin Woodman). И если Страшила – изначально искусственное создание, то Дровосек становится искусственным постепенно и по частям, лишаясь сначала ног, рук, головы (и соответственно мозга, но при этом, что очень важно, не лишаясь ума), а затем и туловища с заветным сердцем. Вот почему «бессердечному» Дровосеку теперь приходится быть предельно внимательным, чтобы быть добрым: «Вот вам, людям, у которых есть сердце, оно что-то подсказывает и не дает поступать скверно, а у меня сердца нет, мне приходится быть осторожным. Даст мне Оз сердце, тогда другое дело, не придется так сильно остерегаться» [2. Р. 39]. Другими словами, будь у него сердце, он был бы добрым без специальных интеллектуальных усилий. Соглас-

но Дровосеку Л.Ф. Баума, можно о чем-то думать и о чем-то знать даже с пустой головой:

«...и все же мозги – не самое главное в жизни.

– А у тебя они есть? – удивился Страшила.

– Нет, голова у меня совсем пустая, но когда-то у меня были мозги и сердце, и я знаю: важнее всего иметь сердце» [2. Р. 30–31].

У Л.Ф. Баума Дровосек думал даже без головы: «...Злая Ведьма заставила мой заколдованный топор отрубить мне голову, и поначалу я даже *подумал*, что мне пришел конец...» [2. Р. 31–32]. Его фигура у Л.Ф. Баума тоже парадоксальна, он несчастен от того, что не может испытывать несчастье:

«...ничего не могу с собой поделать – при малейшей опасности мое сердце начинает бешено колотиться.

– Может, у тебя сердечная болезнь? – спросил Железный Дровосек. – ...ты должен радоваться, это доказывает, что у тебя есть сердце» [2. Р. 37–38].

Дровосек Л.Ф. Баума, по версии американских литературных критиков, символизирует рабочего восточных штатов, столкнувшегося с несправедливостью индустриального общества. Человек XIX в. вынужден соревноваться с машиной (и даже невольно превращаться в нее), чтобы отвечать требованию времени. Дровосек постоянно ржавеет, не справляясь с собственной неэффективностью перед лицом промышленной индустрии, которая поглощает его как трудовую единицу, однако вместе со Страшилой-фермером возможна плодотворная коалиция, которая приведет Дровосека к политической победе (намек на дискуссию об оформлении фермерско-трудовой партии в штате Миннесота в 1890-х гг.) [20]. Американские литературные критики даже считают его размышления о сердце, необходимым для того, чтобы жениться на своей возлюбленной, любовь к которой он потерял вместе с сердцем, возможной аллюзией на американское движение конца XIX в. по возрождению семейных ценностей и семьи как центра американской жизни. Историки и экономисты, прочитывающие книгу как политическую и социальную метафору, также единодушны в интерпретации Дровосека как обезчеловеченного промышленного рабочего, который должен инициировать политическую революцию ради победы Демократической партии США. Существует также довольно интересное литературоведческое исследование Ю.В. Кузиной, которое сопоставляет Железного Дровосека Л.Ф. Баума, а точнее Жестяного Человека (Tin Woodman), с лингвокультурным типажом Супермена [21].

В этом отношении волковская версия Дровосека, с нашей точки зрения, совершенно противоположна: она скорее отсылает не к образу рабочего или потенциального сверхчеловека-биоробота, а к образу отшельника, лесного человека, человека природы, тоскующего по своей первозданной, обладавшей сердцем телесности (возможно, что даже по человеку до грехопадения – образу христианской традиции). Сюжет с дамой сердца у А.М. Волкова также не находит развития ни в первой книге сказки, ни в последующих ее частях. Так что Дровосек в русской версии скорее избирает не семейный, а монашеский путь в смысле

пути одинокого, но парадоксально сердечного бессердечного человека. Л.Ф. Баум же, создавая этого персонажа дает ему скорее социально-политическое, нежели богословско-антропологическое звучание. В исследовательской литературе, посвященной изучению сказки А.М. Волкова, мы не встречали работ, в которых Железный Дровосек интерпретируется в духе христианского аскета, однако в работе об аксиологических моделях в советских авторских сказках А.Х. Омраан также прочитывает Железного Дровосека в контексте христианской антропологии: «от себя заметим, что образ этого самого “нового человека” в лице Железного Дровосека, с нашей точки зрения, не так-то нов, но скорее близок христианской идее нового человека (по сравнению с человеком ветхим), конечно, ищущего путь в новый город – Небесный Иерусалим» [22].

Третьим попутчиком Элли становится Трусливый Лев. Его образ воспроизводит тот же самый парадокс, что и у предыдущих двух персонажей, но только в плоскости страха. Читая текст А.М. Волкова, мы пришли к выводу, что Трусливый Лев не просто боится (ведь он сражается наряду с другими персонажами, например, побеждает саблезубых тигров, избавляя всех от преследования), он *боится не бояться*. Он боится не страха: к страху он привык и даже полагается на собственный страх как на некий ориентир в мире. Он боится храбрости, которая лишила бы его этого ориентира, хотя парадоксальным образом именно храбрость и есть предмет его желания. У Л.Ф. Баума же Льву действительно нужно излечиться, но не от трусости, а от мнения / предубеждения о себе, т.е. повысить самооценку:

«– А что делает тебя трусом? – спросила Дороти...

– Это загадка, – ответил Лев.

– Я полагаю, я таким родился. Другие звери в лесу, естественно, думают, что я храбрый... но пока я чувствую, что я трус, я буду несчастен» [2. Р. 37–38].

Проблематика страха, конечно, не является чуждой ни античной, ни средневековой философии, однако выходит на первый план в эпоху Нового Времени, становясь отправной точкой мысли уже в конце XIX в. в начале XX в., когда такие авторы, как С. Кьеркегор [23], М. Хайдеггер [24], Ж.-П. Сартр [25] выводят проблематику страха на первый план. Однако при рассмотрении под определенным углом зрения даже декартовский метод – уже следствие страха как специфически новоевропейского феномена: почему вдруг сомнение становится ключевым актом мышления, предваряющим и тестирующим любое знание? Ответ понятен: по причине страха ошибки. Однако почему ошибаться в эпоху новоевропейской философии вдруг становится страшно? Не потому ли, что Бог перестает быть гарантом истинности познания? Хотя у Декарта Бог *de jure* как гарант истинности познания формально постулируется («Бог не обманщик»), однако *de facto* таковым не является в той мере, в какой Он являлся им в Средние века. Теперь познающий субъект познает только на свой страх и риск, отсюда сомнение – ключевой прием продвижения вперед по тропе познания, так как продвигаться приходится теперь вслепую и на ощупь, и ничто, кро-

ме несомненности, не может быть гарантом истинности знания. Мотив страха как сопутствующего познанию чувства присутствует и у И. Канта, который также, призывая к пользованию своим умом, призывал прежде всего к мужеству. Почему необходимо мужество при пользовании собственным умом? Потому что пользоваться своим собственным умом прежде всего страшно. В Новое время в эпистемическом плане не страшно *бояться* ошибки, скорее, становится страшным ее *не бояться*. При этом в науке XVI–XVII вв. происходит процесс оформления эксперимента как метода, и наука становится не только созерцанием, но и поступком (в смысле решительной осознанной деятельности, проводящейся в ситуации неизвестности и изучения последствий самой этой деятельности).

Персонаж Трусливый Лев, который появляется исторически и содержательно третьим (как и эпоха Нового Времени приходит на смену Античности и Средневековью), нами связывается с идеями, которые появляются в Новое Время. И если каждый из героев сказки волковской версии по мере разворачивания сюжета устанавливает отношение со своим «не-» (не-знание у Страшила, не-чувствие у Дровосека), то и Трусливый Лев тоже обладает собственным негативным объектом – это не-страх (т.е. мужество). Это подтверждается многими отсылками к неопределенности границ того, что ему страшно и чего он боится, и замыкается кратким и оттого предельно абстрактным «всего». Источником подобного рода страха является декартовский дуализм – двойственность, которая принадлежит самой природе человеческих страстей. По Декарту, эта двойственность обусловлена как физическими телесными процессами, так и духовной психической деятельностью. Страх же возникает по причине столкновения с непредусмотренными алгоритмами или случайностями.

Страх также присутствует у Льва и на уровне познания и принятия решений. Вспомним знаменитый квадрат принятия решений у Декарта: при принятии решения, он предлагает исчислять все варианты исходов ситуации: 1) что *будет*, если я *совершу*; 2) что *будет*, если я *не совершу*; 3) что *не будет*, если я *совершу* и 4) что *не будет*, если я *не совершу*. Нерешительность или страх у Льва в версии А.М. Волкова возникают по причине знания или не-знания всех обстоятельств, и скорее страх здесь – это не фигура экзистенциальная, а фигура логическая, что подтверждается повествовательными приемами: Льву страшно именно в ситуации принятия решений, а в ситуации опасности он как раз смел и даже порой агрессивен. Он боится ответственности, боится принять неправильное решение. То есть он не обладает мужеством пользоваться собственным умом. Поэтому Трусливый Лев в волковском прочтении – это персонаж, похожий больше на новоевропейского субъекта мышления, нежели на античного или средневекового героя или экзистенциального философа.

Фигура страха на примере Трусливого Льва, третьего в ряду других персонажей, показывает возрастание конкретности самого знания: если расположить всех действующих лиц по принципу убывающей-возрастающей естественности (Страшила – полно-

стью искусственный, Железный Дровосек – машина-артефакт со следами или симптомами естественности, а Трусливый Лев – полностью естественный), то меняется и характер объектности знания: само мышление, знание-чувственность и, наконец, знание-поступок / знание-действие (своеобразный отголосок трех критик И. Канта).

Страх связан со знанием следующим образом: это ориентир при поиске ложных суждений или в борьбе с предрассудками («сон разума рождает чудовищ»), и в этом его положительная роль – сохранять жизнь, оберегать от опасностей. Иными словами, страх – это недостаток знания, страх не-знания, страх из-за незнания. Точно так же у Т. Гоббса страх играет двоякую роль: с одной стороны, он организует познавательную деятельность, направленную на практическое знание; с другой – связан с незнанием естественных причин, что в свою очередь ведет к ошибкам и предрассудкам. Примечателен разбор страха у Д. Юма, который связывает его с надеждой и видит эти два понятия в паре, общим основанием для которой служит «вероятность какого-либо блага или зла» [26. С. 146]. Страх перед исходом обусловлен неопределенностью эффекта того или иного действия. И здесь у Д. Юма присутствует одно важное различие: «Вероятность бывает двух родов: или объект сам по себе в действительности недостоверен и существование и несуществование его зависит от случая, или объект сам по себе достоверен, но наше суждение о нем недостоверно, ибо мы находим целый ряд доказательств “за” и “против”». Оба указанных вида вероятности вызывают страх и надежду, что может быть объяснено лишь наличием у них одного и того же свойства, а именно той недостоверности, того колебания, которые они сообщают аффекту благодаря противоположности точек зрения, присущих им обоим» [26. С. 149]. В этом контексте мы можем объяснить нерешительность Льва в волковской версии не только страхом необходимости принятия решения, но и боязнью самой вариативности этого решения.

Трусливый Лев из сказки Л.Ф. Баума, по мнению американских исследователей, является аллюзией на американскую армию, которая в конце XIX в. обслуживала американо-испанский конфликт и «окрепла» в ходе Испанско-американской войны 1898 г. [27]. Трусливый Лев в волковской интерпретации, с нашей точки зрения, больше напоминает новоевропейское научное сообщество, постепенно осознавшее необходимость строить знание и принимать на основании этого знания решения, полагаться только на собственный страх и риск, иметь мужество пользоваться собственным умом, экспериментировать и в череде удачных и неудачных экспериментов выстраивать корпус достоверного знания. В новоевропейской философии практически у каждого автора эксплицитно осознан именно страх ошибки в познании. Такое ощущение, что каждый из новоевропейских философов больше всего боится *не бояться* ошибки, т.е. боится быть неосторожным и невнимательным в познании, тогда как остальные страхи (страх Божий, страх смерти и др.) отходят на второй план. Другими словами, новоевропейский философ боится впасть в сон

разума, от которого его охраняет именно страх, страх истинно философский, функция которого – бодрить философа в постоянном познавательном бдении. Более ярко эти страх-ориентир и страх оказаться без страха (боязнь не бояться) выражены в мультипликационной экранизации «Волшебника Изумрудного города» творческого объединения «Экран». В сценарии А. Куммы образ Трусливого Льва тоже усугублен в сторону сократовской формулы «знания о незнании», но только в области страха, который способен пересилить другой страх. Победив саблезубого тигра, Лев изрекает формулу: «Я не храбрый, просто я за всех вас очень сильно испугался» [5]. Даже бесстрашным Льва делает именно страх, а *боязнь не бояться* является некоторым необходимым спутником бесстрашия как гаранта сохранения благоразумия.

В тексте же книги А.М. Волкова эта формула даже имеет внешний коррелят – тремор, дрожание. Подобная физиологическая особенность является репрезентантом аномального состояния всех трех персонажей. Страшила страдает речевой дисфункцией, и поначалу она выражена в смещении понятий и смыслов, а затем проявляется в фетишизации отдельных «длинных и умных» слов, которые он пытается произнести, не заикаясь. Железный Дровосек страдает повышенным слезоотделением так, что подобное обезвоживание необходимо компенсировать искусственным образом (функция масленки). И, наконец, Трусливый Лев, который свое не-деяние выражает в постоянном дрожании. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что в рамках разума, чувства и действия есть что-то нерепрезентируемое – некоторая дисфункция, препятствующая нормальной работе, но парадоксальным образом именно эта дисфункция и оказывается принципиальной и фундаментальной, поскольку именно она запускает сам процесс работы. Ж. Делез это называет производством: «Желающие машины работают только в сломанном состоянии, постоянно ломаясь» [28. С. 22]. Другими словами, персонажи были уже «работающими в сломанном состоянии» еще до встречи с «волшебником», а Гудвин, «починив», как раз скорее испортил их (см. об этом далее). Интересно, что искусственным персонажам (как у Л.Ф. Баума, так и у А.М. Волкова) нужны именно мозги и сердце (т.е. физические органы) для того, чтобы реализовались метафизические потребности в уме и любви, тогда как вполне естественному персонажу Льву необходима смелость (т.е. некое духовно-метафизическое свойство, которое помогло бы сбыться его львиному естеству). Трусливого Льва в этом смысле можно даже интерпретировать антропологически как высшую ступень развития человеческого духа: когда помимо знания и чувства он обретает мужество и решительность поступать в соответствии с ними.

Таким образом, мы получаем три формулы, структурно сводящиеся к одной форме: «знаю, что ничего не знаю», «чувствую, что ничего не чувствую», «боюсь, что ничего не боюсь» (т.е. боюсь не бояться, боюсь быть храбрым). Такие выражения в логической литературе характеризуются либо как противоречивые, либо как парадоксальные. Они построены на

принципе автореферентности, по форме напоминают парадокс лжеца и во все эпохи истории философии вдохновляли философов к их рассмотрению, осмыслению и созданию новых для них выражений. Таким образом, можно интерпретировать путешествие Элли по дороге из желтого кирпича и обретение друзей в Волшебной стране как знакомство с основными мыслительными сюжетами философии Античности, Средневековья и Нового Времени. Архетипика содружества Страшилы, Железного Дровосека и Трусливого Льва превосходит рамки детской сказки, превращая основных персонажей в историко-философских спутников Элли и Тототши.

Обратимся теперь к некоторым другим аспектам сказки, которые существенны для понимания культурных различий в позднейших (тоже авторских) интерпретациях сказки, как американских, так и отечественных. Персонажи Л.Ф. Баума и А.М. Волкова по-разному ведут себя, общаясь с Озом / Гудвином. У Л.Ф. Баума герои по мере развития сюжета сами развиваются (Страшила умнеет, Железный Дровосек обретает сердце, а Лев становится храбрее). У А.М. Волкова они таковы изначально. Но в обеих книгах ко встрече с Волшебником, который вовсе не волшебник, они обладают качествами, о которых просят. Однако и Л.Ф. Баум, и А.М. Волков мысль о том, что Волшебник вовсе никак не улучшает персонажей, проводят по-разному. Как нам кажется, у А.М. Волкова функция псевдоволшебника заключается не в том, чтобы наделить их тем, чем их уже не надо наделять (для сравнения, у Л.Ф. Баума в исходной версии волшебник не сообщает искомые качества, а лишь «включает» осознание их обладания – рефлексии). Гудвин же именно ухудшает героев в отличие от Оза: теперь Страшила «знает себя знающим», т.е. перестает быть Сократом; Дровосек «чувствует себя чувствующим», т.е. перестает быть аскетом; а Лев «не боится себя не боящегося» – становится безрассудным. Страшила в последующих томах даже превращается у А.М. Волкова не просто в знайку, а в зазнайку, потеряв связь с сократовской исходной формулой эпистемической скромности. Лев становится более агрессивным, Дровосек – излишне слезливым. Персонажи теряют свои исходные качества, отойдя от базовых архетипов культуры, вместо того чтобы воспроизводить эти формулы заново каждый раз, на каждом новом жизненном этапе. У А.М. Волкова в последующих томах Страшила становится гордым. Если вспомнить Аристотелевы треугольники добродетелей (трусость–мужество–безрассудство и др.), то Гудвин просто-напросто перевел героев в одну из крайностей, тогда как у них изначально была именно мера.

Это легче всего проиллюстрировать на примере Трусливого Льва. Когда Гудвин предлагает в конце Трусливому Льву выпить отвар с храбростью, происходит следующий диалог:

«← ...всякое живое существо боится опасности, и смелость в том, чтобы победить боязнь. Вы свою боязнь побеждать умеете...»

– А вы дайте мне такую смелость, – упрямо перебил Лев, – чтобы я ничего не боялся» [1. С. 147].

Другими словами, Лев говорит, что боится не бояться, а ему хотелось бы, чтобы он не боялся не бояться, – по сути, Гудвин ухудшает Льва, лишая его философски устроенного навыка страха. Истинный храбрец также может не бояться ничего, но он должен *бояться не бояться*, чтобы не стать безрассудным и соблности аристотелеву меру. Боязнь страха – это трусость. Боязнь отсутствия страха – признак здравого ума. Лев, боясь не бояться, был именно здоров (в меру смел, в меру осторожен). Потеряв страх перед отсутствием страха, Лев становится безрассудным и даже агрессивным в последующих частях: «Лев гордо заявил, что он готов сразиться с десятью саблезубыми тиграми, – так много у него смелости! Железный Дровосек даже опасался, не слишком ли большую порцию смелости поднес Льву волшебник и не сделал ли он Льва безрассудным: ведь безрассудство ведет к гибели» [1. С. 154].

У Л.Ф. Баума Оз несколько иначе решает проблемы трех персонажей. Страшиле он говорит, что ему не нужны мозги, так как он и так чему-то учится каждый день: «У ребенка есть мозги, но он знает очень мало. Знания дает только опыт, а чем дольше ты живешь на земле, тем больше опыта накапливаешь... чародей из меня получился неважный, но если ты придешь ко мне завтра утром, я набью твою голову мозгами... как пользоваться ими, я не знаю, это ты должен будешь придумать сам» [2. Р. 110]. Льву Оз и вовсе предлагает «выпить для храбрости»:

«– Я уверен, у тебя полно храбрости, – ответил Оз, – просто тебе не хватает уверенности в себе. Нет живого существа на земле, которое не испугалось бы в минуту опасности. По-настоящему храбр тот, кто боится, но не отступает перед лицом опасности. А такой храбрости у тебя полно.

– Может, она у меня и есть, но все равно бывает страшно. И я буду очень несчастлив, если ты не дашь мне такой храбрости, чтобы я забыл, что такое страх» [2. Р. 110].

«Лев чихнул, запах жидкости ему не понравился, но Волшебник сказал:

– пей!

– А что это? – спросил Лев.

– Когда эта жидкость окажется у тебя внутри, она станет твоей храбростью. Ведь ты знаешь, что храбрость всегда находится внутри, в теле. Так что покуда ты не проглотить эту жидкость, ее нельзя назвать храбростью» [2. Р. 115–116].

У Л.Ф. Баума Волшебник мошенничает в сфере психологии, пытаясь убедить персонажей в наличии у каждого соответствующей способности, но поскольку они настаивают, то поддается их уговорам и выдает им своеобразные «плацебо» – знаки ума, чувств и смелости, соответственно булавки и иголки, шелковое сердечко и горячительный напиток – остальное дорисует их воображение. А у А.М. Волкова – в сфере этики, логики и онтологии: нарушает их исходный философский настрой, подменяет понятия и в итоге попросту ухудшает всех троих. Психологическое мошенничество версии Л.Ф. Баума еще более усугублено в мюзикле В. Флеминга [6] в сторону социально-иронического прочтения раздачи даров. Страшиле Оз

говорит, что там, откуда сам Оз родом, есть университет, вместилище знаний, куда люди приходят за ученостью, а выйдя откуда умеют размышлять. И хотя мозгов у них не больше, чем у Страшилы, однако у них есть то, чего нет у него – диплома о высшем образовании. Поэтому на основании полномочий, возложенных на псевдоволшебника университетским комитетом, Оз вручает Страшиле не колючки-булавки (символический мозг), а вполне реальный диплом о присуждении научной степени (степень эта называется в мюзикле «доктор-мыслитель») [6]. Льву Оз пытается объяснить, что тот стал жертвой заблуждения и думает, что если он избегает опасности, то ему не хватает мужества. Однако это неправильно – называть благоразумие трусостью, а в тех краях, откуда родом сам Оз, храбрых людей называют героями, и сами герои «достают свою силу духа из сундука и демонстрируют ее перед всеми». Лев, по версии Оза из мюзикла, не менее мужествен, чем эти герои, но у них есть одна вещь, которой нет у Льва, – награды. Поэтому Оз торжественно награждает Льва крестом «за достойное поведение, истинный героизм и выдающуюся храбрость в борьбе со злой ведьмой» [6], провозглашая Льва членом легиона мужества. Дровосеку же он говорит, что сердца бесполезны, пока их не научатся делать неразбиваемыми. И, естественно, там, откуда пришел сам Оз, есть люди, которые всегда делают добрые дела. Они называются филантропами, или благодетелями. И сердца у них не больше, чем у Дровосека, но у них есть то, чего нет у него, – членский билет благотворительной организации [6].

Некоторые моменты несходства в сказках были отмечены и другими исследователями: иногда А.М. Волков даже умышленно переводит сюжет и детали сказки в другую плоскость, о чем пишет, например, исследовательница К. Митрохина в своей статье о сравнении советской и американской версий сказки: «Текстуальные изменения невелики – фактически это та же самая сказка, но ряд купюр и вставок сильно смещает в ней смысловые акценты, и внутренняя динамика сюжета изменилась кардинально...“Волшебник Изумрудного города”, ставший литературным дебютом математика А.М. Волкова, вышел в свет в 1934 году. “Я значительно сократил книгу, выжал из нее воду, вытравил типичную для англосаксонской литературы мещанскую мораль...” – объяснял Волков» [29], возможно, в нарочито несколько идеологизированном интервью. Н.В. Латова в своей статье об особенностях версий сказки, «объясняя сюжетные различия особенностями культуры, в которой жил каждый из авторов и которая определяет на бессознательном (ментальном) уровне то, что потом отражается в их творчестве» [30], сопоставляет комплексы культурных стереотипов и ценностей, воспроизведенных в книгах Л.Ф. Баума и А.М. Волкова. Исследовательница не ставила себе задачу прочесть сказку А.М. Волкова историко-философски, а сказку Л.Ф. Баума – социально-политически. С ее точки зрения, «если тема “обыкновенных чудес” до известной степени роднит книги Волкова с озовским сериалом, то все прочие компоненты идейного содержания этих книг весьма специфичны. На наш взгляд, основными

элементами цикла о Волшебной стране, которые отличают его от книг Баума, выступают, во-первых, идея постоянной борьбы с врагами, во-вторых, идея коллективизма, безотказной дружеской взаимопомощи, и, в-третьих, патриотическая идея. По нашему мнению, различия между “Волшебником страны Оз” и “Волшебником Изумрудного города” (вернее, между этими сериалами) вовсе не являются случайными и коренятся прежде всего в различии культурных традиций американца рубежа XIX–XX веков и русского человека советской эпохи» [30]. Мы же в настоящей статье пытаемся возвести эти два прочтения к единому корню общей для обоих авторов европейской культуры, однако при этом показать расхождения в прочтениях: А.М. Волков «прочитал» персонажей, с нашей точки зрения, историко-философски, а Л.Ф. Баум – психологически и социально-иронически. В других ее выводах мы согласны с Н.В. Латовой: «Не менее интересным для нас является и содержательное расхождение на уровне глав. Сразу заметно, что новые, введенные Волковым главы не просто разнообразят сюжет, а несут важную смысловую нагрузку. По сути, новая глава Волкова “Элли в плену у Людоеда” – это своего рода увертюра: уже здесь мы можем увидеть в миниатюре все будущие сюжеты. Здесь появляется первая “страшилка” (Людоед), и только что завязавшиеся дружеские отношения проходят проверку на прочность. Эту главу можно по праву считать отправной точкой для всего будущего цикла А. Волкова: она закладывает в его основу понятие “самоотверженность” (“когда человек не жалеет себя для других”, по словам Дровосека), причем без каких-либо раздумий или сомнений. Хотя, с другой стороны, здесь же появляется и понимание того, что ради коллектива можно пожертвовать не только собой, но и другим (убийство пусть и злого, “вражески настроенного” Людоеда все же остается убийством – так и напрашивается сравнение “хороший враг – мертвый враг”). Культурную антитезу русской “самоотверженности” – готовность идти напролом, как слон в посудной лавке, – мы можем найти в выпавшей у Волкова главе “Очаровательная фарфоровая страна”, в которой Баум выразил мысль о необходимости обязательно достигать своих целей, пусть даже причиняя при этом ущерб окружающим (хотя бы и минимально возможный)... Наиболее общей его идеей – общей для всех книг Волкова, роднящей их с сериалом Баума, – остается идея “обыкновенного чуда”. Хотя действие происходит в Волшебной стране, но из опасных ситуаций герои спасаются благодаря, в первую очередь, сообразительности и смекалке, своим знаниям, своей дружбе и взаимовыручке» [30].

Примечательно то, каким образом вводится в реальность мир Волшебной страны: в американском мюзикле 1939 г. – через потерю сознания, у А.М. Волкова и Л.Ф. Баума – через сон, в котором Элли (или Дороти) встречается со всеми тремя персонажами-архетипами. В американском мюзикле В. Флеминга Дороти уходит в мир бессознательного (галлюцинации от удара головой об оконную раму). И у А.М. Волкова в книге волшебный переход и волшебное возвращение оба раза одномоментны. Элли

не просто так продуцирует эти образы, они уже содержатся в ее подсознании, они архетипичны и имманентны нашей культуре, которая их и продуцирует. Для того чтобы подчеркнуть эту связь бессознательного с реальным, в мюзикле даже используются приемы, невоплотимые в книге: всех волшебных персонажей играют актеры, которые до этого играли реальных людей, живущих в Канзасе (возникают пары реальных людей и их бессознательных корреляций: Бастинда – мисс Галч; Страшила, Лев и Дровосек – соответственно работники фермы Ханк, Зик и Хикори; Оз – фокусник передвижного театра и т.д.). Настоящая реальность и реальность бессознательного каким-то чудесным образом коррелируют. Сходное впечатление от путешествия в Волшебную страну как от погружения на подсознательный уровень происходит и при просмотре российской экранизации сказки начала 1990-х гг. [31]. В этой экранизации Волшебная страна снята в темных тонах (даже путешествие по дороге из желтого кирпича проходит в туманной дымке, а сам изумрудный город и вообще мрачно-зеленый), тогда как реальный мир, где Элли читает книгу вместе с мамой, – светлый и яркий.

Совершенно закономерно, что сказка А.М. Волкова (по крайней мере, ее первая часть – собственно «Волшебник изумрудного города») появляется в 1939 г., в один из периодов, когда литературная сказка как жанр снова обретает актуальность в контексте переломного для советской истории времени, «идейного перевала, ценностного кризиса и слома, переживаемого всем обществом» в конце 30-х гг. XX в.: о «наивысшей активности литературной сказки» в этот период в контексте исторической эпохи и о других периодах возрождения жанра сказки пишет М.Н. Липовецкий: «Литературная сказка неизменно активизируется в периоды значительных историко-культурных переломов, когда меняется духовная ориентация общества, когда осуществляется переход от разрушающейся старой концепции личности к еще не сформировавшейся новой» [32], чтобы очертить ориентиры и наметить перспективы ее развития в контексте крайне востребованного в соцреализме сюжета переделки человека, что перекликается и с американской сказкой, однако предполагает полную переинтерпретацию почти всех персонажей, отвечающую в большей степени тем архетипическим образам и тем интертекстуальным связям, которые в большей степени свойственны нашей культуре. Именно это и делает А.М. Волков, с нашей точки зрения, переинтерпретируя, например, Страшилу из «фермера», стремящегося к обретению самосознания, в стихийного философа, мудрого изначальной сократической мудростью; или Железного Дровосека – из условного «рабочего» в почти что христианского отшельника; то же самое происходит и с остальными персонажами. В американском прототипе сказки нами не были замечены подобные интертекстуальные переклички с античными и средневековыми сюжетами, возможно, кроме одной шутки о силлогистике, о которой мы написали выше.

Подведем итоги проведенного исследования. Термин «интертекстуальность» в современном литературоведении используется для обозначения некоторого смыслового поля «между текстами», его можно интерпретировать в качестве бесконечного диалога между художественными и иными произведениями: в терминологии Юлии Кристевой, в качестве «коммуникативной связи между текстами разных эпох» [33; 3. С. 139], когда связь любого произведения с архивом литературных текстов человечества может быть интерпретирована как диалог автора с читателем. Такая связь с текстами других эпох (с нашей точки зрения, именно с философскими) явным образом прослеживается как в книге А.М. Волкова, так и в сценарии А. Куммы. В тексте Л.Ф. Баума и сценарии В. Флеминга в большей степени прослеживается связь с современными реалиями и социальными стереотипами американской культуры начала XX в., которые содержат скрытые аллюзии и отсылки к историческому опыту и культурным архетипам американского общества. Как полагает большинство исследователей американской сказки Л.Ф. Баума (см. например: [34–36]), «Волшебник страны Оз» – это критика капитализма: литературоведческий анализ в основном замыкается на социальную проблематику, будь то социальная ирония (в мюзикле) или социальная критика (сам Л.Ф. Баум и его интерпретаторы). Прочтение А.М. Волкова, как нам кажется, заключается в реконструкции мифологических пластов и воспроизведении знаковых архетипов европейской культуры, «значительных культурных аллюзий ко всей истории человечества» [3], которые также находили отражение и в философских идеях различных эпох: «Каждое явление культуры конкретно-систематично, то есть занимает какую-то существенную позицию по отношению к преднаходимой им действительности других культурных установок и тем самым приобщается к заданному единству культуры» [37].

В данной статье нами была предпринята попытка посмотреть на тексты Л.Ф. Баума и А.М. Волкова и на их интерпретации в искусстве и литературной критике как на части некоторых единых интертекстов и показать, как в жанре авторской сказки и ее вариаций могут преломляться архетипические, исторические, логико-философские, богословские и иные аспекты культуры, носителями которых являются предшествующие тексты, семантика которых может рассматриваться как «часть бесконечного дискурса» [3. С. 138–139]; а также показать, что авторская сказка как жанр является «средством межкультурной коммуникации как с речевым прошлым человечества, так и с его будущим» [3. С. 139]. Конечно, нельзя однозначно утверждать, что находимые нами в тексте А.М. Волкова аллюзии присутствуют там умышленно и автор осознанно предлагал именно такие прочтения, специально возводя персонажей к общекультурным архетипам. Скорее всего, автор затрагивал эти смыслы бессознательно, создавая текст практически согласно бартовской идее «смерти автора», когда вместо самого пишущего смыслы порождают скорее бессознательные «дискурсы»,

«письмо» и «интертекст». Рискнем предположить, что именно бессознательность креативности (важный аспект профрейдовской программы Ю. Кристевой) лежит в основе замеченных нами отсылок к историко-философской проблематике, хотя вполне понимаем, что более подробное выяснение обстоятельств творчества А.М. Волкова могло бы пролить свет на вывод о сознательности / бессознательности отсылок к реалиям европейской культуры вообще и восточно-христианской культуры в частности, которые, с нашей точки зрения, воспроизведены в рамках волковского внутренне «многоголосого» текста.

Здесь можно было бы возразить, что интертекстуальность Ю. Кристевой является аналитическим приемом, противоположным пропповскому приему возведения текста к матричной модели, архетипу или первообразу, однако текст А.М. Волкова, по нашему мнению, создал предпосылки говорить как о возможности его анализа в качестве свода бессознательного цитирования предшественников и современников (интертекста), так и с помощью вполне осознанного (в целом свойственного самому жанру волшебной сказки) возведения к идеальным образцам культуры (архетипу или модели). Подобного рода интерпретации возможны с точки зрения герменевтического подхода к диалогу культур М.М. Бахтина, в рамках которого опровергаются самостоятельность и «одноголосость» автора любого текста. Тем более что в настоящий период развития литературы интертекст можно рассматривать уже не только как цитатную организацию художественного текста и метод художественного мышления, но и как вхождение текстов современной словесности в единый дискурс: «Для литературы постмодернизма вообще характерно так называемое “цитатное мышление”, которое подразумевает не только знание текстов отечественной и зарубежной классики, но и подсознание, и фольклорную родовую память, и понимание поступательного исторического процесса. Значит, действительно, вся современная публицистика и литература являются как частью текста мировой классики, так и частью межкультурных коммуникаций» [3. С. 141–142], что, с нашей точки зрения, справедливо и для текста Волкова.

Тексты А.М. Волкова и Л.Ф. Баума, несмотря на умышленную установку последнего написать просто сказку как сказку, устроены таким образом, что какая бы мелкая проблема ни затрагивалась в них, она неизбежно подразумевает социальный, психологический или даже философский подтекст. Мы попробовали подойти к проблеме неосознанного цитирования как к аспекту связи современных текстов с классическими, поскольку обе сказки насыщены скрытыми цитатами, аллюзиями, пародиями, мифологическими ассоциациями, стилизациями и другими синтаксическими и эстетическими приемами интертекста, позволяющими отсылать далеко за пределы смысла основного повествования. Поэтому интертекстуальный подход не только к прочтению основных версий данной сказки, но и ее интерпретаций в культуре (в кинематографе или литературоведении) является значимым и необходимым для дальнейшего ее изучения и открывает новые возможности для вариаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков А.М. Волшебник Изумрудного города. М. : РОСМЭН, 2015. 192 с.
2. Baum L.F. The Wonderful Wizard of Oz. London : Harper Collins Publishers, 2013. 178 p.
3. Гогина Л.П. Применение принципа интертекстуальности в современном литературоведении // Дискуссия. Политематический журнал научных публикаций. 2014. № 5 (46).
4. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности : пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
5. Малайтович К., Аристов Л., Калишер Ю., Трофимов Ю., Боголюбов А., Клепацкий Ю., Сулакаури К. Мультипликационная экранизация «Волшебника Изумрудного города». ТО «Экран», 1973–1974. Автор сценария: Александр Кумма.
6. Флеминг В. Американский музыкальный фильм-сказка «Волшебник страны Оз» (англ. The Wizard Of Oz). Производство студии «MGM», 1939.
7. Dighe R.S. The Historian's Wizard of Oz: Reading L. Frank Baum's Classic as a Political and Monetary Allegory. Praeger, 2002.
8. Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу, глас 6, песнь 3. СПб. : Сатисъ, 1993.
9. Евангелие от Марка. Мк. 9, 24.
10. Леонтий Иерусалимский. Апоории // Византийская философия. Т. 7: Полемические сочинения. 2011. С. 25–66.
11. Иоанн Златоуст. Творения в русском переводе : в 12 т. СПб. : СПб. дух. акад., 1895–1906.
12. Symeon le Nouveau Theologien. Traités theologiques et ethiques / Intr., texte critique, trad. et notes de J. Darrouzès. T. I (Theol. 1–3; Eth. 1–3). Paris: Cerf, (Sources chrétiennes, 122), 1966. Paris : Cerf, (Sources chrétiennes, 129), 1967.
13. Иоанн Дамаскин. Философские главы / пер. Н.И. Сагарда // Творения преподобного Иоанна Дамаскина: Источник знания. М., 2002. С. 53–122.
14. Иоанн Лествичник. Лествица, или Скрижали духовные преподобного нашего Иоанна, игумена Синайской Горы. М. : Православная библиотека «Троицкое слово», 1999.
15. Евангелие от Иоанна. Ин. 20, 25.
16. The Life of Leontios Patriarch of Jerusalem: Text, Translation, Commentary / ed. D. Tsougarakis (=The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures, 400–1453, vol. 2). Leiden; New York; Köln : Brill, 1993. § 9.17–21.
17. Τὸ ψυχοσωτήριον Ψαλτήριον Δαβὶδ τοῦ προφητάνακτος, / Ἐξηγηθὲν παρὰ τοῦ μακαριωτάτου καὶ σοφωτάτου Θεοδώρητου Ἐπισκόπου Κύρου, καὶ μεταγλωττισθὲν παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητός, ἐκ τῆς Ἑλληνικῆς εἰς τὴν κοινὴν ἡμῶν διάλεκτον, <...> Ἐπιμελῶς διορθωθὲν παρὰ Διονυσίου Συγκέλλου Φασλῆ, τοῦ ἐκ τῆς πελοποννήσου. Ἐν Βιέννῃ: Παρὰ Ἰωάννῳ Σνεϊζερ, 1817. Σ. 453.
18. Ivanov S. Holy Foolery as an Ambiguous Sanctity by Nikon of the Black Mountain // Holy Fools and Divine Madmen: Sacred Insanity through Ages and Cultures. Muenchen : Ars Una (Muenchen), 2018.
19. Спиридонова Л.В., Курбанов А.В. Представления об анестезии в греческой мысли // Материалы XXVI международной конференции «Универсум платоновской мысли» (Санкт-Петербург, 28–30 августа 2018 г.). URL: <http://plato.spbu.ru/CONFERENCES/2018/ther102.html> (дата обращения: 06.08.2018).
20. Littlefield H.M. The Wizard of Oz: Parable on Populism // American Quarterly. 1964. № 16 (1). P. 47–58.
21. Кузина Ю.В. Лингвокультурные концепты в сказочной повести Л.Ф. Баума «The Wonderful Wizard of Oz», ее переводе на русский язык С. Белова и русскоязычной литературной интерпретации А.М. Волкова : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017.
22. Омраан А.Х. Аксиологические модели авторских сказок в русской литературе конца 1930 – 1950-х годов (Л. Лагин, А. Волков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. С. 17.
23. Кьеркегор С. Страх и трепет. М. : Республика, 1993.
24. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997.
25. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000.
26. Юм Д. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2.
27. Vertman R. The Wizardry of Oz // Science Fiction Studies. 2003. № 30 (3). P. 504–509.
28. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
29. Митрохина К. Две такие разные волшебные страны. Приключения Дороти Гейл в Советском Союзе // Первое сентября. 2001. № 82/2001.
30. Латова Н.В. Чему учит сказка? (О российской ментальности) // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 180–191.
31. Арсенов П. Экранизация сказки «Волшебник Изумрудного города». Киностудия им. М. Горького Э.Т.О. Лады, 1994.
32. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск, 1992.
33. Крестева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1963. № 4.
34. Rockoff H. The “Wizard of Oz” as a Monetary Allegory // Journal of Political Economy. 1990. № 98. P. 739–60.
35. Velde F.R. Following the Yellow Brick Road: How the United States Adopted the Gold Standard // Economic Perspectives. 2002. Vol. 26, is. 2.
36. David B. Parker. The Rise and Fall of The Wonderful Wizard of Oz as a Parable on Populism // Journal of the Georgia Association of Historians. 1994. № 15. P. 49–63.
37. Бахтин М.М. Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. С. 9–191.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 марта 2020 г.

Ancient, Byzantine and Modern Archetypes of *The Wizard of the Emerald City* Fairy Tale by Alexander Volkov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 55–66.

DOI: 10.17223/15617793/454/7

Dmitry N. Goncharko, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation); Russian Christian Academy for Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: goncharko@list.ru

Oksana Yu. Goncharko, Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation); Russian Christian Academy for Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: goncharko_oksana@mail.ru

Keywords: philosophy of literature; philosophy of art; philosophy of culture; history of philosophy; novelistic fairy tale; archetypes; modernist text; reading effect.

This research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10051, “The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition”.

The article aims to detect the structural analogy between the archetypes of the main characters of the fairy tale *The Wizard of the Emerald City* (the Russian version of Lyman Frank Baum's *The Wonderful Wizard of Oz*) and the main historical and philosophical subjects of Ancient, Medieval and Modern European philosophies. Intertextual and structuralist analyses applied in this article to the texts of both fairy tales involve the identification of historical, psychological, mythological, aesthetical, mental and cultural archetypes and hidden allusions, which could be interpreted differently due to the specific "reading effects" within different cultures. Such an approach allows drawing conclusions regarding the different interpretations of the main archetypal images of the fairy tale in different cultural traditions. In this article, these are the traditions of the Soviet children's literature of the mid-twentieth century and the American novelistic fairy tale of the late nineteenth century. The article shows that the main characters of Volkov's reception of the American fairy tale tend toward the historical and philosophical archetypes of the ancient philosopher (Scarecrow), the Byzantine hermit (Tin Woodman), and the Modern European naturalist (Coward Lion); and their images can be interpreted within the context of the development of the history of philosophy. This is in contrast to the American prototype of the fairy tale: most researchers analyze its main characters in the sociopolitical context as collective images of the typical American farmer and worker, as well as the American military official of the early twentieth century. The authors of the article tried to apply the concept of intertextuality as a methodological approach to the study of the two versions of one of the most popular fairy tales of the twentieth century, considering Volkov's and Baum's texts as parts of more extensive intertexts manifested in different types of cultures. They also tried to look at the text of Volkov's fairy tale as at a modernist text, the meaning of which depends on the "reading effect" rather than on the author's intention and allows for quite unexpected structural analogies. The fairy tales by Volkov and Baum are arranged in such a way that no matter how small the problem is touched upon it inevitably implies social, psychological or even philosophical overtones. The authors tried to analyze the issue of unconscious citations as a hint to connect the modern texts to the classical ones, since both tales are full of hidden quotations, allusions, parodies, mythological associations, stylizations and other syntactic and aesthetic intertext tools and techniques that allow going far beyond the meaning of the main narration level.

REFERENCES

1. Volkov, A.M. (2015) *Volshebnik Izumrudnogo goroda* [The Wizard of the Emerald City]. Moscow: ROSMEN.
2. Baum, L.F. (2013) *The Wonderful Wizard of Oz*. London: Harper Collins Publishers.
3. Gogina, L.P. (2014) Application of the Intertextuality Principle in the Modern Literary Studies. *Diskussiya – Discussion*. 5 (46). (In Russian).
4. Piégay-Gros, N. (2008) *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality]. Translated from French. Moscow: Izdvo LKI.
5. Malyantovich, K. et al. (1973–1974) *Volshebznika Izumrudnogo goroda* [The Wizard of the Emerald City]. [Cartoon]. TO "Ekran".
6. Fleming, V. (1939) *The Wizard of Oz*. [Motion Picture]. MGM.
7. Dighe, R.S. (2002) *The Historian's Wizard of Oz: Reading L. Frank Baum's Classic as a Political and Monetary Allegory*. Praeger.
8. Satis". (1993) *Kanon pokayannyi ko Gospodu nashemu Iisusu Khristu* [The Canon of Repentance to Our Lord Jesus Christ] Tone 6, Ode 3. St. Petersburg: Satis".
9. Mark 9:24. (In Russian).
10. Leontius of Jerusalem. (2011) Aporii [Aporiae]. In: Benevich, G. (ed.) *Leontiy Ierusalimskiy, Feodor Abu-Kurra, Leontiy Vizantiyskiy – Polemicheskie sochineniya* [Leontius of Jerusalem, Theodore Abū Qurrah, Leontius of Byzantium – Polemical Works]. Translated by D.A. Chernoglazov. Krasnodar: Tekst. pp. 25–66.
11. John Chrysostom. (1895–1906) *Tvoreniya v russkom perevode: v 12 t.* [Works in Russian Translation: In 12 Vols]. Translated from Greek. St. Petersburg: SPb. dukh. akad.
12. Symeon le Nouveau Theologien. (1966) *Traites theologiques et ethiques*. T. I. Paris: Cerf.
13. St. John of Damascus. (2002) *Tvoreniya prepodobnogo Ioanna Damaskina: Istochnik znaniya* [Writings: "The Fount of Knowledge"]. Translated from Greek by N.I. Sagarda. Moscow: Indrik. pp. 53–122.
14. John Climacus. (1999) *Lestvitsa, ili Skrizhali dukhovnye prepodobnogo nashego Ioanna, igumena Sinayskoy Gory* [Ladder of Divine Ascent]. Translated from Greek. Moscow: Pravoslavnyaya biblioteka "Troitskoe slovo".
15. John 20:25. (In Russian).
16. Tsougarakis, D. (ed.) (1993) *The Life of Leontios Patriarch of Jerusalem: Text, Translation, Commentary*. (The Medieval Mediterranean. Peoples, Economics and Cultures, 400–1453, Vol. 2). Leiden; New York; Köln; Brill: § 9.17–21.
17. Τὸ ψυχοσωτήριον Ψαλτήριον Δαβὶδ τοῦ προφητάνακτος, / Ἐξηγηθὲν παρὰ τοῦ μακαριωτάτου καὶ σοφωτάτου Θεοδώρητου Ἐπισκόπου Κύρου, καὶ μεταγλωττισθὲν παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητός, ἐκ τῆς Ἑλληνικῆς εἰς τὴν κοινὴν ἡμῶν διάλεκτον, <...> Ἐπιμελῶς διορθωθὲν παρὰ Διονυσίου Συγκέλλου Φασολῆ, τοῦ ἐκ τῆς πελοποννήσου. Ἐν Βιέννῃ: Παρὰ Ἰωάννου Σνεϊτρερ, 1817. Σ. 453.
18. Ivanov, S. (2018) Holy Foolery as an Ambiguous Sanctity by Nikon of the Black Mountain. In: Berger, A. & Ivanov, S. (eds) *Holy Fools and Divine Madmen: Sacred Insanity through Ages and Cultures*. Muenchen: Ars Una.
19. Spiridonova, L.V. & Kurbanov, A.V. (2018) [Representations of Anesthesia in Greek Thought]. *Universum platonovskoy mysli* [The Universe of Platonic Thought]. St. Petersburg. 28–30 August 2018. [Online] Available from: <http://plato.spbu.ru/CONFERENCES/2018/ther102.html>. (Accessed: 06.08.2018). (In Russian).
20. Littlefield, H.M. (1964) The Wizard of Oz: Parable on Populism. *American Quarterly*. 16 (1). pp. 47–58.
21. Kuzina, Yu.V. (2017) *Lingvokul'turnye kontsepty v skazochnoy povesti L.F. Bauma "The Wonderful Wizard of Oz", ee perevode na russkiy yazyk S. Belova i russkoyazychnoy literaturnoy interpretatsii A.M. Volkova* [Linguocultural Concepts in L.F. Baum's Fairy Tale "The Wonderful Wizard of Oz", Its Translation Into Russian by S. Belov and the Russian-Language Literary Interpretation by A.M. Volkov]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
22. Omraan, A.Kh. (2012) *Aksiologicheskie modeli avtorskikh skazok v russkoy literature kontsa 1930–1950-kh godov (L. Lagin, A. Volkov)* [Axiological Models of Authorial Fairy Tales in the Russian Literature of the Late 1930s–1950s (L. Lagin, A. Volkov)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh, C. 17.
23. Kierkegaard, S. (1993) *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Translated from Danish by N.V. Isaeva, S.A. Isaev. Moscow: Respublika.
24. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem.
25. Sartre, J.-P. (2000) *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Translated from French by V.I. Kolyadko. Moscow: Respublika.
26. Hume, D. (1996) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 Vols]. Translated from English by S.I. Tsereteli. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
27. Berman, R. (2003) The Wizardry of Oz. *Science Fiction Studies*. 30 (3). pp. 504–509.
28. Deleuze, G. & Guattari, F. (2007) *Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French by D. Kralchkin. Yekaterinburg: U-Faktoriya.
29. Mitrokhina, K. (2001) Dve takie raznye volshebnye strany. Priklucheniya Doroti Geyl v Sovetskom Soyuze [Two Such Different Magical Countries. The Adventures of Dorothy Gale in the Soviet Union]. *Pervoe sentyabrya*. 82/2001.

30. Latova, N.V. (2002) Chemu učit skazka? (O rossiyskoy mental'nosti) [What Does a Fairy Tale Teach? (On the Russian Mentality)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 180–191.
31. Arsenov, P. (1994) *Volshebnyk Izumrudnogo goroda* [The Wizard of the Emerald City]. [Motion Picture]. Kinostudiya im. M. Gor'kogo E.T.O. Lad'ya.
32. Lipovetskiy, M.N. (1992) *Poetika literaturnoy skazki (na materiale russkoy literatury 1920–1980-kh godov)* [Poetics of a Literary Fairy Tale (Based on the Material of the Russian Literature of the 1920s–1980s)]. Sverdlovsk: Ural State University.
33. Kristeva, J. (1993) Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, Word, Dialogue and Novel]. Translated from English by G.K. Kosikov. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 4.
34. Rockoff, H. (1990) The “Wizard of Oz” as a Monetary Allegory. *Journal of Political Economy*. 98. pp. 739–60.
35. Velde, F.R. (2002) Following the Yellow Brick Road: How the United States Adopted the Gold Standard. *Economic Perspectives*. 26 (2).
36. Parker, D.B. (1994) The Rise and Fall of The Wonderful Wizard of Oz as a Parable on Populism. *Journal of the Georgia Association of Historians*. 15. pp. 49–63.
37. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo. pp. 9–191.

Received: 05 March 2020

М.А. Корниенко

МОЛЧАНИЕ КАК ДИСКУРС СМЫСЛА

Представлены слушание и молчание как модусы речи. Рассмотрено функциональное различие «тишины» и «молчания»; показано, что событийность может быть основой молчания. Молчание представлено как инобытие речи. Описаны возможности молчания как паузы. Определена роль молчания как инструмента конституирования смысла.

Ключевые слова: молчание; тишина; речь; событийность; молчание как пауза; конституирование смысла; инобытие речи; слышимое молчание; значимое молчание; значимая пустота.

В «Работах и размышлениях разных лет», говоря о той роли, которую играет в речи феномен молчания, М. Хайдеггер писал о том, что язык имеет свое основание внутри молчания; само же молчание для языка является самым скрытым вымериванием меры – молчание блюдет меру и одновременно впервые задает ее.

Слушание и молчание представлены в «Бытии и времени» в качестве двух сущностных модусов речи: «Чтобы уметь молчать, – пишет М. Хайдеггер, – у здесьбытия (Dasein) должно быть что сказать, иначе говоря, оно должно располагать настоящей и богатой раскрытостью самого себя. Тогда-то скупость на слова, молчаливость, преображает в очевидное, а “болтовня” убивает. Молчаливость как модус речения с такой изначальностью членораздельно выражает понятность здесьбытия, что от нее берет начало и может-ствование слушать, и провидящее совместно бытие» [1. С. 28].

Этимологически термин «молчать» употреблялся в значении «сохранять, держать что-либо в тайне», что находило выражение в проявлении молчания в фольклорно-этнографическом контексте посредством такого явления, как молчание загадки (загадка не существует без разгадки, загадка всегда содержит молчание, паузу, разгадка же всегда «снимает» эту паузу и, как пишет К.А. Богданов [2. С. 176] посредством разгадки налагается вето на виртуальную бесконечность трансформационного круга (молчание реализует идею трансформации). В череде исследуемых М. Фасмером [3] этимологических вариаций – лит. «отмирать», греч. «оцепенение от холода», «цепенею от холода», алб. «сдерживаю дыхание». В словаре В. Даля обозначена связь с диалектическим «молка» – показание (молчание указывает на нечто значимое), донос, поклев. В сербохорватском языке «молчать» означает «сохранять, держать в тайне», «мука, мукло, мукла» – «немой», «скрывающийся», «тайный» – это значение оказывается отнесенным и к тексту, вчитываемость в который не имеет предела. Таковы магические тексты. Исследователи пишут о явлении, когда текст оказывает действие сам по себе благодаря лишь формальной актуализации; его невозможно прочесть до конца, невозможно и исчерпывающая переводимость подобных текстов.

О содержательной глубине термина «молчание» говорят, в частности, следующие эпитеты, помещенные в Словаре эпитетов русского литературного языка К.С. Горбачевич и Е.П. Хабло [4. С. 248–249]: молчание может быть охарактеризовано такими эпитета-

ми, как величественное, внимательное, глубокое, глухое, гнетущее, гордое, гробовое, грозное, грозное, давящее, доброе, долгое, жуткое, задумчивое, затруднительное, затянувшееся, ироническое, испуганное, красноречивое, кроткое, ледяное, мертвое, минутное, мрачное, оцепенелое, полное, почтительное, презрительное, продолжительное, равнодушное, святое, скучное, сосредоточенное, строгое, суровое, томительное, томное, торжественное, трудное, трусливое, тягостное, тяжелое, угрюмое, удивленное, унылое, упорное, хладное, хмурое, холодное, чинное, чопорное, щемящее, едкое, зевотное, иступленное, скитское, сладострастное, безграничное, бездонное, благоговейное, величавое, загадочное, застойное, зловещее, ленивое, могильное, немое, покойное, сонливое, сонное, спокойное, таинственное, тихое, каменное. Этот ряд эпитетов, усиливающих невыразимость, невысказанность молчания, может быть продолжен. Так, у Ж.-Б. Дюбо (в письме Кассиодора Симмаку, префекту Рима) встречается термин «громогласное молчание», когда речь идет об искусстве пантомимы: «...у танцоров красноречивые руки, болтливые пальцы, громогласное молчание, молчаливое повествование; избрала его, по преданию, муза Полигимния, показав, что люди могут и без единого вздоха уст своих объяснить все, что пожелают» [5. С. 660]. О «звучащем молчании» говорит и сама Полигимния: «Я молчу, озвучивая чарующее движение руки, призывая знаком звучащее молчание» [6. С. 23].

Наконец, о «выжидательном молчании», предшествующем разговору Оли Мещерской, пишет И. Бунин в «Легком дыхании»: «Она посмотрела на молодого царя, во весь рост написанного среди какой-то блистательной залы, на ровный пробор в молочных, аккуратно гофрированных волосах начальницы, и выжидательно молчала» [7. С. 330]. И этот образный ряд бесконечен, как бесконечна и череда эпитетов, раскрывающих содержательную глубину понятия «тишина»: тишина «молчит» у Л. Андреева, звучит у А. Блока («Ты отходишь в сумрак алый»); о «звонкозвучной» тишине пишет В. Брюсов, об особой тишине пустой церкви в «Чистом понедельник» пишет И.А. Бунин: в четырнадцатом году, под Новый год, в тихий солнечный вечер «...зашел в пустой Архангельский собор, долго стоял, не молясь, в его сумраке, глядя на слабое мерцанье старого золота иконостаса и надмогильных плит московских царей, – стоял, точно ожидая чего-то, в той особой тишине пустой церкви, когда боишься вздохнуть в ней» [7. С. 487–488].

Сравним функциональное различие использования И.А. Буниним терминов «тишина» и «молчание». «Тишина» создает настрой, атмосферу («в ночное тепло и тишину квартиры», «склонилась ко мне, тихо и ровно говоря», «метели уже не было, все было спокойно и тихо»), в то время как «молчание» всегда событийно. Посредством обращения к словам «тишина», «тихо» у А.С. Пушкина в «Дубровском» передана атмосфера лунной июльской ночи («Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и легкий шорох пробегал по всему саду»), использование же слов «молчание», «безмолвие» в «Дубровском» всегда событийно («Он долго молчал, потупя голову», «безмолвное согласие Маши»).

Язык действительно имеет свое основание внутри молчания, «скрытого вымеривания меры» – молчание слышимо потому, что оно – говорящее. В литературе это свойство молчания используется как художественный прием.

В рассказе Л. Андреева «Молчание» молчание дочери отца Игнатия Веры порождает ощущение бессилия перед чем-то неумолимым. Молчание постепенно заполняет пространство повествования. Оно присутствует, когда отец Игнатий просит дочь рассказать о своем горе: «И мне, думаешь, легко? Как будто не вижу я, что поедает тебя какое-то горе... а какое? И я, твой отец, не знаю его. Разве должно так быть? Но Вера молчала». Тема молчания обретает дополнительную глубину после самоубийства дочери: «Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была тишина, потому что тишина – лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят» [8. С. 13]. После смерти дочери в одну из ночей, лунную, тихую, темную и беззвучную, отец Игнатий поднялся по лестнице и вошел в комнату Веры:

«Волосы отца Игнатия встряхнулись.

– Скажи!

Отец Игнатий впился глазами в стену и протянул руки.

– Скажи!

В комнате было тихо, из глубокой дали пронесся продолжительный и прерывистый свисток паровоза.

...

И ответом ему было молчание»

[8. С. 15].

К концу рассказа постепенно развивается тема слышимого молчания: «И с ужасом почувствовал отец Игнатий, что в ухо его вливается что-то могильно-холодное и студит мозг и что Вера говорит, – но говорит она все тем же долгим молчанием. Все тревожнее и страшнее становится оно, и когда отец Игнатий с усилием отдирает от земли голову, бледную, как у мертвеца, ему кажется, что весь воздух дрожит и трепещет от гулкого молчания» [8. С. 16].

В литературе молчание как сфера неназванного всегда сосуществует с зоной речи. На этом тезисе строит анализ взаимодействия речи и молчания в произведениях А.С. Пушкина М.Н. Виротайнен [9]. С помощью молчания осуществляется уход из речи; речь и молчание представлены как разведенные, и эта разведенность позволяет нарастить значимость и речи, и самого молчания, придать молчанию статус и значение инобытия речи. В литературном тексте мол-

чанием обозначено не отсутствие – с помощью молчания обозначена граница отношения речь-молчание, это тот порог и предел, который, являясь «уходом из речи», требует «преодоления в речи» [9. С. 8]. Молчание («значимое молчание») так же, как и речь, принимает участие в построении культурного целого произведения. При этом отношение речи и молчания, их взаимодействие не являются постоянными, неизменными величинами; это взаимодействие событийно, однако эта особенность проявляет себя не всегда – характер перехода, преодоления «порога» неназываемого может быть и бессобытийным. В стихотворении А.С. Пушкина 1833 г. «Осень» описана ситуация преодоления зоны, порога неназываемого – пауза является тем приемом, что предшествует творческому акту; пауза – событийная пауза, – в ней соединены состояния до и после той минуты, начиная с которой свободно и плавно возникают стихи. Единая стихия творчества антиномична, она разделена паузой как границей, которую, чтобы обнаружить себя в этой стихии, нужно перейти, и этот переход у А.С. Пушкина отмечен особым ритмическим своеобразием. В паузе, пространстве которой воплощает границу отношения речь-молчание, оказывается воплощенной и молчаливая минута ожидания чуда творчества:

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне

.....
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут

[10. С. 265].

В тексте «Евгения Онегина» молчание использовано А.С. Пушкиным для создания специфической художественной структуры, что позволило, к примеру, Ю.Н. Чумакову в статье «Поэтическое и универсальное в “Евгении Онегине”» выразить гипотезу о том, как специфическая форма использования приема молчания «работает» на создание специфической художественной структуры, – она позволяет говорить о романе как написанном стихами, прозой и значимой пустотой [11. С. 63].

В теории литературы используется конструкт «зона молчания». В поэзии подчас зоны молчания приобретают такую форму, как пробелы в стихах. Деталь эта тонко отмечена в работах, посвященных жанровой структуре поэзии А.С. Пушкина. Являясь по своему функциональному замыслу тождественными звучащим поэтическим строфам, они приобретают значение молчащих строф. В «Евгении Онегине» эти строфы имеют цифровое обозначение – Ю.Н. Тынянов назвал их поэтическими эквивалентами текста. Формой проявления молчания выступает незаконченность проговариваемого – эта незавершенность, незаконченность находит выражение посредством обращения к многоточию. О распаханности пределов текста в мир пишет о многоточии как знаке этой распаханности М. Виротайнен. Автор полагает, что границы текста оказываются открытыми миру и в эмпирическом, и в трансцендентном измерении, хотя в случае, если многоточием выделен фрагмент текста, этот фрагмент

превращен автором в лакуну речи, в зону молчания. Пушкинское многоточие охарактеризовано автором как включающее это значение, однако в случае, когда многоточие отнесено к строфе, границы этого фрагмента утрачивают разомкнутость: «...перед нами строго ограниченная внутритекстовая лакуна речи, зона молчания» [9. С. 441], А.С. Пушкиным подчеркнута граница строфы-фрагмента, событийный смысл перехода.

Повествуя о несказанном, о том непередаваемом, что, казалось бы, нельзя выразить, обратившись к слову, само молчание заключает в себе потенциальный парадокс – мы замечаем его в поэзии тех, кто пишет о молчании. Молчание имеет язык, и об этом языке говорят те, кто ведет рассказ о молчании: это парадокс отношения говорящего молчания и того, кто рассказывает об этом говорящем молчании. Посредством обращения к возможностям этого парадокса и зона молчания, и речь предстают как предельно значимые и предельно выразимые. Таковы строки А. Блока в стихотворении «Ты отходишь в сумрак алый...».

Динамическая структура речи расширяется за счет паузного молчания, паузной прерывистости, выступающей в функции содержательного заполнителя речи. В литературе речь идет об интертекстуальном заполнителе, который связывает текстовый и ведущий с ним диалог внетекстовый дискурс (интересные гипотезы на этот счет находим в работах М.М. Бахтина [12] и К.А. Богданова [2]). Пауза или «пробел», пишет, к примеру, К.А. Богданов, одновременно выполняют двойную роль по отношению к тексту: ими обозначен разрыв текста и одновременно – открытость и прозрачность: «“Пробеленный” текст артикулируется в неопределенности “внешних” к нему голосов, обратных монологов – от иных читателей и иных авторов» [2. С. 77].

На интересную деталь в этом смысле обращает внимание К.А. Свасьян, относящий паузы, межсловесные промежутки к тому, посредством чего реализует себя как идея взаимодействия вербального и невербального в тексте, так и логика обнаружения и дополнения смысла; паузная недосказанность, недоговоренность – необходимое условие поэзии: «...чем ярче слова, тем озаренней выхватываются из мрака эти промежутки, тем сильнее выражаются они в наших переживаниях» [13. С. 20].

Паузе, предшествующей ответу, отведена огромная роль в фольклорной культуре, к примеру, это один из центральных элементов загадки: предшествующая ответу пауза содержит в себе элемент молчания. Посредством обращения к паузе в загадке осуществляется не только семантическая объективация, но и проявляет себя субъективный выбор. Эффект разгадки и возникает в ходе субъект-объектной трансформации, реализуемой за счет паузы, и молчание хранит в себе потенциал субъект-объектной трансформации. В ходе разгадки происходит «снятие» паузы, что завершает череду семантических превращений. Пауза, возникшая в результате загадки, формирует пространственно-временной континуум, в котором осуществляется семантическая трансформация, ведущая к разгадке.

Литературный текст хранит в себе смысловое назначение молчания, передаваемого посредством пауз. На

смысловую нагруженность, роль так называемого паузного молчания обращали внимание структуралисты. М. Бахтин писал о том, что пауза всегда коррелирует с интонацией произведения, через интонацию и то молчание, которым текст организован, текст обретает «множественность диалогического развертывания»; молчание формирует смысловую многозначность текста. За словом говорящего всегда находится слушающий, он скрыт за той частью диалога, которая звучит, при этом слушающий инкорпорирован в единое разноголосое звучание текста. Именно в чтении молчание способно текст регенерировать. М.М. Бахтин, как и структуралисты, видел в молчании тот интертекстуальный «заполнитель» (термин К.А. Богданова), посредством которого связаны текстовой и находящийся с ним в диалоге («внетекстовой») дискурсы. Недосказанное, как прием художественной литературы, часто принимает форму смыслов, не проговоренных до конца, что связано с работой воображения.

Молчание, полагает К.А. Свасьян, наделено логикой «смыслообнаружения» и «смыслодополнения». К примеру, поэзия заключена не в словах, но «в межсловесных промежутках», в паузах. На этом основывается утверждение К.А. Свасьяна: «...чем ярче слова, тем озаренней выхватываются из мрака эти промежутки, тем сильнее выражаются они в наших переживаниях» [13. С. 20], слова «суть светильники, озаряющие межсловесное пространство невыразимого», условие поэзии, но не сама поэзия.

В молчании сфера неназываемого наполнена глубоким смыслом – не случайно введение терминов «смыслообнаружение» и «смыслодополнение» для того, что невыразимо в словах. У пифагорейцев существовал обычай молчать, входя в дом. Подобный обычай существовал позднее и у крестьян Германии. В России до сих пор традиционным считается помолчать, отправляясь в дорогу. В протестантских церквях одна дверь постоянно открыта для совершающих обряд безмолвных молитв. Стоит отметить таинственный и опасный характер спрашивающего и отвечающего в ритуальных практиках святочного, похоронного и свадебного обрядов (до сих пор в ряде языков глагол «молчать» употребляется в значении «сохранять», «держат что-либо в тайне»). В фольклоре и памятниках литературы смерть зачастую тождественна молчанию, молчание ассоциируется со смертью, обретая в процессе оформления этой ассоциативной связи «язык»; обретая язык, молчание становится слышимым в рассказе Л. Андреева «Молчание», – охватывая все в доме отца Игнатия, через это обретенное молчание становится звучащим, осязаемым, слышимым. Подробнее остановимся на этой особенности молчания. В рассказе постепенно создается напряженная и драматичная атмосфера молчащего дома: на вопрос отца отвечает упорным молчанием Вера, «сдавлена» молчащими людьми ее мать, всегда любившая шутку и смех. Во время похорон в молчащей церкви, на колокольне перезванивали колокола, глаза умирающей от горя матери «были немые, молчали тяжело, упорно... уста были немые, молчали и глаза»; в гостиной, чистой и прибранной, были одеты белыми чехлами, точно мертвецы в саванах, высокие кресла, а

проволочная клетка была пуста и дверца ее была открыта, в нее словно вылетела душа дочери, которой больше нет. В комнатах после похорон дочери было тихо. Дом молчал, но это было слышимое молчание – молчание, словно обретающее язык: «Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была тишина, потому что тишина – лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят» [8. С. 13].

Определяя событие молчания, анализируя потенциал порога преодоления в сфере неназываемого, обратим внимание на своего рода зазор, содержащийся в сопоставлении терминов «тишина» и «молчание»; этот зазор мог обнаруживать себя в момент, когда мы пытаемся выстроить нетрадиционный ряд рефлексирования. Молчание и тишина – интересную и тонкую интерпретацию их различия выстраивает К.А. Богданов, когда пишет о ситуации, в которой отождествление молчания со смертью рефлексивно неоднозначно, и это проистекает оттого, что рефлексивная неоднозначность характеризует и то, как смерть воспринимается. Автор видит в смерти парадокс: отрицая жизнь, смерть является фактом жизни. Завершая земную жизнь, умершие приходят к существованию, в котором иное качество, иная глубина, иной слух и иной голос; в этом существовании нет тишины как просто отсутствия звуков, но есть молчание – и здесь иной слух и иной голос, наполненные иным смыслом.

М.М. Бахтину принадлежит тезис о том, что молчание возможно лишь в человеческом мире, в мире без человека есть только тишина [12. С. 338]. Так ли

это? Можно ли говорить о «субъектной наполненности» тишины? Включен ли в тишину человек? О надуманности невключенности человека в тишину пишет К.А. Богданов, который аргументирует свою позицию, не только обращаясь к западноевропейским языкам, где «молчание» является омонимом «тишины» (англ., фр. *silence*, исп. *silencio*, итал. *silenzio*). Знак антропологического содержания, полагает К.А. Богданов, совпадает со значением натурально физического ряда, «молчание» превосходит человека, распространяется за счет феноменологии: «...“невключенность” человека в тишину мнима... тишина антропологична и слита со стоящим за ним языковым содержанием» [2. С. 27]. И различие, как мы полагаем, тишины и молчания обусловлено не столько степенью субъектности применения, но скорее особенностями грамматики и контекстов употребления (к примеру, в русском языке нет глагольных форм (но есть редкая неопределенная форма «утишить») от существительного «тишина», ср. с английским вариантом «he is silent» – «он молчит»). Последнее, на наш взгляд, аргументирует тезис о не меньшей (в сравнении с «молчанием») степени антропологичности и соединенности с языковым контекстом тишины в процессах оценки коммуникативного применения этого слова.

Если говорить о наполненности, содержательности текста, то литературный текст всегда о чем-то молчит. Но о чем он молчит? Можно ли услышать молчание как то несказанное, через которое молчание словно стремится перейти в слово?

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М. : Гнозис, 1993. 464 с.
2. Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания: Номо Тасенс. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1998. 352 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд., стереотип. : в 4 т. М. : Астрель: Аст, 2003. Т. 2. 671 с.
4. Горбачевич К.С., Хаблю Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л. : Наука, 1979. 567 с.
5. Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи. М., 1976. 766 с.
6. Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб. : АЛТЕИЯ, 1995. 328 с.
7. Бунин И.А. Избранное. М. : Художественная литература, 1970. 494 с.
8. Андреев Л.Н. Молчание : сб. рассказов. СПб. : Азбука, 2018. 512 с.
9. Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб. : Пальмира, 2016. 502 с.
10. Пушкин А.С. Осень // Стихотворения (1827–1836). Полное собрание сочинений. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 557 с.
11. Чумаков Ю.Н. Поэтическое и универсальное в «Евгении Онегине» // Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. 432 с.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
13. Голоса безмолвия. Ереван : Советакан грох, 1984. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 декабря 2019 г.

Silence as a Discourse of Meaning

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 67–71.

DOI: 10.17223/15617793/454/8

Mikhail A. Kornienko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mkornienko1@gmail.com

Keywords: silence; speech; eventfulness; silence as pause; constitution of meaning; otherness of speech; audible silence; meaningful silence; meaningful emptiness.

In the article, the logic of the research is focused on Martin Heidegger's thesis that language has its basis in silence; silence for language is a hidden "measuring" of the measure, it protects the measure and sets it at the same time. Listening and silence are the two essential modes of speech. The etymological variations of the term "silence" are given. Through the system of epithets presented in the article, the conceptual depth of the term "silence" is indicated, the idea of the functional distinction used in the literary context of the concepts "silence" and "stillness" is expressed. The thesis about the eventful character of "silence" is revealed. The theme of the speaker—hearable silence—as an artistic device is touched upon: silence as the sphere of the unnamed always coexists in a literary text with the speech zone. Through silence, the leaving from speech is accomplished; a semantic distinction of speech and silence is a means of increasing the significance of speech and silence. In this case, in the text, silence, as shown, acquires the status and significance of the otherness of speech: this is the threshold and limit, which, being the "leaving from speech", necessarily requires overcoming in speech. The article claims that it is in the space of the pause that the boundary of the speech-silence relationship de-

notes itself. In literature, a special form of using the technique of silence (“significant emptiness”) allows creating a specific artistic structure. By using the pause, the threshold of the unnamed, the “significant emptiness” is overcome; through the pause, the idea of the interaction of the verbal and the non-verbal in the text, the logic of detection, addition and growth of meaning are realized. Pause silence is a meaningful, intertextual speech filler that connects textual and non-textual discourses. The article outlines the idea of a potential paradox of silence. This paradox consists in the following phenomenon: silence has a language and those telling the story of silence speak about this language. This is a paradox of the relationship of the speaking silence and the story of this silence. Denoting the role of silence in the context of speech, the author reveals the thesis about the existential significance of silence: it is a way of relating to meaning, approaching the boundaries of possible experience, the non-verbal non-recourse form of experience in which silence, being a mode of non-verbal experience, is located next to language. As for approaching the boundaries of possible experience, this approach is due to the transcendental energy of silence. In the final part of the article, the author disputes the thesis about the “non-inclusion” of a person in stillness. Revealing the anthropological nature of stillness, the author writes about the cohesion of stillness and the linguistic content in which the phenomenon of stillness is placed. The article shows that the difference between stillness and silence is due to the degree of the subjectivity of the application, the characteristics of the grammar used and the context of use.

REFERENCES

1. Heidegger, M. (1993) *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Reflections of Different Years]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: Gnozis.
2. Bogdanov, K.A. (1998) *Ocherki po antropologii molchaniya: Homo Tacens* [Essays on the Anthropology of Silence: Homo Tacens]. St. Petersburg: Russian Christian Institute of Humanities.
3. Vasmer, M. (2003) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German. 4th ed. Vol. 2. Moscow: Astrel': Ast.
4. Gorbachevich, K.S. & Khablo, E.P. (1979) *Slovar' epitetoov russkogo literaturnogo yazyka* [The Dictionary of Epithets of the Russian Standard Language]. Leningrad: Nauka.
5. Dubos, J.-B. (1976) *Kriticheskie razmyshleniya o poezii i zhivopisi* [Critical Reflections on Poetry, Painting, and Music]. Translated from French by Yu.N. Stefanov. Moscow: Iskusstvo.
6. Gertsman, E.V. (1995) *Muzyka Drevney Gretsii i Rima* [Music of Ancient Greece and Rome]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Bunin, I.A. (1970) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Andreev, L.N. (2018) *Molchanie: sb. rasskazov* [Silence: Stories]. St. Petersburg: Azbuka.
9. Virolaynen, M.N. (2016) *Rech' i molchanie: Syuzhety i mify russkoy slovesnosti* [Speech and Silence: Plots and Myths of Russian Literature]. St. Petersburg: Pal'mira.
10. Pushkin, A.S. (1957) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
11. Chumakov, Yu.N. (1999) *Stikhotvornaya poetika Pushkina* [Pushkin's Poetry of Verses]. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Pushkinskiy teatral'nyy tsentr v Sankt-Peterburge.
12. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
13. Svas'yan, K.A. (1984) *Golosa bezmolviya* [The Voices of Silence]. Erevan: Sovetakan grokh.

Received: 15 December 2019

И.П. Кужелева-Саган, Д.И. Спичева

ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО КОЧЕВНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ДИСКУРСЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50146.

Представлен авторский вариант систематизации международного междисциплинарного дискурса о цифровом кочевничестве (или цифровом номадизме) как новом социокультурном явлении и одном из основных трендов глобального цифрового сетевого общества. Систематизация осуществлена посредством анализа «метаязыка» и предметных контекстов этого дискурса, позволившего выявить в нем как наиболее изученные, так и формирующиеся научные направления, проблематики и методы их исследования.

Ключевые слова: междисциплинарный дискурс; цифровое кочевничество; цифровой номадизм; цифровые кочевники; онтология цифрового сетевого общества; мобильность; цифровые технологии; беспроводная связь; метаязык; ключевые коды-«хэштеги»; дополнительные предметные коды.

1. Введение

Проблематике нового кочевничества посвящены труды таких известных социальных философов и ученых, как М. Маклюэн [1], Ж. Делёз и Ф. Гваттари [2], Ж. Аттали [3], З. Бауман [4], Дж. Урри [5], У. Митчелл [6] и др. Несмотря на то что научный дискурс о *новых кочевниках* или *цифровых кочевниках / номадах* (с лат. *nomad* – пастух, кочевник) ведется уже более 60 лет, он не только не ослабевает, но расширяется и углубляется. На сегодняшний день в базах данных научных публикаций Scopus, РИНЦ и Academia.edu зарегистрировано около 1,5 тысяч источников – описаний исследований цифрового кочевничества, осуществленных в рамках различных дисциплин и интерфейсах между ними. Изучая один и тот же объект – цифровое кочевничество, представители разных наук выделяют в нем свои предметные области, используя для их репрезентации, наряду с собственным категориальным аппаратом, ряд общих ключевых кодов: новых метафорических понятий, пришедших вместе с новой социальной практикой. Таким образом, этот дискурс становится междисциплинарным, методологически более оснащенным и проявляющим признаки формирования «метаязыка».

Основной причиной неугасающего интереса к цифровому кочевничеству является его превращение из образа будущего в реальную социальную практику. Цифровые кочевники (англ. “digital nomads”) – это люди, которые в процессе своей профессиональной деятельности, учебы, творчества и досуга не привязаны к какому-либо определенному месту, благодаря использованию интернет-технологий и беспроводной мобильной связи (Ц. Макимото и Д. Мэннерс [7]). Перманентная «мобильность» (Дж. Урри [5]) и «подключенность» к Сети – это базовые характеристики цифровых кочевников, благодаря которым их культура также становится супермобильной и глобализирующейся. Речь идет и о географической, и о социальной мобильности, поскольку цифровые кочевники легко меняют как места своего физического присутствия, так и социальные роли, осваивая новые для себя образовательные, профессиональные, творческие и другие практики. В итоге

«мы являемся свидетелями реванша кочевого образа жизни над принципом территориальности и оседлости» (З. Бауман [4. С. 20]). Цифровое кочевничество, или цифровой номадизм, – это результат и одновременно причина серьезных изменений в различных сферах общественного бытия и человеке как социальном субъекте. Сама онтология цифрового сетевого общества способствует экспоненциальному росту номадических потоков не только в мировом масштабе (глобальное кочевничество), но и в пределах регионов и городов (локальное или городское кочевничество).

К настоящему времени цифровой номадизм стал одним из важнейших трендов XX в., который необходимо рассматривать через призму глокализации, т.е. одновременно глобализации и локализации этого явления. Иными словами, примерно одинаково быстрыми темпами растет как количество людей, территория «кочевания» которых – почти весь мир, окутанный спутниковой связью, так и тех, кто постоянно перемещается со своими девайсами по «электронным оазисам» города, занимаясь на ходу образовательной или профессиональной деятельностью – «бизнесом без офиса». Появился новый социальный класс – «новый мобилитет» (Дж. Урри [5]).

Возникает вопрос: что же побуждает людей становиться цифровыми кочевниками? Безусловно, это новые технологии, появившиеся в 1990-х гг. и позволившие реализовывать жажду свободы и приключений, а также зарабатывать деньги в процессе дистанционной работы (Ц. Макимото и Д. Мэннерс [7]). Но с тех пор многое изменилось: трансформировалась сама онтология сетевого общества, став *гибридной* (размытие границ между реальным и виртуальным, аналоговым и цифровым и т.д.) (Б. Латур [8], Ш. Тёркл [9]); *текучей* (З. Бауман [4]) и пр. Необыкновенно усложнилась социальность (Э. Морен [10]), еще более иерархичным стало сетевое общество (А. Бард и Я. Зодерквист [11]) и появилось множество других факторов, побуждающих, а часто и вынуждающих людей к цифровому кочевничеству. В результате заявили о себе такие типы цифровых кочевников, как «истинные нетократы», «собиратели вакансий и впечатлений», состоятельные городские кочевники, мо-

лодые городские кочевники и др. [12], а также новые «волны» цифрового номадизма: *знаниевая* [13] и *студенческая* [14]. Обозначились и новые социальные субъекты, чей образ жизни частично похож на цифровое кочевничество: *цифровые ковбои* [15], *цифровые мигранты* [16]. Кроме того, все более отчетливо стали проявляться не только возможности, но и риски, обусловленные цифровизацией повседневности и «кочевым» образом жизни.

В связи с этим появляется огромное количество научных публикаций по философии, культурологии, антропологии, социальной психологии, социологии, семиотике, экономике, педагогике, юриспруденции, а также теориям социальной коммуникации, информационных систем, менеджмента, урбанистики, архитектуры и другим научным отраслям, составляющим современный междисциплинарный дискурс о цифровых кочевниках. Этот постоянно расширяющийся дискурс, в свою очередь, необходимо периодически описывать и изучать. Такие «срезы»-систематизации дают возможность молодым исследователям – «неофитам» в проблематике цифрового номадизма – быстрее входить в это междисциплинарное предметное поле и идти к его новым глубинам и горизонтам, не начиная каждый раз с нуля и «не открывая заново Америку». Нам известны по крайней мере три типа попыток подобных обзоров, каждый из которых ставил перед собой свои цели. Среди них: 1) простое описание публикаций по тематике цифрового номадизма с использованием *методов реферирования, аннотирования, инспектирования, составления библиографии* и т.п. [17, 18]; 2) анализ обозначенного феномена в рамках трех дискурсов – экономического [19], социокультурного [20, 21] и технологического [22]; 3) герменевтический подход к обзору литературы [23, 24].

Целью этой обзорной статьи является систематизация международного междисциплинарного дискурса о цифровом кочевничестве – как новом социокультурном явлении и объекте изучения, посредством *анализа* его «метаязыка» и предметных языковых контекстов, *позволяющего* выявить в этом дискурсе как наиболее изученные, так и формирующиеся научные направления, проблематики и методы их исследований.

Задачи:

– Описать ключевые коды-«хэштеги», составляющие понятийное ядро формирующегося «метаязыка» междисциплинарного научного дискурса о цифровом номадизме как объекте изучения, а также дополнительные к ним (предметные) коды, вместе дефинирующие принадлежность того или иного научного текста к данному дискурсу в целом, конкретной дисциплинарной или междисциплинарной сфере.

– Рассмотреть тематические направления, проблематики и методы их исследования как возможные основания для систематизации междисциплинарного дискурса о цифровом кочевничестве.

– Отразить полученную систематизацию в соответствующих таблицах.

2. Методология и методика исследования

Базовыми подходами, составившими методологический комплекс нашего обзорного исследования, стали: *социокультурный* (П. Сорокин [25], М. Вебер [26], А.С. Ахиезер [27]), *культурно-семиотический* (Ю. Лотман [28], Р. Познер [29]), *дискурсивный* (Т.А. ван Дейк [30], М. Йоргенсен, Л. Филлипс [31]), *структурно-функциональный* (Г. Спенсер [32], Т. Парсонс [33], Р. Мертон [34]) и *междисциплинарный* (Р. Фродеман, Кляйн Дж. Томпсон, Роберто К.С. Пачеко [35]). Важно отметить, что понятие «междисциплинарный научный дискурс» в рамках данного исследования трактуется широко: и как совокупность отдельных предметных дискурсов различных наук, посвященных общему объекту исследования (цифровому кочевничеству), и как единый дискурс, возникший на пересечении разных наук в отношении этого объекта. Под систематизацией дискурса понимается его структуризация в соответствии с основаниями, выявленными в результате применения обозначенного методологического комплекса. Кроме систематизации, в исследовании использованы методы сравнительного анализа, классификации и схематизации.

Обзор междисциплинарного дискурса о цифровом кочевничестве проведен на основе анализа публикаций из баз данных РИНЦ и Scopus с учетом результатов поиска по ключевым словам («digital nomad») и отраслям знаний посредством использования инструментов визуализации и современных метрик цитируемости, а также анализа публикаций из базы данных международной научной социальной сети Academia.edu [36], настроенной на поиск по словосочетанию «digital nomad». В результате нами были отобраны и просмотрены 1 499 научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, часть из которых были признаны наиболее референтными и проанализированы более глубоко (см. список литературы). Эта референтность оценивалась, прежде всего, с точки зрения первенства в постановке проблемы и релевантности методов, используемых для ее решения.

Учитывая, что одна и та же публикация может относиться сразу к нескольким специально-научным направлениям (междисциплинарному интерфейсу) и актуализировать сразу несколько проблематик, мы изначально не ставили перед собой задачу определения *количественного* соотношения статей по тем или иным основаниям систематизации дискурса о цифровом кочевничестве.

3. Ключевые и дополнительные коды цифрового номадизма

Приступая к данному обзорному анализу, мы исходили из предположения, что на настоящий момент междисциплинарный научный дискурс о цифровом кочевничестве стал проявлять признаки формирования «метаязыка», основу которого составляют ключевые культурные коды или коды-«хэштеги». Подобранный нами методологический комплекс позволил определить их как относительно устойчивые понятия, еще недавно бывшие в основном метафорическими неологизмами, теперь же

используемые не только самими цифровыми кочевниками, но и представителями различных научных дисциплин в описании этого социокультурного феномена. Эти коды представляют собой комплексы означающих и означаемых правил их отношения друг к другу, а также способов структурирования с их помощью сообщений. В одной из своих публикаций мы уже отмечали, что «в качестве ключевых культурных кодов цифровых кочевников могут выступать следующие одинаково ими понимаемые и используемые (кодируемые и декодируемые) метафорические и конкретные понятия: “кочевание”, “кочевые предметы” (мобильные беспроводные девайсы и гаджеты), “кочевые технологии” (приложения для мобильных устройств, QR-коды), “оазисы” (“третьи места”, кафе, публичные библиотеки, коворкинги, зоны Wi-Fi и пр.), “виртуальные костры” (совместные виртуальные форумы и встречи в “третьих местах”) и другие» [21. С. 176]. Эти ключевые коды вошли в научный дискурс вместе с описанием «первой волны» цифрового кочевничества, рамки которой очень условно можно обозначить 1995–2005 гг.

В других наших публикациях был отмечен факт последующего быстрого увеличения количества культурных кодов, так или иначе связанных с «кочевой» проблематикой [12], что объясняется «второй волной» цифрового номадизма как социокультурной практики (примерно с 2005 по 2015 г.). Среди таковых: «технокочевники и цифровые цыгане <...>; городские кочевники (перемещающиеся только внутри мегаполисов); корпоративные кочевники (мобильные сотрудники компаний); кочевники-фрилансеры (независимые кочевники, работающие на себя); флэшпакеры (богатые кочевники); бэкпакеры (бедные кочевники); технобедуины (жители пустынь и других диких мест, использующие при кочевании беспроводную связь и другие новейшие технологии); цифровые ковбои (предприниматели, приверженные цифровым новаци-

ям и склонные к риску в решении сложных задач) и др.» [14. С. 201].

Исходя из анализа ключевых слов научных публикаций, отобранных для обзора, а также результатов наших предыдущих исследований, нами были определены *основные* (ключевые) коды-«хэштеги» и *дополнительные* (предметные) коды, вместе характеризующие междисциплинарный дискурс о цифровых кочевниках. Выявленные коды-«хэштеги» составили достаточно объемное «облако тегов» – основу «метаязыка» научного дискурса о цифровом номадизме как объекте научного исследования. Это «облако тегов» продолжает развиваться вместе с практикой цифрового кочевничества, переживающей в последние годы начало «третьей волны», связанной со «знаниевым кочевничеством» и «студенческим кочевничеством». То есть этимология кодов-«хэштегов» обусловлена непосредственно этой социокультурной практикой. Иными словами, их безымянными авторами чаще всего были сами цифровые кочевники. Дополнительные же коды, напрямую или опосредованно связанные с понятийными аппаратами специальных научных дисциплин, в свою очередь формируют предметные контексты дискурсов этих дисциплин в отношении цифрового номадизма как объекта изучения. Поясним эту мысль на следующем примере. Понятие «идентичность», как известно, входит в категориальный аппарат философских, психологических и культурологических наук. Соответственно, оно является дополнительным (предметным) кодом, используемым представителями этих наук при описании так называемой кочевой идентичности – одного из предметных полей такого объекта, как цифровое кочевничество.

Такой подход позволил нам определить принадлежность публикаций не только к дискурсу о цифровом номадизме в целом, но и к тем или иным дисциплинарным или междисциплинарным сферам (табл. 1).

Таблица 1

Основные коды-«хэштеги» («облако тегов»)	Дополнительные коды (выборочно)	Дисциплины и междисциплинарные интерфейсы
Цифровое кочевничество, общество цифровых кочевников, цифровые кочевники, кочевая идентичность, цифровые артефакты и ментифакты, глобальные и локальные цифровые кочевники, флэшпакеры, бэкпакеры кочевание, кочевые предметы, электронные хайвеи, электронные оазисы, коворкинги, «бизнес без офиса», кочевая инфраструктура, виртуальные костры, онлайн-близость, коммуникации цифровых кочевников, кочевые технологии	Культура, идентичность, культурная идентичность, знак [37], [38]; онлайн-партнеры [39]; ценности [23]; означаемое, означающее, культурный код [21]	Культурология, культурная Антропология, психология, культурная семиотика, этнография
	Мобильность [40, 41]; глобализация, путешествие [42]; миграция [43]	География, социология, теория туризма, антропология, культурология, этнография, история
	Гипермобильность [43, 44]; сетевые взаимодействия, коммуникация [45]	Теория социальных коммуникаций, коммуникативистика
	Мобильная социальность [46]; цифровая визуальная самопрезентация [47]	Социология
	Онтология, социокультурный контекст, мобильность, беспроводная связь, Сеть [21]; иерархическое сетевое общество (нетократия), креативный класс, сетевой капитал [11]	Онтология, социальная философия, социология
	Цифровые мигранты [16], цифровые цыгане [14]; альтернативная реальность [48]	Социальная философия, социология, компьютерные науки
	Организация труда, рабочее место, цифровая работа, лайфхак, просьюмер [23]; корпоративные кочевники [14], виртуальный тимбилдинг [49]; тайм-менеджмент, виртуальные команды [50]; товары и услуги, глобальный капитал [20]; глобальное трудоустройство [51]; электронный паркурзм [52]	Теория менеджмента, экономика труда, теория экономики, теория маркетинга

Основные коды-«хэштеги» («облако тегов»)	Дополнительные коды (выборочно)	Дисциплины и междисциплинарные интерфейсы
Подключенность к Сети, электронные города, поле присутствия, пространство постоседлости, цифровые мигранты, технокочевники, цифровые цыгане, технобедуины, знаниевые кочевники, академические цифровые кочевники, цифровые кочевники-студенты и др.	Глобальное трудоустройство, фриланс, самозанятость [51, 50]	Юриспруденция, право
	Образование, экология знания [53]; образовательная деятельность, образовательный процесс, непрерывное самообразование, гибкие навыки [54]; квест-обучение [55]; демократическое образование [56]; неформальное обучение [57]; образовательные технологии, кочевое образование [14]; психология личности, межличностные отношения [23]; психология группы [49]	Теория педагогики, философия образования, социальная психология, социология
	Цифровая собственность, компьютерные технологии, мобильные приложения, гиперобъекты, социальный статус [58]; гиг-экономика [19]	Компьютерные науки, гуманитарная информатика, экономика, социология
	Экономика символов / знаков, плейс-маркетинг [59]; реклама, сторителлинг [60]	Теория маркетинга
	Мобильные сервисы, городская инфраструктура, городское пространство [22]; кочевая услуга, глобальный город, «умный» город [61]; джентрификация [20]	Теория урбанистики, социальная философия

4. Основания систематизации дискурса

Тематические научные направления, проблематика и методология исследований, выявленные с помощью ключевых кодов-«хэштегов» и дополнительных кодов, стали для нас основаниями систематизации дискурса о цифровом кочевничестве.

4.1. Тематические направления дискурса. «Цифровой номадизм как новый способ бытия и образ жизни». Это направление является самым разработанным внутри междисциплинарного дискурса. Оно было выявлено с помощью многочисленных ключевых кодов-«хэштегов», отражающих характерные черты цифрового кочевника, его культуру, а также его способы построения разного рода социальных коммуникаций в цифровом сетевом информационно-коммуникативном обществе [21]. Дополнительные коды направления относятся к понятийным аппаратам таких наук, как философия, социальная философия, антропология, культурная антропология, география, история, культурология, психология, социология, теория социальной коммуникации и др.

«Производственная сфера и другие экономические отношения цифровых кочевников». Данное направление определилось посредством ключевых кодов, обозначающих те или иные аспекты трудовых отношений цифровых номадов, форматов их работы, видов их профессиональной деятельности и компетенций; организации их рабочих мест, отношений к экономическому (сетевому) капиталу [43, 62, 63]. Дополнительные коды направления указывают на его связь с социологией, экономикой труда; теориями менеджмента и маркетинга, юриспруденцией, правом и др.

«Инфраструктура кочевого образа жизни». На это направление нас вывели ключевые коды, являющиеся названиями «кочевых предметов» (мобильных устройств и приложений), элементов «кочевой» инфраструктуры (мест временного пребывания и сервисного обслуживания) и самого пространства цифрового кочевания («поля присутствия», «пространство постоседлости» и др.) [23, 64, 65]. Дополнительные коды говорят о том, что данное направление осваивается гуманитарной информатикой, компьютерными науками, социологией, теориями маркетинга и урбанистики.

«Образование цифровых кочевников». Это формирующееся в последние годы тематическое направление дефиницировано с помощью кодов: знаниевые кочевники, академические цифровые кочевники, цифровые кочевники-студенты [13, 14]. В этом случае дополнительные коды принадлежат понятийным аппаратам философии образования, теории педагогики, социальной психологии и социологии.

4.2. Проблематика исследований цифрового номадизма. Проблематика исследований цифрового номадизма строится преимущественно на актуализации противоречий между «светлыми» и «темными» сторонами цифрового кочевничества как новой социокультурной практики конца XX – начала XXI в. К первым относятся все те преимущества, которые получают современные кочевники от своего образа жизни: свобода от необходимости проживания и работы в одном и том же месте; новые возможности для саморазвития и самореализации; удовлетворение жажды путешествий и приключений и др. Ко вторым – разного рода риски, связанные с этим образом жизни: психологические (социальное одиночество, «цифровая шизофрения») [66]; экономические (отсутствие постоянного источника доходов); технологические (жесткая зависимость от наличия и качества беспроводной связи); физические (вероятность нападения со стороны асоциальных субъектов); правовые (отсутствие статуса резидента страны своего пребывания), культурные (потеря идентичности) и т.д.

Обозначенные противоречия обусловлены не только двойственностью самой человеческой природы и образа жизни (например, зависимостью индивидуума от социальных связей и его потребностью в уединении), но и амбивалентностью любых технологий, всегда несущих с собой как прогресс, так и негативные последствия. Так, например, мобильность как высокотехнологичный и «романтизированный» способ существования может привести к «безродности, дикости и криминализации» [67. Р. 265] или, по крайней мере, сопровождаться «физиологическими, психологическими, эмоциональными и социальными издержками для отдельных лиц и обществ» [43. Р. 1661]. Еще одна сторона мобильности, ассоциируемой со свободой, – это

зависимость от технологий (транспортных, связи) и материальных доходов, необходимых для ее поддержания. Тем не менее цифровым кочевникам удалось преодолеть стереотипы о том, что мобильность доступна только при наличии «определенной привилегированной должности» [44. Р. 2].

Наиболее часто фиксируемые в научных публикациях противоречия, сопровождающие цифровое кочевничество, касаются таких жизненных сфер, как 1) социальные связи, 2) работа и досуг, 3) профессиональные компетенции, 4) границы собственной культурной идентичности в глобальном мире, 5) отношение к обществу потребления. Проиллюстрируем подобные противоречия на конкретных примерах:

1. С одной стороны, цифровой кочевник демонстрирует «стремление к свободе и самостоятельности, поиск новых способов бытия и отношений, интеграцию в мировое человечество», с другой – «отказ от построения отношения близости и постоянства, традиционных для родной культуры и человечества в целом <...> маргинализацию» [18. С. 17]. Человек, выбирая кочевой образ жизни, как бы отчуждает от себя семью, друзей, родину. Это своеобразная цена, которую он платит за свободу [46, 68–71].

2. Цифровые номады «обречены» на умение сочетать свою перманентную мобильность с профессиональной деятельностью и отдыхом, чтобы иметь не только постоянный доход, но и физические и эмоциональные ресурсы для превращения своей жизни в интересное приключение. Такое умение напрямую связано с их навыками самомотивации и самоорганизации. В идеале цифровые кочевники воспринимают работу не как навязанное обязательство, а как досуг, продиктованный внутренней мотивацией и приносящий удовлетворение. Однако в реальности такие навыки присущи далеко не всем людям, желающим вести «кочевой» образ жизни. Еще одно противоречие, касающееся трудовой сферы, заключается в том, что несмотря на осознание себя отдельными субъектами, стремящимися выйти за рамки любой социальной общности и не быть привязанными к стационарному офису, «кочевники, как правило, используют ориентированные на сообщества рабочие пространства, такие как коворкинги, позволяющие им справиться с ощущением изоляции, общаясь с единомышленниками; повысить производительность труда и эффективно сбалансировать свой рабочий досуг» [72. Р. 223; 50; 73].

3. Цифровые кочевники признаются наиболее творческими и эффективными работниками, представителями «креативного класса» (Р. Флорида [74]), за привлечение которых борются многие территории. Они обладают такими востребованными в современном мире компетенциями, как мультиязычность, мультикультурность, клиентоориентированность, умение управлять проектами и рабочим временем (тайм-менеджмент), способность трудиться в режиме высокой неопределенности и риска, коммуникабельность, IT-компетенции, умение работать с информацией. Последнее является особенно важным, поскольку в цифровом сетевом информационно-коммуникативном обществе обработка информации ценится гораздо выше

простой ее генерации. Развитие этих компетенций является следствием того, что цифровые кочевники привыкли жить и работать в Сети. Но их постоянное присутствие в онлайн-пространстве имеет и свою обратную сторону – цифровую зависимость и относительное однообразие эмоциональных состояний. Именно это во многом и побуждает их к бесконечным путешествиям в поисках более комфортного для себя места проживания и нового социального окружения, в процессе которых они получают новые порции цифрового «детокса» [53, 54].

4. Цифровой номадизм, по мнению многих исследователей, подтверждает, что человечество быстро движется сразу в двух противоположных направлениях: к глобализации и беспроводной связи, с одной стороны, и к самой ранней форме человеческой ассоциации – кочевой охоте и собирательству (информации), с другой. В результате люди становятся «глобальными кочевниками» [75. Р. 91]. В то же время жизненный путь цифрового номада, ассоциируемый с бесконечным поиском себя и возможностью самореализации, выступает против универсальной модели глобального современного мира. Иными словами, цифровые кочевники являются носителями собственной культуры, которая не ассимилируется с культурными традициями стран и регионов их временного нахождения. Где бы они ни жили, они либо стараются подчеркивать свою индивидуальность при сохранении нейтралитета к культурам других социальных групп, либо, окруженные информационными потоками, перестают искать смыслы, «заполняя пустоту бытия театрализацией и демонстрируя вежливое невнимание» [76. С. 58] к окружающим. При этом им, как правило, удается не пересекать черту маргинальности, оставаясь в пределах закона и принятых социальных норм. В любом случае проблема идентичности (культурной, социальной, национальной) осложняется тем, что в своем стремлении к свободе, самостоятельности и интеграции в мировое сообщество цифровые кочевники находятся «за пределами идентичности» (как самосознания непрерывности своего существования во времени и пространстве). Это нахождение «за пределами» в постоянных путешествиях приводит их к «ощущению безродности и одиночества» [39. Р. 70]. Но существует и более оптимистичный взгляд на эту проблему: цифровые кочевники, постоянно находясь «в переходном периоде <...> ни “здесь”, ни “там”» и будучи географически отдалены от друзей и семьи, «на самом деле не отделены и не изолированы» [69. Р. 7–8]. Путь цифрового номада – это путь обретения той свободы, которая была потеряна человеком оседлым; и это путь, на котором почти все границы социальных ролей и географические границы условны. При этом он выстраивает неосозаемые границы своего «Я», пытаясь (не всегда успешно) сохранить не только свое индивидуальное пространство в общем пространстве электронных публичных коммуникаций, но и свой уникальный культурный код. Возможно, цифровое кочевничество – один из способов сохранения будущего человеческой цивилизации, балансирующий между толерантностью и консерватизмом в отношении других культур и национальностей, так

как они четко отличают себя от любых других путешественников [69, 75–77].

5. Подобно тому, как цифровые кочевники не вписываются ни в географические, ни в государственные, ни в социально-ролевые, ни в культурно-национальные границы, они преодолевают и границы современного высокотехнологического общества потребления. Здесь обозначается еще одно противоречие, если иметь в виду, что именно эта социальная реальность и породила самих цифровых кочевников. Большинство из них (за исключением флэшпакеров) проявляют аскетизм, демонстрируя свободу от общества потребления. Они минимизируют свои материальные потребности, ограничиваясь только самыми необходимыми вещами, так как частая смена места жительства не совместима с накопительством и материальным обогащением. Самую большую ценность для цифровых кочевников имеют услуги и товары, обеспечивающие их кочевой образ жизни: качественная беспроводная связь, доступ к базам данных, удобный хостинг и коворкинг; наличие «антикафе», где оплачивается не еда, а время пребывания. Земельная собственность и недвижимость не являются для них способами надежного экономического вклада, что влечет за собой эволюцию прав собственности: от материальной к виртуальной [41, 58, 78]. В определенном смысле «кочевая» культура может стать примером преодоления пороков общества потребления. «Образ жизни цифровогономада можно рассматривать как форму протеста против сложившейся в нашей цивилизации системы производственных отношений и повседневных практик, отражающих идентичность, постулируемую капитализмом и обществом потребления» [79. С. 64]. Размышления о «гиперобъектах» (изменяющемся климате, загрязнении окружающей среды и т.п.) [80] и будущем планеты занимают цифрового кочевника больше, чем обычные физические объекты, что говорит о его самоощущении как «человека мира» [23, 79] и др.

К настоящему моменту проблематика междисциплинарного дискурса о цифровомномадизме в целом фиксирует большое количество противоречий. Это противоречия между личной свободой и зависимостью от технологий; свободой передвижения и необходимостью самоорганизации и самоконтроля; эмпатией к технологиям (смартфону) и социальной отчужденностью; личной индивидуальностью и универсальностью технологий; потребностью в постоянном заработке и высокой конкуренцией на рынке онлайн-труда; стремлением к независимости от работодателя и рисками фриланса; желанием путешествовать и рисками дальних путешествий; гипермобильностью кочевников и «оседлостью» инфраструктур некоторых регионов / стран / городов; стремлением к приватности и незащищенностью сетевых итеракций от хакеров и электронного рейдерства; постоянной «подключенностью» (к Сети) и потребностью в цифровом «детоксе»; многозадачным характером онлайн-деятельности и риском «цифровой шизофрении»; кочевым образом жизни и (а) желанием иметь полноценную семью, (б) необходимостью давать образование своим детям; глобализацией культуры цифрового кочевничества и локализацией иных культур; толерантностью цифровых нома-

дов и нетерпимостью к ним представителей некоторых культур и субкультур; свободным статусом цифрового кочевника и неприятием его со стороны официальных властей (налоговых и иных государственных органов); аскетизмом бэкпакеров и демонстративным потреблением флэшпакеров и т.д.

4.3. Методология исследований. В междисциплинарном дискурсе о цифровомномадизме методология исследований обозначенных направлений и проблематик может быть условно представлена четырьмя уровнями: фундаментальным, общенаучным, специально-научным и прикладным. Такая условность объясняется сложностью однозначного определения статусов ряда подходов и методов, изначально принадлежавших той или иной специальной дисциплине, но постепенно становящихся частью общенаучной методологии для всей социально-гуманитарной сферы. Наличие каждого из подходов нами определялось по соответствующим дополнительным кодам (см. п. 3). Итак, обозначенные уровни кратко можно охарактеризовать следующим образом.

Фундаментальный уровень на сегодняшний день включает в себя самые разные философские подходы и теоретико-методологические основания для релевантного описания специфики и механизмов функционирования цифровогономадизма как нового социокультурного феномена и одного из основных трендов современного цифрового сетевого общества. К ним относится прежде всего *онтологический подход*, объединивший концепции М. Маклюэна [1], М. Кастельса [81], Д. Белла [82], Дж. Гэлбрейта [83], Дж. Нейсмита [84], Э. Тоффлера [85, 86], З. Баумана [4], Дж. Урри [5], С. Сассэн [87], А. Барда и Я. Зодерквиста [11], У. Митчелла [6], Д. Рашкоффа [66] и многих других социальных философов и теоретиков цифровизации и медиатизации, позволивший эксплицировать особенности онтологии глобального цифрового сетевого общества как «общего контекста формирования и функционирования культуры цифровых кочевников» [21. С. 169]. К этому же уровню относятся социально-философские идеи и теории, раскрывающие сущность самого феномена, а также концепции, первоначально не связанные с идеей цифровогономадизма, но позволяющие наметить пути решения проблем, касающихся самых разных сфер этой новой социальной практики и образа жизни. В первом случае – это *номадология* Ф. Гваттари и Ж. Делёза [2], концепции *электронногономадизма* Ж. Аттали [3] и *цифрового кочевничества* Ц. Макимото и Д. Мэннерса [7]; во втором – теории *мобильности* и *социального капитала* Дж. Урри [5], модели *власти, свободы и знания* М. Фуко [88], *теория идентичности* З. Баумана [4], *теория симулякров* Ж. Бодрийяра [89] и некоторые другие. На этих идеях и концепциях выстроены методологии целого ряда исследований [12, 67, 68, 78, 90, 91].

Общенаучный уровень методологии изучения цифровогономадизма составляют универсальные подходы и методы, применяемые разными социально-гуманитарными науками. Это *социокультурный, исторический, компаративный* (сравнительный) и *аксиологический* подходы. Первый из них ориентирован

на изучение общекультурного контекста появления и существования практики цифрового кочевничества [52]. Второй – направлен на анализ конкретных исторических периодов возникновения ее предпосылок и развития [17]. Третий подход дает возможности для выявления общих и специфических характеристик цифрового кочевничества в сравнении с другими «мобильными» социокультурными практиками (туризмом, паломничеством) [40, 92]. Четвертый подводит к осмыслению системы ценностей цифровых кочевников как повседневных ориентиров в различных сферах их профессиональной и социальной деятельности [93]. В частности тех, которые мотивируют «совершить прыжок из фиксированного места и традиционной карьеры к траектории кочевого образа жизни, основанные на цифровой работе» [58. Р. 48].

Особое место среди общенаучных методов, используемых при изучении цифрового кочевничества, занимают разновидности *семиотического подхода*: культурно-семиотический (Ю. Лотман [28], Р. Познер [29]) и структурно-семиотический (Р. Барт [94], Ж. Бодрийяр [89]). Эти методы семиотического анализа в сочетании с онтологическим подходом «дают возможность описать специфику культуры цифровых кочевников как целостного явления и объяснить механизмы ее глобализации» [21. Р. 180]. Применение методологического инструментария, связанного с теорией знаков, обосновано спецификой самой культуры цифровых кочевников – сетевой, текстовой, знаковой. Семиотический подход позволяет представить цифровой нomaдизм как автономную семиосферу со своими знаковыми системами, используемыми для становления и поддержания его культурной идентичности в глобализующемся мире. Вместе с тем именно семиотический подход дает основу формирования междисциплинарного языка описания изучаемого феномена (т.е. «метаязыка») [95, 92].

Весьма продуктивным показал себя и *герменевтический подход* как универсальный метод интерпретации текстовых артефактов. В данном случае он применяется при «расшифровке» цифровых «следов», оставляемых в Сети цифровыми нomaдами – блогов, эссе, постов [96]. *Дискурсивный подход*, получивший в последнее время статус общенаучного для социогуманитарной сферы, используется не только для изучения языковых особенностей цифровых кочевников как социальной группы (социолингвистический аспект) и их идентичности, проявляющейся в языке и текстах (культурный и социально-психологический аспекты), но и для понимания характера их трудовых отношений (юридический и экономический аспекты), а также тех преимуществ, которые дает «кочевая» культура в организации трудовой деятельности [97]. Метод *социального конструктивизма*, реализуемый в различных областях научного знания, в свою очередь, объясняет, почему для цифровых кочевников виртуальные услуги имеют большую значимость, нежели услуги и товары в их материальном воплощении (за исключением товаров первой необходимости, помогающих им поддерживать кочевой образ жизни). При этом подходе «основное внимание уделяется пониманию индиви-

дуальных интерпретаций и восприятий реальности» [73. Р. 367].

Специально-научный уровень методологии изучения цифрового нomaдизма – это совокупность методов таких сфер научного знания, как социология, социальная психология, социальная и культурная антропология, этнография и нетнография, экономика труда, лингвистика, география, история, компьютерные науки, а также теории социальных коммуникаций, менеджмента, маркетинга, педагогики. Например, *социологические и психологические методы* исследования применяются при анализе виртуальных и реальных отношений цифровых кочевников с субъектами и объектами их среды обитания в условиях постоянной мобильности и меняющегося социального окружения. В частности, зависимости передвижения «городских кочевников» от их субъективного восприятия города, обусловленного мобильными цифровыми технологиями [90]. *Метод свободного самоописания*, первоначально применявшийся только в рамках психологической науки, постепенно начал переходить ее границы и использоваться в исторических, географических и этнографических исследованиях, посвященных цифровому кочевничеству. Этот метод основывается главным образом на интерпретации эссе – самого популярного «кочевого» жанра как описания цифровым нomaдом своего образа жизни, окружающей среды, своих мыслей и мотивов поступков [77].

Наряду с традиционными методами, составляющими исследовательский инструментарий социальной и культурной антропологии и этнографии (полевые исследования, включенное наблюдение, анализ артефактов и «культурных кодов», дискурсивный и контент-анализ и пр.), в изучении цифрового кочевничества стали применяться *нетнографические и автоэтнографические методы*. Нетнография – это приложение этнографических методов для изучения онлайн-культур, активно используемое в сфере социальных коммуникаций. При этом посредством геолокационных и иных сервисов исследуются сайты, форумы, чаты цифровых нomaдов. Автоэтнография как метод позволяет определить характер связи «личного» с «культурным» в условиях, когда сама личность помещает себя в социальный контекст. Эти методы особенно подходят для изучения различных аспектов и моделей сетевых коммуникаций цифровых кочевников посредством анализа форумов, сайтов и тому подобных интернет-ресурсов, допускающих возможность обратной связи и взаимодействия [40].

Среди педагогических концепций, нашедших свое методологическое применение в исследованиях цифрового нomaдизма, необходимо отметить прежде всего концепции *экологии знания* и *управления личными знаниями*. Они позволяют концентрироваться на образовательной и трудовой деятельности «независимых и мобильных работников знаний» [53. Р. 314]. Через их призму цифровой кочевник рассматривается как субъект с активной позицией в отношении получения знания, способный выстраивать собственную образовательную траекторию и взаимодействие с другими участниками этого процесса, для которого должны быть доступны все достижения

современного образования [14]. Таким образом, цифровой кочевник становится «знанием кочевником» – представителем образовательной элиты современного общества. «Знаниевый кочевник – это кочующий знаниевый работник инновационного типа, т.е. креативный, творческий и новаторский человек, способный работать с кем угодно, когда угодно и где угодно» [13. С. 41].

Прикладной уровень методологии обеспечивается соответствующими *качественными и количественными методами эмпирических исследований*, преобладающими в изучении цифрового кочевничества. Это объясняется тем, что до сих пор практика цифрового кочевничества как объект изучения продолжает привлекать большее внимание, нежели онтология, история и иные философские и теоретические аспекты этого явления. В эмпирических исследованиях наиболее часто используются *опросы разного типа (интервью, анкеты, фокус-группы в чатах, экспертные опросы), наблюдение* и т.п. Данные методы применяются не только по отношению к самим цифровым кочевникам, но и их работодателям и членам семей [95]. Они позволяют описать и проанализировать опыт современного кочевого образа жизни, раскрыть его перспективы в общении с самими субъектами этого опыта, тем более что большинство цифровых кочевников легко идут на контакт, поскольку они привыкли работать и общаться в Сети. Особенно часто эти методы используются в исследованиях социологического [78] и урбанистического [20, 72] характера. В последних ученые пытаются ответить на вопрос, какого рода пространства требуются цифровым кочевникам для жизни и работы. Для решения этих задач исследователи-урбанисты, помимо традиционных социологических методов (анкетирования и интервью), используют методы: *go along* (изучение восприятия города посредством пешеходных прогулок), *ментальное картирование* (рисование по памяти части городского пространства или всего города), *морфологический анализ* (изучение предметного мира города, создание его пространственного портрета) и др. Заметное место среди прикладных методов занимают *методы геолокации* и *статистические методы*, включая *анализ больших данных (big data)* [40, 45].

5. Заключение: наиболее изученные и формирующиеся научные направления и проблематики дискурса о цифровом номадизме

Основные результаты проведенного обзорного исследования ввиду ограниченности формата данной статьи представлены выборочно (см. табл. 2). К ним относятся не только общие ключевые коды-«хэштеги» и дополнительные коды, составляющие основу «метаязыка» и предметные контексты междисциплинарного дискурса о цифровом кочевничестве, но и выявленные с их помощью наиболее изученные и только формирующиеся направления и проблематики дискурса, а также методы их изучения, все вместе ставшие основаниями для его систематизации. В определенном смысле результатом является и сама логика систематизации

междисциплинарного дискурса о цифровом номадизме: от анализа его «метаязыка», рожденного в процессе новой социокультурной практики, – к определению общих ключевых и дополнительных кодов, «маркирующих» научные тематические направления, проблематики, методы исследования, а также сами дисциплины и их интерфейсы, в пределах которых ведется этот дискурс. Такая методологическая стратегия может быть использована и при систематизации иных междисциплинарных дискурсов.

Приведенные в табл. 2 примеры элементов междисциплинарного дискурса о цифровом кочевничестве (ключевых и дополнительных кодов, направлений исследований, проблематик, методов и их дисциплинарной и междисциплинарной принадлежности) и сама логика их связи свидетельствуют о том, что дискурс активно развивается. Его междисциплинарность становится все более явственной и разнообразной за счет включения в дискурс новых дисциплин и их методологий. На сегодняшний день методологический аппарат исследований цифрового номадизма уже достаточно широк и непрерывно эволюционирует благодаря переносу методов из одной дисциплины в другие, модернизации традиционных методов и появлению новых (нетнографии, анализа больших данных и др.), что, в свою очередь, обусловлено появлением новых компьютерных и цифровых технологий (мобильной и геолокационной связи, различных электронных коммуникационных сервисов и платформ). Как следствие развития методологии в целом, междисциплинарный дискурс о цифровом кочевничестве включает, с одной стороны, вполне отчетливые частные дисциплинарные проекции этого феномена, с другой – попытки его осмысления за рамками отдельных отраслей знания на уровне фундаментальных концепций и теорий, позволяющих выйти на общий междисциплинарный язык («метаязык») исследования.

Применение ключевых кодов-«хэштегов», составляющих основу «метаязыка», и дополнительных предметных кодов выявило четыре основных научных направления (см. п. 4.1) исследуемого междисциплинарного дискурса, из которых наиболее изученным направлением, на наш взгляд, является «Цифровой номадизм как новый способ бытия и образ жизни». Вполне оформились такие направления, как «Производственная сфера и другие экономические отношения цифровых кочевников» и «Инфраструктура кочевого образа жизни». Что касается направления «Образование цифровых кочевников», то оно относительно ново в дискурсе. Его появление связано с возникновением «общества знаниевых кочевников» [13] и новой (третьей) волны цифровых кочевников: кочевников-студентов, желающих не только учиться в высших учебных заведениях, но и одновременно с этим путешествовать и зарабатывать на жизнь [98]. Можно предположить, что количество направлений дискурса также будет увеличиваться. Местом их «рождения» будут новые междисциплинарные интерфейсы – новые предметные поля такого объекта изучения, как цифровое кочевничество.

№	Ключевые коды-«хэштеги»	Дополнительные (предметные) коды	Дисциплинарная или междисциплинарная принадлежность	Направление исследования	Проблематика (основные противоречия)	Методы
1	Цифровое кочевничество	Онтология, социокультурный контекст, мобильность, беспроводная связь, Сеть	Онтология, социальная философия	Цифровой нomaдизм как новый способ бытия и образ жизни	Мобильность vs седентаризм, виртуальность vs реальность	Онтологический подход, социокультурный подход
2	Глобальные и локальные цифровые кочевники	Ценности, культурная идентичность	Культурология, культурная антропология	Цифровой нomaдизм как новый способ бытия и образ жизни	Локальность vs глобальность, индивидуальность vs универсальность;	Аксиологический подход, теория идентичности, дискурсивный анализ, самописание
3	«Кочевание», Электронные «оазисы» и «города»	Мобильность, миграция, путешествия	Социология, география, теория туризма	Цифровой нomaдизм как новый способ бытия и образ жизни	Мобильность vs седентаризм, свобода передвижения vs зависимость от технологий; жажда приключений vs риски для жизни и здоровья	Социологические методы, дискурсивный анализ, самописание
4	Общество цифровых кочевников, типы цифровых кочевников, флэшпакеры, бэкпакеры	Иерархическое сетевое общество (нетократия), креативный класс, социальный статус	Социальная философия, социология	Цифровой нomaдизм как новый способ бытия и образ жизни	Нетократы / флэшпакеры vs консьюмеризм / бэкпакеры; демонстративное потребление vs аскетизм; стремление к свободе vs контроль за сетевым капиталом	Теории цифрового сетевого общества, социологические методы, дискурс-анализ (критический анализ взаимоотношений социальных субъектов)
5	Цифровые кочевники, «виртуальные костры», онлайн-близость	Межличностные отношения, психология личности, психология группы	Социальная психология	Цифровой нomaдизм как новый способ бытия и образ жизни	Близость vs отчужденность, приватность vs публичность	Теория базовых психологических потребностей, контент-анализ, психологическое анкетирование
6	Культура и язык цифровых кочевников, кочевые предметы, цифровые артефакты и ментифакты	Культура, знак, культурный код	Культурная семиотика	Цифровой нomaдизм как новый способ бытия и образ жизни	Специфичность vs универсальность, локальная культура vs глобальная культура	Культурно-семиотический подход
7	Цифровые кочевники, «бизнес без офиса», коворкинг, сетевой капитал	Организация труда, рабочее место, тайм-менеджмент, глобальное трудоустройство	Теория менеджмента, экономика труда	Производственная сфера и другие экономические отношения цифровых кочевников	Свобода передвижения vs необходимость самоорганизации и самоконтроля; цифровые компетенции цифровая зависимость	Теории менеджмента, экономические теории, теория властных отношений, методы нетнографии
8	Кочевые предметы, кочевая инфраструктура	Товары и услуги, реклама, экономика символов / знаков	Теория экономики, теория маркетинга	Производственная сфера и другие экономические отношения цифровых кочевников // Инфраструктура кочевого образа жизни	Виртуальные услуги и товары vs материализованные услуги и товары	Экономические теории, теории маркетинга, теория симулякров, социальный конструктивизм
9	Коммуникации цифровых кочевников	Сетевые взаимодействия / коммуникации	Теория социальных коммуникаций, коммуникативистика	Цифровой нomaдизм как новый способ бытия и образ жизни	Онлайн-коммуникации vs офлайн-коммуникации; горизонтальные сетевые коммуникации vs вертикальные сетевые коммуникации	Различные теории коммуникации, методы геолокации, анализ больших данных (big data), нетнографические методы
10	Кочевые технологии, «подключенность» к Сети	Компьютерные технологии, мобильные приложения	Гуманитарная информатика	Цифровой нomaдизм как новый способ бытия и образ жизни	Преимущества цифровых технологий vs риски цифровых технологий; цифровая зависимость vs цифровой «детокс»	Теории цифрового сетевого общества, критический анализ, статистические Методы

№	Ключевые коды-«эштеги»	Дополнительные (предметные) коды	Дисциплинарная или междисциплинарная принадлежность	Направление исследования	Проблематика (основные противоречия)	Методы
11	Цифровое кочевничество, кочевая инфраструктура, электронные «города» и «оазисы», «поле присутствия», «пространство пост-оседлости»	«Умные» города, глобальные города, городская инфраструктура, городское пространство, «поле присутствия», альтернативная реальность	Социальная философия, теория урбанистики	Цифровой нomaдизм как новый способ бытия и образ жизни // Инфраструктура кочевого образа жизни	Мобильность цифровых кочевников vs «оседлость» городской инфраструктуры; пространство места vs пространство сетевого потока	Теории цифрового сетевого общества, теории пространства, метод <i>go along</i>
12	Знаниевые кочевники, академические цифровые кочевники, цифровые кочевники-студенты	Образование, образовательный процесс, образовательные технологии	Теория педагогики, философия образования	Образование цифровых кочевников	Мобильность vs непрерывность образовательного процесса; самоорганизация процесса обучения vs организация образовательного процесса	Концепции экологии знания и управления личными знаниями

P.S.

Данное обзорное исследование начиналось осенью 2019 г., когда человечество еще жило в своем обычном режиме. Заключительные строки этой статьи были написаны весной 2020 г., в период глобальной пандемии коронавируса, приведшей к самоизоляции и карантину во многих странах, а также глобальному экономическому кризису. «Мир без границ» мгновенно провел четкие демаркационные линии не только между государствами и регионами, но и между городами и даже отдельными районами. Эта беспрецедентная ситуация навела нас на размышления о возможном изменении мейнстримов дискурса о цифровом нomaдизме, поскольку почти наверняка изменится сама практика цифрового кочевничества. Еще недавно было очевидно, что она развивается настолько стремительно, что скоро станет доминирующим образом жизни. Однако пандемия и вызванные ею кризисы внесли свои коррективы в эту перспективу. Мобильность, как одна из важнейших характеристик современного общества, резко снизила свои темпы: по всему миру перестали функционировать тысячи транспортных маршрутов, и вряд ли они будут восстановлены в ближайшее время. Вся инфраструктура «кочевания» понесла критический ущерб: закрылось огромное количество отелей, хостингов, «цифровых» кафе и коворкингов. Уже сейчас очевидно, что услуги тех предприятий, которые найдут в себе силы открыться после пандемии, будут в разы дороже, чем раньше. Приобретение качественных «кочевых» предметов – мобильных гаджетов и девайсов – также станет дорогим удовольствием. С другой стороны, нельзя отрицать, что огромные массы людей, находясь долгое время в домашней самоизоляции, сделали резкий скачок в совершенствовании своих цифровых навыков и почувствовали как никогда острое желание к перемене мест.

Учитывая сказанное, можно предположить минимум три вектора цифрового кочевничества, которые могут начать реализовываться независимо друг от друга в ближайшие годы в условиях новой реальности. Первый вектор: цифровое кочевничество приобретет в основном локальный характер. Преобладающим типом цифровых нomaдов станут «городские молодые кочевники». Они будут постоянно перемещаться внутри полисов, предпочитая работать, учиться и общаться на ходу, используя для этого доступные им «третьи места». Второй вектор: глобальное кочевничество останется образом жизни только для самых избранных нетократов. Это будет относительно небольшое количество людей либо очень состоятельных (флэшпакеров), либо очень востребованных как экспертов и представителей «креативного класса». За их привлечение будут конкурировать между собой государства и регионы с целью быстрого выхода из экономического кризиса. Поэтому для них будут создаваться самые комфортные условия. Третий вектор будет самым массовым в силу своей доступности почти для любого желающего. Это полностью *виртуальное* цифровое кочевничество. Люди будут «передвигаться по миру», сидя у экранов компьютеров, точно так же, как когда-то советские граждане «путешествовали» по планете, глядя на экраны своих телевизоров. Но если раньше выбор маршрутов полностью зависел от ведущего телепередачи «Клуб кинопутешественников», то теперь он будет выстраиваться исключительно самими виртуальными цифровыми кочевниками в соответствии с их интересами и творческими задачами. Представляется, что все эти три вектора найдут отражение в будущем международном междисциплинарном научном дискурсе о цифровом нomaдизме. Надеемся, что у нас будет возможность проверить нашу гипотезу в своих новых исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маклюэн М. Понимание Медиа. Внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2014. 462 с. URL: <http://sun.tsu.ru/limit/2017/000563220/000563220.pdf>
2. Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine. New York : Semiotext(e), 1986. 160 p.
3. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М. : Международные отношения, 1993. 66 с.
4. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ., под ред. Ю.В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
5. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012. 576 с.

6. Митчелл У. Я ++. Человек, город, сети. М. : StrelkaPress, 2012. 328 с.
7. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Wiley ; New York, 1997. 256 p.
8. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 239 с.
9. Turkle Sh. Computational Technologies and Images of the Self // Social Research. Fall 97. Vol. 64, is. 3. P. 1093–1111.
10. Морен Э. О сложности / пер с фр. Я.И. Свирского. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2019. 272 с.
11. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
12. Кужелева-Саган И.П. Бизнес-коммуникации в условиях цифрового кочевничества // Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов : сб. ст. участников междунар. науч.-практ. конф., Москва, НИУ ВШЭ, Департамент интегрированных коммуникаций, 9–11 июля 2015. М., 2015. С. 178–187.
13. Общество Знаниевых Кочевников : сценарии образования будущего / под ред. Джона У. Моравца; науч. ред. пер. И.П. Кужелева-Саган; пер. с англ. С.С. Носовой. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 346 с.
14. Кужелева-Саган И.П. Общие контуры онтологии образования в эпоху нового кочевничества // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2020. № 1 (29). С. 200–211.
15. Вильякайнен П.А., Мюллер-Эберштайн М. Без страха. Лидеры бизнеса в цифровую эру / пер. с англ. А. Ракина. М. : Олимп-Бизнес, 2012. 400 с.
16. Глухов А.П., Окушова Г.А. Цифровые мигранты как вынужденные цифровые кочевники: формирование новой идентичности // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : материалы III Междунар. трансдисциплинар. науч.-практ. web-конференции Connect-Universum – 2016. 24–26 мая 2016 г. Томск, 2017. С. 89–98.
17. Schlagwein D. The History of Digital Nomadism. International Workshop on the Changing Nature of Work (CNOW). San Francisco, USA : The University of Sydney, 2018. URL: https://www.researchgate.net/profile/Daniel_Schlagwein/publication/329182172_The_History_of_Digital_Nomadism/links/5bfb7292299bffa02033355f/The-History-of-Digital-Nomadism.pdf
18. Арпентьева М.Р. Цифровой номунизм как феномен современного общества // Управление и коммуникации: анализ тенденций и перспективы развития : сб. науч. ст. / отв. ред.: А.Н. Николаева, Е.А. Ильина, Л.Г. Васильева. Чебоксары : Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2016. С. 17–27.
19. Sutherland W., Jarrahi M.H. The Gig Economy and Information Infrastructure: The Case of the Digital Nomad Community // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. December 2017. № 97. URL: <https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/3134732>
20. McElroy E. Digital nomads in siliconising Cluj: Material and allegorical double dispossession // Urban Studies. 2019. July 2. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0042098019847448>.
21. Кужелева-Саган И.П. Культура цифровых кочевников и возможные подходы к ее изучению // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : материалы III Междунар. трансдисциплинарной науч.-практ. web-конференции Connect-Universum – 2016. 24–26 мая 2016 г. Томск, 2017. С. 166–182.
22. Sorensen C. Digital nomads and mobile services // Receiver The mobile self. 2002. URL: https://www.academia.edu/2841339/Digital_nomads_and_mobile_services.
23. Wang B., Schlagwein D., Cecez-Kecmanovic D., Cahalane M. Digital Work and High-Tech Wanderers: Three Theoretical Framings and a Research Agenda for Digital Nomadism // Australasian Conference on Information Systems. Sydney. 2018. P. 1–12.
24. Добринская Д.Е. О феномене цифрового кочевничества // ЭКО. 2020. № 2 (548). С. 37–59.
25. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. М. : Академический проект, 2020. 988 с.
26. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология / пер. с нем., под ред. Л.Г. Ионина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 448 с.
27. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 805 с.
28. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С.М. Даниэля; сост. Р.Г. Григорьева. СПб. : Академический проект, 2002. 543 с.
29. Posner R. Basic Tasks of Cultural Semiotics // Gloria Withalm and Josef Wallmannsberger (eds.) Signs of Power – Power of Signs. Essays in Honor of Jeff Bernard. Vienna : INST, 2004. P. 56–89.
30. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / сост. В.В. Петрова; пер. с англ. яз., под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М. : Прогресс, 1989. 310 с.
31. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ: теория и метод: пер. с англ. / науч. ред. А.А. Киселева. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 350 с.
32. Спенсер Г. Основания социологии. Данные социологии. Индукция социологии: пер. с англ. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 432 с.
33. Парсонс Т. О структуре социального действия / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М. : Академический проект, 2000. 880 с.
34. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. М. : Хранитель [и др.], 2006. 873 с.
35. Frodeman R., Klein T.J., Pacheco R.C.S. The Oxford Handbook of Interdisciplinarity. Oxford : Oxford University Press, 2017. 640 p.
36. Academia.edu. URL: <https://www.academia.edu>
37. O'Brien M. Finding a home for the 'digital nomad' New forms of identity and work in relation to mobile media and public space. 2011. URL: http://www.michelleobrien.net/wp-content/uploads/2011/10/OBRIEN_Home_digital_nomad.pdf
38. Спичева Д.И. «Сибирский геном» как фактор формирования идентичности цифровогономада // Комплексные исследования человека: психология : материалы VII Сибирского психологического форума. Томск, 2017. С. 211–215.
39. Thompson B.Y. 'I get my lovin' on the run': Digital Nomads, Constant Travel, and Nurturing Romantic Relationships // Nash C., Gorman-Murray A. (eds). The Geographies of Digital Sexuality. Singapore : Palgrave Macmillan, 2019. P. 69–90.
40. Gretzel U., Hardy A. VanLife: Materiality, Makeovers and Mobility amongst Digital Nomads // E-review of Tourism Research. 2019. Vol. 16, № 2/3. P. 1–9.
41. Pawlak J., Sivakumar A., Polak J.W. Digital Lifestyle, Physical Mobility and Value of Time in the Age of Nomadism and Polychronicity. London : Imperial College Business School Imperial College London, 2012. URL: <http://www3.imperial.ac.uk/business-school/>
42. Richards G. The new global nomads: Youth travel in a globalising world // Tourism Recreation Research. 2015. Vol. 40, is. 3. P. 340–352.
43. Cohen S.A., Gössling S. A darker side of hypermobility // Environment and Planning. 2015. № 47. P. 1661–1679.
44. Raedts M., Salazar N. Making lifestyle mobile. 2nd phase master social and cultural anthropology Seminar Migration, minorities and multiculturalism. KU Leuven, 2013. URL: https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/37221355/Paper_Lifestyle.pdf
45. Kuzheleva-Sagan I., Nosova S. Culture of digital nomads: ontological, anthropological, and semiotic aspects // New Semiotics Between Tradition and Innovation. 12th world congress of semiotics. Sofia : New Bulgarian University, 2014. P. 131–140.
46. Mascheroni G. Global nomads' network and mobile sociality. Exploring new media uses on the move // Information, Communication & Society. 2007. Vol. 10, is. 4. P. 527–546.
47. Шиленина А.В., Окушова Г.А., Полянская Е.В. Фотоконтент и идентификационные стратегии в визуальной самопрезентации цифровых кочевников в интернете // Комплексные исследования человека: психология : материалы VII Сибирского психологического форума. Томск, 2017. С. 258–262.

48. Richards G., Wilson J. Widening Perspectives in Backpacker Research. Chapter 15 of *The Global Nomad: Backpacker travel in theory and practice*. 2004. URL: https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/37254083/Global_Nomad_Chapter_15.pdf.
49. Спичева Д.И., Коноваленко М.А. Тимбилдинг в коллективе цифровых кочевников // *Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : материалы III Междунар. трансдисциплинарной науч.-практ. WEB-конференции Connect-Universum – 2016*. 24–26 мая 2016 г. Томск, 2017. С. 245–252.
50. Richter Sh., Richter A. Digital Nomads // *Business & Information Systems Engineering*. 2019. Vol. 62, is. 1. P. 77–81.
51. Suter D.F. The global “digital” nomad: Economic environment, Swiss compliance and the Global Employment Company. Switzerland. Rotterdam : Erasmus University, 2018. 28 p.
52. Яковлева Е.Л., Селиверстова Н.С., Григорьева О.В. Концепция электронного кочевника: риски развития цифровой экономики // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2017. Т. 11, № 4. С. 226–241.
53. Jarrahi M.H., Philip, G., Sutherland W., Sawyer S., Erickson I. Personalization of Knowledge, Personal Knowledge Ecology, and Digital Nomadism // *Journal of the association for information science and technology*. 2019. № 70 (4). P. 313–324.
54. Кобо К. Навыки и компетенции работников – знаниевых кочевников // *Общество знаниевых Кочевников: сценарии образования будущего / под ред. Джона У. Моравца; науч. ред. пер. И.П. Кужелева-Саган; пер. с англ. С.С. Носовой*. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2018. С. 73–112.
55. Бессиленк Т. Образовательная «хореография» // *Общество знаниевых Кочевников: сценарии образования будущего / под ред. Джона У. Моравца; науч. ред. пер. И.П. Кужелева-Саган; пер. с англ. С.С. Носовой*. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2018. С. 113–152.
56. Харткамп К. Школа Сэдбери и демократическое образование в обществе знаниевых кочевников // *Общество знаниевых Кочевников: сценарии образования будущего / под ред. Джона У. Моравца; науч. ред. пер. И.П. Кужелева-Саган; пер. с англ. С.С. Носовой*. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 153–200.
57. Рено К. Человеческие отношения как форма обучения: превращение каждого в учителя по жизни // *Общество знаниевых Кочевников: сценарии образования будущего / под ред. Джона У. Моравца ; науч. ред. пер. И.П. Кужелева-Саган; пер. с англ. С.С. Носовой*. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2018. С. 271–292.
58. Athiana A. Housing Ownership as a digital platform in Garcés’ Conditio Posthuma A study on the correlation between the Fear of Apocalypses & Global Nomadism in the Age of Hyperobjects. London : Univeristy College London, Bartlett School of Architecture, 2018–2019. 48 p.
59. Bruni R., Mladenović D. Defining the “figure of merit” for places in the age of digital nomadism // *Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : материалы III Междунар. трансдисциплинар. науч.-практ. web-конференции Connect-Universum – 2016*. 24–26 мая 2016 г. Томск, 2017. С. 59–65.
60. Архангельская И.Б. Storytelling как форма маркетинговой коммуникации в мире цифровых кочевников // *Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : материалы III Междунар. трансдисциплинар. науч.-практ. WEB-конференции Connect-Universum – 2016*. 24–26 мая 2016 г. Томск, 2017. С. 31–38.
61. *Smart Cities and Homes: Key Enabling Technologies* : ed. Obaidat M.S., Nicipolitidis P. Amsterdam; Boston; Heidelberg; New York; Oxford, Paris; San Diego; San Francisco; Singapore; Sydney; Tokyo : Elsevier, 2016. 420 p.
62. Johannessen S. The Nomadisation of Worklife: Advantages and disadvantages of mobile telework (Dissertation. Specialization: Europe in an information society. University of Oslo ; University of East London, 2000. URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/17827/1/johannessen.pdf>
63. Wood M. Nomad Aesthetics and the Global Knowledge Economy // *TAMARA: Journal of Critical Post-modern Organization Science*. 2005. Vol. 3 (4). P. 50–64.
64. Celento D. Urban Dwellings for the Digital Nomad. Wood Structure Symposium 2008: Without a Hitch: New Directions in Prefabricated Architecture. URL: <http://scholarworks.umass.edu/wood/2008/sept27/6/>
65. De Lange M. «Digital Nomadism»: a critique. Draft version of a section of dissertation. 2009. URL: <http://www.bijt.org/wordpress/writing/>
66. Rushkoff D. Present shock: When everything happens now. New York : Current, 2013. 256 p.
67. Rana S. The Micropolitics and Metaphysics of Mobility and Nomadism: A Comparative Study of Rahul Sankrityayan’s Ghumakkar Śāstra and Gilles Deleuze / Félix Guattari’s “Nomadology” // *Social Theory and Asian Dialogues: Cultivating Planetary Conversations*. Singapore : Springer Singapore, 2017. P. 249–270.
68. Kannisto P. Global Nomads: Challenges of Mobility in the Sedentary World. Netherlands. Tilburg University. 2014. URL: <https://research.tilburguniversity.edu/en/publications/global-nomads-challenges-of-mobility-in-the-sedentary-world>.
69. Cohen S.A., Duncan T., Thulemark M. Lifestyle mobilities: Intersections of travel, leisure and migration. London; New York : Routledge, 2013. 274 p.
70. Braidotti R. Nomadic subjects: Embodiment and sexual difference in contemporary feminist theory. New York : Columbia University Press, 1994. 342 p.
71. Rosseel E. Nomadisation: social, psychological and cultural context for the XXI century? // Ljubava Moreva (ed.). *Symbols, Images and Stereotypes: Historical and Existential Experience. International Readings on Theory, History and Philosophy of Culture*. St. Petersburg, 2000. № 6. P. 12–28.
72. Orel M. Coworking environments and digital nomadism: balancing work and leisure whilst on the move // *World Leisure Journal*. 2019. № 61 (3). P. 215–227.
73. Reichenberger I. Digital nomads – a quest for holistic freedom in work and leisure // *Annals of Leisure Research*. 2018. № 21 (3). P. 364–380.
74. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2011. 430 с.
75. Meyrowitz J. Global Nomads in the Digital Veldt // *Revista FAMECOS*. 2008. 11 (24). P. 91–102. URL: https://www.researchgate.net/publication/279649886_Global_nomads_in_the_digital_veldt.
76. Яковлева Е.Л. Антиномичность электронного кочевника: опыт философской рецепции посредством метафор // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2019. № 1. С. 58–68.
77. Trimoldi G. Nomads in hypermobility: a worldwide migrating category arising // *Conference Paper MIGRATION LISBON*. June 2018. URL: <https://mafiadoc.com/migration-lisbon-2018-digital-nomads-in-5bbb2f76097c47aa658b45c1.html>.
78. Bardhi F., Eckhardt G.M., Arnold E.J Liquid Relationship to Possessions // *Journal of Consumer Research*. 2012. № 39 (3). P. 510–529.
79. Гужова И.В. Цифровой номадизм как проект обретения экзистенциальной свободы в мире постулируемой идентичности // *Комплексные исследования человека: психология : материалы VII Сибирск. психол. форума : сб. конф. Томск : Том. гос. ун-т, 2017. С. 63–66*.
80. Мортон Т. Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира. Пермь : Гиле Пресс, 2019. 284 с.
81. Castells M. *The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*. Malden, MA; Oxford, UK : Blackwell, 2000. 594 p.
82. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York : Basic Books, 1973. 616 p.
83. Galbraith J.K. *The New Industrial State*. Princeton : Princeton University Press, 2007. 576 p.
84. Naisbitt J. *Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York : Warner, 1982. 290 p.
85. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ., науч. ред., авт. предисл. П.С. Гуревич. М. : АСТ, 2003. 557 с.
86. Тоффлер Э. Третья волна / науч. ред., авт. предисл. П.С. Гуревич. М. : АСТ, 2004. 781 с.
87. Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. 2d ed. Princeton : Princeton University Press, 2001. 480 p.
88. Foucault M. *Discipline and punish: the birth of the prison* (2nd Vintage Books ed). New York : Vintage Books, 1995. 334 p.
89. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М. : ИД Постум, 2014. 247 с.

90. Епанова Ю.В. «Цифровые кочевники»: городская навигация пассажиров в эпоху «мобильной революции» // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 3. С. 115–123.
91. Мельков С.А., Салтыкова М.В., Лябах А.Ю. «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. Вып. 1 (834). С. 76–94.
92. Kuzheleva-Sagan I.P. Die Kultur von digitalen Nomaden im Kontext der Ontologie der Netzwerkgesellschaft und Kultursemiotik // Zeitschrift für Semiotik. Band 37, Heft 3–4. Stauffenburg Verlag Tübingen, 2015. S. 189–210.
93. Krivtsova E.V., Martynova T.N., Valko O.V. Social Risks and Human Values in Context of Digital Nomadism // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 289. P. 389–395.
94. Барт П. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
95. Mouratidis G. Digital Nomadism Travel, Remote Work and Alternative Lifestyles. Master of Applied Cultural Analysis Department of Arts and Cultural. Sweden. Lund University, 2018. URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/8948916>.
96. Aroles J., Granter E., de Vaujany François-Xavier. 'Becoming mainstream': the professionalisation and corporatisation of digital nomadism // New Technology, Work and Employment. 2020. № 35 (1). P. 114–129.
97. Nash C., Hossein Jarrahi M., Sutherland W., Phillips G. Digital Nomads Beyond the Buzzword: Defining Digital Nomadic Work and Use of Digital Technologies. Springer International Publishing AG, 2018. P. 207–217.
98. Lusmägi S. The Next Wave of Digital Nomads – Student Nomad. 2018. URL: <https://medium.com/@sandralusmgi/the-next-wave-of-digital-nomads-student-nomads-f0b16a4c7517>.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 6 мая 2020 г.

The Phenomenon of Digital Nomadism in the Modern Interdisciplinary Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 72–87.

DOI: 10.17223/15617793/454/9

Irina P. Kuzheleva-Sagan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ipsagan@mail.ru

Dina I. Spicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: specheva@mail.ru

Keywords: interdisciplinary discourse; digital nomadism; digital nomads; ontology of digital network society; mobility; digital technologies; wireless communication; meta-language; key codes-hashtags; additional subject codes.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-111-50146

The authors solve the problem of the systematization of the modern interdisciplinary discourse around digital nomadism as a new sociocultural phenomenon and one of the major trends of the global digital network society. Digital nomads are people who work, study, create, and entertain themselves remotely, using the Internet and wireless mobile communication technologies (T. Makimoto, D. Mannaers). Multiple scientific texts in various research areas and at their intersection focus on the interdisciplinary discourse on digital nomads. The discourse expands continuously, which requires constant description and studying. Such regular cross-sections provide young researchers with the opportunity to promptly engage in this complicated interdisciplinary sphere and find object areas for their own studies. Therefore, the aim of this survey paper is to systematize the international interdisciplinary discourse on digital nomadism as the subject of research by analyzing its meta-language and its objective linguistic contexts. The analysis allows distinguishing both well-studied and developing scientific areas, as well as various issues and the methods of research. The analytical survey of the discourse on digital nomads was based on the analysis of E-Library, SCOPUS, and Academia.edu publications. The methodology of the survey includes sociocultural, culture-semiotic, discursive, structure-functional, and interdisciplinary approaches, as well as methods of comparative analysis, systematization, classification, and schematization. The results of the research are: (1) defining common key codes-hashtags and additional codes that constitute the basis of the meta-language of the interdisciplinary discourse on digital nomadism and its objective contexts, all of those define both well-studied and developing scientific areas, as well as various issues and methods of research; (2) the very logic of systematization of the discourse: it includes the analysis of its meta-language that appeared at the application of the new sociocultural, as well as the identification of codes that indicate scientific subject areas, issues, methods of research, and disciplines with their interfaces limited by the discourse. Furthermore, the authors suggest possible trends for the future scientific discourse around digital nomadism, regarding changes in this sociocultural practice under the current circumstances of the new reality: the coronavirus pandemic and the global economic crisis.

REFERENCES

1. McLuhan, M. (2014) *Ponimanie Media. Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo pole. [Online] Available from: <http://sun.tsu.ru/limit/2017/000563220/000563220.pdf>.
2. Deleuze, G. & Guattari, F. (1986) *Nomadology: The War Machine*. New York: Semiotext(e).
3. Attali, J. (1993) *Na poroge novogo tysyacheletiya* [Millennium; Winners and Losers in the Coming World Order]. Translated from English. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
5. Urry, J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Translated from English. Moscow: Praksis.
6. Mitchell, W. (2012) *Ya++*. *Chelovek, gorod, seti* [Me++: The Cyborg Self and the Networked City]. Translated from English by D. Simanovskiy. Moscow: StrelkaPress.
7. Makimoto, T. & Manners, D. (1997) *Digital Nomad*. Wiley; New York.
8. Latour, B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoĭ antropologii* [We Have Never Been Modern. Essays on Symmetric Anthropology]. Translated from French by D.Ya. Kalugin. St. Petersburg: European University at Saint Petersburg.
9. Turkle, Sh. (1997) Computational Technologies and Images of the Self. *Social Research*. 64 (3). pp. 1093–1111.
10. Morin, E. (2019) *O slozhnostnosti* [On Complexity]. Translated from French by Ya.I. Svirskiy. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy.
11. Bard, A. & Söderqvist, J. (2004) *Netokratiya. Novaya pravayashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism]. Translated from English by V. Miuchkov. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg.
12. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2015) [Business Communications in the Context of Digital Nomadism]. *Nauka o kommunikatsii kak distsiplina i oblast' znaniya v sovremennom mire: dialog podkhodov* [The Science of Communication as a Discipline and Field of Knowledge in the Modern World: A Dialogue of Approaches]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 9–11 July 2015. Moscow: HSE. pp. 178–187. (In Russian).

13. Moravec, J. (ed.) (2018) *Obshchestvo Znanievyykh Kochevnikov: stsennii obrazovaniya budushchego* [Knowmad Society]. Translated from English by S.S. Nosova. Tomsk: Tomsk State University.
14. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2020) General Frames for the Ontology of Education in the Era of “New Nomadism”. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 1 (29). pp. 200–211. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6127-2020-1-200-211
15. Viljakainen, P.A. & Mueller-Eberstein, M. (2012) *Bez strakha. Lideriy biznesa v tsifrovuyu eru* [No Fear, Business Leadership in the Age of Digital Cowboys]. Translated from English by A. Rakin. Moscow: Olimp-Biznes.
16. Glukhov, A.P. & Okushova, G.A. (2017) [Digital Migrants as Forced Digital Nomads: The Formation of a New Identity]. *Tsifrovoe kochevnichestvo kak global'nyy i sibirskiy trend* [Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend]. Proceedings of the Third International Web Conference Connect-Universum–2016. 24–26 May 2016. Tomsk: Tomsk State University. pp. 89–98. (In Russian).
17. Schlagwein, D. (2018) *The History of Digital Nomadism. International Workshop on the Changing Nature of Work (CNOW)*. San Francisco, USA: The University of Sydney. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/profile/Daniel_Schlagwein/publication/329182172_The_History_of_Digital_Nomadism/links/5fbf7292299b1a02033355f/The-History-of-Digital-Nomadism.pdf.
18. Arpent'eva, M.R. (2016) Tsifrovoy nomadizm kak fenomen sovremenogo obshchestva [Digital Nomadism as a Phenomenon of Modern Society]. In: Nikolaeva, A.N. et al. (eds) *Upravlenie i kommunikatsii: analiz tendentsiy i perspektivy razvitiya* [Management and Communications: Analysis of Trends and Development Prospects]. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 17–27.
19. Sutherland, W. & Jarrahi, M.H. (2017) The Gig Economy and Information Infrastructure: The Case of the Digital Nomad Community. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. December. 97. [Online] Available from: <https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/3134732>.
20. McElroy, E. (2019) Digital Nomads in Siliconising Cluj: Material and Allegorical Double Dispossession. *Urban Studies*. July. 2. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0042098019847448>.
21. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2017) [The Culture of Digital Nomads and Possible Approaches to Its Study]. *Tsifrovoe kochevnichestvo kak global'nyy i sibirskiy trend* [Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend]. Proceedings of the Third International Web Conference Connect-Universum–2016. 24–26 May 2016. Tomsk: Tomsk State University. pp. 166–182. (In Russian).
22. Sorensen, C. (2002) Digital Nomads and Mobile Services. *Receiver. The Mobile Self*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/2841339/Digital_nomads_and_mobile_services.
23. Wang, B., Schlagwein, D., Cecez-Kecmanovic, D. & Cahalane M. (2018) Digital Work and High-Tech Wanderers: Three Theoretical Framings and a Research Agenda for Digital Nomadism. *Australasian Conference on Information Systems*. Sydney. pp. 1–12. DOI: 10.5130/acis2018.bl
24. Dobrinskaya, D.E. (2020) On Phenomenon of Digital Nomadism. *EKO – ECO*. 2 (548). pp. 37–59. (In Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59
25. Sorokin, P.A. (2020) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Translated from English by V.V. Sapov. Moscow: Akademicheskii proekt.
26. Weber, M. (2016) *Khozaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii. Sotsiologiya* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology]. Translated from German. Moscow: HSE.
27. Akhiezer, A.S. (1997) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: A Critique of Historical Experience (The Sociocultural Dynamics of Russia)]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
28. Lotman, Yu.M. (2002) *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
29. Posner, R. (2004) Basic Tasks of Cultural Semiotics. In: Withalm, G. & Wallmannsberger, J. (eds) *Signs of Power – Power of Signs. Essays in Honor of Jeff Bernard*. Vienna: INST. pp. 56–89.
30. Dijk, T.A. van. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya: sb. rabot* [Language. Cognition. Communication: Works]. Translated from English. Moscow: Progress.
31. Jorgensen, M.W. & Phillips, L.J. (2008) *Diskurs-analiz: teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
32. Spencer, H. (2013) *Osnovaniya sotsiologii. Dannye sotsiologii. Induksiya sotsiologii* [The Principles of Sociology]. 3rd ed. Translated from English Moscow: LIBROKOM.
33. Parsons, T. (2000) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [The Structure of Social Action]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt.
34. Merton, R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Translated from English Moscow: AST, Khranitel'.
35. Frodeman, R., Klein, T.J. & Pacheco, R.C.S. (2017) *The Oxford Handbook of Interdisciplinarity*. Oxford: Oxford University Press.
36. Academia.edu. [Online] Available from: <https://www.academia.edu>.
37. O'Brien, M. (2011) *Finding a Home for the 'Digital Nomad' New Forms of Identity and Work in Relation to Mobile Media and Public Space*. [Online] Available from: http://www.michelleobrien.net/wp-content/uploads/2011/10/OBRIEN_Home_digital_nomad.pdf.
38. Spicheva, D.I. (2017) [“Siberian Genom” as a Factor of Constructing Identity of a Digital Nomad]. *Kompleksnye issledovaniya cheloveka: psikhologiya* [Integrated Human Studies: Psychology]. Proceedings of the VII Siberian Psychological Forum. Tomsk: Tomsk State University. pp. 211–215.
39. Thompson, B.Y. (2019) ‘I Get My Lovin’ on the Run’: Digital Nomads, Constant Travel, and Nurturing Romantic Relationships. In: Nash, C. & Gorman-Murray, A. (eds) *The Geographies of Digital Sexuality*. Singapore: Palgrave Macmillan. pp. 69–90.
40. Gretzel, U. & Hardy, A. (2019) VanLife: Materiality, Makeovers and Mobility amongst Digital Nomads. *E-Review of Tourism Research*. 16 (2/3). pp. 1–9.
41. Pawlak, J., Sivakumar, A. & Polak, J.W. (2012) *Digital Lifestyle, Physical Mobility and Value of Time in the Age of Nomadism and Polychronicity*. London: Imperial College Business School Imperial College London. [Online] Available from: <http://www3.imperial.ac.uk/business-school/>.
42. Richards, G. (2015) The New Global Nomads: Youth Travel in a Globalizing World. *Tourism Recreation Research*. 40 (3). pp. 340–352.
43. Cohen, S.A. & Gössling, S. (2015) A darker side of hypermobility. *Environment and Planning*. 47. pp. 1661–1679.
44. Raedts, M. & Salazar, N. (2013) *Making Lifestyle Mobile*. 2nd Phase Master Social and Cultural Anthropology Seminar Migration, Minorities and Multiculturalism. KU Leuven. [Online] Available from: https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/37221355/Paper_Lifestyle.pdf.
45. Kuzheleva-Sagan, I. & Nosova, S. (2014) Culture of digital nomads: ontological, anthropological, and semiotic aspects. *New Semiotics Between Tradition and Innovation*. 12th World Congress of Semiotics. Sofia: New Bulgarian University. pp. 131–140.
46. Mascheroni, G. (2007) Global Nomads ‘Network and Mobile Sociality. Exploring New Media Uses on the Move. *Information, Communication & Society*. 10 (4). pp. 527–546.
47. Shilenina, A.V., Okushova, G.A. & Polyanskaya, E.V. (2017) [Photo Content and Identification Strategies in Digital Nomads’ Self-Presentation on the Internet]. *Kompleksnye issledovaniya cheloveka: psikhologiya* [Integrated Human Studies: Psychology]. Proceedings of the VII Siberian Psychological Forum. Tomsk: Tomsk State University. pp. 258–262. (In Russian).
48. Richards, G. & Wilson, J. (2004) *Widening Perspectives in Backpacker Research*. In: Richards, G. & Wilson, J. (eds) *The Global Nomad: Backpacker Travel in Theory and Practice*. Chapter 15. [Online] Available from: https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/37254083/Global_Nomad_Chapter_15.pdf.

49. Spicheva, D.I. & Konovalenko, M.A. (2017) [Teambuilding in the Digital Nomads' Working Teams]. *Tsifrovoye kochevnichestvo kak global'nyy i sibirskiy trend* [Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend]. Proceedings of the Third International Web Conference Connect-Universum–2016. 24–26 May 2016. Tomsk: Tomsk State University. pp. 245–252. (In Russian).
50. Richter, Sh. & Richter, A. (2019) Digital Nomads. *Business & Information Systems Engineering*. 62 (1). pp. 77–81.
51. Suter, D.F. (2018) *The Global "Digital" Nomad: Economic Environment, Swiss Compliance and the Global Employment Company*. Rotterdam, Switzerland: Erasmus University.
52. Yakovleva, E.L., Seliverstova, N.S. & Grigor'eva, O.V. (2017) Concept of Digital Nomad: Fundamental Risks of Digital Economy Development. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 11 (4). pp. 226–241. (In Russian). DOI: 10.21202/1993-047X.11.2017.4.226-241
53. Jarrahi, M.H. et al. (2019) Personalization of Knowledge, Personal Knowledge Ecology, and Digital Nomadism. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 70 (4). pp. 313–324.
54. Cobo, C. (2018) Navyki i kompetentsii rabotnikov – znanievykh kochevnikov [Skills and Competencies for Knowmadic Workers]. In: Moravec, J. (ed.) *Obshchestvo Znanievykh Kochevnikov: stsenarii obrazovaniya budushchego* [Knowmad Society]. Translated from English by S.S. Nosova. Tomsk: Tomsk State University. pp. 73–112.
55. Besselink, T. (2018) Obrazovatel'naya "khoreografiya" [Learning Choreography]. In: Moravec, J. (ed.) *Obshchestvo Znanievykh Kochevnikov: stsenarii obrazovaniya budushchego* [Knowmad Society]. Translated from English by S.S. Nosova. Tomsk: Tomsk State University. pp. 113–152.
56. Hartkamp, C. (2018) Shkola Sedberi i demokraticeskoe obrazovanie v obshchestve znanievykh kochevnikov [Sudbury Schools and Democratic Education in Knowmad Society]. In: Moravec, J. (ed.) *Obshchestvo Znanievykh Kochevnikov: stsenarii obrazovaniya budushchego* [Knowmad Society]. Translated from English by S.S. Nosova. Tomsk: Tomsk State University. pp. 153–200.
57. Renaud, C. (2018) Chelovecheskie otnosheniya kak forma obucheniya: prevrashchenie kazhdogo v uchitelya po zhizni [Relationships as the Ultimate Pedagogy: Making Everyone a Life-Long Teacher]. In: Moravec, J. (ed.) *Obshchestvo Znanievykh Kochevnikov: stsenarii obrazovaniya budushchego* [Knowmad Society]. Translated from English by S.S. Nosova. Tomsk: Tomsk State University. pp. 271–292.
58. Athiana, A. (2018–2019) *Housing Ownership as a Digital Platform in Garcés' "Conditio Posthuma" a Study on the Correlation Between the Fear of Apocalypses & Global Nomadism in the Age of Hyperobjects*. London: University College London, Bartlett School of Architecture.
59. Bruni, R. & Mladenović, D. (2017) Defining the "Figure of Merit" for Places in the Age of Digital Nomadism. *Tsifrovoye kochevnichestvo kak global'nyy i sibirskiy trend* [Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend]. Proceedings of the Third International Web Conference Connect-Universum–2016. 24–26 May 2016. Tomsk: Tomsk State University. pp. 59–65.
60. Arkhangel'skaya, I.B. (2017) [Storytelling as a Form of Marketing Communication in the World of Digital Nomads]. *Tsifrovoye kochevnichestvo kak global'nyy i sibirskiy trend* [Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend]. Proceedings of the Third International Web Conference Connect-Universum–2016. 24–26 May 2016. Tomsk: Tomsk State University. pp. 31–38. (In Russian).
61. Obaidat, M.S. & Nicolopolitidis, P. (eds) (2016) *Smart Cities and Homes: Key Enabling Technologies*. Amsterdam; Boston; Heidelberg; New York; Oxford; Paris; San Diego; San Francisco; Singapore; Sydney; Tokyo: Elsevier.
62. Johannessen, S. (2000) *The Nomadisation of Worklife: Advantages and Disadvantages of Mobile Telework*. Dissertation. Specialization: Europe in an Information Society. University of Oslo; University of East London. [Online] Available from: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/17827/1/johannessen.pdf>.
63. Wood, M. (2005) Nomad Aesthetics and the Global Knowledge Economy. *TAMARA: Journal of Critical Post-Modern Organization Science*. 3 (4). pp. 50–64.
64. Celento, D. (2008) Urban Dwellings for the Digital Nomad. *Wood Structure Symposium 2008: Without a Hitch: New Directions in Prefabricated Architecture*. [Online] Available from: <http://scholarworks.umass.edu/wood/2008/sept27/6/>.
65. De Lange, M. (2009) "Digital Nomadism": A Critique. Draft version of a Section of Dissertation. [Online] Available from: <http://www.bijt.org/wordpress/writing/>.
66. Rushkoff, D. (2013) *Present Shock: When Everything Happens Now*. New York: Current.
67. Rana, S. (2017) The Micropolitics and Metaphysics of Mobility and Nomadism: A Comparative Study of Rahul Sankrityayan's Ghumakkar Śāstra and Gilles Deleuze / Félix Guattari's "Nomadology". In: Ananta Kumar Giri. (ed.) *Social Theory and Asian Dialogues: Cultivating Planetary Conversations*. Singapore: Springer Singapore. pp. 249–270. DOI: 10.1007/978-981-10-7095-2_12
68. Kannisto, P. (2014) *Global Nomads: Challenges of Mobility in the Sedentary World*. Tilburg University. [Online] Available from: <https://research.tilburguniversity.edu/en/publications/global-nomads-challenges-of-mobility-in-the-sedentary-world>.
69. Cohen, S.A., Duncan, T. & Thulemark, M. (2013) *Lifestyle Mobilities: Intersections of Travel, Leisure and Migration*. London; New York: Routledge.
70. Braidotti, R. (1994) *Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory*. New York: Columbia University Press.
71. Rosseel, E. (2000) Nomadisation: social, psychological and cultural context for the XXI century? In: Moreva, L. (ed.), *Symbols, Images and Stereotypes: Historical and Existential Experience*. International Readings on Theory, History and Philosophy of Culture Series. 6. St. Petersburg: Eydos. pp. 12–28.
72. Orel, M. (2019) Coworking Environments and Digital Nomadism: Balancing Work and Leisure Whilst on the Move. *World Leisure Journal*. 61 (3). pp. 215–227.
73. Reichenberger, I. (2018) Digital Nomads — A Quest for Holistic Freedom in Work and Leisure. *Annals of Leisure Research*. 21 (3). pp. 364–380.
74. Florida, R. (2011) *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Translated from English by A. Konstantinov. Moscow: Klassika-XXI.
75. Meyrowitz, J. (2008) Global Nomads in the Digital Veldt. *Revista FAMECOS*. 11 (24). pp. 91–102. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/279649886_Global_nomads_in_the_digital_veldt.
76. Yakovleva, E.L. (2019) The Antinomy Electronic Nomad: Experience of Philosophical Reception Through Metaphors. *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya – Russian Journal of the Humanities*. 1. pp. 58–68. (In Russian). DOI: 10.15507/2078-9823.045.019.201901.058-068
77. Trimoldi, G. (2018) Nomads in Hypermobility: A Worldwide Migrating Category Arising. *MIGRATION LISBON*. Conference Paper. June. [Online] Available from: https://mafiaadoc.com/migration-lisbon-2018-digital-nomads-in_5bbb2f76097c47aa658b45c1.html.
78. Bardhi, F., Eckhardt, G.M. & Arnould, E.J. (2012) Liquid Relationship to Possessions. *Journal of Consumer Research*. 39 (3). pp. 510–529.
79. Guzhova, I.V. (2017) [Digital Nomadism as a Project of Finding Existential Freedom in the World of "Postulated" Identity]. *Kompleksnyye issledovaniya cheloveka: psikhologiya* [Integrated Human Studies: Psychology]. Proceedings of the VII Siberian Psychological Forum. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 63–66. (In Russian).
80. Morton, T. (2019) *Giperob"ekty. Filosofiya i ekologiya posle kontsa mira* [Hyperobjects. Philosophy and Ecology After the End of the World]. Translated from English by V. Abramenko. Perm: Hyle Press.
81. Castells, M. (2000) *The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell.
82. Bell, D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
83. Galbraith, J.K. (2007) *The New Industrial State*. Princeton: Princeton University Press.
84. Naisbitt, J. (1982) *Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York: Warner.
85. Toffler, A. (2003) *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated from English. Moscow: AST.

86. Toffler, A. (2004) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Translated from English. Moscow: AST.
87. Sassen, S. (2001) *The Global City: New York, London, Tokyo*. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press.
88. Foucault, M. (1995) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. 2nd Vintage Books ed. New York: Vintage Books.
89. Baudrillard, J. (2014) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: ID Postum.
90. Epanova, Yu.V. (2016) "Digital Nomad": City Navigation of Passengers under "Mobile Revolution". *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya – Bulletin of Samara Municipal Institute of Management*. 3. pp. 115–123. (In Russian).
91. Mel'kov, S.A., Saltykova, M.V. & Lyabakh, A.Yu. (2019) "Digital Nomads": Problematization of the Appearance and Impact on the Development of the Modern Society. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 1 (834). pp. 76–94. (In Russian).
92. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2015) Die Kultur von digitalen Nomaden im Kontext der Ontologie der Netzwerkgesellschaft und Kultursemiotik. *Zeitschrift für Semiotik*. 37 (3–4). Tübingen: Stauffenburg Verlag. pp. 189–210.
93. Krivtsova, E.V., Martynova, T.N. & Valko, O.V. (2019) Social Risks and Human Values in Context of Digital Nomadism. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 289. pp. 389–395.
94. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.
95. Mouratidis, G. (2018) *Digital Nomadism Travel, Remote Work and Alternative Lifestyles*. Master's Degree Paper. Sweden. Lund University. [Online] Available from: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/8948916>.
96. Aroles, J., Granter, E. & de Vaujany François-Xavier. (2020) 'Becoming mainstream': the professionalisation and corporatisation of digital nomadism. *New Technology, Work and Employment*. 35 (1). pp. 114–129.
97. Nash, C., Hossein Jarrahi, M., Sutherland, W. & Phillips, G. (2018) *Digital Nomads Beyond the Buzzword: Defining Digital Nomadic Work and Use of Digital Technologies*. Springer International Publishing AG, part of Springer Nature. pp. 207–217.
98. Lusmägi, S. (2018) *The Next Wave of Digital Nomads – Student Nomad*. [Online] Available from: <https://medium.com/@sandralusmgi/the-next-wave-of-digital-nomads-student-nomads-f0b16a4c7517>.

Received: 06 May 2020

А.В. Политов

ОРИЕНТИРОВАНИЕ В ХРОНОТОПЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Научная проблема, на решение которой направлена статья, – раскрытие особенностей пространственно-временной организации (хронотопологичности) существования личности в аспекте ее взаимодействия с окружающим миром и жизненными траекториями других индивидов. Центральный тезис исследования – ориентирование в хронотопе служит элементом бытия человека, являющим собой способ предвосхищения, отражения (рецепции) и коммуникации личностных микрохронотопов и внешней им действительности (макрохронотопа).

Ключевые слова: хронотоп; микрохронотоп; макрохронотоп; ориентирование; пространство; время; экзистенция; человек; предвосхищение; событие.

Один из основоположников теории хронотопа, выражающей взаимосвязанность не только времени и пространства, но сущностно – бытия в целом (т.е. хронотопичность или хронотопологичность мироздания), физиолог и философ А.А. Ухтомский стремился к синтезу достижений естественных наук с философским знанием, полагая значимым налаживание связи между отчужденными от экзистенциально-этических вопросов науками о природе и гуманитарной проблематикой [1. С. 336]. Две наиболее известные его концепции – доминанты [2. С. 36–48] и хронотопа [1. С. 67–72], – происходящие изначально из области естественнонаучных исследований, имеют существенно философское содержание [3. С. 7–56]. Ухтомский не оставил после себя развернутой философской системы, его идеи сохранились в большинстве своем в виде отдельных дневниковых записей и заметок; концепция хронотопа ученого осталась в виде наброска, замысел которого в эстетической плоскости развил впоследствии слушатель Ухтомского М.М. Бахтин [4. С. 341–511]. Основную суть мировоззрения Ухтомского можно выразить в следующем утверждении: и научное познание, и вся жизнь человека должны быть определены к этическому должностованию; жить и поступать необходимо так, чтобы видеть Лицо Другого [5] – узреть в индивиде не носителя социальной функции, не средство для достижения поставленных целей, но Человека.

Важной составляющей теории хронотопа Ухтомского является представление об «ориентировании в хронотопе» [1. С. 138], под которым мыслитель понимал сопряженность, соотношенность, восприятие и взаимодействие субъекта с пространственно-временной средой окружающего мироздания, имеющее в том числе характер своеобразной экзистенциальной настроенности человека на бытие, и фактически представляющее собой модус человеческого существования. Ухтомский отмечал: «Наибольшая полнота дифференциального восприятия действительности <...> может не совпадать с наибольшей способностью <...> ориентироваться в том, что предстоит, т.е. в закономерности восприятий! Наряду с истиной как наиболее полного восприятия <...> приобретает свое место истина как понимание <...> законов бытия. Главное значение приобретает не массив реальности... но... закон и слово бытия» [6. С. 359–360]. У самого мыслителя

не обнаруживается собственно описания структуры ориентирования в хронотопе; такую цель мы ставим перед собой в данном исследовании. Теоретической основой работы послужила теория хронотопа Ухтомского и Бахтина, методологической базой выступило сочетание аналитического и герменевтического методов: опираясь на классическую и постклассическую европейскую философскую традицию, соотнесем с ней и ее базовыми онтологическими и гносеологическими категориальными рубриками и схемами понятия хронотопа и ориентирования в хронотопе для раскрытия их философского содержания; подобный методологический подход, позволяющий обнаружить значение и взаимосвязь философских понятий, восходящих к общей матрице категориальных схем мышления бытия, обоснован в [7. С. 22–24].

Для раскрытия структуры ориентирования в хронотопе соотнесем понятие хронотопной общности со сферой категорий самости (das Selbstsein) и экзистенции (die Existenz); ориентирование в хронотопе онтологически должно предстать родом диалектики самости и противостоящей ей сферы наличного бытия (das Dasein). Под экзистенцией (экзистированием) будем понимать выражение подлинности личностного бытия, соотношенное со сферой самости; регион das Dasein будет выступать ареалом отчуждения и модусом неподлинности человеческого существования (сразу, однако, оговоримся, что у самого Ухтомского отчужденность от человека внешнего круга наличного бытия не акцентируется столь остро, сколь это присуще постклассической философской культуре, а скорее, проявляется сквозь призму этической проблематики, чем характеризовалась, в свою очередь, отечественная философская традиция). Введем два понятия, производных от базовой категории хронотопа, – микрохронотоп и макрохронотоп; под ними будут пониматься две бытийных области: понятие микрохронотопа обозначает сферу самости, или, иными словами, личностный хронотоп, пространственно-временную конфигурацию бытия индивида; понятие макрохронотопа относится к сфере наличного бытия, а также, в конкретно оговоренном значении, будет эквивалентно понятию социального хронотопа, выражающего особенности пространственно-временной организации бытия и коммуникации индивидов в рамках общественной иерархии и структуры.

Поскольку в исследовании одним из ключевых элементов послужит диалектика внешнего и внутреннего, с помощью которой может раскрыться структура ориентирования в хронотопе, необходимо прояснить основание для ее понимания; таковым в данном случае выступает тип экзистенциализма, разработанный К. Ясперсом [8. С. 46]. Взаимосвязь микро- и макрохронотопа соотносится с диалектикой внутреннего и внешнего: микрохронотоп – внутренний ареал самости, для которой может развертываться экзистенция [9. С. 5], макрохронотоп – внешний ареал того, что обозначается терминами «мир» («внешний», «окружающий»), «реальность», «действительность», «повседневность», «обыденность», «наличное бытие», «здесь-бытие» и т.п. Отметим, что не разделяем сферу макрохронотопа на посястороннее (повседневное, мирское и т.д.) и потустороннее (трансцендентное, надмирное...), поскольку не видим в современной философской и культурной ситуации оснований для подобного различения; в целом, после хайдеггерианского различия двух видов сущего – присутствиеразмерного и неприсутствиеразмерного (в переводе В.В. Библихина) [10. С. 230], иная классификация утратила смысл; если бытие есть то, что оно некогда сказало о себе сущему [11. С. 131–132], то достаточным основанием может обладать выделение двух бытийных сфер – относящейся и не относящейся к человеческому бытию; прочее ранжирование необоснованно, поскольку понимание человеческим существом бытия может исходить только из присущей модусу его существования бытийной настроенности. Однако в толковании собственно понятия экзистенции мы не можем исходить из хайдеггеровской фундаментальной онтологии, коей прямолинейное диалектическое соотношение внешнего и внутреннего было в определенной степени чуждо. У М. Хайдеггера экзистенция не относится ни к сфере внутреннего, ни к сфере внешнего, поскольку он, как правило, не рассматривал замкнутые бытийные регионы в качестве структурных элементов онтологии; Ясперс же воспроизводит соотношение внешнего и внутреннего в плоскости экзистенциальной проблематики [9. С. 48–49], сопрягая экзистенцию со сферой самости, в результате чего область *das Dasein* у него окружно замыкается сама на себя (чего принципиально не могло быть у Хайдеггера, понимание *das Dasein* которым наследует еще гуссерлевской категории жизненного мира [12. С. 173], структурирующегося вокруг, но не от индивида), превращаясь в замкнутый ареал [9. С. 72].

Экзистенция – разумеется, не сводимая Ясперсом полностью к сфере внутреннего (поскольку в противном случае связь ее с трансцендентным теряла бы смысл) – становится посредником между самостью, потерянной в *das Dasein*, и трансценденцией [13. С. 3–6]. Подобным пониманием структуры самости, раскрывающейся в движении от внутреннего к внешнему и обратно (от неподлинности *das Dasein* к подлинности экзистенции), Ясперс упрощает обрисованную Хайдеггером конструкцию, в которой подобный ход был бы довольно поверхностным истолкованием схематики экзистенциальной настроенности и решимости. Благодаря задействованной диалектике внутреннего и внешнего

Ясперс обрисовывает более прямолинейную бытийную конфигурацию, нежели Хайдеггер, но в подобном упрощении таится сильная сторона: если в системе координат ясперсовской философии становится возможным вынести суждение о сущности бытия, поскольку уже с самого начала ее понятно, что человеку может быть явлен трансцендентный смысл, то у Хайдеггера, в конечном счете, остается непонятным, что же является вопрошающему присутствиеразмерному сущему (возможно, это ничто, до такой степени Хайдеггер старается сблизить степень первоисходности выражения трансцендентного).

Представляется, что некоторой синонимичностью понятию ориентирования в хронотопе в европейской философской культуре может обладать выражение «ориентирование в мире», что означает соответствующий своему времени способ бытия (в том числе соответствующий модус обустройства сущим окружающего пространства), характеризующийся экзистенциальной настроенностью, внутренней интенцией к подлинности коммуницирования с Другим (воспринимающимся в качестве диалектической противоположности – своего иного) и волей к обретению подлинного бытия (отсюда, к примеру, нарастающее значение в экзистенциализме XX столетия феноменов совести, зова, понимания); аналогом проблематики экзистенциального ориентирования в хронотопе в истории западноевропейской философии XX в. оказывается в определенной мере не только учение Ясперса (благодаря тематике философского ориентирования в мире, подлинности коммуникации, значения пограничных ситуаций в человеческом бытии, чтения шифров трансценденции, мотивам совести, настроенности, понимания, решимости), но также и Ж.-П. Сартра, впитавшего экзистенциальные идеи немецкой феноменологии и онтологии первой половины XX столетия, на почве хайдеггерианской модели «пробрасывания» («набрасывания») как способа человеческого ориентирования в мире, обосновавшего проективность («проброшенность», «наброшенность») личностного существования [14. С. 128–134].

Ухтомский, однако, будучи привязанным к классической отечественной культурной традиции, был более сдержанным в выражении экзистенциальной настроенности своей философией, чем его западноевропейские современники в 20–40-х гг. XX в.; существенная культурная трансформация, выразившаяся в смене приоритета вечной и бесконечной божественной субстанции (например, в учениях Б. Спинозы и Г.В.Ф. Гегеля) временящейся и конечной экзистенцией, хрупкость и неукорененность которой выражали во многом самоощущение европейской цивилизации первой–второй третей XX столетия, в философских воззрениях Ухтомского маскируется моральной проблематикой; экзистенциальные взгляды его приобретают скорее этический характер, что объясняется влиянием русской духовной традиции славянофильства и космизма, к которым Ухтомский по сути своего мироощущения был достаточно близок. В целом же этически-экзистенциальные мотивы моралиста Ясперса оказываются наиболее близкими из всех экзистенциально ориентированных западноевропейских онтоло-

гий модерна к «философии Лица другого человека» Ухтомского, в мировоззрении которого нравственность бытия, понимание и сочувствие Другому были ключевыми жизненными и метафизическими ориентирами.

Итак, будем полагать относящееся к человеческому бытию принадлежащим к сфере значений категории микрохронотопа (личностного хронотопа); в область мощности данного понятия, помимо категорий экзистенции и самости, входит понятие сознания, имеющего собственную априорную пространственно-временную структуру, которую можно обозначить термином «трансцендентальный микрохронотоп»; но микрохронотоп самости не может быть напрямую отождествлен с микрохронотопом сознания, ибо в противном случае живой исток экзистенции будет сведен к абстрактному «познающему субъекту»; говоря о микрохронотопе, мы имеем в виду человеческое бытие «здесь (топос) и сейчас (хронос)» – конкретное, единичное, временное и конечное, разорванное между двумя модусами (падшестью и неподлинностью повседневно наличного бытия и подлинностью и свободой экзистирования), пребывающими в негативном диалектическом отношении, при котором противоречие сторон сущностно и столь глубоко, что не может разрешиться в духе гегелевского снятия [15. С. 47–54]. Неверным, как представляется, будет истолкование категории микрохронотопа и в буквально антропологическом ключе – в качестве микрохронотопа человеческого сущего, поскольку в этом случае пространственно-временной сфере экзистировающей самости будут положены не бытийные границы, но материальные – вместо очерчивания бытийного региона экзистенции будут определены границы дозволенного ей окружающим «внешним» миром локуса. В целом микрохронотоп – сфера экзистенции, замкнувшейся в самости, пребывающей без трансцендентного; представляется необходимым очертить принципиальное расхождение экзистенциальной настроенности текущей культурной и философской ситуации (рубеж двух столетий, XX и XXI) с ясперсовским экзистенциализмом. Ясперс, находясь в хронотопе современной ему культуры первой половины – середины XX столетия, еще хранящей отголоски платоновского эйдоса [16. С. 285–293], мог чувствовать след присутствия в бытии трансцендентного; но в современной культуре XXI в., детерминированной технологичностью и утилитарностью человеческого существования [17. С. 67–73], утверждение ясперсовской диалектики самости и трансценденции, связанных медиумом экзистенции, представляется недостаточно адекватным: в наличной ситуации трансцендентное полностью закрыто от человека, жизнь которого поработана торжеством не живого гераклитовского, но формального мертвого логоса технотронной цивилизации, которым иссушено всякое движение живого эйдетического начала, думается, что трансцендентное более не может выступать в качестве приводящего в человеческое бытие.

Различив микро- и макроуровни, перейдем к различению материального и семантического (эйдетического) в структуре хронотопа. Присутствие в последнем не только пространственно-временной взаимо-

связи, но и фундаментальной диалектики материального и идеального было замечательно продемонстрировано Бахтиным в работе «К философии поступка» [18. С. 51–68]. Подытожим общую структуру хронотопа в качестве крестообразной четверицы: одно соотношение в ней образуют пространство и время, другое (без которого первое было бы невозможно) – эйдос и материя. Представим себе крест, на вершине которого находится эйдос, являющийся бытийной матрицей, порождающей модели сущего; противоположным ему и, соответственно, нижележащим элементом служит материя – возможность осуществления идеи. Горизонталь хронотопной бытийной матрицы образована целокупностью пространства и времени, где время расположено с начальной (левой) стороны горизонтали, что указывает на линейную конечную сущность времени, предстающего в качестве пульсирующего периодичного процесса; самосчитанная конечность времени разворачивается в пространство – противоположную сторону горизонтали. В результате материально-семантическое пространственно-временное соотношение образует хронотоп, выступающий онтологической структурой сущего, выражающий целостность и взаимосвязанность мироздания.

Обозначив общий абрис поставленной проблематики ориентирования в хронотопе, раскрывающегося в качестве бытийной диалектики микрохронотопа (самости и экзистенции) и макрохронотопа (мира, социума), мы должны перейти к ключевой задаче исследования – собственно очерчиванию схематики (совокупности способов осуществления) ориентирования в хронотопной общности; решение поставленной задачи осложняется тем, что, повторимся, у основоположника данного понятия Ухтомского, кроме общеэтических размышлений о человеческом бытии в хронотопичной целокупности мироздания, мы находим лишь один конкретно намеченный вектор, по которому ориентирование в хронотопе может осуществляться (о чем будет сказано ниже); в целом же Ухтомский обосновывает абстрактно-всеобщее значение теории хронотопа, но не раскрывает конкретно-всеобщий схематизм хронотопологичности человеческого бытия; последний в настоящем случае должен быть соотнесен с модусом бытия человека в современности; в противном случае всякая философия, не выражающая экзистенциальную настроенность своего времени, рискует стать абстрактной метафизикой.

Введем два способа ориентирования микрохронотопа в макрохронотопе и обозначим их как негативный пролепсис (мыслительный образ предстоящей реальности) и событийный хронотоп (событийный ряд). Категория пролепсиса (антиципации, предвосхищения бытия, взаимосвязи мышления и внешней действительности) является глубоко укорененной в европейской онтологии и гносеологии XVII–XVIII столетий; данное понятие можно встретить у Г.В. Лейбница, который заимствует его из платоновской парадигмы знания как припоминания и демонстрирует в качестве характеристики соотношения монад (к примеру, в аспекте корреляции физического и психического рядов) [7. С. 42–43], у И. Канта, ссыла-

ющегося на понятие пролеписа у Эпикура [19. С. 80–85] и т.д. Представляется, что категория предвосхищения оказывается важнейшей в структуре диалектического соотношения сущего, а именно во взаимодействии сознания и внешней ему реальности окружающего мира и, следовательно, его ориентирования в этой реальности. Как видно из философии Нового времени [20. С. 8–9], сознание, вещь мыслящая, обладает собственным способом бытия, отличным от окружающего мира – ареала вещи протяженной; время сознания не совпадает по структуре, периодичности, интенсивности и прочим атрибутам со временем материальной субстанции, обнаруживаемой в опыте. Параллелизм психического и физического рядов означает независимость и противоположность (следовательно – противоречие) бытия трансцендентального от бытия, открывающегося в феноменальной плоскости. Несмотря на кажимость естественности и органичности вписанности сознания в окружающую действительность, из-за несовпадений их временных (бытийных) потоков корреляция субъекта с внешними ему объектами есть далеко не прямолинейный процесс, что многократно было продемонстрировано в европейской гносеологии последних трех столетий [21. С. 499–503].

Если трансцендентально-логическая сторона диалектического отношения временного ряда сознания и временного ряда вещи протяженной была раскрыта в классической новоевропейской гносеологии [22. С. 20–49], то в стороне рассмотрения по большей части осталась экзистенциальная нагруженность этой взаимосвязи. Традиционные схемы старой метафизики, опиравшиеся на чувство присутствия в бытии сверхбытийного начала и благодаря этому нивелировавшие неснимаемое противоречие между тремя бытийными сферами – *das Sein*, *das Dasein* и *die Existenz*, так или иначе давали положительную трактовку «экзистенциального» аспекта диалектического противостояния психического и физического рядов (и, следовательно, личности и окружающего ее мироздания): программа Нового времени, заключавшаяся в рационализации сознания и просвещении социума, могла работать и иметь жизненно-личностное значение только при условии приоритета высших духовных ценностей в наличной культуре [23. С. 17–22]. С потерей таковых к концу XIX в. возможность лакировки противоречия между экзистенцией, стремящейся к трансцендентной дали, и низменностью, обмирщенностью повседневного существования, брошенностью и неподлинностью бытия человека в социуме, утратила свое основание; экзистенция осталась один на один с навечно отчужденным от нее мирозданием, в котором не чувствуется даже следа сверхбытийного начала. Поэтому одним из ключевых критериев постклассической онтологии служит ее не только логическая, но, прежде всего, экзистенциальная непротиворечивость; поэтому Хайдеггер, к примеру, столь тщательно демонстрирует различие между категориями и экзистенциалами [24. С. 84–99]. В ситуации забвения бытия эпохи модерна и постмодерна важнейшим основанием онтологии становится ее экзистенциальная подлинность (выражающаяся в

феноменах совести, решимости, воли, понимания, зова и т.п.) [25. С. 5–16].

Предположим, что негативное диалектическое соотношение двух бытийных сфер – экзистирующей самости и наличного бытия, должно порождать и соответствующую негативную диалектику личностного хронотопа и внешней ему реальности, выражающуюся в негативности пролеписа; буквально это выглядит как противоречие мысли и действительности. Ухтомский же, использовавший понятие предвосхищения, полагавший его ключевым элементом в структуре ориентирования человека в макрохронотопе [1. С. 69; 6. С. 16], понимал его в духе классических схем позитивной диалектики (в силу обозначенного выше влияния русской идеалистической философской традиции): действительно, внешняя реальность имманентно противоположна мышлению, которое, несмотря на присущую разуму неограниченность спекулятивных суждений, неизменно пасует перед мирозданием, конечным и ограниченным по своей природе, но кажущимся бесконечным ограниченному собственным солипсизмом и субъективностью сознанию; однако, избрав себе в качестве бытийного идеала и экзистенциального вектора высшие нравственные и метафизические ценности, неустанно работая над совершенствованием собственного интеллекта, человек способен возвыситься над окружающим царством необходимости и познать суть его. Предвосхищение как способ ориентирования в хронотопе Ухтомский старается пояснить, руководствуясь примером гениальной личности, не раскрывая, однако, его вовсе применительно к жизни так называемого обычного человека. Подобное у Ухтомского представляется неслучайным: присутствие в объяснении «гениальной личности» упрощает дело, поскольку в данном случае противоречие экзистирующей самости и наличного бытия нивелируется внешним добавлением надлогической структуры («гения»), служащей отсылкой к пребыванию в бытии положительного, позитивного, умного начала (неслучайно поэтому в языке присутствия выражения «гений творит, как сама природа / божественная субстанция»; этим подразумевается наличие в мироздании оправдывающего его брэнность и конечность доброго и всезнающего сверхначала, служащего противовесом торжествующего в бытии зла). Вместе с тем представляется, что в настоящей социокультурной ситуации отсылка к «гению» не может быть принята; если Ухтомский еще мог апеллировать к классическим духовным ценностям, уже при его жизни переживших трансформацию и слом, то в современной философской и культурной парадигме невозможно осуществить отсылку к объясняющему и оправдывающему все сверхначалу – потому что мы попросту не можем обнаружить и следа его в окружающем нас мироздании, наполненном прагматикой повседневности, торжеством технологизма, формального логоса – но не живого эйдоса, как во времена старой платонической культуры [26. С. 41–48].

Думается, для того чтобы раскрыть сущность пролеписа – элемента взаимосвязи временных рядов мышления и материального мироздания, основания для ориентирования микрохронотопа в макро-

хронотопе, необходимо понять экзистенциальную напряженность диалектического отношения последних, ибо в противном случае мы будем находиться в плену спекулятивной метафизики, рассуждавшей об абсолютности бытийной субстанции и оправдывавшей этим присутствие зла в мироздании (либо сводившей его к сугубо этической категории). Стремясь к раскрытию диалектики самости и наличного бытия, мы не можем обойтись без экзистенциального вопрошания о бытийной сущности этого взаимодействия; в противном случае экзистенция не будет обнаружена как таковая, в качестве живого бытийствующего целого. Представляется, что этическая и экзистенциальная глубина может быть раскрыта в том случае, если к экзистенции мы подходим, исходя не из абстрактно-мифического «познающего субъекта», но из живого единичного человека: драматизм и трагизм человеческой жизни с ее противоречием между словом и делом, желаемым и действительным, романтическим мечтанием и жизненной прагматикой родствен по своей сущности негативной диалектике экзистирующей самости и круга наличного бытия; негативный пролепсис, в частном случае которого предвосхищение мыслью предстоящей реальности приводит к тому, что становящееся событие оказывается противоположным его идеальному образу, скоррелирован с драматизмом противоречия экзистенции и наличного бытия.

Следовательно, общая негативность предвосхищения, выражающаяся в противоположности мыслимого образа предстоящей реальности и осуществившегося, детерминируется онтологической, метафизической напряженностью между экзистенцией и наличным бытием (и шире – между эйдетическим и материальным первопринципами вообще, между вещью мыслящей и вещью протяженной), порождающей соответствующее экзистенциально-этическое противоречие: наличное бытие (посюстороннее, мирское, здешнее, действительное, реальное, осуществившееся, существующее, фактическим образом данное) стремится (можно даже сказать, сознательно, осознанно, целенаправленно стремится, хотя речь идет, казалось бы, о внесубъектной структуре) принципиально не совпасть с рисуемым мышлением видом предвосхищаемого. Образно говоря, наличное бытие в этом стремлении проявляет злое волевое начало, неблагоприятное по отношению к микрохронотопу экзистирующей самости действие, намеренно совершает злодеяние. Предположим даже, что пролепсис, будучи по изначальной сути своей элементом внутреннего круга личностного хронотопа и самости (обеспечивая взаимосвязь мышления с материальным мирозданием и, следовательно, исходя из вещи мыслящей к вещи протяженной), по общему итогу, по механизму своего осуществления оказывается инструментом, противостоящим и разрушающим самость и ее экзистенцию, своего рода вывернутой наизнанку схемой, анти-элементом, отторгнутым и разрушенным недоброжелательным наличным бытием. Следовательно, предвосхищение как элемент ориентирования в хронотопе выступает в негативно-диалектической ипостаси, что фундирует, в числе прочего, трагизм человеческого экзистирования.

Если негативный пролепсис выражает первичное соотношение микрохронотопа и макрохронотопа, не сопровождающееся собственно выходом самости за свои пределы (происходит только своеобразное «выворачивание» предвосхищения в негативно-диалектическое выражение), но уже являющее глубокое противоречие между нею и наличным бытием, то событие (со-бытие) отражает такую взаимосвязь микрохронотопа с другими хронотопными общностями и макрохронотопом в целом, при которой самость оставляет собственные границы личностного хронотопа; если предвосхищение относится к модусу бытия самости в-себе, то событийность, в том числе понимаемая не только в экзистенциально-этическом, но и в социальном аспекте, – уже так или иначе к модусу для-другого [27. С. 166–167]. Заметим, что тематика онтологии события получила свое развитие, например, в работах «К философии поступка» [18. С. 7–68] и «Автор и герой в эстетической деятельности» [28. С. 69–263] упоминавшегося нами Бахтина; также отметим разработку событийной проблематики в трудах А. Бадью [29, 30]. Событие в настоящем исследовании определим как свершение бытия, характеризующееся пространственно-временной определенностью (т.е. обладающее хронотопологичностью в качестве имманентного атрибута), а также экзистенциально значимой коммуникацией; онтология события может выстраиваться в виде аналитики событийного хронотопа, в которой последний предстает в качестве пространственно-временной целокупности, связывающей вовлеченные в событие микрохронотопы, вышедшие за пределы бытия в-себе и погруженные в конкретно-жизненное целое уникальности бытия для-другого; в целом событийная онтология может выстраиваться и как социальная хронотопология [31. С. 40–43], и как онтология и методология коммуникации [32. С. 210–215].

Предвосхищение, укорененное в-себе, в событийном хронотопе стремится обрести модус для-себя, в котором оно само и событие экзистенциально совпали бы (преодолевая модальную противоречивость для-другого), фундируя тем самым подлинность и открытость бытия самости, полноценность и развернутость личностного хронотопа. Однако при всяком соотношении себя с модусом для-другого пролепсис терпит крах из-за несовместимости экзистирующей самости и наличного бытия, вещи мыслящей и вещи протяженной, эйдоса и материи; событие же выступает внешней конфигурацией, выгружающей экзистенцию из ее самости (бытия в-себе) и погружающей в уникальность, единственность, открытость и неизвестность свершения со-бытия [21. С. 619–630]. Представляется, что ориентирование в хронотопе заключается не просто в предвидении предстоящей реальности (как полагалось Ухтомским), служащей только первоначальной стадией, остающейся во внутренней самости; подлинно экзистенциально оно может раскрыться только во внешнем, в событийном ряду, являющем неукорененность, незамкнутость, открытость и драматизм экзистирования [33. С. 160–162]. Находясь в своем внутреннем, в пределах бытия в-себе самости, экзистенция, ориентируясь с помощью пролепсиса, остается замкнутой и ограниченной, лишен-

ной своей трансцендирующей сущности; имманентное противоречие экзистенции, порождающее в том числе и негативную ее взаимосвязь с наличным бытием (было бы крайне близоруким видеть только в *das Dasein* причину этого бытийного противоречия), заключается в том, что именно в сфере самости, бытия в-себе, которую экзистенция почитает в качестве места пребывания и успокоения, ареала подлинности и свободы, она не может трансцендировать; для этого ей необходимо свое иное – внешняя сфера для другого – ареал события (со-бытия). В соотношении с модусом для-другого, в открытости и неизвестности ситуации свершения бытия, экзистенция обретает трансцендирующую способность (для-себя); как эйдос не может осуществиться без материи, так экзистенция не может прочувствовать свою подлинность, открытость и свободу без выхода в противоположную и противоречащую ей сферу отчуждения, несвободы и неподлинности внешнего бытия для-другого (некоторым примером такого парадоксального диалектического соотношения может выступить эмпирически зафиксированный в личностных переживаниях и творчестве жизненный опыт самоощущения современным индивидом публичного урбанического пространства, разорванного между двумя полюсами – провинциальным и столичным повседневным существованием, приведенный в [34. С. 177–180]).

Если диалектическое соотношение микрохронотопа и макрохронотопа в модусе предвосхищения может быть расценено как негативное, то диалектика экзистенции и наличного бытия в событии, вырывающем бытие в-себе к бытию для-другого, является парадоксальной, ибо только в неукорененности, открытости и уникальности свершения бытия, задействующего феномены воли, совести, решимости, настроенности, зова, развертывающегося в брэнности и случайности макрохронотопа *das Dasein*, экзистенция может действительно понять и ощутить свою подлинность и «настоящность», может на миг обрести модус бытия для-себя. Модус для-себя, обретаемый экзистенцией в переживании-проживании события, открывающий ее свободу и подлинность, является ей только на мгновение – в соответствии с временящейся сущностью бытия; но в этом трансцендентном переживании мгновение подлинности раскрывается как явление вечности в конечном временном мире [9. С. 73].

Отметим, что структура ориентирования в хронотопе раскрывается не только по «вертикали» – в виде единства двух модусов (от внутреннего – предвосхищения – к внешнему – событию, разворачивающихся как во временной, так и в пространственной координатах), но и по временной «горизонтالي» (от... и до...), в чем проявляется ее историчность, соотносительность с жизненным путем человека. В данном ракурсе феномен ориентирования человека в хронотопе обретает новый экзистенциальный горизонт, поскольку становится возможным обнаружение более глубокой связи его с конкретной человеческой жизнью: генезис структуры ориентирования в хронотопе отражает становление самости и зависит от ее временных модусов – стадий формирования микрохронотопа (в буквальном смысле включающего в себя и социальное, и

психическое, и индивидуально-личностное развитие человека). Выделим три исторических, последовательно-временных стадии развития структуры ориентирования в хронотопе, представляющей (будучи соотносительной с жизненным путем) не просто в качестве гносеологической формы, но в виде экзистенциально-личностной, бытийной, антропологической матрицы человеческого становления и существования: в первичной стадии (соответствующей модусу бытия в-себе) микрохронотоп соотносится с макрохронотопом как жизненным миром, во вторичной – с макрохронотопом как сферой *das Dasein* (для-другого), в третичной происходит обнаружение самостью экзистенции (для-себя).

Намеченные три стадии в более глубинном значении раскрывают структуру ориентирования (пребывания, прехождения) в мире самости, которой в начале ее становления окружающее предстает в качестве жизненного мира – неотчужденной одухотворенной и одушевленной бытийной сферы, очерченной горизонтом «детского» непосредственного (не умеющего читать – в том числе в буквальном смысле – шифры окружающего ее мироздания) восприятия, не отягощенного пока еще понятием присутствующего в бытии зла. Во вторичной стадии самость обнаруживает мир как отчужденное ей внешнее – выходит в сферу *das Dasein*, впервые в своем жизненном опыте начиная ощущать ее таковой и, соответственно, ставя себя в должное к ней отношение, как следствие, растворяясь в обезличенности и пустоте повседневного наличного бытия и социальной функциональности (как человек погружается в школьную, бытовую, семейную, рабочую и, в конце концов, жизненную рутину, начиная входить в структуру заботы; жизнь постепенно становится проживанием, т.е. нарастающим и становящимся все более вымученным усилием). Третья стадия, завершающая для формирования жизненного пути самости, заключается в возможном открытии и обретении для нее экзистенциального просвета с последующим затуханием на протяжении оставшегося отрезка жизненного пути человека. Как уже было отмечено выше, экзистенция может и не быть самости в ее наличном бытии; способность к экзистированию открывается далеко не в каждом жизненном пути, быть может, и не открывается вовсе, а если и обнаруживается (например, в структуре пограничных ситуаций), то способна нейтрализовываться обмирщенностью человеческого существования, растворенностью его в обыденности.

Подведем итоги исследования. Ориентирование в хронотопе предстает перед нами в качестве способа существования человека, такого его элемента, без которого оно не может должным образом реализоваться и полноценно функционировать; ориентирование в хронотопе есть бытие личностного микрохронотопа (человека, его самости и экзистенции) в макрохронотопе окружающего мироздания и, в несколько ином, более узком смысле – окружающего личность социума. Ориентирование в хронотопе есть предвосхищение, восприятие, взаимодействие микрохронотопа с макрохронотопом и иными микрохронотопами; но взаимоотношение это, в силу противоречия экзистен-

ции и наличного бытия, эйдоса и материи, пространства и времени, трансцендентного и посястороннего и др., выворачивается, искажается в негативно-диалектическое, парадоксально-диалектическое, что, помимо множества прочих противоречий, фундирует сложность, глубину и драматизм бытия человека.

В раскрытии и описании ориентирования микрохронотопа в макрохронотопе мы привели два возможных его способа (формирующих «вертикальный» уровень этой структуры) – негативный пролепсис и событийный ряд – и три временных стадии ее развития («горизонтальный» ряд), соответствующих становлению самости в макрохронотопе мироздания (и ее к нему отношения) – жизненный мир (в-себе), наличное бытие (для-другого) и экзистенция (для-себя); заметим, что структура ориентирования в хронотопе является параллельной (и, следовательно, сопряженной с ней)

вышеприведенной нами четверичной и также крестообразной структуре хронотопной организации вообще. Крестообразность (антиномичность) структуры хронотопа (время – пространство, материя – эйдос) порождает соответствующую соотносенную с ней крестообразную, несущую такое же метафизическое, онтологическое, экзистенциальное противоречие структуру – ориентирование в хронотопе. В заключение отметим, что и вертикальный и горизонтальный (приведенный в виде общегипотетического очерка) уровни ориентирования в хронотопе потенциально могут обладать более глубинно-сложной и многосоставной организацией как в аспекте становления микрохронотопа в макрохронотопе, так и в соотношении и взаимодействии (корреляции) хронотопных образований между собой, что представляет собой возможный горизонт дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
2. Ухтомский А.А. Избранные труды. Л. : Наука, 1978. 369 с.
3. Политов А.В. Онтологический смысл понятия хронотопа. Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2019. 207 с.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М. : Языки славянских культур, 2012. С. 341–511.
5. Беларев А.Н. Лицо другого у Э. Левинаса и А.А. Ухтомского // Культурологический журнал. 2015. № 3 (21). URL: http://cjournal.ru/rus/journals/346.html&j_id=24 (дата обращения: 11.11.2019).
6. Ухтомский А.А. Интуиция совести: письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб. : Петербургский писатель, 1996. 528 с.
7. Железняк В.Н. Феноменология рациональной воли. Пермь : Перм. гос. техн. ун-т, 1997. 170 с.
8. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.
9. Железняк В.Н. Метафизика воли в прямой и обратной перспективе. Пермь : Перм. гос. техн. ун-т, 1997. 120 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 461 с.
11. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1998. 303 с.
12. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М. : Академический Проект, 2010. 229 с.
13. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. 448 с.
14. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000. 639 с.
15. Деррида Ж. Позиции. М. : Академический проект, 2007. 160 с.
16. Железняк В.Н. Урбанизация и рустическая экзистенция // Уральская философская школа: 50 лет – 50 имен. Екатеринбург : Изд-во Урал. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2016. С. 284–293.
17. Черникова И.В. Об интеграции теоретического знания и социальных технологий в технотехнике // Образ инженера XXI века: социальная оценка техники и устойчивое развитие : сб. науч. ст. Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2017. С. 67–73.
18. Бахтин М.М. К философии поступка // Собрание сочинений. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
19. Железняк В.Н. Медиум. Опыт онтологического истолкования кантовской философии. Пермь : Перм. гос. техн. ун-т, 1997. 249 с.
20. Фишер К. История новой философии: Бенедикт Спиноза. М. : АСТ; Транзиткнига, 2005. 557 с.
21. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб. : Алетей, 2007. 736 с.
22. Катречко С.Л. Трансцендентальная модель сознания: синтез схватывания и генезис пространства, времени и математических структур // Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта : материалы всерос. междисциплинар. семинара, г. Пермь, 1–2 ноября 2007 года. Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. С. 20–49.
23. Железняк В.Н., Железняк В.С. Мастера духовных синтезов // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 1. С. 17–22.
24. Комаров С.В. Обретение настоящего времени // Образ инженера XXI века: социальная оценка техники и устойчивое развитие : сб. науч. ст. Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2017. С. 84–99.
25. Комаров С.В. Время русского бытия (часть 2) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 1. С. 5–16.
26. Мусеев Н.А. Техника и поэзия: типология концептуальных фигур мышления в современной культуре (часть 1) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 2. С. 41–48.
27. Гольдман Л. Лукач и Хайдеггер. СПб. : Владимир Даль, 2009. 296 с.
28. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.
29. Badiou A. Being and Event. London : Continuum, 2005. 526 p.
30. Badiou A. Logics of worlds. Being and Event, 2. London : Continuum, 2009. 617 p.
31. Игнатъева О.В. Город и время // Город как вызов : сб. ст. междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–17 мая 2014 г.). Пермь : Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2014. С. 40–43.
32. Комаров С.В., Кордон С.И. Основы методологии: системодетельностный подход. Категории. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. 384 с.
33. Сартр Ж.-П. Дневники «странной войны». Сентябрь 1939 – март 1940 // Человек в осаде. М. : Вагриус, 2006. С. 147–214.
34. Чащинов Е.Н. Пермь как вызов: случай Анатолия Королева // Город как вызов : сб. ст. междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–17 мая 2014 г.). Пермь : Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2014. С. 177–180.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 22 февраля 2020 г.

Orientation in Chronotope as an Element of Human Existence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 88–96.

DOI: 10.17223/15617793/454/10

Andrei V. Politov, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: erikhczeren@yandex.ru

Keywords: chronotope; microchronotope; macrochronotope; orientation; space; time; existence; human; anticipation; event.

The article aims to uncover the essence of orientation in chronotope (a subject's interaction with spatiotemporal surrounding environment). The concept of this phenomenon was introduced in philosophy by the Russian thinker of the first half of the twentieth century A.A. Ukhomsky. The research is carried out on the basis of the chronotope theory of A.A. Ukhomsky and M.M. Bakhtin. The theory expresses the interaction and unity of temporal and spatial characteristics of being, of the universe on the whole. The combination of analytical and hermeneutic methods became the methodological basis of the work. This combination made it possible to reveal and demonstrate the interrelation of chronotope and orientation in chronotope with fundamental ontological and epistemological systems of categories. These systems were developed and substantiated in the European philosophical traditions, both classical (first of all, of the New Time) and post-classical (represented by K. Jaspers, M. Heidegger, J.-P. Sartre, the West European existentialists of the first and second half of the twentieth century, the contemporaries of Ukhomsky and Bakhtin). The study resulted in revealing and describing the structure of orientation in chronotope, which is the most important component of human existence. Orientation in chronotope represents an ethically and existentially meaningful modus of anticipation, perception (reflection) and interaction of man with the surrounding reality and other individuals. The structure of the dialectic interrelation (orientation) of microchronotope and macrochronotope includes horizontal and vertical levels where the former represents temporal (existential) stages of human self-formation. In these stages, it sequentially detects the surrounding spatiotemporal area as one's own living world (*die Lebenswelt*), the distant sphere of present being (*das Dasein*) and the existential sphere (*die Existenz*) which can appear in human existence. The second (vertical) level includes two constituent elements (negative anticipation and eventive chronotope) acting as the means of functional present orientation of man in the macrochronotope of surrounding reality. The concept of orientation in chronotope represents the dialectic interrelation of the internal sphere of man's existential self (*das Selbstsein*) and the external sphere of present being (macrochronotope, social chronotope). Their contrast cannot be removed and reveals the contradiction of an existential kind, determining the ethical problems of the chronotope concept.

REFERENCES

1. Ukhomskiy, A.A. (2002) *Dominanta* [The Dominant]. St. Petersburg: Piter.
2. Ukhomskiy, A.A. (1978) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Leningrad: Nauka.
3. Politov, A.V. (2019) *Ontologicheskii smysl ponyatiya khronotopa* [Ontological Meaning of the Concept of Chronotope]. Perm: Perm National Research Polytechnic University.
4. Bakhtin, M.M. (2012) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 341–511.
5. Belarev, A.N. (2015) The Face of the Other in the Work of A. Ukhomsky and E. Levinas. *Kul'turologicheskii zhurnal – Journal of Cultural Research*. 3 (21). [Online] Available from: http://cr-journal.ru/rus/journals/346.html&j_id=24. (Accessed: 11.11.2019).
6. Ukhomskiy, A.A. (1996) *Intuitsiya sovesti: pis'ma. Zapiski na polyakh* [Intuition of Conscience: Letters. Notebooks. Marginal Notes]. St. Petersburg: Peterburgskiy pisatel'.
7. Zheleznyak, V.N. (1997) *Fenomenologiya ratsional'noy voli* [The Phenomenology of Rational Will]. Perm: Perm State Technical University.
8. Jaspers, K. (2012a) *Filosofiya* [Philosophy]. Book 1. Translated from German by A.K. Sudakov. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya".
9. Zheleznyak, V.N. (1997) *Metafizika voli v pryamoy i obratnoy perspektive* [Metaphysics of Will in Direct and Reverse Perspective]. Perm: Perm State Technical University.
10. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem.
11. Heidegger, M. (1998) *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to Metaphysics]. Translated from German by N.O. Guchinskaya. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola.
12. Husserl, E. (2010) *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian Meditations]. Translated from German by V.I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii Proekt.
13. Jaspers, K. (2012b) *Filosofiya* [Philosophy]. Book 2. Translated from German by A.K. Sudakov. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya".
14. Sartre, J.-P. (2000) *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Translated from French by V.I. Kolyadko. Moscow: Respublika.
15. Derrida, J. (2007) *Pozitsii* [Positions]. Translated from French by V.V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskii proekt.
16. Zheleznyak, V.N. (2016) Urbanizatsiya i rusticheskaya ekzistentsiya [Urbanization and Rustic Existence]. In: Andryukhina, L.M. et al. (eds) *Ural'skaya filosofskaya shkola: 50 let – 50 imen* [Ural School of Philosophy: 50 Years—50 Names]. Yekaterinburg: Ural Institute of Management, Branch of RANEP. pp. 284–293.
17. Chernikova, I.V. (2017) Ob integratsii teoreticheskogo znaniya i sotsial'nykh tekhnologiy v tekhnonauke [On the Integration of Theoretical Knowledge and Social Technologies in Technoscience]. In: *Obraz inzhenera XXI veka: sotsial'naya otsenka tekhniki i ustoychivoe razvitiye* [The Image of an Engineer of the 21st Century: Social Assessment of Technology and Sustainable Development]. Perm: Perm National Research Polytechnic University. pp. 67–73.
18. Bakhtin, M.M. (2003a) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 7–68.
19. Zheleznyak, V.N. (1997) *Medium. Opyt ontologicheskogo istolkovaniya kantovskoy filosofii* [Medium. The Experience of the Ontological Interpretation of Kantian Philosophy]. Perm: Perm State Technical University.
20. Fisher, K. (2005) *Istoriya novoy filosofii: Benedikt Spinoza* [History of Modern Philosophy: Benedict de Spinoza]. Translated from English. Moscow: AST; Tranzitkniga.
21. Komarov, S.V. (2007) *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti: istoricheskie prolegomeny k fundamental'noy ontologii soznaniya* [Metaphysics and Phenomenology of Subjectivity: Historical Prolegomena to the Fundamental Ontology of Mind]. St. Petersburg: Aletyya.
22. Katrechko, S.L. (2008) Transsendental'naya model' soznaniya: sintez skhvatyvaniya i genesis prostranstva, vremeni i matematicheskikh struktur [Transcendental Model of Mind: Synthesis of Grasping and the Genesis of Space, Time and Mathematical Structures]. *Filosofsko-metodologicheskie problemy iskusstvennogo intellekta* [Philosophical and Methodological Problems of Artificial Intelligence]. Seminar Proceedings. Perm. 1–2 November 2007. Perm: Perm State Technical University. pp. 20–49. (In Russian).
23. Zheleznyak, V.N. & Zheleznyak, V.S. (2016) Masters of Spiritual Synthesis. *Vestnik PNPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo – Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law*. 1. pp. 17–22. (In Russian).

24. Komarov, S.V. (2017) Obretenie nastoyashchego vremeni [Finding the Present]. In: *Obraz inzhenera XXI veka: sotsial'naya otsenka tekhniki i ustoychivoe razvitie* [The Image of an Engineer of the 21st Century: Social Assessment of Technology and Sustainable Development]. Perm: Perm National Research Polytechnic University. pp. 84–99.
25. Komarov, S.V. (2016) The Time of Russian Being (Part II). *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo – Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law. 1.* pp. 5–16. (In Russian).
26. Museev, N.A. (2017) Technology and poetry: typology of conceptual figures of thinking in modern culture (part I). *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo – Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law. 2.* pp. 41–48. (In Russian). DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.2.05
27. Goldman, L. (2009) *Lukach i Khaydegger* [Lukacs and Heidegger: Towards a New Philosophy]. Translated from French by V. Yu. Bystrov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
28. Bakhtin, M.M. (2003b) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 69–263.
29. Badiou, A. (2005) *Being and Event*. London: Continuum.
30. Badiou, A. (2009) *Logics of Worlds. Being and Event, 2*. London: Continuum.
31. Ignat'eva, O.V. (2014) [City and Time]. *Gorod kak vyzov* [City as a Challenge]. Proceedings of the International Conference. Perm. 16–17 May 2014. Perm: Perm State Humanitarian-Pedagogical University. pp. 40–43. (In Russian).
32. Komarov, S.V. & Kordon, S.I. (2005) *Osnovy metodologii: sistemodeyatel'nostnyy podkhod* [Basics of Methodology: A Systemic Pragmatism Approach. Categories]. Kategorii. Perm: Perm State University.
33. Sartre, J.-P. (2006) *Chelovek v osade* [Man Under the Siege]. Moscow: Vagrius. pp. 147–214.
34. Chashchinov, E.N. (2014) [Perm as a Challenge: The Case of Anatoly Korolev]. *Gorod kak vyzov* [City as a Challenge]. Proceedings of the International Conference. Perm. 16–17 May 2014. Perm: Perm State Humanitarian-Pedagogical University. pp. 177–180. (In Russian).

Received: 22 February 2020

Р.Ю. Царёв

КОНЦЕПЦИЯ МИРОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Исследуется ряд ключевых методологических принципов, на которых базируется концепция миросистемного анализа И. Валлерстайна как одного из крупных представителей современной исторической макросоциологии. Указывается, что ключевые в его концепции проблемы социально-исторической динамики рассматриваются с позиций ряда принципов современной научной рациональности. Это позволяет вывести социальное познание на высокий уровень теоретизации, способствует обогащению его методологического аппарата.

Ключевые слова: исторические системы; хроноструктура истории; нелинейные исторические процессы; синтез социальных наук; теоретическая история; субъект и объект социального познания.

Одна из тенденций развития социального познания состоит в том, что на определенном этапе в зависимости от исследовательской задачи обнаруживается недостаточность теоретических и методологических средств, необходимых для ее решения, что приводит к выходу за рамки существующих подходов, как правило, в форме создания нового категориального аппарата. Возможны два пути трансформации социального познания.

Первый путь заключается в том, что его преобразование происходит на основе выявления новых внутренних возможностей. В XX столетии это нашло выражение в возникновении новых понятий – «менталитет» (школа «Анналов»), «локальная цивилизация» (А. Тойнби), «время длительной протяженности» (Ф. Бродель) – и соответствующей методологии. Концепция миросистемного анализа И. Валлерстайна не только находится в русле этой гносеологической тенденции, но развивает и углубляет ее: обосновывается новый предмет социального познания – современная миросистема, происходит рефлексия над его методологическими проблемами. Как подчеркивает И. Валлерстайн, миросистемный анализ представляет собой протест против способов организации социального знания, сложившихся в середине XIX в., и бросает вызов господствующему способу исследования [1. Р. 309], но указывает, что «миросистемный анализ – это не парадигма исторической социальной науки. Это призыв к спору об этой парадигме» [1. Р. 324]. Другими словами, предпринимается попытка ревизии методологии социального познания, но восходящей даже не к середине XIX в., а к эпохе Просвещения.

Второй путь трансформации социального познания состоит в том, что обнаружение новых возможностей происходит в связи с тенденциями развития общенаучного знания, образующего по отношению к социальному познанию метатеоретический уровень, из состава которого при необходимости заимствуются методологические средства. Во второй половине XX в. системный подход и синергетика обрели статус метатеории по отношению к научным исследованиям в различных областях, в том числе социальном познании. Поэтому, по мнению Р. Ли, к сложности социальных систем уже невозможно относиться на основе принципа редукционизма, а признание детерминиро-

ванных, но непредсказуемых систем в природе означает, что и социальное познание не может более базироваться на методологических моделях, заимствованных из классической науки [2].

Концепция миросистемного анализа является зримым воплощением взаимодействия внутренних и внешних факторов развития социального познания, чем и обусловлено ее значение. Что касается воздействия общенаучных подходов на сферу социального познания, то зарубежные и отечественные исследователи единодушны во мнении, что в концепции миросистемного анализа главным инструментом преобразования социального познания является синергетика. Отмечается, что именно под ее воздействием социальное познание переживает революционный методологический сдвиг, а концепция миросистемного анализа находится в русле этой широкомасштабной научной тенденции. Ее суть состоит в том, что происходит переход от равновесных ситуаций к неравновесным, от линейной к нелинейной динамике, и, что не менее важно, – от прежних объектов исследования к принципиально новым объектам [3. С. 11–12]. В этой связи акцентируется и значительный вклад И. Валлерстайна в разработку проблемы системного кризиса и исторического выбора [4. С. 308–309], что именно на основе синергетики И. Валлерстайн пытается очертить сценарии возможного будущего [2. Р. 129].

Однако преобразования в социальном познании нельзя свести только к воздействию синергетики, поэтому контекст должен быть шире – принципы постнеклассической науки в целом [5. С. 626–636]. Они либо порождают новые внутренние тенденции развития социального познания (обнаружение нового предмета исследования, пересмотр методологии), либо способствуют обогащению существующих тенденций новыми общенаучными подходами, что выражается в постановке новых проблем и поиске теоретико-методологических средств их решения. Но в любом случае возникают возможности глубокой теоретизации социального познания.

Следует отметить, что И. Валлерстайн понятием «постнеклассическая наука» не оперирует, но в его концепции реализуется (применительно к социальному познанию) ряд тех же аспектов современной научной рациональности, что и в понятии постнеклассической науки, чем и определяется возможность рас-

смотрения концепции миросистемного анализа в указанном контексте. Анализ всех принципов постнеклассической науки не является целью данной статьи, отметим лишь те из них, что способствуют раскрытию теоретического содержания концепции миросистемного анализа и очерчивают направления преобразования социального познания.

Принцип 1. *Концепция миросистемного анализа обращается к исследованию сложных, саморазвивающихся систем, что находится в русле тенденции постнеклассической науки к изменению объекта познания.*

Исходным понятием концепции миросистемного анализа выступает понятие исторической системы, что является свидетельством осознанной экспликации принципов системного подхода к исследованию социальной реальности. Системный подход в социальном познании фактически был реализован и раньше (например, в «Капитале» К. Маркса), но без осознания его как особой методологии научного исследования.

Согласно И. Валлерстайну социальная реальность представляет собой не что иное, как «реальность длительных, но не вечных наборов структур (которые я бы назвал историческими системами), имеющих свои структурированные способы действия (которые я бы назвал циклическими ритмами), но также подверженных непрерывным медленным процессам трансформации (которые я бы назвал вековыми трендами)» [6. С. 106]. Кроме того, «историческая система» – это долговременный, органично-целостный социальный комплекс, обладающий высокой степенью сложности, относительно автономной эволюцией, внутренней динамикой и пространственно-временными границами; изменение хотя бы одного элемента ведет к изменению других элементов и в итоге всей системы [7. Р. 203]. Любая историческая система базируется на способе производства и обмена и особенно выстраивается на основе развивающегося разделения труда [8. С. 13].

И. Валлерстайн отказывается от традиционного для социального познания понятия «общество» по двум причинам. Во-первых, по его убеждению, в этом понятии воплощено восходящее к философии Просвещения дробление социальной реальности на автономные сферы экономики (рынка), политики (государства), культуры (интеллектуального и духовного), однако ни один человек, социальная группа или социальный институт не имеют обособленных друг от друга мотивов деятельности [9. Р. 49]. Во-вторых, понятие «общество» многозначно, заставляет ставить вопрос, когда и где существуют единства, в которых происходит социальная жизнь, существовала и неясность в соотношении общества и государства. Замена понятия «общество» понятием «историческая система» является, по словам И. Валлерстайна, «чисто семантической», но позволяет избавиться от предположений «где» и «когда», непонятной связи общества и государства [1. Р. 315, 317].

Другими словами, выход в новый категориальный аппарат обусловлен тем, что в концепции миросистемного анализа ставится задача реального раскрытия социального изменения как изменения системно-

го. Поэтому в действительности «чисто семантическая» замена повлекла за собой серьезные теоретические последствия. Первым из них стала типология исторических систем, предполагающая новый вариант понимания единиц исторического процесса. Исторические системы, согласно И. Валлерстайну, существовали в двух вариантах – минисистемы и миросистемы, а последние, в свою очередь, подразделяются на мироимперии и мироэкономики [1. Р. 317]. Наконец, завершает этот ряд понятие современной миросистемы, понимаемой как результат многовековой экспансии европейской капиталистической мироэкономики в мировом масштабе [1. Р. 317–318].

С одной стороны, нельзя утверждать, что принципы, лежащие в основе этой типологии, являются открытием И. Валлерстайна. Согласно К. Поланьи в экономике «...основными способами связи являются реципрокность, перераспределение и обмен. Реципрокность (reciprocity) обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах. Перераспределение (redistribution) представляет акты стягивания товаров центром с их последующим перемещением из центра. Под обменом (exchange) подразумеваются встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы» [10. С. 56]. И по словам И. Валлерстайна, «три вида исторических систем – минисистемы, мироимперии и мироэкономики – еще раз подтвердили существование трех форм экономической организации Поланьи» [11. С. 76].

С другой стороны, интерпретация И. Валлерстайном этих положений привела к представлению о существовании больших, сложных, саморазвивающихся социальных систем в истории. Характеризуя миросистему, он подчеркивает: «Мы говорим здесь не о *мировых (или всемирных)* системах, экономиках, империях, а о системах, экономиках, империях, которые сами по себе *есть мир*, хотя обычно – и даже как правило – они не охватывают весь мир». Поэтому «миросистема представляет собой некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам» [11. С. 75].

Эти положения конкретизируются применительно к мироэкономике. Она понимается И. Валлерстайном как сложная, целостная, саморазвивающаяся система, обладающая иерархической организацией в форме трех взаимосвязанных уровней – ядра, полупериферии и периферии. Ядро играет главную роль в развитии системы, однако оно не может выполнять эту роль без подчиненных ему полупериферии и периферии. Неравенство экономических потенциалов является главным условием функционирования этой системы, обеспечиваемым процессом непрерывного накопления капитала на основе неравного обмена между ядром и периферией. В основе неравномерного развития лежит географическое разделение труда; в ходе развития мироэкономика изменяет внешние пространственные границы в направлении сужения или расширения на основе внутренней, структурной динамики, в ней происходит смена державы-гегемона [12. Р. 349–350].

Этот подход означает отрицание национальных государств как единиц истории: их следует понимать как тип структурной организации в миросистеме, а их изменения объяснять как вытекающие из эволюции миросистемы и взаимодействий в ней [12. Р. 7]. С одной стороны, более крупные единицы исторического процесса, чем национальные государства, рассматривались не только И. Валлерстайном. Общество-экономические формации в трактовке К. Маркса или локальные цивилизации в понимании А. Тойнби тоже являются наднациональными и надгосударственными системами. С другой стороны, обоснование новых единиц истории позволило концепции миросистемного анализа выйти за рамки и формационного и цивилизационного подхода к истории.

Как следует из определения исторической системы, она, с одной стороны, обладает рядом формационных характеристик (способ производства, разделение труда), с другой стороны, рядом характеристик локальной цивилизации (автономная эволюция, наличие пространственно-временных границ). Следовательно, исторические системы нельзя отождествить ни с формацией, ни с локальной цивилизацией.

И. Валлерстайн не признает сосуществования и взаимодействия различных способов производства в современной миросистеме, а стало быть, и формаций, утверждает наличие единого мирового капиталистического способа производства. Вместе с тем реальный «исторический капитализм» представляет собой смешение наемного и ненаемного труда, товарных и нетоварных продуктов, отчуждаемых и неотчуждаемых форм собственности и капитала [1. Р. 320]. Иначе говоря, имеет место «смесь» свободных и несвободных форм экономической деятельности. Следовательно, мировой капитализм задает свою природу всем включенным в него социальным формам, поэтому этой «смеси» сложно дать однозначную формационную характеристику.

Равным образом, в современной миросистеме не признается существования и локальных цивилизаций. Они, согласно И. Валлерстайну, не являются реальными историческими образованиями, их часто путают с мироимпериями как реальными историческими системами [13. Р. 161–162, 169]. На самом деле цивилизации «лишь обозначают границы между социальными группами и экономическими зонами мира» [14. С. 35].

Тем самым ось ядро–полупериферия–периферия в современной миросистеме рассматривается как отношение и связь не между национальными государствами, формациями или цивилизациями, а между экономическими уровнями системы. Их единство обеспечивают товарные сети, которые имеют трансграничный, транснациональный характер [15. Р. 31]. При этом важно, что современная миросистема понимается как целостность, не сводимая к составным частям [16. С. 261]. Это свидетельствует о том, что И. Валлерстайн особо акцентирует именно системные отношения, от которых зависит процесс непрерывного накопления капитала.

Таким образом, за точку отсчета социального познания концепция миросистемного анализа принимает не национальные государства, не формации раз-

личного уровня развития, не локальные цивилизации, а систему гораздо более высокого уровня сложности. Теоретическое значение понятий мироэкономики и современной миросистемы состоит в том, что они создают возможности для выявления и изучения макроисторических изменений, абстрагируясь от формационной или цивилизационной принадлежности конкретных обществ. Это становится особенно важным в том случае, если ставится задача исследования универсальных тенденций, происходящих в обществах с различной хозяйственной и социокультурной спецификой, например, слаборазвитости периферии, которую акцентирует концепция миросистемного анализа.

Принцип 2. *Как и в постнеклассической науке, в концепции миросистемного анализа имеет место осознание значимости времени, развития, вследствие чего происходят выработка и обоснование модели хроноструктуры исторического процесса.*

Динамика современной миросистемы рассматривается в рамках циклических ритмов, возникающих внутри лежащей в ее основе капиталистической мироэкономики. К ним относятся конъюнктурные колебания, «циклы Кондратьева» и вековые «тренды». И. Валлерстайн принимает концепцию множественности форм исторического времени Ф. Броделя [6. С. 103–106]. Однако Ф. Бродель лишь в теории утверждал, что краткое и длительное время неразделимы, а долгосрочные циклы вызваны внешним толчком, заставляющим колебаться сети обмена [17. С. 79–80]. И. Валлерстайн же раскрывает механизм трансформации конъюнктур в «тренды», состоящий в том, что их источником выступает комплекс противоречий как результат ограничений, налагаемых структурами системы [9. Р. 45–46]. Но в любом случае речь идет о времени, выражающем специфику структурной организации системы, параметры ее структурной динамики.

Акцент на длительных интервалах времени объясняется тем, что «современного мира» как такового не существует, прошлое и настоящее образуют неразрывное единство, и только в рамках длительных единиц времени возможно понимание системы [12. Р. 7]. Поэтому континуум «прошлое – настоящее» является первой осью координат существования современной миросистемы.

Кроме того, И. Валлерстайн подчеркивает, что существование системы предполагает, что «ничто не изменяется», но то, что она «историческая», подразумевает, что «изменение вечно» [8. С. 14]. Система никогда не остается такой, какой она была в предыдущие интервалы времени. Базирующаяся на капиталистической мироэкономике современная миросистема – это наилучшая иллюстрация необратимой стрелы времени, но анализ системы на уровне ее основополагающих структур указывает на повторяемость, цикличность и тенденцию к сохранению подвижного равновесия. Система направленно и необратимо изменяется, оставаясь в то же время собой. Повторения и цикличность относительны, поскольку все подвержено изменению, но изменения не хаотичны, существуют фундаментальные предсказуемые принципы функционирования системы, иначе она не сохраняла

бы свою целостность в течение длительного времени [6. С. 113–114; 7. Р. 206].

Иначе говоря, вторым континуумом существования современной миросистемы является континуум «статика – динамика», система поддерживает равновесие этих состояний в долгосрочной перспективе.

Сама по себе модель циклических колебаний, реализуемая в концепции миросистемного анализа, не является оригинальным открытием, поскольку в экономической науке существует немало моделей «длинных волн». Однако оригинальность и значимость взгляда И. Валлерстайна заключается в том, что «время и пространство являются не двумя отдельными категориями, а одной, которую я буду называть время-пространство» [6. С. 106]. Это и есть третий континуум существования современной миросистемы. Раскрывая его природу, И. Валлерстайн формулирует ряд важных теоретических положений.

Во-первых, он утверждает, что «структурному (долгосрочному) времени соответствует структурное (широкомасштабное) пространство. Более того, этому структурному пространству не нужно быть постоянным в течение хронологического времени» [6. С. 109]. Имеет место «географическая делокализация» и «непрерывная географическая реструктуризация мировой капиталистической системы» между образующими ее иерархическими зонами организации [15. Р. 36]. Другими словами, циклы вызывают периодические сжатия и расширения капиталистической мирэкономике в пространстве, что сопровождается структурными сдвигами (изменение границ товарных сетей, вынос производства из ядра на полупериферию и периферию, перестройка военно-политических союзов и т.д.). Поэтому функционирование системы является структурной пульсацией.

Во-вторых, интеграция новых зон в мировую капиталистическую систему соответствовала фазам стагнации [15. Р. 39], понижительная Б-фаза циклов дает государствам полупериферии возможность изменить статус в системе: слабые могут опуститься на периферию, сильные – войти в ее ядро [13. Р. 7]. Иначе говоря, существует взаимосвязь между фазами циклов и степенью свободы и необходимости исторического действия: повышательные фазы налагают на него структурные ограничения, понижительные – открывают возможности. Однако логика концепции миросистемного анализа предполагает, что свобода действия даже на понижительных фазах циклов ограничена рядом объективных факторов, устанавливающих приемлемые для системы границы изменений, поскольку структурный детерминизм призван сохранить ее базовые принципы.

И. Валлерстайн является несомненным детерминистом, но степень детерминированности системы вряд ли стоит преувеличивать. Тем более, о чем уже упоминалось, изменения никогда не повторяются. Это означает, что система все же функционирует вероятностным образом, в ней всегда существуют возможности выбора определенной стратегии действия. Валлерстайн таким образом эту ситуацию не называет, но ее можно определить как функциональный выбор возможных на данный момент вариантов в системе.

В-третьих, И. Валлерстайн выдвигает понятие «трансформационное время-пространство», характеризующее переход к новой исторической системе [6. С. 115]. Он подчеркивает, что необходимо различать спад в конъюнктуре и переход к другой исторической системе. Спад после достижения пика развития не следует рассматривать как структурный кризис, хотя он может субъективно восприниматься как таковой. Спад является кризисом нормального изменения приоритетов развития на данном этапе. Переход же представляет собой нечто совершенно иное, поскольку является трансформационным выбором, который совершается, когда система исчерпала возможности своего функционирования, когда даже ее краткосрочные противоречия больше не могут быть разрешены ни в среднесрочной, ни тем более в долгосрочной перспективе [9. Р. 46].

Таким образом, в концепции миросистемного анализа обоснована объяснительная модель циклических ритмов различной длительности с приоритетом длительных фаз. Эта модель рассматривается И. Валлерстайном в рамках трех взаимосвязанных континуумов – единства прошлого и настоящего, статичности и динамики, времени-пространства с акцентом на его структурном и трансформационном вариантах.

Современная миросистема воплощает единство этих континуумов, которые выступают координатами ее исторического существования. Она является глобальной, сложной, органично-целостной системой с иерархией уровней и связей, форм социального времени. Кроме того, современная миросистема – это самоорганизующаяся система, а механизмы ее функционирования характеризуются сочетанием синхронных и асинхронных процессов, восходящих и нисходящих линий исторической эволюции. Развитие современной миросистемы предполагает необратимые макроисторические структурные трансформации, обусловленные перерастанием времени как цикла во время как стрелу. Анализ крупномасштабного времени-пространства создает условия для обнаружения многообразных форм социальной динамики – циклических ритмов, пульсаций, кумулятивных и взрывных процессов, разрушающих в форме переходов старые исторические системы и расчищающих путь для возникновения новых.

Принцип 3. *Как и для постнеклассической науки, для концепции миросистемного анализа характерно стремление преодолеть дилемму естественнонаучной и гуманитарной картин мира, благодаря синергетике происходит отрицание ряда положений классической науки и их проявления в методологии социальных наук.*

Разделение научного знания на «науки о природе» и «науки о духе» предполагает противопоставление естественнонаучной и гуманитарной картин мира, подчеркивает их несовместимость. Однако во второй половине XX в. в связи с возникновением синтетических дисциплин – кибернетики и синергетики – возникли возможности для широких теоретических обобщений, выхода за рамки известных дисциплинарных границ. Была поставлена проблема: подчинено ли развитие социальных систем тем же закономер-

ностям, что и развитие природных систем? Если существует аналогия, то оправданной ли будет трансляция концептуальных схем из естественных в социальные науки и в какой форме она может осуществляться?

Показательны в этом отношении различия позиций И. Пригожина и И. Стенгерс, несмотря на общность их научных интересов. И. Стенгерс не отрицает полезности переноса понятий и концептуальных схем из одной ветви науки в другую, но рассматривает механизм этого переноса как основанный лишь на принципе метафоры. Поэтому она предлагает ввести понятие «право на перенос» (право трансфертабельности), что должно внести необходимую ясность в понимание взаимосвязи отраслей науки при одновременном осознании их специфики [18. Р. 102]. И. Пригожин, наоборот, считает необходимым поиск общих закономерностей в динамике сложных природных и социальных систем, обосновывает возможность и допустимость подобной трансляции в целях обнаружения фундаментального единства законов бытия [19. С. 56].

Позиция И. Валлерстайна совпадает с позицией И. Пригожина: в силу того что «познание является единым актом, не существует фундаментальных отличий между познанием природного мира и мира людей, коль скоро оба они являются неотъемлемыми частями единой Вселенной» [16. С. 282–283]. По И. Валлерстайну, вырытая классической наукой пропасть между «двумя культурами» есть не что иное, как «гигантская мистификация» и «препятствие на пути к более полному пониманию мира» [16. С. 256].

В этой связи способом преодоления этого разрыва в концепции миросистемного анализа выступают принципы синергетики, поскольку она возрождает идею творчества во Вселенной, включая человеческое творчество, и тем самым способствует формированию «нового языка описания социальной реальности» [8. С. 18]. В силу того что утвердилось представление о нелинейной траектории развития, вероятностных процессах, появилось сомнение в способности науки формулировать определенные закономерности (постулат предсказуемости), в ориентации на количественные способы исследования (постулат точности), в редукционистском способе познания (постулат простоты), наконец, в правильности представления о линейном характере времени [20. Р. 4–6].

Из этих соображений следуют два важных следствия.

Во-первых, И. Валлерстайн отрицает принцип механистического детерминизма применительно к изучению социальной реальности. Более того, отношения детерминизма трактуются гораздо шире, чем в классической науке, поскольку акцентируются его формы, не имеющие непосредственно причинного характера. Обеспечивающие целостность современной миросистемы звенья товарных сетей, с одной стороны, связанные между собой функционально (накопление капитала), с другой стороны, эти звенья опосредованно коррелируют между собой в пространстве-времени [15. Р. 30]. В обоих случаях подчеркиваются не причинные формы детерминации.

Равным образом и взаимодействие частей (ядра, полупериферии и периферии) в рамках целого (со-

временной миросистемы) тоже является не причинной формой детерминации, опирающейся на механизм синхронности: «...миросистемный анализ настаивал на рассмотрении всех элементов миросистемы в качестве частей “мира”, которые невозможно понять или изучить по отдельности. Характеристики любого общества в момент времени T2 рассматривались не как результат каких-то изначальных условий, существовавших в момент времени T1, а считались результатом процессов, происходивших внутри... миросистемы» [16. С. 261].

Во-вторых, отказ от представления о линейном характере времени с вектором прогресса выражается в концепции миросистемного анализа в реализации циклической модели социального времени, имеющего вероятностную логику, которая, по убеждению И. Валлерстайна, реализуется двояким образом.

С одной стороны, в режиме нормального функционирования системы понижательная Б-фаза цикла не является простым негативным зеркальным отражением повышательной А-фазы, колебания никогда не возвращаются к исходному пункту, поэтому одни и те же явления могут быть и повторяющимися, и меняющимися. С другой стороны, кризис и переход к новой исторической системе обусловлены тем, что циклические колебания в определенный момент начинают разрушать систему. Возможность выбора в этой ситуации коренится в том, что даже небольшая флуктуация может привести к крупным последствиям в отличие от малых последствий от крупных флуктуаций в нормально функционирующей системе. Переход необратим, но всегда стохастичен по результату. Это не означает, что возможны любые изменения, они определяются существующими реальностями: выбор, который возможен сегодня, был невозможен в 1450 г. или в 500 г. до н. э. [9. Р. 45, 47–48].

Тем самым возникающая в момент перехода ситуация неопределенности характеризуется многовариантностью путей дальнейшего развития, вероятностью выбора одного из них, ролью случайности как фактора этого выбора и непредопределенностью параметров новой исторической системы. В связи с последним обстоятельством И. Валлерстайн утверждает, что прогресс не является неизбежным и представляет собой «аналитическую переменную» [1. Р. 322]. Очевидна связь этого подхода с принципами синергетики.

В концепции миросистемного анализа идея непредопределенности исторического перехода реализуется, прежде всего, применительно к будущему современной миросистемы, однако на ее основе трактуется и кризис феодальной системы, приведший к возникновению капитализма.

По И. Валлерстайну, предпринимательский слой существовал во всех исторических системах, но в них имелись ограничивавшие его силы (в средневековой Европе Церковь вела борьбу с «ростовщичеством»). Решающей стала не степень силы капиталистических элементов, а неожиданное ослабление оппозиции капитализму. Произошло это вследствие коллапса трех институтов – сеньориальной власти, государства, Церкви. Неспособность ее восстановить приоткрыла на миг, беспрецедентно в истории, «ворота», возникновение капи-

тализма было «поразительным и непредвиденным... «неожиданным и недетерминированным» [8. С. 16–17].

Следовательно, если элементы капитализма существовали во всех исторических системах, то возникновение капитализма в Европе представляет собой реализацию одной из исторических возможностей, сопровождавшейся случайностью. Равным образом и будущее современной миросистемы трактуется как неопределенное: «Вероятно, снова наблюдается период конца исторической системы, аналогичного концу феодальной системы 500–600 лет тому назад. ...В пункте системной бифуркации, где мы находимся, даже незначительные на первый взгляд действия групп людей... могут различным образом изменить векторы и институциональные формы системы. Можно ли говорить, что мы находимся в центре фундаментального изменения? Нет, этого утверждать нельзя». Поэтому «аналитическое суждение не должно предрешать то, что еще не произошло» [8. С. 20].

Концепция миросистемного анализа преодолевает телеологизм философии Просвещения, О. Конта, Г. Гегеля, К. Маркса. Отрицая абсолютизм и неизбежность прогресса, И. Валлерстайн не отрицает его возможность; в отличие от апокалиптического сценария О. Шпенглера, он не признает и неизбежности гибели современной миросистемы. Различные пути развития рассматриваются не как необходимость, а как возможность, реализация которой зависит от совокупности факторов, среди которых случайные могут играть определяющую роль. В силу последовательной экспликации принципов синергетики применительно к исследованию социальных процессов И. Валлерстайна с полным правом можно считать одним из основателей социальной синергетики.

Принцип 4. *В русле постнеклассической науки в концепции миросистемного анализа применительно к исследованию социальной реальности реализуется тенденция целостного рассмотрения объекта.*

Целостность знания И. Валлерстайн рассматривает с трех сторон – единство номотетической и идиографической методологий, единство всего комплекса социальных наук с выходом за его пределы, единство эмпирического и теоретического уровней в социальном познании. Рассмотрим последовательно эти аспекты.

Единство номотетической и идиографической методологий в концепции миросистемного анализа обусловлено тем, что природа современной миросистемы не может быть раскрыта только путем описания известных исторических фактов, тем более неясно, каков должен быть принцип группировки этих фактов. Современная миросистема представляет собой одновременно и событийную последовательность, и логику событий, что позволяет найти срединный путь между трансисторическими обобщениями и конкретными описаниями путем анализа внутри системных рамок в больших масштабах исторического пространства-времени, чтобы обнаружить базовую управляющую «логику», определяющую последовательность событий [1. Р. 314–315].

Следовательно, если современная миросистема является неразрывным единством закономерной ло-

гики (ее выражают неизменные принципы ее функционирования) и событийности (ее выражает динамика системы), необходимо представить обе эти стороны в едином аналитическом описании, чего невозможно добиться, если оставаться в рамках противопоставления номотетического и идиографического методов.

В концепции миросистемного анализа выдвигается также программа многоуровневой перестройки всего массива социального знания для обеспечения его целостности (этот подход следует рассматривать как реализацию процесса интеграции научного знания применительно к социальным наукам).

Первым шагом на пути этого синтеза является отрицание позитивистской традиции противопоставления социологии и истории (историк устанавливает последовательность событий, социолог на этой основе формулирует теоретические обобщения). Указанный подход фактически превращает историю во вспомогательную по отношению к социологии дисциплину. Основатель школы «Анналов» М. Блок, критикуя этот подход, обосновал равноправие истории и социологии как самостоятельных, но взаимосвязанных дисциплин [15, 21].

И. Валлерстайн идет дальше: «...я не могу себе представить, что какой-либо социологический анализ может иметь силу без помещения данных внутрь исторического контекста, точно так же я не могу себе представить, что можно проводить исторический анализ без использования концептуального аппарата, который мы назвали социологией. Но если это так, уместно ли вообще говорить о двух отдельных дисциплинах?» [22. С. 126–127]. В этой связи необходим «исторический социальный исследователь», анализирующий законы конкретных исторических систем и этапы, которые они прошли в своем развитии [1. Р. 315].

Вторым шагом на пути синтеза является идея единства всех социальных наук как воплощения единства социальной реальности, которую они призваны постичь. Л. Февр утверждал, что «экономической и социальной истории не существует. Существует история как таковая во всей своей целостности» [23. С. 25]. И согласно позиции И. Валлерстайна недопустимо, «когда каждой сфере положена своя “дисциплина”: экономисты изучают рынок, социологи – гражданское общество, юристы – государство» [8. С. 12].

Однако проблема в том, каким путем может быть достигнут этот синтез, каким должен быть характер взаимосвязи социальных дисциплин. В социальных науках XX в. возникли два ключевых варианта решения этой проблемы – концепция междисциплинарного и концепция монодисциплинарного синтеза.

Первый вариант был реализован школой «Анналов»: необходимо «постоянно устанавливать новые формы связей между близкими и дальними дисциплинами; сосредотачивать на одном и том же объекте исследования взаимные усилия различных наук...» [23. С. 20]. Вторым вариантом обосновал Г. Мюрдаль: главная трудность социального познания состоит в том, что социальная реальность целостна, не разделена на сегменты, которые изучают отдельные социальные науки. Возникает необходимость преодолеть противоречие между этой целостностью и дисципли-

нарным подходом к ее исследованию путем стирания границ между социальными науками, которые должны быть единством знаний и методов, как в медицине [24. С. 104].

И. Валлерстайн солидарен с позицией Г. Мюрдаля: междисциплинарный синтез не устраняет, а лишь способствует сохранению границ между социальными науками [16. С. 327]. Поэтому в концепции миросистемного анализа выдвигается идея единой дисциплинарной (unidisciplinary) синтеза, согласно которой между наиболее важными для исследования миросистем дисциплинами – антропологией, экономикой, политологией и социологией – не существует критериев (уровень анализа, предмет, методы, исходные теоретические положения), которые препятствовали бы их единству. Следовательно, «данные дисциплины на самом деле – всего лишь одна» [1. Р. 312–313]. К перечню этих дисциплин И. Валлерстайн добавляет и историческую науку [11, 12].

Смысл этого подхода заключается в том, что если в рамках междисциплинарного синтеза исследуемый объект характеризуется с помощью категорий, выработанных в отдельных дисциплинах, то единой дисциплинарный синтез предполагает выработку трансдисциплинарных категорий, которые изначально должны пронизывать весь комплекс социального знания, создавая, тем самым, условия для его единства. Для иллюстрации этого соображения И. Валлерстайн указывает: «Где-то в период 1945–1955 годов две до того времени организационно отдельные “дисциплины” – ботаника и зоология – слились в единую дисциплину, названную биологией. С того времени биология стала процветающей дисциплиной и породила множество подотраслей, но ни одна из них... не носит название и не имеет черт ботаники или зоологии» [1. Р. 313].

Действительно, в ходе развития ботаники и зоологии было выработано трансдисциплинарное понятие клетки, и на основе клеточной теории живой мир стал рассматриваться как единый, возникла биология, внутри которой сложился ряд специальных дисциплин. Однако синтетический характер биологии не означает «растворения» в ней ботаники и зоологии, эти дисциплины сохранили предметно-методологическое самосознание, хотя и стали частями знания более высокого, обобщающего уровня. В этой связи концепция единой дисциплинарной синтеза И. Валлерстайна создает возможность такого слияния социальных дисциплин, при котором каждая из них утратит свое своеобразие, что вряд ли является оправданным.

Проблема еще и в том, что понятие современной миросистемы не реализуется в полной мере как имеющее трансдисциплинарный характер: И. Валлерстайн глубоко и всесторонне обосновал неразрывную связь экономики и политики, функционирования мирового капитализма и межгосударственной системы, но недостаточно показал культурное многообразие современной миросистемы. Роль культуры оказалась сведена к выражению и маскировке противоречий этой неравноправной системы [25. Р. 38]. Поэтому в концепции миросистемного анализа имеет место известный редукционизм, несколько нарушающий заявленный целостный подход.

Третьим шагом на пути синтеза является отрицание И. Валлерстайном деления «знания на три сферы – естественные науки, науки о человеке и (находящееся между ними) обществоведение» [16. С. 263]. С одной стороны, теория неравновесных систем подчеркивает значимость стрелы времени, что всегда было присуще социальным наукам, сложность социальных систем, свойственное человеку творчество. С другой стороны, культурологические исследования акцентируют социальные контексты и смыслы, что всегда интересовало обществознание, подчеркивают неоднородность социальной реальности [16. С. 255]. Эти тенденции «переместили естественные и гуманитарные науки в сферу общественных наук. Некогда центробежное поле сил в мире знания стало центростремительным, и теперь общественные науки занимают в нем центральное место» [16. С. 330]. Следовательно, «обществоведение неизбежно окажется основой для воссоединенного мира знания» [16. С. 292].

Как уже отмечалось, единой дисциплинарный синтез социальных наук в трактовке И. Валлерстайна предполагает фактическое стирание границ между ними. Теперь же, если принять во внимание тезис о «перемещении» естественных и гуманитарных наук в сферу обществознания, возникает вопрос, не означает ли это «перемещение» эклектичного смешения этих отраслей науки? Если не воспринимать этот тезис буквально, речь должна идти о взаимообогащении различных отраслей науки, возможности трансляции теоретических схем при сохранении ими своего места в общей системе научного знания и предметно-методологической специфики.

Наконец, важными в концепции миросистемного анализа являются идеи единства эмпирического и теоретического уровней в социальном познании, теоретической нагруженности эмпирического фундамента социальных наук и даже в известных пределах не опирающейся на опыт теоретизации.

В позитивизме теоретические модели рассматривались как не связанные с действительностью, а потому в практическом отношении бесполезные. Странники Венского кружка жестко разграничивали эмпирическое и теоретическое в пользу опыта, стремясь свести содержание научного знания к «протокольным предложениям». Странники постпозитивизма не только указали на невыполнимость этой задачи, но и акцентировали теоретическую нагруженность эмпирического базиса науки.

В методологии социальных наук установки позитивизма преобладали почти до середины XX в. Л. Ранке сформулировал принцип описывать историю «так, как действительно происходило», т.е. с фактологической стороны. Опыт школы «Анналов» показал значимость теоретического компонента исследования: любой исторический источник представляет собой «след» реального объекта, и его изучение всегда опосредовано определенной теоретической установкой [23. С. 14–15, 21–22]. Во второй же половине XX в. через философию науки принципы постпозитивизма стали проникать и в методологию социального познания.

Значимость концепции миросистемного анализа заключается в том, что в ней имеет место тенденция к теоретизации социального познания, поскольку И. Валлерстайн подчеркивает, что «эмпиризм не может быть чистым, ибо он всегда предполагает некоторую априорность» [16. С. 210]. Его взгляды в значительной мере созвучны с идеями Г. Мюрдаля, который полагал, что только эмпирическое не может быть источником научного познания, ибо оно основано на решении определенной проблемы. Проблемный принцип означает, что теоретическое выступает как «априорная форма» по отношению к эмпирическому, но если эмпирическое вступает в противоречие с теорией, то последняя должна быть пересмотрена либо заменена другой [24. С. 103].

Другими словами, теоретическое зависит от результатов эмпирического исследования, но опыт опосредован теоретическими предпосылками. Следовательно, в науке не обойтись без априорных аспектов, которые выступают как организующий принцип эмпирического исследования и определяют его направление.

В противовес традиции описательной истории И. Валлерстайн указывает, что подлинное понимание социальной динамики является во многом теоретическим пониманием, основанным на анализе максимально широкого круга явлений и процессов в пространстве-времени [12. Р. 9]. Необходим «концептуальный поиск», заключающийся в том, что исследование не может осуществляться без наличия определенной теоретической схемы, в рамках которой факты получают интерпретацию. Поэтому схема факты – концепция должна уступить место схеме концепция – факты [12. Р. 8, 346], а подход эмпирическое исследование – индуктивный вывод – теоретическое обобщение нужно заменить на движение мысли от абстрактного к конкретному [1. Р. 324].

Поэтому И. Валлерстайн подчеркивает, что он искал способ описания современной миросистемы на определенном уровне абстракции, эволюции ее структур, взятых в комплексе. Реализация этой задачи привела к формулировке ряда теоретических допущений как отправного пункта исследования. К их числу относится представление о целостности современной миросистемы, единстве ее постоянства и изменения, прошлого и настоящего [12. Р. 7, 8]. К этому ряду следует отнести также уже упоминавшуюся модель множественного исторического времени, идею единства исторического времени-пространства.

Критика указывает, что И. Валлерстайн берет в качестве точки отсчета и объекта сравнения несуществующую, абстрактную модель, а отличие от нее конкретной реальности квалифицирует как несоответствие одной реальности другой. За этим подходом кроется противопоставление теории эмпирической реальности, что приводит к отказу от теоретического познания и «замене его эмпирическими обобщениями». Тезис И. Валлерстайна, что эмпирическая реальность противостоит теоретическому описанию, глубоко ошибочен, тем более если принять во внимание, что описание может быть только эмпирическим [26. С. 44–45].

Однако дело, скорее, в другом. Как говорит И. Валлерстайн, сама по себе «эмпирическая реальность чрезвычайно неполна и малоказательна» [8. С. 8]. В силу этого без теоретических предпосылок обойтись нельзя, факты обретают смысл лишь в теоретическом контексте. Понятия концепции миросистемного анализа являются исходными абстракциями для интерпретации фактов, эти понятия не могут рассматриваться как результат чисто эмпирического обобщения. Согласно И. Валлерстайну любые понятия – это аналитические конструкции, способы рассмотрения мира. Понятия имеют эмпирическую основу, но о реальности невозможно думать без таких конструкций, создающих определенную «сущностную» модель интерпретации [16. С. 285].

Другими словами, необходима определенная точка отсчета, исходя из которой возможно построение теории. Именно с этих позиций следует понимать тезис И. Валлерстайна о «некоторой априорности» в социальном познании. В силу того что процессы прошлого для современного исследователя являются принципиально не наблюдаемыми, то не в абсолютном смысле, а в известных пределах возможно теоретическое описание основных параметров изучаемого объекта, не опирающаяся на опыт теоретизация.

Указываемый критикой факт наличия абстрактной модели в концепции миросистемного анализа не может служить доказательством отказа И. Валлерстайна от теоретического знания, наоборот, наличие этой модели лишь подчеркивает понимание им важности теоретического уровня. Его тезис о «противостоянии» эмпирической реальности и теории не следует понимать в буквальном смысле. Большинство современных методологов науки согласны с тем, что любая теория является моделью, которая абстрагируется от определенных сторон реальности и учитывает те стороны, которые являются существенными для решения определенной проблемы. Категории теории не являются зеркальной копией реальных процессов, а включают в себя элемент идеализации. Между любой, даже максимально конкретной теорией и реальностью существуют сложные отношения, и невозможно требовать от теории полного тождества с действительностью.

В то же время критика обоснованно отмечает противоречие между применяемой теоретической моделью и исторической реальностью, однако его источник состоит не в отрыве и противопоставлении друг другу эмпирии и теории, а в том, что созданная И. Валлерстайном модель не учитывает ряд сторон и отношений исторического процесса. Однако незавершенность модели допускает ее конкретизацию. Несомненным достижением концепции миросистемного анализа, что вписывает ее в контекст современной постпозитивистской философии науки, является обоснование единства эмпирического и теоретического уровней в социальном познании, активного отношения исследователя к объекту на основе его теоретического осмысления.

Таким образом, концепция миросистемного анализа имеет ярко выраженный холистский характер. Эта установка реализуется в двух взаимосвязанных аспек-

тах: в онтологическом плане как целостность рассматривается современная миросистема, акцентируется единство сфер социальной реальности, в гносеологическом плане как целостность понимается и социальное знание, способы его конструирования.

Принцип 5. *Концепция миросистемного анализа находится в русле тенденции постнеклассической науки к преодолению разрыва между субъектом и объектом познания, что приводит к пересмотру идеала ценностно-нейтрального научного исследования.*

Согласно антропному принципу в естествознании наличие наблюдателя не только меняет картину наблюдения, но и является условием существования основ этой картины; независимого наблюдателя нет, ибо человека как субъекта невозможно исключить из мира. Аналогичная ситуация имеет место и в социальном познании: общество – это субъект и объект одновременно, люди познают результаты собственной деятельности, развернутые во времени, индивидуальный субъект оказывается включенным в объект, независимого от общества и истории социального ученого как идеального наблюдателя не существует. Это положение дел в социальном познании имело место всегда, но постнеклассическая наука особо акцентирует эту гносеологическую ситуацию.

Концепция миросистемного анализа показывает, что в социальном познании основанием для реализации антропного принципа является то, что, по словам И. Валлерстайна, идеал описать историю «так, как действительно происходило», иллюзорен. Это происходит потому, что о прошлом нельзя рассказать, как о действительно существующем. Рассказ о прошлом всегда является социальным актом, осуществляемым людьми в настоящем в рамках современной исторической системы. Поэтому ученые никогда не бывают интеллектуально свободными от общества. Однако это не означает, что ученый является прямым защитником интересов конкретных социальных групп, но он всегда смотрит на изучаемую реальность с определенных позиций [12. Р. 9]. Исследователь рассматривает объект с точки зрения своего социально сконструированного видения, в силу чего не может быть нейтральным, отделенным от социальной реальности [16. С. 233–234, 324–325].

Иначе говоря, понятие «историческая действительность» парадоксально: оно подразумевает наличие реальности, но существующей в прошлом. Однако социального ученого невозможно вынести за рамки современности, он не является независимым наблюдателем, его сознание активно, что обусловлено заинтересованностью в раскрытии связи прошлого и настоящего. В этой связи возникает проблема объективности знания, являющаяся, по И. Валлерстайну, центральным пунктом методологических дебатов в социальных науках [27. Р. 90].

Можно выделить три главных причины возможной необъективности социального знания. Во-первых, находясь внутри масштабного социального изменения, исследователь не всегда в состоянии адекватно его осмыслить. Во-вторых, влияние ценностей на сознание исследователя (порой неосознанное) может сказаться на интерпретации фактов в условиях, когда

они допускают неоднозначную трактовку. В этой связи неслучайно в социальном познании на одном и том же фактическом материале создаются не просто различные, а порой взаимоисключающие друг друга концепции. И, в-третьих, социальный заказ, опирающийся на идеологию или требования текущего политического момента. Последний вариант предполагает не учитывающую содержание фактов интерпретацию, что вообще не соответствует критериям научности.

Согласно справедливому замечанию М. Вебера, «... в решении каждой *профессиональной* задачи *вещь* как таковая заявляет о своих правах и требует уважения ее собственных законов. При рассмотрении любого специального вопроса ученый должен ограничить свою задачу и устранить все, непосредственно не относящееся к *делу*, прежде всего свою любовь или ненависть». От ученого требуется способность признания «неудобных фактов, умение отделять их констатацию от оценивающей их позиции» [28. С. 552]. С одной стороны, по М. Веберу, субъект не в состоянии освободить свое сознание от ценностей, с другой стороны, ценности не должны оказывать влияния на выводы субъекта, ценностное суждение противоречит научной объективности.

Если для М. Вебера объективность является делом научной добросовестности, личной ответственности ученого, то для И. Валлерстайна – функцией всей социальной системы. Эта функция должна реализовываться так, чтобы деятельность лиц, укорененных в основных группах миросистемы, осуществлялась сбалансированным образом. Однако система является односторонней, она концентрирует определенные виды исследовательской деятельности в руках конкретных групп и результат будет смещен в пользу этих групп [12. Р. 9–10]. Если сегодня социальные науки нельзя считать объективными, они могут стать таковыми в рамках более справедливой системы: «Именно в силу того, что легитимность основополагающих для капиталистического мирохозяйства иерархий – классовых, расовых или гендерных – активно оспаривается... сегодня впервые в истории открывается возможность создания... относительно более объективной обществоведческой науки» [16. С. 268].

Проблема объективности знания увязывается И. Валлерстайном с характеристикой истины. Он полагает, что универсальной истины нет [16. С. 325–326], поэтому вероятность – «единственная форма научной истины» [16. С. 223]. Социальная реальность является сконструированной, а цель науки состоит в поиске ее интерпретаций: «В определенном смысле все это игра с бесконечно отражающими друг друга зеркалами. Мы стремимся открыть реальность, на основе которой мы сконструировали реальность. А когда мы ее находим, то, в свою очередь, пытаемся понять, как была построена эта глубинная социальная реальность. В этом блуждании среди зеркал могут возникать более или менее правильные научные знания. Наиболее правильные из них являются с общественной точки зрения самыми полезными, так как помогают создавать существенно более рациональную реальность. Именно поэтому поиски истины и блага неразрывно связаны» [16. С. 288].

Однако проблема в том и заключается, что если все знания являются относительными, как определить, какое знание будет правильным и социально полезным, поскольку разные ученые и – шире – социальные группы, в том числе заинтересованные в сохранении неравноправной системы, могут претендовать на то, что именно они являются носителями такого знания. Тем более, по И. Валлерстайну, на социальных ученых возложена большая ответственность – анализ реальных исторических альтернатив с целью определения наиболее оптимальной. Прогресс не неизбежен, но это не значит – невозможен: мы можем создать более справедливую историческую систему, поскольку познание неотделимо от поиска справедливого общества [16. С. 288–289].

Однако релятивизация истины, в особенности если она сопровождается игнорированием фактов, или не учитывающей их содержание интерпретацией, подрывает гносеологическую состоятельность социального познания и что не менее важно – доверие к социальным ученым, способствует превращению социального познания в пространство идеологической борьбы различных социальных групп, что вряд ли является оптимальным и полезным для него. В силу сложного соотношения субъекта и объекта социального познания осознание трудной достижимости объективного знания не должно сопровождаться отказом от стремления к нему.

Подводя общий итог, следует отметить, что концепция миросистемного анализа интегрирует в свой состав ряд элементов постнеклассической научной рациональности.

Во-первых, это нашло выражение в изучении сложных, саморазвивающихся исторических систем, в особенности современной миросистемы, путем исследования которой реализуется принцип глобальности и целостности в исследовании социальной реальности. Обоснование нового предмета социального познания вывело концепцию миросистемного анализа за пределы формационного и цивилизационного подхода к истории.

Во-вторых, понимание долгосрочной динамики современной миросистемы оказалось невозможным без осознания значимости исторического времени, анализа циклической хроноструктуры исторического процесса, единства исторического времени-пространства, раскрытия структурных механизмов социальной динамики.

В-третьих, опыт концепции миросистемного анализа свидетельствует о том, что обновлению социаль-

ного знания способствуют теоретические схемы, транслируемые с метатеоретического уровня, включающего в свой состав современные общенаучные представления, поскольку социальная реальность исследуется не только силами собственно социальных наук, но и с помощью отраслей общенаучного знания – системного подхода и синергетики. При этом системность синтезируется с идеей развития (принцип историзма), а благодаря синергетике признается роль вероятности и случайности в развитии сложных систем.

Принципы синергетики в концепции миросистемного анализа сыграли важную роль и в преодолении дилеммы естественнонаучной и гуманитарной картины мира, отказе от ряда постулатов науки Нового времени и их применения к социальному познанию. Это выражается в отрицании механистического детерминизма, признании непринципиальных форм детерминации в сложных системах, акценте одновременно на раскрытии структурных и процессуальных сторон системы, признании значения нелинейных процессов, в особенности в моменты перехода к новой исторической системе, что сопровождается ростом неопределенности будущего.

В-четвертых, в концепции миросистемного анализа реализуется принцип холизма, воплощенный не только в трактовке современной миросистемы, но и в трактовке социального знания: обосновывается единство номотетического и идиографического методов, отрицается строгое дисциплинарное деление социальных наук в форме концепции единой дисциплинарного синтеза, выдвигается идея единства эмпирического и теоретического уровней в социальном познании. Эти аспекты выражают тенденцию целостного, всестороннего рассмотрения объекта, занимающей в структуре современной научной рациональности одну из ключевых позиций.

В-пятых, отказ от противопоставления субъекта и объекта социального познания, идеи его ценностной нейтральности тоже включают концепцию миросистемного анализа в контекст постнеклассической науки.

Опыт этой концепции показывает, что трансляция в сферу социального познания современных общенаучных представлений является не самоцелью, а инструментом его теоретизации, без которой социальное познание не может адекватно выполнять функцию расширения видения социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wallerstein I. World-Systems Analysis // *Social Theory Today* / ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Stanford (California) : Stanford university press, 1987. P. 309–324.
2. Lee Richard E. Complexity and the Social Science // *Review* (Fernand Braudel Center). 2006. Vol. 29, № 1. P. 115–134.
3. Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануила Валлерстайна и мир-системном анализе) // Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. С. 6–72.
4. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб. : Лань, 1999. 480 с.
5. Степин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
6. Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // *Время мира*. Альманах. Вып. 2: Структуры истории / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2001. С. 102–116.
7. Wallerstein I. Historical Systems as Complex Systems // *European Journal of Operational Research*. 1987. Vol. 30, № 2. P. 203–207.
8. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // *Социологические исследования*. 1997. № 1. С. 8–21.
9. Wallerstein I. A Theory of Economic History in place of Economic Theory? // *Studies in Social and Economic History*. Vol. 15: Methodological problems. Leuven : Leuven university press, 1990. P. 41–50.

10. Полаanyi К. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2010. 200 с.
11. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М. : Территория будущего, 2006. 248 с.
12. Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist agriculture and the origins the European world-economy in the sixteenth century. N.Y. : Academic press, 1974. 410 p.
13. Wallerstein I. The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations. Essays. Cambridge : Cambridge university press ; Paris : Edition de la Maison des sciences de l'homme, 1984. 191 p.
14. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
15. Wallerstein I. Le capitalisme historique. Paris : La Decouverte, 1985. 125 p.
16. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М. : Логос, 2003. 368 с.
17. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 3: Время мира. М. : Прогресс, 1992. 680 с.
18. Stengers I. Les «nouvelles sciences», modeles ou defi? // Review (Fernand Braudel Center). 1992. Vol. 15, № 1. P. 91–112.
19. Пригожин И. Наука, разум и страсть // Знание – сила. 1997. № 9. С. 45–56.
20. Wallerstein I. The challenge of maturity: Whither social science? // Review (Fernand Braudel Center). 1992. Vol. 15, № 1. P. 1–7.
21. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986. 254 с.
22. Валлерстайн И. Социология и история // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 124–127.
23. Февр Л. Бой за историю. М. : Наука, 1991. 629 с.
24. Вольфсон Л.Ф. Методология социального исследования Гуннара Мюрдаля // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 97–107.
25. Wallerstein I. Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // Theory, Culture and Society. 1990. Vol. 7, № 2/3. P. 31–55.
26. Фурсов А.И. Возникновение капитализма и европейское общество сквозь призму конъюнктурного подхода // Социологические исследования. 1991. № 11. С. 37–47.
27. Wallerstein I. Open the Social Sciences. Stanford (California) : Stanford university press, 1996. 105 p.
28. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 804 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 8 февраля 2020 г.

The Conception of World-Systems Analysis in the Context of Post-Non-Classical Science

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 97–108.

DOI: 10.17223/15617793/454/11

Roman Yu. Tsarev, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: romanoromani@mail.ru

Keywords: historical systems; chronostructure of history; nonlinear historical processes; synthesis of social sciences; theoretical history; subject and object of social cognition.

The article deals with the problem of the impact of the principles of post-non-classical science on the sphere of social cognition by studying the methodological aspects of Immanuel Wallerstein's conception of world-systems analysis. Its experience shows that the principles of post-non-classical science contribute to the discovery of new objects of social cognition, the development of appropriate methodology, translation of modern general scientific approaches from the meta-theoretical level to social cognition. Firstly, the conception of world-systems analysis refers to the study of complex, large-scale self-developing historical systems: world-empires, world-economies, and the modern world-system. It is noted that the justification of new units of the historical process brings the conception of world-systems analysis beyond the limits of the formational and civilizational approach. Secondly, the awareness of the importance of time and development is expressed in the analysis of the chronostructure of the historical process formed by long-term cyclic rhythms. Wallerstein substantiates the idea of three continuums of existence of the modern world system, namely, past-present, statics-dynamics, and time-space. The emphasis is on the transformational time-space, which characterizes the process of transition to a new historical system. Thirdly, the conception of world-systems analysis goes far beyond the principles of classical science in their application to social cognition. This is expressed in the rejection of the linear form of social time and mechanistic determinism, the recognition of non-causal forms of determination. In the interpretation of development, the principles of synergetics play a decisive role in the conception of world-systems analysis. Based on them, there is a denial of the dilemma of the natural science and the humanitarian pictures of the world and the justification of the role of probability and chance in the development of historical systems, not the predetermination of the future. Fourthly, the study of the modern world-system is based on the principle of a holistic, comprehensive consideration of the object from the point of view of the unity of nomothetic and idiographic methods, the synthesis of social sciences in the framework of a multidisciplinary model, the unity of empirical and theoretical levels of social cognition (emphasizes the theoretical load of facts, the presence of initial theoretical attitudes that determine the direction of empirical research). Fifthly, the problem of correlation between the subject and the object of social cognition, its objectivity are considered, since there is no researcher independent of society as an ideal observer. In conclusion, it is noted that the principles of modern scientific rationality, integrated into the conception of world-systems analysis, contribute to the expansion of the vision of social reality, to the enrichment and development of the theoretical and methodological apparatus of social cognition.

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (1987) World-Systems Analysis. In: Giddens, A. & Turner, J.H. (eds) *Social Theory Today*. Stanford (California): Stanford University Press. pp. 309–324.
2. Lee, R.E. (2006) Complexity and the Social Science, *Review* (Fernand Braudel Center). 29 (1). pp. 115–134.
3. Fursov, A.I. (2008) Kapitalizm skvoz' prizmu mir-sistemnogo analiza (o rabotakh Immanuila Vallerstayna i mir-sistemnom analize) [Capitalism Through the Prism of World-System Analysis (On the Works of Immanuel Wallerstein and World-System Analysis)]. In: Wallerstein, I. *Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical Capitalism. With Capitalist Civilization]. Translated from English. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. pp. 6–72.
4. Vasil'kova, V.V. (1999) *Poryadok i kaos v razvitiy sotsial'nykh sistem. Sinergetika i teoriya sotsial'noy samoorganizatsii* [Order and Chaos in the Development of Social Systems. Synergetics and Theory of Social Self-Organization]. St. Petersburg: Lan'.
5. Stepin, V.S. (2003) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Wallerstein, I. (2001) Izobreteniye real'nostey vremeni-prostranstva: k ponimaniyu nashikh istoricheskikh sistem [The Inventions of TimeSpace Realities: Towards an Understanding of our Historical. Systems]. Translated from English. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [World Time. Almanac]. Is. 2. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 102–116.
7. Wallerstein, I. (1987) Historical Systems as Complex Systems. *European Journal of Operational Research*. 30 (2). pp. 203–207.

8. Wallerstein, I. (1997) Sotsial'noe izmenenie vechno? Nichto nikogda ne izmenyaetsya? [Social Change?: Change is Eternal, Nothing Every [i.e. Ever] Changes]. Translated from English. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 8–21.
9. Wallerstein, I. (1990) A Theory of Economic History in place of Economic Theory? In: *Studies in Social and Economic History*. Vol. 15: Methodological problems. Leuven: Leuven University Press. pp. 41–50.
10. Polanyi, K. (2010) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Translated from English. Moscow: Territoriya budushchego.
11. Wallerstein, I. (2006) *Mirosistemnyy analiz: Vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Translated from English by N. Tyukina. Moscow: Territoriya budushchego.
12. Wallerstein, I. (1974) *The Modern World-System*. Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y. : Academic Press.
13. Wallerstein, I. (1984) *The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations. Essays*. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Edition de la Maison des sciences de l'homme.
14. Wallerstein, I. (1996) Rossiya i kapitalisticheskaya mir-ekonomika, 1500–2010 [Russia and the Capitalist World-Economy, 1500–2010]. Translated from English. *Svobodnaya mysl'*. 5. pp. 30–42.
15. Wallerstein, I. (1985) *Le capitalisme historique*. Paris: La Decouverte.
16. Wallerstein, I. (2003) Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka [The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century]. Translated from English. Moscow: Logos.
17. Braudel, F. (1992) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t.* [Civilization and Capitalism, 15th-18th Century: In 3 Vols]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: Progress.
18. Stengers, I. (1992) Les "nouvelles sciences", modeles ou defi? *Review* (Fernand Braudel Center). 15 (1). pp. 91–112.
19. Prigogine, I. (1997) Nauka, razum i strast' [Science, Reason and Passion]. *Znanie – sila*. 9. pp. 45–56.
20. Wallerstein, I. (1992) The challenge of maturity: Whither social science? *Review* (Fernand Braudel Center). 15 (1). pp. 1–7.
21. Bloch, M. (1986) *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [The Historian's Craft]. Translated from French by E.M. Lysenko. Moscow: Nauka.
22. Wallerstein, I. (2000) Sotsiologiya i istoriya [Sociology and History]. Translated from English. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [World Time. Almanac]. Is. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 124–127.
23. Febvre, L. (1991) *Boi za istoriyu* [Fights for History]. Translated from French by A.A. Bobovich, M.A. Bobovich, Yu.N. Stefanov. Moscow: Nauka.
24. Vol'fson, L.F. (1968) Metodologiya sotsial'nogo issledovaniya Gunnara Myurdalya [Gunnar Myrdal's Methodology of Social Research]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 8. pp. 97–107.
25. Wallerstein, I. (1990) Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System. *Theory, Culture and Society*. 7 (2/3). pp. 31–55.
26. Fursov, A.I. (1991) Vozniknovenie kapitalizma i evropeyskoe obshchestvo skvoz' prizmu kon'yunktornogo podkhoda [The Emergence of Capitalism and European Society Through the Prism of the Market Approach]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 37–47.
27. Wallerstein, I. (1996) *Open the Social Sciences*. Stanford (California): Stanford University Press.
28. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.

Received: 08 February 2020

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.74

Т.В. Андриянова

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Исследуется религиозность студенческой молодежи региона в контексте формирования образа Русской православной церкви (РПЦ), определяемая как комплексная характеристика, включающая в себя несколько кластеров: идентификация церкви как главного религиозного института, самооценка собственной религиозности, понимание значения РПЦ для нашей страны, образные характеристики РПЦ. На материалах интервью и фокус-групп со студентами вузов обсуждается проблема существования религии и церкви в современном обществе, а также концепты «приватной религии», «номинальной религиозности» и «эффекта генерации».

Ключевые слова: религия; религиозность; студенческая молодежь; регион; Русская православная церковь.

Введение

Изучение вопросов, связанных с религией в социологии, начинается фактически с момента появления этой науки. И сразу же было заявлено о дискуссионном статусе этого объекта. Классические работы Э. Дюркгейма, М. Вебера и многих других авторов, написанные с точки зрения разных методологических подходов, выявляют существенные и функциональные стороны социального института религии.

На сегодняшний день точкой притяжения внимания исследователей становится сам феномен религии и его проявления, т.е. религиозность различных социальных групп и общества в целом. Несмотря на огромное количество собранных эмпирических данных, ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению по поводу методов исследования религии и связанных с ней понятий.

Ж.Т. Тощенко считает, что здесь мы сталкиваемся с некими парадоксами, которые проявляются в разных направлениях изучения религиозности. Самый очевидный из них заключается в том, что накопленные массивы данных мало проясняют религиозную ситуацию в обществе и ставят перед исследователями целый ряд вопросов. Для ответов на некоторые из них недостаточно использовать только количественные данные опросов, необходимо произвести «анализ процессов, происходящих в массовом религиозном сознании и религиозной идеологии» [1. С. 63]. Такие показатели, как конфессиональная структура населения, направленность, характер и интенсивность деятельности религиозных организаций и общин верующих, позволяют, по мнению Тощенко, реально оценить состояние социального института религии в современном обществе. Здесь существует свой диапазон «веры и неверия»: от религиозности, проявляющейся в различной степени через состояние, колеблющееся между верой и неверием, до атеизма. Отмечается, что в России начиная с 2000 г. в социальной практике намечаются тенденции сближения или отождествления понятий «русский» и «православный», а также понятий «верующий» и «респектабельный», «нормальный». Отсюда возникает отмечаемый почти в

каждом исследовании парадокс: число верующих людей превышает верующих во что-то конкретно. Особенно это заметно при определении характера религиозности, когда православных, к примеру, оказывается больше, чем верующих во Христа.

В данной статье автор делает попытку определить, возможно ли использовать для характеристики молодежи как большой группы понятие «номинальная религиозная группа» (стабильно выделяемой социологами почти в каждом исследовании) в значении группы людей, относящих себя к православным, не являющихся воцерковленными и не имеющих конкретных общих характеристик. В качестве индикатора, отражающего принадлежность к этой группе, выступает формирование религиозности молодежи через выделение ключевых кластеров: религия как основной социальный институт для спасения души; самооценка собственной религиозности; Крещение Руси и его роль в становлении нашего государства; образ Русской православной церкви (далее РПЦ). Так как данный феномен является трудноопределимым, то выделение данных кластеров позволит на первом этапе изучить его генезис, выявить ключевые подходы к его изучению, основные тренды и противоречия в уже имеющихся данных, что в дальнейшем позволит перейти к построению комплексной модели изучения религиозности молодежи.

Степень разработанности проблемы

Среди исследований, охватывающих проблематику взаимодействия религии и молодежи в различных регионах России, выделяются собственно исследования религиозности молодежи (и/или студенчества) методом опроса. Например, Д.А. Тихомиров, опрашивая московских студентов из числа православных, мусульман и неверующих, сравнивает отношение к религии в данных группах и приходит к выводу, что в целом религиозность «размыта», нет целостного понимания этого феномена [2]. В исследовании религиозности студенческой молодежи Владимирской области Е.А. Аринин и Д.И. Петросян на основе коммуникативного подхода Т. Лукмана выявляют особенности «первичного», «конфессионального» и «современного»

типов религиозности [3]. В исследовании религиозности студенческой молодежи Московской области (г. Волоколамск) в сопоставлении с религиозностью россиян Л.А. Андреевой и Л.К. Андреевой выявлен «тип с неустойчивой религиозной ориентацией», обнаруживающий сомнения в истинности «даже основных и существенных положений вероучения» [4. С. 98].

Также в поле социологической науки активно дискутируется вопрос об отношении молодежи к религии, и здесь можно выделить несколько аспектов:

1) исследование отношения студенческой молодежи в целом к религии, представленное О.В. Грашевской на эмпирической базе Мурманской области, зафиксировало «невысокий уровень институциональной религиозности» [5. С. 56];

2) исследование отношения современной молодежи Брянской области к религии с точки зрения психологического подхода методом контент-анализа, представленное А.Н. Бражниковой, позволяет, по мнению автора, «приблизиться к глубинам религиозного опыта и видения» [6. С. 42];

3) на уровне региона к исследованию уровня, степени и характера религиозности учащихся и студентов г. Курска обратились курские ученые В.Н. Кузьмин и Н.С. Степашов в 2015 году [7].

Особняком стоят исследования молодежи и религии в других ракурсах. Так, изучая представления студентов ЮУрГУ относительно различных религиозных конфессий и их представителей, Н.И. Соколова и Е.Г. Сосновских указывают, что «у студентов сформировалось двойственное представление о роли религии в современном обществе» [8. С. 188].

Несмотря на большой эмпирический материал, накопленный в данной области, мы не обнаружили интересующего нас вектора исследований, а именно представлений студенческой молодежи об образе Русской православной церкви в современной России. Отчасти он заявлен в исследовании Е.Е. Несмеяновой, Т.С. Оленич и С.А. Плотникова «Отношение молодежи Ростовской области к РПЦ и верующим в контексте их поддержки традиционных культурных ценностей» [9].

Поэтому в нашем исследовании мы используем интегральную исследовательскую модель сопоставления разных показателей и мнений студентов, высказанных ими в процессе проведения фокус-групп, полуструктурированных интервью и данных включенного наблюдения молодежи в учебной обстановке и в обстановке приходо-в РПЦ.

Эмпирическая база исследования

Исследования взаимоотношений молодежи и религии проводятся на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета с 2007 г. по настоящее время. Среди респондентов преобладает молодежь Курской области, в частности студенты высших учебных заведений г. Курска. Так, были проведены исследования: «Молодежь и религиозные конфликты», «Отношение студенческой молодежи к религиозным сектам», «Информированность молодежи о деятельности религиозных организаций в Курской области» и др. [10, 11].

С целью углубления полученных результатов нами в 2019 г. были проведены две фокус-группы и полуструктурированные интервью (N = 11) со студентами курских вузов в возрасте от 19 до 22 лет. Для создания выборки был использован метод «снежного кома» с соблюдением условия принадлежности к студенчеству и православию. В целом методология исследования основывается на «стратегии триангуляции» (Г.Б. Кошарная), сочетающей в себе количественные и качественные методы: «Следует отметить, что триангуляция обладает большим интегративным потенциалом, возрастающим при циклическом переключении количественных и качественных методов. Кроме того, она может приводить также и к открытию парадоксов и противоречий как теоретических построений, так и эмпирических выводов, полученных в рамках традиционного количественного подхода» [12. С. 121]. В задачи настоящего исследования как раз и входила интерпретация основных трендов и противоречий в формировании образа РПЦ у молодежи, обнаруженных и в количественных, и в качественных данных. Мы убедились, что существует устойчивая корреляция между результатами, полученными с помощью данной методики, и внешними критериями, что позволяет, ориентируясь на позицию Кошарной, признать ее валидной для данного исследования [12. С. 121]. Для характеристики религиозности молодежи было предложено несколько утверждений, зафиксированных в четырех кластерах, которые нужно было подтвердить или опровергнуть в ходе фокус-групп и полуструктурированных интервью, составляющих эмпирическую основу исследования:

1-й кластер – «Религия по своей сути является основным социальным институтом для спасения души»;
2-й кластер – «Самооценка собственной религиозности является ведущим фактором в оценке религиозности молодежи как группы»;
3-й кластер – «Крещение Руси сыграло ключевую роль в становлении нашего государства и формировании религиозности населения»;
4-й кластер – «Образ РПЦ у молодежи складывается в основном из персонифицированных характеристик».

В качестве вторичных данных в работе мы будем использовать результаты:

– кросс-культурного исследования, проведенного среди студентов вузов г. Волгограда в 2011 г. С.С. Малявиной;

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

– исследования представлений молодежи о РПЦ, проведенного в 2007 г. Ф.А. Управителевым.

Мир религиозного опыта, по мнению А. Шюца, представляет собой конечную область смысла, наряду с такими явлениями, как сновидения, грезы, фантазии, научное созерцание, игра и т.д. «Это означает, что а) все они обладают неповторимым когнитивным стилем...; б) все переживания внутри каждого из этих миров в отношении данного когнитивного стиля внутренне последовательны и совместимы друг с другом...; в) каждая из этих конечных областей смысла может получить специфический акцент реальности...» [13. С. 18]. Одновременно это означает, что области переживаний этих миров сохраняются только внутри них и никак не корреспондируют друг с другом. При этом переход из одной области в другую осуществляется при помощи «скачка», «который проявляется в субъективном переживании шока» [13. С. 18] и «является не чем иным, как радикальным изменением напряжения нашего сознания» [13. С. 19]. Вывод, который делает Шюц, относит религиозность к модификации архетипа нашего опыта реальности, т.е. к состоянию, в котором человек пребывает не какое-то определенное время, а испытывает его постоянно [13. С. 19].

В рамках феноменологии происходит и оценка религии как социального института. Так, П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что вместо «исследований религиозного рынка» религия должна быть социологически понимаема как социальный институт, придающий смысл и легитимирующий социальный порядок, т.е. как неотъемлемая часть «мироустройства», которое, в свою очередь, является областью социологии знания [14]. Диалектический процесс мироустройства, по их мнению, состоит из трех моментов: экстернализация (общество – это человеческий продукт), объективация (общество – это объективная реальность) и интернализация (люди – это социальный продукт). Природа религии и религиозности в этой конструкции рассматривается через призму так называемых символических Вселенных как самая всеобъемлющая и надежная из всех форм легитимации. Они являются «процессами значения, которые относятся к реальностям, отличным от реалий повседневного опыта» [15. Р. 95]. Идея легитимации исходит из определения П. Бергером религии как имеющей социальное и социологическое значение в силу того, что она обеспечивает «священную завесу», т.е. выполняет социальную функцию.

В работах Т. Лукмана мы выделяем тезис о трансформации роли религии в социальной структуре современных обществ: люди, «не видя» себя в определенной институционализированной религиозной общине, которую он называет *offiziell etablierte*, производят впечатление атеистов [16], что и фиксируют данные отечественных исследований. На самом деле ситуация намного сложнее. Речь идет о некоем религиозном законе, который присущ человеческому роду и является его отличительной чертой от других видов жизни. По мнению автора, религию можно обнаружить везде, где поведение человека трансформируется в действия, подлежащие моральной оценке, и где «Я» (*Selbst*) находится в мире других людей, с которыми «Я» осуществляет взаимодействие: «...осново-

полагающая функция “религии” состоит в том, чтобы превращать членов (некоего) естественного рода (семейства) в действующих лиц в рамках исторически возникшего общественного порядка» [17. С. 140]. И здесь возникает центральное понятие Лукмана – «приватизация религии»: «...это ядро всеохватывающей приватизации жизни в современных обществах... можно даже сказать: одно из “логических” следствий – высокой степени функциональной дифференциации социальной структуры» [17. С. 151]. Автор отмечает, что люди в современных обществах хотя и живут в однородной повседневной реальности, но она не связана с однородной внеповседневной реальностью: «...согласованность современных мировоззрений, в которых повседневные реальности связаны с трансцендентными, настолько слабее, нежели в архаичных или традиционных обществах, что возникает искушение допустить, что никакого соответствия вообще не осталось» [17. С. 151]. Это объясняет, по мнению автора, гетерогенность социальных конструкций, обобщающих субъективные реконструкции в частных моделях. В конечном итоге Лукман дает прогноз о снижении значимости традиционных институционально специализированных церквей, и особенно христианства, в современных обществах. Напротив, широкий общественный резонанс вызывают малые трансценденции, которые можно выразить понятием «самореализация», и средние, например, «бесклассовое общество», «освобождение» и т.д. Таковую тенденцию отхода от традиционных религиозных моделей в обозначенную выше область он обозначает как «культурное соответствие социально-структурной приватизации индивидуального сознания» [17. С. 151], где центральное место занимает автономный субъект.

Важным для нашего исследования является замечание Лукмана о том, что при всех отмеченных выше противоречиях традиционные религиозные ориентации не исчезают полностью, но они имеют более узкую «социальную опору», а их институты (церкви) не относятся к преобладающему типу религиозной организации. Не говоря о качестве этого процесса, который происходит на наших глазах, и его результатах, Лукман делает вывод, что «социальная структура перестала систематически и обязательным образом быть посредником между субъективным сознанием и его опытом трансценденции, коммуникативными реконструкциями этого опыта и конкурирующими версиями «священного универсума» [17. С. 153].

В определенной степени прогноз Лукмана относительно уменьшения влияния традиционного христианства на умы людей в современных обществах и появления там так называемых новых религиозных движений подтверждают данные о массивном «передвижении христианства» в Африку, где в основном существуют традиционные общества. Так, Л.А. Андруева говорит о новом феномене «южного христианства», связанного «с процессом изменения традиционной этническо-географической локализации христианства в начале XXI века» [18. С. 76]. Сокращение численности христиан в Европе (на 30% за 100 лет) автор связывает с мировым демографическим фактором и с процессами секуляризации, а «взрыв-

ной» характер роста христиан в Африке (на 54% за 100 лет) связывает с ростом рождаемости там (20% населения мира к 2050 г.): «...рост приверженцев христианства жестко коррелирует с ростом численности населения, уже исповедующего ту или иную религию» [18. С. 79]. Автор дает следующую качественную характеристику «южного христианства»: «религия бедных и обездоленных, для которых евангельская бедность не является метафорой» [18. С. 82]. Сегодня нет явно выраженного «христианского ядра», пропорции по континентам выравниваются: 26% христиан живут в Европе; 37% – в Южной Америке, 24% – в Африке к югу от Сахары, 13% – в Азии [19].

Также к причинам резко возросшего числа христиан в Африке относятся последствия социально-политических преобразований середины XX в. на этом континенте: провозглашение равенства всех христиан вне зависимости от расы; синкретизм местных религий и христианства; стремление местных элит к социальной ответственности и т.д. В качестве уточнения необходимо заметить, что более половины христиан в Африке протестанты (57,2%) [20], это самые молодые христиане (средний возраст 19 лет) [20] и каждый четвертый христианин здесь признает наряду с христианскими таинствами традиционные языческие ритуалы и обряды.

Соглашаясь в целом с позицией автора, отметим, что подобные процессы буквального географического перемещения центра мировых религий требуют не только научного осмысления в рамках светской науки, но и интерпретации с точки зрения христианской теологии: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3:8).

Тезаурусная модель молодежи

Возникает вопрос, актуальны ли эти тенденции и противоречия для исследований религиозности молодежи и ее отношения к религиозным организациям в целом и РПЦ в частности? Мы считаем, что они являются определяющими в исследованиях данной группы, так как транзитивность молодежи является ее основной и определяющей характеристикой. Она проявляет себя в сложности и неоднозначности выбора, который делает сегодня молодой человек: быть как все, стать частью социума и принять все его требования или войти в него как внутренне свободная личность.

Так, В.А. Луков вводит в научный оборот тезаурусную модель молодежи, где она «трактруется как социальная группа, которую составляют (1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также (2) распространенные в этой социальной группе тезаурусы и (3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир» [21. С. 118]. Ее фундаментом является социальная субъектность, а сама она проясняет «пути присвоения молодежью через раскрытие ее противоречивых черт в опредмеченной деятельности и в фактах самосознания, выполняющих важную регулятивную функцию» [21. С. 118]. Если

институционализированный мир мало или совсем не освоен молодежью, то это требует некой компенсации, как считает Луков, в виде определенных действий, самостоятельно определенных ею или предопределенных первичной группой.

Результаты исследования и их обсуждение

Обсуждение основных вопросов исследования было распределено по следующим кластерам: религия как основной социальный институт для спасения души; самооценка собственной религиозности; Крещение Руси и его роль в становлении нашего государства; образ Русской православной церкви.

Кластер 1. С тем, что спасение души – основная функция религии, согласились не все участники фокус-групп. Многие высказали мнение, что так было раньше, изначально. Тогда люди относились к этому вопросу более ответственно, а сейчас осталась традиция исповедовать определенную религию, в тонкости которой никто не вникает.

«Что будет с моей душой?» – вопрос для молодежи интересный, но не первостепенной важности. Мысли возникают, но с друзьями разговариваем редко на эту тему, только в случае эмоциональных потрясений или когда задумываемся как сделать жизнь на земле легче. В целом не задумываемся о том, что будет с душой» (Интервью 2). Даже названные собственные примеры, не объяснимые с точки зрения здравого смысла, не подталкивают молодежь к размышлениям на эту тему: *«Моя мама работает в реанимации, она сама и еще три человека одновременно наблюдали, как бабушка, которая лежала при смерти, вдруг прошла мимо них, а оказалось, что она никуда не вставала, а умерла»* (Интервью 10).

Иногда ссылались на примеры из художественной литературы, например сочинения Ф.М. Достоевского, называли произведения современной литературы, где говорится о проблемах души. Можно сказать, что в целом душа отождествляется у студентов с совестью и воспринимается как мысленный субстрат моральных норм, и правил, и страхов.

В основном акцент при обсуждении они делали на так называемом очищении души, под которым подразумевается освобождение мыслей и совести от совершенных неприглядных поступков и дел.

Кластер 2. Собственная религиозность и роль религии в жизни человека оценивается студентами достаточно противоречиво.

С одной стороны, на вопрос «Нужны ли специальные организации для спасения души?» отвечают, что нужны обязательно для того, чтобы создать некую «специальную обстановку», момент перехода из мира профанного в мир сакральный (по Э. Дюркгейму), и чтобы в обществе был порядок, иначе наступит хаос. *«Такие организации должны объединять единоверцев. К другим я отношусь настороженно: неизвестно зачем они туда приходят. Мы хотим быть уверенными, что рядом с нами близкие нам люди»* (Интервью 3). Молодежь признается, что предпочитает, чтобы религиозные организации брали на себя большую социальную нагрузку, но излишняя формализован-

ность этих социальных практик мешает, так как она с избытком присутствует во всех сферах жизни.

С другой стороны, религиозные организации не должны отменять ответственности человека за собственное спасение: *«Я сам решаю, что мне нужно, и когда захочу, тогда и приду в церковь»*. (Интервью 11)

Разногласия также вызвал вопрос о том, как часто должен верующий человек посещать службу в церкви: *«Верующий может посещать службу, так положено, конечно. Но почему обязательно нужно ходить? Это идеальный вариант. Верующий человек должен жить как верующий, а не посещать церковь. Он оттуда выйдет и будет вести себя ужасно»* (Интервью 5).

Была высказана и другая точка зрения, что верующие, во-первых, ходят в храм, потому что не хотят молиться самостоятельно, облегчают себе задачу; во-вторых, ходят, чтобы показать свою любовь к Богу и чтобы окружающие это увидели, т.е. это некий вид демонстративного поведения. Считают, что правильным в этом случае является молиться самому одному дома, когда никто не видит. И здесь, при всей слабой ознакомленности с текстом Священного Писания, приводили слова из Евангелия от Матфея: *«Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему...»* (Мф. 6: 6). Очевидно, что, услышав эту фразу вне контекста, молодые люди приняли ее как руководство к действию, решив, что в храм с целью молитвы и участия в таинствах ходить не обязательно. Кроме этого, была высказана мысль, что в храме на людей оказывают манипулятивное воздействие и диктуют, как им поступать. Что именно могут заставить сделать таким образом, ответить затруднились.

В целом, говоря о посещении службы в храме, студенты отметили, что их убеждают туда ходить родители (бабушки и дедушки) или сложные ситуации жизни, т.е. они ходят эпизодически. И в своей среде они редко наблюдают людей, которые самостоятельно часто ходят в храм. С другой стороны, некоторые упомянули, что семейное посещение храма очень сближает даже на расстоянии: *«Сначала я ходила в храм на службу со своей бабушкой. Теперь я уехала в другой город и хожу одна, а потом звоню бабушке, рассказываю и чувствую, как она за меня радуется. Это очень здорово!»* (Интервью 1).

В целом студенты называют тревожной тенденцию, когда их обязывают делать что-то, в том числе ходить в храм. Другими словами, не хотят, чтобы вмешивались во внутренний мир человека и дело спасения. Слова «должен», «обязан», «нужно» вызывают у молодых людей негативную реакцию, которая усиливается, если речь идет о религии, так как они считают эту сферу сугубо личным делом каждого человека. В интервью почти все отмечали, что их крестили в младенчестве под влиянием тенденций времени, а они хотели бы сами сделать свой выбор.

Часто в высказываниях респондентов звучала мысль, что храмы – это прекрасные памятники архитектуры, в них можно и нужно поддерживать музейные функции: охранять, реставрировать и т.д. Но сама служба, по их мнению, нуждается в модернизации.

В качестве одного из направлений этой модернизации предлагалось перевести со старославянского языка на современный русский текст молитв, так как их смысл остается непонятным для молодежи. Насколько повлияет этот фактор на частоту посещения служб, ответить затруднились.

Кластер 3. Необходимо отметить, что во всех интервью мы спрашивали студентов о дате Крещения Руси и выяснили, что ее знают все, причем это практически единственный исторический факт, по их признанию, не вызывающий затруднений в определении точного временного промежутка.

Среди последствий принятия Крещения в основном назывались только позитивные моменты. Здесь все проявили единодушие в оценке положительного влияния РПЦ на развитие нашей страны. Молодежь считает православие национальной и государственной традицией; основным стержнем становления России; основной национальной идеей, которую не смогли уничтожить даже в советское время. Отмечали, что православие определило русский характер и менталитет, который теперь стал нашим брендом. Это позволило русскому народу выйти на новый политический и экономический уровень, преодолеть дикость язычества, интегрироваться в мировое пространство. Представители мужской части аудитории в интервью делали акцент на большой роли РПЦ во время многочисленных войн.

Что касается роли РПЦ в современном российском обществе, то здесь речь шла больше о тех функциях, которые она выполняет или должна, по мнению респондентов, выполнять: *«Церковь должна воспитывать в человеке “правильные” ценностные ориентиры. Конечно, понятие “правильные” довольно размытое, но сейчас людям нужно изменить немного свои взгляды. А церковь должна этому помочь. Религия должна быть бескорыстной и неосуждающей»* (Интервью 7).

Социальное служение церкви оценивается молодежью как чрезвычайно важная функция: *«РПЦ выполняет воспитательную функцию и функцию связи человека с Богом. Главная ценность РПЦ – человеческая душа. Любой человек вправе прийти в Церковь и получить помощь (безвозмездную). РПЦ должна объединять людей и вселять веру в лучшее»* (Интервью 8). Это накладывает определенную ответственность на всех, кто входит в общину: *«РПЦ несет в себе множество норм, ценностей и выполняет ряд функций, объединяющих социальные группы одной верой. Функции церкви – это объединение, поддержка, связь поколений. Соответственно каждый верующий человек, посещающий церковь, обязан выполнять нормы и правила (одежда, манера поведения)»* (Интервью 6). Можно отметить, что в основном студенты сосредоточили свое внимание на трех основных понятиях, характеризующих образ РПЦ, – это роли, функции, ценности. Среди названных ценностей доминирует главная – интегрирующая, объединяющая, всех людей, независимо от степени воцерковленности.

Кластер 4. Говоря в целом об образе РПЦ, который складывается в представлениях молодежи, респонденты отмечали разные его аспекты: *«Образ РПЦ*

у меня складывается следующий: роль людей, служащих в храме, огромна, поскольку приходя туда, мы ждем, что нас выслушают, а не просто осмотрят с ног до головы» (Интервью 11). Некоторые обрисовывали этот образ как некую идеальную модель, которая достижима: «В идеале РПЦ должна быть общедоступной, с низкой степенью формализованности. Священнослужители – это скромные по поведению люди, то есть, не лишенные благ цивилизации, просто сдержанные, с доброжелательным видом, понимающие и принимающие людей, не осуждающие и не критикующие» (Интервью 6).

В процессе фокус-групп мы попросили студентов семантически охарактеризовать РПЦ, и в основном получили неперсонифицированные характеристики: Пасха, золото, купола, Патриарх, церковная лавочка, свечи, иконы, батюшки, пение хора.

Подобные тенденции по результатам исследования представлений молодежи о РПЦ в 2007 г. описывает и Ф.А. Управителей, отмечая, что «необходим анализ того, насколько возможным представляется обществу собственное изменение и саморегуляция посредством РПЦ» [22. С. 531], указывая, что молодежь – это группа, потенциально влияющая на общественные изменения. Методы психосемантики и субъективной семантики, которыми пользовался автор (семантический дифференциал, направленный ассоциативный эксперимент), не так часто можно встретить в полевых исследованиях социологов. Между тем полученные данные позволяют говорить о том, что группа словоформ с семантикой «храмовые атрибуты» содержит 19,8% от общего числа словоформ; с семантикой «личные атрибуты» – 11,6%; со значением «оценка» – 8,8%; с семантикой «чины» – 6,8%; с собирательным значением «критика» – 6,5%; с семантикой «культовые действия» – 6%; с семантикой «трансцендентные категории» – 5,9%. Автор делает вывод, что «РПЦ в представлениях студентов и аспирантов является весьма монолитным образованием, и характеризуется позитивным оценочно-описательными категориями, нежели динамическими, хоть и указывает на потенциальную “силу” РПЦ» [22. С. 531]. Кроме этого, можно отметить, что «многообразие словоформ в группе «критика» указывает на то, что эта критика основана на личном опыте респондентов» [22. С. 531].

В ходе фокус-группы выяснилось, что студенты оценивают деятельность РПЦ в современном российском обществе и ее влияние на другие социальные институты противоречиво. С одной стороны, считают, что церковь должна влиять на культуру и выполнять функцию распространения образцов, передачи опыта. В семье может дать определенную модель и образцы поведения (назывались основные «семейные» таинства: венчание, крещение детей), обеспечить связь поколений. С другой стороны, с образованием, политикой, экономикой РПЦ не должна быть связана и не должна влиять на них, но и на нее не должно ничто влиять, так как церковь отделена от государства. Поэтому трансляцию церковных служб по центральным каналам молодежь воспринимает как политическую пропаганду: «...службу нужно показывать, но по специальным каналам», «...молиться нужно без камер».

Вместе с тем респонденты вспоминают, что на службах часто показывают высших лиц государства, а это способствует, по их мнению, объединению общества.

Проблемы РПЦ, названные студентами, были связаны, как правило, с конкретными лицами и случаями. Коммерциализация деятельности РПЦ, по их мнению, это одна из ведущих проблем. В этой связи приводили примеры, как работники церковной лавочки им отказывали в том, чтобы поставить свечу, купленную не в этой церкви, или не приняли записки о поминании без денег. В то же время выяснилось, что студенты недостаточно информированы об этой стороне жизни церкви: не знают, на какие деньги строятся и существуют храмы; сколько получают священники; что можно не связывать спасение души и деньги, так как главные таинства (исповедь и причастие) абсолютно бесплатны и доступны всем.

В ходе обсуждения конкретных фигур священнослужителей студенты часто указывали на примеры «некомпетентных батюшек», которые не смогли ответить на интересующие их вопросы. Проблема, по их мнению, кроется в недостаточной подготовке священников с точки зрения психологии, коммуникологии и других наук, связанных с общением.

За жизнью РПЦ молодежь наблюдает в основном в социальных сетях и оценивает ее по привычным для себя индикаторам: во что одеты священники, на каких машинах ездят, в каких домах живут. Вопросы собственно служения попадают в спектр внимания молодежи гораздо реже. Хотя и такие сюжеты назывались: сбор средств и помощь в исцелениях от болезней, социальная помощь малоимущим, выступления священнослужителей по отдельным социальным проблемам, восстановление храмов и т.д.

Все участники фокус-групп сошлись во мнении, что фигура Святейшего Патриарха Кирилла – определяющая и в РПЦ, и в обществе в целом. При этом в 2019 г., во время празднования 10-летия интронизации Святейшего Патриарха Кирилла, многие респонденты не увидели об этом материалов, зато нашли много фейковых сюжетов, которые вызвали интерес (Патриарх – это на самом деле другой человек, похожий на него и т.д.). Студенты сами отмечали, что негативные сюжеты могут быть связаны с провокацией с целью дискредитировать РПЦ.

Важный момент, на котором заостряют внимание студенты, это социальное служение и добровольчество внутри РПЦ, воспринимаемое ими как источник волонтерства – крайне важного для них понятия. В целом молодежь можно охарактеризовать как «поколение волонтеров», для которого важным условием существования является коллективная бескорыстная помощь другим. Интерес к этому типу деятельности неуклонно возрастает, о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Около 75% молодых россиян готовы участвовать в общественно полезной деятельности бесплатно или за символическую плату [23]. Согласно сведениям из источника «Росмолодежь», в 2017 г. число волонтеров среди молодого населения достигло 5 283 778 человек, что составляет около 3% населения России в целом, и около 20% молодежи в возрасте 15–29 лет [24].

Для сравнения показателей приведем данные кросс-культурного исследования, проведенного среди студентов вузов г. Волгограда С.С. Малявиной с точки зрения психологического подхода также методом фокус-групп в трех целевых группах: православных христиан, мусульман и атеистов с целью выявления ценностного отношения к религиозной культуре.

Так, в группе православных христиан автор фиксирует «номинативную религиозность», проявляющуюся в нежелании молодежи исполнять основы вероучения на практике, отсутствию влияния догм православия на конкретные поступки, удовлетворении статусом православного христианина без желания проявлять каким-либо образом эту принадлежность. С.С. Малявина, характеризуя эту группу как «наблюдателей за религиозной жизнью» – «...они рассуждают о религии, как о чем-то за пределами их жизни» [25. С. 93], – отмечает, что в своих рассуждениях православные студенты находятся на значительной социальной дистанции от других представителей этой религии, говоря о них в третьем лице и никак не отождествляя себя с ними.

Более перспективные для исследовательского поиска данные представлены по результатам интервью со студентами-атеистами, так как они демонстрируют высокий интерес к религиозной культуре в данной группе, практически сопоставимый с интересом у представителей определенной конфессии. В-первых, отмечается избирательное отношение к информации о религиозной культуре, поступающей из СМИ, которая рассматривается с позиции критики; во-вторых, не отрицая влияния религии на формирование собственного мировоззрения, студенты между тем считают, что для молодежи это неактуально, так как не влияет на характер поступков, выбор профессии, создание семьи и т.д. Многие из них, вероятно, были крещены в детстве (автор об этом не упоминает, но в ходе наших фокус-групп такой признак был обнаружен), но позднее отказались от исповедания религии по разным причинам, среди которых Малявина выделяет протест против социальных норм (активное противостояние в семье); деятельность СМИ (повышенное внимание к религии); предубеждения (считают верующих слабыми людьми и не хотят быть такими); личностные особенности; «мода» на научное понимание мира, которое якобы мешает возникновению веры. Автор делает вывод, с которым мы полностью согласны, о том, что заявленная группа также является номинальной, т.е. состоит из тех, кто в силу возраста не определился со своей религиозной культурой.

Тревожным моментом, на наш взгляд, является выявленная в нескольких исследованиях религиозности тенденция номинальности при самоопределении студенческой молодежи. Мы можем по-разному называть эти группы, но, по сути, они демонстрируют сходные позиции и установки по отношению к религии, главной из которых, на наш взгляд, являются отсутствие желания преобразовывать себя и окружающий мир. Противоречивой оказывается и роль семьи: с одной стороны, она является основным агентом религиозной социализации, с другой – становится источником внутреннего конфликта, бунта личности молодого человека, провоцирует желание противостоять семейным устоям. Это противоречие закономерно, так как самоопределение требует отказа от ранее усвоенных норм и правил и со временем становится источником нового этапа развития человека. Важно, чтобы в этот переломный момент молодой человек ощущал себя в контексте определенных культурных и религиозных норм, с которыми он может на данном этапе не соглашаться, а со временем прийти к ним.

В нашем исследовании зафиксирован так называемый эффект генерации [26], т.е. в основном люди указывают на события и изменения, происходившие в их юности: молодежь, выросшая в условиях религиозного ренессанса (начиная с конца 80-х гг. XX в.), теряет ценность самого обретения возможности свободного существования церкви, на первый план явно выходит тенденция «церковь существует для пожилых людей, так как раньше это запрещалось».

Молодежь показывает амбивалентное отношение к РПЦ: с одной стороны, высоко оценивает ее роль в истории нашей страны, указывая, что это один из важных факторов национальной идентификации, с другой – недооценивает ее роль в жизни современной России, считая основной задачей церкви только социальную помощь и поддержку, воспринимая ее как более понятную волонтерскую организацию.

Ключевое значение в формировании образа РПЦ для молодежи продолжает играть семья как основной институт первичной социализации, что при всех положительных моментах несет в себе и определенный вызов – молодежь по мере взросления может попасть в категорию «номинальных верующих», к которой сейчас относит себя большинство наших граждан.

«Приватное» отношение к РПЦ выходит на первый план как требование прямого контакта со священнослужителями и внимательного отношения к личным проблемам респондентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / ред. М.П. Мчедлов. М. : Ин-т социологии РАН, 2008. С. 62–85.
2. Тихомиров Д.А. Особенности религиозности московских студентов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 177–191. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.12.
3. Аринин Е.И., Петросян Д.И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 71–77.
4. Андреева Л.А., Андреева Л.К. Религиозность студенческой молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95–98.
5. Грашевская О.В. Исследование отношения студенческой молодежи к религии // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 5 (73). С. 57–68.
6. Бражникова А.Н. Отношение современной молодежи к религии // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2011. № 9 (79). С. 41–46.

7. Кузьмин В.П., Степашов Н.С. Уровень и характер религиозности студенческой молодежи в городе Курске (социологический анализа) // *Innova*. 2016. № 1 (2). С. 39–43. DOI: dx.doi.org/10.21626/innova/2016.1/10.
8. Соколова Н.И., Сосновских Е.Г. Религия глазами студентов Южно-Уральского государственного университета (по материалам социологического исследования) // *Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки»*. 2012. Т. 19. С. 187–188.
9. Nesmeyanov E.E., Olenich T.S., Plotnikov S.A. «Youth and orthodox» within the context of traditional culture values formation (on the base of social research «attitude of rostov region youth to russian orthodox church and the believers in the context of the support of traditional culture values») // *Научный альманах стран Причерноморья*. 2016. № 1 (5). С. 50–62.
10. Андриянова Т.В., Волгушева Е.В. Религия как один из факторов справедливости в современном обществе // *Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018»* : сб. материалов. М. : МАКС Пресс, 2018. С. 25–27. DOI 10.29003/m123.12.sr-2018.
11. Андриянова Т.В., Саркисян Р.А. Религиозные конфликты: взгляд молодежи // *Христианские ценности в изменяющемся мире: проблема выбора* : материалы XII Международных научно-образовательных знаменских чтений (28–31 марта 2015 г.). Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2016.
12. Кошарная Г.Б., Кошарный В.П. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2016. № 2 (38). С. 117–122. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-13.
13. Шюц А. О множественности реальностей / пер. с англ. А. Корбут // *Социологическое обозрение*. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34.
14. Berger P.L., Luckmann T. *Sociology of Religion and Sociology of Knowledge* // Birnbaum N., Lenzer G. (eds). *Sociology and Religion: A Book of Readings*. Englewood Cliffs, N.J. : Prentice-Hall, 1969 [1963]. P. 410–418.
15. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City; N.Y. : Anchor Books, 1967 [1966].
16. Luckmann Th. *Die Unsichtbare Religion*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1991.
17. Лукман Т. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» // *Социологическое обозрение*. 2014. Т. 13, № 1. С. 139–154.
18. Андреева Л.А. Трансформация христианства в XXI в.: феномен «южного христианства» // *Социологические исследования*. 2017. № 5. С. 76–83.
19. Global Christianity. December 2011. URL: <http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec> (дата обращения: 20.03.2019).
20. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. April 2015. URL: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections2010-2050> (дата обращения: 20.03.2019).
21. Луков В.А. Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013.
22. Управителей Ф.А. Представления молодежи о Русской Православной Церкви // *Психология XXI века : тезисы Междунар. межвуз. научн.-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых специалистов (19–21 апреля 2007 г., СПб.)*. СПб., 2007. С. 531–533. URL: <http://www.psy.spbu.ru/uploads/science/Psy-XXI/psy2007.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).
23. Нежина Т.Г., Петухова К.А., Четкина Н.И., Миндарова И.С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 3. С. 49–71.
24. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2017. С. 50–56.
25. Малявина С.С. Особенности ценностного отношения молодежи к религиозной культуре в среде современной молодежи (кросс-культурное исследование) // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2012. № 2.
26. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // *Социологические исследования*. 1992. № 2. С. 47–60.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 10 января 2020 г.

Religiosity of Students in the Region in the Context of the Russian Orthodox Church Image Formation: Main Trends and Contradictions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 109–117.

DOI: 10.17223/15617793/454/12

Tatyana V. Andriyanova, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: andriyanova.tv@gmail.com

Keywords: religion; religiosity; student youth; region; Russian Orthodox Church.

The article is devoted to the problem of religiosity of modern youth in the context of forming the image of the main religious institution of Russia—the Russian Orthodox Church. In the article, Orthodoxy is considered as a key characteristic of the object of study, since the overwhelming majority of Russians identify themselves with this category. The youth as an object of research, according to the author, has a number of characteristics that make it possible to predict the vector of development of religion in modern society. The author uses the “thesaurus model” of young people proposed by V. Lukov. The model indicates that the institutionalized world, little or not at all mastered by young people, requires some compensation in the form of certain actions they determine independently or that are predetermined by the primary group. The primary group in the study is the family and its role in shaping young people’s religiosity; the family holds the priority position in the self-assessment of religiosity. The works of Thomas Luckmann on “private” religion and the problem of the existence of religion and the church in a postindustrial society became the methodological basis of the research. The author conducted the study of the religiosity of the youth of the region in the context of the formation of the image of the Russian Orthodox Church in 2019. Respondents were 19- to 22-year-old students of Kursk, Russia. The methods used in the study were interviews, focus groups, and the analysis of secondary research data on similar topics with similar methods. The regional aspect allows attracting the necessary quality tools to expand the context of the issue under discussion and using comparative analysis. The contradictory trends identified during the regional study manifest themselves sufficiently at the level of the whole country. The study revealed four interrelated clusters: religion as the main social institution for the salvation of the soul; self-assessment of one’s own religiosity; the baptism of Russia and its role in the formation of the state; the image of the Russian Orthodox Church. Each of them touched upon the key topic of the study in its own way, presenting the field for the formulation of hypotheses and conclusions to the researcher. The key research results are: (1) the tendency of “nominal religiosity” in students’ self-determination; the “generation effect”, that is, basically people point to events and changes that occurred in their youth; (3) an ambivalent attitude to the Russian Orthodox Church: on the one hand, a high appreciation of its role in the history of the country, on the other hand, the perception of its role in the life of modern Russia in terms of social assistance and support as a more comprehensible volunteer organization; (4) for young people, the family continues to play a key role in shaping the image of the Russian Orthodox Church as the main institution of primary socialization; (5) a “private” attitude to the Russian Orthodox Church comes to the fore as a demand for direct contact with the clergy and an attentive attitude to the respondents’ personal problems.

REFERENCES

1. Toshchenko, Zh.T. (2008) Religioznaya identichnost' i byurokratiya [Religious Identity and Bureaucracy]. In: Mchedlov, M.P. (ed.) *Religiya v samosoznanii naroda (religioznyy faktor v identifikatsionnykh protsessakh)* [Religion in the Self-Awareness of the People (Religious Factor in Identification Processes)]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, pp. 62–85.
2. Tikhomirov, D.A. (2017) Features of Religiousness of Moscow Students. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 3. pp. 177–191. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.12
3. Arinin, E.I. & Petrosyan, D.I. (2016) Specifics of Students' Religiousness. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 71–77. (In Russian).
4. Andreeva, L.A. & Andreeva, L.K. (2010) Religioznost' studencheskoy molodezhi. Opyt sopostavleniya s religioznost'yu rossiyan [Religiosity of Students. The Experience of Comparison With the Religiosity of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 95–98.
5. Grashevskaya, O.V. (2014) Study of students' attitude to religion. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 5 (73). pp. 57–68. (In Russian).
6. Brazhnikova, A.N. (2011) Attitude of the Modern Youth to Religion. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 9 (79). pp. 41–46. (In Russian).
7. Kuz'min, V.P. & Stepashov, N.S. (2016) The Level and Nature of Religious Students in Kursk (Sociological Analysis). *Innova*. 1 (2). pp. 39–43. (In Russian). DOI: 10.21626/innova/2016.1/10.
8. Sokolova, N.I. & Sosnovskikh, E.G. (2012) Religion in the Eyes of the South-Ural State University (Based on the Results of the Sociologic Research). *Vestnik YuUrGU. Ser. "Sotsial'no-gumanitarnye nauki" – Bulletin of South Ural State University. Social Sciences and the Humanities*. 19. pp. 187–188. (In Russian).
9. Nesmeyanov, E.E., Olenich, T.S. & Plotnikov, S.A. (2016) "Youth and Orthodox" Within the Context of Traditional Culture Values Formation (On the Base of Social Research "Attitude of Rostov Region Youth to Russian Orthodox Church and the Believers in the Context of the Support of Traditional Culture Values"). *Nauchnyy al'manakh stran Prichernomor'ya*. 1 (5). pp. 50–62.
10. Andriyanova, T.V. & Volgusheva, E.V. (2018) [Religion as One of the Factors of Justice in Modern Society]. *Sotsial'naya nespravedlivost' v sotsiologicheskoy izmerenii: vyzovy sovremennogo mira* [Social Injustice in the Sociological Dimension: Challenges of the Modern World]. Conference Proceedings. Moscow: MAKS Press, pp. 25–27. (In Russian). DOI 10.29003/m123.12.sr-2018
11. Andriyanova, T.V. & Sarkisyan, R.A. (2016) Religioznye konflikty: vzglyad molodezhi [Religious Conflicts: A Young Perspective]. *Khristianskie tsennosti v izmenyayushchemsya mire: problema vybora* [Christian Values in a Changing World: The Choice Problem]. Proceedings of the International Conference. 28–31 March 2015. Kursk: Kursk State University.
12. Kosharnaya, G.B. & Kosharnyy, V.P. (2016) Triangulation as a Means Ensuring Validity of Empirical Study Results. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki – University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2 (38). pp. 117–122. (In Russian). DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-13.
13. Schütz, A. (2003) O mnozhestvennosti real'nostey [On Multiple Realities]. Translated from English by A. Korbut. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 3 (2). pp. 3–34.
14. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1969) Sociology of Religion and Sociology of Knowledge. In: Birnbaum, N. & Lenzer, G. (eds) *Sociology and Religion: A Book of Readings*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. pp. 410–418.
15. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1967) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, N.Y.: Anchor Books.
16. Luckmann, Th. (1991) *Die Unsichtbare Religion*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
17. Luckmann, T. (2014) An Afterword to the German Edition of the Invisible Religion. Translated from English. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 13 (1). pp. 139–154. (In Russian).
18. Andreeva, L.A. (2017) Christianity's Transformation in the 21st Century: The Phenomenon of the "Christianity of South". *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 76–83.
19. Pewforum.org. (2011) *Global Christianity. December 2011*. [Online] Available from: <http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec>. (Accessed: 20.03.2019).
20. Pewforum.org. (2015) *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050*. April 2015. [Online] Available from: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections2010-2050>. (Accessed: 20.03.2019).
21. Lukov, V.A. (2013) *Biosotsiologiya molodezhi: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya* [Youth Biosociology: Theoretical and Methodological Foundations]. Moscow: Moscow University for the Humanities.
22. Upravitelev, F.A. (2007) [Perceptions of the Russian Orthodox Church]. *Psikhologiya XXI veka* [Psychology of the 21st Century]. Abstracts of the International Conference. St. Petersburg. 19–21 April 2007. pp. 531–533. [Online] Available from: <http://www.psy.spbu.ru/uploads/science/Psy-XXI/psy2007.pdf>. (Accessed: 20.03.2019). (In Russian).
23. Nezhina, T.G., Petukhova, K.A., Chechetkina, N.I. & Mindarova, I.S. (2014) Motivation of Youth Participation in the Volunteer Movement. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 3. pp. 49–71. (In Russian).
24. Civic Chamber of the Russian Federation. (2017) *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2017 god* [Report on the Status of Civil Society in the Russian Federation for 2017]. Moscow: Civic Chamber of the Russian Federation. pp. 50–56.
25. Malyavina, S.S. (2012) Features of the Valuable Attitude to Religious Culture Among Contemporary Youth (Cross-Cultural Studies). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 2. (In Russian).
26. Schuman, H. & Scott, J. (1992) Kollektivnaya pamyat' pokoleniy [Generations and Collective Memory]. Translated from English. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 47–60.

Received: 10 January 2020

М.В. Подрезов

АВСТРИЯ КАК ОБЪЕКТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\19.

Политические взгляды выдающегося русского писателя Ф.М. Достоевского слабо изучены в отечественной и мировой науке. В силу этого в рамках данной статьи рассматриваются его геополитические представления на место Австро-Венгрии в мировой политической системе. На основе анализа публицистики, записных книжек и тетрадей выделяются пять образов Австрии, среди прочего репрезентирующих прошлое, настоящее и будущее «лоскутной империи» в контексте идейных воззрений писателя, предрекавшего крах данного государства.

Ключевые слова: Достоевский; Австрия; геополитика; Дневник писателя; Меттерних; Балканы.

Федор Михайлович Достоевский – это не только выдающийся российский писатель, публицист и философ, но и геополитик, при этом его последняя ипостась остается слабоизученной. Пользуясь терминологией известного американского политолога Збигнева Бжезинского, геополитическая «шахматная доска» Достоевского представляется сложным и многослойным конструктом, включающим противостояние народов и государств, культурно-исторических общностей, микро- и макрорегионов вплоть до антагонизма между Востоком и Западом. В рамках настоящей статьи была предпринята попытка воссоздать образ и место одной из таких «шахматных фигур» – Австрийской империи (Австрии, Австро-Венгрии), дабы сделать еще один шаг на пути создания целостной ментальной карты писателя.

Образ стран и народов, отношение Достоевского к ним – это одна из сквозных тем всего его творчества, чему посвящены многочисленные исследования, но лишь небольшая часть тем получила должное осмысление и освещение. Традиционно пристальное внимание уделяется «славянскому миру». Среди современных авторов данную проблему разрабатывали Е.Г. Новикова [1], А.А. Казаков [2], А.Н. Павленко [3], В.С. Киселев [4], А.И. и Н.Г. Щербинины [5] и многие другие. Тесным образом связаны с этой темой исследования «восточного вопроса», чему посвящали свои труды, в частности, С.Р. Шаваринская [6], Е.Г. Постникова [7], С.И. Иванова [8] и др. Среди других популярных проблем, разработанных в литературе, выделяется отношение Достоевского к полякам и евреям. Как правило, данные работы ограничиваются анализом суждений писателя о народе, минуя обращение к образу страны и региона [9]. Среди многочисленных исключений выделим работу М.В. Подрезова [10], реконструирующую образ Польши на воображаемой карте мира писателя; статью П.В. Алексеева [11], написанную совместно с Э. Биллитом, а также его монографию [12], в которой предпринята попытка воссоздать часть геополитической карты Федора Михайловича, сформировав на ней образы Востока, Китая, Сибири и Алтая.

В основу работы положены теоретические представления о символическом картировании мира, обоснованные А.И. и Н.Г. Щербиниными, выражаю-

щиеся в следующем виде: «Это своеобразная визуальная форма, имеющая видимость картинки или словесное описание в виде карты, содержащая в себе особую ментальную схему. Ментальная карта в данном случае репрезентирует креативный ментальный образ, который не относится к моделированию объективного мира. Ментальная карта мира воображения является и путеводителем по одному из феноменов мира политики [13. С. 60–61]. Исходя из данной позиции, в настоящей статье происходит воссоздание карты Австрийской империи в творчестве Ф.М. Достоевского посредством анализа его публицистики, записных книжек и тетрадей, на основе которого было выделено пять кейсов: 1) канцлер Клеменс фон Меттерних и его политика как репрезентация сущности Австрии; 2) Австрия как «младший брат» Пруссии, а впоследствии – Германской империи; 3) Австрия, противостоящая, с одной стороны, Германии, а с другой – России; 4) Австрия в качестве «помощника» и «покровителя» / «коварного завоевателя» южных славян; 5) Австрия, находящаяся в «самом выгодном геополитическом положении», или конец «лоскутной империи»? Рассмотрим каждый указанный кейс.

Кейс первый – канцлер Клеменс фон Меттерних и его политика как репрезентация сущности Австрии. Достоевский в целом пренебрежительно относился к Австрии разных периодов, однако политика канцлера Меттерниха – самая ненавистная для Федора Михайловича. Достоевский не мог простить изменение политики Вены и Берлина после Наполеоновских войн: «Пруссия и Австрия (которых Россия освободила от Наполеона I) сразу же после войны приписали всю честь побед, а после и вовсе заявили, что победили сами, а Россия лишь мешала» [14. Т. 1. С. 346–347]. Более того, согласно Достоевскому эта Австрия коварна, а также абсолютно неблагодарна России за то, что последняя спасла ее в конфликте с венграми, предотвратив распад империи в 1849 г. В этом вся Австрия Меттерниха – расчетливая, проводящая политику из «высших и реальных государственных целей», что диссонирует с идеалами Достоевского, где лучшая «политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб ее интересам» [14. Т. 1. С. 435–436]. В отличие от России, у которой никогда не было своих Меттернихов и Би-

консильдов, а живущей «не для себя, а для чужих, именно “общечеловеческих интересов”» [14. Т. 2. С. 58]. Несмотря на то что Достоевский часто в негативном ключе высказывался об австрийской политике и личности Меттерниха, величие этой персоны он отчасти признавал: «Князь Меттерних считался одним из самых глубоких и тончайших дипломатов в мире и уж бесспорно имел всеевропейское влияние. А между тем в чем была его идея, как понял он свой век, в его время лишь начинавшийся, как предчувствовал он грядущее будущее? Увы, он со всеми основными идеями начинавшегося столетия решил справиться полицейским порядком и вполне был уверен в успехе! Посмотрим теперь на князя Бисмарка, вот этот так уж бесспорно гений, но...» [14. Т. 2. С. 172]. Можно подытожить сказанное следующей цитатой Федора Михайловича: «Время ли Венского конгресса и вообще эпохи конгрессов может быть предметом нашей “гордости”? То ли время, когда мы, служа Меттерниху, подавляли национальное движение в Италии и Германии и косились даже на единоверных греков? И какую ненависть нажили мы в Европе именно за это “служение”» [14. Т. 2. С. 478]. Заключая, отметим, что образ Австрии, особенно старой, часто олицетворяется с образом Меттерниха, по аналогии в более позднее время с образами Бисмарка и Германии. Вместе с тем любопытно, что Достоевский вообще не вспоминал о наличии у Австрии императоров Фердинанда или Франца Иосифа, лишь в контексте «продолжаются личные свидания монархов» [14. Т. 1. С. 411].

Кейс второй – Австрия как «младший брат» Пруссии, а впоследствии – Германской империи. Впервые на данную тему Ф. М. Достоевский заговорил на страницах своей «Записной тетради» за 1864–1865 гг., где писатель отметил, что по результатам многолетней борьбы между Данией, Австрией и Пруссией за земли Шлезвиг и Гольштейн (присоединение которых часто называется первым этапом создания Германской империи), Австрии суждено стать «младшим братом» в союзе с Пруссией [15. С. 273], хотя подобное утвердится лишь после Австро-пруско-итальянской войны 1866 г. Любопытно, что кризис в отношениях между двумя государствами и сам военный конфликт остались в стороне от внимания Федора Михайловича. Ключевые суждения по данному вопросу высказаны Достоевским в статье «Нечто о политических вопросах», где в ответе-реакции писателя на нелестные по отношению к России слова австрийского наместника Далмации барона Г. Родича, используя простой, но эффектный прием (запись ответа в виде якобы речи самого Родича, показывает, что, по его мнению, представляет Австрия с точки зрения ее собственных политиков), содержатся примечательные идеи. Берлин является надежным союзником Вены, ее патроном, который не позволит разделаться России с Австрией, даже если она будет способна это сделать при этом усилиться перед Германией она не сможет даже в том случае, если присоединит к себе южнославянские территории [14. Т. 1. С. 344–345].

Кейс третий – Австрия, противостоящая с одной стороны, Германии, а с другой – России. Достоевский еще в «Записной тетради» за 1864–1865 гг. отмечал, что приближающийся раздел Османской империи

между Англией, Францией и Россией неизбежно приведет к вражде между последней и Австрией [15. С. 243], а также ставит под сомнение долгосрочное существование австро-пруско-германского союза, так как, по мнению Федора Михайловича, после силового создания Пруссией единого Германского государства она непременно попытается включить Австрию в состав нового государства [15. С. 244, 284]. По словам писателя, Германия хочет забрать у Австрии не только ее немецкие земли, но и «слишком уж цивилизованных славян-чехов, которые могут впоследствии превратиться в немцев» [15. С. 517]. Он также часто противопоставляет Россию и Австрию, в частности со следующих позиций: «Россия народна, что Россия не Австрия, что в каждый значительный момент нашей исторической жизни дело всегда решалось народным духом и взглядом, царями народа в высшем единении с ним» [14. Т. 2. С. 83]. В то же время Достоевский опасался, что Россия уступит международному давлению, хотя, по его мнению, это несправедливо: «Австро-Венгрия смела говорить, что Россия ее боится. Да Россия не боится и всего их союза, т.е. Франции, Англии, Австрии и Турции. Теперь она с ними разделается, только бы мы остались в дружбе с Германией» [15. С. 584].

Кейс четвертый – Австрия в качестве «помощника» и «покровителя» / «коварного завоевателя» южных славян. Пристальное внимание к Австрии появляется у Достоевского в разгар Балканского кризиса, при этом она даже в редких случаях удостоивается защиты с его стороны. Так, писатель признавал за Австрией некое «благородство» за отпущение провинанта для Черногории во время Герцеговинского восстания [15. С. 370]. В то же время Достоевский признавал, что Австрия имеет корыстной целью заполучить южнославянские земли, но их судьба незавидна: «Представить себе только, что славяне попадут под власть Австрии, и она, первым делом начнет их онемечивать, и даже потеряв уже свои немецкие владения» [14. Т. 1. С. 344–345]. Безусловно, начало сербско- и черногоро-турецких войн Федор Михайлович не мог обойти стороной, прогнозируя победу славян, но с оговоркой: «Если те раскатают Турцию, что, несомненно, то дадут ли им что-нибудь приобрести. (Австрия) – Россия» [14. С. 547]. Более того, иногда Достоевский прямо обвинял Австрию в помощи Турции деньгами, оружием и людьми [14. Т. 1. С. 418], хотя европейская пресса сообщала о пожертвованиях множества миллионов гульденов на содержание беженцев [14. С. 444], что сам писатель ставил под большое сомнение [14. Т. 2. С. 45]. В целом он стоит на позициях, что Австрия мечтает присоединить к себе славянские земли, поэтому вопрос о будущности славянских государств был актуален: «...расширится ли наконец в границах своих Сербия или Австрия тому воспрепятствует, в каком объеме явится Болгария, что станет с Герцеговиной, Боснией» [14. С. 360].

Кейс пятый – Австрия, находящаяся в «самом выгодном геополитическом положении», или конец «лоскутной империи»? Данный вопрос является одним из самых спорных в представлениях Достоевского, так как имеет целый ряд аргументов в обе пользы.

Так, он отмечал, что неудачи русской стратегии способствовали оживлению и ободрению Австрии, до сих пор питавшей «некоторую досаду против Пруссии» [14. С. 279]. По мнению Федора Михайловича, в Берлине опасались Австрии, справедливо полагая, что последняя питает «старые обиды», связанные с потерей главенствующей роли в немецкоязычном мире, а также способна создать «католическую и антипрусскую лигу», в которую помимо Франции могли бы включиться и южные регионы самой Германской империи, и «даже Англия» (хотя и протестантская). Дополняя тем, что Германия находится без поддержки своего естественного союзника – России, Достоевский заключал: «И если теперь в мире государство в самом выгодном внешнеполитическом положении, то это именно Австрия» [14. С. 279–286]. В то же время писатель отмечал, что в Австрии существует множество серьезных проблем: народные волнения и недовольства, венгерские манифестации, англо-мадьяропольский заговор, опасения со стороны славянской части населения и т.д. [14. С. 286–290], но Вена уверовала, что ничего не произойдет на Востоке без учета ее мнения. Почему она так считала, по мнению Достоевского? Ситуация сложилась таким образом, что противостояние между Францией и Германией поставило в самое выигрышное положение Австрию, которой любая из сторон будет безмерно благодарна даже за какой-нибудь нейтралитет. Федор Михайлович отмечает: «...подарков и гостинцев обещано ей множество, и это несомненно, так что она совершенно уверена, что останься она в союзе с Германией, в случае войны ее с Францией, то получит за это... много. И всего за какой-нибудь нейтралитет, за то только, что посидит какие-нибудь полгода смирно на месте, в ожидании награды за доброе свое поведение, – вот что ведь всего приятнее!» [14]. Достоевский идет дальше, заключая, что, поддержав Францию (и в случае ее победы), Австрия будет способна создать две Германские империи – католическую и протестантскую, после чего сможет разделаться и с внутренними проблемами и неудобствами, в частности с «дуализмом» [14]. Но все же время шло, и данное положение Австрия вновь стала терять. Поэтому после окончания Русско-турецкой войны Достоевский кардинально меняет свой прогноз, касающийся будущего Австрии: «выберем минутку такую в Европе, вроде франко-прусской войны, и когда притом сама собой затрещит Австрия» [15. С. 688], но в то же время: «мы с Австрией, пока она с Германией вкупе, ничего не сделаем, несмотря на все их наглости» [15. С. 693].

В заключение хотелось бы отметить ряд следующих суждений, касающихся определения места Австро-Венгрии на воображаемой карте мира Ф.М. Достоевского. Безусловно, писатель оценивал Австрийскую империю в первую очередь по отношению к России, что является наиболее важной линией его публици-

стики. В рамках этого ответ очевиден: Австрия для России – это враг как с геополитической (борьба за один и тот же регион влияния), так и с идейной (столкновение православия и католичества) точек зрения. В данном случае Достоевский весьма категоричен, не рассматривая всерьез и не обращая внимания даже на некоторые взаимоотношения между Австрией и Пруссией (Германией). Достоевский констатирует принятие роли «младшего брата» Австрией с середины 1860-х гг. по отношению к резко усилившейся Пруссии. Федор Михайлович скептически по отношению к прочности их союза по целому ряду причин: во-первых, непримиримая вражда между католичеством и протестантством; во-вторых, Германская империя желала включить немецкоговорящие территории Австрии в свой состав, в то же время Австрийская империя была бы не прочь включить в состав южногерманские территории, преимущественно католические и более близкие в языковом плане австрийцам; в-третьих, германские устремления по расширению сферы влияния (особенно в борьбе с Францией или Россией) ставили в необходимость иметь Австрию в качестве союзника, что позволяло Вене «торговаться» с соперниками. В целом Достоевский преимущественно относился к Австрии предвзято и с негативной точки зрения. Это можно отнести как к суждениям о евреях и мадьярах, например, «Ну, что спрашивается, поймет в этой картине немец или венский жид (Вена, как и Одесса, говорят, вся в жидях)?» [14. Т. 1. С. 123], так и к Австрии как стране – коварной, расчетливой и полной «деструктивных элементов».

Достоевский также отвечает и на вопрос о будущем Австро-Венгрии на геополитической карте мира. Согласно его представлениям, Австрия – один из «главных кандидатов» на исчезновение, разумеется, после Турции: «...чуть не на ладан дышит, развалиться хочет, точно такой же “больной человек”, как и Турция, да, может быть, и еще того плоше. Это образец всевозможных дуализмов, всевозможных внутри себя враждебных соединений, народностей, идей, всевозможных несогласий и противоречивых направлений: тут и венгры, тут и славяне, тут и немцы, тут и царство жидов» [14. Т. 2. С. 178]. Заключая отметим, что аналогичная участь, по мнению Федора Михайловича, ждет большинство европейских держав, которые рухнут из-за неудовлетворенных стремлений низших подданных, кроме России, так как наш народ всем доволен [14. Т. 1. С. 346–347]. В схожих суждениях на полях других работ Достоевский также прогнозировал образование двух европейских сил (вместо пяти существовавших). Иными словами, враги не только окружают Австрию на европейской карте, но и раздирают ее изнутри, представляя собой, по мнению писателя, классическое толкование «лоскутной империи», участь которой предрешена, несмотря на некоторые синомоментные преимущества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новикова Е.Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 44–51. DOI: 10.17223/24099554/5/3
2. Казаков А.А. «Защитники братьев-славян» и полемика о них в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого и «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 52–63. DOI: 10.17223/24099554/5/4
3. Павленко А.Н. Утопия «панславизма» и его критика Ф.М. Достоевским // Культура и цивилизация. 2016. № 1 (3). С. 46–57.

4. Киселев В.С. Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX в. // Русин. 2015. № 3 (41). С. 108–127. DOI: 10.17223/18572685/41/8
5. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302. DOI: 10.17223/18572685/54/17
6. Shavarinskaya S.R. Dostoevsky and Leo Tolstoy: Dialogue on Russian-Turkish War of 1877–1878 years // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 5. С. 142–145.
7. Постникова Е.Г. Достоевский и политическая мифология его эпохи (восточный вопрос) // Достоевский и современность : материалы XXI Междунар. Старорусских чтений 2006 года / отв. ред. В.В. Дудкин; сост. Н.Д. Шмелева. Великий Новгород : Новгород. гос. объединенный музей-заповедник, 2007. С. 245–258.
8. Иванова С.И. Ф.М. Достоевский: взгляд на «восточный вопрос» // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2018. № 3 (20). С. 43–48.
9. Углик Я. Образ поляков в романах и публицистике Ф.М. Достоевского // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 37. С. 136–149.
10. Подрезов М.В. Идеиные воззрения Ф.М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 170–176. DOI: 10.17223/1998863X/49/17
11. Alekseev P.V., Billiet E. The image of Germany in a Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 67–79. DOI: 10.17223/24099554/9/5
12. Алексеев П.В. Ф.М. Достоевский и Восток. Горно-Алтайск : Горно-Алт. гос. ун-т, 2017. 152 с.
13. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // Русин. 2016. № 4 (46). С. 56–72. DOI: 10.17223/18572685/46/5
14. Достоевский Ф.М. Дневник писателя : в 2 т. М. : Книжный Клуб 36.6, 2011.
15. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881 гг. / под ред. И.С. Зильберштейна, Л.М. Розенблюм. М. : Наука, 1971. 727 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 8 апреля 2020 г.

Austria as an Object of the Geopolitical and Ideological Views of Fyodor Dostoevsky

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 118–122.

DOI: 10.17223/15617793/454/13

Mikhail V. Podrezov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mvpodrezov@gmail.com

Keywords: Dostoevsky; Austria; geopolitics; *A Writer's Diary*; Metternich; Balkans.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020\19.

Fyodor Dostoevsky and his works are of considerable interest to both Russian and foreign researchers. At the same time, certain issues have practically not been considered in historiography. In particular, his geopolitical ideas were reduced mainly to a discussion of the pressing Eastern Question. In the framework of this article, attention is focused on Austria-Hungary, one of the key states in the world politics of the 19th century. The methodological basis of the work is the ideas of subjectivism and the possibilities of a symbolic mapping of the world realized through the creation of a certain picture or a verbal description of the map based on the mental schema, which is theoretically justified in Russian political science. In the framework of this study, this model was applied to recreate an imaginary map of Austria-Hungary in Dostoevsky's *A Writer's Diary* and notebooks. An analysis of the specified materials made it possible to identify five cases that reveal the image of Austria-Hungary in Dostoevsky's work: Chancellor Klemens von Metternich and his policy as a representation of the essence of Austria; Austria as the “younger brother” of Prussia/the German Empire; Austria as opposing Germany, on the one hand, and Russia, on the other; Austria as a “helper” and “patron”/“treacherous conqueror” of the southern Slavs; Austria as located in the “most advantageous geopolitical position”, or the end of the “patchwork empire”. The elaboration of each of the cases made it possible to come to a number of interesting conclusions regarding the representation of Austria-Hungary as an object of Dostoevsky's geopolitical and ideological views. Dostoevsky sees Austria-Hungary primarily from the perspective of an antagonist of the Russian Empire, for which Vienna is one of the main geopolitical (struggle for the Balkans and southern Slavs) and ideological (Orthodoxy against Catholicism) enemies. On Dostoevsky's imaginary map, Austria is surrounded by enemies and even Germany is only a temporary ally, since there are contradictions between them at the civilizational level (Catholicism against Protestantism). In addition, Berlin and Vienna see too many desirable territories owned by each other: the German-speaking territories in Austria-Hungary for the former, and the South German Catholic territories in the German Empire for the latter. In summary, it can be stated that Austria-Hungary ultimately represents a classic “patchwork empire”, full of disparate elements, which allows Dostoevsky to predict its quick collapse, despite some current achievements obtained thanks to the fast new battle between France and Germany, the instability of Russia's positions, as well as the final weakening of the “sick man of Europe”.

REFERENCES

1. Novikova, E.G. (2016) “Western Slavs” in A Writer's Diary by F.M. Dostoevsky in the Time of the Russo-Turkish War of 1877–1878. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (5). pp. 44–51. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/5/3
2. Kazakov, A.A. (2016) “Defenders of Brother Slavs” and the Controversy About Them in L.N. Tolstoy's Anna Karenina and F.M. Dostoevsky's A Writer's Diary. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (5). pp. 52–63. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/5/4
3. Pavlenko, A.N. (2016) Utopia of “Pan-Slavism” and Its Critics by F. M. Dostoevsky. *Kul'tura i tsivilizatsiya – Culture and Civilization*. 1 (3). pp. 46–57. (In Russian).
4. Kiselev, V.S. (2015) Pan-Slavism and Construction of National Identity in Russian and Polish Literature of the XIX Century. *Rusin*. 3 (41). pp. 108–127. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/8
5. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2018) Mapping the Slavic World in the Diary of a Writer by F.M. Dostoevsky. *Rusin*. 4 (54). pp. 292–302. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/17
6. Shavarinskaya, S.R. (2012) Dostoevsky and Leo Tolstoy: Dialogue on Russian-Turkish War of 1877–1878 years. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*. 18 (5). pp. 142–145. (In Russian).
7. Postnikova, E.G. (2007) [Dostoevsky and the Political Mythology of His Era (The Eastern Question)]. *Dostoevskiy i sovremenost'* [Dostoevsky and Modernity] Proceedings of the 21st International Old Russian Readings 2006]. Velikiy Novgorod: Novgorod. Gos. ob'edinennyy muzey-zapovednik. pp. 245–258.

8. Ivanova, S.I. (2018) F.M. Dostoevskiy: vzglyad na "vostochnyy vopros" [F.M. Dostoevsky: An Opinion on the "Eastern Question"]. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*. 3 (20). pp. 43–48.
9. Uglich, Ya. (2011) Obraz polyakov v romanakh i publitsistike F.M. Dostoevskogo [The Image of the Poles in F.M. Dostoevsky's Novels and Journalism]. *Toronto Slavic Quarterly*. 37. pp. 136–149.
10. Podrezov, M.V. (2019) Fyodor Dostoevsky's Ideological Views on the Place of Poland in Russia and in the World. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 49. pp. 170–176. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/17
11. Alekseev, P.V. & Billiet, E. (2018) The Image of Germany in A Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 9. pp. 67–79. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/9/5
12. Alekseev, P.V. (2017) *F.M. Dostoevskiy i Vostok* [F.M. Dostoevsky and the East]. Gorno-Altaysk State University.
13. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2016) "Charting" Slavdom as an Imaginary Construct. *Rusin*. 4 (46). pp. 56–72. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/5
14. Dostoevskiy, F.M. (2011) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [A Writer's Diary: In 2 Volumes]. Moscow: Knizhnyy Klub 36.6.
15. Zil'bershteyn, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) (1971) *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi. 1860–1881 gg.* [The Unpublished Dostoevsky. Notebooks. 1860–1881]. Moscow: Nauka.

Received: 08 April 2020

ИСТОРИЯ

УДК 327

С.А. Бокерия

КОНЦЕПТ «БЕЗОПАСНОСТЬ–РАЗВИТИЕ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИКС

Представлено исследование, посвященное анализу использования концепта «безопасность–развитие» в деятельности БРИКС. Целью статьи является выявление основных подходов БРИКС к интерпретации связки на основании анализа итоговых документов организации, изданных в ходе девяти саммитов (2009–2017 гг.). Анализ показывает эволюцию подходов объединения к данной проблематике и отражает те аспекты безопасности и развития, которые необходимо доработать БРИКС, чтобы укрепить свои позиции в мировой политике.

Ключевые слова: БРИКС; международная безопасность; саммит; концепт «безопасность–развитие»; конфликты.

Связка «безопасность–развитие» стала активно упоминаться в международно-политическом дискурсе начиная с 2000-х гг., вызывая многочисленные дебаты среди академических кругов в разных странах мира. Данный концепт стал термином, который составлен из ранее известных понятий, но в то же время представляющим новую категорию в политическом лексиконе. Уникальность связки в том, что ее возникновение обусловлено переосмыслением военных конфликтов 1990-х гг., вызвавших «девелопментализацию безопасности», и терактов в США 11 сентября 2001 г., которые привели к интенсификации борьбы с «глобальным злом», т.е. терроризмом, и к «секьюритизации развития».

Однако в то время связка использовалась не так часто в англоязычных научных работах и статьях. По данным *GoogleScholar*, с 1990–2001 гг. связка «безопасность–развитие» (для поиска автором были использованы ключевые слова «*security-development nexus*») цитировалась всего лишь 16 раз, что говорит о том, что данный концепт только начал осмысливаться в академической среде. Если проанализировать динамику использования связки за последние 10 лет, то в 2008 г. к анализу концепта обращались 136 раз, в 2009 г. – 158 раз, в 2010 г. – 190 раз, в 2011 г. – 197 раз. Пиковое значение цитирований отмечено в 2016 г. (319 раз). За последние 10 лет зарубежные авторы исследовали связку в международных отношениях примерно около 200 раз – каждый год с 2008 по 2017 г., что свидетельствует о стабильном научном интересе к анализу данного конструкта и его влияния на глобальную политику и экономику. Однако в 2017 г. обозначилось небольшое, но снижение цитирования (рис. 1).

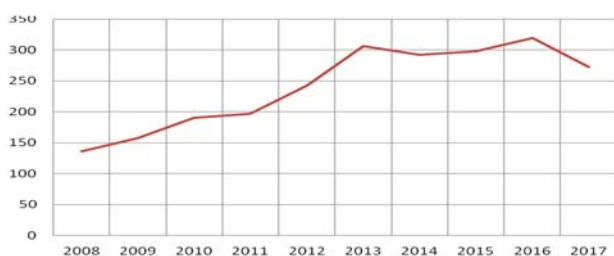

Рис. 1. Динамика цитирований связки «безопасность–развитие» в англоязычных исследованиях за последние 10 лет (2008–2017 гг.). Источник: составлено автором на основе данных ресурса *GoogleScholar*

На рис. 1 отображена динамика цитирования связки «безопасность–развитие» среди англоязычной научной литературы (статьи, диссертации, монографии, отчеты и т.д.) за 10-летний период с 2008 по 2017 г. Огромное влияние на ее укоренение в международно-политической картине мира оказало появление концепции «личностной безопасности» [1. С. 80], официально закрепленной в «Докладе о развитии человека» (ДРЧ) ПРООН [2] в 1994 г. и ставшей ключевым фактором соединения двух терминов «безопасность» и «развитие» в одном концепте. Это обусловлено тем, что комплексный характер понятия «личностная безопасность» заключается во взаимосвязи между установлением мира, защитой прав человека, проблематикой развития и другими областями, имеющими непосредственное отношение к взаимозависимым проблемам, проработке новых стратегий на местном, региональном и глобальном уровнях, а также активизации сотрудничества государств и международных организаций [3].

Кроме того, в ДРЧ от 1994 г. был введен термин безопасности человека как «свободы от страха» и «свободы от нужды», а также «защищенности от хронических угроз» (голода, болезней, репрессий, угроз повседневной жизни). Доклад объединил концепции безопасности человека и развития человека, в нем эти идеи осмысливаются по-разному. Если первое понятие относится к расширению свобод человека, то второе – к защите от угроз жизненно важных свобод индивидуума.

В результате появления концепции «личностной безопасности» произошел перенос акцента с защиты национальных границ государства на обеспечение сохранности личности, тем самым сформировался новый контекст для рассмотрения международного дискурса безопасности как в мировой повестке дня, так и со стороны государства, призванного расширить привычные понятия об установлении безопасности, которые были тесно связаны до популяризации концепции преимущественно с защитой границ в качестве основ национальной обороны.

Инициатор появления ДРЧ и Индекса развития человеческого потенциала, известный экономист из Пакистана Махбуб-уль-Хак, на конференции в Гааге 16 марта 1996 г. отметил, что концепция безопасности изменится и будет интерпретироваться как «безопас-

ность людей, а не территории», «безопасность индивидуумов, а не только наций», «безопасность через устойчивое развитие, а не посредством оружия» [4]. Позже первый тезис найдет обоснование в работах Мэри Калдор [5] и Эндрю Мака, которые сконцентрировались на исследовании прямых угроз физической безопасности человека: от вооруженных конфликтов, нарушений прав человека и организованной преступности. С точки зрения М. Калдор, развитие понимается как индивидуальная безопасность, не основанная на защите государственных границ, показателях ВВП, экономическом росте или макроэкономической стабилизации, но на подходе, который объединяет партнерство, местную собственность, взаимодействие с гражданским обществом и гендерную чувствительность [6. Р. 193].

Тезис «безопасность через устойчивое развитие» стал олицетворением «девелопментализации безопасности» как следствие расширения проблематики безопасности в междисциплинарном контексте. В данном случае под развитием понимается экономическая помощь развивающимся государствам с целью содействия их развитию [1, 7]. Терракты 11 сентября 2001 г. в США привели к «секьюритизации безопасности», когда проблемы отставания в экономическом развитии стали одной из основных причин террористических атак и угроз национальной безопасности. С одной стороны, эти события дали импульс проектам по содействию международному развитию «нестабильных» государств, с другой – интенсифицировали научный поиск и исследования, посвященные взаимосвязи «безопасности» и «развития» в границах одного концепта.

В 2005 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан на встрече лидеров стран и правительств отмечает, что «у человечества не будет безопасности без развития, оно не будет пользоваться благами развития без безопасности, и оно будет лишено и того, и другого без уважения прав человека» [8]. Официальное закрепление данного концепта в рамках деятельности ООН интенсифицировало научные исследования связки, а также академическую полемику, которую можно свести к двум основным вопросам: 1) является ли концепт «безопасность–развитие» необходимой категорией в международных отношениях; 2) в чем суть данного конструкта, каков характер взаимосвязи двух составляющих в связке, каково содержание концепта, учитывая, что нет единого прочтения понятий «безопасности» и «развития» по отдельности. В результате данной полемики открытым остается вопрос – является ли связка в большей степени политической ангажированной или гуманитарной?

На данное время можно выделить два основных вектора в дискуссиях среди академического сообщества: 1) критический, связанный с асимметричностью терминов в составе связки «безопасность–развитие». До сих пор нет определенности в вопросах о том, какой пул проблем включает в себе эта связка и какая составляющая в связке доминирует. Кроме того, многие критики конструкта подкрепляют свои скептические тезисы о том, что не определены содержание и единое толкование понятий, составляющих связку

(Б. Хеттне [9], Дж. Спелар и П. Уильямс [10]); 2) идеалистский, в основе которого лежат суждения о тесной связи основных компонентов внутри концепта. В то время как одни исследователи обосновывают важность безопасности как основного условия для развития, другие – настаивают на развитии как необходимости для установления долгосрочной безопасности [11]. А.Д. Урсул пишет, что «безопасность всегда ориентирована на сохранение объекта, а развитие – на его изменение» [7].

В отечественной литературе комплексное рассмотрение эволюции концепта «безопасность–развитие» представлено в статье В.И. Бартенева, опубликованной в журнале «Международные процессы». В ней автор трактует данный концепт как «дискурсивную инновацию» [1]. Исследователь А.Д. Урсул в своих работах под связкой понимает только «взаимосвязь понятий “безопасность” и “развитие”» [7], Н.В. Юдин называет этот концепт «феноменом» [12], исследователи Дж. Соренсен и Ф. Содербаум [13. Р. 12–13] под связкой понимают способ «легитимизации более радикальной интервенционистской повестки дня», Ф. Брэнтнер отмечает, что под связкой скрываются «подозрительные концепции» [14. Р. 32].

Однако несмотря на теоретическую неопределенность содержания связки, ей посвящают отдельные выпуски такие авторитетные цитируемые журналы, как *Third World Quarterly* и *Security Dialogue*. Ряд научно-исследовательских учреждений занимаются ее исследованием: Международный институт мира, Берлинский центр международной безопасности и развития, Стокгольмский институт изучения политики в области безопасности и развития и др. Кроме того, в некоторых известных университетах мира преподаются специализированные курсы по данной проблематике: Университет им. Дж. Вашингтона, Университет Сассекс и Джорджтаунский университет, Университет Ланкастера, Бирмингемский университет, Университет Квинсленда и др.

Целью статьи является выявление основных подходов БРИКС к интерпретации концепта на основании анализа итоговых документов организации по завершении девяти саммитов (с 2009 по 2017 г.). К числу основных задач исследования относятся: 1) осмысление концепта «безопасность–развитие» в сфере международных отношений; 2) исследование проблематики саммитов БРИКС, оценка динамики изменений повестки дня; 3) определение роли связки «безопасность–развитие», а также отдельных понятий «безопасность» и «развитие» в деятельности БРИКС на основе анализа их упоминаний в итоговых документах за девять лет (2009–2017 гг.).

Проведенный анализ показывает не только эволюцию подходов объединения к данной проблематике, но и отражает те аспекты безопасности и развития, которые необходимо доработать БРИКС, чтобы укрепить свои позиции в глобальной политике и экономике, а также скоординировать целевые программы организации, тренинговые страновые программы БРИКС с целью достижения оптимального результата деятельности.

На формирование повестки дня международной организации, в нашем случае БРИКС, оказывают влияние неправительственные акторы (посредством созданной БРИКС деловой платформы и аналитических центров), иные международные организации (в частности, ООН), гражданское общество (через мероприятия на полях саммитов БРИКС), средства массовой информации (путем позиционирования в медиаконтенте БРИКС, ее сильных и слабых сторон, оценки деятельности), внутренние принципы функционирования коалиции (переходящее председательство, например), а также сами страны-участники, лоббируя определенные темы и отстаивая конкретные интересы. Особенностью группы БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, Индия, Южная Африка) является тот факт, что организация имеет неклассическую структуру (отсутствие постоянной системы органов управления, штаб-квартиры и автономности в плане выражения позиции организации, отличающейся от мнений стран-участников), что также определяет специфику повестки дня.

Среди экспертов тематики БРИКС принято делить деятельность организации на пятилетия: первое – с 2009–2013 гг., второе – с 2013 по 2017 г. И если первые пять лет работы БРИКС были в основном направлены на проработку теоретических аспектов деятельности организации, финансово-экономического кризиса и механизмов глобального управления, то второе пятилетие, начавшееся саммитом в Уфе в 2015 г., стало знаковым переходом к реализации конкретных проектов по линии предприятий, специализированных институтов и сообществ профессионалов. В частности, был создан Новый банк развития и Пул условных валютных резервов с капиталом в 200 миллиардов долларов, который сформирован для кредитования объединенных крупных проектов в транспортной, индустриальной и энергетической инфраструктуре. Учреждение сетевого университета БРИКС на базе лучших вузов государств – участников объединения пяти стран призвано нарастить обмены в области образования. К примерам практического взаимодействия в ходе Уфимского саммита можно отнести встречи с руководством профсоюзов стран БРИКС, с представителями Делового совета БРИКС, переговоры лидеров стран БРИКС; гражданские, парламентские и молодежные форумы БРИКС, которые впервые состоялись в 2015 г.

Деятельность БРИКС направлена на проработку вопросов, связанных с широкой повесткой дня. Ключевой целью создания данного объединения государств стало реформирование глобальных институтов, включая финансовые. Первый саммит БРИКС (название до присоединения ЮАР в 2011 г.), состоявшийся в Екатеринбурге (РФ) в 2009 г. по инициативе России, которая активно лоббировала и поддерживала диалог в рамках БРИКС, а также второй саммит в г. Бразилиа (Бразилия) в 2010 г. были в основном посвящены проблемам борьбы с финансово-экономическим кризисом, тематика безопасности в них фигурировала только в контексте продовольственной безопасности и необходимости борьбы с терроризмом. Первые саммиты сконцентрировались

на широкомасштабной проработке вопросов из области развития.

С 2011 г. повестка дня БРИКС, как и сама организация (присоединение ЮАР), расширилась, в том числе и благодаря практике проведения ежегодных саммитов глав государств, а также министерских встреч, углубивших сотрудничество по отдельным направлениям. Продвигая инициативы глобального управления, коалиция строит взаимоотношения между участниками на принципах многополярности и поиска общих сфер интересов, что существенно отличает ее от других международных организаций. Расширилась и тематика безопасности, которая формируется преимущественно по межгосударственным каналам. Как следует из анализа деклараций и планов действий первого пятилетия, коалиция БРИКС сфокусировалась на обобщенных понятиях о необходимости обеспечения безопасности, мира и стабильности в регионах влияния, а также в конфликтных зонах, например Ливии и Сирии, и на принципах невмешательства в дела иных государств, по которым участники группы пришли к единогласию.

Поскольку БРИКС поддерживает исключительную роль ООН в разрешении глобальных конфликтов и проблем, то вопросы реформирования данной организации также присутствовали в повестке дня БРИКС. В ходе восьмого саммита, состоявшегося на Гоа в 2016 г., БРИКС подтвердила стремление содействовать международному порядку на основе соблюдения целей и принципов Устава ООН. Во время девятого саммита, прошедшего в Сямэне в 2017 г., страны БРИКС осудили односторонние военные интервенции, санкции экономического характера, а также нарушения норм международного права. Участники БРИКС пришли к важному заключению, что «ни одна страна не может укреплять свою безопасность за счет безопасности других» [15]. На саммите в Нью-Дели в 2012 г. дефиниция «безопасность» стала составной частью названия саммита «Партнерство стран БРИКС во имя мировой стабильности, безопасности и процветания», что говорит об официальном закреплении темы в повестке дня БРИКС. Начиная с 2015 г. БРИКС переходит к реализации конкретных инициатив в области безопасности, в частности, создает рабочую группу по борьбе с терроризмом. Кроме того, БРИКС активно участвует в разработке нормативно-правовой базы в сфере глобальной безопасности, – концепции «ответственность по защите»: бразильская инициатива «ответственность при защите» и китайская версия концепции «ответственной защиты».

В декларации 2012 г. прослеживается усиление взаимосвязи между выработанной БРИКС позицией относительно концепции безопасности и механизмом содействия международному развитию [15]. К примеру, тема энергобезопасности и продовольственной безопасности прочно переплетаются с проблемой изменения климата (Парижское соглашение) и устойчивого развития (Цели устойчивого развития, сформулированные ООН).

Как следует из анализа проведенных саммитов с 2009 по 2017 г., в иерархии часто обсуждаемых тем в ходе саммитов БРИКС лидируют – деятельность

БРИКС (стратегия развития, выработка позиций стран-участников по широкому спектру проблем), финансово-экономический кризис (экономические санкции, создание и реформирование финансовых и экономических институтов и др.), вопросы глобального управления и сотрудничество в сфере ИКТ. Далее следуют такие стратегические задачи, как безопасность в широком контексте (борьба с терроризмом и экстремизмом, организованной преступностью, наркотическим трафиком, обеспечение энергетической безопасности, мирное освоение космоса, продовольственная безопасность, военные интервенции, миротворчество, информационная безопасность).

В настоящее время БРИКС является одной из многих международных групп государств, которые нацелены на развитие. Страны БРИКС ориентированы на реформирование международной финансовой архитектуры. На этом пути БРИКС уже добилась значительных успехов. Это создание Нового банка развития и пула условных валютных резервов БРИКС с общим капиталом 200 млрд долл. Таким образом, сотрудничество с целью развития, равно как и экономическое взаимодействие, изначально объединило государства БРИКС и привело к выработке общих позиций по данным направлениям. Успехи БРИКС в реализации тематики развития на практике были представлены достижением консенсуса по финансированию инициатив линии Юг–Юг, а также созданием институциональных учреждений, что нельзя сказать о работе в сфере обеспечения международной безопасности.

Развитие как тематика связана практически со всеми стратегическими направлениями деятельности БРИКС, поскольку, как отмечается в итоговых декларациях БРИКС шестого (в Форталезе 2014 г.) (ст. 26, 42), седьмого (в Уфе в 2015 г.) (ст. 9), восьмого (на Гоа в 2016 г.) (ст. 8) и девятого (в Сямэне в 2017 г.) саммитов (ст. 37), является наряду с безопасностью «важнейшим условием обеспечения устойчивого мира» [15]. В Декларации по итогам шестого саммита 2014 г. говорится о тесной взаимосвязи безопасности и развития, их взаимодополняемости. Кроме того, подчеркнута необходимость выработки решительного подхода в целях устранения ключевых причин конфликтов в социальной, политической и экономической области. В итоговом документе седьмого саммита БРИКС 2015 г. отмечается, что данный подход можно реализовать посредством межгосударственно-сотрудничества.

Пятый (Дурбан, 2013 г.) и шестой (Форталеза, 2014 г.) саммиты БРИКС стали яркими примерами того, как председательствующие государства продвигают свою повестку дня в области безопасности и развития, влияя на рассмотрение тех или иных проблемных вопросов. В тексте Этеквинской декларации 2013 г. отмечаются аспекты регионального развития Африки, а также проблемы безопасности. В ней имеются отдельные параграфы, посвященные конкретным кризисам в ЮАР (политические и экономические кризисы в Мали, в Центрально-Африканской Республике, в Демократической Республике Конго) [15]. Страны БРИКС совместно защищают права и интере-

сы Африки, выступая за усиление их роли в глобальной системе управления.

В Форталезской декларации 2014 г. значительно расширился перечень тем по безопасности. Наряду с нестабильностью в Гвинее-Бисау, огромное внимание было уделено инициативе создания на Ближнем Востоке специальной зоны, свободной от ядерного оружия, а также иных средств массового уничтожения; вопросам обеспечения безопасности космического пространства; борьбе с международной организованной преступностью, терроризмом, наркоторговлей, пиратством и ИТ-преступлениями [15]. В это время формируется подход БРИКС к предотвращению конфликтов и прослеживается прочная связь тематики развития и безопасности в деятельности организации.

Декларация, подписанная в Уфе в 2015 г., осудила односторонние интервенции, подчеркнув неделимый характер безопасности. Также проблемы обеспечения кибербезопасности нашли отражение в документе [15]. Было решено создать рабочую группу экспертов БРИКС с целью проработки безопасности в сфере ИКТ. В Плане действий было предложено организовать тематические встречи по следующим направлениям: безопасность космоса, борьба с наркоторговлей, безопасность использования ИКТ, ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке и др.

Декларация 2016 г. (Гоа) дополнила повестку дня БРИКС темой миротворческой деятельности ООН, а также финансирования террористической деятельности, в том числе и за счет отмывания денег [15]. По итогу саммита была достигнута договоренность по обмену опытом в области кибербезопасности, а также в деле создания специального форума БРИКС с целью активизации сотрудничества и реализации программы обменов между уполномоченными органами, ответственными за безопасность. Данный факт свидетельствует об институционализации взаимодействия в рамках стран БРИКС в области безопасности [16].

Для более детального рассмотрения основных подходов БРИКС к интерпретации концепта «безопасность–развитие» следует обратиться к анализу итоговых документов организации, опубликованных во время проведения девяти саммитов (2009–2017 гг.). В их состав вошли два совместных заявления стран БРИКС и семь деклараций по результатам девяти саммитов БРИКС. В результате проведенного анализа были составлены три диаграммы, характеризующие частоту и динамику упоминания понятий «безопасность» и «развитие», а также контекст их использования в декларациях БРИКС.

По мнению В.Н. Юдина, связка приобретает определенное наполнение в рамках обозначенного контекста [12], когда подробно проанализирована ситуация использования данного термина, значение понятий «безопасность» и «развитие», источник и др. Огромную роль в интерпретации связки играет именно контекст ее употребления в документах БРИКС.

Количество упоминаний слов «безопасность» и «развитие» в итоговых документах БРИКС, изданных в ходе девяти саммитов в период с 2009 по 2017 г. (рис. 2), отражает динамику востребованности данных терминов в повестке дня БРИКС. Из рис. 2 видно, что

с пятого саммита увеличилась частота упоминаний «безопасности» и «развития». Наблюдается приоритет тематики, связанной с «развитием», а также интенсификация проработки данного направления, что позволяет сделать вывод о том, что «развитие» является ключевым словом, характеризующим все направления деятельности БРИКС. На протяжении всех саммитов БРИКС тематика «развития» является преобладающей, за исключением второго саммита.

На рис. 3 отражена разбивка итоговых документов БРИКС по контексту, в связи с которым упоминается слово «безопасность» за 9 лет (с 2009 по 2017 г.).

За это время «безопасность» упоминалась по 28 различным тематикам: от глобальной и до региональной безопасности. Очевидно, что лидирующими тематическими позициями являются «Глобальная безопасность», «Безопасность ИКТ», «Безопасность на Ближнем Востоке». Далее следуют темы «Безопасность в Африке», «Национальная безопасность» и «Продовольственная безопасность». По остальным направлениям наблюдается меньшая частота упоминаний, однако это показывает широкий спектр различных контекстов, с которыми связана тема безопасности в деятельности стран БРИКС.

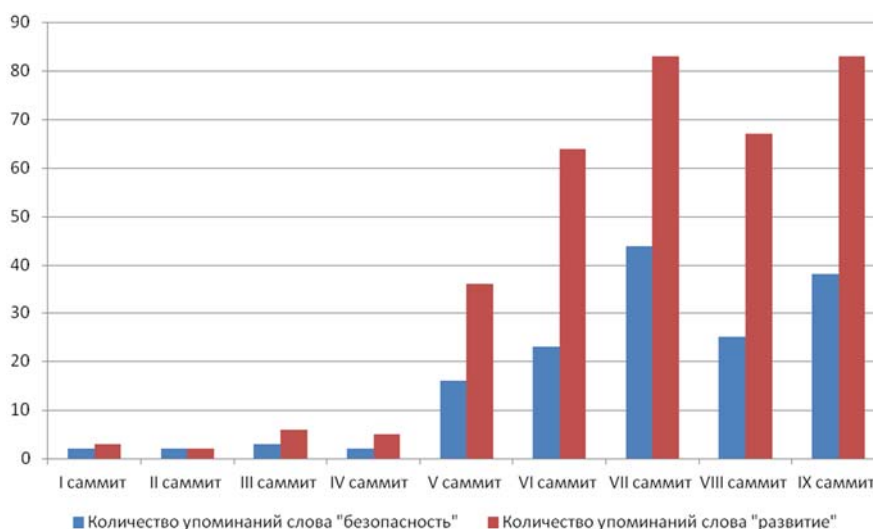

Рис. 2. Сравнение количеств упоминаний слов «безопасность» и «развитие» в итоговых документах БРИКС (2009–2017 гг.). (здесь и в рис. 3 и 4 составлено автором на основе анализа итоговых документов саммитов БРИКС [15])

Рис. 3. Контекст упоминаний слова «безопасность» в итоговых документах 9 саммитов БРИКС (2009–2017 гг.).

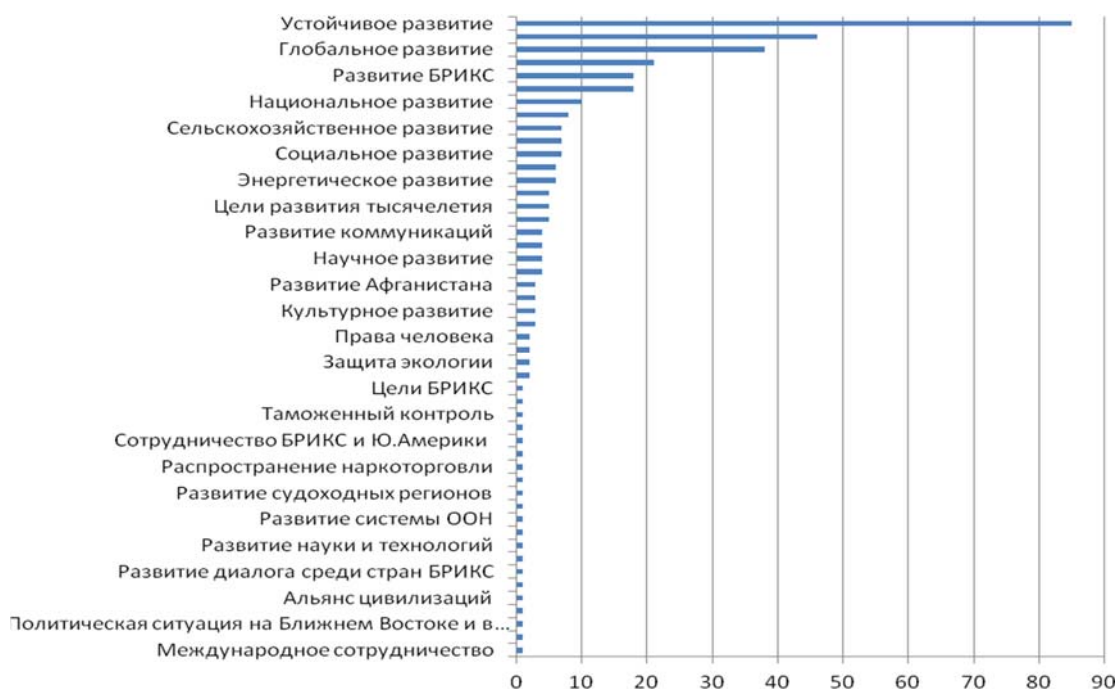

Рис. 4. Контекст упоминаний слова «развитие» в итоговых документах 9 саммитов БРИКС (2009–2017 гг.).

Как следует из диаграммы (рис. 4), представляющей разбивку итоговых документов БРИКС по контексту, в связи с которым используется слово «развитие» за 9 лет (с 2009 по 2017 г.), данный термин упоминался по 25 различным темам: от устойчивого развития и до международного сотрудничества в экономической сфере. Очевидно, что лидирующими тематическими позициями являются «Устойчивое развитие», «Глобальное развитие», «Развитие БРИКС». Затем следуют темы «Национальное развитие», «Сельскохозяйственное развитие» и «Социальное развитие». По оставшимся направлениям отмечается меньшая частота упоминаний, однако вышеуказанный расклад тематики показывает широкую палитру различных контекстных ситуаций, с которыми переплетена тема развития в деятельности стран БРИКС.

Таким образом, концепт «безопасность–развитие» оказывает значительное влияние на глобальную политику и экономику, вызывая стабильный научный интерес у академического сообщества. Неопределенное содержание связки в теоретическом аспекте открывает широкое поле для различных интерпретаций данного концепта в зависимости от контекста использования. И если первые саммиты БРИКС были в основном посвящены исследованию мировой финансово-экономической ситуации, т.е. тематике развития, то последующие, наряду с вышеобозначенным контекстом, дополнили повестку дня тематикой обеспечения международной безопасности.

Уникальность БРИКС в том, что при изначальной нацеленности на развитие организация пришла к институционализированному подходу в области безопасности, а это является ярким примером реализации соединения «безопасности» и «развития» не только в теории в виде связки, но и на практике. Согласно полученным данным, по количеству упоминаний в декларациях преобладает дефиниция «развитие», однако по количеству тематик лидирует «безопасность» (28 тем), в то время как «развитие» представлено в количестве 25 тем. Небольшая разница в числовом выражении упоминаний указывает на приоритетность обеих проблематик в повестке дня БРИКС и еще раз подтверждает единогласие стран БРИКС в признании тезиса о том, что без безопасности и развития невозможно достичь устойчивого мира и стабильности. Широкая контекстная палитра упоминаний отражает комплексный подход БРИКС к проблематике «безопасности» и «развития», стремление выработать единые концептуальные подходы к решению взаимосвязанных вызовов и угроз современности.

Кроме того, исследование показало, что БРИКС необходимо усилить проработку тематики превентивных мер по предотвращению глобальных конфликтов, а также уделить больше внимания практической реализации проектов в рамках концепта «безопасность–развитие», что позволит усилить межгосударственное сотрудничество и достичь устойчивого мира в регионах влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартенев В.И. Связка «безопасность – развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации // Международные процессы. 2015. № 3. С. 78–97.
2. UNDP Human Development Report. 1994. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (дата обращения: 24.06.2018).
3. Бокерия С.А. Концепция личной безопасности в практике ООН // Вестник РУДН. 2017. № 2 (17). С. 312–324. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324.
4. ul Haq M. Reflections on Human Development. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1995. 277 p.

5. Kaldor M. Putting People First: Growing Influence of «Human Security». URL: <http://yalejournal.org/wp-content/uploads/2010/09/105203kaldor.pdf> (дата обращения: 21.06.2018).
6. Kaldor M. *Human Security: Reflections on Globalization and Intervention*. Cambridge : Polity Press, 2007. 240 p.
7. Урсул А.Д. Безопасность и развитие: междисциплинарный подход и глобальное измерение // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 141–160. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-141-160
8. Резюме доклада Генерального секретаря ООН Кофи Аннана «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех». A/59/2005. URL: <http://www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml> (дата обращения: 26.06.2018).
9. Hettne B. Development and Security: Origins and Future // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41, № 1. P. 31–52. DOI: 10.1177/0967010609357040
10. Spear J., Paul W., eds. *Security and Development in Global Politics: A Critical Comparison*. Washington, DC : Georgetown University Press, 2012. 352 p.
11. Brown S., Grävingholt J., eds. *Security, Development and the Securitization of Foreign Aid*. London : Palgrave Macmillan, 2016. 267 p.
12. Юдин Н.В. Связка «безопасность–развитие»: проблемы теоретического осмысления // Вестник МГУ. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2016. № 1. С. 39–71.
13. Sörensen J.S., Söderbaum F. The End of the Development-Security Nexus? The Rise of Global Disaster Management // *Development Dialogue*. 2012. № 58. P. 7–20.
14. Brantner F. Jointly Tackling Global Challenges: The Peace-Development Nexus in Germany and the EU. In Friends of Europe (eds.) // *Development and Security: Investing in People, Peace and Prosperity (DPF Discussion Paper)*. Brussels : Friends of Europe / Development Policy Forum (DPF), 2017. P. 30–33.
15. Декларации БРИКС. URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 05.07.2018).
16. Абденур А.Э. Могут ли страны БРИКС сотрудничать в вопросах международной безопасности? // Вестник международных организаций. 2017. № 3 (12). С. 73–93. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-73.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2019 г.

The “Security–Development” Concept in the BRICS Activities

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 123–130.

DOI: 10.17223/15617793/454/14

Svetlana A. Bokeriya, Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: bokeriya.svetlana@mail.ru

Keywords: BRICS; international security; summit; security–development nexus; conflicts.

The aim of the article is to identify the main approaches of BRICS to the interpretation of the “security–development nexus” based on the analysis of the organization’s final documents following the results of the nine summits (from 2009 to 2017). The main objectives of the research are: (1) to examine the “security–development” concept in the international relations; (2) to analyze the problems of the BRICS summits, evaluate the dynamics of changes in the agenda; (3) to identify the role of the security–development nexus connection, as well as the concepts of security and development in the BRICS activities based on the analysis of their references in the final documents for nine years (2009–2017). The article presents a research devoted to the analysis of the use of the security–development nexus in the BRICS activities. This nexus has been actively mentioned in the international political discourse since the 2000s, causing numerous debates among the academic community around the world. The process of a theoretical comprehension of this concept is of special interest and is related to the “developmentalization of security” and “securitization of development”. Special issues of such authoritative journals as *Third World Quarterly* and *Security Dialogue* are devoted to the security–development nexus. The urgency of the analysis is determined by three factors: (1) the growing role of regional and interregional organizations in addressing security and development issues; (2) the lack of research on this topic in the Russian science; (3) the need to improve joint approaches and develop mechanisms for responding to a wide range of global and national threats, which become interdependent, within the framework of the security–development context. With the initial focus on development, BRICS has come to an institutionalized approach to security, which is a vivid example of the implementation of the combination of security and development not only in theory in the form of a nexus, but also in practice. The analysis shows not only the evolution of the BRICS approaches to this problem, but also reflects aspects of security and development that BRICS needs to further develop in order to strengthen its positions in global politics and economics and to coordinate the organization’s targeted programs to achieve optimal results. BRICS needs to strengthen the research on the preventive measures to predict global conflicts and to pay more attention to the implementation of projects under the “security–development” concept, which will enhance interstate cooperation and achieve sustainable peace in the regions of influence.

REFERENCES

1. Bartenev, V.I. (2015) “Security-Development Nexus” in Western Bibliography From Deconstruction to Contextualization. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 3. pp. 78–97. DOI: DOI 10.17994/IT.2015.13.2.42.5
2. UNDP. (1994) *UNDP Human Development Report*. [Online] Available from: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf. (Accessed: 24.06.2018).
3. Bokeriya, S.A. (2017) Human Security Concept in the UN Practice. *Vestnik RUDN – Vestnik RUDN. International Relations*. 2 (17). pp. 312–324. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324.
4. ul Haq, M. (1995) *Reflections on Human Development*. New York; Oxford: Oxford University Press.
5. Kaldor, M. (2010) *Putting People First: Growing Influence of “Human Security”*. [Online] Available from: <http://yalejournal.org/wp-content/uploads/2010/09/105203kaldor.pdf>. (Accessed: 21.06.2018).
6. Kaldor, M. (2007) *Human Security: Reflections on Globalization and Intervention*. Cambridge: Polity Press.
7. Ursul, A.D. (2017) Security and Development: Interdisciplinary Approach and Global Dimension. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 3 (54). pp. 141–160. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-141-160
8. UN. (2005) *Rezюме doklada General'nogo sekretarya OON Kofi Annana “Pri bol'shey svobode: k razvitiyu, bezopasnosti i pravam cheloveka dlya vsekh”* [Summary of the Report of UN Secretary-General Kofi Annan, “In Larger Freedom: Towards Development, Security and Human Rights for All”]. A/59/2005. [Online] Available from: <http://www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml>. (Accessed: 26.06.2018).
9. Hettne, B. (2010) Development and Security: Origins and Future. *Security Dialogue*. 41 (1). pp. 31–52. DOI: 10.1177/0967010609357040
10. Spear, J. & Paul, W. (eds) (2012) *Security and Development in Global Politics: A Critical Comparison*. Washington, DC: Georgetown University Press.
11. Brown, S. & Grävingholt, J. (eds) (2016) *Security, Development and the Securitization of Foreign Aid*. London: Palgrave Macmillan.

12. Yudin, N.V. (2016) Security–Development Nexus: Dilemmas of Conceptualization. *Vestnik MGU. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika – Moscow University Bulletin of World Politics*. 1. pp. 39–71. (In Russian).
13. Sørensen, J.S. & Söderbaum, F. (2012) The End of the Development-Security Nexus? The Rise of Global Disaster Management. *Development Dialogue*. 58. pp. 7–20.
14. Brantner, F. (2017) Jointly Tackling Global Challenges: The Peace-Development Nexus in Germany and the EU. In: Friends of Europe (eds.) *Development and Security: Investing in People, Peace and Prosperity (DPF Discussion Paper)*. Brussels: Friends of Europe; Development Policy Forum (DPF). pp. 30–33.
15. BRICS. (2018) *Deklaratsii BRIKS* [BRICS Declarations]. [Online] Available from: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs>. (Accessed: 05.07.2018).
16. Abdenur, A.E. (2017) Can the BRICS Cooperate in International Security? *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organizations Research Journal*. 3 (12). pp. 73–93. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-73

Received: 27 November 2019

О.К. Ермакова

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УРАЛА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: НА СТЫКЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ (XVIII – СЕРЕДИНА XIX в.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»

Рассматривается проблема столкновения и взаимодействия правовой культуры иностранных технических специалистов как одной из элитных социальных групп, формировавших уральскую индустриальную идентичность, с правовой культурой местных административных структур и частных заводоладельцев. Разница и постепенное сближение правосознаний прослеживаются на основе анализа контрактов с иностранцами в динамике – от текста договора до его реализации на практике.

Ключевые слова: индустриальная идентичность; правовая культура; контракт; иностранные специалисты; договорное право.

Истоки уральской индустриальной идентичности, основанной на специфике хозяйственного уклада территории, складывались, в том числе, из социокультурного облика различных слоев населения региона, в особенности его элитных групп. Правовая культура, как часть культуры вообще, являлась одним из элементов коллективного социокультурного портрета той или иной социальной страты. Одним из ключевых акторов формирования индустриальной идентичности горнозаводского Урала выступала техническая элита, которую во многом составляли приглашенные специалисты из Западной Европы. Наемные специалисты являлись носителями иного правового сознания, что ярко проявлялось в их взаимодействии с администрациями заводов и региона в целом.

Взаимодействие приглашенных специалистов с местными администрациями происходило в правовом поле контрактов и общих законов об иностранцах в России. Исходя из широкой трактовки понятия «правовая культура», подразумевающей под этим термином в том числе уровень развития нормативно-правовых актов в государстве и культуру правового общения власти и населения, анализ эволюции контрактов с иностранцами, как и обращение к разного рода казусам, позволяет сделать выводы о правовой культуре контрагентов. В процессе обсуждения условий и заключения контракта, а также его последующей динамики (соблюдения или нарушения) осуществлялась коммуникация между сторонами договора, в ходе которой проявлялись их представления о реальной юридической силе письменного соглашения, степени защищенности и равноправии контрагентов. Особенно явная разница в правовом сознании участников договорных отношений наблюдалась на начальном этапе систематического контрактования специалистов для уральских заводов – в петровскую эпоху.

В первой четверти XVIII в. положение иностранца, поступившего на российскую службу (пусть и временно – по контракту), формально стало гораздо более свободным, чем в XVII в. Договор заключался на определенный срок и содержал конкретные условия работы. Однако эта абсолютно европейская практика

договорных отношений в полной мере стала претворяться в жизнь в российских реалиях лишь с течением времени. Фактически иностранный специалист во многом, как и прежде, зависел от воли и указов государя.

Яркими иллюстрациями конфликта правосознаний служат многочисленные казусы, связанные с неисполнением условий договора со стороны нанимателя, т.е. государства (впоследствии можно будет наблюдать похожую практику с участием частных заводоладельцев). В петровскую эпоху камнем преткновения чаще всего служили два обстоятельства: невыплата в срок и в полном размере жалования наемным специалистам, а также удержание иностранцев в России по окончании контрактов. Отношение к иностранным специалистам как к функции и своего рода «собственности» не разнилось в зависимости от того, шла ли речь о рядовых мастерах или же о высококвалифицированных кадрах, сыгравших ключевую роль как в становлении металлургического производства, так и в усовершенствовании отраслевых административных структур. При этом надо заметить, что большинство иноземцев приезжало на российскую службу именно с целью обогащения, достижения финансового благополучия (наряду с причинами религиозного, личного характера и др.).

Известный горный деятель Иоганн Фридрих Блиер, внесший большой вклад в развитие уральского горнозаводского комплекса на начальном этапе его формирования, не раз оказывался в затруднительных ситуациях ввиду ненадлежащей выдачи ему жалования и различных денежных компенсаций. По поводу одного из таких случаев он подал донесение в Сенат в 1712 г. И. Блиер сообщал, что в 1701 г. по царскому повелению он был послан в Саксонию для найма горных мастеров. Эта миссия ему удалась, с приглашенными специалистами заключили контракты, а самому Блиеру поручалось исполнять «бергмейстерское дело», за что устанавливалась прибавка к жалованию в размере 150 ефимков на год. Однако вплоть до 1712 г. все что «прибавлено, то (было. – Е.О.) удержано безвинно» [1. Л. 43], – сетовал иностранец. Тогда И. Блиер, будучи в Петербурге, бил челом государю о своем прибавочном жаловании и получил уверение в том,

что в Сенат направлен соответствующий именной указ. Сенат же повелел бергмейстеру ехать в Москву и «дачею жалования обнадёжил» [1. Л. 43]. Но, как свидетельствовал И. Блиер, и в Москве положенных денег ему не выдали, а получил он лишь указание царского величества ехать в Сибирь для осмотра рудных мест. Иноземец жаловался на крайнюю «скудость за неприятием жалования», вследствие чего он «одождал велми», а также волновался о своей дальнейшей участи, подчеркивая, что «прежней бергмейстер и горные люди за удержанием жалования скитаюсь меж двор с голоду померли и в том опасении надлежало бы мне ехать во свое отечество яко есть свободен, по контракту урочные годы выжил» [1. Л. 43]. Тем не менее Иоганн Блиер не желал оставлять службу в России и просил выдать ему деньги для поездки в Сибирь. При последующем разборе дела Сенатом оказалось, что и другие иностранные мастера из команды И. Блиера не получили жалования по своим договорам [1. Л. 46]. Например, в донесении горного мастера Иоганна Гана значилось: «А для чего за вышеписанные заслуженные годы Его Царского Величества жалования ему не дано, и на Москве он удержан, и к делу никуда был не послан, и в свою Саксонскую землю не отпущен, того он не ведает» [1. Л. 52 об.]. Выяснилось также, что в именном указе от 24 октября 1701 г., предписывавшем выдавать установленное «вывозным листом» жалование саксонским мастерам, про прибавочные 150 ефимков, положенных И. Блиеру, ничего не говорилось. Эти деньги так и не были специально выплачены бергмейстеру. В протоколе Сената лишь значилось, что впоследствии в зачет прибавочного жалования И. Блиеру записали 200 рублей, выданные ему для поездки в Сибирскую губернию [1. Л. 50–51 об.].

Другую челобитную подобного рода Иоганн Блиер подал в 1719 г., когда вновь «одождал великими долгами». Случилось это при следующих обстоятельствах. В 1715 г. горный офицер вместе со своими помощниками – рудокопным мастером И. Ганом и переводчиком П. Бривцыным, согласно сенатскому указу, отправился в Астрахань для поиска серебряной и медной руд. Далее И. Блиеру следовало направиться в Черкесию, для чего в Астрахани ему выдали 200 рублей «для покупки всяких подарков черкесским князьям», потому что – пишет И. Блиер – «князь черкеской и другие тамошние мурзы сказали мне, что без того туды и ехать невозможно» [2. Л. 23]. Взятые средства, и даже сверх того, были потрачены на упомянутые подарки и другие расходы в пути. Вдобавок, стремясь избавить своего помощника И. Гана от «оскудения», И. Блиер самостоятельно выдал ему жалование за 1717–1718 гг., поскольку выплаты команде из казны закончились еще в 1716 г., в результате чего и образовались немалые долги как у самого И. Блиера, так и у его мастеров. В июне 1719 г. Берг-коллегия был дан указ о выдаче жалования И. Блиеру и переводчику П. Бривцыну за 1717 и 1718 гг., однако за вычетом 200 рублей, полученных в Астрахани, так как о подарках черкесским князьям Иоганн Блиер «явного свидетельства не показал» [1. Л. 41–41 об.]. Таким образом, и в этом случае иностранцу не удалось добиться полной компенсации издержек.

В целом из донесений И. Блиера видно, что в силу характера его деятельности он часто пребывал в различных, весьма дальних поездках, финансовое обеспечение которых оставляло желать лучшего. Горному офицеру приходилось самостоятельно разрешать возникавшие в связи с этим трудности. Дело осложнялось тем, что оплата производилась всякий раз из разных ведомств. Надо сказать, что И. Блиер довольно терпеливо сносил подобные тяготы, в отличие, например, от известного вздорным характером бергмейстера Иоганна Готфрида Гейденрейха, служившего на горных заводах в 1720-е гг. И. Гейденрейх активно отстаивал свои права, апеллируя к контракту. Так, например, он уверял, что не обязывался постоянно переезжать с одного завода на другой (хотя в итоге послужил на различных заводах – олонечких, уральских). Несмотря на это, в 1728 г. он был насильно отправлен в Нерчинск для оценки месторождений серебряной руды. Кроме того, бергмейстер в течение года оставался без положенного жалования и требовал за это компенсаций, на что получил весьма показательный ответ Берг-коллегии, в котором говорилось, что в России служит немало иностранцев, и многим из них жалование в срок не выдается [3. Л. 92–93; 4. Л. 10–10 об., 79–83 об.]. Иными словами, подобная практика являлась для того времени нормой.

И. Гейденрейх в одном из донесений Берг-коллегии поставил вопрос о выплате жалования иностранным специалистам по третям года, о чем в Сибирский обербергамт был послан соответствующий указ. Причем, такой порядок устанавливался как для иностранных, так и для русских мастеров, «которые живут в одном месте», т.е. на одном заводе. Кроме того, предписывалось при направлении иноземцев в «другие места» выдавать им жалование заранее, «понеже оные люди иностранные и будучи им в тех местах во отдалении жалования получить и занять негде», и чтобы они не испытывали нужды, и «на коллегия не понесли жалобы» [5. Л. 38]. При этом стоит подчеркнуть, что выплата жалования по третям предусматривалась контрактом И. Гейденрейха, но, судя по всему, это условие долгое время оставалось лишь на бумаге.

При исполнении контракта, заключенного с Иоганном Гейденрейхом, обнаружилось противоречие, происходившее, по-видимому, от разницы в понимании особенностей бергмейстерской службы в России и Германии. Один из пунктов договора гласил, что помимо основного жалования, иностранец имеет право на «протчие бергмейстеру надлежащие доходы и воли» [3. Л. 94 об.]. Под этим И. Гейденрейх понимал дополнительные акциденции, которые, как он полагал, должны были выдаваться ему из казны. Неудовольствие отсутствием подобных выплат он выразил в одном из своих мемориалов Берг-коллегии, ссылаясь на немецкую практику: «в Германии акциденции бергмейстерские и всех протчих горных начальников гораздо выше нежели жалование обойдетца» [4. Л. 80]. Однако получил ответ, что акциденции он мог бы заработать самостоятельно, оказывая, к примеру, консультационные услуги частным заводчикам, а к

государственным выплатам это не имеет никакого отношения [4. Л. 10 об.]. Вероятно, когда составлялся договор, данный вопрос не уточнялся. К тому же в первой четверти XVIII в. основу контракта во многом составляли условия, объявленные самими иностранными специалистами. Такие условия могли быть просто записаны со слов контрактеров. К слову, И. Гейденрейх, стремясь отстаивать свои права, ссылался не только на контракт, но и на российское законодательство об иностранцах и намеревался в поиске «сатисфакции» обращаться к императору [3. Л. 94].

В то же время иностранные специалисты находились в привилегированном положении, по сравнению с русскими мастерами. Например, в одном из протоколов Сибирского обербергамта 1725 г. разбирался вопрос о выдаче жалования мастерам за так называемые «прогульные дни», когда выполнять работы оказывалось невозможным в силу объективных причин, таких как недостаток воды в плотине. Местным работникам не полагалось оплачивать дни простоя, а если кому-то уже было выдано за них жалование, следовало в дальнейшем удержать эти суммы. Однако специалистов-иностранцев это правило не касалось. Им полагалось платить жалование за дни простоя так же, как и за рабочее время [6. Л. 80 об.].

При всей европейскости представлений о законе и праве в целом не приходится идеализировать приглашенных иностранных специалистов, считая их людьми исключительной правовой ответственности. Среди них встречались те, кто не гнушался обманывать заводское начальство с целью получения мелких выгод. Например, саксонский лозоходец Иоганн Рылке в 1748 г. некоторое время отсутствовал на месте службы (на Полевском заводе) по причине болезни. Согласно контрактам у иностранцев, как и у русских мастеров, с каждого рубля из жалования вычиталось по 1 копейке «на госпиталь». Поэтому, когда заводской конторе стало известно о болезни саксонца, ему было выплачено в полном размере все жалование за то время, что он не ходил на службу. Однако впоследствии оказалось, что под видом болезни мастер отсутствовал на заводе почти в два раза дольше, чем реально находился на лечении, что подтвердил штаб-лекарь Екатеринбургского госпиталя. Этот прецедент послужил поводом для подачи канцелярией главного правления заводов предложения в Берг-коллегию о том, чтобы иностранцам в случае болезни выдавать только половинное жалование, «чтобы не могли они пронырством своим отбывать от работы» [7. Л. 142–151 об.].

Разумеется, хотя иностранные специалисты и формировали техническую элиту уральских заводов, их сообщество не было однородным. Социальный статус многих иностранцев заметно повышался именно с приездом в Россию. Даже те, кто владел лишь узкими навыками конкретных работ, воспринимались как носители специальных знаний, позволяющих овладеть новыми для Урала технологиями, что и придавало положению иностранцев оттенок элитарности, обеспеченный в первую очередь профессиональной принадлежностью.

Если в петровскую эпоху иностранцев различными способами удерживали от выезда на родину, то

уже в 1740-е гг. многих иностранцев признали «излишними», и власти, наоборот, были заинтересованы в отъезде таких мастеров из России. Издавались специальные указы о незадержании иностранцев по окончании сроков их контрактов (см.: [8. С. 14]). Иностранцам мастерам, работавшим на горных заводах, предлагалось заключить договоры «на вечную службу» или же, в противном случае, выехать «во отечество». Но иностранцы в основном желали продолжать работу на условиях «урочных лет», а не вечно [7. Л. 1а, 23–23 об.].

К первой четверти XIX в. юридическая сила государственных контрактов возросла и уже вполне соответствовала представлениям западноевропейцев о сути договорных отношений. В первые десятилетия XIX в. регулярно проводились «разборы» иностранным мастерам на Урале с целью выявления необходимых заводов иностранцев и тех, кто уже не приносил пользы. К этому времени представители заводских администраций уже не игнорировали значимость контракта. Даже желая уволить «ненужных» иностранцев, правительству приходилось считаться с условиями договора. Если иностранец выражал желание завершить службу именно в установленный срок, а не раньше, ему предоставлялась такая возможность. В то же время и увольнение иностранцы теперь получали довольно легко, стоило только подать прошение. Удерживать особенно искусных мастеров заводские администрации могли исключительно уговорами и предложениями выгодных условий [9. Л. 2–3, 17–18 об., 27–28 об.; 10. Л. 11–11 об.].

Контракты иностранцев с частными заводчиками первой четверти XIX в. по сути и содержанию были схожи с государственными. Их особенностью состояла в том, что заводовладельцы стремились прежде всего регулировать непосредственно предмет договора, подробно прописывая перечень конкретных действий, относящихся к поручаемым иностранцу работам. В отличие от них, представители государственных структур обязательно акцентировали внимание на правах и обязанностях (а также «поведении») иностранца как подданного другой страны, находящегося на территории России: прописывалось обязательство наемного специалиста соблюдать российские законы, но наряду с этим и право пользоваться льготами, установленными для иностранных подданных (см., например: [11. Л. 2–10]). Пожалуй, главное отличие частных соглашений заключалось именно в отношении к юридическому статусу договора, в динамике контракта. Показателен в этом смысле пример недолгой службы французского инженера, профессора Клода Ферри, на заводах Демидовых. Контракт с К. Ферри был расторгнут раньше положенного срока по инициативе нанимателя. В литературе мнения о причинах прекращения договора разнятся: одни исследователи считают, что всему виной личная неприязнь и неудачно сложившиеся отношения француза с управляющим нижнетагильскими заводами М. Даниловым [12, 13], другие указывают на причины более объективного характера – недостаток времени и отсутствие опыта работы с уральскими рудами [14. С. 6]. Так или иначе, имело место досрочное расторжение контракта

без предупреждений и, казалось бы, веских причин. Эта ситуация вызвала резкое негодование профессора Ферри. В письме управляющим делами Н.Н. Демидова в Санкт-Петербург от 9 февраля 1809 г. инженер высказал возмущение, так как ему было предложено подписаться в том, что все условия контракта выполнены в полном объеме. На это француз отвечал: «Я сомневаюсь, чтобы глупость можно было простирать до такой степени, я отказался, как Вам известно» [15. Л. 14]. Профессор указывал и на то, что во время его пребывания на Нижнетагильских заводах он претерпел многие обиды, в результате чего посчитал себя вправе обратиться напрямую к Н.Н. Демидову: «странное со мною обращение в бытность мою в Сибири, сокрытие моих писем, какая тому не была причина, всегдашняя упорность между повелениями Его Превосходительства (Н.Н. Демидова. – Е.О.) до меня относящимися, и тем что действительно исполняли, заслуживает некоторого объяснения и утверждает права по коим я отнесся к самому Его Превосходительству» [15. Л. 14]. В ответном письме из Санкт-Петербургской конторы Клода Ферри заверили в том, что нет никаких сомнений в справедливости изложенных им фактов, а все несправедливости исходили исключительно от Михаила Данилова. Решено было не беспокоить Н.Н. Демидова, поскольку «от него нужно только, чтобы было выплачено все жалованье». В итоге конфликт сгладили, а К. Ферри подписался в выполнении сторонами условий контракта [15. Л. 15–16 об.].

Иностранные специалисты участвовали не только в развитии контракта как юридического документа. Их присутствие на уральских заводах побуждало к разработке локальных нормативных актов. Например, таким стало «Положение об иностранных мастерах Златоустовской оружейной фабрики» 1820 г., детально регламентировавшее различные стороны жизни крупнейшей на Урале диаспоры немецких мастеров, сложившейся в Златоусте и представлявшей собой обособленный мир с особой идентичностью [16. Л. 3–23].

К середине XIX в. можно говорить о сближении правовых культур и представлений контрагентов (в лице иностранцев и российских властных структур) о сути договорного права. Наиболее ярко это проявилось в ходе найма британских технических кадров в 1830–1850-е гг. Надо заметить, что в этот период контракты с англичанами составлялись особенно тщательно. Квалифицированные специалисты из «мастерской мира» ценились особенно высоко. Российские агенты, занимавшиеся вербовкой, шли на большие уступки, принимая условия службы британцев в России. Среди таких «избранных» специалистов были те, кого пригласили для введения успешно развивавшихся в Англии технологий – пудлингования, а также судостроения. Британцы Джон и Самуил Пенны, Бернард Аллендер, а также команда инженера-судостроителя Джеймса Карра подписали выгодные контракты с высоким жалованием и дополнительными льготами. В договорах подробно прописывались условия проживания вплоть до вместимости квартир, а также права и обязанности иностранцев относитель-

но перемещений между заводами, возможности отъезда в отпуск на родину и т.п. [17. Л. 8–31].

Контраст виден, если сравнить ситуацию с бельгийскими мастерами, нанятыми в 1850-е гг. для организации нового ружейного производства на Урале. Бельгийцы интересовали горное начальство не только потому, что льежское оружейное производство признавалось одним из лучших, но и в силу существенной экономии казенных средств. По словам генерала В.А. Глинки, «мастера эти отличаются превосходным знанием дела и получают содержание весьма умеренное в сравнении с тем, которое производится вызываемым из-за границы для какого-либо другого производства мастерам» [18. Л. 33 об.]. Действительно, эту разницу можно проследить, сравнив уровень доходов льежских оружейников с содержанием британских инженеров и механиков. К примеру, бельгийцу Кажо, приглашенному возглавить новый завод, по контракту полагалось жалованье в 3 130 франков в год, что равнялось 782 руб. 50 коп. серебром, а также, в случае успешной работы он мог заработать дополнительно по 2 франка в день, т.е. 156 руб. 50 коп. серебром в год. Таким образом, его максимальный годовой доход составлял 939 руб. При этом добавочную плату предполагалось произвести только по окончании контракта [18. Л. 398 об.]. Жалование рядовых бельгийских оружейников составляло 626 руб. серебром в год, а дополнительная выплата ограничивалась 156 руб. Работавшие на уральских заводах с 1840-х гг. британцы в этот период получали гораздо более высокие оклады. Доход корабельного архитектора Джеймса Карра исчислялся 8 800 руб. серебром в год, а его помощники в среднем получали около 2 500 руб. Английскому инженеру Иосифу (Джозефу) Тальботу выплачивалось 8 200 руб. в год, даже при том что в силу ряда причин ему не удалось выполнить поставленных технологических задач [19]. Кстати сказать, случай И. Тальбота фактически представляет собой пример неисполнения контракта наемным специалистом. За семь лет пребывания на Урале (с 1849 по 1856 г.) англичанин не реализовал работы и производственные усовершенствования, оговоренные контрактом. Российской же стороной обязательства оказались исполнены в полной мере – жалование инженеру выплачивалось регулярно, даже когда стало ясно, что успехи его деятельности сомнительны [20. Л. 3–5 об., 264–265; 348–368].

В целом к середине XIX в. увеличилась численность наемных специалистов – носителей западной правовой культуры. В первой четверти XIX в. произошли две крупные миграции западноевропейцев, главным образом немцев на Урал. Первая пришлась на 1807–1808 гг. и относилась к строительству Ижевского оружейного завода. На Ижевский и Воткинский заводы приехало 149 западноевропейских специалистов, а вместе с семьями насчитывалось около 300 человек [21. Л. 313 об.–318; 22. С. 74]. Впоследствии многие из них перешли на службу на Златоустовский завод. В течение первой половины XIX в. только на Златоустовской оружейной фабрике работало в общей сложности более 350 иностранных мастеров, а вся диаспора, с учетом членов их семей, была еще боль-

ше. Соотношение иностранных и русских специалистов на фабрике видно по имеющимся сведениям об общей численности работников в разные годы: в 1821 г. на фабрике было занято 1 010 человек, из них – 115 иностранцев. При этом иностранцы занимали более высокие позиции: 108 из них находились в должности мастеров, 6 – подмастерьев и 1 – работник. Тогда как из 902 русских, занятых на фабрике, рабочих мастеров было 53, подмастерьев 207, а остальные 642 – работники. В 1845 г. количество иностранных мастеров и работников составляло 122 чел. из 2 846 (к тому моменту выросло число русских мастеровых, обучившихся у иностранцев их искусству) [23. С. 204–205]. По наблюдениям ряда исследователей, данные на 1818–1819 гг. свидетельствуют о том, что около 25% горных чиновников, состоявших на службе по горному ведомству на Урале, имели нерусское (преимущественно немецкое) происхождение. Такая пропорция сохранялась в составе высшего технического персонала заводов до конца XIX в. [24. С. 26]. В 1840–1850-е гг. на уральские заводы было приглашено 20 британских специалистов, а также 9 бельгийцев. В 1853 г. во время Крымской войны на Екатеринбургской механической фабрике работали 2 британца, 6 бельгийцев и 1 саксонец [25. С. 37].

На протяжении XVIII – первой половины XIX в., на этапах становления и интенсивного развития горнозаводского Урала, закладывались многоаспектные

основы специфической идентичности будущего крупного индустриального центра нового типа. В этот период в результате столкновения двух правовых культур (западноевропейской в лице иностранцев и российской в лице местного горнозаводского начальства и частных предпринимателей) происходила выработка специфической организационно-правовой среды, что постепенно становилось одной из отличительных характеристик уральской индустриальной идентичности наряду с особым типом управления, социальной структурой и культурными традициями региона. Хотя западные специалисты и техники на Урале постоянно находились в привилегированном положении, именно к первой половине XIX в. они достаточно глубоко интегрируются в уральское социально-экономическое пространство, формируя устойчивую правовую систему, обеспечивавшую стабильное существование крупных сообществ иностранных мастеров (например, в Златоусте), и позволяя уральской экономике эффективно встраиваться в международные экономические связи, которые на протяжении XIX в. будут постоянно расти. Присутствие на уральских заводах большого количества выходцев из Западной Европы, необходимость взаимодействия с ними, регламентации их деятельности, разрешения конфликтов – все это способствовало постепенной эволюции местной правовой культуры, повышению ее уровня и степени адаптивности к внешним импульсам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 248. Оп. 1. Кн. 13.
2. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1.
3. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 33.
4. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 180.
5. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 118.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1253.
8. Ермакова О.К., Рукосуев Е.Ю. Иностранные переселенцы и специалисты в России в XVIII веке: законодательное регулирование пребывания (по материалам полного собрания законов Российской империи) // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 2 (14). С. 7–21.
9. Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 55.
10. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 75.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 782.
12. Виргинский В.С. Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы. М.: Наука, 1986. 234 с.
13. Gouzevitch D., Gouzevitch I. De Ferry a Le Play : deux exemples de collaboration des ingenieurs d'Etat francais et des entrepreneurs miniers russes dans l'Oural : premiere moitie du XIXe siecle // Revue de la Maison Francaise d'Oxford. 2003. Vol. 1, № 2. P. 117–145.
14. Дашкевич Л.А. Михаил Данилович Данилов // Нижний Тагил в лицах. Организаторы производства, инженеры, техники XIX – начала XX века : пособие по историческому краеведению / отв. ред. и сост. Е.Г. Неклюдов. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. 96 с.
15. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 887.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 11. Д. 146.
17. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5592.
18. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 130.
19. Ермакова О.К. Противники или союзники? Крымская война и британско-российское техническое сотрудничество на Урале // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 67–77.
20. ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1347.
21. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12.
22. Шумилов Е.Ф. Город на Иже: Историческая хроника с прологом и эпилогом, в 12 главах, повествующая о славных традициях и богатой истории столицы Удмуртии. Ижевск : Удмуртия, 1990. 399 с.
23. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2001. 535 с.
24. Немцы на Урале XVII–XXI вв. Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. 288 с.
25. Бондаренко Ф.В., Микитюк В.П., Шкерин В.А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX – начале XX в. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. 86 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 апреля 2020 г.

The Industrial Identity of the Urals and Legal Culture: At the Intersection of Western European and Russian Traditions (The 18th to Mid-19th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 131–136.

DOI: 10.17223/15617793/454/15

Olga K. Ermakova, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation); Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ermakovaok@mail.ru

Keywords: industrial identity; legal culture; contract; foreign specialists; contract law.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Grant No. 19-78-10095.

The article compares the legal culture of foreign technical specialists, one of the key strata of the Ural society, with the legal culture of Russian (including local Ural) administrative structures of the 18th to the first half of the 19th centuries. Foreigners were one of the elite social groups that directly participated in the formation of the Ural industrial identity based on the specifics of the economic structure of the territory. Legal culture, as part of culture in general, was an important element in the sociocultural image of foreign specialists. At the same time, experts invited from Western Europe were carriers of a different legal consciousness that often led to misunderstanding and conflicts with local mining administrations and private entrepreneurs, even despite the existence of a contract hiring system. The functioning of the system of contract law in Russian realities did not immediately go in line with European conceptions and practice. The article provides specific examples of violations of contracts or disregard of a number of their provisions by employers. This was especially pronounced at the initial stage of the mass attraction of foreigners, in the era of Peter I. Gradually, as the analysis of the later contracts shows and the above cases demonstrate, there was a rapprochement of legal consciousness and ideas about the real legal force of the contract. Such a tendency could be observed back in the first quarter of the 19th century. By the middle of the century, it became absolutely obvious that on the part of the Russian state the contract was not ignored; conversely, it was considered as an important guarantee of foreigners' rights and was carefully executed. The article also gives examples of contract violations by foreigners, who did not perform their professional duties, but demanded all payments and awards their contracts stipulated. This does not allow idealizing hired specialists as models of exclusive legal responsibility. The author makes a general conclusion that in the 18th and in the first half of the 19th centuries, during the period of establishment and intensive development of the mining Urals, when the grounds of specific identity of the future large industrial center of the new type were being formed, the interaction, collision and inter-influence of the two legal cultures (Western European in the face of foreigners and Russian in the face of the local mining authorities and private factory owners) took place, which finally formed one of the specific features of the Ural industrial identity along with the special type of administration, social structure and cultural traditions of the region. The necessity to regulate the activities of large numbers of specialists from Western Europe, interact with them, solve conflicts—all this facilitated the gradual evolution of the local legal culture, increased its level and degree of adaptability to external impulses.

REFERENCES

1. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 248. List 1. Book 13.
2. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 271. List 1. Book 1.
3. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 24. List 12. File 33.
4. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 271. List 1. File 180.
5. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 271. List 1. File 118.
6. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 24. List 12. File 193.
7. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 24. List 12. File 1253.
8. Ermakova, O.K. & Rukosuev, E.Yu. (2019) Foreign Immigrants and Specialists in Russia in the 18th Century: Legislative Regulation of Stay (Based on the Materials of the Full Collection of Laws of the Russian Empire). *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2 (14). pp. 7–21. (In Russian). DOI: 10.25730/VSU.2070.19.015
9. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 55.
10. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 75.
11. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 24. List 32. File 782.
12. Virginskiy, V.S. (1986) *Efim Alekseevich i Miron Efimovich Cherepanov* [Efim Alekseevich and Miron Efimovich Cherepanov]. Moscow: Nauka.
13. Gouzevitch, D. & Gouzevitch, I. (2003) De Ferry a Le Play: deux exemples de collaboration des ingenieurs d'Etat francais et des entrepreneurs miniers russes dans l'Oural: premiere moitie du XIXe siecle. *Revue de la Maison Francaise d'Oxford*. 1 (2). pp. 117–145.
14. Dashkevich, L.A. (1999) Mikhail Danilovich Danilov. In: Neklyudov, E.G. (ed.) *Nizhnyy Tagil v litsakh. Organizatory proizvodstva, inzheneriy, tekhniki XIX – nachala XX veka: posobie po istoricheskomu kraevedeniyu* [Nizhnyy Tagil in Persons. Organizers of Production, Engineers, Technicians of the 19th – Early 20th Centuries: Manual on Historical Local History]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
15. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1267. List 7. File 887.
16. Russian State Historical Archive. Fund 37. List 11. File 146.
17. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 5592.
18. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 43. List 1. File 130.
19. Ermakova, O.K. (2015) Protivniki ili soyuzniki? Krymskaya voyna i britansko-rossiyskoe tekhnicheskoe sotrudnichestvo na Urale [Opponents or Allies? The Crimean War and British-Russian Technical Cooperation in the Urals]. *Quaestio Rossica*. 3. pp. 67–77.
20. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 43. List 2. File 1347.
21. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 12.
22. Shumilov, E.F. (1990) *Gorod na Izhe: Istoricheskaya khronika s prologom i epilogom, v 12 glavakh, povestvuyushchaya o slavykh traditsiyakh i bogatoy istorii stolitsy Udmurtii* [A City on the Izh: A Historical Chronicle With a Prologue and Epilogue, in 12 Chapters, Which Tells About the Glorious Traditions and Rich History of the Capital of Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtiya.
23. Alekseev, V.V. (ed.) (2001) *Metallurgicheskie zavody Urala XVII–XX vv.: Entsiklopediya* [Metallurgical Plants of the Urals in the 17th–20th Centuries: An Encyclopedia]. Yekaterinburg: Akademkniga.
24. Kirillov, V.M. et al. (2009) *Nemtsy na Urale XVII–XXI vv.* [The Germans in the Urals in the 17th–21st Centuries]. Nizhnyy Tagil: NTGSPA.
25. Bondarenko, F.V., Mikityuk, V.P. & Shkerin, V.A. (2009) *Britanskie mekhaniki i predprinimateli na Urale v XIX – nachale XX v.* [British Mechanics and Entrepreneurs in the Urals in the 19th – Early 20th Centuries]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.

Received: 08 April 2020

«АЗ И Я» ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ДИСКУРСА

Рассматривается взаимосвязь культурно-исторической концепции О.О. Сулейменова с евразийской идеологией 20–30-х гг. XX в. и влияние этой концепции на формирование неоевразийства в постсоветской России. Авторы приходят к выводу, что констатация длительного периода взаимопроникновения древнеславянских и древнетюркских культур в книге Сулейменова является историко-культурным фундаментом гуманистического взгляда на человечество как единую социокультурную общность, движущуюся к справедливому социальному устройству и демократии.

Ключевые слова: евразийство; неоевразийство; культура; идеология; дискурс; консерватизм; реваншизм.

Неоевразийство как широкое «полихромное» течение философско-политической мысли, а также заметное явление в политической жизни России и Казахстана, сформировалось в 90-е гг. XX в. Между тем, интеллектуальные истоки неоевразийства восходят к более раннему периоду. Считается, и вполне резонно, что ключевую роль в формировании базового комплекса неоевразийских идей сыграла деятельность Л.Н. Гумилева, не только как историка, автора научных работ, но и как популяризатора собственных взглядов. Лекции, которые Гумилев читал в 1960-х – первой половине 1980-х гг. в различных аудиториях, включали неоевразийскую компоненту. Однако в условиях жесткого идеологического контроля эта компонента не выдвигалась на первый план и едва ли вообще отчетливо осознавалась слушателями этих лекций. Евразийский цикл печатных работ Гумилева открывала книга «Древняя Русь и великая Степь», которая вышла в свет только в 1989 г. Но еще задолго до ее публикации, в 1975 г., было издано и получило широкую известность произведение другого автора, казахского поэта Олжаса Сулейменова, посвященное истории создания «Слова о полку Игореве». Хронологически это был первый текст, оказавший, как и более поздние работы Гумилева, заметное воздействие на формирование неоевразийского направления философско-политической мысли. Анализ этого текста представляет большой интерес для понимания феномена неоевразийства, влияние которого на интеллектуальную и политическую жизнь современной России трудно переоценить.

Комплекс идей, представленный в книге «Аз и Я» О. Сулейменова, мы будем рассматривать в двух аспектах: во-первых, с точки зрения его взаимосвязи с политической идеологией и культурно-исторической концепцией классического евразийства прошлого века и во-вторых, с точки зрения его влияния на современные философско-политические и культурно-исторические концепции неоевразийского толка. Но прежде следует вкратце изложить версию происхождения «Слова о полку Игореве», предложенную автором. Эта версия, а также лингвистический анализ памятника, реконструкция его первичного текста, позднейших дополнений и исправлений, являются фундаментом культурно-исторической концепции Сулейменова.

В книге «Аз и Я» утверждается, что «Слово» было создано в конце XII – начале XIII в. в Южной Руси

(вероятно, в Киеве). После монгольского нашествия вместе с другими уцелевшими от пожаров монастырскими книгами несколько списков «Слова» перевозят в северные княжества, и как минимум один из них попадает в Москву. В конце XIV в. московский список находит монах Софроний (получивший прозвище рязанец или рэзанец). На его основе Софроний пишет поэму о Куликовской битве («Задонщина»), а оригинал уничтожает. В XVI в. другой список находит в Пскове неизвестный монах, который переписывает его, переводя непонятные слова и выражения на язык своего века. Кроме того, он частично переделяет текст и дописывает финал, превращаясь таким образом в *соавтора* «Слова». Глубокая творческая переработка исходной версии памятника значительно меняет его лексику, грамматику, идеологию и общий смысл. Из произведения резко критического по отношению к князю Игорю (корыстолюбивому, вероломному, «несведомому» в воинском деле) и благожелательно настроенного по отношению к половцам «Слово» превращается в патриотическую апологию князя Игоря и его несчастного похода, призывает к объединению князей в борьбе с кочевниками («Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья пльки»). Последние изменения в «Слове» относятся уже к XVIII в. Разбивая сплошной текст рукописи на отдельные слова и предложения, переписчики и издатели искажали его в соответствии со своей интерпретацией каждого трудного места в отдельности и произведения в целом.

В критическом отзыве на книгу «Аз и Я» Д.С. Лихачев эту версию расценил как «совершенно фантастическую концепцию истории создания “Слова”» [1. С. 204], но легко заметить, что в главных чертах она мало отличается от той, что в наши дни признана более убедительной. «Текст СПИ был создан в конце XII – начале XIII века, и переписан где-то на северо-западе в XV или XVI веке», вероятнее всего в Пскове – утверждает крупнейший специалист по лингвистике «Слова» А.А. Зализняк [2. С. 33–34]. Конечно, многие детали версии Сулейменова являются поэтическим вымыслом, и они справедливо подверглись критике. Наиболее уязвимым было предположение о глубокой переработке «Слова» неизвестным автором XVI в. Эту идею не поддержали ни филологи, ни историки. Не поддержал ее и Лев Гумилев, хотя он, возможно, первый привлек внимание Сулейменова к несоответствию между

поводом к написанию произведения (неудачным походом русских князей) и патриотической риторикой «Слова». «Вся страна, вместо того, чтобы справедливо негодовать, радуется и веселится, забыв об убитых в бою и покинутых в плену. С чего бы?!» – иронизировал по этому поводу Гумилев [3. С. 342].

В октябре 1964 г. на заседании отделения этнографии Всесоюзного географического общества Гумилев выступил с докладом, в котором предложил свою гипотезу происхождения «Слова». По его мнению, произведение было написано в 40–50-х гг. XIII в., уже после монгольского нашествия, и в зашифрованном виде содержало призыв к объединению русских князей против захватчиков. Доклад был опубликован в 1966 г. и для Сулейменова важна поставленная в нем проблема. В «Аз и Я» приведена обширная цитата из доклада относительно «недоумения», связанного с политической подоплекой похода Игоря Святославовича. Однако Сулейменов расходится с Гумилевым в объяснении причин загадочного противоречия между трагическим поводом к созданию произведения и его идеологией. Гумилев объяснял это противоречие тем, что автор зашифровал реалии более позднего времени, когда патриотический призыв к объединению и борьбе с монголами был актуален, под события 1185 г., когда такой призыв, по его мнению, не имел никакого смысла, потому что к концу XII в. «перевес Руси над Половецкой степью сделался очевиден» [3. С. 342–343]. Сулейменов же расценил это противоречие как доказательство глубокой переделки и доработки текста памятника монахом-соавтором XVI в.

Гипотеза О. Сулейменова о происхождении, а также дальнейшей истории доработки и переработки «Слова» опиралась на лингвистический анализ текста, в котором он обнаружил (или полагал, что обнаружил) большое количество тюркизмов как явных, так и скрытых, «невидимых» позднейшими переписчиками и переводчиками. Анонимный псковский переписчик и соавтор поэмы, по мнению Сулейменова, немного владел одним из тюркских наречий. Поэтому часть обнаруженных им тюркских слов и выражений, вошедших в литературный русский язык XVI в., он оставлял без изменений, часть опознанных, но непонятных современникам тюркизмов переводил дословно, а часть, ввиду слабого знания тюркских языков, не распознавал вовсе. Эту категорию «невидимых» тюркизмов он также оставлял без изменений, поскольку в восприятии читателя они по созвучию с русскими словами обретали какое-то иное значение. Например, слова «поганый» и «язычник» Сулейменов рассматривал как «невидимые» тюркизмы. В русском языке XVI в. они имели негативные коннотации, а в XII в. должны были восприниматься нейтрально, в соответствии со значением тюркских слов, от которых якобы произошли. Слово «поганый» Сулейменов производил от тюркского «паган» (пастух), а «язычник» – от тюркского «йязык» (степняк). Следовательно, для читателя XII в. эпитеты «поганый» и «язычник» в отношении тюрков-кочевников не должны были восприниматься как негативно-уничтожительные.

Автор первоначальной версии «Слова», по мнению Сулейменова, «знал один из тюркских языков и

разбирался в наречиях» [4. С. 127]. И писал он поэму на смешанном *славяно-тюркском* языке. Но дело не в индивидуальных особенностях авторского письма, а в том, что литературный язык «Слова» отражал ситуацию VI–XII вв., характеризовавшуюся глубоким взаимопроникновением славянских и тюркских культур, в том числе в языковой сфере. «Языковая ситуация, сложившаяся в городах Киевской Руси в XII в., – отмечал Сулейменов, – напоминает мне ситуацию времени Пушкина и Толстого, когда высшее русское сословие было практически двуязычным» [4. С. 182–183]. На основе этих наблюдений и этимологических изысканий он сделал вывод о существовании целой «эпохи славяно-тюркского единства», когда слияние двух культурных миров достигло максимума. Сулейменов рисует идиллическую картину социокультурного единения восточных славян и тюрков. «С дохристианских времен, – пишет он, – славяне мирно общались с тюрками. Вместе пасли скот и пахали землю, ткали ковры, шили одежду, торговали друг с другом, воевали против общих врагов, писали одними буквами, пели и играли на одних инструментах. Верили в одно» [4. С. 186].

Начало эпохи предполагаемого славяно-тюркского единства Сулейменов точно не определял, а ее расцвет связывал с XI–XII вв. – временем господства в Великой степи кыпчаков (половцев). Именно в этот период «Русь срослась с Полем» не только в культурном, но и в кровнородственном отношении [4. С. 102]. Межэтнические браки русских князей с половчанками стали нормой. Они служили основой прочного военно-политического союза между князьями, взявшими себе в жены половчанок, и племенами (родами) кочевников, поставивших русским князьям невест. В русских княжествах оседали многочисленные группы тюрков (берендеи, черные клобуки и др.), которые несли военную службу и получали за это не только деньги, но и территории для постоянного проживания.

К концу XII в. эпоха славяно-тюркского единства, по мнению Сулейменова, подошла к закату. Браки русских князей с половецкими принцессами утратили политическое значение как раз в силу своей широкой распространенности: практически все влиятельные русские князья состояли в родстве с кочевниками. Поэтому новые браки не приносили былой выгоды. Негативное влияние на «славяно-тюркское единство» оказывала и Православная церковь, которая «с первых же шагов своей деятельности начала разрушать коммуникации со степью, обособлявая славяно-христианское сознание» [4. С. 186]. Монгольское нашествие явилось третьим и, по-видимому, решающим деструктивным фактором. С момента завоевания Руси монголами «духовная оппозиция Русь–Поле предельно обострилась», а «культурные контакты, ведущие к взаимопроникновению, приобретают характер эпизодический» [4. С. 187]. Сулейменов приходит к выводу, что **«большую часть того, что можно было получить от тюрков, славяне заимствовали до XIII века»** [4. С. 187]. В том числе речь идет и о языковом обмене. В последующие века билингвизм «эпохи славяно-тюркского единства» постепенно разрушался. В конечном счете, многие тюркские слова и

выражения либо вошли в состав русского языка и перестали восприниматься как тюркизмы, либо их значение забылось и они постепенно исчезли.

Отталкиваясь, таким образом, от лингвистического анализа текста «Слова о полку Игореве», Сулейменов пришел к собственной культурно-исторической концепции евразийского единства. Тот факт, что эта концепция вступала в очевидное противоречие с господствующими в то время в советской исторической науке представлениями, не смущал автора «Аз и Я». Письменные источники он считал менее надежными по сравнению с консервативной интерсубъективной «памятью» языка. «Словарь, – утверждал он, – единственный объективный источник исторических сведений. Язык сохраняет Летопись мира, не отразившуюся в письменности» [4. С. 186]. К этому надо добавить, что подозрительность и недоверие к советской исторической науке, стремление высвободиться из присущего ей ригидного идеологического схематизма вообще характерны для поколения 1960-х гг. («шестидесятников»), одним из ярких представителей которого был и Олжас Сулейменов, сын репрессированного в 1937 г. кадрового офицера. Но являлась ли культурно-историческая концепция Сулейменова всецело оригинальной? Или же он опирался в какой-то мере на интеллектуальную традицию, восходящую к работам евразийцев 1920–1930-х гг.?

Начнем с того, что о прямом заимствовании комплекса евразийских идей в 1960–1970-е гг. не могло быть и речи. Евразийские издания, а также другие печатные работы идеологов евразийства были недоступны советской интеллигенции, за исключением небольшой группы лиц, профессионально занимавшихся изучением истории антисоветских эмигрантских течений. Сулейменов к этой группе, очевидно, не относился. Мог ли он опосредованно, через «вторые руки» познакомиться с культурно-исторической концепцией евразийцев? Гипотетически такая возможность имела благодаря работам Л.Н. Гумилева, который начиная с 1956 г. регулярно переписывался с П.Н. Савицким, а через него с Г.В. Вернадским. Сулейменов был знаком по крайней мере с некоторыми ранними работами Гумилева. В одном из недавних интервью он утверждает, что увлекся тюркологией после знакомства с книгой Гумилева «Древние тюрки» (1967) [5].

Другое дело, что взгляды и научные концепции самого Л.Н. Гумилева складывались гораздо раньше, чем он познакомился с евразийским учением, и отличались от него. Переписка Гумилева с Савицким и Вернадским в 1950–1960-е гг. по понятным причинам была ограничена узкой тематикой: «Евразийские вопросы в переписке с Вернадским и даже с Савицким, – пишет биограф Гумилева С.С. Беляков, – почти не затрагивались, так что собственно евразийский элемент здесь очень невелик. Корреспонденты обсуждали спорные вопросы русской истории и проблемы взаимоотношений Руси с кочевниками Великой степи» [6. С. 327]. Близкое сходство можно заметить лишь между культурно-историческими концепциями евразийцев и Гумилева, которые в равной мере исходят из представления о *русско-тюрко-*

монгольском братстве как основе формирования русской государственности и русской (евразийской по своему характеру) культуры. Следует, однако, помнить, что в 1960–1970-е гг. Гумилев обращался к русской истории лишь эпизодически и не написал еще своих главных евразийских работ.

В книге «Аз и Я» содержится лишь одна, хотя и очень важная, ссылка на Л.Н. Гумилева. Вряд ли можно считать случайным сходство целого ряда высказываний Сулейменова с аналогичными высказываниями Гумилева. К примеру, упомянутый выше доклад о происхождении «Слова» Гумилев начинает с критики идеи перманентной борьбы Леса и Степи. «На самом деле, – утверждал он, – отношения русских с печенегами, половцами и татарами прошли длинную эволюцию и менялись подчас диаметрально» [3. С. 340]. В примечаниях к тексту доклада автор писал о том, что после разгрома в 1116 г. половцев русским войском под общим руководством Владимира Мономаха наступил длительный период мира, в течение которого сложилась «единая русско-половецкая система» [3. С. 343]. Трудно здесь не увидеть прямых соответствий с книгой Сулейменова, с идеей наличия «эпохи славяно-тюркского единства». Хотя Гумилев, надо заметить, и не представлял взаимоотношения Леса и Степи в таком идиллически-фантазийном виде, как это делал автор «Аз и Я».

Знакомство Сулейменова с некоторыми идеями Гумилева и вполне вероятное заимствование этих идей не свидетельствует, однако же, о близости его культурно-исторической концепции взглядам евразийцев на русскую историю. Прямое их сопоставление доказывает, по нашему мнению, обратное: никакой преемственности здесь нет, свою концепцию О. Сулейменов разрабатывал *независимо* от евразийской интеллектуальной традиции.

Безусловно, критика европоцентризма и традиционно-презрительного отношения некоторых европейских и русских (советских) историков к степным кочевникам и их культуре сближает Сулейменова с евразийцами. Вполне вероятно, что знакомство с позицией Гумилева в этом вопросе укрепило его критический настрой, хотя он указывает и другой источник своего вдохновения: работу Г.Н. Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (1899). Сибирские областники (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев) первыми в отечественной социально-философской мысли отказались видеть в степных кочевниках только «варваров», только «неисторические народы», чьи вторжения в зоны цивилизации имели всецело деструктивный характер. Работы областников были гораздо более доступны советским читателям, нежели работы евразийцев, а их до известной степени преувеличенная оценка внутреннего богатства и высокого уровня развития кочевых культур в области духовного творчества, безусловно, импонировала и была созвучна исторической памяти и естественному чувству национальной гордости О. Сулейменова.

Евразийцы – как Сулейменов, так и Гумилев – акцентировали внимание на длительном историческом периоде социокультурного взаимодействия восточных славян со степными ираноязычными и тюрко- и

монголоязычными кочевниками. Но идеологически мотивированная концепция евразийцев отводила *определяющую* роль в формировании евразийского социокультурного единства («евразийской нации») монгольскому завоеванию и последующему развитию Руси в составе Монгольской империи. «Исторически первые обнаружения евразийского культурного единства, – отмечал П.Н. Савицкий, – приходится искать не в Киевской Руси, которая была лишь колыбелью будущего руководящего народа Евразии и местом, где родилось Русское Православие, не в Хазарском царстве, конечно, и даже не в Руси Северо-Восточной. Впервые евразийский культурный мир предстал как единое целое в империи Чингизхана...» [7. С. 45]. Но это, как мы видим, *решительно противоречит* культурно-исторической концепции Сулейменова, который утверждал, что «эпоха славяно-тюркского единства» относится к *домонгольскому* периоду, завоевание Руси монголами как раз *раскололо* это единство и «духовная оппозиция Русь–Поле предельно обострилась» [4. С. 187]. В ходе последующего развития русская культура постепенно «забывала» о своих тюркских корнях, утрачивала евразийский (славяно-тюркский) облик, о котором сохранилась память лишь на бессознательном уровне, в словарном составе русского языка, насыщенного тюркизмами.

В отличие от евразийцев, Сулейменова не интересует политическая история и проблема генезиса российской государственности (как раз то, на чем в большей степени базируется евразийская культурно-историческая концепция). «Эпоха славяно-тюркского единства» в его изображении лишена каких-либо политических составляющих и социально-исторической конкретики. Он «вычисляет» наличие этой эпохи «на кончике пера», только на основе этимологического анализа языка «Слова о полку Игореве», и делает вывод о том, что в X–XII вв. имело место «двужычие», когда феодальная знать и в целом образованный слой населения русских княжеств свободно говорили также и на тюркских наречиях. При этом древнерусский язык энергично впитывал в себя тюркскую лексику, равно понятную в те времена и древним славянам, и древним тюркам.

Евразийцы, пытаясь дать научное обоснование своей идеологии, тоже уделяли много внимания проблеме взаимодействия древнерусского языка с индоевропейскими языками. Так возникла идеологически ангажированная концепция *евразийского языкового союза*, разработанная Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном. В 1923 г. в статье «Вавилонская башня и смешение языков» Трубецкой в самом общем виде представил идею о наличии языковых союзов. «Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области, – писал он, – обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием» [8. С. 333]. В 1931 г. Якобсон развил эту идею в концепцию евразийского языкового союза. Якобсон утверждал, что языки «Евразии», той географической области, которую евразийцы считали своеобразным «континентом в континенте», резко отличающимся по своим географическим и природно-климатическим характеристикам от «внешней» Евразии, обладают сходством на *фонологическом* уровне. «Отличительным признаком языков Евразии, по сравнению с монотоническими языками соседних месторазвитий, – утверждал Якобсон, – является фонологическое использование тембровых различий согласных» [9. С. 17]. Имелась в виду разница между твердыми и мягкими согласными, позволяющая дифференцировать словесные значения (*быт – быть; мат – мать; волна – вольна* и пр.). По мнению Якобсона, дифференциация согласных по твердости / мягкости резко отграничивала языки «внутренней» Евразии от языков внешнего окружения, а значит, служила еще одним доказательством наличия единого социокультурного пространства «России – Евразии».

Идеологическая «заряженность» концепции евразийского языкового союза выразилась в том, что Якобсон, во-первых, излишне резко очертил границы этого союза, тогда как (исходя из его же собственного исследования) они «расплывались» в достаточно обширной географической области. Во-вторых, он так и не сумел «привязать» свою концепцию к евразийской идеологеме «месторазвития». Фонологическое сближение далеких друг от друга языков легко объясняется их тесным соседством и длительным взаимодействием без необходимости прибегать к опосредованной мистической взаимосвязи через концепт «месторазвития». Наконец (и это главное!), фонологическое сближение далеких по своему происхождению языков *не делает их понятнее* друг для друга! Татарин, если не он не знает русского языка, не поймет русскую речь, так же как русский, если он не знает татарского языка, не поймет речь татарина. Взаимопонимание достигается на *лексическом*, а не на фонологическом уровне. Язык – это «система систем», как провозглашал сам же Якобсон, а значит, обнаруженная им тенденция к фонологическому сближению тюркских, монгольских, кавказских и восточнославянских языков по одному только из многочисленных признаков ровным счетом ничего не давала евразийцам в плане научного обоснования их идеологии (хотя и создавалась ими для этой цели [10]).

Важно отметить, что в ходе работы над своей книгой Олжас Сулейменов *совершенно очевидно* не был знаком с концепцией евразийского языкового союза. Он шел другим путем, акцентируя внимание на лексических заимствованиях из тюркских языков и билингвизме русского образованного слоя. В поздних работах Сулейменов также не использовал идею языковых союзов. Все это, включая перечисленные выше своеобразные черты культурно-исторической концепции Сулейменова, свидетельствует о том, что разрабатывалась она *независимо от евразийского учения* и была вполне оригинальной. Работы сибирских областников и Льва Гумилева оказали определенное влияние, но скорее не на саму концепцию, а на ее общую направленность, выразившуюся в настойчивом желании опровергнуть стереотипы в отношении кочевых культур и роли кочевников в мировой и отечественной истории.

Публикация книги «Аз и Я» вызвала громкий скандал. На автора обрушилась волна критики, а книга была изъята из продажи и из библиотек. Такая острая реакция требует объяснения. Очевидно, что концепцию Сулейменова нельзя рассматривать изолированно от *социально-политического контекста* 1960–1970-х гг. По мнению Л.Г. Фризмана, книга была подвергнута разгромной критике не столько за ее содержание, сколько за попытку самостоятельно мыслить, игнорируя партийно-идеологический контроль: «расправа с ней стала органической частью тотальной борьбы с любыми проявлениями инакомыслия» [11. С. 387]. С этой точкой зрения можно согласиться, учитывая, что публикация книги пришлось на расцвет эпохи брежневского «застоя». Выражая сомнение в официально признанной «патриотической» версии содержания «Слова о полку Игореве», а также истории создания этого памятника, автор делал себя легкой мишенью для советских партийных органов, отвечающих за государственную идеологию. Трактровка «Слова» не считалась в то время идеологически нейтральной, «эта проблема давно перестала быть чисто научной и густо обросла ненаучными оборотами и политическими коннотациями» [2. С. 26–27]. Официозные критики, набросившиеся на автора, обвиняли его в антирусской направленности, в отсутствии патриотизма, в «скрытом» сионизме, наконец, объявляли его книгу «пантюркистской вылазкой». Абсурдность этих обвинений вполне очевидна. И все же взгляд на книгу Сулейменова как на произведение в первую очередь *идеологическое* позволяет нам более точно выявить ее место и значение в евразийском дискурсе.

Критическая составляющая культурно-исторической концепции Сулейменова была направлена против версии древнерусской истории, сложившейся в предвоенное время и без существенных изменений развивавшейся в 1960–1970-е гг. Эта версия отражала ряд фундаментальных *идеологических установок*, навязанных советской исторической науке. Во-первых, единство «советского народа» как «новой исторической общности» возводилось к этнокультурному единству *древнеславянского народа* Киевской Руси (чем и было вызвано необычайное внимание советских историков к этому периоду). Во-вторых, Киевская Русь рассматривалась как *классическое феодальное государство*, что позволяло включить ее в марксистскую концепцию смены общественно-экономических формаций («пятичленку») и подкрепить официальную версию советской истории. В-третьих, с той же целью история Киевской Руси была представлена как *часть истории Европы*, потому что «социалистическая» революция не могла произойти в отсталой азиатской стране. С этой целью «обесценивались» культурные связи Киевской Руси с Востоком и подчеркивались контакты с Западом.

Концепция Сулейменова, включавшая тезис об эпохе многовекового славяно-тюркского единства, наносила, таким образом, чувствительный удар советской государственной идеологии, что отразилось в научных трудах по истории Древней Руси. Поэтому она и встретила такой отпор, хотя основания ее крити-

ки озвучивались иные. Сам автор, геолог по базовому образованию, очевидно, не понимал глубину своих расхождений с официальной государственной идеологией. Наоборот, он, как типичный представитель советской интеллигенции 1950–1960-х гг., был преисполнен *гуманистического энтузиазма* и веры в коммунистический идеал, очищенный от сталинских «искажений» и «перегибов». Выявляя и подчеркивая культурные связи древних славян с древними тюрками, Сулейменов, как ему, видимо, казалось, *расширял* культурно-историческую основу единства *советского народа*, добавляя к древнеславянскому единству еще и тюркскую этнокультурную компоненту. Но в рамках сложившейся идеологической доктрины советского государства такой «довесок» был неприемлем. Ведь даже невинная попытка некоторых советских ученых-обществоведов «расшатать» однолинейную концепцию «пятичленки» с помощью ссылок на «азиатский способ производства», упоминаемый в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, в целом также окончилась неудачей.

Острая реакция на книгу Сулейменова отразила конфликт между официальной советской идеологией периода застоя с тем широким и достаточно размытым идейным течением (внутрипартийным и внепартийным), которое Н.С. Хрущев обозначил как «возвращение к ленинским принципам демократизма». В самых общих чертах это идейное течение можно охарактеризовать как «левый ренессанс», включавший отказ от тоталитарных крайностей и ультралевого консерватизма сталинской эпохи. Идеология левого ренессанса формировалась под влиянием таких событий, как XX съезд КПСС (1956), разрядка международной напряженности, освободительное движение в странах Азии и Африки, Всемирный фестиваль молодежи в Москве (1957), кубинская революция (1959), полет в космос Юрия Гагарина (1961). В социально-философском плане левый ренессанс – это *гуманистический универсализм*, рассматривающий все человечество как единое планетарное сообщество равноправных людей, движущееся к справедливому социальному устройству и широкой демократии на основе научно-технического прогресса. Левый ренессанс 1950–1960-х гг. был явлением общеевропейским, но советская его разновидность имела специфические отличия, обусловленные сохранившимися в главных чертах тоталитарным характером политического режима.

Идеология советского «левого ренессанса» отражена в публицистике того времени, в ранних произведениях братьев Стругацких, в поэтических произведениях некоторых писателей, поэтов, бардов и, конечно же, в творчестве Олжаса Сулейменова. Известные строки из его поэмы «Земля, поклонись человеку!» (1961) служат ярким выражением гуманистического универсализма советского «левого ренессанса»:

Нет Востока,
И Запада нет.
Нет у неба конца.
Нет Востока,
И Запада нет,
Два сына есть у отца.

Нет Востока,
И Запада нет.
Есть
Восход и закат,
Есть большое слово –
ЗЕМЛЯ!

Приверженность Сулейменова идеям, вдохновлявшим представителей «левого ренессанса», не вызывает сомнений, в частности потому, что он сам об этом неоднократно заявлял. В 2010 г. Сулейменов резко критиковал идею провозглашения Казахстана «мононациональным государством», чем вызвал гнев казахских националистов. В 2014 г. на радиостанции «Свобода» он выразил надежду на то, что в будущем Россия, Беларусь, Казахстан и другие республики объединятся с Европейским союзом и «создадут громадный, глобальный Евразийский союз от Атлантики до Тихого океана» [12]. А в недавнем интервью «Известиям» (2018), отвечая на вопрос о том, изменились ли его взгляды, Сулейменов сказал: «Я всегда был и остаюсь интернационал-социалистом» [5].

Из сказанного очевидно, что культурно-историческая концепция Олжаса Сулейменова, сложившаяся в контексте «левого ренессанса», не имеет ничего общего с ультраправой, консервативной идеологией евразийства. Только *изъяв ее из этого контекста*, можно говорить о некотором отдаленном сходстве с евразийским взглядом на отечественную историю, да и то всецело ограниченном древнерусским периодом, когда шел процесс интенсивного политического и этнокультурного взаимодействия восточнославянского и тюркского населения. Это поверхностное сходство никого не должно вводить в заблуждение: констатация длительного культурного взаимодействия древних славян и древних тюрков для евразийцев и для Сулейменова *имеет совершенно разный смысл*. Евразийцам она служила идеологической опорой для манифестации особого пути развития России, а Сулейменову – идеологической опорой для гуманистического всепланетарного взгляда на человечество как единую социокультурную общность («единство в многообразии»). Но по иронии судьбы, вырванная из социально-политического контекста, в котором она формировалась, концепция Сулейменова в период кризиса коммунистической системы и распада СССР оказалась включена в совершенно иной контекст формирующегося неоевразийского дискурса.

Евразийство 20–30-х гг. XX в. явилось ультраправой, консервативной реакцией на победу большевиков в Гражданской войне. Это была идеология *политического реваншизма* – идеология людей, потерпевших поражение, но испытывающих горячее стремление переиграть историю. Неоевразийство рубежа XX–XXI вв. также явилось ультраправой, консервативной, реваншистской реакцией на поражение в холодной войне, распад СССР и начавшийся распад России. На этой почве возникли массовые фобии: страх перед окончательным распадом и гибелью государства, страх перед врагами, которые нас окружили со всех сторон, ненависть к «либералам», которые «развалили страну» и ввергли народ в нищету, ненависть к нуворишам, разбогатевшим на эксплуатации природных

ресурсов, и т.д. На базе этих фобий вызревали настроения и ожидания, которые предопределили возрождение националистических и других правых идеологий, в том числе неоевразийства.

Чеченский политический деятель и активист неоевразийского движения Хож-Ахмед Нухаев заявил как-то, что «евразийство означает союз между православием и исламом на почве противостояния Западу» (цит. по: [13. С. 376]). К этому следует добавить еще и союз между государством и Церковью на основе консервативных ценностей. Таким образом, неоевразийство – это широкое интеллектуальное и общественно-политическое течение ультраправого и правого толка, вдохновляемое идеями политического консерватизма, реваншизма, партикуляризма и антизападничества. Неоевразийство враждебно как праволиберальным, так и леволиберальным (социалистическим) идеологиям.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. неоевразийское течение формировалось под большим влиянием Льва Гумилева, идейное наследие которого и теперь широко используется неоевразийскими авторами в качестве теоретической основы их собственных работ. И хотя Гумилева не интересовало политическое приложение его взглядов, нельзя отрицать, что кое-что в них было созвучно классическому евразийству и его современным вариациям. Значительно меньшее воздействие на формирование комплекса неоевразийских идей оказала книга Олжаса Сулейменова. Культурно-историческая концепция «Аз и Я» потерялась на фоне гораздо более «раскрученной» гумилевской, но зато большую популярность приобрели филологические изыскания все новых и новых тюркских заимствований в русском языке, захватившие как профессионалов, так и дилетантов, как правило, националистического толка. Принципиальное расхождение взглядов Сулейменова с евразийской идеологией мало кто при этом замечал, так как социально-политическая ситуация в России на рубеже XX–XXI вв. формировала такой контекст восприятия его книги, который совершенно затмевал ее гуманистические и «левые» мировоззренческие истоки.

Несколько иначе дело обстояло на родине Сулейменова. Неоевразийство, практически ставшее при Нурсултане Назарбаеве официальной идеологией Казахстана, многим обязано Олжасу Сулейменову. Однако, кроме названия, эта идеология имеет мало общего с классическим евразийством и с российскими разновидностями неоевразийства. Позиционирование Казахстана как евразийского государства служит обоснованием его открытости к любым внешнеполитическим контактам, альянсам и союзам. Эта открытость манифестируется как *многовекторность* внешней политики Казахстана, призванная «установить партнерские отношения со всеми основными полюсами влияния – Россией, Китаем, США, ЕС, Индией, арабскими странами, странами Юго-Восточной Азии» [14. С. 254]. Политический курс Назарбаева правильнее было бы назвать *политическим прагматизмом*, использующим евразийскую риторику. Суть этого прагматизма – принципиальный отказ от конфронтации с кем бы то ни было, открытость для всех возможных направлений и путей решения внутренних

проблем посредством разноуровневой, разноскоростной и разновекторной интеграции в *глобальное пространство*. Внутренняя политика Казахстана демонстрирует сложное сочетание праволиберальных тенденций в экономике и леволиберальных тенденций в социальной и национальной политике. Отдаленное сходство с классическим евразийством угадывается только в отчетливо выраженных авторитарных тенденциях развития политической системы Казахстана, а также в стремлении легитимировать эти тенденции с помощью государственной идеологии.

Как известный общественный деятель, а не только поэт, Олжас Сулейменов разделяет ответственность за укрепление авторитарной политической модели в

Казахстане. Однако этот его выбор обусловлен скорее внутривластной обстановкой в республике и внешнеполитическими факторами, чем эволюцией его мировоззрения и политических взглядов, которые сформировались в эпоху левого ренессанса и нашли выражение в книге «Аз и Я». И хотя по воле случая культурно-историческая концепция Сулейменова долгое время воспринималась как произведение, включенное в евразийскую интеллектуальную традицию, в евразийский дискурс, в действительности, как мы пытались доказать, кроме поверхностного сходства, выразившегося в констатации тесных культурных связей древних славян с древними тюрками, эта концепция не имеет ничего общего с евразийством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Гипотезы или фантазии в истолковании темных мест «Слова о полку Игореве» // Звезда. 1976. № 6. С. 203–210.
2. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.
3. Гумилев Л.Н. Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве» // Л.Н. Гумилев. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2012. С. 340–361.
4. Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазуши, 1975. 304 с.
5. Сулейменов О. Всегда был и остаюсь интернационал-социалистом. URL: <https://iz.ru/721769/sergei-shargunov/olzhas-suleimenov-vsegday-byi-i-ostaius-international-sotcialistom> (дата обращения: 14.07.2018).
6. Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. Самая полная биография Льва Гумилева. М.: Астрель, 2012. 799 с.
7. Савицкий П.Н. Евразийство (опыт систематического изложения) // П.Н. Савицкий. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 13–78.
8. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 327–338.
9. Якобсон Р.О. К характеристике евразийского языкового союза. Париж: Издание евразийцев, 1931. 59 с.
10. Лихоманов И.В., Бойко В.А. Евразийцы и муза Клио: от мифологии – к науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 4. С. 173–187.
11. Фришман Л. Возмутитель спокойствия. Книга О. Сулейменова «Аз и Я» под огнем идеологической критики // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 385–390.
12. Сулейменов О. Полная независимость – это большая опасность. URL: <https://rus.azattyq.org/a/interview-olzhas-suleimenov/26697666.html> (дата обращения: 21.05.2018).
13. Кловвер Ч. Черный ветер, белый снег. Новый расцвет национальной идеи / пер. с англ. Л. Сумм. М.: Фантом Пресс, 2017. 496 с.
14. Назарбаев Н.А. Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций. М.: Экономика. 2008. 398 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2019 г.

AZ i YA by Olzhas Suleimenov in the Context of the Eurasian Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 137–144.

DOI: 10.17223/15617793/454/16

Igor V. Likhomanov, Novosibirsk Higher Military Command School (Novosibirsk, Russian Federation) E-mail: graingar@yandex.ru

Vladimir A. Boyko, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vboyko100@gmail.com

Key words: Eurasianism; Neo-Eurasianism; culture; ideology; discourse; conservatism; revanchism.

The article discusses the correlation of Olzhas Suleimenov's cultural-historical conception (1975) with the Eurasian ideology of the 1920s–1930s and the influence of this conception on the formation of Neo-Eurasianism in post-Soviet Russia. The authors of the article conclude that, when creating this conception, Suleimenov was unfamiliar with the Eurasian doctrine. In particular, he was unaware of the ideologically biased concept of the Eurasian language union developed in 1931 by Roman Jakobson. Although the Eurasians considered the period of the Mongolian domination during the 13th–15th centuries as the key element in the formation of the “Eurasian nation”, Suleimenov, however, credited the pre-Mongolian time as a period of the maximum cultural convergence of ancient Slavs and ancient Turks. He even believed that the Mongolian conquest of Russia provoked the split of the sociocultural unity of the Slavs and the Turks. Works by the Siberian oblastniks of the 19th century and Lev Gumilyov's early works also influenced Suleimenov's ideas to some extent. Suleimenov created his cultural-historical conception in the context of the “Left Renaissance” of the 1950s—1960s. The social and philosophical basis of this Renaissance was humanistic universalism, which considered all humankind as a united planetary community of people equal in rights and moving towards a fair social system and democracy. Therefore, the statement of the long period of Old Slavic and Old Turkic cultures' interpenetration has an essentially different meaning for Suleimenov and for Eurasians. For the latter, it was an ideological support for the demonstration of the special way of Russian development; for the former, it was an ideological support of the prospects of the development of humankind as a united sociocultural community. The Eurasianism of the 1920s–1930s was an ultra-right, conservative reaction to the victory of the Bolsheviks. Neo-Eurasianism was also an ultra-right, conservative, revanchist reaction to the defeat of the USSR in the Cold War and the country's subsequent disintegration. The sociopolitical context at the turn of the 21st century formed the perception of the book *AZ i YA* [AZ and I] that blurred its humanistic and leftist basis. As a result, for a long time, this book was wrongly perceived as being a product and part of the Eurasian intellectual tradition; in fact, it has nothing in common with this tradition. Suleimenov's ideas, meanwhile, significantly influenced the formation of the modern Republic of Kazakhstan's “Eurasian” state ideology. However, this ideology has little in common with classical Eurasianism and with modern Russian Neo-Eurasianism. Indeed, the political course adopted by Pres-

ident Nazarbayev could be termed as political pragmatism, i.e., using the Eurasian rhetoric to integrate Kazakhstan into the global economic and cultural space, a policy that evidently contradicts all Russian versions of Neo-Eurasianism.

REFERENCES

1. Likhachev, D.S. (1976) Gipotezy ili fantazii v istolkovanii temnykh mest “Slova o polku Igoreve” [Hypotheses or Fantasies in the Interpretation of Unclearities in “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Zvezda*. 6. pp. 203–210.
2. Zaliznyak, A.A. (2008) “Slovo o polku Igoreve”: vzglyad lingvisty [“The Tale of Igor’s Campaign”: A Linguist’s Opinion]. 3rd ed. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
3. Gumilev, L.N. (2012) Mongoly XIII v. i “Slovo o polku Igoreve” [Mongols of the 13th Century and “The Tale of Igor’s Campaign”]. In: Goncharova, E.M. (ed.) *Chernaya legenda. Druz’ya i nedrugi Velikoy stepi* [Black Legend. Friends and Foes of the Great Steppe]. Moscow: Ayris-press. pp. 340–361.
4. Suleymenov, O. (1975) *AZ i Ya. Kniga blagonamerennogo chitatelya* [AZ and I. A Book of a Well-Intentioned Reader]. Alma-Ata: Zhazushi.
5. Suleymenov, O. (2018) *Vsegda byl i ostayus’ internatsional-sotsialistom* [I Have Always Been and Will Remain an International Socialist]. [Online] Available from: <https://iz.ru/721769/sergei-shargunov/olzhas-suleimenov-vsegda-byi-i-ostaius-internatsional-sotsialistom>. (Accessed: 14.07.2018).
6. Belyakov, S.S. (2012) *Gumilev syn Gumileva. Samaya polnaya biografiya L’va Gumileva* [Gumilyov, the Son of Gumilyov. The Most Complete Biography of Lev Gumilyov]. Moscow: Astrel’.
7. Savitskiy, P.N. (1997) *Kontinent Evraziya* [The Eurasia Continent]. Moscow: Agraf. pp. 13–78.
8. Trubetskoy, N.S. (1995) *Istoriya. Kul’tura. Yazyk* [History. Culture. Tongue]. Moscow: Progress. pp. 327–338.
9. Jakobson, R.O. (1931) *K kharakteristike evraziyskogo yazykovogo soyuza* [Characterizing the Eurasian Language Union]. Paris: Izdanie evraziytsev.
10. Likhomanov, I.V. & Boyko, V.A. (2017) Eurasians and Muse of Klio: From Mythology to a Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4. pp. 173–187. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/40/17
11. Frizman, L. (2002) Vozmutitel’ spokoystviya. Kniga O. Suleymenova “Az i Ya” pod ognem ideologicheskoy kritiki [A Troublemaker. Olzhas Suleimenov’s Book “AZ and I” Under the Fire of Ideological Criticism]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 55. pp. 385–390.
12. Suleymenov, O. (2014) *Polnaya nezavisimost’ – eto bol’shaya opasnost’* [Total Independence Is a Great Danger]. [Online] Available from: <https://rus.azattyq.org/a/interview-olzhas-suleymenov/26697666.html>. (Accessed: 21.05.2018).
13. Clover, C. (2017) *Chernyy veter, belyy sneg. Novyy rastsvet natsional’noy idei* [Black Wind, White Snow: The Rise of Russia’s New Nationalism]. Translated from English by L. Summ. Moscow: Fantom Press.
14. Nazarbaev, N.A. (2008) *Strategiya stanovleniya postindustrial’nogo obshchestva i partnerstvo tsivilizatsiy* [The Strategy of the Formation of Post-Industrial Society and the Partnership of Civilizations]. Moscow: Ekonomika.

Received: 27 November 2019

Д.Н. Маслоуженко, Р.Ю. Почкаев

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА СИБИРСКОГО ХАНСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируются интерпретации формы и сущности власти в Сибирском ханстве в отечественной историографии, рассматриваются основные этапы становления взглядов на проблемы изучения и особенности сибирской государственности, в том числе объясняющие причины отсутствия специальных исследований в этом направлении. Проведение историографического исследования позволяет подвести определенные итоги и наметить перспективы и направления дальнейших исследований государственности древней Сибири.

Ключевые слова: Сибирское ханство; тюрко-татарская государственность; традиционное право кочевых народов; источники по истории Сибири XV–XVII вв.

Вопрос государственности и права Сибирского ханства является частью большой исследовательской проблемы: как в условиях распада постордынского пространства и при существовании «инерции единства», обоснованной В.В. Трепавловым [1. С. 362], трансформировались ее государственные и правовые традиции, каковы были локальные нюансы этого процесса? Не претендуя на полноту охвата темы, мы постараемся показать некоторые основные подходы к этой проблеме, существующие в отечественной историографии, именно на примере Сибирского ханства. В силу особенностей развития тюрко-татарской государственности Шибанидов на юге Западной Сибири название «Сибирское ханство» не может быть использовано в качестве обобщающего. Оно лишь отражает завершающий этап ее существования в XVI–XVII вв. Первым ханом из династии Шибанидов, который был назван в русских летописях «сибирским» [2. С. 264], являлся Кутлук б. Ибрахим, начало правления которого в Тюмени относится примерно к 1505 г. С середины XVI в. «сибирскими» в русских источниках автоматически называют всех местных Шибанидов, в том числе и их предков, например хана Ибака, который в синхронных документах известен только как «шибанский», «ногайский» или «тюменский царь».

Наиболее часто обсуждаемым, а точнее – констатируемым вопросом историографии является реконструкция системы управления и связанного с ними состава аристократии Сибирского ханства. С.В. Бахрушин писал о том, что «еще до прихода русских родовая туземная знать перерождалась в знать феодальную, социальная мощь которой основывалась на землевладении и на связанной с ним военной службе сеньору» [3. С. 155]. Тем самым, по сути, проводилась параллель с характерным для советской историографии трендом установления феодализма как главной черты средневековья. Исследователь не учитывал и в условиях доминирующей традиции не мог учитывать процесс ломки родоплеменных традиций в период вхождения территории в состав Монгольской империи и Золотой Орды, а тем более процесс реальной смены населения на юге Западной Сибири во владениях Шибана, которые и стали основой формирования позднейшей шибанидской государственности.

При этом С.В. Бахрушин считал, что стоявший в центре пестрой толпы феодалов «хан возглавлял многочисленные улусы, из которых складывался его юрт», при этом предложением выше писал, что лишь незначительная часть «черных людей» была непосредственно подчинена самому сибирскому хану. Большинство населения было подчинено своим князьям, находившимся в вассальной зависимости от султана. К ним, т.е. владельцам маленьких улусов, он относил мурз, князей и уланов (огланов), сравнивая их с летописными: «...удельные его бояре и князцы». Среди владельцев улусов и в целом сибирской аристократии, участвующей в системе управления, могли быть как представители «туземной сибирской знати», так и лица, пожалованные за службу, в том числе выходцы из родственных татарских государств, и члены ханской семьи. Кроме того, как отдельная категория выделялись феодалы, которые управляли улусами на основании их завоевания, что было не совсем очевидно по приведенным примерам, в частности князя Епанчи. Для историка была важно то, что именно через них осуществлялась власть над подчиненным населением улусов [3. С. 155–156].

При этом был также не ясен критерий отнесения к родовым или служилым владельцам улусов, например, Чин-мурза Иль-мурзин сын Юсупов был выходцем из Ногайской орды, но автор считал его именно представителем «туземной» знати. В качестве отдельной категории была выделена именно служилая знать, которая имела титул «ясаулов» (блюстителей порядка), опять же указывая, что и среди них могли быть племенные князьки, например аялыньских или барабинских татар [3. С. 156]. Таким образом, состав феодалов оказывался весьма запутанным, при этом автором (особо отметим – как и последующими историками) так и не был раскрыт конкретный механизм функционирования местной власти. Значительное место в авторской реконструкции имел вопрос сохранения местными аристократами определенных титулов в период вхождения в состав Российского государства, что, однако, не позволяло путем ретроспективного подхода реконструировать именно ситуацию XVI в.

По всей видимости, С.В. Бахрушин одним из первых предпринял попытку реконструировать чины ханского двора. Первое место среди них занимал ка-

рача («думчий царев» русских летописцев), которого сам исследователь сравнивал с визирем. На втором месте были аталаки (дядьки, воспитатели) [3. С. 156]. Интересно то, что общий рост влияния аталыков был в целом характерен для чингизидской государственности XVI в. [4. С. 111]. По всей видимости, для С.В. Бахрушина не стоял вопрос об организации государственной власти в ханстве, его решение подменялось изучением вассально-сеньориальных отношений, в том числе на примере соотношения с известными и теоретически обоснованными феодальными образцами. Несмотря на это, как мы увидим далее, за редким исключением схема этого историка оказала большое влияние на последующую историографию [5. С. 29].

Пять лет спустя, в 1960 г., в книге З.Я. Бояршиновой указывалось, что «Сибирское ханство состояло из мелких улусов, возглавляемых беками или мурзами, который находились в той или иной степени зависимости от верховного правителя ханства» [6. С. 113], как далее уточняется в служебно-вассальном положении. При этом, по ее мнению, аппарат государственной власти ханства не был сложным, и состоял из хана, который направлял в улусы ясаулов, вельмож – советников хана и карачи (визиря). Кроме того, существовал небольшой штат сборщиков ясака в лице даруг. При этом З.Я. Бояршинова пыталась уточнить конкретные обязательства улусных владельцев в отношении ханов, выражавшиеся в участии вместе с военными отрядами в походах ханов и передаче части ясака (которую автор, видимо, сравнивал с дарами) с людей своего улуса. Причем внутри улусов беки и мурзы сохраняли независимость в организации административно-полицейского управления, куда ханская власть не вмешивалась [6. С. 114]. Автор также перечисляет значительное число укрепленных городков, которые считает не просто центрами улусов, но и административными и военно-опорными пунктами феодалов Сибирского ханства. При всей схожести идей двух классиков сибиреведения З.Я. Бояршинова впервые пыталась писать именно о государственной власти в Сибирском ханстве, а не только системе местного управления и ханском дворе. По сути, эта схема дословно вошла в соответствующий раздел пятитомной «Истории Сибири» [7. С. 364–365], долгое время являвшейся наиболее авторитетным исследованием региона.

Еще в 1996 г. казахский историк М. Абдиров отчасти опирался на эту схему, хотя и насытил ее конкретными именами. При этом он пошел еще на одну «ступеньку» дальше, поскольку предположил, что государственное управление ханства было аналогично «государству кочевых узбеков» Абу-л-Хайра или Ногайской Орде, но при заметном влиянии Бухарского ханства. На основании этой аналогии он предположил наличие в Сибири при Кучуме дивана, реконструировал функционал карачи (главного визиря), обратил внимание на сферу ответственности аталыков. Интерес представляет то, что он уравнивал есаулов и даруг, которые должны были реализовывать решения дивана. По его мнению, они были домашними слугами хана, собиравшими ясак, считавшими военную добычу и исполнявшими административные

поручения. Причем именно есаулы во многом перешли к русским воеводам после поражения Кучума, сохранив при этом свои земли [8. С. 49–50]. В административный аппарат также входили кази, жаршы и би. Отметим, что в документах по истории Сибирского ханства, в отличие от государств более раннего времени, не упоминается диван как особый орган управления, что явно свидетельствует о упрощении политической системы, неизвестны жаршы, а положение биев, которые чаще всего были ногаями, явно было более сложным. Кроме того, автор, как и некоторые последующие исследователи, явно недоучитывает того, что некоторые обязанности в рамках внешней и внутренней политики могли выполнять не только перечисленные лица, но и служилые татары, находившиеся при ханском дворе [9. С. 127–129]. Работа М. Абдирова, по сути, знаменовала собой последнюю попытку реконструкции политического устройства Сибирского ханства именно в русле предшествующих историографических традиций.

Исследование этого вопроса было продолжено уже в 2000-е гг. казанским этнологом и историком Д.М. Исхаковым. Идеи автора были развиты в цикле его статей, которые, по сути, впервые ставили вопросы сибирской государственности, дипломатики, атрибутов и символов власти как особых научных проблем. Он исходил из принципиального сходства государственности тюрко-татарских ханств XV–XVI вв. и сохранении в них соответствующих традиций Улуса Джучи, о чем отчасти писал и М. Абдиров. Благотворной была и идея сквозного анализа всей шибанидской традиции государственности. Использование гипотезы Ю. Шамильоглы о клановых структурах и системе четырех карачи-беках позволили по новому взглянуть и на казалось бы известную систему управления Сибирского ханства. В результате были выявлены клановые аспекты государственности, подняты проблемы взаимоотношений хана и клановых элит, пересмотрена сущность дивана как собрания высшей знати и его руководителя «думного», а также обращено внимание на возможное наличие в Сибирском ханстве Кучума карачи-беков во главе с беклярибеком. Причем Д.М. Исхаков впервые предложил рассмотреть известных беков из Тайбугидов не как независимых сибирских князей, а именно как клан беклярибеков при ханах, а события 1563 г. как смену этого клана. Кроме того, был значительно расширен перечень мусульманского духовенства при дворе [10. С. 151–152; 11. С. 190–196; 12. С. 52–54]. В результате схема государственности обросла многими новыми подробностями. Эти идеи, хотя и при определенном влиянии С.В. Бахрушина, например относительно преувеличенной численности и роли тарханов, были развиты З.А. Тычинских, подчеркивающей наследие в системе управления наследия Улуса Джучи [13. С. 33–34, 127–132].

В целом высказанные Д.М. Исхаковым идеи о государственном устройстве подтолкнули дальнейшую дискуссию. При этом до сих пор никем не оспорено его основное открытие относительно функционирования в Сибирском ханстве системы четырех карачи-

беков. Проблема заключается в том, что в имеющихся источниках по сибирской истории упоминается фигура «думного его карачи» и его люди [14. С. 85]. Однако нигде, кроме довольно поздних этнографических параллелей, не указывается именно на наличие четырех карачи-беков, как это однозначно следует из материалов Крымского и Касимовского ханств. В данном случае даже указание на «сибирских людей» или «лучших сибирских людей», которые пригласили на искерский престол Ахмад-Гирея или приложили руки к грамоте Кучума в Москву в 1571 г. [15. С. 370; 16. С. 64], могут в зависимости от ситуации интерпретироваться и как совет карачей, и как своеобразный съезд сибирской знати, напоминающий более ранние курултаи. При этом ни в одном случае нет конкретного указания на состав этого совета. На данный момент остается не ясным, насколько идеи Ю. Шамильоглы работают именно для шибанидской традиции государственности.

Одной из самых оригинальных попыток реконструкции сибирской государственности является цикл работ двух омских археологов С.Ф. Татаурова и А.В. Матвеева. Обострение дискуссии по различным аспектам истории Тюменского и Сибирского ханств и появление центров обсуждения этой проблемы в Казани, Кургане, Омске и Тюмени показали, что письменные источники постепенно могут быть исчерпаны, а многие авторы занимаются реинтерпретацией уже известных текстов. Актуален был поиск новых путей исследования, при этом было понятно, что одним из очевидных было именно усиление археологических работ на памятниках позднего средневековья. Уже в 2009 г. указанные авторы написали статью «Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройства». Впервые были подняты вопросы организации охраны границ, в том числе при помощи строительства городищ, и создания государственной сети сообщения. Важным было и возвращение к обсуждению вопроса об административно-территориальном устройстве ханства. Было не только констатировано деление государства на улусы, а их в свою очередь на юрты, но и определены центры улусов, что позволило локализовать административные центры местного управления [17. С. 112–117].

Еще более предметно данный вопрос был рассмотрен в совместной монографии этих авторов «Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории». А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров верно отметили, что в 1560–1570-е гг. существенно расширились границы ханства, что и требовало создания соответствующей хорошо структурированной и эффективной системы административно-территориального управления, которое должно было стать «становым хребтом государства» [18. С. 126]. Авторы закономерно указали, что имеющиеся у историков подходы по этому вопросу не учитывают именно сибирскую специфику периода ханства, в том числе быстрое и масштабное расширение территории за пределы расселения как тюменских и тобольских татар, так и татар вообще. Это с очевидностью требовало отработки множества сценариев организации местной власти. При этом сложно согласиться с предположением о том, что са-

тому Кучуму не было места в устоявшемся административном аппарате по причине отсутствия у него земли и родового клана [18. С. 129]. Очевидно, что он как хан из Шибанидов автоматически занимал верховное место в иерархии по праву генеалогии и собственно приглашения сибирскими людьми.

А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров предположили, что в ханстве могло существовать три разных формы взаимодействия центральной и местных властей. Первая схема функционировала в землях бывшего Сибирского княжества, которые отчасти были поставлены под прямой контроль хана, его родственников и сподвижников (султанов, карачи, аталыков). Здесь же формировались пожалованные владения сартов, ногайских и казанских князей и мурз, а также продолжали функционировать улусы исконных владельцев из числа тюменских и тобольских татар. Они должны были выполнять военные обязанности, полицейские функции, собирать ясак на присоединенных территориях, содержать укрепления крепостей. При этом крупные улусы делились на владения сотников или есаулов [18. С. 130–131]. Вторая схема действовала в Барабе и Томском Приобье, где проживало тюркоязычное население, элита которого, заинтересованная в противодействии калмыкам, заключила союзнические договоры о военной взаимопомощи с Кучумом. В результате они сохранили свои владения, хотя в главном населенном пункте таких «провинций» сидел ханский наместник. Население платило ясак, содержало построенные ханом приграничные крепости и, возможно, пути сообщения. При этом на тех землях, где подсобного населения было мало, могли расселяться лояльные роды татар во главе со служилой знатью из князьцов и есаулов [18. С. 132–133]. Третья схема реализовывалась в Зауралье и Нижнем и Среднем Прииртышье, где проживали ханты, манси и смешанное угро-тюркское население. Здесь были построены городки для контроля населения, сбора с него ясака и возможного дальнейшего расширения территории, расселены небольшие группы лояльного населения со служилой знатью [18. С. 134–135]. В результате этих реформ должна была укрепиться ханская власть, а также сформироваться лояльная верховному правителю группа аристократии. Сложившаяся система оказалась вполне жизнеспособной, что и привело к ее сохранению при русских. При этом на самом деле не во всем ясна разница между второй и третьей схемой, поскольку часть угорских вождей явно сохраняли свою власть, в частности в союзном Кучуму Пельымском княжестве [19. С. 52]. По сути, как местная тюркская, так и угорская знать в той или иной степени платили налог как пушниной, так и кровью. К сожалению, следует признать, что археология не может установить точные схемы взаимодействия местной и центральной власти. При этом авторы абсолютно верно поставили саму исследовательскую задачу – формирование и взаимоотношения центральной и местной власти, изучение которой на теоретическом уровне было продолжено С.А. Чернышовым [20. С. 82–83].

В дальнейшем С.Ф. Татауров в своих статьях попытался реконструировать в целом государственные институты Сибирского ханства на осно-

вании их отражения в археологических материалах [21. С. 575–583; 22. С. 352–362]. Им были выявлены специфические воинские погребения, которые могли быть связаны именно с представителями служилой знати, различные варианты перстней-печатей, особые наконечники стрел, использовавшиеся в системе символического управления, и некоторые другие элементы. Представляется, что совместные работы историков и археологов могут дать весьма интересные результаты в изучении институтов управления ханства.

В 2012 г. свою схему системы государственной власти Сибирского ханства на основе письменных, в том числе архивных, источников предложил московский историк В.В. Трепавлов. К этому времени стало понятно, что историю этого царства нельзя ограничивать периодом похода Ермака, отдельные механизмы продолжали функционировать до поражения Кучума в 1598 г. и даже времени правления Али б. Кучума. По мнению исследователя, самым высокопоставленным лицом в Сибирском ханстве после самого хана был беклярибек в лице племянника Кучума Мухаммед-Кула, а после его пленения – ногайский мирза Али б. Ураз-Мухаммед [19. С. 21, 41]. Несмотря на логичность этой версии, на самом деле первый из них известен только как ведущий полководец, а второй – лишь как правитель нескольких улусов на Иртыше в 1590-х гг. [19. С. 42]. Источники не позволяют однозначно утверждать их статус именно как беклярибеков, хотя в силу самой традиции отношений Шибанидов и Едигеевичей это было бы логично. Традиционно для сибирской государственности рассматривается следующая после него фигура анонимного карачибия, который, как правило, отождествляется с Кадыр Али-беком джалаиром. Ранее А.В. Беляков уже писал о том, что этот человек, судя по всему, не был сибирским карачей [23. С. 63–64]. Его появление в Сибирском юрте следует связывать с приходом сюда казахского царевича Ураз-Мухаммеда, при этом среди казахов джалаиры действительно занимали важное место. В какой-то момент Кадыр Али-бек, попавший в русский плен и оказавшийся в Касимове участником церемонии интронизации Ураз-Мухаммеда, просто заместил собой в исторической литературе фигуру реального сибирского карачи-бека. При этом карача действительно занимал важнейшее место в системе управления, обеспечивая ханское войско амуницией и контролируя всю систему налогообложения в ханстве [19. С. 22]. В.В. Трепавлов также реконструировал состав двора Кучума и Кучумовичей, еще раз обратив внимание на усиление позиции аталыков и административный функционал хафизов-абызов [19. С. 132–133], которые, видимо, были ведущими администраторами на остатках Сибирского ханства. Очевидно, что сохранение дворами Кучумовичей определенных внешнеполитических функций предполагало и наличие при них писцов-биткичи или толмачей, которые участвовали в работе канцелярии или дивана [9. С. 126].

Абсолютно неожиданной оказалась возможность посмотреть на состав придворного окружения Кучумовичей, оказавшегося в Московском государстве в результате пленения или выездов. Документы по ис-

тории Сибирского ханства в целом позволяют реконструировать состав двора хана и султанов, куда входили те же лица, что присутствовали затем при дворах выездных царевичей: аталыки, имелдеши, кормилицы, князья, мирзы, казаки, толмачи, сеиды, абызы, возможно, и некоторые другие категории. Однако, большинство этих категорий, кроме представителей двух последних, в самой Сибири чаще всего абсолютно обезличены, в то время как в Московском государстве они могут быть привязаны к конкретным именам. А.В. Беляков недаром указывает, что «сибирские цари и царевичи долгое время стремились сохранить, по возможности, привычный для них круг общения, собирая вокруг себя тех, кого они знали еще по Сибири, или же их потомков» [24. С. 399]. Хотя следует учитывать, что с учетом абсолютно других задач дворов выездных Кучумовичей выполняемые такими людьми функции могли быть несколько иными, чем в Сибири.

В целом перечисленными подходами ограничиваются попытки установить специфику государственного устройства Сибирского ханства. С одной стороны, за более чем 50 лет изучения исследователи от попыток переноса на сибирские реалии теории феодализма перешли к пониманию, что аналогии нужно искать именно в ордынском наследии. С другой стороны, в результате некоторым из предложенных схем не хватает понимания именно местной специфики, выявление которой крайне затруднено слабостью источниковой базы. По сути, на данный момент с определенной долей условности реконструирован аппарат управления (хан, беклярибек, карача или совет карачей), выявлены различные схемы взаимоотношений центральной и местной власти, определен состав дворов Кучума и Кучумовичей.

Вопросы правового развития Сибирского ханства освещены в исследованиях по истории этого государства весьма скудно, что, по всей видимости, также объясняется отсутствием значительного числа исторических источников, оставшихся от этого государства. В связи с этим авторы, которые все же обращаются к правовым аспектам истории этого государства, вынуждены либо привлекать более поздние источники, причем даже не происходящие из Сибирского ханства, либо же строить предположения на основе косвенных сведений источников. Кроме того, в ряде случаев исследователи, не вполне четко представляя политические и социально-экономические реалии Сибирского ханства, а также не владея в достаточной степени необходимой историко-правовой терминологией, допускают ошибки, которые не всегда могут быть осознаны теми, кто привлекает работы таких авторов в рамках собственного изучения истории Сибирского ханства, в том числе и его государственности и права. Ниже мы намерены рассмотреть основные аспекты правового развития этого государства, нашедшие отражение в трудах упомянутых исследователей, попутно указав на основные ошибки, допускаемые ими.

Прежде всего, следует обратиться к вопросу об источниках права Сибирского ханства. Исследователи не без основания полагают, что это государство, являясь преемником Золотой Орды в политическом и государ-

ственном отношении, аналогичным образом унаследовало и основы ее правовой системы, которая в свою очередь была позаимствована из Монгольской империи. Однако следует учитывать, что уже в поздней Золотой Орде (вторая половина XIV–XV вв.) начинается процесс стагнации правового развития, в результате чего высокоразвитая и многоуровневая система права, существовавшая в этом государстве, в известной степени подверглась деградации. Малочисленность источников по истории Сибирского ханства и опора на точечные сведения позволили исследователям сделать вывод о значительной степени децентрализации власти в этом государстве (которое в интерпретации современных авторов предстает конгломератом автономных княжеств со слабыми административными связями) и о том, что население его было преимущественно кочевым и занималось в основном кочевой охотой [25. С. 21; 26. С. 321]. В связи с указанными выше различиями в организации системы местного управления и присоединением к Сибирскому ханству значительных территорий понятно, что не везде были какие-либо предшествующие ордынские традиции, а тем более невозможно было их оперативно распространить. Очевидно, что на вновь присоединенных землях сохранялись именно местные правовые обычаи.

Тем не менее, безусловно, в Сибирском ханстве действовал ряд источников золотоордынского права, применение которых не только было необходимо, но и отражало преемство этого государства от Улуса Джучи, эпохи его расцвета и, следовательно, подчеркивало легитимность претензий сибирских монархов на ордынское политическое и экономическое наследие.

Соответственно, правовыми актами, обладавшими высшей юридической силой, в Сибирском ханстве (как и в Золотой Орде, и в других постордынских государствах) являлись ярлыки – ханские указы. Исследователи неоднократно обращались к изучению многочисленных документов этого вида, сохранившихся до нашего времени. Это неоднократно публиковавшиеся ярлыки ханов Ибрахима (Ибака) конца XV в., хронологически относящиеся к предшествующему этапу сибирской государственности, и Кучума второй половины XVI в. Правда, эти дошедшие до нас документы, строго говоря, являются не столько правовыми, сколько дипломатическими актами, поскольку представляют собой послания московским государям. Исследовавший их А.Г. Нестеров (2004) специально подчеркивает, что эти акты, по-видимому, носили название не «ярлык», а «хатт-наме» или «созюм» («слово»). Тем не менее ряд исследователей (в частности, Х. Атласи, А.П. Григорьев, А.Г. Нестеров и др.) обращаются к анализу этих документов, правда, в большей степени используя их как источник по политической истории и международным отношениям Сибирского ханства [27. С. 48–50; 28. С. 176–178; 29]. А.К. Бустанов осуществил подробный комплексный анализ этих актов, исследовав обстоятельства их появления, классифицировав их с точки зрения дипломатики и выявив схожесть в их формуляре с актами Золотой Орды и других чингизидских государств [30. С. 15–50].

Таким образом, упомянутые документы не рассматриваются исследователями как источник права, хотя и позволяют сделать некоторые выводы относительно ярлыков как разновидности юридических источников Сибирского ханства. Во-первых, несомнен сам факт издания таких правовых документов сибирскими монархами [31. С. 121–122]. Во-вторых, косвенные сведения источников позволяют предполагать, что ярлыки выдавались сибирским чиновникам и дипломатам в качестве подтверждения их статуса и полномочий, а также купцам, осуществлявшим внешнеторговую деятельность [30. С. 28; 31. С. 247]. Анализ сведений исследователей, которые мы проведем несколько ниже, подтверждает, что именно ханскими ярлыками жаловали сибирские ханы и звание тарханов.

Также нельзя не учитывать тесные связи Сибирского ханства с Бухарским ханством (особенно во второй половине XVI в.), что наводит на мысль о влиянии среднеазиатской правотворческой и канцелярской традиции на сибирскую правовую систему. В первую очередь это отразилось на использовании «бухарского» формуляра ханских ярлыков (который в свою очередь имел первоосновой ярлыки ханов Монгольской империи), возможно, что и на использовании других видов правовых актов, широко применявшихся в Бухарском ханстве; заимствование бухарских традиций объясняется, по-видимому, тем, что с Кучумом в Сибирь пришли чиновники (писцы-битикчи) из Бухары. Также позволим себе высказать осторожное предположение, что источником права в Сибирском ханстве могли являться и непосредственно ярлыки Бухарского ханства периода Абдаллаха II. Во-первых, он в целом был одним из наиболее влиятельных Шибанидов конца XVI в. (хотя, конечно, версия о его сюзеренитете над Сибирским ханством скорее дань еще одной историографической традиции). Во-вторых, сами сибирские Шибаниды имели владения в присырдарьинском или приаральском регионе, находясь под влиянием соответствующей политико-правовой традиции [32].

Изучение ярлыков и посланий сибирских ханов (и бухарских ярлыков в Сибирь), как представляется, дает возможность рассмотреть внешнюю политику Сибирского ханства в международно-правовом аспекте. Специального исследования этого аспекта с историко-правовой точки зрения, насколько нам известно, до сих пор не проводилось, а между тем, оно позволило бы внести некоторые коррективы и в наше представление о статусе Сибирского ханства на международной арене и особенностях его государственного развития.

Отсутствие источников не позволяет сделать однозначного вывода о распространении такого источника права, как мусульманское право – шариат. Еще Г.Ф. Миллер в свое время отмечал, что усилия сибирских монархов (и в особенности Кучума) в обращении сибирского населения в ислам не принесли значительных результатов [33. С. 194–195]. В результате и во второй половине XVI в. ислам оставался религией верхушки [8. С. 52]. Тем не менее нельзя не отметить, что в Сибири, наряду со светскими сановниками и чиновниками, появились также высокопоставленные

представители мусульманского духовенства (из Бухары и Хорезма). Исследователи полагают, что при Кучуме существовал пост шейх-ул-ислама, традиционно являвшегося верховным судьей по шариату в мусульманских государствах, в том числе и чингизидских, а также действовали судьи-кади (казии) [8. С. 50; 34. С. 77; 35. С. 173–175]. Об их статусе и масштабах деятельности сведений нет (исследователи исходят из того, правосудие по определению входило в их компетенцию [10. С. 167–168]), тем не менее упоминание этих должностей дает основание считать, что шариат являлся одним из источников права Сибирского ханства. Кроме того, в частности, исследователь обычного права сибирских татар Г.Т. Бакиева отмечает, что это право традиционно именовалось адатом [36. С. 6]. Употребление этого термина свидетельствует о распространении среди сибирских татар мусульманского права, поскольку именно в таких условиях обычное (немусульманское) право обозначалось им.

Важным источником в условиях отсутствия централизации власти в Сибирском ханстве (и, следовательно, практической невозможности создания общегосударственного права для регулирования правоотношений в отдельных регионах Сибири) является обычное право сибирских племен – татар, остяков, вогулов и пр. В отличие от других источников права Сибирского ханства, это право (отдельные принципы и нормы которого сохраняли действие и в XVIII–XIX вв.) неоднократно привлекало внимание исследователей – в дореволюционный период – ученых XVIII в. И.Г. Георги, П.С. Палласа и историков права XIX – начала XX в. Д.Я. Самоквасова и Д.Е. Лаппо, сегодня им предметно занимается Г.Т. Бакиева.

В частности, такие обычно-правовые институты, как брак и развод, опека и попечительство, наследование, вполне могут иметь происхождение из времен Сибирского ханства и даже более ранних [36. С. 73–115; 37. С. 41–45]. Тогда как организация низовых судебных инстанций в XVIII–XIX вв., разрешение земельных споров и в особенности уголовных преступлений [36. С. 14–69, 115–141; 38. С. 3, 6–7, 14–16], несомненно, испытали существенное влияние не просто российского (царского), но и имперского законодательства. Именно в этих сферах имперские власти старались прежде всего приобщить жителей национальных окраин к российскому законодательству; особенно же эти процессы активизировались в условиях реформ права и суда – в частности, в эпоху Екатерины II, а затем и Александра II.

Любопытно отметить также, что, давая характеристику обычного права «сибирских инородцев», исследователи одновременно рассматривают и собственно правовые (преступления и наказания, мелкие правонарушения, суд и виды доказательств, статус «начальников», т.е. выборных предводителей), споры об имуществе и долговых обязательствах и пр.) и бытовые обычаи (свадебные и погребальные обряды, рождение детей, врачевание), а также отдельные религиозные обряды [38. С. 1–24]. Подобное вполне объяснимо при характеристике обычаев учеными XVIII в., ставившими целью общее, преимущественно этнографическое, описание народов Сибири (как

П.С. Паллас или И.Г. Георги), но для историков права подобный подход представляется странным. По нашему мнению, он может объясняться тем, что исследователи XIX в. тем самым старались подчеркнуть несовершенство обычного права «сибирских инородцев» и подготовить как имперские власти, так и самих носителей правовых традиций к дальнейшему распространению на последних норм общеимперского законодательства.

Тем не менее сомневаться в том, что обычное право сибирских народов являлось действующим и широко распространенным правом в Сибирском ханстве, не приходится. И, на наш взгляд, именно в этой сфере имеются наибольшие перспективы дальнейших междисциплинарных исследований с учетом уже имеющихся наработок источниковедов, этнографов, историков права. Представляется целесообразным соотнести сведения об обычном праве сибирских народов XVIII–XIX вв. с информацией об обычном праве кочевых тюрко-монгольских народов более ранних эпох, что и позволит понять, какие правовые обычаи существовали в Сибири издавна, а какие возникли (или существенно трансформировались) под влиянием российского имперского законодательства.

Сфера налогообложения является, наверное, одной из наиболее часто привлекающих внимание исследователей, однако и при ее изучении вновь возникает основная проблема – отсутствие достаточного количества источников.

Опираясь на сведения о Сибирском ханстве, исследователи полагают, что основным налогом в нем являлся ясак, т.е. законно установленный сбор в пользу властей, справедливо видя в этом термине некое обобщающее название системы различных налогов, перешедшей в Сибирское ханство еще из Золотой Орды [26. С. 321; 39. Р. 25, 32, 42]. Впрочем, некоторые авторы приписывают введение ясака Кучуму, считая именно его заслугой настолько тщательно разработанную систему налогов и сборов, что русским властям после завоевания Сибири даже не пришлось ее менять [8. С. 47]. Согласиться с таким утверждением, безусловно, нельзя, хотя государство Кучума в целом и представляется более организованным, нежели Сибирское ханство на более ранних этапах своего существования. Ясак в Сибирском ханстве (а затем и в Сибири в составе Российской империи вплоть до начала XX в.) оставался натуральным налогом и мог представлять собой определенное количество мехов (соболя, белки и пр.), рыбы и пр. [6. С. 114; 10. С. 147–148; 40. С. 4]. Единицей налогообложения считалась ясачная волость, которая, по-видимому, во времена ханства обозначалась термином «улус» [41. С. 6; 42. С. 234]. И хотя сами же исследователи признают, что, помимо ясака, «о других платежах и повинностях населения ханства мы ничего не знаем», отдельные наблюдения заслуживают внимания [34. С. 85–86].

Думается, что к числу наиболее ценных наблюдений исследователей в сфере налоговых правоотношений в Сибирском ханстве следует отнести разнообразие форм и видов налогов и повинностей в разных регионах этого государства в зависимости от особен-

ностей их экономической специализации. Еще С.В. Бахрушин обращал внимание на то, что одни ясачные волости сдавали налог мехами, другие рыбой, а отдельные – даже медом и охотничьими кречетами [3. С. 157; 8. С. 46; 43. С. 17]. Д.Н. Маслюженко и С.Ф. Та-тауров высказывают предположение, что продукция, поступавшая в ханскую казну в качестве налогов, зависела также и от того, в какой сезон осуществлялся налоговый сбор: осенью собирали продовольственный («кормовой») ясак, а весной – меха [26. С. 325; 44. С. 142].

Помимо систематически взимаемых налогов из Золотой Орды в Сибирское ханство перешли также и отдельные виды чрезвычайных сборов. К ним относятся дары, которые должны были преподносить жители селений представителям правящего рода и местным правителям, когда последние проезжали через их местность. При этом подданные сибирских ханов прекрасно осознавали «эпизодический» характер подобных сборов, поэтому попытки превращения их в постоянный сбор вызывали волнения [43. С. 45]. Поздние проявления практики такого сбора В.В. Трепавлов видит уже в эпоху «казацествующих Кучумовичей» уже в первом десятилетии XVII в.: они либо сами приезжали, либо направляли своих чиновников к земледельцам с требованием предоставить их хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию [26. С. 325–326]. На наш взгляд, впрочем, можно увидеть в этом попытку восстановления потомками Кучума (претендовавшими на власть в уже фактически павшем Сибирском ханстве) тагара, т.е. постоянного налога с земледельцев; эпизодичность же его сборов объясняется образом жизни «бродячих царевичей».

Наряду с налогами существовали также и повинности. Главной из них, безусловно, была воинская, которую должны были нести как представители знати, так и «черные люди», т.е. налогоплательщики [3. С. 157; 6. С. 113; 44. С. 142; 45. С. 173]. В эпоху Кучума, когда на границах ханства были возведены укрепленные сторожевые городки, к обязанностям населения окрестных селений прибавилось также содержание их гарнизонов [18. С. 66–67].

К числу наиболее распространенных ошибок при изучении налогово-правовых отношений (причем не только Сибирского ханства, но и Золотой Орды, и других чингизидских государств) является неправильная характеристика тарханов – лиц, обладающих налоговым иммунитетом. Несмотря на то что в разное время исследователи посвящали специальные работы институту тарханства, в которых подробно, опираясь на конкретные примеры и привлекая юридические памятники, характеризовали его правовую природу [46–48], современные авторы продолжают упорно считать тарханов представителями знати. Так, М. Абдиров, говоря о разделении подданных хана Кучума на «черных людей» и «тарханов», включает в число последних «всевозможных музр, беков, огланов и пр.», по сути повторяя предложенную за 40 лет до этого схему С.В. Бахрушина [3. С. 155; 8. С. 44]. З.Я. Бояршинова относит тарханов к числу ханских чиновников, которые сами обладали правом сбора налогов [6. С. 113]. По мнению Г.Л. Файзрахманова,

ханы жаловали тарханство бекам и мурзам, которые добровольно признавали их власть [45. С. 173].

Между тем нам уже приходилось подчеркивать, что представители знати не платили налоги уже в силу своего происхождения, тогда как тарханы освобождались от уплаты лишь на основе специальных ханских ярлыков. Возвышение же отдельных тарханов и вхождение их в сановную элиту происходило в силу политических особенностей, не будучи распространенной практикой [31. С. 155–157]. Так, С.В. Бахрушин упоминает существование в Сибирском ханстве эпохи Кучума некоего «Тархан-мирзу», т.е., вероятно, тархана (или потомка тарханов), возвысившегося и приобретшего аристократический статус [3. С. 157].

Впрочем, другие исследователи приводят более корректную информацию о тарханах в Сибирском ханстве, и их сведения позволяют сделать некоторые выводы о специфике этого института в государствах Шибанидов (включая Тюменское и Сибирское ханства и до некоторой степени даже Бухарское ханство в XVI в.). Так, З.А. Тычинских вслед за С.В. Бахрушиным и З.Я. Бояршиновой отмечает, что сибирские тарханы должны были нести воинскую повинность и, по ее мнению, именно из них впоследствии происходят служилые татары [13. С. 33–34]. Учитывая, что в монгольский имперский и золотоордынский периоды тарханство жаловалось за уже оказанные государству услуги и не предполагало последующих обязанностей обладателей этого титула, можно отметить, что в постордынский период сама его природа начинала претерпевать некоторые изменения, хотя число тарханов в Сибирском ханстве было невелико и только для одного из них выявляются конкретные военные обязанности. Небольшая численность тарханов привела к забвению этого института [49. С. 71–74]. Его восстановление при русской власти в форме пожалования не только служилым татарам, но и представителям местных «аборигенных» княжеств, о чем упоминает Х. Атласи [27. С. 67], могло быть связано с общероссийскими тенденциями. В частности, в Московском царстве и Российской империи тарханство стало жаловаться некоторым влиятельным башкирам и казахам, которые получали налоговый иммунитет, но также обязаны были нести военную службу за свои привилегии [31. С. 160, 165].

Соответственно, еще одним перспективным направлением в исследовании права Сибирского ханства (с учетом имеющихся источников и научных разработок) представляется систематизация информации о налогово-правовых отношениях. В частности, следует осуществить подробную классификацию налогов и сборов с учетом их происхождения (традиционные тюрко-монгольские, заимствованные из имперского законодательства или, возможно, еще доимперского обычного права, и мусульманские), объекта налогообложения, «налоговых агентов» (т.е. тех, кто осуществлял сбор – ханские чиновники или сами представители местных властей). Междисциплинарный подход может помочь более предметно изучить особенности налогообложения в конкретных регионах Сибирского ханства с учетом их географической и хозяйственной специфи-

ки, тем более, что большой шаг на этом пути уже сделан исследователями, как отмечалось выше.

Наконец, еще одним направлением в изучении правового развития Сибирского ханства является государственное регулирование торговой деятельности. Несмотря на отсутствие документальных свидетельств, косвенные свидетельства позволяют исследователям назвать некоторые принципы такого регулирования. Во-первых, купцы, осуществлявшие внешне-торговую деятельность, как уже упоминалось выше, вероятно, получали ханские ярлыки: факт их выдачи означал не только получение права торговать с соседними государствами, но и то, что они находились под покровительством хана и могли рассчитывать на его защиту в случае попадания в неприятную ситуацию во время осуществления своей торговой деятельности за рубежом [10. С. 184–185; 31. С. 247].

По мнению В.В. Трепавлова, опирающегося на сообщения сибирских летописей, в ханстве Кучума взимался торговый налог тамга [26. С. 325; 50. Р. 62–63]. Впрочем, других сведений о существовании в Сибирском ханстве такого налога мы не имеем, поэтому можем с равной степенью вероятности предположить, что Кучум, стремившийся распространить ислам в своем государстве, мог отказаться от сбора тамги и заменить его фактическим мусульманским аналогом – зякетом.

В рамках развития торговли можно упомянуть особую повинность, существовавшую в Сибирском ханстве, – обязанность населения поддерживать в порядке систему торговых маршрутов, т.е. дорог, бродов, мостов. Исследователи делают вывод о ее существовании на основе имеющихся данных письменных источников и даже фольклорных материалов [18. С. 137, 143; 51. С. 30]. Впрочем, вряд ли можно отнести эту повинность именно к инициативам сибирских ханов (и Кучума в частности): о ее существовании в Улусе Джучи известно еще по золотоордынским ярлыкам, и в заслугу сибирским ханам можно поставить лишь то, что они не отказались от этой практики в своем государстве.

Совсем отрывочные сведения имеются о частно-правовой жизни населения Сибирского ханства, что заставляет исследователей делать прямо противополо-

жные выводы по некоторым вопросам. Так, Б.А. Ахмедов, опираясь на изыскания С.Е. Толыбекова о «кочевом феодализме», утверждает, что понятие частной собственности на землю в Сибири отсутствовало [52. С. 91–93]. А Г.Л. Файзрахманов, напротив, полагает, что в Сибирском ханстве существовала частная собственность на землю, и сам хан Кучум являлся таким же частным собственником, как и его подданные [45. С. 155]. Впрочем, в пользу последнего мнения отчасти свидетельствует упоминание исследователями обычного права народов Сибири правовых обычаев, на основе которых местное население решало свои земельные споры [36. С. 130–131]. Некоторые сведения имеются о семейно-правовых отношениях – в частности, о том, что практиковалась покупка жен (исследователи обычного права также упоминают о калыме) [43. С. 24; 38. С. 2–3]. С.В. Бахрушин также отмечает существование у остяков накануне российского завоевания холопства [43. С. 35]. Это позволяет высказать предположение о существовании долгового рабства в Сибирском ханстве, при этом, например, Д.Я. Самоквасов упоминает, что «время для взыскания долгов не означено, хотя бы протекло тридцать даже лет» [38. С. 21]. Впрочем, как уже отмечалось, подобное изменение к вопросу о долге может объясняться влиянием России, в которой холопство было ликвидировано в XVII в.

Итак, можно констатировать, что хотя специальные исследования, посвященные государственному и правовому развитию Сибирского ханства, отсутствуют, специалисты неоднократно обращались к этой тематике в рамках общих или специальных работ по истории этого государства. В результате их исследований оказался выявлен круг источников, которые могут быть использованы для проведения и более глубокого изучения права Сибирского ханства, намечены основные направления дальнейших исследований, которые представляются наиболее перспективными. Кроме того, выявленные в процессе настоящего исследования историографические ошибки также дают повод вернуться к некоторым ранее изученным вопросам и рассмотреть их с учетом новейших работ в рамках данной тематики, а также с использованием междисциплинарного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трепавлов В.В. Золотая Орда после распада. Воспоминания о единстве // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост. лит., 2011. С. 360–383.
2. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. Вып. 4. С. 241–270.
3. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. М., 1955. С. 153–175.
4. Почекаев Р.Ю. Значение трудов О.Ф. Акимускина для изучения государственного и права Восточного Туркестана XVI–XIX вв. // Письменные памятники Востока. 2016. Т. 13, № 4. С. 109–117.
5. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 276 с.
6. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск: Изд-во ТомГУ, 1960. 152 с.
7. История Сибири. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 535 с.
8. Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы: Жалын, 1996. 176 с.
9. Маслоуженко Д.Н. Состав и функции властной элиты Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2017. Вып. 2 (37). С. 122–130.
10. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2006. 196 с.
11. Исхаков Д.М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV–XVI вв. // Сибирский сборник. Казань: Яз, 2011. Вып. 1. С. 190–196.

12. Исхаков Д.М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Междунар. конф. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011-б. С. 52–58.
13. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань : Фэн, 2010. 288 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 383 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 13: Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб. : Тип. Н.Ю. Скороходова, 1906. 234 с.
16. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М. : Тип. Н.С. Всеволодского, 1819. Ч. 2. 643 с.
17. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройства // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. Вып. 1. С. 112–117.
18. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань : Фэн, 2012. 260 с.
19. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
20. Чернышов С.А. Проблемы отношений центральной власти и региональных элит в Сибирском ханстве накануне русской колонизации // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всерос. (с международным участием) науч. конф. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 82–83.
21. Татауров С.Ф. Государственные институты Сибирского ханства и их отражение в археологических материалах // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 41, is. 3. С. 575–584.
22. Татауров С.Ф. Археологические памятники Сибирских ханств – поиск маркеров государственности // *Золотоордынское обозрение*. 2017. Т. 5, № 2. С. 352–362.
23. Беляков А.В. Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 63–64.
24. Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2018. 496 с.
25. Нестеров А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // *Сибирские татары*. Казань, 2002. С. 17–23.
26. Трепавлов В.В. Налогообложение в Сибирском юрте // *Тюркологический сборник 2013–2014. Памяти С.Г. Кляшторного*. М. : Наука ; Вост. лит., 2016. С. 320–330.
27. Атласи Х. История Сибири / пер. с татар. яз. А.И. Бадюгиной. Казань : Татарск. книж. изд-во, 2005. 96 с.
28. Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // *Востоковедение*. 1985. Вып. 11. С. 160–182.
29. Нестеров А.Г. Документы сибирских Шейбанидов XV–XVI вв. // *Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии*. Вып. 4 / под ред. А.А. Бурханова. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2004. С. 280–281.
30. Бустанов А.К. Деньги и письма сибирских ханов: опыт источникововедческого исследования. Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 60 с.
31. Почекаев Р.Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань : Татарское книжное издательство, 2016. 311 с.
32. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 229–243.
33. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Восточная литература, 1999. Т. I. 630 с.
34. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань : Татар. книж. изд-во, 2009. 142 с.
35. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань : Фэн, 2011. 228 с.
36. Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. Новосибирск : Гео, 2011. 214 с.
37. Лаппо Д.Е. Об изучении степного права // *Русская мысль*. 1906. Т. X. С. 36–51.
38. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава : Тип. Ивана Носковского, 1876. 284 с.
39. Wizenrath Chr. Cossaks and the Russian Empire, 1598–1725. Manipulation, rebellion and expansion into Siberia. London ; New York : Routledge, 2007. 259 p.
40. Андриевич В.К. История Сибири. Ч. I: Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. СПб. : Тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. 220 с.
41. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири XVII в. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1927. 35 с.
42. Самигулов Г.Х. Тюрки Зауралья к моменту вхождения в состав Московского государства (по письменным источникам) // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток : Дальнаука, 2017. С. 233–237.
43. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 97 с.
44. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 4. С. 135–150.
45. Файзрахманов Г. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX века. Казань : Фэн, 2002. 488 с.
46. Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями (Приложение к IV-му тому Записок Императорской Академии наук. № 6). СПб., 1864. 48 с.
47. Крафт И.И. Султаны, тарханы и бии // Крафт И.И. Из киргизской старины. Оренбург : Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. С. 80–82.
48. Шапшал С.М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию : сб. ст. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.
49. Маслюженко Д.Н. К истории института тарханства в государствах Шибанидов на юге Западной Сибири // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2018. № 10. С. 71–74.
50. Monahan E. The merchants of Siberia: Trade in early modern Russia. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2016. 410 p.
51. Самигулов Г.Х. Исторические дороги и их роль в основании слобод и острогов Южного Зауралья XVII века // *Вестник Челябинского государственного университета*. История. Вып. 53. 2012. № 34 (288). С. 30–35.
52. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М. : Наука, 1965. 196 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2019 г.

The Problem of Studying the State System and Law of the Khanate of Sibir in Russian Historiography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 145–155.

DOI: 10.17223/15617793/454/17

Denis N. Maslyuzhenko, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

Roman Yu. Pochekaev, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Keywords: Khanate of Sibir; Turkic-Tatar statehood; traditional law of nomadic peoples; sources on history of Siberia of 15th–17th centuries.

The article analyses the views of Russian researchers on the questions of the evolution of the statehood and law of the Khanate of Sibir. The authors note that the fifty years of studying this problem saw a transition from the efforts characteristic of the Soviet historical science to transfer the theory of feudalism to the Siberian realities to the understanding that the analogies of the state institutions should be searched within the framework of the Horde heritage and its inertia in the post-Horde world (V.V. Trepavlov, D.M. Iskhakov). Despite this positive shift of research focus, the analogy method has led to the situation that some of the proposed schemas lack the understanding of the Siberian specifics, whose detection is difficult because of the poor source base. The efforts to solve these contradictions were made by using neo-evolutional theories in the study of nomadic societies, including archeological studies on the monuments of the Khanate of Sibir used as the materials (S.F. Tataurov, A.V. Matveev). The proposed new approaches allowed reconstructing the administration apparatus as a whole (khan, land assembly, prime minister (bek), qarachi or qarachi union, princes and murzas) and revealing the specific origin and fates of the representatives of the Siberian aristocracy (V.V. Trepavlov, D.N. Maslyuzhenko). Different schemas of interrelations of the central and local powers and their manifestations in the distribution of fortified fortresses were revealed (S.F. Tataurov, A.V. Matveev, S.A. Chernyshov). A new trend in the research was the determination of the composition of the courts of the Kuchum dynasty that happened to be in Muscovy by capture or departure (A.V. Belyakov). In these conditions, Siberian tsarevitches became the center of attraction for other natives of Siberia; this gives new opportunities in the study of the statehood of the Khanate of Sibir when doing micro-historical work with unpublished sources from the Russian State Archive of Ancient Acts. It is this direction that is the most perspective for further work. Within the studies of the law of the Khanate of Sibir, the range of sources has been detected that can be used to conduct a deeper study of legal institutions, in particular, the question of the importance of the real detection of the balance of ordinary and sharia law on its territory has been raised. A special role in the reconstruction of legal institutions belongs to the study of tax relations and the institution of Tarkhanate, connected with it, as well as trade regulation which obviously played a significant role in the history of the Khanate. The historiographical errors revealed during this research give reason to revisit some studied questions taking into account the latest groundwork in the field of the usage of interdisciplinary approach.

REFERENCES

1. Trepavlov, V.V. (2011) Zolotaya Orda posle raspada. Vospominaniya o edinstve [The Golden Horde After the Collapse. Memories of Unity]. In: Klyashromyy, S.G., Sultanov, T.I. & Trepavlov, V.V. (eds) *Tyurkologicheskiy sbornik. 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological Collection. 2009–2010. Turkic Peoples of Eurasia in the Antiquity and the Middle Ages]. Moscow: Vost. lit., pp. 360–383.
2. Anon. (1958) Vychevodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) letopis' [The Vychevod-Vym Chronicle]. In: *Istoriko-filologicheskiy sbornik Komi filiala AN SSSR* [Historical and Philological Collection of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences]. Is. 4. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo. pp. 241–270.
3. Bakhrushin, S.V. (1955) *Nauchnye trudy* [Studies]. Vol. 3. Moscow: USSR AS. pp. 153–175.
4. Pochekaev, R.Yu. (2016) Importance of Works of O.F. Akimushkin for the Study of State and Law of the Eastern Turkestan of the 16th–19th Centuries. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. 13 (4). pp. 109–117. (In Russian).
5. Tomilov, N.A. (1981) *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [The Turkic-Speaking Population of the West Siberian Plain in the Late 16th – First Quarter of the 19th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Boyarshinova, Z.Ya. (1960) *Naselenie Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii (Vidy khozyaystvennoy deyatel'nosti i obshchestvennyy stroy mestnogo naseleniya)* [The Population of Western Siberia Before the Start of Russian Colonization (Types of Economic Activity and Social Structure of the Local Population)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
8. Abdirov, M. (1996) *Khan Kuchum: izvestnyy i neizvestnyy* [Khan Kuchum: Known and Unknown]. Almaty: Zhalyn.
9. Maslyuzhenko, D.N. (2017) Power Elite of the Tyumen and Sibir Khanates: Its Structure and Functions. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya – Perm University Herald. History*. 2 (37). pp. 122–130. (In Russian).
10. Iskhakov, D.M. (2006) *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva. Ocherki* [Introduction to the History of the Khanate of Sibir. Essays]. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
11. Iskhakov, D.M. (2011) O kul'ture gosudarstvennoy zhizni v Sibirskom yurte v XV–XVI vv. [On the Culture of State Life in the Khanate of Sibir in the 15th–16th Centuries]. In: *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. Is. 1. Kazan: Yaz. pp. 190–196.
12. Iskhakov, D.M. (2011) [Late Golden Horde Statehood of the Turkic-Tatars of the Siberian Region: In Search of Sociopolitical Foundations]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economy and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia]. Conference Proceedings. Kurgan: Kurgan State University. pp. 52–58.
13. Tychinskikh, Z.A. (2010) *Sluzhilye tatory i ikh rol' v formirovaniy etnicheskoy obshchnosti sibirskikh tatar (XVII–XIX vv.)* [Service Tatars and Their Role in the Formation of the Ethnic Community of the Siberian Tatars (17th–19th Centuries)]. Kazan: Fen.
14. Okladnikov, A.P. et al. (eds) (1987) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36. Moscow: Nauka.
15. Platonov, S.F. et al. (1906) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. St. Petersburg: Tip. N.Yu. Skorokhodova.
16. Russian State Collegium of Foreign Affairs. (1819) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kolegii inostrannykh del* [A Collection of State Letters and Treaties Held by the State Collegium of Foreign Affairs]. Pt. 2. Moscow: Tip. N.S. Vsevolozhskogo.
17. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2009) Sibirskoe khanstvo Kuchuma tsarya. Nekotorye voprosy gosudarstvennogo ustroystva [Kuchum's Khanate of Sibir. Some Issues of the State System]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskie gosudarstva – Medieval Turkic-Tatar States*. 1. pp. 112–117.
18. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2012) *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [The Khanate of Sibir: Military-Political Aspects of History]. Kazan: Fen.
19. Trepavlov, V.V. (2012) *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh* [The Khanate of Sibir After Yermak: Kuchum and the House of Siberia in the Struggle for Revenge]. Moscow: Vost. lit..
20. Chernyshov, S.A. (2017) [The Problems of Relations between the Central Government and Regional Elites in the Khanate of Sibir on the Eve of Russian Colonization]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economy and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia]. Conference Proceedings. Kurgan: Kurgan State University. pp. 82–83. (In Russian).
21. Tataurov, S.F. (2016) State Institutes of the Siberian Khanate and their Reflection in Archaeological Materials. *Bylye Gody*. 41 (3). pp. 575–584. (In Russian).
22. Tataurov, S.F. (2017) Archaeological Monuments of the Siberian Khanates: Search of the Markers of the Statehood. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 5 (2). pp. 352–362. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.352-362

23. Belyakov, A.V. (2014) [What Was the Name of the Big Siberian Qarachi?]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economy and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia]. Conference Proceedings. Kurgan: Kurgan State University. pp. 63–64. (In Russian).
24. Trepavlov, V.V. & Belyakov, A.V. (2018) *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii* [Siberian Princes in the History of Russia]. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko.
25. Nesterov, A.G. (2002) Iskerskoe knyazhestvo Taybugidov (XV–XVI vv.) [The Isker Principality of the Taibugids (15th–16th Centuries)]. In: Suslova, S.V. (ed.) *Sibirskie tatarsy* [Siberian Tatars]. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 17–23.
26. Trepavlov, V.V. (2016) Nalogooblozhenie v Sibirskom yurte [Taxation in the Khanate of Sibir]. In: Skrynnikova, T.D., Sultanov, T.I. & Trepavlov, V.V. (eds) *Tyurkologicheskii sbornik 2013–2014. Pamyati S.G. Klyash-tornogo* [Turkological Digest 2013–2014. In Memory of S.G. Klyash-tornoy]. Moscow: Nauka; Vost. lit. pp. 320–330.
27. Atlasi, Kh. (2005) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Translated from Tatar by A.I. Badyugina. Kazan: Tatarsk. knizh. izd-vo.
28. Grigor'ev, A.P. (1985) Shibanidy na zolotoordynskom prestole [The Shaybanids on the Golden Horde Throne]. *Vostokovedenie*. 11. pp. 160–182.
29. Nesterov, A.G. (2004) Dokumenty sibirskikh Sheybanidov XV–XVI vv. [Documents of Siberian Shaybanids of the 15th–16th Centuries]. In: Burkhanov, A.A. (ed.) *Vostok-Zapad: Dialog kul'tur Evrazii. Problemy srednevekovoy istorii i arkhologii* [East-West: Dialogue of the Cultures of Eurasia. Problems of Medieval History and Archeology]. Is. 4. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 280–281.
30. Bustanov, A.K. (2011) *Den'gi i pis'ma sibirskikh khanov: opyt istochnikovedcheskogo issledovaniya* [Money and Letters of Siberian Khans: The Experience of Source Study]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing.
31. Pochekaev, R.Yu. (2016) *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii* [Genghis Law: The Legal Heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar Khanates and Central Asian States]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
32. Belyakov, A.V. & Maslyuzhenko, D.N. (2016) Siberian-Bukharan-Nogai Relations in the Light of Correspondence Between Abdallah, the Khan of Bukhara, and Kuchum, the Khan of Siberia. *Stratum plus*. 6. pp. 229–243. (In Russian).
33. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura.
34. Iskhakov, D.M. (2009) *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [Turkic-Tatar States of the 15th–16th Centuries]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo.
35. Iskhakov, D.M. (2011) *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [The Sayyid Institution in the Ulug Ulus and the Late Golden Horde Turkic-Tatar States]. Kazan: Fen.
36. Bakieva, G.T. (2011) *Obychay i zakon. Ocherki pravovoy kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX veka* [Custom and Law. Essays on the Legal Culture of Siberian Tatars in the 18th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Geo.
37. Lappo, D.E. (1906) Ob izuchenii stepnogo prava [On the Study of Steppe Law]. *Russkaya mysl'*. X. pp. 36–51.
38. Samokvasov, D.Ya. (1876) *Sbornik obychnogo prava sibirskikh inorodtsev* [A Collection of Customary Law of Siberian Foreigners]. Warsaw: Tip. Ivana Noskovskogo.
39. Witzernath, Chr. (2007) *Cossaks and the Russian Empire, 1598–1725. Manipulation, Rebellion and Expansion Into Siberia*. London; New York: Routledge, 259 r.
40. Andrievich, V.K. (1889) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Pt. I. St. Petersburg: Tip. i lit. V.V. Komarova.
41. Bakhrushin, S.V. (1927) *Yasak v Sibiri XVII v.* [Yasak in Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk: Sibkrazizdat.
42. Samigulov, G.Kh. (2017) [Turks of the Trans-Urals at the Time of Joining the Moscow State (According to Written Sources)]. *Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperiy* [Between East and West: The Development of Cultures, Technologies and Empires]. Proceedings of the Third International Congress of Medieval Archeology of the Eurasian Steppes. Vladivostok: Dal'nauka. pp. 233–237. (In Russian).
43. Bakhrushin, S.V. (1935) *Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vekakh* [Ostyak and Vogul Principalities in the 16th–17th Centuries]. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR.
44. Maslyuzhenko, D.N. & Tataurov, S.F. (2015) Isker as a Mythologeme in the Study of Siberian Khanate History. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 4. pp. 135–150. (In Russian).
45. Fayzakhmanov, G. (2002) *Istoriya sibirskikh tatar s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [History of Siberian Tatars From Ancient Times to the Beginning of the Twentieth Century]. Kazan: Fen.
46. Vel'yaminov-Zernov, V.V. (1864) *Istochniki dlya izucheniya tarkhanstva, zhalovannogo bashkiram russkimi gosudaryami* [Sources for the Study of Tarkhanism Granted to the Bashkirs by the Russian Sovereigns]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
47. Kraft, I.I. (1900) *Iz kirgizskoy stariny* [From Kyrgyz Antiquity]. Orenburg: Tipo-litografiya F.B. Sachkova. pp. 80–82.
48. Shapshal, S.M. (1953) K voprosu o tarkhannykh yarlykakh [On Tarkhan Edicts]. In: Baskakov, N.A. (ed.) *Akademiku V.A. Gordlevskomu k ego semidesyatiletiyu* [To Academician V.A. Gordlevsky on His Seventieth Birthday]. Moscow: USSR AS. pp. 304–316.
49. Maslyuzhenko, D.N. (2018) To the History of the Institute of Tarkhanship in the Shibanids' States in the South of Western Siberia. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva – Medieval Turkic-Tatar States*. 10. pp. 71–74. (In Russian).
50. Monahan, E. (2016) *The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press.
51. Samigulov, G.Kh. (2012) Istoricheskie dorogi i ikh rol' v osnovanii slobod i ostrogov Yuzhnogo Zaural'ya XVII veka [Historical Roads and Their Role in the Foundation of Settlements and Fortresses of the Southern Trans-Urals of the 17th Century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 53:34 (288). pp. 30–35.
52. Akhmedov, B.A. (1965) *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [The State of Nomadic Uzbeks]. Moscow: Nauka.

Received: 16 October 2019

Г.О. Мацевский

РОЛЬ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XX в.

Исследуется позитивный опыт кубанского казачества в гармонизации межнациональных отношений и установлении добрососедских связей с народами северокавказского региона в 1990-е гг. На основе анализа документов региональных и федеральных архивов делается вывод о том, что с начала своего возрождения кубанское казачество позиционировало себя в качестве активного участника межнационального диалога, ориентированного на решение межэтнических проблем, достижения стабильности, мира и согласия во взаимоотношениях между народами.

Ключевые слова: современное казачество; кубанское казачество; возрождение казачества; межнациональные отношения; этносоциальные конфликты.

На протяжении веков, от времен Киевской Руси, Московского царства и Российской империи, наше государство формировалось как многонациональная, многоконфессиональная «цветущая сложность» (К. Леонтьев). В советский период было заявлено о решении межнациональных проблем путем формирования новой общности – советского народа. Однако системный кризис конца 1980-х гг., приведший к критике, а затем и разрушению практически всех сфер жизни советского общества, нашел свое продолжение и развитие в так называемом гуманитарном кризисе, проявившемся, в том числе, в росте агрессии и нетерпимости, деформации исторической памяти и негативном восприятии исторического опыта России, росте индивидуализма, разрыве социальных связей, атомизации общества [1. С. 6]. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. характеризуется все более разрастающимся кризисом межнациональных отношений практически во всех полиэтнических регионах СССР, резким увеличением активности различных национальных движений в союзных республиках в форме национальных фронтов. Внешние поводы для этого были самые разные: в Армении и Азербайджане – проблема Нагорного Карабаха, в Прибалтике – борьба за признание незаконным пакта «Риббентропа – Молотова» от 1939 г., в Молдавии – введение латинского алфавита и т.д. При этом национальные фронты основной и не всегда открыто декларируемой целью имели стремление к суверенитету и независимости от центральной власти, а идея «национального возрождения все ярче окрашивалась в политические цвета» [2. С. 240]. Например, М.Н. Губогло справедливо отмечает, что «в ходе реформационных процессов... не было кризиса отношений ни между нациями (этносомами), ни между субъектами Российской Федерации. Была ожесточенная борьба за власть в Москве, борьба, которая обрела форму “перетягивания каната” между двумя ветвями власти – представительной и исполнительной – и экстраполировалась затем на периферию...», а потому «речь должна идти... о кризисе становления этнократических элит и ожесточающейся борьбе за передел власти и собственности, о кризисе федерально-территориальной политики, ярко проявляющемся в борьбе между вялым центром и энергичной периферией... и, наконец, о кризисе национальной политики, являющимся побочным продуктом кризиса власти,

особенно в ее идеологической и политической частях...» [3. С. 113].

Согласно «Обзорной справке национал-радикальных движений на Северном Кавказе», подготовленной, скорее всего, при участии представителей региональных силовых структур, на Северном Кавказе уже в августе 1989 г. началось объединение национал-радикальных движений, приведших к созданию «Ассамблеи горских народов Кавказа», в состав которой вошли представители Абхазии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечено-Ингушетии», а в 1991 г. был подписан договор об образовании Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК), в которой были «представлены 14 народов – абазинский, абхазский, аварский, адыгейский, даргинский, ингушский, кабардинский, карачаевский, лакский, осетинский, черкесский, чеченский, шапсугский, чечено-акинский» [4. Л. 4]. Кроме того, лидерами КГНК было заявлено о «создании кавказского легиона для защиты конфедерации от “имперских происков России”», а также о «выходе конфедерации из состава России» [4. Л. 4]. В программных документах КГНК говорилось, что «ее конечной целью является создание “независимого кавказского государства от Каспийского до Чёрного моря”» [4. Л. 4].

Страна постепенно втягивалась в межэтнические противостояния, начинались волнения в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Абхазии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии. На этом фоне начинается процесс возрождения казачества, активный поиск им своего места в новой российской действительности.

На сегодняшний день серьезных работ, посвященных анализу вопросов, связанных с ролью современного казачества в гармонизации межнациональных отношений, пока нет. Отдельные фрагменты данной проблемы рассматриваются в исследованиях Г.С. Денисовой [5], Н.А. Шаожевой [6], А.В. Серикова [7], О.В. Вольтер [8], А.Ф. Григорьева [9], А.К. Кулумбековой [10], М.М. Гаджиева [11], О.Н. Дроботенко [12], М.А. Махалкиной [13] и других ученых, однако осмысление позитивного опыта современного кубанского казачества в разрешении этносоциальных конфликтов и противоречий, чаще всего, остается вне рамок научных поисков. В связи с этим в данной статье планируется рассмотреть роль кубанского казаче-

ства в установлении добрососедских отношений с различными народами северокавказского региона.

К октябрю 1990 г. в 30 городах и районах Кубани уже действуют различные казачьи организации [14. Л. 84–86], 12–14 октября 1990 г. в г. Краснодаре открывается Учредительный съезд казаков Кубани. На нем присутствуют 455 делегатов от 48 районов края и 197 приглашенных в качестве гостей от партийных и государственных органов, представителей казачьих сообществ других регионов. На съезде принимается решение о создании общественно-патриотической организации казаков Кубани под названием Кубанская казачья Рада (ККР) [14. Л. 82]. Атаманом Рады избирается кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета Владимир Громов.

Съездом также принимаются «Основные принципы и направления деятельности Кубанской казачьей Рады», свидетельствующие о готовности ККР активно участвовать в жизни региона и проявляющие некоторые аспекты возрождения казачества. Заявляя о том, что сложившаяся социально-политическая и экономическая ситуация в стране «создает угрозу социальной защищенности, экономической стабильности, сохранению и дальнейшему развитию материальной и духовной культуры Кубанского казачества», Съезд определяет и программу деятельности ККР, в которой в том числе говорится: «...1. ККР обеспечивает свое влияние на общественную и экономическую жизнь края... через своих представителей в органах власти... Борется за широкое представительство казаков в Советах с целью формирования казачьего депутатского корпуса... 2. ...восстанавливает самобытное казачье самоуправление» [14. Л. 73–78]. В связи с этим предусматривается организационно объединить казаков-депутатов, «в каждом районе создать группы политической поддержки казаков-депутатов», а также «направлять наиболее подготовленных казаков для участия в советских, партийных, общественных дискуссиях, трибунах общественного мнения и “круглых столах”... с целью привлечения на свою сторону большинства населения Кубани» [14. Л. 78]. Анализ материалов Съезда позволяет говорить о том, что тяжелое социальное и экономическое положение казаков, а также стремление казачества играть более заметную роль в российском обществе стали значимыми факторами его возрождения в рассматриваемый период. При этом одной из важнейших задач своей деятельности казачьи организации видят в «укреплении мира и дружбы, предотвращении национальной розни и конфликтов между многонациональным населением» страны и регионов [15. Л. 3].

30 ноября 1990 г. на Совете Атаманов Союза казаков, проходившем в г. Краснодаре, была принята «Декларация казачества России». Основной идеей Декларации было заявление о «недопустимости реализации конституционных прав одних народов за счет грубого попрания таких же законных прав других народов и о недопустимости развала Союза ССР и России» [16. Л. 35]. Это было также одно из первых политических требований казачества, во многом предопределивших политический облик Союза казаков и поддерживающих его казачьих организаций.

Совет Атаманов также заявлял о том, что казачество «как и прежде, в годину смут и тяжких испытаний для России... готовы Верой и Правдой служить Отчизне» [16. Л. 35]. Текст «Декларации» свидетельствовал о понимании казачьими лидерами растущего авторитета казачьего движения и желании казачества принять активное участие в деле социально-экономического и политического обустройства страны. Кроме того, обострение межэтнических противоречий стало одним из факторов, предопределивших особенности развития казачьего движения на годы вперед.

Казачьи структуры постепенно налаживают самостоятельные контакты с представителями народов Северного Кавказа, в частности с Конфедерацией горских народов Кавказа. Устанавливают связи с органами государственной власти республик, краев, областей и неофициальные отношения с общественно-политическими организациями, все чаще выступая в качестве самостоятельного актора социально-политической сцены.

Стремясь сохранить межнациональный мир и согласие в регионе, кубанское казачество активно участвует в различных мероприятиях и акциях, ориентированных на установление и поддержание межэтнического диалога, взаимообогащение культур народов, населяющих Кубань. При этом особый акцент делается на поддержание и развитие добрососедских, дружеских отношений с адыгским (черкесским) населением. В своем Обращении от 24 июня 1991 г. на имя Председателя Краснодарского крайисполкома Н.И. Горового и Председателя комиссии по межнациональным отношениям крайсовета А.Н. Ждановского члены общественных организаций «Джэнэджэжь (Эхо)» и Кубанской казачьей Рады выступили с просьбой «оказать содействие в реализации программ по возрождению национальной культуры народов, проживающих на Кубани», в том числе посредством «выражения гуманного отношения к праху адыгского народа... оказания содействия по установлению местонахождения заброшенных адыгских (черкесских) кладбищ и их обустройства» [17. Л. 5]. По мнению инициаторов Обращения, такие действия будут укреплять межнациональный мир и согласие, «благородным эхом доноситься будущим векам», а значит, на «страницах истории переплетенных судеб двух народов будет меньше черных пятен...» [17. Л. 5]. Подписали данное обращение атаман Кубанской казачьей Рады В.П. Громов и председатель общественного объединения «Джэнэджэжь» Х.К. Чемсо.

Важно отметить, что инициаторами в налаживании межкультурного диалога и преодолении негатива в отношениях между казаками и адыгами часто выступали и представители адыгской стороны. Так председатель Адыгэ-Хасэ, профессор А.Х. Каде в письме от 7.10.1992 г. от имени Правления Адыгэ-Хасэ предложил атаману Кубанской казачьей Рады В.П. Громову объявить совместный «конкурс на лучший учебник по истории Кубани», который должен был быть ориентирован на освещение добрососедских отношений народов региона, для чего «образовать конкурсную комиссию» и «определить призовой фонд» [17. Л. 50].

В воззвании «К соотечественникам» делегатов учредительной конференции Лиги Мира, подписанном Главой администрации Краснодарского края Н.Д. Егоровым, Президентом Республики Адыгея А.А. Джаримовым, атаманом Всекубанского казачьего войска В.П. Громовым, архиепископом Екатеринодарским и Кубанским Исидором, а также общественными деятелями, ректорами вузов и деятелями культуры Кубани и Адыгеи говорилось о том, что в условиях, когда на Северном Кавказе братоубийство уносит жизни людей, «в межнациональных конфликтах разрушается доверие между народами, выстраданное и завещанное нам предками», вступившие в Лигу Мира принимают обязательства «никогда и ни при каких условиях не применять насилия как способ разрешения конфликта; никогда и ни при каких условиях не призывать к насильственным действиям» [15. Л. 61, 64–65].

В целях реализации заявленных обязательств делегаты конференции рассмотрели и приняли проекты программ: «Развитие и взаимообогащение этнокультур», ориентированную на содействие формированию национального самосознания и более полному развитию и взаимообогащению национальных культур; «Межнациональный диалог», целью которой являлось «достижение и сохранение гражданского, межнационального мира путем переговоров и консультаций между властными структурами, общественными организациями, движениями и партиями, народной дипломатии, контактов простых людей» [15. Л. 74]. Интересно, что реализация данных программ предполагалась, прежде всего, за счет «проведения переговоров между представителями Республики Адыгея, Адыгэ-Хасэ, Всекубанским казачьим войском и другими казачьими объединениями...» [15. Л. 75].

Одной из значимых форм межкультурного взаимодействия казачества и адыгов, «укрепления дружбы и взаимопонимания между адыгским и русским народами» с начала 1990-х гг. становится региональный фестиваль казачьей песни, организуемый в пос. Тульском Управлением культуры Майкопского района Республики Адыгея, на территории которого традиционно располагался Майкопский отдел Кубанского казачьего войска, и финансируемый как по линии Министерства культуры Республики Адыгея, так и Всекубанским казачьим войском [18. Л. 2]. Постепенно данный фестиваль становится традиционным фестивалем казачьей культуры и в его рамках начинают проводиться научно-практические конференции, на которых рассматриваются различные аспекты самобытной кубанской казачьей культуры, этнодемографических особенностей формирования кубанского казачества, взаимоотношений народов и культур, исторически представленных в регионе. В 1999 г. на базе фестиваля была образована Кубанская ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры», учредителем которой стали: Министерство культуры Республики Адыгея, Кубанское казачье войсковое общество, Кубанский казачий хор, администрация г. Майкопа, администрация Майкопского района, администрация Тульского городского поселения, Союз славян Адыгеи, Конгресс русских общин. До сего-

дняшнего дня Ассоциация продолжает проводить фестивали казачьей культуры и научно-практические конференции.

В Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии взаимоотношения казаков, русскоязычного населения с местными народами складывались не так гармонично. Так на территории этих северокавказских республик в начале 1990-х гг. появляется ряд общественно-политических объединений и организаций (например, балкарское «Тёре», кабардинское «Адыгэ хасэ», карачаевское «ДЖАН» и др.), деятельность которых зачастую приводит к обострению межнациональной обстановки в регионе. В Уставе организации «ДЖАН» заявлялось, что это «независимая и свободная, общественно-политическая, народно-представительская, территориальная организация молодежи бассейна реки Джегута», создана для того, чтобы «вести борьбу по возвращению исконных земель Джегутинского общества», а также «вести борьбу и разъяснительную работу за возвращение исторических земель Карачая в рамках чеков последнего вождя ханства Темир-Болата с его кыпчакско-хунским населением, являющимся прямыми предками кабардинцев и балкарцев» [17. Л. 35].

К русскому и другим народам, «осевшим на территории Северного Кавказа в результате захватнической политики Российской империи, ДЖАН на данном этапе истории относится с должным пониманием и спокойствием...», однако «сторожевой пес царского самодержавия “казачество” рассматривается ДЖАНом сегодня в попытках его возрождения как исторический анахронизм», состоящий из «бандформирований, потерявших славянскую сущность, сильно отюркизированных, одетых в амуницию, являющуюся пародией на старую кавказскую или точнее хазарскую форму и проповедуя при этом языческую тюркофобию, они представляют собой наглядный пример паразитически адаптировавшегося к местным условиям контингента отсталой нации...» [17. Л. 36]. А потому, как следует из текста Устава, места казачеству на территории «карачаевского суверенитета» нет, да и смысловая граница между «пониманием и спокойствием» и «борьбой по возвращению исконных земель» по отношению к русскому и другим народам скоро сместится к последнему.

Согласно Краткой исторической справки «Основные этапы возрождения казачества в Балкарии», подготовленной атаманом Союза казаков Балкарии С.С. Сибиряткиным, Военно-исторический клуб «Казачья слава», образованный 4 октября 1990 г., «под давлением городских властей вынужден изменить свое название “в связи с общей общественно-политической обстановкой в республике и городе”. Нам отказали в регистрации, потребовали исключить из названия “военно”, “клуб”, “Казачья слава”, а оставить “Исторический кружок” типа школьного во избежание конфронтации с местным населением... Под давлением национальных общественно-политических организаций “Тёре” (балкарский форум) и “Адыгэ хасэ” (кабардинское вече) с 05.11.1990 г. Военно-исторический казачий клуб перешел на полуполюгальную работу» [14. Л. 185–185 об.]. В письме от 14 декабря 1990 г. одного

из активных деятелей возрождения казачества в Кабардино-Балкарии, участника воссоздания Терско-Малкинского казачьего отдела, председателя Совета общественно-политического объединения «Славяне», старшего научного сотрудника НИИ истории, филологии и экономики (г. Нальчик) Ф. Безродько говорится о том, что «действующее в Нальчике и опирающееся на инициативные группы в других городах объединение “Славяне” переживает далеко не лучшие дни», хотя еще «три года назад в межнациональных отношениях не чувствовалась напряженность» [15. Л. 2]. Теперь же из уст лидеров кабардинского объединения «Адыгэ хасэ» и в печати открыто звучат угрозы: «Адыги имеют право, могут и должны потребовать возвращения захваченных территорий, выселения с них русского населения, а также выхода из РСФСР» [15. Л. 2]. В связи с этим Ф. Безродько просит взять под защиту «Кубанской казачьей рады и ее атамана В.П. Громова, Адыгейского и Майкопского Советов общественных организаций “Адыгэ хасэ” и лично их председателей А. Схалыхо и Н. Куека» все русскоязычное население Кабардино-Балкарской АССР [15. Л. 3]. Из текста письма явствует, что с самого начала своего возрождения кубанское казачество воспринималось русскоязычным населением северокавказских республик в качестве реальной силы, способной оказывать достаточно явное влияние на развитие межнациональных отношений в регионе.

Не рассчитывая на помощь федерального центра в деле защиты русскоязычного населения в многонациональных регионах, казачество само пытается оказывать влияние на преодоление межнациональных конфликтов. Для этого руководство кубанских казачьих организаций в лице Войскового атамана и Войскового правительства активно взаимодействует с руководством северокавказских республик. В мае 1990 г., в ответ на обострение межнациональных отношений в Чечено-Ингушетии, атаман Кубанской казачьей Рады В.П. Громов в своей телеграмме на имя Председателя Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики Д.Г. Завгаева и Председателя Совета министров Чечено-Ингушской Республики С.М. Бекова предлагает «в условиях сложившейся конфликтной ситуации на Сунже... создать Сунженский автономный национальный район, гарантирующий права и защищенность русского казачьего населения», а также «ввести войска в станицы» [17. Л. 1]. В 1994 г. в адрес Председателя Совета министров Карачаево-Черкесской Республики В.И. Хубиева было направлено Письмо от 21.06.1994 г. № 405, в котором отмечалось, что «вопреки решению схода граждан и казаков в станице Зеленчукской Баталпашинского казачьего отдела власти Карачаево-Черкесии содействуют строительству в станице мечети, в то время как в окружающих аулах мечетей предостаточно и во время служений они практически пусты», а потому «казаки станицы Зеленчукской решительно отвергают эту идею и не приемлют ее, усматривая в этом исламистские устремления и вызов их национальным и религиозным чувствам» [18. Л. 3]. В связи с этим Войсковое правительство Всекубанского казачьего войска обращает внимание на то, что «это может привести к

усложнению межнациональных отношений, нарушению стабильности в регионе» [18. Л. 3], что не в интересах ни карачаево-черкесского, ни казачьего населения республики.

В ответ на дальнейшее обострение межнациональных отношений на Северном Кавказе, в связи с наведением конституционного порядка в Чеченской республике, казаки начинают выступать с инициативой «формирования отдельных казачьих батальонов по охране особо важных объектов и границ края [Краснодарского] и приведении их в боевую готовность (призыв, комплектование, боевая слаженность)» [19. Л. 12]. В Обращении на имя Президента РФ Б.Н. Ельцина (исх. № 44 от 31 января 1995 г.) Председатель комитета по вопросам местного самоуправления Законодательного собрания Краснодарского края, Войсковой Атаман Всекубанского казачьего войска, казачий полковник В.П. Громов отмечает, что «военный конфликт в гор. Грозном, своевременно не локализованный, расширился и охватил Чеченскую Республику», а потому «не просматривается гарантий стабильности на Кубани и в Адыгее уже в ближайшей перспективе. А в связи с недавними открытыми угрозами Д. Дудаева казачество и весь народ Кубани высказывают беспокойство о судьбах региона» [19. Л. 12]. Перед лицом такой опасности «казаки вправе предупредить разгул национализма и экстремизма на Кубани», так как «дальнейшее промедление в создании и подготовке казачьих формирований [военизированных] чревато тяжелейшими последствиями не только для Кубани, но и всего нашего Отечества» [19. Л. 12].

Примечательно, что практически во всех своих обращениях и письмах к руководству государства казаки заявляют о своей готовности «служить верой и правдой интересам государства, охранять неприкосновенности его границ, выступать гарантом общественной стабильности...» [19. Л. 7–8]. В «Обзорной справке национал-радикальных движений на Северном Кавказе» подтверждалось, что «в настоящее время реальной силой, которая может противостоять национал-радикальным движениям Северного Кавказа, является казачество, выступающее под лозунгом защиты русского населения в регионе» [4. Л. 7]. Однако, как отмечали сами представители возрождаемого казачества в письме, подготовленном на имя Президента РФ В.В. Путина в 2002 г., «потенциал казачества задействован государством значительно меньше возможного», в связи с чем «очень важно определить место казачества в решении этнических проблем», так как «история Юга России знает немало примеров мирного урегулирования казаками национальных конфликтов...» [20. Л. 94].

Таким образом, с самого начала своего возрождения кубанское казачество позиционировало себя в качестве активного участника межнационального диалога, ориентированного на решение межэтнических проблем, достижение стабильности, мира и согласия во взаимоотношениях между народами. При этом подчеркивалось, что достижение гражданского и межнационального мира возможно, прежде всего, путем переговоров и консультаций между общественными организациями, движениями и партиями,

народной дипломатии, контактов простых людей. В целях реализации заявленных идей, казачество принимало активное участие в различных мероприятиях и акциях, направленных на установление и поддержание добрососедских отношений, взаимообогащение культур народов, населяющих Кубань. В рамках фестивалей народных культур организовывались выставки и концерты, проводились фольклорно-этнографические исследования этнических культур, научные конференции и форумы. При этом особый акцент делался на поддержку и развитие добрососедских, дружеских отношений с адыгским (черкесским) населением региона. Кроме того, руководство

казачьим движением, выступая в роли защитника интересов всего русскоязычного населения Северного Кавказа, в условиях нарастания межэтнической напряженности выступало с требованиями к руководству северокавказских республик мирного решения территориальных, политических, этнических и иных проблем, а в случае необходимости предлагало Президенту и Правительству России использовать и силовой потенциал казачества путем создания казачьих воинских частей и соединений. Несомненно, что такая политика сыграла свою положительную роль в гармонизации межнациональных отношений в полиэтничском северокавказском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 17.10.2018).
2. Паин Э.А. Этнополитические перспективы России: от проблем выживания к проблемам развития // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1996. С. 238–247.
3. Губогло М.Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 112–114.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 1843. Оп. 1. Д. 102.
5. Денисова Г.С. Межэтнические отношения в Южном федеральном округе: основные проблемы в условиях санкционной политики (по материалам этнополитического мониторинга) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 38–42.
6. Шаожева Н.А. Казачество в современной Кабардино-Балкарии: ресурс этнополитической стабильности (по материалам социологического исследования) // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели : материалы Всерос. конф. с междунар. участием. Нальчик, 2017. С. 258–262.
7. Сериков А.В. Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник РАЕН. 2013. № 3. С. 35–39.
8. Вольтер О.В. Казачество как фактор межнациональной стабильности России в контексте современной геополитики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15, № 1. С. 86–89.
9. Григорьев А.Ф. Роль казачества в вопросе межнациональных отношений: вызовы – задачи – перспективы // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. 10–14 октября 2014 г. / под ред. А.Н. Рябикова, Т.Г. Письменной, Е.В. Манузина. 2014. С. 42–46. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22868563>
10. Кудумбекова А.К. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе в начале XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 109–116.
11. Гаджиева М.М. Межнациональные отношения на Северном Кавказе в историческом ракурсе: основные факторы формирования // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2.
12. Дроботенко О.Н. Кубанское казачество как фактор национальной безопасности юга России // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2016. № 4.
13. Махалкина М.А. Участие кубанских казаков в региональных конфликтах на постсоветском пространстве (на примере войн в Приднестровье и Абхазии в 1990-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10144. Оп. 1. Д. 6.
15. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 14.
16. ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 12.
17. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 16.
18. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 79.
19. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 89.
20. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 213.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 августа 2019 г.

The Role of the Kuban Cossacks in the Harmonization of Interethnic Relations in the Late Twentieth Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 156–161.

DOI: 10.17223/15617793/454/18

German O. Matsievsky, Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism (Krasnodar, Russian Federation).

E-mail: matsievski2004@mail.ru

Keywords: modern Cossacks; Kuban Cossacks; revival of Cossacks; interethnic relations; ethno-social conflicts

The object of the study is the Kuban Cossacks of the late 1980s and the 1990s. The article aims to identify the positive experience of the Kuban Cossacks in harmonizing interethnic relations and establishing good neighborly relations with different nations of the North Caucasus region on the basis of an extensive and representative circle of documents from regional and federal archives. The post-perestroika period in the history of Russia is characterized by a growing crisis of interethnic relations in all multi-ethnic regions, a sharp increase in the activity of various national movements and associations. The country is gradually drawn into interethnic confrontations; unrest begins in Chechen-Ingushetia, North Ossetia, Abkhazia, Karachay-Cherkessia, Kabardino-Balkaria, Adygea, and other regions. At this time, the revival of the Cossacks and the active search for their place in the new Russian reality begin. In October 1990, at the Constituent Congress of the Cossacks of the Kuban, a decision was made to create the Kuban Cossack Rada, a social-patriotic organization. At the congress, it was also stated that Cossack organizations consider the strengthening of peace and friendship, the prevention of national hostility and conflicts between the multinational population of the country and the regions as some of the most important tasks of their activities. The study concludes that from the very beginning of their revival, the Kuban Cossacks positioned themselves as active participants in interethnic dialogue, focused on solving interethnic problems,

achieving stability, peace and harmony in relations between nations. During the period under review, the Cossacks took an active part in various events and actions aimed at establishing and maintaining good neighborly relations, mutual enrichment of the cultures of various nations living in the Kuban. In addition, the leadership of the Cossack movement acted as a defender of the interests of the Russian-speaking population of the North Caucasus in the face of the growing interethnic tensions, came up with demands for the leadership of the North Caucasian republics to resolve territorial, political, ethnic and other problems peacefully. If necessary, they offered the president of Russia to use the power potential of the Cossacks by creating Cossack military units and formations. Such a policy had a positive role in harmonizing interethnic relations in the multi-ethnic North Caucasus region.

REFERENCES

1. Kremlin.ru. (2014) *Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014, No. 808 "On Approval of the Foundations of the State Cultural Policy"*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208>. (Accessed: 17.10.2018). (In Russian).
2. Pain, E.A. (1996) *Etnopoliticheskie perspektivy Rossii: ot problem vyzhivaniya k problemam razvitiya* [Ethno-Political Prospects of Russia: From Problems of Survival to Problems of Development]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kuda idet Rossiya? Sotsial'naya transformatsiya postsovet'skogo prostranstva* [Where Is Russia Going? Social Transformation of the Post-Soviet Space]. Moscow: Aspekt Press. pp. 238–247.
3. Guboglo, M.N. (1995) *Tri linii natsional'noy politiki v postkommunisticheskoy Rossii* [Three Lines of National Policy in Post-Communist Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 112–114.
4. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 102.
5. Denisova, G.S. (2015) *Interethnic Relations in the Southern Federal District: Major Issues in the Context of Sanctions Political Regime (Based on the Results of Ethno-Political Monitoring)*. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 24. pp. 38–42. (In Russian).
6. Shaozheva, N.A. (2017) *Kazachestvo v sovremennoy Kabardino-Balkarii: resurs etnopoliticheskoy stabil'nosti (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya)* [Cossacks in Modern Kabardino-Balkaria: A Resource of Ethno-Political Stability (Based on Materials From a Sociological Study)]. *Ustoychivoe razvitie: problemy, kontseptsii, modeli* [Sustainable Development: Problems, Concepts, Models]. Conference Proceedings. Nal'chik: Kabardino-Balkarian Scientific Center RAS. pp. 258–262. (In Russian).
7. Serikov, A.V. (2013) *The Influence of Civil Identity Level on Extremization of the International Relations in the Region*. *Vestnik RAEN – Bulletin of Russian Academy of Natural Sciences*. 3. pp. 35–39. (In Russian).
8. Vol'ter, O.V. (2015) *Kazachestvo kak faktor mezhnatsional'noy stabil'nosti Rossii v kontekste sovremennoy geopolitiki* [Cossacks as a Factor of Interethnic Stability in Russia in the Context of Modern Geopolitics]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya – Izvestiya Saratovskogo Universiteta. New series. Series: Sociology. Politology*. 15 (1). pp. 86–89.
9. Grigor'ev, A.F. (2014) [The Role of the Cossacks in the Issue of Interethnic Relations: Challenges – Tasks – Prospects]. *Severnoy Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya etnokonfessional'nykh otnosheniy* [North Caucasus: Problems and Prospects of the Development of Ethno-Confessional Relations]. Conference Proceedings. Slavyansk on Kuban: Kuban State University Slavyansk on Kuban Branch pp. 42–46. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22868563>. (In Russian).
10. Kulumbekova, A.K. (2010) *Terskoe kazachestvo v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh na Severnom Kavkaze v nachale XX v.* [Terek Cossacks in Interethnic Relations in the North Caucasus at the Beginning of the Twentieth Century]. *Nauchnye problemy gumanitanykh issledovaniy*. 2. pp. 109–116.
11. Gadzhieva, M.M. (2016) *Interethnic Relations in the North Caucasus in Historical Perspective: The Main Factors of Development*. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 2. (In Russian).
12. Drobotenko, O.N. (2016) *Russia's National Ideology in the Context of World Development*. *Ekonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSEI*. 4. (In Russian).
13. Makhalkina, M.A. (2013) *Participation of Kuban Cossacks in the Regional Conflicts in the Post-Soviet Space (Case Study of the Wars in Transnistria and Abkhazia in 1990s)*. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 12. (In Russian).
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10144. List 1. File 6.
15. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 14.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10144. List 1. File 12.
17. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 16.
18. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 79.
19. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 89.
20. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). Fund 1843. List 1. File 213.

Received: 25 August 2019

В.М. Рынков

«ПРАВА РЕВОЛЮЦИОННЫЕ, ГАРАНТИИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ»: СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918–1919 гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00580 «Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: идеология, законодательство, практика (1918–1922 гг.)».

Рассматриваются попытки проведения реформ медицинского страхования на востоке России антибольшевистскими правительствами. Проанализирована нормативная база проводившихся преобразований, изучена реальная работа больничных касс в Поволжье, на Урале и в Сибири. Обосновывается, что усиление государственного контроля в области социального страхования оказалось шагом своевременным, но в целом в условиях Гражданской войны рост отчислений на социальные цели не был экономически оправданным.

Ключевые слова: восток России; антибольшевистские правительства; социальная политика; медицинское страхование; больничные кассы; предприниматели; рабочий класс; трипартизм.

Социальное государство обоснованно считается одним из достижений середины XX в., новой ступенью развития государственной мысли. Но сам этот концепт зародился намного раньше, и его важнейшей стороной стала выработка социальных гарантий для трудящегося населения. В последние десятилетия XIX в. страхование широкого круга работников от рисков потери заработка во многих странах приобрело обязательный характер, т.е. окончательно превратилось в один из важных сегментов социальной политики [1. С. 21; 2]. Часть расходов по страхованию возлагалась на третьих лиц, прежде всего работодателей, а также на государство. В Европе и США сложилось несколько видов социального страхования: от несчастных случаев, временной или постоянной потери трудоспособности, от старости (пенсионное), от безработицы. Как правило, они формировались как самостоятельные, но привлекательность интегрального страхования, институционального объединения всех его видов в рамках единой организации для многих становилась очевидна.

В России, запаздывавшей на 20–30 лет в развитии данного направления социальной политики, первые шаги были сделаны в начале XX в. За годы революции и Гражданской войны воевавшая и находившаяся в разрухе страна обогнала Запад по масштабу декларируемых социальных гарантий трудящимся, но падение уровня жизни нивелировало ценность завоеваний. Впрочем, эта проблема, ставшая теперь уже общеизвестной, относится только к Советской России. Сопоставлением положения в воюющих лагерях никто специально не занимался, хотя возможность для этого существует. Противники большевиков – это целый конгломерат политических режимов различной идеологической ориентации, с разными способами проведения «рабочей» политики. Рамки статьи не позволяют охватить все аспекты даже одной только проблемы социального страхования. Поэтому речь пойдет лишь об одном его направлении, а именно об обеспечении работников на случай болезни или иного ущерба здоровью на востоке России в 1918–1920 гг. Данный аспект являлся одним из центральных по уровню общественного внимания, глубине проработки мер государственного регулирования.

В советской историографии усилия антибольшевистских правительств по изменению порядка социального страхования рабочих заслуживали только скудных упоминаний, но преподносились как пример социальной демагогии [3. С. 50–51; 4. С. 190]. В постсоветское время к проблеме возвращались неоднократно, но рассматривали ее применительно к деятельности отдельных правительств, вне единого контекста. Наиболее значимый сюжет, связанный с разработкой рабочего законодательства Российским правительством, углубленно исследователями не разрабатывался, хотя определенные достижения уральской историографии в этом направлении несомненны [5–7]. Очевидно, что вопрос заслуживает более глубокого исследования с привлечением первоисточников и в контексте предшествовавшей и последующей политики и практики социального страхования.

Зарождение медицинского страхования в России

В Российской империи медицинское обслуживание рабочих на крупных казенных предприятиях зародилось в середине XVIII в. Тогда же владельцам частных горных предприятий вменили в обязанность организовать за собственные средства медицинское и даже больничное (госпитальное) обслуживание наемных работников. В XIX в. за пребывание в заводских госпиталях, казенных и частных, из жалования больных стали удерживать плату. Ухудшение состояния промышленной медицины произошло после отмены крепостного права, что заставило государство предусмотреть горно-заводские кассы для сбора средств, направленных на обеспечение материальных нужд работников, временно утративших трудоспособность. Однако даже на рубеже XIX–XX вв. эти кассы оставались в зачаточном состоянии. Пособия, выплачиваемые нуждавшимся рабочим, составляли примерно 1/6 от их заработка [8; 9. С. 259; 10]. В других отраслях быстро развивавшейся российской промышленности первые инициативы по организации социальных выплат работающим пришли на 1860–1880-е гг. и восходят к самоорганизации трудящихся в страховые товарищества либо к

партнерским договорам нанимателей со своими работниками о выплате им вознаграждения на случай болезни. Само медицинское обслуживание трудящихся возлагалось на фабричную медицину [11. С. 8–62].

В последнее десятилетие XIX – начале XX в. инициативу введения обязательного страхования рабочих проявили предпринимательские ассоциации, выступившие за умеренный («посильный») размер выплат и паритетное финансовое участие работодателей и работников [12. С. 55–58]. В 1903 г. правительство приняло закон о вознаграждении работников при увечьях, возлагавший выплаты на предпринимателей. Для сокращения финансовых рисков они имели право создавать страховые товарищества [13]. 23 июля 1912 г. император утвердил пакет законов об обеспечении рабочих на случай болезни, о страховании от несчастных случаев и о создании больничных касс. Организация медицинского обслуживания оставалась обязанностью работодателей и осуществлялась на их средства. Задача больничных касс ограничивалась выдачей пособий на случай болезни, беременности или смерти. Пособие составляло для одиноких половину заработка, а для семейных – 2/3, но не могло выплачиваться более четырех месяцев подряд. Средства касс формировались за счет взносов от работников (3/5) и предпринимателей (2/5), а сами они находились под совместным управлением при доминировании работодателей. Страхование не охватывало мелкие предприятия¹, не распространялось на Сибирь, Дальний Восток и Степной край, за исключением золотопромышленных предприятия Енисейской и Иркутской губерний. Надзор за деятельностью касс осуществляли специально образованные губернские (областные) присутствия по делам страхования рабочих и Совет по делам страхования рабочих при Министерстве торговли и промышленности – государственные структуры, действовавшие при участии представителей от нанимателей и наемных работников [14. Ст. 37444–37447].

Принятые законы остались половинчатыми, отражали признаки начавшегося транзита от охранительной политики к социально ориентированной. Такой их характер предопределили два фактора: противостояние предпринимателей и правительства по ключевым вопросам социального страхования и боязнь власти, что страховое дело может стать каналом влияния на рабочих политически вредной идеологии [15; 16. С. 219–246]. В то же время длительная борьба разных сил привела к тщательной и многосторонней экспертизе готовящихся нормативных актов, позволивших предусмотреть и регламентировать множество деталей организации и работы больничных касс. Одновременно с законами или вскоре после их принятия были разработаны многочисленные нормативы и инструкции по его применению. Именно поэтому после революции различные правительства, приходя к власти, не принимали новых нормативных актов, полностью менявших всю систему медицинского страхования работников, а создавали новеллы, дополнявшие дореволюционные законы.

Практика показала, что предприниматели не были аккуратны в исполнении страхового законодатель-

ства. Важно отметить, что в России с 1912 г. закрепилась коллективная частная ответственность предпринимателей за страхование рабочих и контроль государства (в лице непосредственно губернаторов) за страховыми учреждениями [17. С. 51–65; 18]. Всего накануне революции в России участниками больничных касс были около 3,2 млн рабочих и служащих, или около 86% всех тех, кто по закону мог быть застрахован [19. С. 350–352].

Метаморфозы Февраля и Октября

Новый раунд реформ социального страхования после Февральской революции 1917 г. протекал в условиях революции и продолжавшейся войны. Постановление Временного правительства от 25 июля 1917 г. предполагало частичные, переходные меры. Оно уравнило взносы работодателей и работников, тем самым увеличив на 20% общий бюджет больничных касс, но лишило владельцев предприятий возможности участвовать в их работе. Управление переходило в руки страхуемых. При этом от уплат взносов совершенно освободили работников, получавших менее 2/3 среднего вознаграждения чернорабочих. Страхование распространили на предприятия с численностью рабочих более пяти, оно стало действовать на всей территории России. Предельный срок выплаты пособий по болезни увеличили с четырех до шести месяцев. Больничным кассам разрешили объединяться в союзы [20. С. 146–155]. В дополнение к постановлению о больничных кассах 11 октября 1917 г. Временное правительство внесло изменения в состав страховых присутствий и порядок их формирования. По новому закону преобладание в них получали рабочие за счет ограничения числа чиновников. Временное правительство не успело реализовать этот акт. Не имея практического значения, он отражал направление эволюции рабочей политики Временного правительства в сторону усиления гарантий социальной защищенности трудящихся и роста расходов работодателей.

Последствия законодательства Временного правительства никто всерьез не просчитывал. Расширение круга страхуемых за счет работников мелких предприятий усиливало материальную базу больничных касс, но одновременно и усложняло выполнение задач по обслуживанию населения, делало неизбежной постепенную централизацию медицинских страховых учреждений по территориальному принципу. Глубокая перестройка вела к росту издержек на страхование, едва ли своевременному в условиях углубляющегося экономического кризиса.

Реакция общества на принятый закон последовала негативная, но отклики прозвучали только с одной стороны. На проходивших повсеместно в августе – октябре общероссийских и районных съездах больничных касс, несмотря на название, участники выступали исключительно от имени рабочих. Они потребовали переложения всего бремени содержания больничных касс на работодателей и кардинального увеличения страховых выплат [21. № 6–7. С. 21]. Мнение работодателей после установления власти Советов публично так и не прозвучало.

Требования рабочих реализовало советское законодательство. Декрет от 14 ноября 1917 г. обязал владельцев предприятий безвозмездно передать все созданные ими ранее медицинские учреждения в собственность больничных касс либо выделить достаточные средства для их создания. Если больничная касса считала состояние лечебных учреждений неудовлетворительным, то работодателю вменялось в обязанность оплатить их дополнительное оборудование [22. С. 85–86].

Декрет 22 декабря 1917 г. распространил обязательное социальное страхование на предприятия всех форм собственности, всю территорию Российской республики и все отрасли экономики, допустил на общих основаниях с наемными работниками добровольное страхование ремесленников, кустарей и беднейших крестьян, не применявших наемный труд. Напротив, лица, чей заработок втрое превышал средний заработок рабочего, исключались из круга страхуемых. Декрет устанавливал обеспечение страховых учреждений исключительно за счет нанимателей, взносы которых повышались до 10% от заработной платы работников. При этом размер страховых выплат увеличивался до полного заработка страхуемого, а период выплаты пособия теперь не ограничивался по сроку. Оно выплачивалось до полного выздоровления. Сроки отпуска по беременности и родам были увеличены вдвое [22. С. 267–276]. Даже при возросшем в 2,5 раза бюджете, колоссальный рост выплат грозил кассам серьезным бюджетным дефицитом. Поэтому советские декреты позволяли правлениям касс принимать решения о дополнительном обложении предпринимателей. Положение работодателей осложнялось еще и тем, что декрет 11 декабря 1917 г. обязал их выплачивать 5% от заработка работников на страхование от безработицы.

Естественно, что помимо социальной несправедливости таких норм, повышение социальных трансфертов в период критического спада производства изрядно усугубляло экономический кризис. Поэтому возникшее сразу же стремление пересмотреть законодательство в этой отрасли вполне понятно. Но вопрос имел не только экономическую плоскость, но и социально-политическую, что не позволяло Советскому правительству открыто понизить уровень социальных гарантий. Борьба вокруг нового закона о больничных кассах стала ярким примером уязвимости популистской позиции правительства в рабочем вопросе.

На местах декреты о социальном страховании в целом поддерживали и Советы, и рабочие организации. Но продолжала раздаваться критика в адрес теперь уже рабоче-крестьянского правительства за недостаточный учет интересов трудящихся. На Первом уральском областном страховом съезде 11 апреля 1918 г. в Екатеринбурге участники обратились в СНК РСФСР с просьбой расширить круг страхуемых, размер и перечень выплат «с тем, чтобы они охватывали все потребности самого работника и обеспечение нужд его семьи» [23. С. 429]. Съезд также решил объединить все больничные кассы в единую Уральскую областную кассу с районными отделениями, с включением в нее вновь образуемых железнодорожных и

горнозаводских касс. Централизованно собирались взносы на все виды страхования, в том числе на пенсионные выплаты пострадавшим на производстве от несчастных случаев и от безработицы. Поэтому взносы с работодателей установили в 15% от фонда заработной платы: 10% на медицинское страхование и 5% на страхование от безработицы. Подобные решения отразили общероссийскую тенденцию конца 1917 – первого полугодия 1918 г. на формирование крупных общегородских и региональных больничных касс, резкое увеличение расходов, покрытие которых становилось крайне обременительным для владельцев предприятий и казны.

Трудная дорога к социальному компромиссу

В мае – июне 1918 г. в результате чехословацкого мятежа и вооруженного выступления антибольшевистского подполья власть Советов была свергнута на огромной территории – от Пензы до Владивостока. В Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке возникло несколько правительств. В Самаре с июня по октябрь действовал Комитет членов Учредительного собрания, в Екатеринбурге с конца августа по октябрь – Временное областное правительство Урала, в Сибири в июне – Западно-Сибирский комиссариат, в июле – октябре – Временное Сибирское правительство. В октябре – ноябре 1918 г. различным правительствам и политическим силам удалось создать Всероссийское Временное правительство, отстраненное от власти в Омске 18 ноября в результате государственного переворота. Верховным правителем России провозгласили адмирала А.В. Колчака, при котором сформировали Российское правительство. Образованные при Временном Сибирском правительстве министерства продолжали действовать в составе Российского правительства до начала 1920 г., сохраняли правовую и кадровую преемственность.

На востоке России впервые за долгие месяцы буржуазия получила возможность выразить отношение к страховому законодательству революционной власти. Трибуной для этого служили съезды местного, регионального и общероссийского уровней. Предпринимательские организации признали невозможность возвращения к дореволюционной ситуации и исходили из необходимости сбалансировать существовавшую нормативную базу.

Всероссийский торгово-промышленный съезд, прошедший в Уфе в августе 1918 г., призвал вернуться к паритетному участию рабочих и предпринимателей в управлении больничными кассами, уравнивать взносы рабочих и работодателей, поставить страховые учреждения под строгий правительственный контроль. Страхование по старости, инвалидности и безработице предприниматели предлагали сделать государственным [24. № 25–26. С. 19]. Омский военно-промышленный комитет, фактически являвшийся центральным органом промышленников, предложил воздержаться от взносов о больничные кассы «до тех пор, пока не будет законодательно установлен их разумный уровень» [25. С. 29]. Его решения предприниматели Урала, Сибири и Дальнего Востока воспри-

няли как руководство к действию. По всему востоку России большинство работодателей прекратили уплату взносов в больничные кассы.

В Поволжье при Кумуче больничные кассы продолжали деятельность, но владели жалкое существование. Одни на основании советских законов брали с работодателей отчисления в размере 10% от заработков (Оренбург), другие – 4% на основании законов Временного правительства, третьи искали промежуточные варианты. В Самаре больничная касса установила 8%-е отчисления предпринимателей. Но многие работодатели игнорировали свои обязательства² [26. Д. 172. Л. 36–40, 27. 28, 29 сент.]. Никаких новых нормативных актов по вопросам социального страхования Кумуч не утверждал. Состоявшийся в Самаре 1–7 сентября 1918 г. съезд больничных касс и касс безработных «территории Учредительного собрания» предложил заняться корректировкой действовавших (т.е. советских) законов о страховании, рассчитывая «сохранить в них все жизненное» [28]. Управляющий ведомством труда И.М. Майский, выступая на съезде 5 сентября 1918 г., сообщил о подготовке кардинальной реформы в области социального страхования рабочих [24. № 23. С. 7; 29]. Реализуя данное обещание, 20 и 22 сентября 1918 г. Ведомство труда утвердило проекты постановлений о создании Страхового совета на паритетных началах от рабочих и предпринимателей и об общегородской больничной кассе Самары, но не успело внести их на утверждение Совета управляющих ведомствами [30. С. 148; 31. С. 162]. Подготовительные материалы, тем не менее, получили определенный резонанс. В Уфе осенью 1918 г. их приняли к исполнению [24. № 29. С. 10–11], а в декабре 1918 г. съезд профессиональных союзов рабочих и служащих горнозаводских предприятий Урала принял к руководству устав больничной кассы, утвержденный Кумучем [32. № 3. С. 27].

На Урале сохранялась правовая неопределенность, чреватая множеством конфликтов. Например, созданная в Екатеринбурге 1 марта 1918 г. общегородская больничная касса «Центропомощь» продолжала действовать на основе советских законов. Но средства, собранные из предпринимательских взносов при советской власти, были у нее конфискованы. Временное областное правительство Урала намеревалось ликвидировать кассу, несмотря на протесты собственного Главного управления труда³. Начальник Златоустовского горного округа распорядился сократить взнос с предприятий с 10 до 6% [32. № 3. С. 26]. Во многих горных округах больничные кассы летом 1918 г. закрылись, прекратилась выплата пенсий и пособий [33. 23 (10) нояб.].

В сентябре 1918 г. главноуправляющий труда П.В. Мурашев направил в Совет Временного областного правительства Урала большой доклад о проблемах социального страхования. Он предлагал создание единой государственной системы страховых учреждений, установление 8% отчислений работодателей от фонда заработной платы без каких-либо вычетов с самих работников. После ликвидации Временного областного правительства Урала управляющий ведомством П.В. Мурашев направил законопроект на

рассмотрение Временного Всероссийского и Российского правительств [7. С. 135–137; 33. 17(4) нояб.; 34. 24 нояб.]. Отдел социального страхования Министерства труда Российского правительства возглавил автор этого проекта, бывший товарищ главноуправляющего труда, переехавший на работу в Омск Н.М. Обухов.

В Сибири Постановление Западно-Сибирского комиссариата от 19 июня 1918 г. «О больничных кассах» оставляло в силе советские уставы этих организаций [35. № 1. Ст. 13; 36. С. 23; 37. С. 75]. Оно продолжало действовать при Временном Сибирском и даже Российском правительствах, но только на территории Западной Сибири [26. Д. 171. Л. 8–8 об.; Д. 173. Л. 15–15 об.]. Попытка законсервировать советское законодательство для работодателей казалась неприемлемой. Уклонение от уплаты взносов, их задержка или самовольное понижение стали широко распространенной практикой. Отдельных работодателей за это подвергали штрафам и принудительным взысканиям, что не меняло ситуацию в целом. Боясь банкротства, правления касс снимали с обслуживания рабочих предприятий-неплательщиков [32. № 3. С. 22–23; 33. 26 (13) нояб.; 38. Д. 1. Л. 54–61, 114–135, 212–222, 224–229, 284; 39. 18 дек.; 40. 17 нояб.; 41. С. 86].

За пределами Западной Сибири больничные кассы оказались в правовом вакууме. Вся эта правовая и политическая неразбериха дестабилизировала положение страховых учреждений, но и не вела к их полной ликвидации, несмотря на подчас алармистский тон оценок современников, склонных стучать краски. Сибирский съезд больничных касс «с участием представителей Кумуча и Урала», прошедший в Омске 4–9 октября 1918 г., констатировал полную разруху социального страхования, призвал рабочих к борьбе с Министерством труда, поправшего права трудящихся [26. Д. 172. Л. 27–58; 43. С. 1–45]. Доклады с мест о положении страхового дела контрастировали с политически пристрастными выводами съезда. Они свидетельствовали о взаимодействии с губернскими комиссарами труда, аккуратной уплате взносов крупнейшими работодателями, успешной работе отдельных касс [26. Д. 172. Л. 27 об., 31 об.–32].

Правительство выражало озабоченность возникшей ситуацией еще и потому, что не считало целесообразным одностороннюю уплату в больничные кассы повышенных взносов за рабочих и служащих казенных предприятий и государственных учреждений. Вопрос решено было урегулировать на междуведомственном совещании с участием представителей различных ведомств, городских и земских органов, биржевых обществ и военно-промышленных комитетов. Характерно, что представители рабочих на совещание не были приглашены [42. Д. 43. Л. 101 об.]. Очевидно, само правительство поддерживало курс на снижение платежей в больничные кассы.

Выработанный Министерством труда в сентябре 1918 г. законопроект об уставе больничных касс предусматривал паритетное внесение взносов (по 5% от рабочих и предпринимателей), введение в состав правлений касс представителей от нанимателей. Им отводилось 33% от общего количества членов правлений касс, тогда как за рабочими оставалось 50%,

остальные 17% – за представителями правительства. Местные комиссары труда выразили надежду, что участие представителей предпринимателей в работе больничных касс позволит им наладить правильный бухгалтерский учет и поднимет организационный уровень [44. 9 окт.]. Проект был передан на обсуждение профсоюзным организациям. На этот раз его принятие задержалось из-за резкого неприятия законопроекта рабочими. Временное исполнительное бюро съезда Сибирских больничных касс по поручению съезда разработало собственный вариант законопроекта, который фактически являлся возвращением к советским порядкам [26. Д. 176. Л. 61–66]. В течение ноября 1918 г. практически все больничные кассы и многие профсоюзы поддержали проект Временного исполнительного бюро, признав неприемлемыми предложения Министерства труда [26. Д. 176. Л. 9, 72, 76, 90, 94, 101, 104–105, 115, 119; 33. 30 нояб.].

В свою очередь работодатели, как сторона, несшая основные издержки по содержанию страховых учреждений, требовали вернуть себе контроль над расходами больничных касс. Всероссийский совет съездов промышленности и торговли в ноябре 1918 г., ссылаясь на многочисленные просьбы местных торгово-промышленных организаций, обратился к Министерству труда с предложением сократить взносы работодателей до 5%, уравнивая в составе правлений больничных касс число представителей от страхуемых и работодателей, а представителей от Министерства труда уравновесить представителями от Министерства промышленности и торговли [26. Д. 172. Л. 99, 140–141].

Нельзя не признать закономерным отсутствие общественной поддержки правительственного курса на поиск социального компромисса. За месяцы революции рабочие распоряжались бюджетами больничных касс бесконтрольно. Работодатели и представители администрации предприятий отмечали непропорциональный рост количества больничных листов, приводили примеры выплаты пособия за увечья сотрудникам, не прерывавших работу (явное свидетельство несерьезности травмы), плату медицинскому персоналу по завышенным расценкам. Расточительством они объясняли тот факт, что до революции больничным кассам хватало 4,5% отчислений, а теперь 10% не достаточно [26. Д. 172. Л. 10; Д. 173. Л. 87]. Предприниматели не учитывали существенного снижения реальной зарплаты. Но совершенно очевидно, что экономический кризис и резкое падение рентабельности производства – крайне неудачный фон для развития системы социального страхования, расходы на содержание которой являлись скрытым налогом на предпринимательскую прибыль.

Под влиянием критических откликов Министерства труда вынуждено было переделать законопроект. Его представили в Совет министров еще 18 октября 1918 г., но сложная политическая обстановка в Омске отодвинула рассмотрение [42. Д. 48. Л. 23 об.; 45. С. 43]. В результате многочисленных доработок 8 января 1919 г. было утверждено Постановление Российского правительства «Об изменении правил обеспечения рабочих на случай болезни и об органах, ведающих страхованием рабочих». Предпринимате-

лей обязали выплачивать в больничные кассы 6% от суммы заработной платы, рабочих – 1,5%. Из предпринимательских взносов половина направлялась на пособия по болезни и увечья, а вторая половина – на содержание медицинских учреждений. Представительство сторон в правлениях больничных касс не подвергалось корректировке. В государственных учреждениях больничные кассы не организовывались. Круг страхуемых сузили, исключив из него служащих правительственных учреждений и лиц, работавших в сфере домашнего услужения. Рабочие, получавшие вознаграждение втрое выше минимальной зарплаты, не подлежали страхованию. Для координации работы всех учреждений создавался Совет по делам страхования при Министерстве труда и областные (губернские) присутствия по страховым делам. Первый действовал под председательством Министра труда и включал товарища министра, представителей от шести министерств, по одному от всероссийской организации земств, городов и союза врачей, по три представителя от предпринимателей и больничных касс. Губернские (областные) присутствия по делам страхования организовывались под председательством управляющего губернией (областью) и включали инспектора труда, старшего фабричного инспектора, представителя государственного контроля, врачебного инспектора, представителя от городской думы губернского (областного) города и по два представителя от земства, предпринимателей и больничных касс [46. 19 февр. Приложение; 47].

Между словом и делом

Российское правительство взялось за воплощение нереализованной идеи Комуча о создании общегосударственного совета по делам страхования, но не на паритетных началах, как предполагали социалисты, а как трехстороннего органа с участием государства, влияние и авторитет которого в социальном страховании должны были существенно возрасти. Но квалифицированные специалисты в министерстве были наперечет, политически нейтральных фигур, приемлемых на местах для предпринимателей и наемных работников, тоже набиралось немного. Министерство труда предложило как можно быстрее собрать страховые присутствия, разослав 19 марта 1919 г. соответствующий циркуляр управляющим губерниями и областями. Судя по тому, что 11 августа 1919 г. последовал повторный циркуляр аналогичного содержания [48. Д. 137. Л. 19, 74], региональные страховые органы формировались не очень бойко. К этому времени действовали Алтайское и Енисейское губернские, Акмолинское, Семипалатинское и Забайкальское областные присутствия по делам страхования, в стадии организации находились Пермское и Уфимское губернские [46. 8 авг.; 48. Д. 137. Л. 101, 159; 49. 7 авг.]. Но едва ли они успели приступить к делам – войска Российского правительства уже оставили Пермскую и покидали Уфимскую губернии. В других районах работы у присутствий оказалось не очень много. Если судить по Семипалатинской области, они имели единственное подведомственное учреждение – городскую больничную кассу.

Глубокий след в страховом деле оставила правовая неопределенность второго полугодия 1918 г. Циркуляром от 31 декабря 1918 г. Министерство труда рекомендовало взыскать за этот период 6%, а в случае, если работодатели выплатили по более высоким нормам, разрешило зачесть эту переплату в счет взносов будущих месяцев [26. Д. 171. Оп. 1. Л. 8–8 об.; Д. 173. Л. 23; 50. 6 февр.; 51. 5 февр.]. Такая интерпретация придавала обратную силу принятому закону, а также вела к подрыву материального положения некоторых касс. Учитывая в среднем поступление в бюджетные касс примерно половины причитавшихся взносов, перспектива считать 40% полугодовых поступлений переплатой сулило скорое банкротство [26. Д. 172. Л. 110–112]⁴. Томский губернский комиссариат труда даже решился квалифицировать распоряжения вышеупомянутого центрального органа как правовую безграмотность. Закономерно, что министерский циркуляр породил новые конфликты между предпринимателями и больничными кассами, рассчитавшими во второй половине 1918 г. свои взносы по советским нормам. Работодатели требовали вернуть излишне выплаченные деньги. Правления касс настаивали на сохранении уже внесенных денег, указывали, что циркуляр – не закон. Министерский документ имел рекомендательный характер, но его выполнение должно привести к банкротству касс. Но и игнорируя рекомендации министерства, кассы сохраняли атмосферу анархии и произвола, так как уплата одними предпринимателями 10%-х взносов, другими 6%-х признавалась в разных ситуациях законной и окончательной [7. С. 39–140; 26. Д. 171. Л. 38; 32. № 4. С. 9–12; 52. Д. 32. Л. 153–156]. Попытки отдельных правлений взыскать со всех работодателей до конца года взносы из расчета 10%, только усугубляли конфликты [26. Д. 172. Л. 158; 39. 18 дек.].

В начале 1919 г. по настоянию Министерства труда больничные кассы привели уставы в соответствие с вновь принятым законом и переизбрали правления [26. Д. 171. Л. 9, 14–17]. Новый закон не вызывал резких возражений у большинства действовавших правлений, готовых конструктивно работать в новых условиях [7. С. 141; 51. 9 апр.; 54. 22 (9) февр.]. Но ряд профсоюзов продолжали настаивать на увеличении взносов с предпринимателей до 8%, расширении круга страхуемых. Самые радикальные требования подразумевали завуалированное возвращение к советскому законодательству [55. С. 124; 56. С. 375; 57. № 2. С. 12–13. № 8. С. 20; № 13. С. 14; 59. 7 марта; 60. Д. 131. Л. 77].

Предпринимательские организации также проявляли недовольство новыми условиями деятельности страховых учреждений. XI сессия Екатеринбургского совещания горнопромышленников Урала 22–25 марта 1919 г. даже ходатайствовала о приостановке действия постановления Российского правительства от 8 января 1919 г. до внесения в него поправок. Набор предложений уральской буржуазии включал снижение взносов до 3%, сохранение в распоряжении владельцев медицинских учреждений, установление паритетного представительства рабочих и нанимателей в правлениях больничных касс [55. С. 73]. С точки

зрения работодателей недостаток средств больничных касс проистекал от отсутствия бережливости. Кассы использовали всевозможные уловки для искусственного увеличения расходов предпринимателей. В частности, услуги медиков кассы оценивали по самым высоким тарифам, серьезно больных оформляли как увечных, пользуясь тем, что по действующему законодательству оплата лечения в таких случаях целиком относилась за счет работодателей [26. Д. 171. Л. 87].

Недочеты собственного закона признавали руководители Министерства труда. Отдел страхования министерства 31 июля 1919 г. адресовал инспекторам труда циркуляр, признававший, что Постановление от 8 января 1919 г. сохранило норму Временного правительства, исключавшую из круга страхуемых служащих, чьи зарплаты трехкратно превышали средний заработок чернорабочего. В связи с падением курса рубля и резкими колебаниями заработной платы обязательного страхования теперь лишались квалифицированные рабочие и служащие среднего звена. Поэтому отдел предлагал не препятствовать добровольному желанию работодателей страховать высокооплачиваемые категории своих работников [26. Д. 171. Л. 65–65 об.].

Из высказанных историками оценок рабочей политики восточной контрреволюции наиболее взвешенной представляется мнение О.Ю. Никоновой, отметившей, что законодательство Российского правительства стало важным шагом к созданию крупных и дееспособных медико-страховых учреждений [7. С. 140]. Есть основания только дополнить ее выводы: одновременно власть сделала несколько шагов по пути налаживания диалога между работниками и работодателями по вопросу социального страхования, в то же время усилив роль правительственных чиновников в качестве посредника такого диалога. В качестве компенсации за увеличение взносов владельцы крупных предприятий освобождались от обязанностей содержать на свой счет амбулатории и больницы при заводах и фабриках. Закон установил более широкое и справедливое представительство в правлениях касс [26. Д. 171. Л. 38]. В действительности устранение из правлений касс работодателей, оплачивавших 4/5 денежных поступлений, было дискриминационной мерой советского законодательства, нуждавшейся в исправлении. Следует подчеркнуть, что, встретив столь резкое противодействие своему проекту, Министерство труда не пошло на поводу ни у одной из сторон (советские историки однозначно утверждали, что у буржуазии), а отстояло позицию социального компромисса. Она заключалась в трипартизме, т.е. в формировании органов, обеспечивавших интересы двух сторон трудовых отношений – работника и работодателя, при активном и подчас решающем участии государства.

Историки оставили незамеченными ряд юридических недоработок, допущенных Российским правительством при введении закона. Механизм введения закона в действие не был четко обозначен законодателем. Нормативная база предписывала создавать новые больничные кассы взамен старых, а не вносить изменения в уставы уже существовавших учрежде-

ний [26. Д. 171. Л. 33–34]. Закон исключал из числа страхуемых лиц, получавших зарплату, втрое превышавшую заработок чернорабочего. Но полный хаос в тарифной системе, путаница в ставках оплаты труда не позволяли соблюсти минимальную справедливость. Из числа страхуемых исключались не только руководители нижнего звена, но даже высокооплачиваемые квалифицированные рабочие, что противоречило духу закона. Неудивительно, что Министерству труда приходилось на ходу с помощью инструкций корректировать его буквы [26. Д. 171. Л. 65–65 об.]. Трудно оказалось разобраться и в том, рабочие и служащие каких предприятий и учреждений подлежали страхованию. Постановление 1912 г. очень четко формулировало круг страхуемых, тогда как новый закон оперировал максимально широким определением «торговые и промышленные предприятия». В то же время ст. 259 закона гласила, что «его действию не подчиняются предприятия казенного управления и общественных железных дорог». Оставалось неясно, какие муниципальные и казенные предприятия обязаны страховать своих работников. Министр труда обещал летом 1919 г. подготовить законопроект, разрешающий «факультативно» страховать рабочих и служащих земских и городских учреждений [46. 18 июля]. Но такой проект в Совет министров и не поступил. Осенью 1919 г. министр труда созвал специальное междуведомственное совещание. Оно привело к выводу, что на административно-распорядительные учреждения распространяются действия устава о пенсиях и единовременных пособиях, а технически-исполнительные органы с вольнонаемным персоналом должны обеспечиваться по уставам о больничных кассах в соответствии с постановлением от 8 января 1919 г. [26. Д. 171. Л. 131–131 об., 134, 136].

В первой половине 1919 г. больничные кассы испытывали некоторый подъем. Даже критически настроенная к колчаковскому режиму профсоюзная пресса отмечала активную роль инспекторов труда в строительстве и централизации больничных касс (Курган, Семипалатинск). Инициативу по объединению касс проявляли отдельные профсоюзы (Усолье-Сибирское) [57. № 9. С. 18–19; № 10. С. 21]. На Урале возобновила свою деятельность «Центропомощь». С апреля 1919 г. она выдавала работникам пособия по болезни. Вместе с ней действовало Уральское окружное страховое товарищество, предоставлявшее пенсии по инвалидности [7. С. 145; 61. 29 марта]. В крупных городах Сибири кассы расширяли свою работу, круг страхуемых и обслуживаемых предприятий, нанимали новых врачей [57. № 11. С. 13; 62. 16 янв.; 63. 20 марта]. Все это, конечно, не означало кардинального улучшения работы касс. Пресса приводила многочисленные случаи уклонения предпринимателей от уплаты страховых взносов [51. 5 июня; 57. № 12. С. 13; 62. 27 июня].

Сложнее оказалось организовать координирующие органы. Порядок их формирования, сформулированный в постановлении от 8 января 1919 г., не позволял произвести выборы от организаций страхуемых и нанимателей. Л.И. Шумиловский предложил Бюро

съезда больничных касс Урала и Сибири взять на себя роль временного представителя страхуемых. Министерство труда предлагало Бюро созвать еще один съезд больничных касс востока России для проведения выборов представителей в Совет по делам страхования [57. № 12. С. 13]. Но этот вариант не был поддержан. Потребовалось собрать междуведомственное совещание (оно заседало 23 и 28 февраля 1919 г.) и внести уточнения [42. Д. 1618. Л. 5–7]. Только 20 марта 1919 г. Министерство труда внесло в Совет министра проект, уточнявший порядок формирования совета. Он четко определял, от каких именно рабочих, врачебных и предпринимательских организаций выбираются члены совета [42. Д. 1618. Л. 3–4, 11]. 28 марта Совет министров утвердил его, устранив последние препятствия к формированию Совета по делам страхования [58. С. 470]. Он приступил к работе лишь с 18 июля 1919 г., посвятив первые заседания обсуждению наказа. Его согласование в различных инстанциях правительства заняло несколько месяцев, продолжалось даже после эвакуации министерства в Иркутск, несмотря на полную потерю актуальности. Наказ так и не был утвержден, что, впрочем, не препятствовало проведению текущих заседаний Совета [42. Д. 1620. Л. 8–9, 32].

Кампаративистика страхования жизни и здоровья

Власть на востоке России ориентировалась на формирование партнерских структур регионального уровня, которые в отдельных регионах добивались временного смягчения социальной напряженности. Конечно, нюансы остались важны. Если Кочуч сделал робкие шаги на пути восстановления влияния работодателей на страховые учреждения, Временное областное правительство Урала – на усиление государственного воздействия, то в Сибири антибольшевистские правительства постепенно, но последовательно готовили законодательную и финансовую базу для неизбежного трехстороннего взаимодействия. Сохранение и развитие системы социального обеспечения рабочих в условиях Гражданской войны едва ли можно признать своевременным не только в силу материальной необеспеченности задуманных мероприятий, но и из-за непримиримой позиции предпринимателей и рабочих организаций. Антибольшевистские правительства сделали упор на реформирование рабочего законодательства с учетом передового опыта развитых стран, но предпочли начинать преобразования с частных предприятий, выводя государственные предприятия и учреждения из-под пресса социальной нагрузки. Самый главный недостаток рабочей политики контрреволюции состоял в ее направленности на решение проблем второго плана, в то время как первоочередные, связанные со своевременной оплатой труда и снабжением рабочих, никак не регулировались государством. В глазах предпринимателей действия Временного Сибирского правительства и Российского правительства адмирала А.В. Колчака мало отличались от социалистической политики Временного правительства в 1917 г. Рабочие же видели громадный разрыв между советским и контрреволюционным

рабочим законодательством. В итоге обе заинтересованные стороны остались недовольны государственной властью, и новые законы подверглись дискредитации с обеих сторон. Закономерно, что в условиях слабых вертикальных связей реальная база для социального партнерства в значительной степени складывалась на региональном уровне и зависела от способностей местной администрации, прежде всего ведомства труда, организовать участников трудовых отношений, используя широкий спектр неформальных методов влияния.

Правда, советский опыт охраны труда свидетельствует, что близость социальным ожиданиям не всегда гарантирует успех с точки практической зрения. Во-

первых, хотя в советском лагере действительно сохранялась высокая степень влияния работников на вопросы социального страхования и охраны труда, тенденция постепенного огосударствления этой сферы обозначилась куда более явно. Во-вторых, создание новых органов управления социально-трудовой сферы, близких трудящимся, не обеспеченное материальной базой, оказалось неэффективно [64. С. 20–21]. Кадровое обеспечение и качество работы органов социального обеспечения в Советской России явно уступали тому, что удалось сохранить на востоке России на протяжении второй половины 1918–1919 г. В упадок эта система пришла лишь позже, в период агонии «Белого движения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Больничные кассы обслуживали предприятия с числом рабочих более 30 без механического двигателя или более 20 при наличии механического двигателя.

² Рабочее утро. Оренбург, 1918. 27, 29 сент.

³ Подробное описание этого конфликта см.: [7. С. 143–144].

⁴ Подсчет наш, так как авторы источника исходили из 5%-х взносов, запроюжированных Министерством труда, но окончательно были утверждены 6%-е взносы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вигдорчик Н.А. Теория и практика социального страхования. Вып. 1: Теоретические основы социального страхования. Пг. ; М. : Книга, 1923. 151 с.
2. Швиттау Г.Г. Промышленные конфликты: экономическое исследование в области современной политики труда на Западе. СПб. : Тип. Ю.Н. Эрлих, 1911. 2, IV, IV, 486 с.
3. Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная (большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны). Кемерово : Кемеров. книж. изд-во, 1968. 558 с.
4. Иоффе Г.Ф. Колчаковская авантюра и ее крах. М. : Мысль, 1983. 298 с.
5. Дмитриев Н.И. О некоторых аспектах социальной политики белогвардейских правительств Урала и Сибири // Страницы истории советского общества: опыт, проблемы : тез. докл. и сообщ. Респ. науч.-теор. конф. «Советское общество: прошлое, настоящее, будущее». Челябинск, 1991. Ч. 1, разд. 1. С. 110–111.
6. Дмитриев Н.И. К вопросу о социальной защите рабочих при Временном областном правительстве Урала // Из истории общественных и политических организаций на Урале. Екатеринбург, 1992. Ч. I.
7. Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. 254 с.
8. Иванов Л.М. К вопросу о страховании рабочих в России // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 327–352.
9. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 367 с.
10. Алферова Е.Ю., Юдина Л.С. Социальное страхование рабочих Урала (конец XIX – 1917 г.) // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1990. С. 80–86.
11. Вигдорчик Н.А. Теория и практика социального страхования. Вып. 3: Страхование на случай болезни в России. Пг. ; М. : Книга, 1923. 207 с.
12. Куприянова Л.В. Российские предприниматели и проблемы социального страхования 1880–1905 годы // Отечественная история. 1996. № 5. С. 50–76.
13. Иванов Л.М. Закон 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих и его практическое применение // Рабочее движение в России в период империализма. М., 1982. С. 88–126.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 32: 1912. Отделение 1. Пг., 1915. 1853 с.
15. Чистяков И.И. Страхование рабочих в России: опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912. 432 с.
16. Лаврычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России. 1861–1917 гг. М. : Мысль, 1972. 340 с.
17. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса в России в 1900–1914 годах. Л. : Наука, 1981. 143 с.
18. Куприянова Л.В. Рабочий вопрос в России во второй половине XIX – начале XX в. // История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1999. С. 397–422.
19. Фалкова Ж.З. Страхование рабочих накануне и в годы Первой мировой войны (до февраля 1917 г.) // Первая мировая война. М., 1968. С. 350–352.
20. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3: Июль – август 1917 г. / отв. ред. Б.Ф. Додонов М. : РОССПЭН, 2004. 416 с.
21. Страхование рабочих: ежемесячный журнал. М., 1917.
22. Декреты советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. : сб. материалов и док. М. : Политиздат, 1957. 624 с.
23. Рабочий класс Урала в годы войны и революции : в 3 т. Т. 3: Октябрьский переворот. Свердловск, 1927.
24. Уфимский торгово-промышленный вестник: Еженедельный журнал, посвященный вопросам торговли и промышленности. 1918.
25. Промышленность Западной Сибири: двухнедельный журнал, издаваемый Временным центральным военно-промышленным комитетом. Омск, 1918. № 6. С. 29.
26. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-161. Министерство труда Российского правительства. 1918–1919 гг. Оп. 1.
27. Вестник Комитета членов Учредительного собрания: ежедневная газета. Самара, 1918.
28. Рабочее утро. Оренбург, 1918.
29. Вечерняя заря: Орган Самарского комитета РСДРП меньшевиков (объединенной). Самара, 1918. 7 сент.
30. Лапандин В.А. Комитет Членов учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 г.). Самара, 2003. 212 с.

31. Лапандин В.А. Эсеровские политико-государственные образования в России в годы Гражданской войны. Комитет членов Учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 гг.): исторические источники в 2 т. Т. 2: Основные направления политической деятельности Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Самара, 2006 [Б.и.]. 292 с.
32. Вестник больничных касс: Орган социального страхования, страховой медицины и профессиональной гигиены. Двухнедельный журнал. Томск, 1919.
33. Урал: Ежедневная демократическая, областническая газета. Екатеринбург, 1918.
34. Наш путь: Орган Тюменского комитета РСДРП. Тюмень, 1918.
35. Собрание постановлений Западно-Сибирского комиссариата. Омск, 1918.
36. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 года) / сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Томского университета, 1998. Вып. I. 192 с.
37. Временное Сибирское правительство: сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Сова, 2007. 818 с.
38. Исторический архив Омской области. Ф. Р-953. Акмолинский областной комиссариат труда Министерства труда Временного Сибирского правительства. 1918 г. Оп. 1.
39. Народная Сибирь: газета общественно-политическая. Новониколаевск, 1918.
40. Вестник Временного Всероссийского правительства: Ежедневная газета. Омск, 1918.
41. Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.) / сост. В.И. Шемелев. Новосибирск [б.и.], 1928. IV, 240 с.
42. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-176. Совет министров Российского правительства. 1918–1919 гг. Оп. 5.
43. Первый съезд Сибирских больничных касс с представителями Урала и Комитета членов Учредительного собрания, состоявшийся 3–9 октября 1918 г. в Томске. Омск [б.и.], 1918. 62 с.
44. Голос народа: Орган Всесибирского краевого комитета партии социалистов-революционеров. Томск, 1918.
45. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): сб. док. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. 748 с.
46. Правительственный вестник: Ежедневная газета. Омск, 1919.
47. Законы о страховании рабочих. Омск, 1919.
48. Центр хранения документов новейшей истории Восточно-Казахстанской области. Ф. Р-48. Оп. 1.
49. Русская армия: газета военная, общественная и литературная. 1919.
50. Вестник Томской губернии: Официальный орган Управления Томской губернии. Томск, 1919. 6 февр.
51. Сибирская жизнь: газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1919.
52. Государственный архив Томской области. Ф. Р-312. Оп. 1.
53. Алтайский вестник: ежедневное издание. Барнаул, 1919.
54. Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 22 (9) февр.
55. Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.) в документах и материалах с вводом очерком А. Тяньева. Свердловск : Уралполиграф, 1929. 63, 232 с.
56. Иркутская летопись. 1661–1940. Иркутск, 2003. 847 с.
57. Сибирский рабочий: Еженедельный орган Иркутского губернского совета профессиональных союзов. Иркутск, 1919.
58. Совет министров Российского правительства (18 ноября 1918 г. – 3 января 1920 г.): док. и материалы / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2017.
59. Новый алтайский луч: общественно-литературная, политическая, социал-демократическая газета. Барнаул, 1919.
60. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Д-149. Документы по истории рабочего и профессионального движения в Сибири (коллекция). 1902–1932 гг. Оп. 1.
61. Отечественные ведомости: Орган национальной и государственной мысли. Екатеринбург, 1919.
62. Наше дело: Ежедневная общественно-политическая и литературная газета. Иркутск, 1920.
63. Освобождение России. Пермь. 1919. 20 марта.
64. Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М. : РОССПЭН, 2007.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 сентября 2019 г.

“Revolutionary Rights, Counter-Revolutionary Guarantees”: Social Insurance in the East of Russia in the Second Half of 1918 and in 1919

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 162–172.

DOI: 162–172. DOI: 10.17223/15617793/454/19

Vadim M. Rynkov, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vadsvet@list.ru

Keywords: East of Russia; anti-Bolshevik governments; social policy; health insurance; sickness funds; entrepreneurs; working class; tripartism.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-09-00580.

The study is devoted to a key aspect of social policy of anti-Bolshevik governments in the East of Russia—workers’ social insurance. The author focused on the most important type of insurance—the health one—because unemployment insurance demands a special study. The problem has been researched fragmentarily so far; and, in Soviet times, historians had a prejudiced attitude to it. This study rests on an extensive source base, which includes laws, publications in periodicals and documents of four archives. The structure of the study comprises a review of the history of health insurance formation in Russia, the influence of the 1917 revolution on health insurance, the state of insurance institutions in the eastern regions of Russia just before the opponents of the Bolsheviks came to power. The attempts to reform the sickness funds of Komuch and the Provisional Regional Government of the Urals are studied. The preparation of normative and instructive materials of the Russian government in the field of workers’ and employees’ health insurance is examined in detail, and the materials are analyzed in terms of law. The author shows the attitude of different groups of the population to the ongoing reforms, the complexity of the implementation of laws and government orders at the central and provincial/regional levels. Owners of ruined enterprises were not able to pay even reduced fees. Stabilization of social payments contradicted economic logic. As a result, a great deal of entrepreneurs evaded payments of insurance payments. Trade unions and other workers’ organizations rejected the authorities’ desire to equalize the financial and organizational participation of employers and employees in insurance institutions as a curtailment of revolutionary gains. In the context of acute social confrontation, a full-fledged social partnership, even with the mediation of government representatives, had no chance of success. Nevertheless, in the

first half of 1919, there was a relative and short-term stabilization of the situation with sickness funds in the East of Russia, interrupted by the rapid retreat of the White Army to the East, the increased inflation and the falling living standards. The conducted reforms were designed for the post-war settlement of the social situation to a greater extent, but could not lead to the expected results during the Civil War. The author concludes that, before the revolution, the regulatory framework of health insurance in Russia was elaborated in detail. Thus, the successively occurring political regimes in 1917–1920s did not annul the regulatory framework, but supplemented and changed it.

REFERENCES

1. Vigdorichik, N.A. (1923) *Teoriya i praktika sotsial'nogo strakhovaniya* [Theory and Practice of Social Insurance]. Is. 1. Petrograd; Moscow: Kniga.
2. Shvittau, G.G. (1911) *Promyshlennyye konflikty: ekonomicheskoe issledovanie v oblasti sovremennoy politiki truda na Zapade* [Industrial Conflicts: An Economic Study of the Contemporary Labor Policy in the West]. St. Petersburg: Tip. Yu.N. Erlikh.
3. Kadeykin, V.A. (1968) *Sibir' nepokorennaya (bol'shevistskoe podpol'e i rabochee dvizhenie v sibirskom tylu kontrrevolyutsii v gody inostrannoy voennoy interventsii i grazhdanskoy voyny)* [The Unconquered Siberia (The Bolshevik Underground and the Labor Movement in the Siberian Rear of the Counter-Revolution During the Years of the Foreign Military Intervention and the Civil War)]. Kemerovo: Kemerov. knizh. izd-vo.
4. Ioffe, G.F. (1983) *Kolchakovskaya avantюра i ee krakh* [Kolchak's Adventure and Its Collapse]. Moscow: Mysl'.
5. Dmitriev, N.I. (1991) [On Some Aspects of the Social Policy of the White Guard Governments of the Urals and Siberia]. *Stranitsy istorii sovet'skogo obshchestva: opyt, problemy* [Pages of the History of Soviet Society: Experience, Problems]. Conference Proceedings. Pt. 1 (1). Chelyabinsk: [s.n.], pp. 110–111.
6. Dmitriev, N.I. (1992) K voprosu o sotsial'noy zashchite rabochikh pri Vremennom oblastnom pravitel'stve Urala [On the Social Protection of Workers Under the Provisional Regional Government of the Urals]. In: *Iz istorii obshchestvennykh i politicheskikh organizatsiy na Urale* [From the History of Public and Political Organization in the Urals]. Part 1. Yekaterinburg: [s.n.].
7. Nikonova, O.Yu. (1996) *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika "demokraticeskoy" kontrrevolyutsii i diktatury Kolchaka na Urale (1918–1919 gg.)* [The Socio-Economic Policy of the "Democratic" Counter-Revolution and Kolchak's Dictatorship in the Urals (1918–1919)]. History Cand. Diss. Chelyabinsk.
8. Ivanov, L.M. (1971) K voprosu o strakhovanii rabochikh v Rossii [On Workers' Insurance in Russia]. In: Nosov, N.E. (ed.) *Issledovaniya po sotsial'no-politicheskoy istorii Rossii* [Studies on the Socio-Political History of Russia]. Leningrad: Nauka. pp. 327–352.
9. Postnikov, S.P. & Fel'dman, M.A. (2009) *Sotsiokul'turnyy oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [The Sociocultural Image of Industrial Workers in Russia in 1900–1941]. Moscow: ROSSPEN.
10. Alferova, E.Yu. & Yudina, L.S. (1990) Sotsial'noe strakhovanie rabochikh Urala (konets XIX – 1917 g.) [Social Insurance of Workers in the Urals (From the late 19th Century to 1917)]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskoe i pravovoe polozhenie rabochikh Urala v period kapitalizma* [The Socioeconomic and Legal Status of Workers in the Urals During the Period of Capitalism]. Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR AS. pp. 80–86.
11. Vigdorichik, N.A. (1923) *Teoriya i praktika sotsial'nogo strakhovaniya* [Theory and Practice of Social Insurance]. Is. 3. Petrograd; Moscow: Kniga.
12. Kupriyanova, L.V. (1996) Rossiyskie predprinimateli i problemy sotsial'nogo strakhovaniya 1880–1905 gody [Russian Entrepreneurs and the Problems of Social Insurance in 1880–1905]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 50–76.
13. Ivanov, L.M. (1982) Zakon 1903 g. o voznagrazhdenii uvechnykh rabochikh i ego prakticheskoe primenenie [The 1903 Law on the Compensation of Disabled Workers and Its Practical Application]. In: Tyutikov, S.V. (ed.) *Rabochee dvizhenie v Rossii v period imperializma* [Labor Movement in Russia During the Period of Imperialism]. Moscow: Nauka. pp. 88–126.
14. Russian Empire. (1915) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 32: 1912. Part 1. Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya.
15. Chistyakov, I.I. (1912) *Strakhovanie rabochikh v Rossii: opyt istorii strakhovaniya rabochikh v svyazi s nekotorymi drugimi merami ikh obespecheniya* [Worker Insurance in Russia: Experience in the History of Worker Insurance in Connection With Some Other Measures to Support Them]. Moscow: pech. Snegirevoy.
16. Lavrychev, V.Ya. (1972) *Tsarizm i rabochiy vopros v Rossii. 1861–1917 gg.* [Tsarism and the Worker Question in Russia. 1861–1917]. Moscow: Mysl'.
17. Kruze, E.E. (1981) *Usloviya truda i byta rabochego klassa v Rossii v 1900–1914 godakh* [Working and Living Conditions of the Working Class in Russia in 1900–1914]. Leningrad: Nauka.
18. Kupriyanova, L.V. (1999) Rabochiy vopros v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The Worker Question in Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. In: *Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [History of Entrepreneurship in Russia]. Book 2. Moscow: ROSSPEN. pp. 397–422.
19. Falkova, Zh.Z. (1968) Strakhovanie rabochikh nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny (do fevralya 1917 g.) [Insurance of Workers on the Eve and During the First World War (Until February 1917)]. In: *Pervaya mirovaya vojna* [The First World War]. Moscow: Nauka. pp. 350–352.
20. Dodonov, B.F. (ed.) (2004) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva* [Journals of Meetings of the Provisional Government]. Vol. 3. Moscow: ROSSPEN.
21. *Strakhovanie rabochikh*. (1917). (Moscow).
22. Politizdat. (1957) *Dekrety sovet'skoy vlasti* [Decrees of the Soviet Government]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.
23. Tanyaev, A.P. (ed.) (1927) *Rabochiy klass Urala v gody voyny i revolyutsii: v 3 t.* [The Working Class of the Urals During the Years of War and Revolution: In 3 Vols]. Vol. 3. Sverdlovsk: Uralprofsovet.
24. *Ufimskiy trgovno-promyshlenny vestnik*. (1918).
25. *Promyshlennost' Zapadnoy Sibiri*. (1918) 6. p. 29. (Omsk).
26. State Archive of the Russian Federation. Fund R-161. *Ministerstvo truda Rossiyskogo pravitel'stva. 1918–1919 gg.* [Ministry of Labor of the Russian Government. 1918–1919]. List 1.
27. *Vestnik Komiteta chlenov Uchreditel'nogo sobraniya*. (1918). (Samara).
28. *Rabochee utro*. (1918). (Orenburg).
29. *Vechernyaya zarya*. (1918). (Samara). 7 September.
30. Lapandin, V.A. (2003) *Komiteta chlenov uchreditel'nogo sobraniya: struktura vlasti i politicheskaya deyatel'nost' (iyun' 1918 – yanvar' 1919 g.)* [The Committee of Members of the Constituent Assembly: Power Structure and Political Activity (June 1918 – January 1919)]. Samara: Samar. Tsentral. analit. istorii i ist. informatiki.
31. Lapandin, V.A. (2006) *Eserovskie politiko-gosudarstvennyye obrazovaniya v Rossii v gody Grazhdanskoy voyny. Komitet chlenov Uchreditel'nogo sobraniya (iyun' 1918 – yanvar' 1919 gg.): istoricheskie istochniki v 2 t.* [Socialist-Revolutionary Political and State Formations in Russia During the Civil War. The Committee of Members of the Constituent Assembly (June 1918 – January 1919): Historical Sources in 2 Volumes]. Vol. 2. Samara: Samar. Tsentral. analit. istorii i ist. informatiki.
32. *Vestnik bol'nichnykh kass*. (1919). (Tomsk).
33. *Ural*. (1918) Yekaterinburg.
34. *Nash put'*. (1918). (Tyumen).

35. West Siberian Commissariat. (1918) *Sobranie postanovleniy Zapadno-Sibirskogo komissariata* [Collection of Resolutions of the West Siberian Commissariat]. Omsk: [s.n.].
36. Lukov, E.V., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (1998) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' belykh pravitel'stv Sibiri (iyun' – noyabr' 1918 goda)* [The Legislative Activity of the White Governments of Siberia (June–November 1918)]. Is. 1. Tomsk: Tomsk State University.
37. Shishkin, V.I. (ed.) (2007) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo: sb. dok. i materialov* [The Provisional Siberian Government: Documents and Materials]. Novosibirsk: Sova.
38. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund R-953. *Akmolinskiy oblastnoy komissariat truda Ministerstva truda Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva. 1918 g.* [Akmola Regional Commissariat of Labor of the Ministry of Labor of the Provisional Siberian Government]. List 1.
39. *Narodnaya Sibir'*. (1918). Novonikolaevsk.
40. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva*. (1918). (Omsk).
41. Shemelev, V.I. (1928) *Profsoyuzy Sibiri v bor'be za vlast' Sovetov (1917–1919 gg.)* [The Trade Unions of Siberia in the Struggle for the Power of the Soviets (1917–1919)]. Novosibirsk: [s.n.].
42. State Archive of the Russian Federation. Fund R-176. *Sovet ministrov Rossiyskogo pravitel'stva. 1918–1919 gg.* [Council of Ministers of the Russian Government. 1918–1919]. List 5.
43. Anon. (1918) *Pervyy s'ezd Sibirskikh bol'nichnykh kass s predstavitel'yami Urala i Komiteta chlenov Uchreditel'nogo sobraniya, sostoyavshiyasya 3–9 oktyabrya 1918 g. v Tomske* [The First Congress of the Siberian Sickness Funds With Representatives of the Urals and the Committee of Members of the Constituent Assembly Held on 3–9 October 1918 in Tomsk]. Omsk: [s.n.].
44. *Golos naroda*. (1918). (Tomsk).
45. Shishkin, V.I. (ed.) (2016a) *Sovet ministrov Rossiyskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedaniy (18 noyabrya 1918 – 3 yanvarya 1920 g.): sb. dok.* [The Council of Ministers of the Russian Government: Meeting Journals (18 November 1918 – 3 January 1920)]. Vol. 1. Novosibirsk: SB RAS.
46. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919). (Omsk).
47. Anon. (1919) *Zakony o strakhovanii rabochikh* [Worker Insurance Laws]. Omsk: [s.n.].
48. Documentation Center of the Modern History of Eastern-Kazakhstan Region. Fund R-48. List 1.
49. *Russkaya armiya*. (1919).
50. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1919) 6 February. (Tomsk).
51. *Sibirskaya zhizn'*. (1919). (Tomsk).
52. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-312. List 1.
53. *Altayskiy vestnik*. (1919) (Barnaul).
54. *Nash Ural*. (1919) 22 (9) February. (Yekaterinburg).
55. Tanyaev, A. (ed.) (1929) *Kolchakovshchina na Urale (1918–1919 gg.) v dokumentakh i materialakh* [Kolchakism in the Urals (1918–1919) in Documents and Materials]. Sverdlovsk: Uralpoligraf.
56. Kolmakov, Yu.P. (2003) *Irkutskaya letopis'. 1661–1940* [Irkutsk Chronicle. 1661–1940]. Irkutsk: Ottisk.
57. *Sibirskiy rabochiy*. (1919). (Irkutsk).
58. Shishkin, V.I. (ed.) (2016b) *Sovet ministrov Rossiyskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedaniy (18 noyabrya 1918 – 3 yanvarya 1920 g.): sb. dok.* [The Council of Ministers of the Russian Government: Meeting Journals (18 November 1918 – 3 January 1920)]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS.
59. *Novyy altayskiy luch*. (1919). (Barnaul).
60. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund D-149. *Dokumenty po istorii rabocheho i professional'nogo dvizheniya v Sibiri (kolleksiya). 1902–1932 gg.* [Documents on the History of the Labor and Professional Movement in Siberia (Collection). 1902–1932]. List 1.
61. *Otechestvennye ведомости*. (1919). (Yekaterinburg).
62. *Nashe delo*. (1920). (Irkutsk).
63. *Osvobozhdenie Rossii*. (1919) 20 March. (Perm).
64. Il'yukhov, A.A. (2007) *Zhizn' v epokhu peremen: material'noe polozhenie gorodskikh zhiteley v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Life in an Era of Change: The Financial Situation of Urban Residents During the Years of the Revolution and the Civil War]. Moscow: ROSSPEN.

Received: 27 September 2019

М.К. Чуркин, С.А. Абселемов

ИСТОРИОГРАФИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАВМЫ»: АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Представлен авторский опыт характеристики социокультурного контекста формирования исследовательских практик изучения истории аграрной колонизации Степного края в Республике Казахстан. Выявлены основные направления в оценке процессов инкорпорации степных областей в состав империи в исторической науке Казахстана. Раскрыты социально-политические и культурные условия, в которых государственная идеология являлась важным агентом влияния на понимание историками роли, значения и результатов российской колонизации в регионе.

Ключевые слова: историография; дискурс; «национальная травма»; аграрная колонизация; Степной край.

Тема аграрной колонизации восточных окраин Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., в частности Степного края, включавшего в свой состав пригодные в земледельческом отношении территории Акмолинской и Семипалатинской областей, является одним из дискуссионных сюжетов в современной исторической науке. Проблемы, связанные с аграрно-земледельческим освоением Степного края, историками Республики Казахстан активно рефлексированы в качестве неотъемлемого составляющего элемента имперской колониальной политики, критическое отношение к которой было сформулировано и озвучено еще в антиколониальных трудах представителей первого поколения казахской интеллигенции – Ч.Ч. Валиханова, А.Н. Букейханова и др.

Целью данной работы является реконструкция историко-контекстуальных условий становления современной казахстанской историографической традиции, а также выявление подходов к исследованию аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в.

Важной интенцией становления современной историографии вопроса в Республике Казахстан стали распад СССР, «парад суверенитетов» и становление независимых национальных государств в границах постсоветского имперского пространства. Обретение Казахстаном независимости естественным образом стимулировало процессы роста этнического самосознания и формирования новой национальной идентичности, развивавшейся в обстоятельствах особого социокультурного фона: «травмы» колонизации, ставшей составляющей постколониального сознания.

Понятие «травма» было введено в научный оборот известным исследователем исторической памяти – Алейдой Ассман, утверждавшей, что по мере удаления от событий, людям свойственно более острое и глубокое их переживание и переосмысление. В результате возникает посттравматическая ситуация, в рамках которой причины травмы не могут быть поняты и удовлетворительно объяснены индивиду или группе [1].

Посттравматичность ситуации в историографическом контексте усугублялась противостоянием двух интеллектуальных посылов, являвшихся частью национального сознания казахской интеллигенции. Так, Бавна Дэви, автор первой в западной историографии работы по истории Казахстана, опираясь на

постколониальную теорию, утверждает, что колониальность играла важную и определяющую роль в современном национальном самосознании казахов, причем сама идея нации пришла к ним через колониальную систему и связана с ней [2. Р. 24].

А.В. Ремнёв утверждал, что «реакция пробужденной национальности может достигать крайних пределов отторжения как имперского, так и советского прошлого, хотя параллельно возникает эмоциональная реакция (не всегда противопологающая, а нередко дополняющая) на романтизацию прошлого, на пафосное национальное самолюбование и самообольщение» [3. С. 179]. Показательно в этом отношении высказывание казахстанского историка Н. Масанова, отмечавшего, что исторически казахи были только номадами: «...у нас не было ни науки, ни образования, ни искусства, ни культуры, ни интеллигенции, одним словом – у нас ничего не было. У нас было просто кочевое общество» [4].

В процессе реформирования и «перезагрузки» позиций в оценке колониального прошлого, исследователи аграрной колонизации степных окраин империи активно осваивали пространство колониального дискурса. Во многом такой подход был рельефным признаком рефлексии всего постсоветского научного сообщества. Идеологическая революция в обществе и науке инициировала в России и Казахстане «публицистический бум», ставший реакцией на историческую «травму». Предметом исследовательской активности историков оказались «болевые» точки прошлого. Если для новой генерации российских историков конца 1980-х – начала 1990-х гг. главным травматическим сюжетом являлась история советского периода, то в эпицентре научного внимания историков Республики Казахстан в первую очередь оказались вопросы имперской колониальной политики России.

Уже в начале 1990-х гг. в оценке российской колонизации и ее аграрного аспекта в исторической публицистике Республики Казахстан обозначилось отчетливое доминирование исключительно негативного восприятия колониального прошлого, что стремительно становилось частью нового национального мифа, попадало на страницы учебников и учебных пособий. Необходимо отметить, что «разоблачение» фактов колониального насилия вписывалось в существовавший формат исторической политики периода обретения независимости, что фиксировалось в про-

граммных декларациях национальных лидеров. В частности, 1 октября 1992 г. на торжественном заседании Всемирного курултая казахов Н. Назарбаев заявил: «В результате самоотверженной, упорной борьбы наши далекие предки сумели сохранить не только свою целостность и единство, но и создать в XV веке сильное Казахское ханство. Но независимое Казахское государство не смогло отстоять мир и спокойствие. Слишком многие покушались на бескрайнее богатое пространство. И, в конце концов, дивный и благодатный край... очутился под пятой чужеземного насилия. В XVIII–XIX веках наш народ лишился свободы и независимости... Мы оказались перед угрозой потери веры и языка, культуры и традиций» [5].

Политические заявления казахстанских политиков транслировались и тиражировались в благоприятных для этого условиях медийного поля. Информационное пространство Республики Казахстан в этот период было разделено на два сегмента по языковому признаку. До принятия закона о 50%-м вещании на государственном языке, национал-патриотические издания имели абсолютное преимущество в деле тиражирования своих политических взглядов вне какой бы то ни было научной цензуры. Историкам-публицистам, по констатации А.В. Грозина, преобладавшим в редакциях национал-патриотических газет и журналов, очевидно, были свойственны слабое знание истории, своевольные интерпретации исторических источников, методологических принципов науки, профанация методов научного анализа, необоснованная переоценка отдельных данных, их произвольная абсолютизация и гиперболизация [6. С. 108–109]. В концентрированном виде продуктом публицистической трактовки прошлого Казахстана стала следующая формула: «История казахского народа с древнейших времен и до наших дней представляет собой важнейшую часть всемирной истории, поэтому изучение ее занимает важное место в формировании исторического сознания молодежи... Однако в период колониальной зависимости у народа были отняты не только свобода, земля, природное богатство, уникальные памятники культуры, но и историческая память...» [7. С. 3–4].

Таким образом, влияние правительственных деклараций, активно распространяемых в публицистике, определило содержание и риторику репрезентации национального исторического нарратива в период становления новейшей историографии аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в.

Прежде чем речь пойдет о проблематике и собственно работах, составивших контент национальной историографической традиции исследуемого вопроса, необходимо отметить те имманентные признаки, которые были и остаются присущи историографии Республики Казахстан.

Во-первых, новейшей историографией Казахстана фактически в неизменном виде был заимствован старый (советский) язык описания, используемый при оценке имперского прошлого. Показательно, что на стадии становления национального историографического дискурса идейная переориентация казахстанской историографии не сопровождалась процессом

терминологического обновления, что оказалось запечатлено в сохранении той риторики, которая активно осваивалась и внедрялась в контекстных границах теорий «относительного» и «абсолютного» зла, а также концепции о добровольном и прогрессивном характере присоединения Казахстана к России. Наиболее распространенными и часто используемыми понятиями в современной историографии Республики Казахстан по-прежнему являются такие понятийные конструкты, как «экспансионизм», «колониализм», «национально-освободительное движение», а также крайние их формы: «колониальное порабощение» [8. С. 3], «насилие колониальных чиновников» [9. С. 10], «идеологический прессинг» [10. С. 14] и т.д.

Во-вторых, общим местом в конструировании новейшего национального исторического нарратива стало использование алармистских приемов речи в изложении колониального прошлого Казахстана. Вот лишь некоторые показательные фрагменты: «В начале XX века территория Казахстана была одной из колоний России. Естественное течение этнического развития было прервано. Политическое устройство казахов было уничтожено, нарушено территориальное единство, затруднено формирование нации и единство культуры. Стало невозможным создание в то время общей экономики, ее инфраструктура складывалась в угоду интересам метрополии. Колониальное господство приостановило самобытное развитие этноса» [11. С. 213] и т.д.

В-третьих, формирование историографической традиции аграрной колонизации в научном сообществе Республики Казахстан проходило в условиях методологического кризиса гуманитарного знания и исторической науки. В данном отношении как российская, так и казахстанская историческая наука в 1990-е гг. пребывали в состоянии «нулевого цикла». Однако существовали и принципиальные различия. Российская историческая наука постсоветского времени постепенно вступала на путь «эпигонства», активно заимствуя и развивая применительно к отечественной истории методологические принципы и исследовательские практики, что открывало новые перспективы и горизонты видения различных аспектов колонизации окраин империи XIX–XX вв. Аккомодация в исследовательский контент концепции ориентализма, подходов «новой имперской истории», «новой интеллектуальной истории», «новой социальной истории», «рефлексивного крестьяноведения» позволяла российской историографии, пусть во многом и поверхностно, вписываться в общегуманитарную ситуацию антропологического и лингвистического поворотов.

Научно-историческое сообщество Республики Казахстан в условиях распада СССР по причинам политического характера было исключено из пределов той научно-исследовательской парадигмы, в которой оказались российские историки. Более того, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. набирал силу процесс «расщепления» единого интеллектуального пространства, составляемого ранее всеми представителями исторической науки союза. В результате исторические исследования в Казахстане, в том числе и в сфере аграрного освоения степных областей, принимали

ярко выраженный публицистический характер. При этом «травма» колонизации становилась преобладающим сюжетом на страницах диссертаций и научных монографий, увидевших свет в 1990-х – первом десятилетии 2000-х гг.

Автором новой концепции национальной истории Казахстана стал академик Национальной академии наук, профессор М.К. Козыбаев, а главной интеллектуальной «площадкой» ее создания – Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. В основе теории М.К. Козыбаева лежала идея о долгосрочном характере истории присоединения Казахстана к Российской империи, хронологически уходящей корнями во времена сибирской экспедиции Ермака, что инициировало проблему феномена и природы российской колонизации. В основе исследовательской практики – критика историографической традиции, сложившейся в советский период, и возвращение к концепции «абсолютного зла», сформулированной в конце XIX – начала XX в. [12].

Следует заметить, что во второй половине 1990-х гг. основные усилия казахстанских исследователей были направлены на изучение трудов и биографий представителей национальной интеллигенции конца XIX – первой трети XX в. как наиболее ярких и последовательных сторонников концепции «абсолютного зла». Так, например, в работах Э.Г. Сеитова обстоятельно исследуется роль А. Букейханова в экспедиционной деятельности Ф.А. Щербины [13], К.К. Канафин концентрирует внимание на изучении общественно-политической карьеры Р. Марсекова [14], И.К. Тернова и Р.К. Исетова обратили свои взоры на научные взгляды А. Байтурсынова [15]. Позиции казахской интеллигенции по аграрным вопросам была освещена в труде С.О. Смагуловой [16].

Позитивное значение вышеуказанных исследовательских штудий заключалось не только в восстановлении забытых имен и эпизодов национальной истории, но в возрождении и популяризации широкого круга вопросов аграрной истории Степного края, являвшихся актуальными для интеллектуальной элиты Казахстана второй половины XIX – начала XX в.: переселенческая политика и переселенческое движение, землевладение и землепользование коренного населения и мигрантов, взаимоотношения российского крестьянства и номадов, роль колониальной администрации в управлении «иногородцами» и т.д. С точки зрения содержания работ и их теоретико-методологической композиции, в рамках «официального» направления историографии Республики Казахстан складывалась ситуация, при которой критика «имперской» составляющей колонизации вытесняла научность в исследовании широкой гаммы социально-хозяйственных и культурных проблем национальной истории. Характерно, что данный алгоритм, сформировавшийся в исследовательских практиках 1990-х гг., продолжал активно тиражироваться и в начале XXI столетия. Приводим лишь некоторые, наиболее показательные фрагменты описания методологических ландшафтов диссертационных сочинений, защищенных в Республике Казахстан в первое десятилетие XXI в.: «...учитывая хронологические рамки исследования и отталкиваясь от

историографических традиций исторической школы, особо следует выделить материалистический подход и принцип историзма, которого придерживались как дореволюционные, так и советские авторы» [17]; «теоретико-методологическую основу исследования составила совокупность методов, применяемых в историческом исследовании. В их числе общенаучные методы: исторический, логический, методы индукции и дедукции, анализа и синтеза и т.п. К специальным методам, использованным при работе над диссертацией, относятся методы сравнительного анализа, хронологический метод. Теоретическую основу исследования составили работы представителей российской и отечественной исторической мысли, внесших вклад в развитие изучения истории деятельности государственных учреждений, их структуры, механизмов функционирования, а также исследования, посвященные экономической истории Казахстана и России дореволюционного периода» [10. С. 19]. Основным итогом продвижения концепции М.К. Козыбаева в границах образовательного пространства стало формирование образа России-колонизатора, завоевателя и угнетателя покоренных народов. Так, казахстанский исследователь А. Кузембайулы пришел к выводу, сообразно с которым колонизация негативно отразилась на системе жизнеобеспечения кочевников и разрушила традиционную структуру казахского общества, затормозив развитие производительных сил края [18]. В учебном пособии А. Абдакимова вопросы присоединения степных областей Зауралья к России также рассматриваются в контексте насильственного захвата кочевий [19].

В рамках официального направления на рубеже 1990–2000-х гг. в Республике Казахстан защищается большое число диссертационных работ, в центре внимания которых – широкий круг проблем колонизации Степного края второй половины XIX – начала XX в., причем основным идеологическим посылом этих работ априори является тезис о насильственном включении степных территорий в российское имперское пространство, с акцентом на оккупационный характер действия имперской власти. В данном отношении в исследовательском локусе казахстанских историков периода становления национальной государственности оказались вопросы административно-управленческих практик империи в колонизируемом регионе. Исходные позиции, определившие подход к оценке моделей имперского управления в Степном крае, были озвучены в работе Э.Ж. Валиханова, в которой автор связал процесс деградации казахского общества второй половины XIX – начала XX в. с системой государственного управления регионом. По мнению Э.Ж. Валиханова, «в девятнадцатом веке – в начале двадцатого очень серьезно ставился вопрос о ликвидации всего казахского народа, так как, лишившись основных средств производства – земли и скота, народ неминуемо должен был погибнуть в результате этой политики» [20. С. 10–11]. Колониальные принципы государственного управления в деятельности российских имперских учреждений детально представлены и аргументированы в параметрах концепции «абсолютного зла» в работах Б.М. Абдрахмановой

[21], К.А. Жиренчина [22] и др., последовательно проследивших эволюцию управленческих практик в свете российского законодательства и административной политики империи. В целом для исследователей системы административного управления Степным краем в имперский период, включая вторую половину XIX – начала XX в., аксиоматичным является положение о «колониальности» Казахстана.

Вместе с тем актуализация «травматических» эпизодов национальной истории в контексте организации управления степными окраинами способствовала расширению тематического спектра проблем колонизации, поскольку в поле административной деятельности империи неизбежно вовлекались вопросы переселенческого движения и переселенческой политики, регулирования земельных отношений, коммуникации этносоциальных групп и локальных сообществ Степного края.

Одной из первых работ, открывших «пантеон» официального направления новейшей казахстанской историографии аграрной колонизации Степного края в аспекте переселенческого движения и переселенческой политики, стало исследование Р.М. Таштемхановой [23]. Приверженность концепции «абсолютного зла» автор обозначила уже в преамбуле своей работы, подчеркнув, что переселение крестьян в регион было подчинено общей стратегической цели империи – колонизации Казахстана [23. С. 3]. В результате исследования Р.М. Таштемханова пришла к вполне предсказуемым выводам: формирование переселенческих поселений сопровождалось экспроприацией казахских земель; царизм не вникал в земельные нужды коренного населения; переселенческая политика не способствовала прогрессивному развитию казахского общества и наносила огромный ущерб развитию всех сторон его жизни [23. С. 23].

Исследователи переселенческого движения и переселенческой политики конца 1990-х – начала 2000-х гг. окончательно легитимировали в историографической традиции принципы колониального экспансионизма как основной цели крестьянских переселений в Степной край. Так, в работе С.И. Ибраева переселенческая политика рассматривается в контексте демографической ситуации в Северном Казахстане в конце XIX – начале XX в. По мнению автора, влияние крестьянского переселения на образ жизни и традиции коренного населения оказалось резко негативным, поскольку сопровождалось массовым изъятием лучших казахских земель в переселенческий фонд [24].

В целом в интерпретации историографии Республики Казахстан 1990-х – начала 2000-х г. переселенческая политика российского правительства «держала ориентир на превращение кочевого хозяйства в крепостное, а казахов в крепостных крестьян», что предопределило упадок традиционных скотоводческих занятий [25. С. 70–71].

К одному из важных элементов историографической традиции аграрной колонизации Степного края, в ранней фазе становления национальной исторической школы Республики Казахстан, относятся исследования, посвященные практикам взаимодействия социальных групп в аграрно-колониальном про-

цессе. В данном отношении наиболее дискуссионный характер, в рамках официального направления, имеют труды, посвященные статусу и роли казачества в колониальном процессе. Для представителей официальной историографии сюжеты, связанные с участием казачества в освоении степных окраин, определения империей данной группы в качестве главного субъекта колонизации в середине XIX столетия, безусловно, вызывают «травматические» аллюзии. Не случайно красной нитью в работах разных поколений ученых 1990-х – начала 2000-х гг. проходит идея о тесной связи имперской колониальной политики и «охранительных» функций казачества в регионе. Алармические тенденции в оценках казачьего сегмента аграрной колонизации развивались в условиях неблагоприятного этнополитического фона систематического вытеснения славянского населения из мест постоянного проживания.

В работах М.Ж. Абдирова [26], А.С. Елагина [27], А.Ш. Мусырмановой [28] была освещена военнополитическая и административная роль казачества в подавлении национально-освободительных движений казахского народа. Нельзя не отметить, что обращение историков «официального» направления к проблеме выявления роли казачества в аграрной колонизации практически регулярно сопровождается выводами политического и идеологического характера. Известно, что сюжеты участия казачества в колониальном процессе осваиваются и в современной российской историографии. При этом в работах российских историков, анализирующих данный сегмент проблемы, сегодня все чаще говорится о негативных последствиях казачьей колонизации с точки зрения культуртрегерских возможностей субэтнуса, слабой вовлеченности казачества в земледельческие практики, сословном локализме группы и т.д. [29]. Между тем в параметрах «официального» направления казахстанской историографии вопросы статуса, роли и значения казачьего сегмента колонизации рассматриваются в локусе методологического схематизма и догматических конструкций: «...сибирское казачье войско от возникновения до упразднения было слепым орудием в руках самодержавия в осуществлении колониальной политики...», «царизм всячески укреплял его военную структуру, расширял земельные владения, награждал разными привилегиями и льготами... казаки оправдывали свое назначение активным участием в борьбе с национально-освободительным движением казахского народа на протяжении XVIII – начала XX веков» [8. С. 71].

Таким образом, говоря о принципах и подходах, сформированных в рамках «официальной» историографии аграрной колонизации, можно констатировать их ярко выраженный контекстуальный характер и тотальную зависимость от идейно-политических установлений стартового периода становления национальной государственности. В данной связи в Республике Казахстан в 1990-е – начале 2000-х гг. происходила стремительная архаизация общества, обусловленная миграционными процессами (отъездом «русских» и мощным притоком сельского населения). В этой ситуации происходило частичное снятие алар-

мистского напряжения «славянской угрозы», что не способствовало продвижению европейских культурных тенденций, напротив, пробуждало изоляционистские настроения. В результате обретение национального суверенитета не избавило казахское общество от ощущения «внутреннего колониализма», что наиболее наглядно материализовалось в сфере формирования национального исторического нарратива, в котором «дискурс угнетенного» занял доминирующие позиции [30].

Тотальное доминирование в национальной историографии Республики Казахстан «официального» курса, со свойственными ему штампами и схематизмом, вовлекло национальную историческую науку в кризисное состояние. Трактовка национальной истории исключительно как истории этнической мобилизации, преобладание в оценках прошлого теорий и практик примитивного этницизма, методологический «архаизм» в подходах к ключевым сюжетам национальной истории создавали благоприятные условия для экспансии мифологизма и зарождения традиции мифологизаторства в истории [31], крайне негативно воспринятого частью научного сообщества Республики Казахстан [32].

Также важно, что отдельными представителями казахстанской исторической науки было признано, что устранение белых пятен в истории и отказ от прежних имперских и советских идеологем сопровождаются проникновением в массовое сознание новых мифологем о золотом веке степной государственности и культуры, особом уникальном вкладе кочевников-казахов в развитие других цивилизаций евразийского мира и гармоническом характере социальных отношений у казахского населения степи до насильственного включения его в состав Российской империи [32].

Определяющим фактором, создавшим условия для формирования новых тенденций в исторической науке, стала достаточно жесткая в республике взаимосвязанность государственной политики и научно-исследовательских практик. Для представителей гуманитарного знания и власти становился очевидным и пугающим конфликт между чрезмерной актуализацией национальных интересов в общественном сознании и декларациями официальной национальной политики, в программах которой отсутствовало упоминание титульной нации и был сделан акцент на гражданственности и национальном равноправии. Более того, с 2004 г., в Казахстане стартовала государственная программа «Культурное наследие», направленная не только на развитие и укрепление национального самосознания казахстанцев, но и предполагавшая создание на государственном языке полноценного фонда гуманитарного образования на базе лучших достижений мировой научной мысли, культуры и литературы, что открывало возможности активной научной коммуникации в международном масштабе. В результате произошли знаковые перемены в методологических основаниях национальной историографии, что проявилось в аккомодации в канву исследований модернизационного подхода как наиболее адекватного темпам экономического, политического и социокультурного развития Казахстана в условиях независимости.

В этот период происходят качественные изменения в образовательной политике Республики Казахстан, в основу которой были положены идеи поликультурности и интернационализации, что не могло не оказать влияния на деятельность гуманитарной интеллигенции, в частности историков, активно инкорпорируемых через международные конференции и программы академической мобильности в коммуникативное научное пространство.

Вышеназванные обстоятельства предопределили разделение единого историографического пространства и привели к появлению «умеренного» направления, в системе координат которого обозначились и новые подходы к проблемам аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в.

Следует обратить внимание на то, что «умеренное» направление в казахстанской историографии формируется как реакция «на романтизм в казахстанской исторической науке и эйфоризм в восприятии исторических фактов, которые и привели к мифологизации исследований новой истории Казахстана» [33]. Необходимо учитывать, что общие принципы исследовательской парадигмы в рамках «умеренного» направления вырабатывались в параметрах «официальной» концепции и государственной политики Республики Казахстан, представляя собой компромиссный вариант оценки имперского прошлого и аграрно-колониционных мероприятий в Степном крае. Исследовательское кредо «умеренного» сегмента в историографической традиции Казахстана наиболее предметно фиксируется в работе Д.Я. Фризена. Впервые, автор предлагает своим коллегам искать позитивные и негативные последствия аграрной колонизации для коренного населения не только применительно к периоду второй половины XIX – начала XX в., но и пытаться оценить перспективные последствия аграрных преобразований с точки зрения развития производительных сил региона. Во-вторых, настаивает на необходимости отказаться от непродуктивной практики оценивания колониционных процессов в степных областях исключительно с негативных позиций, что опровергается очевидными историческими фактами: развитием в регионе агрономии, ветеринарной службы, распространением медицинских знаний в кочевой среде [34. С. 181].

Определяющим моментом становления «умеренной» траектории казахстанской историографии стало обращение к подходам и практикам «новой имперской истории», адепты которой предложили новую терминологию, в частности концепты «внутренняя колонизация» и «внутренний империализм». Одна из ключевых идей А. Эткнда о подчиненном статусе «субалтернов» империи в колонизации как акте тотального государственного доминирования и принуждения [35. С. 3], способствовала сближению историографических дискурсов России и Казахстана, в границах которых стали разрабатываться сходные сценарии переживания «травматической» ситуации.

В результате в работах историков Республики Казахстан первых полутора десятилетий XXI в. резко актуализировался интерес к имперской проблематике в связи с темой аграрной колонизации, что во многом

оказалось обеспечено аккомодацией новых методологических подходов к исследованию ключевых сюжетов истории Степного края.

В трудах исследователей данной группы можно выделить в качестве широко растиражированного и обновленного сюжет, посвященный вопросам переселенческого движения в Степной край. На новом витке историографической традиции Республики Казахстан эта, казалось бы, всесторонне освоенная тема получила новые варианты прочтения и интерпретации. Ряд авторов, избрав в качестве своеобразного исследовательского критерия характеристику роли имперских структур в колонизации, вышли на вопросы представлений власти о переселенческом движении и способах его государственно-административной регуляции, взаимоотношений коренного и миграционного сегментов в контексте социокультурной и экономической инкорпорации, взаимодействия центральных и региональных органов управления в обстоятельствах массовых переселений, особенностей формирования образа колонизованных и колонизаторов и т.д.

Интересно, что уже в начальный период институционализации «умеренного» вектора казахстанской историографии, рельефно обозначился переход исследователей от изучения событий к осмыслению состояний. Данные аспекты переселенческой проблемы оказались отражены в работах А.К. Рахимбековой и З.Т. Садвокасовой.

В частности, А.К. Рахимбековой проведено исследование трансформации социально-политического устройства и традиционной хозяйственной структуры казахского общества под влиянием имперского фактора, методов колонизации в Степном крае. Выявлена роль имперского фактора в экономической, социальной, политической и духовной жизни социума казахов, сформулирован тезис о его разложении в процессе имперской колонизации [25]. Характерно, что обращение исследователя к категориям имперской истории открыло автору новые перспективы в реконструкции коммуникаций «субалтернов» империи – русских переселенцев и кочевников-казахов в системе координат переселенческого процесса. Привлекая методологические приемы постмодернизма к исследованию взаимоотношений кочевников и земледельцев, А.К. Рахимбековой удалось позиционировать казахов-кочевников, крестьян-переселенцев и колониальную администрацию в качестве акторов множества ситуативных практик повседневной жизни, выстраивавших свои взаимоотношения друг с другом, что позволило реконструировать полифонию их взаимоотношений в новых контекстах колониального времени [36].

З.Т. Садвокасова, опираясь на широкий круг опубликованных и неопубликованных источников, обратилась к проблеме духовной экспансии империи в сфере образовательной и профессиональной полити-

ки, акцентируя внимание на имперских практиках русификации в Степном крае [37]. Автор справедливо отметила универсальность и масштабность русификаторских практик как важного элемента имперской национальной политики, принципы которой распространялись не только на восточные, но и западные окраины [38], что являлось составляющим элементом обеспечения безопасности и стабильности империи. В сложившихся обстоятельствах, отмечает З.Т. Садвокасова, активизация переселенческого движения, в котором преобладало русское крестьянство, предоставляло дополнительные права имперской власти к проведению политики русификации, распространяемой не только на казахов, но и других представителей иноэтничных групп [38. С. 91].

Тенденции к переформатированию и модернизации историографической традиции аграрной колонизации Степного края в Республике Казахстан наиболее предметно запечатлены в диссертационных работах и научных публикациях последнего десятилетия, что во многом объясняется отказом от исключительно негативной оценки процесса включения степных территорий в российское имперское поле, культивирования в национальных исследовательских проектах этнизации, а также частичным восстановлением коммуникативного научного пространства Казахстана и России.

Таким образом, утверждение имперской парадигмы в исследовательских практиках казахстанских историков сыграло позитивную роль в эволюции национальной историографии. По справедливому замечанию С.И. Ковальской, необходимо помнить, что национальная история всегда этноцентрична, что выражается в первую очередь в сочувственной фиксации своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания, а среди функций национальной истории основными являются легитимация власти, обоснование права на территорию, мобилизация членов нации на решение насущных проблем [39]. В этой связи принципы имперского подхода предоставляют благоприятную возможность поддержания национальной идентичности, а возвращение к модернизированной концепции «наименьшего зла», допускающей фиксацию позитивных последствий аграрной колонизации, увеличивают продуктивность и репрезентативность выводов, касающихся знаковых сюжетов взаимодействия казахского и русского народа в колониальном процессе.

Вместе с тем в современной историографии аграрной колонизации Республики Казахстан отчетливо проявляются признаки серьезного кризиса и стагнации, что обусловлено локализацией исследований в рамках колониального дискурса с характерной для него актуализацией травматических переживаний колониального прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Bhavna D. Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power. N.Y., 2007.
3. Ремнёв А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab imperio*. 2011. № 1. С. 169–205.

4. Масанов Н. Мы – маргиналы. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1092948900> (дата обращения: 18.08.2018).
5. Назарбаев Н.А. Нравственный и политический выбор интеллигенции // Казахстанская правда. 18.03.1998.
6. Грозин А.В. Мифологизаторство в современной истории Казахстана: политологический аспект проблемы // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. Шолохова. История и политология. 2010. № 2. С.106–120.
7. Кузембайұлы А., Абыль Е. История Казахстана : учеб. для вузов. 8-е изд. перераб. и доп. Костанай : Костанайский региональный институт исторических исследований, 2006. 350 с.
8. Борсукбаева А.М. Колонизаторская политика царизма в казахских землях в XIX – начале XX веков (на материалах северо-восточного Казахстана) : дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 2005. 120 с.
9. Айтмагамбетов Д.Р. Взаимоотношения казахского аула и переселенческой деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской области) : дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2010. 146 с.
10. Мырзахметова А.Ж. История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 168 с.
11. Артыкбаев Ж.О., Раздыков С.З. История Казахстана. Учебная программа для гуманитарных и естественно-научных специальностей высшего образования. Астана : Алтын китап, 2005. 44 с.
12. Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски : в 2 кн. Алматы : Галым, 2000. Кн. 1. 248 с.
13. Сеитов Э.Г. Букейханов А.Н. как историк и общественно-политический деятель : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1996. 28 с.
14. Канафин К.К. Раимжан Марсеков. Формирование мировоззрения. Общественно-политическая деятельность (1879–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 28 с.
15. Тернова И.К., Исетов Р.К. Жизнь, озаренная борьбой. Посвящена 125-летию со дня рождения Ахмета Байтурсынова. Костанай : Костанайский печатный двор, 1998. 75 с.
16. Смагулова С.О. Национальная интеллигенция и аграрный вопрос в Казахстане в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 25 с.
17. Ешмуратов А.К. История изучения института собственности в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 30 с.
18. Кузембайұлы А. История дореволюционного Казахстана. Алма-Ата : Рауан, 1992. 192 с.
19. Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Алматы : РИК, 1994. 235 с.
20. Валиханов Э.Ж. Колониализм и земельный вопрос // Заря. 1993. № 4. С. 10–11.
21. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана : Ел-орда, 1998. 137 с.
22. Жиренчин К.А. Политическое развитие в Казахстане в XIX – начале XX вв. Алма-Ата : Жеті жарғы, 1996. 352 с.
23. Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1994. 29 с.
24. Ибраев С.И. Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1995. 166 с.
25. Рахимбекова А.К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004. 168 с.
26. Абдилов М. История казачества Казахстана. Алматы : Казахстан, 1994. 160 с.
27. Елагин А.С. Казачество и казачьи войска в Казахстане Алматы : Казахстан, 1993. 73 с.
28. Мусырманова А.Ш. Сибирское казачество на рубеже XIX–XX вв.: основные проблемы социально-экономического развития : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Аты, 1995. 23 с.
29. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Степная колонизация в проектах западносибирской администрации 1870-х гг. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск, 2010. Вып. 4. С. 47–74.
30. Алексеенко А.Н. Этнодемографический аспект регионального развития Восточного Казахстана в конце XX – начале XXI в. // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск, 2010. С. 144–168.
31. Данияров К. Альтернативная история Казахстана. Алматы : Жибек жолы, 1998. 208 с.
32. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы : Дайк-пресс, 2007. 296 с.
33. Ерофеева И.В. События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремификации // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана : сб. науч. ст. Алматы, 2007. С. 14–22.
34. Фризен Д.Я. Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии Республики Казахстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики : сб. науч. ст. Тамбов, 2012. № 9 (23) : в 2 ч. Ч. I. С. 160–183.
35. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
36. Рахимбекова А.К. Методологические подходы постмодернизма в исследовании взаимоотношений казахов-кочевников и крестьян-переселенцев в повседневной жизни во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. / отв. ред. М.К. Чуркин, Т.А. Сабурова, И.И. Кротт. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2015. Вып. 12. С. 132–149.
37. Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX веков). Алматы : Казак университети, 2005. 339 с.
38. Садвокасова З.Т. Русификаторская политика царизма в области образования нерусских народов // Отечественная история (Отан тарихы). 2008. № 1. С. 86–92.
39. Ковальская С.И. Как изучают Россию в Казахстане. URL: <http://net.knigi-x.ru/24istoriya/140958-1-kovalskaya-din-professor-kafedri-istorii-kazahstana-enu-gumileva-astana-kazahstan-skovalsk-ma.php> (дата обращения: 20.08.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 7 июля 2019 г.

The Historiography of the “National Trauma”: The Agricultural Colonization of the Steppe Region in the Modern Studies of the Republic of Kazakhstan

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 173–181.

DOI: 10.17223/15617793/454/20

Mikhail K. Churkin, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation), Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Serikhan A. Abselemov, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: abselemovserikhan@yandex.ru

Keywords: historiography; discourse; “national trauma”; agrarian colonization; steppe region.

Based on the materials of the modern research tradition of the Republic of Kazakhstan, the authors of the article identify and justify the key approaches of national historians to assessing the causes and results of the agricultural colonization of the steppe region

in the second half of the 19th to the early 20th centuries. The authors aim to restore the historical and contextual conditions of the formation of the modern Kazakhstan historiographic tradition, which influenced the formation of researchers' ideas about the process of colonization as imperial domination and compulsion towards the indigenous peoples of Central Asia. To reach the aim, the authors used the provisions and principles of the new cultural and intellectual history, the contextual approach in particular. This approach views the historiographic tradition as a form of social activity and part of a developed culture in connection with current social and political events and ideological conditions. The authors identify the main stages of the formation of modern historiography of the agricultural colonization of the steppe region in Kazakhstan. The starting point of the institutionalization of the modernized historiographic tradition in this matter was the collapse of the Soviet Union, the growth of ethnic identity, and the actualization of the traumatic experience of the Kazakh people, which was most pronounced in the materials of the national intelligentsia. Thus, the understanding of the historical experience of colonization in the Republic of Kazakhstan at the turn of the 21st century occurred in the projection of the colonial discourse with its inherent anxious mood. Post-Soviet researchers cover a wide range of issues related to the traumatic outcome of the colonial empire: the organization of administrative management, the relations of the indigenous population with the immigrants. In the national historiographic tradition of studying the agricultural colonization of the steppe region in the 1990s, the anti-colonial rhetoric of the late 19th to early 20th centuries was resumed, returning to the concept of colonization as an "absolute evil", which became the main argument of supporters of the "official" direction. Representatives of the "liberal" trend in the historiography of the Republic of Kazakhstan, accepting the theory of "relative" evil, only softened the unequivocally negative assessment of the practices of imperial colonization.

REFERENCES

1. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Cultures of Memory and the Politics of History]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Bhavna, D. (2007) *Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power*. London; N.Y.: Routledge.
3. Remnev, A.V. (2011) Kolonial'nost', postkolonial'nost' i "istoricheskaya politika" v sovremennom Kazakhstane [Colonialism, Postcolonialism and "Historical Policy" in Modern Kazakhstan]. *Ab imperio*. 1. pp. 169–205. DOI: 10.1353/imp.2011.0070
4. Masanov, N. (2004) My – marginaly [We Are Marginals]. [Online] Available from: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1092948900>. (Accessed: 18.08.2018).
5. Nazarbaev, N.A. (1998) Nravstvennyy i politicheskiy vybor intelligentsii [The Moral and Political Choice of the Intelligentsia]. *Kazakhstanskaya pravda*. 18 March.
6. Grozin, A.V. (2010) Mythologizing in Contemporary Historiography of Kazakhstan: Politological Aspect of a Problem. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. Sholokhova. Istoriya i politologiya*. 2. pp.106–120.
7. Kuzembayuly, A. & Abil', E. (2006) *Istoriya Kazakhstana* [History of Kazakhstan]. 8th ed. Kostanay: Kostanayskiy regional'nyy institut istoricheskikh issledovaniy.
8. Borsukbaeva, A.M. (2005) *Kolonizatorskaya politika tsarizma v kazakhskikh zemlyakh v XIX – nachale XX vekov (na materialakh severo-vostochnogo Kazakhstana)* [The Colonialist Policy of Tsarism in the Kazakh Lands in the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials From North-Eastern Kazakhstan)]. History Cand. Diss. Alma-Ata.
9. Aytmagambetov, D.R. (2010) *Vzaimootnosheniya kazakhskogo aula i pereselencheskoy derevni vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Akmolinskoy oblasti)* [The Relationship of the Kazakh Village and the Resettlement Village in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. (On the Example of the Akmola Region)]. History Cand. Diss. Astana.
10. Myrzakmetova, A.Zh. (2007) *Istoriya obrazovaniya i deyatel'nosti organov Pereselencheskogo upravleniya v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX vv.* [The History of the Formation and Activities of the Resettlement Authorities in Kazakhstan in the Late 19th – Early 20th Centuries]. History Cand. Diss. Karaganda.
11. Artykbaev, Zh.O. & Razdykov, S.Z. (2005) *Istoriya Kazakhstana. Uchebnaya programma dlya gumanitarnykh i estestvenno-nauchnykh spetsial'nostey vysshhego obrazovaniya* [History of Kazakhstan. The Curriculum for the Humanities and Natural Sciences in Higher Education]. Astana: Altyn kitap.
12. Kozybaev, M.K. (2000) *Kazakhstan na rubezhe vekov: razmyshleniya i poiski: v 2 kn.* [Kazakhstan at the Turn of the Century: Reflections and Searches: In 2 Books]. Book 1. Almaty: Galym.
13. Seitov, E.G. (1996) *Bukeykhanov A.N. kak istorik i obshchestvenno-politicheskiy deyatel'* [Bukeykhanov A.N. as a Historian and Public Figure]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
14. Kanafin, K.K. (1999) *Raimzhan Marsekov. Formirovanie mirovozzreniya. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' (1879–1922 gg.)* [Raimzhan Marsekov. The Formation of Worldview. Social and Political Activities (1879–1922)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
15. Ternova, I.K. & Isetov, R.K. (1998) *Zhizn', ozarennaya bor'boi. Posvyashchena 125-letiyu so dnya rozhdeniya Akhmeta Baytursynova* [Life Lighted by the Struggle. Dedicated to the 125th Birthday of Akhmet Baytursynov]. Kostanay: Kostanayskiy pechatnyy dvor.
16. Smagulova, S.O. (1999) *Natsional'naya intelligentsiya i agrarnyy vopros v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX veka* [National Intelligentsia and the Agrarian Question in Kazakhstan in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
17. Eshmuratov, A.K. (2002) *Istoriya izucheniya instituta sobstvennosti v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The History of the Study of the Institution of Property in Kazakhstan (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
18. Kuzembayuly, A. (1992) *Istoriya dorevolutsionnogo Kazakhstana* [History of Pre-Revolutionary Kazakhstan]. Alma-Ata: Rauan.
19. Abdakimov, A. (1994) *Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney)* [History of Kazakhstan (From Ancient Times to the Present Day)]. 4th ed. Almaty: RIK.
20. Valikhanov, E.Zh. (1993) Kolonializm i zemel'nyy vopros [Colonialism and the Land Issue]. *Zarya*. 4. pp. 10–11.
21. Abdrakhmanova, B.M. (1998) *Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke* [History of Kazakhstan: Power, Management System, Territorial Structure in the 19th Century]. Astana: El-orda.
22. Zhirenchin, K.A. (1996) *Politicheskoe razvitiye v Kazakhstane v XIX – nachale XX vv.* [Political Development in Kazakhstan in the 19th – Early 20th Centuries]. Alma-Ata: Zheti zhaggy.
23. Tashtemkhanova, R.M. (1994) *Pereselencheskaya derevnya i ee vzaimosvyazi s kazakhskim aulom vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Semirechenskoy oblasti)* [The Resettlement Village and Its Relationship With the Kazakh Aul in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials From the Semirechensk Region)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
24. Ibraev, S.I. (1995) *Pereselencheskaya politika tsarizma i izmenenie demograficheskoy situatsii v Severnom Kazakhstane (konets XIX – nachalo XX vv.)* [The Resettlement Policy of Tsarism and the Changing Demographic Situation in Northern Kazakhstan (Late 19th – Early 20th Centuries)]. History Cand. Diss. Almaty.
25. Rakhimbekova, A.K. (2004) *Rol' imperskogo faktora v transformatsii kazakhskogo obshchestva* [The Role of the Imperial Factor in the Transformation of Kazakh Society]. History Cand. Diss. Almaty.
26. Abdirov, M. (1994) *Istoriya kazachestva Kazakhstana* [History of the Cossacks of Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan.
27. Elagin, A.S. (1993) *Kazachestvo i kazach'i voyska v Kazakhstane* [Cossacks and Cossack Troops in Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan.

28. Musyrmanova, A.Sh. (1995) *Sibirskoe kazachestvo na rubezhe XIX–XX vv: osnovnye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Siberian Cossacks at the Turn of the 20th Century: The Main Problems of Socioeconomic Development]. Abstract of History Cand. Diss. Alma-Aty.
29. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2010) Stepnaya kolonizatsiya v proektakh zapadnosibirskoy administratsii 1870-kh gg. [Steppe Colonization in the Projects of the West Siberian Administration of the 1870s]. In: *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva (istoriya i sovremennost')* [Traditions of Economic, Cultural and Social Relations of the Countries of the Commonwealth (History and Modernity)]. Is. 4. Omsk: Omsk State University. pp. 47–74.
30. Alekseenko, A.N. (2010) Etnodemograficheskiy aspekt regional'nogo razvitiya Vostochnogo Kazakhstana v kontse XX – nachale XXI v. [Ethno-Demographic Aspect of the Regional Development of East Kazakhstan at the End of the 20th – Beginning of the 21st Centuries]. In: Bazarov, B.V. (ed.) *Aziatskaya Rossiya: migratsii, regiony i regionalizm v istoricheskoy dinamike* [Asian Russia: Migration, Regions and Regionalism in Historical Dynamics]. Irkutsk: Ottisk. pp. 144–168.
31. Daniyarov, K. (1998) *Al'ternativnaya istoriya Kazakhstana* [An Alternative History of Kazakhstan]. Almaty: Zhibek zholy.
32. Masanov, N.E., Abylkhozhin, Zh.B. & Erofeeva, I.V. (2007) *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana* [Scientific Knowledge and Myth-Making in Modern Historiography of Kazakhstan]. Almaty: Dayk-press.
33. Erofeeva, I.V. (2007) Sobytiya i lyudi Kazakhskikh stepey (epokha pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni) kak ob'ekt istoricheskoy remistifikatsii [Events and People of the Kazakh Steppes (The Era of the Late Middle Ages and the New Age) as an Object of History Remystification]. In: Masanov, N.E., Abylkhozhin, Zh.B. & Erofeeva, I.V. *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana* [Scientific Knowledge and Myth-Making in Modern Historiography of Kazakhstan]. Almaty: Dayk-press. pp. 14–22.
34. Frizen, D.Ya. (2012) Actual Problems in Research of Agrarian Relations in Western Kazakhstan of the 19th – the Beginning of the 20th Century in Historiography of the Republic of Kazakhstan. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (23):1. pp. 160–183. (In Russian).
35. Etkind, A. (2013) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. The Imperial Experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Rakhimbekova, A.K. (2015) Metodologicheskie podkhody postmodernizma v issledovanii vzaimootnosheniy kazakhov-kochevnikov i krest'yan-pereeselentsev v povsednevnoy zhizni vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Methodological Approaches of Postmodernism in the Study of the Relationship of Kazakh Nomads and Peasant Immigrants in Everyday Life in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: Churkin, M.K., Saburova, T.A. & Krott, I.I. (eds) *Voprosy istorii Sibiri* [Questions of the History of Siberia]. Is. 12. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 132–149.
37. Sadvokasova, Z.T. (2005) *Dukhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov)* [The Spiritual Expansion of Tsarism in Kazakhstan in the Field of Education and Religion (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Almaty: Qazaq universiteti.
38. Sadvokasova, Z.T. (2008) Rusifikatorskaya politika tsarizma v oblasti obrazovaniya nerusskikh narodov [Russification Policy of Tsarism in the Field of Education of Non-Russian Peoples]. *Otechestvennaya istoriya (Otan tarikhy)*. 1. pp. 86–92.
39. Koval'skaya, S.I. (n.d.) *How Russia Is Studied in Its Neighbors? –Heilongjiang, Kazakhstan, Mongolia, and Taiwan*. [Online] Available from: <http://net.knigi-x.ru/24istoriya/140958-1-kovalskaya-din-professor-kafedri-istorii-kazakhstan-enu-gumileva-astana-kazakhstan-skovalsk-ma.php>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).

Received: 07 July 2019

ПЕДАГОГИКА

УДК 373.1:811.111

М.А. Ариян, Е.М. Татаурова

ИНОЯЗЫЧНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ТРЕНИНГ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАСНИКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Предпринята попытка оценки эффективности использования технологии иноязычного коммуникативного тренинга на уроке иностранного языка для социального развития личности старшеклассника. Выделены ключевые особенности предлагаемой технологии, особенно актуальной в условиях современного информационного общества. Содержатся результаты опытно-экспериментального обучения, включающие качественные и количественные критерии оценки уровня социального развития личности старшего школьника.

Ключевые слова: информационное общество; социальное развитие личности; современные образовательные технологии; иноязычный коммуникативный тренинг; коммуникативные упражнения; социально значимые качества личности.

Введение

Изменения, происходящие в современном российском обществе в последние десятилетия, утвердившие направления его развития, повлекли за собой усиление внимания к вопросам языкового образования. Особую актуальность приобрела тема реализации развивающего потенциала дисциплины «иностраный язык», достижения школьниками личностных результатов обучения в ходе овладения иностранными языками. Прозвучал призыв И.Л. Бим о необходимости формирования в рамках новой образовательной парадигмы личности, способной к самореализации, к активному взаимодействию с другими. В качестве важного результата иноязычного образования стали рассматривать социально ответственного, уважающего свой народ, его традиции и культуру выпускника школы, который в достаточной степени владеет иноязычными коммуникативными, в том числе диалогическими, умениями. Достижение названного результата во многом обеспечивается реализацией таких федеральных проектов, как «Современная школа», «Цифровая образовательная среда», «Успех каждого ребенка», «Учитель будущего» и др., в рамках приоритетного национального проекта «Образование».

В связи с этим произошли существенные изменения не только в понимании целей, задач и содержания обучения, но и качества используемых технологий. В научно-методической литературе последних лет отмечается, что современные технологии базируются на деятельностном подходе, основаны на «активных методах познания, интерактивных и коллаборативных методах обучения, творческой деятельности самих обучающихся» [1]. Высокий уровень иноязычной коммуникативной компетенции специалистов стал восприниматься не только в качестве инструмента деловой межкультурной коммуникации, но и как важнейший современный канал доступа к эффективной деятельности в любой профессиональной сфере.

Методология и ход исследования

Теоретико-методологическую базу исследования, представленного в данной статье, составляют научные труды в рамках следующих парадигм: деятельностная (И.А. Зимняя, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), коммуникативно-прагматическая (А.А. Богданов, М.В. Кларин, Н.И. Формановская), антропоцентрическая (Н.Д. Гальскова, О.А. Обдалова, С.К. Гураль, Е.Г. Тарева и др.), социально-развивающая (К.А. Абульханова-Славская, Г.М. Андреева, М.А. Ариян, М.И. Бобнева, А.В. Мудрик, К. Роджерс).

Оставаясь в границах названных парадигм, технологии все в большей мере приводятся в соответствие с потребностями современного информационного общества.

Термин «информационно общество» занял прочное место в социально-политическом и трудовом лексиконе. По определению Д. Белла, оно представляет собой постиндустриальную стадию развития человечества, при которой основой определения социальной структуры является информация и в особенности доступ к ней [2. С. 160]. Наиболее значимым процессом, протекающим в новом мире высоких технологий, является «интернетизация общества», которая проявляется в повсеместном распространении мировой компьютерной сети, развитии виртуальной реальности и появлении новых способов обработки и передачи информации. По мнению И.И. Шабшина, глобальное интернет-пространство призвано удовлетворять три основных человеческих потребности: игровую, информационную и коммуникационную [3. С. 162].

Согласно проведенным исследованиям «Фонда общественного мнения», доля активной интернет-аудитории (людей, которые выходят в Сеть хотя бы раз за сутки) на конец зимы 2018 г. составила 63,8% от всех россиян (74,7 млн чел.) При этом большинство граждан (49%) проводят основную часть своего времени в социальных сетях или мессенджерах [4]. Таким образом, из-за постоянно увеличивающейся скорости появления новых технических средств связи, интернет из простого инструмента превратился в особую метасреду, которая

открывает новые безграничные возможности для индивидуального и массового общения.

Вместе с тем виртуальное общение существенно отличается от реального и обладает следующими уникальными характеристиками: 1) высокая степень оперативности; 2) анонимный характер общения; 3) отсутствие стрессогенных факторов реальной социализирующей среды.

Рассмотрим данные особенности более подробно.

1. *Высокая степень оперативности.* Развитие различных социальных сетей и сервисов обмена мгновенными сообщениями («ВКонтакте», Facebook, WhatsApp, Viber и др.) привело к стиранию пространственно-временных границ между коммуникантами. В результате коммуникативное пространство собеседников стало автономным, что позволило им не зависеть от времени, так как онлайн-ресурсы доступны 24 часа в сутки. При этом реплики в диалогических единствах интернет-коммуникации не упорядочены. Процесс беседы может быть нарушен в ходе технического сбоя работы Интернета или если адресат пропустит какой-то вопрос своего собеседника. Таким образом, хотя диалог в сети «сохраняет хронологию, но хронология эта фиксирует лишь момент отправки и не отражает логической последовательности элементов общения» [5. С. 60].

2. *Анонимный характер общения.* Отсутствие личного контакта собеседников и ограничение в использовании вербальных средств общения в интернете создают условия для искажения процесса сетевого общения. «Вливаясь в виртуальный социум, человек получает полную свободу в сотворении самого себя, так как, по сути дела, в чатах живут созданные людьми образы» [6. С. 217]. Общение, опосредованное компьютерами, позволяет пользователям интернета самостоятельно моделировать свою личность. Для этого они могут использовать псевдоним вместо настоящего имени или размещать информацию, не соответствующую действительности, что приводит к размыванию реальной личности коммуникантов. Более того, в условиях виртуального общения при наличии минимума данных о партнере по коммуникации, собеседник самостоятельно создает себе его образ, пытаясь параллельно представить, как воспринимаются его слова в совместном диалоге. Таким образом, реальный адресат отсутствует и может лишь «достраиваться» в сознании отправителя на основании его личного социально-коммуникативного опыта.

3. *Отсутствие стрессогенных факторов реальной социализирующей среды.* В процессе взаимодействия с обществом человек испытывает определенный уровень социального давления в виде специальных норм поведения, определенных правил и принципов межличностного взаимодействия, одобряемых данным обществом. Некоторые из них могут вступать в противоречие с его потребностями. Для достижения баланса между этими двумя процессами общество предлагает человеку набор готовых статусов и ролей, которые он может реализовать в течение жизни. Согласно теории ролей, одной из характеристик сформировавшейся личности является её принадлежность

к определенным типам социальных ролей, свойственных данному обществу [7. С. 386].

Виртуальное пространство, представленное интернетом и воспринимаемое человеком как «ненастоящее», не несет в своем содержании никакой социальной опасности. Однако такая свобода волеизъявления способна перерасти в безнаказанность. Пользуясь этим, любой пользователь может фальсифицировать информацию и «оклеветать других людей или организации; оскорблять и унижать, не опасаясь ответственности за свое поведение» [8. С. 186].

Вышеописанные особенности интернет-общения делают его доступным, а значит, более привлекательным для подрастающего поколения. Однако в результате подмены реального и виртуального общения могут возникнуть следующие труднокорректируемые личностные дефициты: 1) дезориентация в условиях реального общения; 2) разрыв коммуникации между поколениями; 3) затруднение социальной интеграции в общество.

Дезориентация в условиях реального общения является следствием доминирования виртуального способа коммуникации с окружающим миром и приводит к тому, что старшеклассники плохо ориентируются в реальных условиях общения, затрудняются интерпретировать поведение и эмоции собеседника, теряют способность к проявлению эмпатии, испытывают проблемы с поддержанием длительной коммуникации.

Разрыв коммуникации между поколениями проявляется, прежде всего, в том, что из-за различий в освоении и понимании цифровой среды, старшеклассники постепенно отдаляются от своих родителей, сокращая время общения с ними. Это ведет к нарушению выполнения интеграционной функции языка, которая призвана обеспечивать связь между поколениями, передавая опыт, культуру, традиции, историю народа, его систему ценностей и менталитет, следующий от родителей к детям.

Согласно «теории поколений», разработанной авторами Н. Хоув и В. Штраус, в настоящее время все старшеклассники являются представителями поколения «Z», т.е. людьми, рожденными после 2000 г. и выросшими в цифровой среде. Зачастую представителей данного поколения также называют англоязычным термином «Digital Native» («Цифровой человек»). Людей этого поколения отличает прежде всего максимальная приближенность к информации, с которой они умеют отлично работать. При этом образ их мыслей отличается фрагментарностью и поверхностным подходом к анализу информации, что в научной литературе обозначается термином «клиповое мышление». В свою очередь их родителей называют термином «Digital Immigrant» («Цифровой иммигрант»). Их личность была сформирована в отсутствии бурно развивающейся цифровой среды, именно поэтому им требуется время для того, чтобы присвоить себе этот новый опыт. Их мышление отличается логичностью, структурностью и последовательностью.

Затруднение социальной интеграции в общество объясняется следующим: в результате сложившейся ситуации интернет-общение теряет свою социальную маркированность и перестает быть средством получе-

ния социального опыта коммуникативного взаимодействия. Между тем, как отмечает Л.И. Божович, в случае, если личность к определенному возрасту «не имеет достаточно большого опыта выполнения ролей, то это приводит к задержке социализации и влияет на полноценное выполнение им своих собственных ролей» [9. С. 117].

Нарушение данного процесса способно повлечь за собой невозможность усвоения готовых форм социальной жизни данного общества (сфера деятельности), отсутствие навыков перцепции и интеракции в процессе двусторонней коммуникации (сфера общения), несформированность полноценного «образа «Я» и системы личных ценностей индивида» (сфера самореализации) [19. С. 112].

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что развитие и распространение глобальной сети сформировало главное противоречие XXI в. – интернет, изначально создаваемый как безграничный ресурс для установления и расширения социальных связей человека в обществе, оказывает на него прямое десоциализирующее воздействие, создавая препятствия для развития коммуникативной компетенции. Следует отметить, что описываемая проблема является особенно актуальной в условиях современного многозадачного мира, где личностная и профессиональная успешность прямо ассоциируются с уровнем развития soft skills (англ. soft skills – «мягкие навыки», «гибкие навыки»), ядром которых является коммуникативная компетенция как способность вести диалог с другими людьми, достигать в нём взаимопонимания, находить общие цели и сотрудничать для их достижения.

Для того чтобы разрешить указанное противоречие, необходимо максимально реализовать социально развивающий потенциал дисциплины «Иностранный язык», который, как и любой язык, социален по своей природе. Например, Э. Сепир отмечал, что под этой характеристикой «разумеется не только очевидный факт, что без языка едва ли возможно серьезное социальное взаимодействие, но также и тот факт, что обычная речь выступает в качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих на данном языке» [10. С. 232]. В любом языке заложены этические правила, нормы и модели социального взаимодействия, отражающие национальную специфику данного общества, а значит, иностранный язык наравне с родным может выступать как эффективное средство социализации старшеклассников.

Социально развивающий потенциал иностранного языка как учебной дисциплины заключается в достаточно широких возможностях для овладения школьниками в процессе его изучения «механизмами, нормами, стратегиями, тактиками социального взаимодействия». Реализация названного потенциала наиболее успешно осуществляется в рамках *социально-развивающего подхода* [11. С. 6]. Обеспечиваются благоприятные условия для развития личности обучающегося, приобретения им социально-ценных свойств и качеств, которые в дальнейшем создают возможность осуществлять эффективное межлич-

ностное взаимодействие в иноязычном социуме. Под социальным развитием личности средствами иностранного языка следует понимать «процесс формирования и совершенствования социально ценных качеств личности по мере накопления, интеграции и активного воспроизводства социального опыта в рамках родной и не родной культур, обеспечивающий возможность эффективной деятельности в социальной сфере» [12. С. 63]. Социально-развивающий подход предполагает специальный отбор компонентов содержания обучения иностранным языкам, в частности образовательных технологий.

Одной из таких технологий, на нашем мнению, является иноязычный коммуникативный тренинг, который представляет собой социально-развивающую технологию иноязычного обучения, направленную на активное развитие умений диалогической речи в процессе интенсивного субъект-субъектного взаимодействия.

Как известно, тренинговые технологии относятся к методу «action learning» («обучение через действие», «обучение методом осмысленного действия»), основоположником которого является Р. Реванс [13]. Обучение через действие в общем виде осуществляется по формуле Реванса–Маркара (Revans–Marquardt's Formula), которая выглядит следующим образом: $L = P + Q + R$, где L – обучение (learning); P – запрограммированные знания (programmed knowledge); Q – постановка вопроса для создания инсайта (insightful questioning); R – рефлексия (reflection).

В рамках данного метода теоретические знания остаются основой деятельности, однако, согласно М.В. Кларину, требуется соблюдение следующих пропорций: 70% – 20% – 10%, где 70% занимает реальный опыт, 20% – развивающее общение и 10% – учебные программы и чтение материалов (теоретические знания) [14]. Представляется, что иноязычный коммуникативный тренинг относится к социально-психологическим тренингам, теоретические и методические основы которых представлены в работах Н.Н. Богомолова, В.И. Вачкова, О.В. Евтихова, В.П. Захарова, О.Н. Истратовой, В.Г. Пузикова, Н.Ю. Хрящевой и др.

Являясь разновидностью педагогической технологии, иноязычный коммуникативный тренинг обладает рядом общих для данной педагогической категории характеристик, среди которых выделяют следующие: концептуальность, системность, управляемость, эффективность, воспроизводимость [15. С. 130].

Однако в отличие от обычного коммуникативного тренинга иноязычный коммуникативный тренинг имеет следующие отличительные особенности: 1) он направлен не только на развитие общих коммуникативных умений, но и на развитие специальных умений коммуникативной, перцептивной и интерактивной сторон общения учащихся; 2) он способствует активной вторичной социализации личности в иноязычном социуме; 3) средством достижения указанной цели обучения выступает не родной, а иностранный язык.

Структура иноязычного коммуникативного тренинга включает несколько этапов: вводно-ознакомительный, этап первичного анализа коммуни-

кативно-диалогической ситуации, этап поиска эффективных способов осуществления диалогического взаимодействия, этап развития умений диалогической речи на микроуровне, этап развития умений диалогической речи на макроуровне, этап рефлексии.

Получив информацию о целях, содержании, формах и ожидаемых результатах предстоящей на уроке работы, учащиеся делятся собственными ожиданиями и планируют совместную деятельность. Далее они анализируют готовые примеры иноязычного диалогического взаимодействия, построенного по различным социально-коммуникативным моделям. Примеры предъявляются в виде аутентичных видеофрагментов, аудиозаписей, иллюстраций или печатных текстов. Опираясь на собственный жизненный и коммуникативный опыт, учащиеся письменно отвечают на ряд вопросов учителя. Далее организуется мини-дискуссия по проблеме, которая позволяет выявить те компоненты диалогических умений, которые требуют развития.

В результате совместного поиска определяются наиболее эффективные способы осуществления диалогического взаимодействия. На этапе развития умений диалогической речи на макроуровне отрабатываются отобранные ранее варианты моделей социально-коммуникативного поведения в различных ситуациях диалогического общения. Этап развития умений диалогической речи на макроуровне включает создание условий для активного использования усвоенных моделей речевого и неречевого поведения в различных ситуациях диалогического общения на иностранном языке. Этап рефлексии позволяет обучающимся обмениваться мнениями о ходе и результатах иноязычного коммуникативного тренинга, проанализировать степень успешности собственного коммуникативного поведения в иноязычном диалогическом общении, а также сделать вывод о возможности применения приобретённых умений в условиях реального иноязычного взаимодействия.

Пример иноязычного коммуникативного тренинга

Тренинг проводился в рамках экспериментального обучения с учащимися 10-х классов МБОУ СОШ «Школа № 24» г. Нижнего Новгорода.

Модуль: «Strong ties», посвященный жизни и увлечениям молодёжи.

Подтема: «Qualities in a friend».

Речевой материал, подлежащий усвоению: различные способы выражения предпочтений и антипатий, различные способы установления контакта с собеседником, различные способы выражения сарказма.

Лексический материал: loyal, selfish, aggressive, patient, respected, dedicated, mean, caring, jealous, creative, trusting, dishonest, supportive, moody, well-meaning.

Речевые действия: обращение, привлечение внимания, приветствие, прощание, ответ на прощание, ответ на приветствие, представление себя / другого человека, ответ на представление собеседника, вежливые вопросы типа «Как дела?», ответы на вежливые вопросы типа «Как дела?», осведомление об отноше-

нии собеседника к чему-либо, сарказм, выражение согласия с собеседником, выражение несогласия с собеседником.

Вводно-ознакомительный этап. Преподаватель знакомит учащихся с новым форматом работы на уроке иностранного языка – иноязычным коммуникативным тренингом. Обязательным данным этапе является совместная выработка учащимися правил работы в группе. Также на данном этапе может быть выработан особый ритуал приветствия.

Учащимися МБОУ СОШ «Школа № 24» г. Нижний Новгород были выработаны следующие правила: 1) Be active!; 2) Set silent mode on your phone during your class!; 3) Don't interrupt the speaker!; 4) Always come on time!; 5) Be honest and open-minded!; 6) Never hesitate to ask a question!; 7) Stay positive!; 8) Respect other people's opinions! В качестве ритуала приветствия было решено делать жест «high five» («дай пять») с ближайшим соседом. Далее школьникам было предложено следующее коммуникативно-стимулирующее упражнение-разминка. Учитель формирует произвольные пары. Затем даёт следующее задание: «*Present your partner with a gift. Don't forget to comment on your choice.*».

Этап первичного анализа коммуникативной ситуации. Учащимся предъявляются для просмотра аутентичные видеофрагменты: два эпизода из сериалов «Друзья» и «Теория Большого взрыва». Задание звучит следующим образом: «*You will now watch two episodes from very popular serials: «Friends» (1994–2004) and «The Big Bang Theory» (2007–2019). Think and say how they are related to the topic we are studying today.*».

Коммуникативно-корректировочный этап. После просмотра эпизодов учащимся предлагается ответить на несколько вопросов по содержанию фрагментов. Задание звучит следующим образом: «*Watch the episodes attentively one more time. Pay attention to the details. Be ready to answer some questions after watching the episodes.*». Примеры вопросов представлены в табл. 1.

Таблица 1
Вопросы по содержанию двух видеофрагментов из сериалов «Друзья» и «Теория Большого взрыва»

«Friends» (1994–2004)	«The Big Bang Theory» (2007 – present)
1. Are these people close friends? What makes you think so?	1. Can you call Sheldon a friendly person?
2. Which way did Monica introduce Rachel to the others?	2. Is Sheldon good at recognizing sarcasm?
3. What way did the others react to Monica's introducing Rachel?	3. Is Sheldon good at small-talks?
4. How did Monica start conversation with Paul?	4. How would you describe his personality?
5. Give the examples of sarcastic phrases, that you've seen in the video	5. Why does Sheldon have no friends?
	6. Would you like to have a friend like Sheldon? Why? Why not?

Этап подведения итогов деятельности и поиска новых способов ее осуществления. После просмотра видео и выполнения заданий учитель проводит мини-дискуссию с учениками, которая позволяет подвести первичные итоги деятельности и выделить необходимые для коррекции или освоения компоненты ино-

Коммуникативно-стимулирующее упражнение № 2
Match the qualities with its description

Loyal	A person, who is able to accept problems and sufferings without becoming annoyed or anxious
Selfish	A person devoted to a task or purpose
Aggressive	A person who has good imagination or original ideas.
Patient	A person showing firm and constant support
Respected	A person concerned only about his own profit or pleasure
Dedicated	Deeply admired or esteemed person
Mean	A person who displays kindness and concern for others
Caring	An unkind, spiteful, or unfair person
Jealous	A person, who has well intentions
Creative	A person who is always ready to attack or confront
Trusting	A person who behaves in an insincere way
Dishonest	A person who believe in other people's honesty and sincerity
Supportive	A person who has unpredictable changes of mood
Moody	A person who provides encouragement and emotional help
Well-meaning	A person who feels or shows resentment of someone or their achievements, possessions, or advantages

язычной коммуникативной компетенции. Приведём пример фрагмента такой мини-дискуссии:

Teacher: Would you like to have a friend like Sheldon?

Анастасия З.: I don't want to have such friend. He has a very bad character. I don't know how to say in one word, but he is a person who thinks that he is better than other people.

Данил. Я.: I don't agree with Настя. I think he is very smart and funny. I would like to have such friend.

Teacher: Do you want him to be your best friend, Данил.

Данил. Я.: No, no! Thank you. I don't want that.

Teacher: Why not?

Данил. Я.: I don't know how to say, but he is not good at communicating with people. Do you understand what I mean?

После завершения мини-дискуссии и подведения учителем итогов совместной деятельности тренинговая группа переключается на выработку наиболее эффективных способов осуществления коммуникативной деятельности в рамках представленной коммуникативной ситуации.

На вводно-мотивирующем этапе учитель создает дополнительную мотивацию к предстоящей деятельности: «*As far as I got, no one of you would like to be like Sheldon Cooper when communicating with people! Let's learn how to become a «people person»! We will also learn some new words of can we describe people's character!*».

На этапе формирования ориентировочной основы действия учащимся было предложено несколько диалогов-образцов, содержащих необходимые к усвоению речевые действия, а также лексический материал данного урока. Приведём пример одного из них:

– *Sorry to trouble you, Mrs. May I ask you something? I think that I might know you. Did we go to the same college?*

– *Hello! Let me think. Oh, Jane! Is that you?*

– *Katie! I am so glad to see you! I haven't seen you for years! How are you doing?*

– **Pretty good! Thank you! There's someone I'd like you to meet. This is my husband Frank.**

– *Hello, Katie! I am very pleased to meet you. Jane has told me a lot about you!*

– *Hello, Frank! It's my pleasure to meet you!*

На этапе формирования действия в материальной (материализованной) форме происходит детальное практическое овладение действием. Приведем пример некоторых коммуникативно-конструирующих упражнений, использованных в данном тренинге (табл. 2, 3).

Таблица 2

Коммуникативно-стимулирующее упражнение № 1
Match the communicative action with the following reaction

1. I beg your pardon, haven't you seen my friend Jerry around?	0. I like it very much. Thank you!
2. Do you know that his parents are moving to another country?	1. Oh! I must say that queen Ann is dead!
3. See you soon!	2. Have a good one!
4. How do you find your new job?	3. Well, let me explain things to you.
5. I am afraid, I can't agree with you at this point	4. I am afraid I haven't. Sorry

Коммуникативно-развивающий этап. Коммуникативно-развивающий этап направлен на активное применение учащимися усвоенных моделей социально-коммуникативного поведения в различных ситуациях иноязычного межличностного общения и предполагает наличие трех завершающих этапов: этап внешнеречевых действий, этап выполнения речевого действия про себя, этап умственного действия.

Работа организована в парах по методу case-study. Приведём пример ситуации, предложенной старшеклассникам для решения в рамках данного коммуникативного тренинга: «*Study the context of the communicative situation (Speaker 1). A young lady wants to buy a new dress for her sister's marriage ceremony that would be on the 2st of August. She is a very creative person, who likes unusual things. However, she is very moody (Speaker 2). A shop assistant, who has very huge experience in sales sphere. She is very caring, supportive and dedicated to her job. Having tried some dressed on, you have 4 dresses to choose from: 1) Vintage style midi purple A-line dress, that makes you look like a film star from Golden Age of Hollywood. The material is very nice. The dress fits perfectly. The price is 150\$; 2) Long beige floor-length evening dress with wonderful floral ornament around the neck. It looks very modern, though it's a bit too long. It is made of silk. The price is 200\$; 3) Casual wrap-style blue dress. The material is a bit heavy for summer, but the color of the dress is just perfect. The dress is a bit above the knee. The price is 170\$. What dress would you advise to the customer? Why? Make up a dialogue between two ladies. Use the words and phrases that you've learnt today*».

После выполнения задания пары аргументируют свой выбор, а затем представляют свои варианты диалогов. Затем учитель и ученики совместно подводят итоги деятельности.

Завершающим действием на данном этапе коммуникативного тренинга становится выполнение коммуникативно-развивающего упражнения, которое направлено на расширение социального и коммуникативного опыта школьников, развитие их иноязычной коммуникативной компетенции.

Приведем пример игрового упражнения, использованного в данном коммуникативном тренинге: «Each and every person gets a card with a brief description of the main trait of character. This main trait affects the way you communicate with people. All the traits are written on the blackboard. The students also have a list of the characters printed. The task is to talk to all the classmates and try to recognize their main trait of character. The person who would be able to do that right in the shortest amount of time gets a little prize».

Завершающий этап. На завершающем этапе коммуникативного тренинга применяются коммуникативно-рефлексивные упражнения, помогающие подвести итоги совместной коммуникативной деятельности. Также на данном этапе может сформироваться особый ритуал прощания. В данном коммуникативном тренинге было использовано следующее коммуникативно-рефлексивное упражнение: «Choose any person from the group and share your impression of the lesson with him. Then give him/her a feedback concerning his/her participation in the activities of the lesson».

Экспериментальная проверка результатов исследования

Практические исследования по оценке эффективности предлагаемой образовательной технологии были проведены и объективно интерпретированы в ходе обучающего эксперимента на базе средних общеобразовательных школ г. Нижнего Новгорода. Организация экспериментальной проверки осуществлялась в период с 2018 по 2019 г. Общее количество участников составило 60 человек.

В настоящей статье приводятся данные по двум группам, каждая из которых состояла из 10 человек. В целях соблюдения логичности и ясности эксперимента мы обозначили одну из них группой № 1, она являлась экспериментальной группой (далее по тексту ЭГ), а вторую обозначили группой № 2, она была контрольной группой (далее по тексту КГ).

Структурная организация экспериментального обучения предполагала несколько этапов: 1) организационно-подготовительный этап; 2) диагностический этап; 3) экспериментальное обучение; 4) этап обработки и интерпретации результатов.

Организационно-подготовительный этап включал в себя разработку заданий иноязычного коммуникативного тренинга и наполнения его социально актуальным содержанием.

Учитывая тот факт, что иноязычная коммуникативная компетенция является комплексным понятием, то мы будем рассматривать его в единстве трёх сторон, согласно теории Г.М. Андреевой: 1) коммуникативной (общение как обмен информацией); 2) интерактивной (общение как взаимодействие); 3) перцептивной (общение как восприятие людьми друг друга) [16. С. 155].

На основании данного положения мы провели отбор диалогических умений иноязычной коммуникативной компетенции, необходимых для развития у старшеклассников на уроке иностранного языка в средней школе. Данные умения обобщены в табл. 4.

Диагностический этап экспериментального обучения предполагал проведение констатирующего среза, направленного на выявление уровня развития умений диалогической речи в подготовленной и неподготовленной речи. Для этого старшеклассникам предлагалось выполнить два устных задания. Критерии оценивания выполнения испытуемыми устных заданий соответствовали показателям уровня сформированности умений в диалогической речи.

Этап экспериментального обучения включал в себя серию уроков, построенных по модели иноязычного коммуникативного тренинга, и проводился по описанным выше этапам.

Таблица 4
Перечень диалогически умений иноязычной коммуникативной компетенции, развитие которых будет осуществляться в ходе иноязычного коммуникативного тренинга

Коммуникативная сторона общения	Перцептивная сторона общения	Интерактивная сторона общения
Умение устанавливать контакт	Умение активно слушать партнера	Умение ориентироваться в ситуации общения
Умение достигать поставленной цели коммуникации	Умение понимать и принимать точку зрения собеседника	Умение оценивать эффективность собственного коммуникативного поведения
Умение аргументировать свою точку зрения	Умение оценивать и прогнозировать вербальное поведение партнера	Умение общаться в конфликтных ситуациях

По окончании экспериментального обучения в группах был осуществлён итоговый срез в целях определения уровня развития обозначенных ранее умений у старшеклассников.

Результаты итогового среза в ЭГ и КГ по определению уровня развития умений устной диалогической речи у испытуемых после проведения экспериментального обучения наглядно представлены на диаграмме (рис. 1).

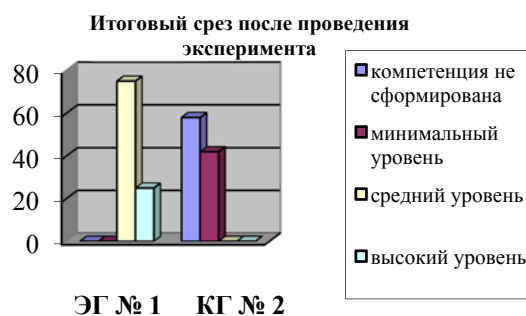

Рис. 1. Уровни развития умений устной диалогической речи в ЭГ и КГ по итогам экспериментального обучения

Далее мы вычислили коэффициент успешности выполнения всех заданий диагностического среза на определение уровня развития умений устной диалогической речи в ЭГ и КГ по формуле В.П. Беспалько.

Полученные данные: K_u (ЭГ № 1) = $11/12 = 0,917$; K_u (КГ № 2) $5/12 = 0,45$.

Результаты вычисления свидетельствуют о высоком уровне развития умений диалогической речи у испытуемых в ЭГ и о среднем уровне развития умений диалогической речи у испытуемых в КГ.

Сравнительный анализ данных итогового и диагностического срезов показывает интенсивную положительную динамику изменений качественных и количественных показателей уровня развития умений диалогической речи в ЭГ по результатам проведенного экспериментального обучения.

При отсутствии обучающихся с высоким уровнем развития умений диалогической речи на предэкспериментальном этапе, результаты итогового среза показывают увеличение данного показателя на 25%.

На 75% увеличилось количество студентов со средним уровнем развития искомых умений. Полностью сократилось количество учащихся с минимальным уровнем развития искомых умений и тех учащихся, у которых эти умения не развиты.

Учащиеся КГ не показали столь значительных результатов, как учащиеся ЭГ. Количество учащихся, у которых искомые умения были не развиты, сократилось на 34%, количество учащихся с минимальным уровнем развития искомых умений увеличилось на 34%, однако количество учащихся со средним и высоким уровнем развития искомых умений осталось на нулевой отметке.

Сравнительные данные в ЭГ и КГ наглядно представлены на диаграмме (рис. 2).

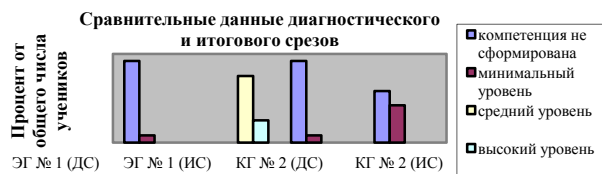

Рис. 2. Уровни развития умений диалогической речи у испытуемых в ЭГ и КГ до и после экспериментального обучения

Полученный результат свидетельствует о том, что работа в ЭГ по развитию умений диалогической речи проведена успешно и не требует дальнейших действий преподавателя в данном направлении. Коэффициент успешности вырос (с 0,083 до 0,917), значительно превысив средний показатель в 0,7. В КГ коэффициент успешности повысился незначительно (с 0,083 до 0,45) и остался ниже среднего показателя в 0,7.

По итогам проведенного экспериментального обучения можно сделать вывод о положительном влиянии иноязычного коммуникативного тренинга на социально-коммуникативное развитие личности старшеклассников. Посредством обозначенной технологии у старшеклассников происходит аккумуляция полученного ранее опыта социального взаимодействия с вновь приобретаемым, что способствует не только развитию социальной компетентности, но и формированию таких значимых качеств личности, как самосознание и самооценка, помогающих формировать собственную идентичность.

Таким образом, иноязычный коммуникативный тренинг обеспечивает условия для интенсивной социализации старшеклассников. Он способен восполнить дефицит живого общения, наблюдаемый вследствие развития интернет-технологий. Он также стимулирует старшеклассников к переосмыслению и переработке результатов своей деятельности в различных социальных группах и общностях с целью формирования собственной индивидуальности и гармоничного приобщения к нормам и ценностям мирового социума.

ЛИТЕРАТУРА

- Обдалова О.А. Иноязычное образование в XXI веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.
- Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2007. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1329120428.pdf> (дата обращения: 25.12.2018).
- Шабшин И.И. О психологических особенностях общения в интернете // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 1. С. 158–182.
- Фонд общественного мнения. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13999> (дата обращения: 25.12.2018).
- Первушина В.Н., Савушкин Л.М. Особенности коммуникации в киберпространстве // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 59–71.
- Бондаренко Т.А. Общение в виртуальном мире интернета // Вестник Донского государственного технического университета. 2009. Т. 9, № 4 (43). С. 216–223.
- Eagly A.H., Wood W. Social Role Theory // Handbook of Theories of Social Psychology. London: SAGE Publications Ltd., 2012. Vol. 2. P. 458–476.
- Фетисова Т.А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологии. 2018. № 4 (87). С. 185–197.
- Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М. : Питер, 2008. 398 с.
- Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. М. : Русское слово, 1996. 344 с.
- Ариян М.А. Принципы социально-развивающего обучения иностранным языкам в средней школе // Иностранные языки в школе. 2010. № 1. С. 7–11.
- Ариян М.А. Особенности социально развивающего обучения иностранным языкам в средней школе: теория и практика. Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2012. 188 с.
- Revans R.W. ABC of action learning. 3rd edition. London : Lemos & Crane, 1998. 151 p.
- Кларин М.В. Инновационные модели обучения: Исследование мирового опыта. 2-е изд. М. : ЛУЧ, 2018. 640 с.
- Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М. : Народное образование, 1998. 256 с.
- Андреева Г.М. Психология социального познания : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., перераб. М. : Аспект Пресс, 2000. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 3 апреля 2020 г.

Foreign Language Communicative Training as a Means of Senior Students' Personality Social Development in the Conditions of a Modern Information Society

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 182–189.

DOI: 182–189. DOI: 10.17223/15617793/454/21

Margarita A. Ariyan, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: fenkot603@yandex.ru.

Ekaterina M. Tataurova, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kate_tataurova@yahoo.com

Keywords: information society; social development of person; modern educational technologies; foreign language communicative training; communicative exercises; socially significant personality traits.

The aim of this article is to evaluate the effectiveness of the implementation of the foreign language communicative training technology for high school students' personal social development in classes of English under conditions of modern information society. To reach the aim, the authors first formulate the key features of virtual communication and its differences from real communication. These include: (1) a high degree of efficiency; (2) the anonymous nature of communication; (3) the absence of stressful factors of a real socializing environment. These features makes virtual communication more attractive for the younger generation. However, as a result of the substitution of real and virtual communication, the following hard-to-correct personality deficits may appear: (1) disorientation in real communication; (2) a gap in communication between generations; (3) the difficulty of social integration in society. In order to neutralize these negative trends, it is necessary to enforce the socially developing potential of foreign language in high school by the means of the foreign language communicative training technology, which has the following unique characteristics: (1) focus on the development of not only general communicative skills, but also the special skills of the communicative, perceptual, and interactive aspects of students' communication; (2) creation of conditions for a person's active secondary socialization in a foreign language society; (3) use of a foreign language as a means of achieving a communicative goal. The structure of the training includes several stages: the introductory stage, the stage of initial analysis of the communicative-dialogic situation, the stage of the search for effective ways to implement dialogue interaction, the stage of the development of dialogic speech skills at the micro-level, the stage of the development of dialogic speech skills at the macro-level, the stage of reflection. The composition of the foreign language communicative training includes the following types of communicative exercises: (1) communicative-stimulating; (2) communicative-analytical; (3) communicative-constructing; (4) communicative-consolidating; (5) communicative-developing; (6) communicative-reflecting. Practical studies to evaluate the effectiveness of the proposed educational technology were carried out on the basis of secondary schools in Nizhny Novgorod, Russia. The stage of experimental training included series of lessons built on the model of the foreign language communicative training and was carried out according to its stages described above. The effectiveness of the described technology was evaluated by the mathematical method of estimation of the increase in the development of dialogic speech skills of high school students in the communicative, perceptual and interactive aspects of communication. Based on the results of the experimental training, it was concluded that the foreign language communicative training has a positive effect on the social and communicative development of the high school students' personality.

REFERENCES

1. Obdalova, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v XXI veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign-Language Education in the 21st Century in the Context of Sociocultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Bell, D. & Inozemtsev, V. (2007) *Epokha razobshchennosti* [The Era of Disunity]. Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva. [Online] Available from: <http://library.khpg.org/files/docs/1329120428.pdf>. (Accessed: 25.12.2018).
3. Shabshin, I.I. (2005) O psikhologicheskikh osobennostyakh obshcheniya v internete [On the Psychological Characteristics of Communication on the Internet]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*. 1. pp. 158–182.
4. FOM. (2018) *Internet v Rossii: dinamika proniknoveniya. Zima 2017–2018 gg.* [Internet in Russia: Penetration Dynamics. Winter 2017–2018]. [Online] Available from: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13999>. (Accessed: 25.12.2018).
5. Pervushina, V.N. & Savushkin, L.M. (2017) The Features of Communication in Cyberspace. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 1. pp. 59–71. (In Russian).
6. Bondarenko, T.A. (2009) Communication in virtual world of internet. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik of Don State Technical University*. 9:4 (43). pp. 216–223. (In Russian).
7. Eagly, A.H. & Wood, W. (2012) Social Role Theory. In: Van Lange, P.A.M., Kruglanski, A.W. & Higgins, E.T. (eds) *Handbook of Theories of Social Psychology*. Vol. 2. London: SAGE Publications Ltd. pp. 458–476.
8. Fetisova, T.A. (2018) Aggressive Behavior in Internet Communication. Overview. *Vestnik kul'turologii*. 4 (87). pp. 185–197. (In Russian).
9. Bozhovich, L.I. (2008) *Lichnost' i ee formirovaniye v detskom vozraste* [Personality and Its Formation in Childhood]. Moscow: Piter.
10. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collection of Works: In 7 Vols]. Vol. 5. Moscow: Russkoe slovo.
11. Ariyan, M.A. (2010) Principles of Developmental Foreign Language Teaching at School. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1. pp. 7–11.
12. Ariyan, M.A. (2012) *Osobennosti sotsial'no razvivayushchego obucheniya inostrannym yazykam v sredney shkole: teoriya i praktika* [Features of Developmental Foreign Language Teaching at School: Theory and Practice]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University.
13. Revans, R.W. (1998) *ABC of Action Learning*. 3rd edition. London: Lemos & Crane.
14. Klarin, M.V. (2018) *Innovatsionnye modeli obucheniya: Issledovanie mirovogo opyta* [Innovative Learning Models: A Study of World Experience]. 2nd ed. Moscow: LUCH.
15. Selevko, G.K. (1998) *Sovremennyye obrazovatel'nyye tekhnologii* [Modern Educational Technologies]. Moscow: Narodnoe obrazovanie.
16. Andreeva, G.M. (2000) *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [The Psychology of Social Cognition]. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press.

Received: 03 April 2020

И.Г. Захарова, Е.Г. Белякова

ВОЗМОЖНОСТИ КОНЦЕПЦИИ AGILE ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТФОРМЫ TRELLO

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-013-00106).

Исследуются образовательные возможности концепции Agile, активно применяющейся в управлении промышленными проектами, на примере использования комбинированной методики Scrum + Kanban, адаптированной для сопровождения индивидуальных проектов под руководством преподавателя-коуча, в процессе прохождения студентами педагогической практики. Представлены результаты использования платформы Trello для поддержки и визуализации процесса работы над проектом. Показаны возможности Trello для гибкого взаимодействия преподавателя-коуча со студентами.

Ключевые слова: Agile; Scrum; Kanban; Trello; высшее образование; индивидуализация; профессиональное самоопределение; подготовка педагога.

Введение. Высшее образование России развивается в направлении, диктуемом современными требованиями рынка труда, когда выпускник, наряду с качественной подготовкой в конкретной профессиональной области, должен владеть широким набором метадисциплинарных компетенций. Этой цели отвечает внедрение индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ), которые планируются и реализуются на основе самостоятельного выбора студентом как образовательного контента, так и технологий его освоения. При этом для онлайн-курсов обязательной составляющей в настоящее время является система сопровождения образовательного процесса. Естественно, что компоненты такой системы могут отличаться – от индивидуального и подробного рецензирования результатов выполнения текущих заданий и итоговых проектов до автоматически генерируемых комментариев по данным тестирования. Тем не менее даже в последнем случае такая минимальная поддержка всегда имеется. Но, по существу, она опирается на ту же классическую методологию управления, что и традиционные формы освоения дисциплин, выполнения курсовых и выпускных квалификационных работ, прохождения различных видов практики. Ее можно сопоставить с waterfall-подходом в управлении проектами, когда исполнитель должен следовать неизменному, заранее составленному, четкому и детализированному плану [1].

Сложно представить, что такой подход будет стимулировать у студентов развитие самостоятельности, креативности, ответственности за свой выбор в условиях ИОТ. В этом контексте особый интерес представляет концепция гибкого управления проектами Agile [2], которая, в первую очередь, ориентирована на результат и допускает, более того, даже предполагает, что на каждом этапе проекта могут вноситься изменения. При этом в рамках Agile возможно применение различных методик (Kanban, Scrum, Lean и др. [3]), которые, в свою очередь, могут применяться индивидуально и в комплексе. Так, методика Scrum, которая сосредоточена на фрагментации задач проекта, органично интегрируется с Kanban, сфокусированной на визуализации процесса работы над проектом с

помощью специальных средств коммуникации – Kanban-досок.

Безусловно, каждый из этих подходов имеет свои преимущества и недостатки. И в каждом конкретном случае следует выбирать оптимальное решение, в том числе опираясь на возможность подходов (waterfall + Agile) и соответствующих методик [1].

Для многих компаний концепция Agile не является чем-то новым, поскольку ее возможности для гибкого руководства проектами оценены за пределами IT-разработок, той области, где она собственно и зародилась. Следует заметить, что для инженерного образования в целом и, тем более, при подготовке IT-специалистов (программистов, системных администраторов и др.) широкое использование методик, разработанных на основе концепции Agile, вполне закономерно. В первую очередь это касается участия студентов в реальных проектах в период прохождения производственной практики, в рамках курсовых и выпускных квалификационных работ, выполняемых на базе предприятий.

Актуальность педагогического контекста предлагаемого исследования заключается в выявлении возможностей концепции Agile и методов гибкого управления проектами применительно к образовательному процессу высшей школы, в котором в условиях индивидуализации существенно возрастает потребность в актуализации субъектности обучающихся, их способности к самоуправляемому обучению, осмысленному проектированию профессионального саморазвития.

Обзор. Опыт использования Agile в образовании наиболее полно представлен в работах зарубежных исследователей. Так в работе R. Pope-Ruark [4] показаны не только возможности Scrum для совместной постановки целей, вычленения подзадач, которые можно решить за короткие промежутки времени. Автор подчеркивает важность того, что эта методика способствует общению и рефлексии.

Внимание исследователей также привлекает изучение особенностей применения Scrum в онлайн-обучении для отслеживания образовательных достижений студентов в комплексе с традиционными средствами диагностики [5].

При выполнении коллективных исследовательских проектов обеспечение продуктивного сотрудничества может стать главным фактором успеха в проведении качественных научных исследований. Это иллюстрирует работа D.B. Ramos, I.M. Ramos, W.D.S. Viana, G.R. e Silva, E.H. de Oliveira [6], где представлен пример применения методологии Scrum для управления разработкой программного обеспечения в контексте исследовательских проектов. В исследовании принимала участие группа студентов бакалавриата, магистрантов и аспирантов в области информатики. Результаты показали эффективность Scrum для управления всем процессом, от начального обзора литературы до этапа разработки программного обеспечения, написания отчета и представления окончательного проекта.

Ответ на вопрос о том, соответствуют ли концепции, методы и методологии Agile потребностям высшего образования, содержится в результатах исследования, обобщающего опыт шести колледжей по адаптации концепции Agile и использованию соответствующих гибких методик в управлении образовательным процессом на уровне факультета и непосредственно в обучении [7]. Авторы отмечают успешность двухлетнего эксперимента, показавшего положительные результаты за счет повышения вовлеченности студентов в принятие решений, ответственности за свое обучение, активизацию взаимодействия и сотрудничества.

Широкое распространение различных совместных проектов (как учебных, так исследовательских) поднимает вопрос о способе оценки участников, который позволил бы оценить вклад каждого, оценить прогресс не только отдельной команды, но и сопоставлять между собой различные команды. В работе S. Flores, C. Torrero, E. Torrero, L. Handam, S. Flores [8] представлены результаты использования в обучении методологии Scrum на примере предмета Research Workshop (исследовательский семинар) для инженерного направления. Авторы показывают, что применение Scrum повысило качество проектов благодаря объективным данным о текущих результатах и своевременному устранению возникающих проблем.

В контексте применения Agile в образовании остается открытым вопрос о роли преподавателя. В этом плане принципиально важны результаты исследования I. Shamshurin, J. S. Saltz [9], напрямую не связанного с организацией педагогического взаимодействия. Авторы отмечают, что несмотря на активное использование методологии Kanban, вне поля зрения исследователей остается вопрос о роли коуча в повышении производительности команды, реализующей проект на основании Kanban. Авторы обосновывают теоретически и доказывают экспериментально, что включение в состав команды коуча приводит к лучшим результатам проекта.

Возможность использования вышеперечисленных подходов и методик в образовании во многом определяется наличием удобных и интуитивно понятных инструментальных средств, с помощью которых можно реализовать все основополагающие принципы гибкого управления. В исследовании D. Parsons, R. Thorn, M. Inkila, K. MacCallum [10] продемонстри-

рован опыт использования Trello для поддержки методик Scrum и Kanban для профессионального развития учителей, выполнявших коллективные проекты в составе гибких команд.

Следует заметить, что платформа Trello представляет полноценные возможности для создания универсальной среды педагогического взаимодействия, размещения и доставки образовательного контента. Тем не менее в отечественных исследованиях (В.Г. Зайцев, А.А. Желтова, Е.В. Тибирькова) [11] возможности Trello рассматриваются вне контекста гибких методов управления проектами.

Таким образом, современное состояние исследований в области применения концепции Agile в высшем образовании позволяет констатировать, что, несмотря на наличие целого ряда результатов, подтверждающих эффективность ее применения для управления учебными и исследовательскими проектами студентов, остается открытым вопрос адаптации к особенностям образовательного процесса (направление подготовки, курс, дисциплина, индивидуальный или коллективный проект, его продолжительность и др.) как концепции в целом, так и отдельных методик.

Цель настоящего исследования заключается в изучении образовательных возможностей концепции Agile на примере использования комбинированной методологии Scrum + Kanban для сопровождения студентов-педагогов в ходе практики, а также платформы Trello для поддержки и визуализации данного процесса. Новизна исследования состоит в выявлении возможностей методов гибкого управления проектами для поддержки процесса профессионального самоопределения студентов-педагогов.

Материалы и методы. В исследовании, которое проводилось в мае-июле 2019 г., приняли участие 24 первокурсника направления «Педагогическое образование» образовательной программы «Начальное образование» в период прохождения практики.

Для организации взаимодействия студентов и преподавателей использовалась платформа Trello в форматах мобильного приложения и веб-версии для персонального компьютера. Функциональные возможности Trello рассматривались нами как оптимальные для поддержки сопровождения профессионального самоопределения студентов в период прохождения практики. Мы исходили из авторской концепции смысловых механизмов профессионального самоопределения, в соответствии с которой базовыми видами активности, обеспечивающими самоидентификацию в профессии, являются проектирование профессионального будущего, его деятельностная реализация и рефлексия [12]. Положения концепции Agile согласуются с нашим подходом и позволяют рассматривать студента как субъекта, создающего проект самого себя как будущего профессионала, реализующего его, оценивающего достигнутые результаты и выдвигающего новые цели и задачи саморазвития.

Следует отметить, что Trello рассматривается нами как средство, усиливающее эффективность процесса сопровождения, в котором многие задачи решаются только в непосредственном контакте с *преподавателем-коучем*. Продуктивность организации со-

провожения профессионального самоопределения студентов с использованием Trello определяется тем, что преподаватель-коуч (в отличие от «традиционного» преподавателя) реализует одновременно несколько *профессионально-ролевых моделей*. Роль «педагога-профессионала», обладающего достаточным опытом работы в педагогической сфере, способствует установке студентов на эффективное сотрудничество. Роль «консультанта по личностному и профессиональному развитию» предполагает готовность преподавателя выступать фасилитатором в педагогическом общении и взаимодействии, оказывать поддержку процессу личностно-профессионального роста студентов. Одновременно преподаватель выступает в качестве «специалиста по управлению проектом», для чего он должен владеть проектной культурой и технологиями ее реализации.

В нашем исследовании в роли преподавателей-коучей выступали три преподавателя и магистрант-второкурсник.

Результативность использования Trello как инструмента поддержки сопровождения профессионального самоопределения студентов выявлялась на основе анализа и обобщения данных, полученных в ходе опытно-экспериментальной работы, отзывов студентов и экспертных оценок преподавателей.

Результаты исследования и обсуждение. Исследование позволило разработать и опробовать алгоритм работы с платформой Trello в процессе сопровождения профессионального самоопределения студентов-педагогов в период практики. Сопровождение нацелено на активизацию студентов в роли субъектов профессионального пути, способных к выбору направления профессионального становления, осмыслению нового опыта, постановке задач саморазвития. В процессе сопровождения обеспечиваются: 1) погружение студентов в пространство гуманитарных смыслов педагогической деятельности, их осмысление и понимание; 2) поддержка конструирования эталонного образа профессионализма; 3) активизация деятельности по созданию проекта своего профессионального будущего, конструирование нарративной идентичности (актуальной и потенциальной); 4) практикование – реализация идентичности в пространстве реальной деятельности, профессиональных проб, накопления практического опыта; 5) осмысление опыта педагогической деятельности, рефлексия идентичности в контексте профессионального пути; 6) уточнение, корректировка проекта профессионального будущего, новое смыслоцелесолагание [13].

Исследование показало, что функциональные свойства Trello выступают важным структурирующим и направляющим фактором на ряде ключевых этапов сопровождения. Использование Trello обеспечивает переход от намерений студентов (их общих ориентиров в профессии) к планированию среднесрочных целей (профессиональный план) и, затем, к текущему ежедневному планированию деятельности (постановка конкретных задач, определение состава необходимых действий), создает возможности для непрерывной рефлексии достижений, сопоставления получаемых результатов со среднесрочными целями и общи-

ми ориентирами в профессиональном развитии. Ниже представлена технология поэтапной организации сопровождения студентов с использованием платформы Trello.

Алгоритм организации сопровождения:

1. Подготовительный этап. Платформа устанавливается на мобильный телефон и персональный компьютер, участники сопровождения проходят регистрацию и получают доступ к мобильному приложению и его версии, поддерживаемой браузером. Проводится первоначальное ознакомление с основными функциями и возможностями Trello, их предварительное опробование. Далее генерируется архитектура проекта. Создаются персональные и общедоступные доски. Высылаются приглашения преподавателям-коучам для доступа к персональным доскам студентов, все участники прикрепляются к общедоступным доскам. По желанию участников проекта могут быть созданы общедоступные информационные доски, доски-форумы, доски-презентации результатов, доски с фотоматериалами и т.д. Отрабатываются навыки удаленного взаимодействия студентов и преподавателей (отправка сообщений, обмен комментариями, получение уведомлений об обновлениях статуса на досках).

2. Этап знакомства, установление эмоционального и рабочего контакта студента с преподавателем-коучем. Первоначально этап реализуется в непосредственном межличностном взаимодействии, и только потом переводится в форму опосредованного общения через Trello.

3. Этап смыслоцелесолагания. Содержание этапа заключается в осознании студентами смыслов и целей своего развития в профессии, создании проекта своего профессионального будущего, перспективном планировании. В нашем исследовании студентам было предложено написать «Мотивационное письмо», отражающее их представления о своем педагогическом опыте, намерениях и долгосрочных целях профессионального развития. Мотивационное письмо пишется в свободной форме, но должно содержать ответы на ряд вопросов: «Опишите свой педагогический опыт. Как он повлиял на Ваше решение стать педагогом? Насколько Вы в настоящее время являетесь педагогом-профессионалом? Какие цели развития Вы перед собой ставите? Опишите Ваши планы на период прохождения практики. Какие компетенции Вы собираетесь развивать? Что Вы будете для этого делать? Какой результат Вы бы считали положительным?». Этап смыслоцелесолагания целесообразно реализовывать в непосредственном межличностном взаимодействии с преподавателем-коучем.

4. Этап планирования. Планирование также осуществляется через индивидуальные очные сессии студентов с преподавателями-коучами, в ходе которых составляется «Персональный план профессионального развития», главным образом ориентированный на предстоящую практику. При этом не следует жестко задавать временные рамки плана, поскольку профессиональное развитие не ограничивается периодом прохождения практики. Целесообразно предоставить студентам возможность разработать свой

план в более продолжительной перспективе, если они готовы это сделать в настоящий момент времени. Составление плана можно охарактеризовать как среднесрочное планирование, поскольку он должен содержать достаточно конкретные цели, способы их достижения и показатели результативности.

В ходе опытно-экспериментальной работы нами была учтена важная закономерность, ранее описанная в исследовании Т. Anspal, E. Eisenschmidt, E. Löfström, состоящая в том, что студенты в ходе практики, осмысливая собственный опыт, переключают фокус рефлексии с самих себя на методы и приемы обучения [14]. Наше исследование подтвердило, что при переходе от выявления смыслов педагогической профессии, собственных мотивов и намерений к этапу планирования изменяется «язык» описания способов профессионального развития, позволяющий более конкретно и четко сформулировать цели и задачи, предстоящие в ближайшей временной перспективе.

В нашем исследовании в качестве инструмента планирования использовался структурированный опросник, выполнявший направляющую и рефлексивную функции в процессе постановки целей и задач, определении необходимых действий, условий, ресурсов, а также индикаторов и показателей, которые бы свидетельствовали о том, что поставленные цели достигнуты. Персональный план профессионального развития включает следующие разделы:

1. Мои цели профессионального развития как будущего педагога.

2. Мои ближайшие задачи профессионального развития.

3. Каких знаний, умений, навыков мне не хватает, чтобы достигать желаемого результата при решении профессиональных задач.

4. Какую компетенцию(ции) буду развивать.

5. Сколько времени мне для этого понадобится.

6. Каким образом я буду развивать эту компетенцию(ции) (мои действия).

7. Какие условия нужны для развития этой компетенции(ций).

8. Какая помощь мне понадобится для развития этой компетенции(ций).

9. Как я узнаю о том, что поставленная мной задача достигнута (по каким признакам, индикаторам).

На этапе планирования целесообразным является консультирование студентов по профессиональным пробам (рекомендации, помощь в выборе соответствующих поставленным целям и задачам развития).

В ходе работы над «Персональным планом профессионального развития» специально оговаривалось, что это не статичный и законченный проект, в него могут вноситься изменения как в течение прохождения практики, так и по ее завершении. Заполненные планы студенты использовали на последующих этапах работы в Trello как основу для планирования деятельности и оценки ее результативности.

5. Организационный этап. Определяется регламент работы в Trello для студентов и преподавателей-коучей. Студенты ежедневно вносят на свою персональную доску план действий (чек-лист), выставляют сроки его выполнения. Ежедневно выкладывается отчет о результа-

тах деятельности в виде фото, видео, текстов с описанием дня (что делали, что получилось, что не получилось, в чем видят свои новые задачи). Студент ежедневно анализирует свой опыт совместно с преподавателем-коучем. Преподаватели ежедневно заходят на доски студентов и размещают на них обратную связь по результатам активности студентов (формы: стикеры, краткие и развернутые комментарии, вложения), стимулируют рефлексивный анализ, оказывают консультативную помощь и эмоциональную поддержку.

6. Деятельностный этап. Реализация этапа обеспечивается через выполнение регламента работы в Trello на протяжении прохождения педагогической практики (ежедневно выполняемые планирование, презентация результатов деятельности, анализ и рефлексия, взаимодействие с преподавателем-коучем).

7. Этап итоговой рефлексии. Студент совместно с преподавателем анализирует достигнутые результаты своего профессионального развития, сопоставляя их с запланированными целями и задачами. В нашем исследовании итоговая рефлексия осуществлялась через создание нарративной «истории» профессионального развития в форме рефлексивного эссе, ее презентацию и обсуждение.

8. Этап нового смыслоцелесолагания. Результаты рефлексии используются для постановки новых актуальных целей и задач профессионального становления.

Взаимодействие преподавателей со студентами в Trello является необходимым условием организации и поддержки их активности. *Функции* преподавателя-коуча включают мотивирование, эмоциональную поддержку, обеспечение содержательной и квалифицированной обратной связи, совместный со студентом анализ результатов его деятельности и возникающих затруднений, направление рефлексии на значимый опыт, стимулирование постановки новых целей саморазвития, консультирование по возникающим личностным и профессиональным проблемам. Диалог с преподавателем-коучем является фактором овладения студентом педагогическим дискурсом и формирования осмысленного отношения к своему профессиональному становлению.

В ходе опытно-экспериментальной работы были выявлены продуктивные *способы взаимодействия* преподавателя-коуча со студентом в Trello. Наиболее релевантным является не директивный, партнерский и одновременно поддерживающий стиль педагогического руководства. В то же время при выборе стиля следует учитывать индивидуальные особенности студентов, их мотивацию и готовность к самоорганизации деятельности. Взаимодействие преподавателя со студентом должно характеризоваться выраженной личностной направленностью и индивидуальным подходом, соблюдением конфиденциальности, взаимным доверием, педагогическим тактом и корректностью. Важно установление гуманистических отношений, когда студент не боится представить на обсуждение свои затруднения и ошибки. Неэффективными показали себя варианты взаимодействия, где преподаватель использует директивные методы руководства либо занимает эмоционально-отстраненную, шаблонную позицию («преподаватель-бот»).

Факторами успешной совместной работы с использованием платформы Trello являются *личностные характеристики* и *ряд умений* преподавателя. Эмпатичность, владение техниками и инициативность в общении особо значимы на начальных этапах сопровождения (знакомство, установление межличностного контакта в непосредственном межличностном взаимодействии), на стадиях осмысления намерений студентов и планирования, формирования установки студентов на саморазвитие. Созданные на этом этапе взаимоотношения потом продолжатся через Trello. На «удаленных» этапах преподаватель получает основную информацию о деятельности студента через презентуемые им материалы и отслеживание активности. В этих условиях особую значимость приобретает компетентность преподавателя в работе с текстами студентов. Тексты должны быть адекватно поняты и проинтерпретированы, по их содержанию предоставляется обратная связь и строится диалог со студентом. Преподаватель должен владеть умениями грамотно строить онлайн-общение в соответствии с правилами сетикета. Отметим еще одну немаловажную особенность общения в Trello, связанную с возрастными характеристиками студентов. Преподаватель должен быть знаком со спецификой онлайн-самопрезентации и коммуникации молодежной аудитории, что позволит ему более точно понимать смысл и содержание активности студентов в Trello.

Опытно-экспериментальная работа позволила выявить *образовательные возможности* Trello как инструмента организации и самоорганизации деятельности студентов, которые, на наш взгляд, являются инвариантными для разных по своим целям практик сопровождения их активности в образовательном процессе:

1. Развитие компетенции самопроектирования.
2. Освоение студентами навыков тайм-менеджмента.
3. Развитие установки на осмысленное саморазвитие.
4. Формирование временной перспективы в профессиональном развитии.
5. Актуализация деятельности по постановке целей профессионального развития и анализу результативности их достижения.
6. Визуализация деятельности и процесса накопления опыта.
7. Усиление мотивированности студентов, личностной значимости проектирования саморазвития, приобретаемого опыта и его рефлексивного осмысления.
8. Возможность управления деятельностью студента, информированность об его активности.
9. Гибкое взаимодействие, возможность для продуктивного сотрудничества студента и преподавателя-коуча.
10. Возможности для отслеживания достижений студентов.
11. Диагностические возможности для выявления затруднений студентов и оперативной помощи и поддержки в процессе профессионального развития.

Поскольку в нашем исследовании реализовывалась определенная модель сопровождения, важно было выявить возможности Trello как инструмента поддержки сопровождения профессионального само-

определения студентов в период прохождения педагогической практики. Нами были выделены следующие возможности Trello для организации и управления данным процессом:

1. Углубление профессиональной рефлексии опыта через диалог с преподавателем-коучем.
2. Самоопределение через накопление опыта и фиксацию переживаний профессиональной идентичности.
3. Уточнение и расширение представлений о профессии педагога, о собственных возможностях, и, соответственно, постановка новых целей профессионального развития.
4. Выявление области незнания. Формирование новых образовательных потребностей и запросов в связи с возможным выбором курсов и дисциплин в процессе обучения в вузе.
5. Индивидуализированное сопровождение деятельности студентов, учитывающее уровень их базовой подготовки, интересы, способности, а также специфику условий прохождения практики.
6. Гибкое взаимодействие, включающее содержательную обратную связь, мотивирование, эмоциональную поддержку, консультирование.
7. Продуктивное педагогическое общение.
8. Возможность через педагогическое общение развивать у студентов профессиональный дискурс, расширять кругозор в сфере психолого-педагогического знания.
9. Возможность детального анализа возникающих педагогических ситуаций и проблем, совместный анализ возможных вариантов их решений.
10. Оперативное выявление затруднений в процессе профессионального развития, кризисных явлений в формировании профессиональной идентичности.

Как показали результаты опытно-экспериментальной работы, в процессе сопровождения студентов на практике имеют особое значение *функциональные возможности* Trello, обеспечивающие визуализацию активности, персонализацию пространства приложения, продуктивное взаимодействие и оперативность обратной связи.

Спектр способов визуализации в Trello является достаточно обширным и позволяет студенту презентовать планирование (доски, карточки и их описание, цветовые метки, установка сроков выполнения задач, чек-лист, действия, предпринятые для его реализации), результаты деятельности (фото, видео и текстовые вложения), рефлексию результатов (тексты, комментарии). Одновременно ряд функций Trello, обеспечивающих визуализацию активности студентов, являются диагностически значимыми для преподавателя (информация об обновлениях, архив, сохраняющий последовательность действий).

Персонализация пространства Trello реализуется через возможности для самовыражения. Исследование показало, что студенты и преподаватели проявляли характерные стратегии при освоении пространства Trello (в буквальном смысле его «обживали»). Так, например, студенты сразу же изменяли фон своих персональных досок на соответствующий их предпочтениям, а в ходе ежедневного планирования прикрепляли к доскам тематически подобранные изобра-

жения (фото, аниме), отражающие их настроение, уровень достижений и предстоящие задачи, активно использовали подписи к доскам и цветные маркеры для усиления смысла текста. В ходе работы они также самостоятельно совершенствовали способы презентации материалов, дополняли установленные регламентом формы. В нашем исследовании многие студенты, освоившие Trello, уже со второй недели прохождения практики включались в перспективное планирование на более продолжительные сроки, чем был определен изначальным регламентом работы. Свобода студентов в выборе способа визуализации своего проекта, безусловно, способствовала их вовлеченности в проект. В своих отзывах студенты отмечали удобство Trello («все в одном месте», «все видно, в динамике», «все накапливается»), мотивирующую роль («доски мотивируют сами по себе», «дисциплинирует – надо продумывать занятия, вывешивать материалы») и положительно оценили возможность продолжения сотрудничества с использованием данной платформы после завершения педагогической практики.

В Trello создается доверительное пространство общения студента и преподавателя, характеризующееся приватностью и закрытостью, которые, по мнению студентов, способствуют развитию продуктивного диалога. По отзывам студентов, важной чертой преподавателя-коуча является открытость в общении, в ответ на которую студент сам становится более открытым. На предложение о расширении количества участников на персональной доске студенты отреагировали отрицательно, предложив осуществлять такие контакты на общедоступных презентационных досках и досках-форумах. С помощью стикеров, вложений и комментариев становятся возможными диалог, непрерывное поддержание контакта, мотивирование и эмоциональная поддержка.

Оперативность удаленной связи между студентом и преподавателем через мобильные и браузерные push-уведомления о новых сообщениях и событиях поддерживает рабочий контакт, создает ощущение постоянного «присутствия» преподавателя и непрерывности процесса сопровождения.

В нашем исследовании была возможность сопоставить традиционное сопровождение студентов на практике с сопровождением на основе концепции Agile. В традиционном варианте руководителем практики является преподаватель, в функции которого входит организация деятельности студентов в соответствии с программой практики, консультирование, текущая и итоговая аттестация. Отметим сходство подхода руководителя практики студентов-участников опытно-экспериментальной работы с ролью преподавателя-коуча, поскольку студентам было рекомендовано ежедневно готовить подробный рефлексивный отчет, отражающий не только положительные результаты, но и затруднения, как не менее ценный опыт. В период практики взаимодействие со студентами поддерживалось дистанционно через социальную сеть «ВКонтакте», где в общей группе каждый из них создавал личный альбом с презентационными материалами (фотографии с развернутыми описаниями деятельности).

Тем не менее были установлены различия в характере мотивации студентов, регламенте работы и тем продуктом, который рассматривается в качестве образовательных достижений в условиях традиционного варианта сопровождения и сопровождения с использованием Trello. В традиционном варианте студенты ориентированы главным образом на положительную оценку их работы руководителем практики, получение необходимого количества баллов. Мотивация использования Trello у студентов различалась: прагматическая («думала, что это обязательно»), ответственность перед преподавателем («обещала заполнить») и связанная с личностно-профессиональным саморазвитием («сначала не поняла зачем это нужно, потом стало нравиться», «интересно», «хотела попробовать», «новое», «полезно», «важны комментарии преподавателя, его оценка»).

Цели и содержание традиционной практики определяются образовательными стандартами, образовательной программой и учебно-методическими разработками вуза. План прохождения практики составляется совместно с руководителем практики в базовой образовательной организации, куда направляется студент. Поддержка процесса прохождения практики с использованием социальной сети «ВКонтакте», безусловно, является важным дополнением сопровождения, усиливающим педагогическое взаимодействие официального руководителя практики и студентов, стимулирующим развитие профессиональной рефлексии. Однако использование платформы Trello предоставляет принципиально иные возможности для организации сопровождения: гибкое взаимодействие студента и преподавателя-коуча, индивидуализация сопровождения через ежедневное планирование деятельности и углубленную рефлексию приобретаемого опыта, более тесные эмоциональный и рабочий контакты, профессиональный диалог, мотивирование, эмоциональная и консультативная поддержка, доступ к диагностически значимой информации об активности студента, в том числе его затруднениях, и оперативное оказание необходимой помощи, формирование у студентов умений самоорганизации деятельности, усиление их вовлеченности в процесс личностно-профессионального развития. В условиях направленного диалога с преподавателем-коучем студент более детально анализирует свои достижения, что способствует накоплению опыта переживаний собственной профессиональной идентичности.

Тем не менее студенты высказали мнение о том, что оптимальным было бы сочетание традиционного (нормативного) и индивидуального (личностно-развивающего) аспектов сопровождения. Как отметил официальный руководитель практики, его «функционал» и «функционал» преподавателя-коуча различны, а образовательный результат будет общим. Если в традиционном варианте сопровождения основным результатом прохождения практики полагается освоение студентами ряда компетенций, заданных образовательной программой, то сопровождение с использованием Trello позволяет, помимо этого, развивать субъектность студентов через процессы самопроекти-

рования развития, презентацию и рефлексию опыта. Во втором случае представления об образовательных достижениях во многом определяются и корректируются самим студентом. Образовательный результат выступает не финальным актом, а источником для постановки новых целей и задач.

Заключение. Исследование позволяет сделать вывод об эффективности концепции управления проектами Agile и высокообразовательном потенциале использования платформы Trello в образовательном процессе вуза с целью его индивидуализации. Основными результатами использования платформы Trello в процессе сопровождения профессионального самоопределения являются формирование у студентов умений самоорганизации и проектирования своего развития, активизация рефлексивного отношения к своему опыту и личностно-профессиональному росту. Становление перечисленных умений студентов мож-

но рассматривать как самостоятельное образовательное достижение, актуальное в условиях реализации индивидуальных образовательных траекторий, которое обеспечивает готовность студентов к самостоятельному и осмысленному выбору содержания образования и способов его освоения. Следует также отметить значимость компетенций самопроектирования в условиях современного общества, где субъектности личности придается важное значение. Исследование позволило установить, что особую роль в достижении образовательных результатов и активизации профессионального становления студента выполняет преподаватель-коуч. В целях совершенствования практик педагогического взаимодействия требуется подготовка преподавателей, учитывающая требования к их функциям, компетенциям и профессионально-ролевым моделям поведения в контексте концепции Agile и методов гибкого управления проектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hass K.B. The blending of traditional and agile project management // *PM world today*. 2007. Vol. 9, № 5. P. 1–8.
2. Larson D., Chang V. A review and future direction of agile, business intelligence, analytics and data science // *International Journal of Information Management*. 2016. Vol. 36, № 5. P. 700–710.
3. Salza P., Musmarra P., Ferrucci F. Agile Methodologies in Education: A Review // *Agile and Lean Concepts for Teaching and Learning*. Springer, Singapore, 2019. P. 25–45.
4. Pope-Ruark R. We scrum every day: Using scrum project management framework for group projects // *College Teaching*. 2012. Vol. 60, № 4. P. 164–169.
5. Mahalakshmi M., Sundararajan M. Tracking the student's performance in Web-based education using Scrum methodology // *2015 International Conference on Computing and Communications Technologies (ICCT)*. 26–27 Feb. 2015. Chennai, India – IEEE, 2015. P. 379–382.
6. Ramos D.B., Ramos I.M., Viana W.D.S., e Silva G.R., de Oliveira E.H. On the use of Scrum for the management of research-oriented projects. URL: <http://www.tise.cl/volumen12/TISE2016/589-594.pdf>, свободный (дата обращения: 28.06.2019).
7. Krehbiel T.C., Salzarulo P.A., Cosmah M.L., Forren J., Gannod G., Havelka D., Merhout J. Agile Manifesto for Teaching and Learning // *Journal of Effective Teaching*. 2017. Vol. 17, № 2. P. 90–111.
8. Flores S., Torrero C., Torrero E., Handam L., Flores S. Software Engineering Methodologies for the Evaluation and Monitoring of Projects of Higher Education Students // *International Conference on Computational Science and Its Applications. ICCSA 2019*. Saint Petersburg, Russia, July 1–4, 2019. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 11623. Springer, Cham, 2019. P. 306–315.
9. Shamsurhin I., Saltz J.S. Using a coach to improve team performance when the team uses a Kanban process methodology // *Governance, governmentality and project performance: the role of sovereignty*. 2019. Vol. 7, № 2. P. 61–77.
10. Parsons D., Thorn R., Inkila M., MacCallum K. Using Trello to Support Agile and Lean Learning with Scrum and Kanban in Teacher Professional Development // *2018 IEEE International Conference on Teaching, Assessment, and Learning for Engineering (TALE)*. IEEE, 2018. P. 720–724. Wollongong, NSW, Australia, 2018.
11. Зайцев В.Г., Желтова А.А., Тибирькова Е.В. Разработка образовательных ресурсов с использованием web-сервиса Trello // *Высшее образование в России*. 2016. № 12. С. 94–98.
12. Белякова Е.Г. Проблема моделирования процесса формирования профессиональной идентичности студентов – будущих педагогов с позиций ценностно-смыслового подхода // *Педагогическое образование в России*. 2018. № 5. С. 68–73.
13. Белякова Е.Г. Сопровождение профессионального самоопределения студентов – будущих педагогов: ценностно-смысловой подход // *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2018. Т. 58, № 4. С. 64–72.
14. Anspal T., Eisenschmidt E., Löfström E. Finding myself as a teacher: Exploring the shaping of teacher identities through student teachers' narratives // *Teachers and Teaching*. 2012. Vol. 18, № 2. P. 197–216. DOI: 10.1080/13540602.2012.632268

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 16 января 2020 г.

Agile Methodology Capabilities in Supporting Student Teachers' Professional Self-Determination Using the Trello Platform
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 190–197.
DOI: 10.17223/15617793/454/22

Irina G. Zakharova, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: i.g.zakharova@utmn.ru

Evgenia G. Belyakova, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: e.g.belyakova@utmn.ru

Keywords: Agile; Scrum; Kanban; Trello; higher education; individualization; professional self-determination; teacher training.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-013-00106.

The development of higher education in the direction of individualization determines the relevance of the search for technological and affordable tools to support the operational pedagogical interaction and support of students in the educational process. The aim of the study is to identify the educational opportunities of the Agile concept using the combined Scrum + Kanban methodology adapted to accompany students' individual projects made under the supervision of a teacher-coach during their teaching internships, as well as the Trello platform to support and visualize the work on the projects. An algorithm for working with the Trello platform in supporting students' professional self-determination during the internship period was developed and tested. The functions of teacher-coaches and the productive ways of their interaction with students are revealed. The productivity of the organization of supporting students' professional self-determination using Trello is determined by the fact that the teacher implements several professional role

models: “teacher-professional”, “consultant on personal and professional development”, and “project management specialist”. The educational opportunities of Trello as a tool for organizing and self-organizing student activities have been identified. They are: the development of students’ self-design competency, time management skills, attitude to meaningful self-development, goal-setting and analysis of the effectiveness of achieving goals; the formation of a temporal perspective in professional development, the actualization of activities in professional goal-setting and in goal-reaching analysis; the visualization of activities; the accumulation of experience; the enhancement of motivation and involvement; the personal importance of designing self-development, acquired experience and reflective thinking. The Trello platform provides capabilities for a flexible interaction and productive cooperation between the student and the teacher-coach, student activity management, achievement tracking and difficulty identification, operational assistance and support in professional development. The main results of using the Trello platform in supporting professional self-determination are the formation of students’ self-organization and design skills, the activation of a reflective attitude to their experience and personal-professional growth. The importance of students’ mastering these skills for the formation of a professional identity is shown. In order to improve the practices of pedagogical interaction, teachers must be trained taking into account the requirements for their functions, competencies and professional role models of behavior in the context of the Agile project management methodology.

REFERENCES

1. Hass, K.B. (2007) The Blending of Traditional and Agile Project Management. *PM World Today*. 9 (5). pp. 1–8.
2. Larson, D. & Chang, V. (2016) A Review and Future Direction of Agile, Business Intelligence, Analytics and Data Science. *International Journal of Information Management*. 36 (5). pp. 700–710.
3. Salza, P., Musmarra, P. & Ferrucci, F. (2019) Agile Methodologies in Education: A Review. In: Parsons, D. & MacCallum, K. (eds) *Agile and Lean Concepts for Teaching and Learning*. Singapore: Springer. pp. 25–45.
4. Pope-Ruark, R. (2012) We Scrum Every Day: Using Scrum Project Management Framework for Group Projects. *College Teaching*. 60 (4). pp. 164–169.
5. Mahalakshmi, M. & Sundararajan, M. (2015) Tracking the student’s performance in Web-based education using Scrum methodology. *2015 International Conference on Computing and Communications Technologies (ICCCCT)*. 26–27 Feb. 2015. Chennai, India: IEEE. pp. 379–382.
6. Ramos, D.B. et al. (2016) *On the Use of Scrum for the Management of Research-Oriented Projects*. [Online] Available from: <http://www.tise.cl/volumen12/TISE2016/589-594.pdf>. (Accessed: 28.06.2019).
7. Krehbiel, T.C. et al. (2017) Agile Manifesto for Teaching and Learning. *Journal of Effective Teaching*. 17 (2). pp. 90–111.
8. Flores, pp. et al. (2019) Software Engineering Methodologies for the Evaluation and Monitoring of Projects of Higher Education Students. *International Conference on Computational Science and Its Applications. ICCSA 2019*. Saint Petersburg, Russia. July 1–4, 2019. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 11623. Springer, Cham. pp. 306–315.
9. Shamshurin, I. & Saltz, J.S. (2019) Using a Coach to Improve Team Performance When the Team Uses a Kanban Process Methodology. *Governability and Project Performance: The Role of Sovereignty*. 7 (2). pp. 61–77.
10. Parsons, D., Thorn, R., Inkila, M. & MacCallum, K. (2018) Using Trello to Support Agile and Lean Learning with Scrum and Kanban in Teacher Professional Development. *2018 IEEE International Conference on Teaching, Assessment, and Learning for Engineering (TALE)*. IEEE, 2018. Wollongong, NSW, Australia. pp. 720–724.
11. Zaytsev, V.G., Zheltova, A.A. & Tibir’kova, E.V. (2016) Development of Educational Resources by Use of Web-Based Application Trello. *Vysshhee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 12. pp. 94–98. (In Russian).
12. Belyakova, E.G. (2018) The Problem of Modeling the Process of Formation of Professional Identity of Students-Future Teachers From the Perspective of the Value-Meaning Approach. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 5. pp. 68–73. (In Russian).
13. Belyakova, E.G. (2018) Support of the Professional Self-Determination of Student Teachers: A Value-Meaning Approach. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii – Innovative Projects and Programs in Education*. 58 (4). pp. 64–72. (In Russian).
14. Anspal, T., Eisenschmidt, E. & Löfström, E. (2012) Finding myself as a teacher: Exploring the shaping of teacher identities through student teachers’ narratives. *Teachers and Teaching*. 18 (2). pp. 197–216. DOI: 10.1080/13540602.2012.632268

Received: 16 January 2020

М.П. Мухина, С.А. Художитков

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНИКИ СКОЛЬЖЕНИЯ НА КОНЬКАХ ЮНЫХ ХОККЕИСТОВ

Представлено содержание методики совершенствования техники скольжения на коньках юных хоккеистов 7–9 лет, занимающихся в группе начальной подготовки. Указаны базовые элементы скольжения, определяющие качество скольжения на коньках, и распределённые в группы с учётом их биомеханических характеристик. Показаны последовательность, сочетание и чередование освоения базовых и профилирующих упражнений в структуре тренировочного занятия, недели и месяца. Обозначены основные условия формирования новой ориентировочной основы действий.

Ключевые слова: хоккей с шайбой; техника скольжения; неправильный двигательный навык; начальная подготовка.

Актуальность. Формирование двигательных умений опирается на закономерности, позволяющие оценить как качество овладения двигательным действием, так и возможность варьирования условиями обучения [1. С. 96]. Это обеспечивает оптимальное построение системы тренировочных занятий, подбор подводящих и подготовительных упражнений, определение их места в структуре занятия, последовательность, сочетание и чередование в структуре цикла занятий разной направленности, исключая отрицательный перенос двигательного навыка и, как следствие, автоматизацию неправильного двигательного навыка.

Одной из наиболее распространённых ошибок в подготовке юных хоккеистов является форсирование освоения элементов, отражающих специфику данного вида спорта в условиях несформированности качественного двигательного навыка скольжения. П. Твист (2009) отмечает, что «спортсмен, идеально владеющий техникой скольжения, катается эффективнее, тратит меньше энергии и, соответственно, меньше устает» [2]. Автор категоричен и утверждает, что «... если вы не умеете кататься – вы не сможете играть в хоккей».

Для **проблемной ситуации**, сложившейся на современном этапе в подготовке юных хоккеистов, характерно наличие следующих противоречий:

– между снижением возрастного ценза при наборе детей для занятий хоккеем с шайбой и необходимостью освоения содержания спортивно-оздоровительного этапа подготовки, ориентированного на более старший возраст. При этом используемые практиками методы спортивной тренировки, как правило, слабо или вовсе не адаптированы к детям среднего и старшего дошкольного возраста;

– между необходимостью освоения сложных технических действий этапа начальной подготовки, определяющих эффективность в командном игровом виде спорта, и низким качеством освоения базового элемента – скольжения на коньках. Последствия неправильно сформированного двигательного навыка скольжения проявят себя в последующие годы тренировок, особенно в подростковом возрасте в период очередного физиологического скачка в развитии функций и систем организма.

Цель исследования – разработка методики совершенствования базовых элементов скольжения на коньках мальчиков 7–9 лет, занимающихся хоккеем с шайбой.

Методы исследования: теоретический анализ и обобщение научной и методической литературы; моделирование.

Организация исследования. Педагогический эксперимент проводился в течение двух месяцев (октябрь–ноябрь) 2018 г. на базе СШОР «Самотлор» г. Нижневартовска. Методика реализовывалась при двух- и трёхразовых занятиях в неделю согласно плану тренера-преподавателя по хоккею с шайбой. В исследовании приняли участие 24 юных хоккеиста 7–9 лет, занимающихся в группе начальной подготовки в течение 2–2,5 лет. Группа занималась по рабочей программе спортивной подготовки «Хоккей» 2016 г., разработанной на основе примерной программы спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ и специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва по виду спорта хоккей с шайбой.

Результаты исследования. Содержание разработанной методики составляют специально подобранные упражнения фигурного катания на коньках, распределённые в пять блоков с направленностью на освоение базовых элементов скольжения: скольжение переступанием; двухопорное скольжение; одноопорное скольжение; торможения; прыжки.

Последовательность, сочетание и чередование упражнений в структуре тренировочного занятия и месяца определены на основе:

– установления новой ориентировочной базы действий с новыми опорными точками и, соответственно, нового двигательного действия, не затрагивая ориентировочной основы действий неправильно сформированного навыка скольжения;

– концентрированного подхода в обучении, предполагающего учёт направленности каждого тренировочного занятия, а также освоения части содержания в условиях спортивного зала, что сокращает время освоения базовых элементов, а также исключает отрицательный перенос двигательного навыка.

В соответствии с теорией обучения М.М. Богена (1985) формирование нового варианта двигательного действия связано с обязательным обходом ориентировочной основы ошибочного действия, содержащего ложные основные опорные точки, поскольку они находятся в неосознаваемой части ориентировочной основы действий [3. С. 102]. Новая и старая ошибочная ориентировочные основы действий существуют параллельно и неизменно. Как только внимание пере-

ключается на достижение цели или на контроль обстановки, действие начинает регулироваться автоматически, и ошибка проявляется. Поскольку надёжная перестройка двигательного навыка возможна только в том случае, когда объектом воздействия является ориентировочная, а не исполнительная часть действия, в каждую группу (блок) специально-подобранных упражнений введены помимо базовых профилирующие упражнения. Основная идея заключается не в развёртывании ошибочной ориентировочной основы действий и коррекции ложных основных опорных точек, а в установлении новой ориентировочной основы действий с новыми опорными точками.

Основное содержание занятий в спортивном зале (10 мин) составляют подводящие, имитационные и подготовительные упражнения, направленные на формирование двигательного действия, которое осваивается в основной части тренировочного занятия. Общая продолжительность выполнения специально подобранных упражнений на льду составляет 20 мин, из них в подготовительной части – 5 мин, в основной – 10–15 мин и в заключительной части – 5 мин.

1. Скольжение переступанием (Б-1).

1.1. Основной шаг лицом вперёд (Б-1.1). Выполняется по всей ледовой площадке способом попеременного отталкивания правой и левой ногой с последующим переносом центра тяжести на опорную ногу (5×120 м).

1.2. Смена фронта направления (Б-1.2). Выполняется вправо и влево, по кругам разного диаметра, скольжением вперёд на внутреннем ребре опорной ноги, со сменой фронта скольжения на ход спиной вперёд на внутреннее ребро другой ноги (2×2 круга радиусом 450 см; 2×5 кругов радиусом 250 см, 150 см).

Усложнение:

1.2.1. Смена фронта направления по восьмёрке (Б-1.2.1). Выполняется вправо и влево, по кругам разного радиуса (2×2 восьмёрки по кругам радиусом 450 см; 2×5 восьмёрок по кругам радиусом 250, 150 см).

1.3. Обманный шаг (Б-1.3). Выполняется вправо и влево со сменой фронта направления способом моухок и беговым шагом по всей ледовой площадке (3×120 м).

1.4. Беговой шаг (Б-1.4). Выполняется отталкиванием внешней ногой в сторону и переносом её скрестно опорной, последующим отталкиванием внутренней ногой (5×8, радиус круга 450 см; 5×10, радиус круга 150 см).

Усложнения:

1.4.1. Беговой шаг на счет 1-2-3 (Б-1.4.1). Выполняется вправо и влево, лицом и спиной вперёд, по кругам разного радиуса, с удержанием позиции скольжения на правой и левой ноге на счет 1-2-3 (5×8, радиус круга 450 см; 5×10, радиус круга 150 см).

1.4.2. Беговой шаг с касанием рукой (Б-1.4.2). Выполняется вправо и влево, лицом и спиной вперёд по кругам разного радиуса с касанием рукой льда, ближайшей к центру круга, в позиции скольжения на правой / левой ноге (5×8, радиус круга 450 см; 5×10, радиус круга 250 см).

1.4.3. Беговой шаг со сменой фронта (Б-1.4.3). Выполняется вправо и влево по кругам разного радиуса с чередованием смены фронта скольжения спосо-

бом моухок (5×8, радиус круга 450 см; 5×8, радиус круга 250 см; 5×10, радиус круга 150 см).

1.5. Кросс-ролл лицом, спиной вперёд (Б-1.5). Выполняется лицом и спиной вперёд по всей ледовой площадке скольжением вперёд, на наружном ребре опорной ноги с последующим скрещиванием свободной ноги спереди опорной, на наружное ребро и сменной направления (3×120 м).

1.6. Джаксон (Б-1.6). Включает моухок с вращением туловища в противоход, последующим скрещиванием свободной ноги спереди опорной, выходом на свободную ногу. Выполняется вправо и влево, спиной вперёд по прямой, по кругам разного радиуса, на месте (по прямой 2×120 м; по кругам: 2×2, радиус круга 450 см; 2×4, радиус круга 250 см; на месте – 2×8).

2. Двухопорное скольжение (Б-2).

2.1. Основной шаг спиной вперёд (Б-2.1). Выполняется по всей ледовой площадке способом попеременного отталкивания правой и левой ногой и последующим переносом центра тяжести на опорную ногу (5×120 м).

2.2. Сфера (Б-2.2). Выполняется разворотом на месте, в движении, вправо, влево на 360 градусов, скольжением обеих ног одновременно, в широкой стойке (5×10 повторений).

Усложнения:

2.2.1. Сфера вращением (Б-2.2.1). Вращение на двух ногах на месте, вправо, влево, в широкой стойке на максимально возможное число оборотов (5×5).

2.2.2. Сфера одноопорная (Б-2.2.2). Выполняется с правой/левой ноги разворотом на месте, в движении, вправо, влево на 360 градусов, скольжением на внутреннем ребре опорной ноги (5×10 на месте; 5×10 в движении).

2.3. Циркуль силовой (Б-2.3). Выполняется на месте, лицом, спиной вперёд, вправо, влево, с правой / левой ноги, расталкиванием внешней ногой и скольжением свободной по кругу разного радиуса (3×5, радиус круга 60 см; 3×5, радиус круга 30 см).

Усложнения:

2.3.1. Циркуль силовой со сменой фронта (Б-2.3.1). Выполняется на месте, чередованием смены фронта с хода лицом на ход спиной вперёд, вправо, влево, с правой / левой ноги, расталкиванием внешней ногой и постановкой свободной на круг (3×5, радиус круга 60 см; 3×5, радиус круга 30 см).

2.4. Кораблик (Б-2.4). Выполняется по прямой, дугам, кругам разного радиуса правым, левым боком, скольжением на внутренних, наружных рёбрах, на двух ногах, находящихся на одной линии (пятка к пятке) (8–10 повторений: радиус круга 450 см, 250 см, 150 см, 50 см).

Усложнения:

2.4.1. Кораблик разноуровневый, силовой (Б-2.4.1). Выполняется по различным траекториям, включает в себя поочерёдную смену спиралей «Бауэр», с разноуровневым положением ног и поочерёдным отталкиванием правой/левой ногой (3×5, радиус круга 150 см; 3×5, радиус круга 250 см; 2×2, радиус круга 450 см).

Б-2.5. Змейка (Б-2.5). Выполняется лицом, спиной вперёд по всей ледовой площадке, разной траектории,

скольжением на двух максимально близко расположенных друг к другу параллельных ногах (2×120 м).

Усложнения:

2.5.1. *Змейка способом пятка–носок (Б-2.5.1)*. Выполняется лицом, спиной вперёд по всей ледовой площадке по заданной траектории, скольжением на двух ногах, находящихся на одной линии, способом «пятка–носок» (2×120 м).

3. Одноопорное скольжение (Б-3)

3.1. *Пистолетик (Б-3.1)*. Выполняется по прямой, дугам, кругам разного радиуса, на любом ребре, на двух рёбрах, скольжением на правой / левой ноге, в максимально низком приседе с прямой свободной ногой, вытянутой вперёд (2×120 м).

Усложнения:

3.1.1. *Пистолетик со сменой опорной ноги (Б-3.1.1)*. Выполняется по прямой, дугам разной длины и радиуса, на любом ребре, на двух рёбрах, скольжением на правой / левой ноге, в максимально низком приседе, с прямой свободной ногой, вытянутой вперёд (2×120 м).

3.2. *Дуги (Б-3.2)*. Выполняются по кругам разного радиуса вперёд, назад, скольжением на одной ноге на любом ребре (2×120 м, 2×2 круга, радиус круга 450 см; 3×5 кругов, радиус круга 250 см; 3×5 кругов, радиус круга 150 см).

3.3. *Тройки (Б-3.3)*. Выполняются лицом вперёд, вправо, влево, с правой / левой ноги, на внутреннем, наружном ребре, по кругам радиусом 450 см, 250 см, 150 см, дугам, восьмёркам, скольжением и поворотом на одной ноге, на 180 градусов без смены ноги и сменой фронта направления с правой / левой ноги с чередованием внешнего и внутреннего ребра (2×10, радиус круга 150 см; 2×5, радиус круга 250 см; 2×5, радиус круга 450 см).

3.4. *Перетяжки (Б-3.4)*. Выполняются по прямой, по всей ледовой площадке скольжением на правой/левой ноге, сменой направления и ребра скольжения без смены опорной ноги (3×120 м).

Усложнения:

3.4.1. *Перетяжки с доталкиванием (Б-3.4.1)*. Выполняются по прямой, по всей ледовой площадке 60х30 м, скольжением на правой / левой ноге и сменой ребра скольжения без смены опорной ноги и доталкиванием свободной ногой (3×120 м).

3.5. *Маневр (Б-3.5)*. Выполняется по кругу разного радиуса скольжением и отталкиванием одной опорной правой / левой ногой (3×2 круга радиусом 450 см; 3×5 кругов радиусом 150 см).

Усложнения:

3.5.1. *Маневр по восьмёрке (Б-3.5.1)*. Выполняется по восьмёркам по кругу разного радиуса скольжением и отталкиванием одной опорной правой / левой ногой и сменой направления движения (2×2 круга радиусом 450 см; 2×5 кругов радиусом 250 см).

3.5.2. *Маневр со сменой фронта (Б-3.5.2)*. Выполняется по восьмёркам разного радиуса скольжением и отталкиванием одной опорной правой/левой ногой, с поочерёдной сменой фронта скольжения с хода лицом на ход спиной вперёд и сменой опорной ноги (2×2 круга радиусом 450 см; 2×5 кругов радиусом 250 см).

4. Торможения (Б-4).

4.1. *Г-образные торможения по дугам (Б-4.1)*. Выполняются скольжением на двух ногах, по дуге, кругу разной длины, кривизны и радиуса с разворотом одной ноги на угол 90 градусов на внешнее, внутреннее ребро (10 повторений с каждой ноги).

4.2. *Одноопорные торможения на внешнем ребре (Б-4.2)*. Выполняются скольжением на одной ноге, по прямой, дуге, кругу разной длины, кривизны и радиуса с разворотом опорной ноги на угол 90 градусов на внешнее ребро (10 повторений на каждой ноге).

4.3. *Торможения с последующим движением (Б-4.3)*. Выполняются скольжением на двух, одной ноге, по прямой, дуге, кругу разной длины, кривизны и радиуса с поворотом ноги на угол 45 градусов на внешнее/внутреннее ребро с частичным торможением и последующим поворотом ноги и скольжением по заданной траектории (10 повторений с каждой ноги).

5. Прыжки (Б-5).

5.1. *Двухопорные прыжки (Б-5.1)*. Выполняются:
– на месте выпрыгиванием вверх с двух ног и приземлением на две ноги;

– в движении с хода лицом, с хода спиной вперёд (скольжением на двух ногах по дуге разной кривизны, кругу радиусом 450 см), по прямой различной длины выпрыгиванием вверх, с двух ног и приземлением на две ноги (2×5 прыжков на месте и в движении; 2×1 кругу радиусом 450 см).

Усложнения:

5.1.1. *Прыжки со смещением (Б-5.1.1)*. Выполняются:
– на месте выпрыгиванием в сторону с двух ног и приземлением на две ноги;

– в движении с хода лицом, с хода спиной вперёд (скольжением на двух, по прямой разной длины, дуге различной кривизны, кругу радиусом 450 см), выпрыгиванием в сторону, с двух ног и приземлением на две ноги (2×5 прыжков на месте и в движении; 2×1 кругу радиусом 450 см).

5.1.2. *Со сменой фронта (Б-5.1.2)*. Выполняются:
– на месте выпрыгиванием вверх с двух ног, поворотом туловища вправо, влево, на 180 градусов в безопорном положении и приземлением на две ноги;

– в движении с хода лицом, с хода спиной вперёд (скольжением на двух, по прямой разной длины, дуге, кругу разного радиуса), выпрыгиванием вверх, поворотом туловища вправо, влево, на 180 градусов в безопорном положении и приземлением на две ноги (2×5 прыжков на месте и в движении; 2×1 кругу радиусом 450 см; 2×2 круга радиусом 250 см).

5.2. *Прыжки из «фонарика» (Б-5.2)*. Выполняются в движении с хода лицом вперёд, с хода спиной вперёд (скольжением на двух, по прямой), выпрыгиванием вверх из позиции фонарика с двух ног и приземлением на две ноги (2×5 прыжков в движении).

Усложнения:

5.2.1. *Прыжки из «фонарика» со сменой фронта (Б-5.2.1)*. Выполняются в движении с хода лицом, с хода спиной вперёд, (скольжением на двух, по прямой), выпрыгиванием вверх из позиции фонарика, поворотом туловища вправо, влево, на 180 градусов в безопорном положении и приземлением на две ноги (2×5 прыжков в движении).

5.3. *Одноопорные прыжки (Б-5.3)*. Выполняются:

– на месте выпрыгиванием вверх с одной ноги и приземлением на одну ногу;

– в движении: с хода лицом, с хода спиной вперёд (скольжением на одной ноге, по прямой разной длины), выпрыгиванием вверх с одной ноги и приземлением на одну ногу.

Усложнения:

5.3.1. *Прыжки со смещением (Б-5.3.1)*. Выполняются:

– на месте выпрыгиванием в сторону с одной ноги и приземлением на одну ногу;

– в движении с хода лицом, с хода спиной вперёд, (скольжением на одной ноге, по прямой различной длины), выпрыгиванием в сторону с одной ноги и приземлением на одну ногу (2*5 прыжков на месте и в движении).

5.3.2. *Со сменой фронта (Б-5.3.2)*. Выполняются:

– на месте выпрыгиванием вверх с одной ноги, поворотом туловища вправо, влево, на 180 градусов в безопорном положении и приземлением на одну ногу;

– в движении с хода лицом, с хода спиной вперёд, (скольжением на одной ноге, по прямой разной длины), выпрыгиванием вверх, поворотом туловища вправо, влево, на 180 градусов в безопорном положении и приземлением на одну ногу (2*5 прыжков на месте и в движении).

Сочетание упражнений в структуре занятия предполагает учёт их соответствия общей направленности и совместимости выполнения, когда одно движение по своей направленности является продолжением другого движения либо является упражнением (таблица).

К обязательным условиям реализации разработанной методики относятся:

– соблюдение последовательности освоения упражнений;

– выполнение двигательного действия без речевого сопровождения, переключив внимание на другие объекты, поставив дополнительное задание:

– речевое сопровождение двигательного действия в директивной форме в случае появления ошибки с использованием глаголов неопределённой формы для осознанного блокирования старого варианта.

Последовательность, сочетание и чередование специально подобранных упражнений в структуре месяца, недели и занятия

Часть занятия	Неделя														
	№ занятия														
	1-я				2-я			3-я				4-я			
	1	2	3	4	1	2	3	1	2	3	4	1	2	3	
Подготовительная	Б-1.1 Б-1.2	Б-2.1 Б-1.2	Б-1.1 Б-1.2	Б-2.1 Б-1.2	Б-1.2.1 Б-2.4.1 Б-4.1	Б-2.1 Б-2.5. Б-2.5.1	Б-1.2.1 Б-2.4.1 Б-4.1	Б-2.1 Б-1.3 Б-2.5	Б-1.2 Б-1.3	Б-1.2.1 Б-2.4.1	Б-2.1 Б-1.3 Б-4.2	Б-1.2 Б-1.3 Б-1.6	Б-2.5.1 Б-2.4 Б-1.6	Б-2.1 Б-3.4 Б-3.4.1	
Основная	Б-3.2 Б-4.1	Б-3.2 Б-1.2.1	Б-2.4.1 Б-5.1 Б-5.1.2	Б-2.4.1 Б-5.1.2	Б-2.5 Б-5.1.1	1.1-К 2.1-К	Б-1.3 Б-5.1.2 Б-5.1.1	Б-5.1.1 Б-4.2		Б-3.4 Б-1.6 Б-5.1.1	Б-3.4.1 Б-3.4 Б-5.1.2	5.1.2-К	Б-5.3 Б-5.3.1	4.2-К	
Заключительная	Б-2.4	Б-4.1 Б-2.4	Б-3.2 Б-1.2.1	Б-3.2 Б-4.1	Б-1.1 Б-2.1	Б-2.4 Б-2.4.1	Б-2.5 Б-2.5.1	Б-1.2.1 Б-2.4.1	Б-2.5.1 Б-2.4 Б-4.2	Б-1.3 Б-4.2	Б-2.5.1 Б-2.4 Б-1.6	Б-3.4.1 Б-3.4 Б-4.3	Б-3.4.1 Б-3.4 Б-4.2	Б-4.3 Б-1.6 Б-1.6.1	

Оценка качества освоения базовых элементов проводилась по разработанной нами четырехбалльной шкале с учётом рекомендаций А.И. Кравчука [4]:

– 3 балла – элемент соответствует модельным характеристикам и выполнен в заданной схеме движения;

– 2 балла – допущена ошибка, существенно не изменяющая характер движения; неточное выполнение отдельных деталей техники, ведущее к снижению эффективности передвижений на льду;

– 1 балл – имеются грубые ошибки, искажающие основу техники двигательного действия; отступления от заданной модели; одно падение.

– 0 баллов – полное несоответствие элементу, три падения.

Оценка осуществлялась по тринадцати элементам скольжения, на наш взгляд, имеющим определяющее значение в игровой деятельности юных хоккеистов: основной шаг лицом / спиной вперёд; смена фронта по восьмёрке; серия прыжков на двух ногах со сменой фронта; одноопорное внешнее торможение правой / левой; перетяжка на правой / левой вперёд; тройка вперёд на внешнем ребре правой / левой; серия прыж-

ков со сменой фронта; беговой шаг со сменой фронта по восьмёрке.

Анализ специальной двигательной подготовленности, проведённый на начало эксперимента, выявил у более половины юных хоккеистов низкий уровень в восьми элементах скольжения на льду из тринадцати, за исключением торможения одноопорного на внешнем ребре правой ноги, перетяжки на правой ноге лицом вперёд, тройки вперёд на внешнем ребре правой и левой ноги, бегового шага со сменой фронта по восьмёрке. В качестве объяснения создавшейся ситуации выступает предположение о стремлении тренера-преподавателя подготовить занимающихся к переводным контрольным испытаниям, где важными тестами являются: бег на коньках 20 м (с), челночный бег на коньках 6×9 м (с), бег на коньках спиной вперёд 20 м (с), слаломный бег на коньках (с) [5, 6].

По истечении двух месяцев занятий более 70% мальчиков 7–9 лет, занимающихся хоккеем с шайбой, качественно освоили на уровне 2-3 баллов разновидности элементов скольжения на достоверно значимом уровне ($p_0 < 0,05-0,01$). Изучение корреляционных связей ($r > 0,7$) между показателями специальной дви-

гательной подготовленности выявило наличие 21 высокой связи из 28 возможных, что составляет 75%. Это свидетельствует о наличии согласования между осваиваемыми элементами скольжения на льду и требует совершенствования профилирующих упражнений в сочетании как с базовыми упражнениями, так и между собой.

Вывод. Реализация в течение двух месяцев занятий с юными хоккеистами методики совершенствования техники скольжения на коньках, основанной на формировании новой ориентировочной основы действий с новыми опорными точками, позволяет более 70% занимающихся качественно осваивать двигательный навык скольжения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория и методики физического воспитания : учебник / Б.А. Ашмарин, Ю.А. Виноградов, З.Н. Вяткина и др. ; под ред. Б.А. Ашмарина. М. : Просвещение, 1990. 287 с. : ил.
2. Твист П. Хоккей : теория и практика : пер. с англ. / с предисл. Павла Буре. М. : Астрель : АСТ, 2009. 288 с.
3. Боген М.М. Обучение двигательным действиям. М. : Физкультура и спорт, 1985. 192 с.
4. Кравчук А.И. Физическое воспитание детей раннего и дошкольного возраста (научно-методические и организационные основы гармоничного дошкольного комплексного физического воспитания) : в 2 ч. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1998. Ч. 1. 102 с.
5. Об утверждении Федеральных стандартов спортивной подготовки по видам спорта : Приказ Министерства спорта Российской Федерации № 412-ФЗ от 19.01.2018 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147404/cfd289891c554b9f1393d72026769d4d5f574ffc/ (дата обращения: 21.05.2019 г).
6. Хоккей : программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва. М. : Советский спорт, 2009. 101 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 ноября 2019 г.

Improving the Skate Sliding Technique in Young Hockey Players

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 198–202.

DOI: 10.17223/15617793/454/23

Margarita P. Mukhina, Siberian State University of Physical Education and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: margarit-mukhin@yandex.ru

Sergey A. Khudozhitkov, Siberian State University of Physical Education and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: mr-chegman@yandex.ru

Keywords: ice hockey; sliding technique; wrong motor skills; initial training.

The article is devoted to the consideration of regularities in the formation of motor skills that help assess both the quality of mastery of motor action in young hockey players and the possibility of variation of training conditions. The current problem in training young hockey players is the contradiction between the need to master complex technical actions of the initial training stage, which determine efficiency in the team sport, and the low quality of mastering the basic element—skating. The aim of the study is to develop a methodology for improving the basic elements of skate sliding in 7- to 9-year-old boys playing ice hockey. The methods of the study are: theoretical analysis and generalization of scientific and methodological literature, modeling. The pedagogical experiment was conducted for two months (October and November) in 2018 on the basis of the Samotlor Sports School of Olympic Reserve in Nizhnevartovsk. The methodology was implemented at training sessions (twice or thrice a week) according to the plan of the ice hockey coaching teacher. 24 young hockey players aged 7 to 9 attending the group of initial training for 2 to 2.5 years took part in the study. The group trained by the working program of sports training “Hockey” (2016), which was developed on the basis of the program of sports training for children’s and youth sports schools and specialized children’s and youth schools of the Olympic reserve in ice hockey. This methodology ensures the optimal construction of the system of training sessions, the selection of warm-up and preparatory exercises, the determination of their place in the structure of the training session, sequence, combination and alternation in the structure of the cycle of different sessions, excluding the interference of the previous motor skill technique and, as a result, the automation of the incorrect motor skill. One of the most common mistakes in training young hockey players is forcing the mastering of elements that reflect the specificity of this sport when a high-quality skate sliding skill has not been formed. The consequences of the malformed motor sliding skill will show in the following years of training, especially in adolescence during another physiological leap in the development of functions and systems. Thus, the implementation of the methodology of skate sliding, based on the formation of a new target basis of actions with new support points, at training sessions with young hockey players for two months helps more than 70% of the participants to qualitatively master the motor skill of skate sliding.

REFERENCES

1. Ashmarin, B.A. (ed.) (1990) *Teoriya i metodiki fizicheskogo vospitaniya* [Theory and Methods of Physical Education]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Twist, P. (2009) *Khokkey: teoriya i praktika* [The Physiology of Ice Hockey]. Translated from English. Moscow: Astrel’: AST.
3. Bogen, M.M. (1985) *Obuchenie dvigatel'nykh deystviyam* [Training in Motor Actions]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
4. Kravchuk, A.I. (1998) *Fizicheskoe vospitanie detey rannego i doshkol'nogo vozrasta (nauchno-metodicheskie i organizatsionnye osnovy garmonichnogo doshkol'nogo kompleksnogo fizicheskogo vospitaniya): v 2 ch.* [Physical Education of Children of Early and Preschool Age (Scientific, Methodological and Organizational Foundations of Harmonious Preschool Comprehensive Physical Education): In 2 Parts]. Pt. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
5. Consultant Plus. (2018) *On the Approval of the Federal Standards for Sports Training in Sports: Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation No. 412-FZ of 19 January 2018.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147404/cfd289891c554b9f1393d72026769d4d5f574ffc/. (Accessed: 21.05.2019). (In Russian).
6. Savin, V.P., Udilov, G.G. & Korolev, Yu.V. (2009) *Khokkey: programma sportivnoy podgotovki dlya detsko-yunosheskikh sportivnykh shkol, spetsializirovannykh detsko-yunosheskikh shkol olimpiyskogo rezerva* [Hockey: A Sports Training Program for Children and Youth Sports Schools, Specialized Children and Youth Schools of the Olympic Reserve]. Moscow: Sovetskiy sport.

Received: 11 November 2019

Н.И. Попов, Е.Н. Шустова

КЛЮЧЕВЫЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ФУНКЦИЙ

Описан диагностико-технологический подход для выделения ключевых заданий систем математических задач и упражнений. Выявление ключевых примеров основано на определении тесноты связей между заданиями контрольной работы. Анализ результатов проведенного педагогического эксперимента подтвердил эффективность использования описываемого метода для повышения уровня математических знаний учащихся физико-математического лицея по теме «Применение производной для исследования функций».

Ключевые слова: педагогический эксперимент; изучение элементарных функций; применение производных функций; обучение школьников математике; ключевые задания.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования устанавливает три вида требований к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы – личностные, метапредметные и предметные. Метапредметные цели предполагают формирование умений учащихся использовать и преобразовывать схемы и модели для решения различных познавательных и учебных задач [1]. Функциональная содержательная линия школьного курса математики лежит в основе формирования значимых умений и навыков: моделирование реальных процессов и явлений, их исследование и анализ. Следовательно, изучение функций, их свойств и различных приложений для решения прикладных задач являются важной составляющей не только математического образования школьников в целом, но и личностного развития обучаемых.

Научные труды многих авторов, например [2–7], посвящены различным аспектам изучения функциональных зависимостей в математике. Большинство исследователей сходятся во мнении, что их усвоение вызывает трудности у обучаемых. Для разрешения возникающих проблем преподавателями активно внедряются современные методы развивающего обучения и информационно-коммуникационные технологии [8, 9]. Одним из эффективных средств повышения уровня математических знаний школьников и студентов является диагностико-технологический подход для выделения ключевых заданий систем математических задач (см., например, [10, 11]). Указанный метод позволяет повысить качество знаний учащихся и при этом существенно сэкономить затрачиваемое учебное время.

В 7–9-х классах общеобразовательной школы в рамках учебного процесса изучаются общее понятие функции, способы её задания, графики функций, вводятся соответствующая символика, определяются свойства функций – как общесвойственные, так и свойства конкретно заданной функции. При этом в образовательном процессе применяются наглядно-геометрические (с использованием графиков) и аналитические (с применением формул) методы. В старшей школе к обычным средствам исследования функций добавляется аппарат математического анализа [3, 7]. Несмотря на трудности, возникающие при введе-

нии предела и производной функции в школе, использование указанных понятий значительно упрощает изучение свойств различных функций.

В настоящее время в России проблеме математического образования уделяется повышенное внимание. Тем не менее многие школьные учителя и преподаватели вузов отмечают низкий уровень знаний школьников и студентов [12]. В процессе экспериментальной работы с будущими учителями математики в ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» (СГУ), мы пришли к выводу, что знания студентов по теме «Элементарные функции» зачастую носят формальный характер и не систематизированы. Аналогичные проблемы были выявлены у учащихся 10-го класса естественно-научного профиля ГОУ «Физико-математический лицей-интернат» Республики Коми (ФМЛИ) [13].

Для повышения математических знаний студентов и уровня предметной подготовки будущих учителей в СГУ использовалась авторская методическая система обучения по дисциплине «Элементарные функции в школьном курсе математики», предполагающая использование комплексного дидактического подхода. Для этого были разработаны учебно-методическое пособие, электронный курс по предмету, система компьютерных тестов и кейсов для организации занятий [4, 13]. Некоторые составляющие учебно-методического комплекса, предложенного одним из авторов статьи, были успешно внедрены в образовательный процесс ФМЛИ г. Сыктывкар.

Использование элементов математического анализа для исследования свойств функций в образовательном процессе 10-х класса ФМЛИ предусмотрено во втором учебном полугодии. В классах естественно-научного профиля школьники обучаются по программе математики базового уровня с дополнительными занятиями в рамках практикума по решению задач. В 2017/18 учебном году с учащимися 10 «В» класса ФМЛИ после изучения темы «Применение производной для исследования функций» была проведена контрольная работа, один из вариантов которой приведён ниже (рис. 1). После анализа результатов оказалось, что средний балл учащихся составил 3,10 по пятибалльной шкале оценок. В дальнейшем

авторы проводили специальные исследования. Для выделения ключевых заданий контрольной работы была определена теснота связей между задачами с помощью *t*-критерия Стьюдента [10, 14]. В табл. 1 приведена матрица эмпирических значений *t*-критерия, вычисленных с использованием MS Excel. Поскольку указанная матрица является симметричной относительно главной диагонали, то табл. 1 заполнена ее

элементами лишь наполовину. При этом полученные значения, большие чем 1,96, обеспечивающие при исследовании достоверность результата на уровне 95%, выделены серой «заливкой» и выражают тесные связи между задачами. Следует отметить, что элементы матрицы (см. табл. 1) использованы для построения специальной круговой диаграммы сильных связей между заданиями проверочной работы (рис. 2).

Контрольная работа № 6
Вариант 1

Задания 1, 2: исследуйте функцию по предложенной схеме и постройте её график.
1) $y = 1,5x^4 + 8x^3 + 12x^2$; 2) $y = (3 - x^2)/(x + 2)$.

Схема исследования:

- найдите область определения функции и исследуйте её чётность / нечётность;
- найдите точки пересечения графика функции с координатными осями;
- найдите асимптоты графика функции (вертикальные, горизонтальные, наклонные);
- исследуйте функцию на монотонность и найдите точки экстремума;
- исследуйте функцию на выпуклость / вогнутость и найдите точки перегиба;
- вычислите дополнительные значения функции, постройте график и найдите область значений функции.

Задание 3: а) составьте математическую модель предложенной задачи;
б) решите задачу с использованием производной функции.

Задача. Необходимо изготовить **открытый** бак в форме прямоугольного параллелепипеда ёмкостью 486 м³. Каковы должны быть размеры бака, чтобы на его изготовление ушло наименьшее количество материала, если стороны его основания соотносятся как 1:3?

Рис. 1. Вариант контрольной работы по теме «Применение производной для исследования функций»

Таблица 1

Значения *t*-критерия Стьюдента

	1а	1б	1в	1г	1д	1е	2а	2б	2в	2г	2д	2е	3а	3б
1а		1,31	1,31	3,80	0,00	3,80	5,05	1,26	3,80	0,00	4,04	7,81	10,11	11,45
1б			1,67	3,14	0,63	2,18	3,11	0,62	3,14	0,32	3,11	4,15	5,05	5,30
1в				0,59	2,97	0,29	0,59	2,94	0,29	2,94	1,50	0,66	2,38	2,50
1г					1,22	1,38	4,58	0,61	1,47	0,61	1,48	4,18	4,13	4,12
1д						0,59	1,18	4,60	0,61	1,51	0,64	1,31	2,24	3,13
1е							1,53	2,76	0,24	3,71	0,24	2,35	0,63	1,48
2а								1,55	2,26	0,53	0,44	3,20	4,11	5,12
2б									3,30	4,68	2,04	1,15	2,11	3,04
2в										0,80	1,11	2,21	4,75	4,73
2г											0,53	2,26	2,27	3,19
2д												1,39	0,41	0,53
2е													0,62	0,63
3а														7,61
3б														

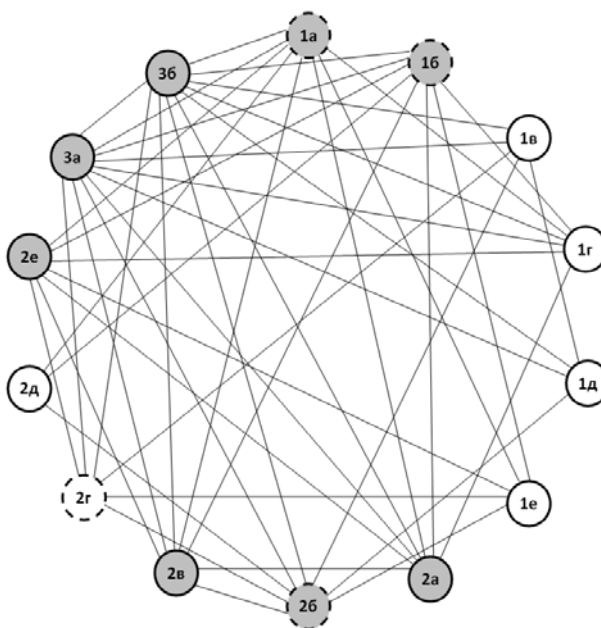

Рис. 2. Диаграмма сильных связей между заданиями контрольной работы

Построение и тщательный анализ диаграммы сильных связей – важные звенья педагогического эксперимента; пренебрежение такой работой в силу её трудоёмкости может приводить к ошибочным результатам [14]. На рис. 2 сильные связи между заданиями изображены сплошными линиями. Упражнения, имеющие наибольшее количество сильных связей (7 и более), выделены серыми кружочками. Кружочки с пунктирными границами соответствуют таким заданиям, при выполнении которых средний балл учащихся составил 4 и более (высокий уровень знаний). Ключевыми задачами приведенной контрольной работы являются упражнения, имеющие наибольшее число сильных связей и при этом невысокий средний балл при их выполнении [10, 11]. В нашем случае (см. рис. 2) это задачи 2а, 2в, 2е, 3а, 3б.

При анализе круговой диаграммы особое внимание следует обратить на примеры, имеющие наибольшее число связей с другими упражнениями и заданиями проверочной работы и низкий средний балл при выполнении учащимися. Такие задачи в определенном смысле являются «резервными»: если при проведении консультации или повторении учебного материала им уделить специальное внимание, то это, как показали многочисленные эксперименты (см., например [10, 11, 14]), позволит улучшить результаты выполнения не только выделенных заданий, но и тех задач, с которыми они имеют сильные связи. Как следствие, повысится качество выполнения учащимися всей контрольной работы в целом. Поэтому задачи 2а, 2в, 2е, 3а, 3б в указанном смысле можно назвать ключевыми (значимыми) в проверочной работе, именно они определяют потенциальные резервы и, при добросовестной подготовке, дальнейший успех в повышении результатов учащихся по теме «Применение производной для исследования функций».

В целях проверки значимости выявленных ключевых упражнений контрольной работы для школьников была проведена специальная консультация; предварительно авторы выделили элементарные составляющие заданий (см. табл. 2) и составили структурно-логическую схему контрольной работы, представленную на рис. 3. На данной схеме каждому заданию сопоставлены элементарные составляющие из табл. 2, стрелками соединены об-

щие компоненты упражнений, что позволяет выявить между ними внутриспредметные связи.

Известно, что процесс решения конкретной математической задачи состоит из некоторой последовательности операций. При этом порядок выполнения действий зависит от алгоритма, разбивающего математическое задание пошагово на элементарные составляющие. Указанное разбиение задач и упражнений на простейшие составляющие элементы при разработке контрольных и расчетных заданий, с одной стороны, позволяет учесть запланированные дидактические цели и обязательные требования рабочей программы, а с другой стороны, на промежуточных этапах образовательного процесса своевременно обнаруживать пробелы в знаниях обучаемых.

Структурно-логическая схема позволяет выявить внутриспредметные связи между заданиями контрольной работы. Исследователи подчеркивают значимую роль внутриспредметных связей [11, 12], в частности, оказывающих серьезное влияние на достижение развивающей и обучающей целей в учебном процессе и позволяющих сокращать временные затраты. В нашем случае нетрудно заметить (см. рис. 3), что в двух заданиях контрольной работы есть элементарная составляющая № 1 (область определения функции), а в четырех – № 2 (тождественные преобразования выражений). Следовательно, при анализе ошибок учащихся преподавателю необходимо не только подробно решить задачи, аналогичные ключевым примерам, но и уделить особое внимание проблемным моментам. Ключевые задачи способствуют выявлению конкретных пробелов в знаниях школьников. Наличие относительно небольшого количества ключевых заданий позволяет провести важную педагогическую работу с минимальными временными затратами.

Повторный срез знаний учащихся 10-го класса ФМЛИ, проведенный одним из авторов статьи после консультации, показал, что средний балл школьников вырос на 0,71 и составил 3,81 балла. На рис. 4 представлена диаграмма средних баллов учащихся по каждому из предложенных заданий первой и второй контрольных работ. Следует отметить улучшение результатов фактически по всем задачам, кроме того, существенно увеличилось количество выполненных заданий со средним баллом 4 и выше.

Т а б л и ц а 2

Элементарные составляющие заданий контрольной работы

№ п/п	Элементарные составляющие	Задания
1	Область определения функции	1а, 1б, 1г, 1д, 1е, 2а, 2б, 2г, 2д, 2е
2	Тождественные преобразования выражений	1а, 1б, 1г, 2а, 2в, 2г, 3а, 3б
3	Чётность / нечётность функции	1а, 2а
4	Вычисление значений выражений	1б, 1е, 2б, 2г, 2е
5	Решение квадратных уравнений	1б, 1г, 1д, 2б, 2г
6	Вычисление предела функции на бесконечности	1в, 2в
7	Асимптоты функции	1в, 2в
8	Нахождение производной по таблице производных элементарных функций и правилам дифференцирования	1г, 1д, 2г, 2д, 3б
9	Исследование монотонности функции с помощью производной	1г, 2г, 3б
10	Точки экстремума функции	1г, 2г, 3б
11	Исследование выпуклости функции с помощью производной второго порядка	1д, 2д
12	Точки перегиба функции	1д, 2д
13	Построение графика по точкам и свойствам функции	1е, 2е
14	Вычисление предела функции в точке	2в
15	Нахождение производной сложной функции	2д
16	Использование формул для нахождения объёма и площади поверхности прямоугольного параллелепипеда	3а
17	Составление математической модели задачи	3а

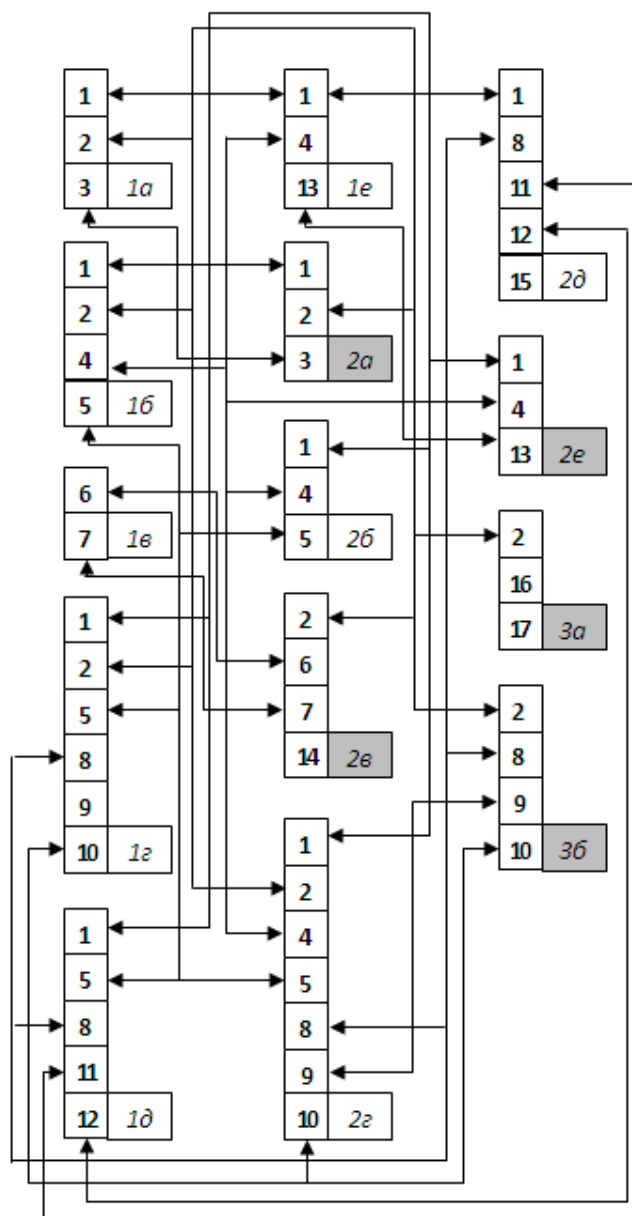

Рис. 3. Структурно-логическая схема контрольной работы

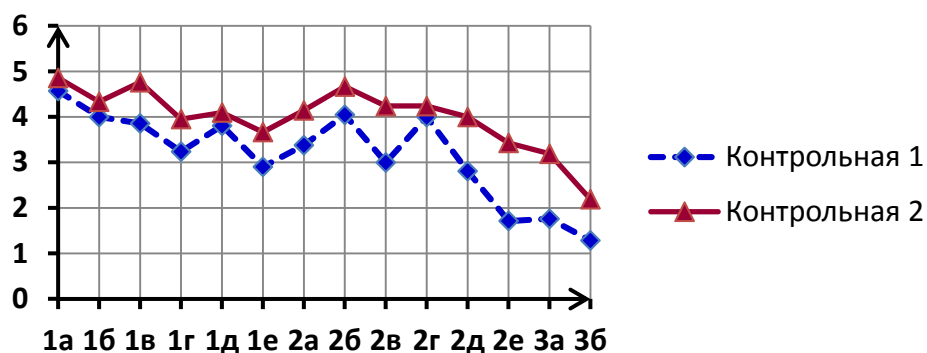

Рис. 4. Диаграмма средних баллов по выполненным заданиям контрольных работ

Для оценки значимости различий между результатами контрольных работ школьников был использован t -критерий Стьюдента для связанных выборок и выдвинута нулевая гипотеза о статистической незначимости различий в средних баллах выполненных зада-

ний контрольных срезов. По результатам исследования получено эмпирическое значение $t_{эмп} = 2,77$, а также критическое значение для уровня значимости $\alpha = 0,05$, равное $t_{кр} = 2,09$, при этом оказалось, что $t_{эмп} > t_{кр}$. Следовательно, выдвинутая нулевая гипотеза

отвергается и принимается альтернативная гипотеза о значимости различий в средних баллах учащихся. Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что выявление ключевых заданий и упражнений контрольных работ по алгебре позволяет при минимальных временных затратах повысить уровень математических знаний и эффективность обучения школьников.

При проведении педагогического эксперимента мы существенным образом опирались на диагностико-технологический подход для выявления ключевых заданий в системах математических упражнений и задач. Экспериментальная работа в очередной раз подтвердила, что указанные задания имеют значимые связи с другими задачами различных проверочных

работ и тестов, следовательно, ключевым примерам и задачам необходимо уделять пристальное внимание в педагогической работе с учащимися. Следует также отметить, что специальные круговые диаграммы сильных связей между примерами и задачами позволяют наглядно проиллюстрировать: именно на какие конкретные задания педагог-предметник должен обратить особое внимание на математических консультациях и при повторении изученного материала с учащимися. Полагаем, что предложенный диагностико-технологический подход, реализованный при обучении математике школьников и студентов, в своей педагогической деятельности могут успешно использовать, в частности, преподаватели химии и физики в вузе и общеобразовательной школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 г., № 1897 (с изменениями на 31.12.2015 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902254916/>
2. Лихтарников Л.М., Поволоцкий А.И. Основы математического анализа. Книга для учителей математики старших классов средних школ. СПб.: Лань, 1997. 304 с.
3. Покровский В.П. Методика обучения математике: функциональная содержательно-методическая линия: учеб.-метод. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. 143 с.
4. Шустова Е.Н. Методика изложения курса «Теория элементарных функций» // Вестник Коми государственного педагогического института. 2010. № 8. С. 268–270.
5. Гриншпон И.Э., Гриншпон Я.С. Элементарные функции и их графики: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2011. 52 с.
6. Зеель Э.О. Элементарные функции. Архангельск: ПГУ, 2005. 180 с.
7. Мордкович А.Г., Семенов П.В. Алгебра и начала математического анализа. 10–11 классы (базовый уровень): метод. пособие для учителя. М.: Мнемозина, 2010. 202 с.
8. Григорьев С.Г., Подболотова М.И. Моделирование углубленной профессионально-ориентированной практики магистрантов в условиях модульного обучения и сетевого взаимодействия по направлению подготовки «Педагогическое образование» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2015. № 2 (32). С. 8–25.
9. Монахов В.М. Введение в теорию педагогических технологий. Волгоград: Перемена; ВГПУ, 2006. 318 с.
10. Попов Н.И. Диагностико-технологический подход для выделения ключевых примеров в системах математических задач // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (50). С. 107–112.
11. Попов Н.И., Марасанов А.Н. О выявлении внутрипредметных связей при изучении тригонометрии // Наука и школа. 2009. № 5. С. 37–39.
12. Далингер В.А., Симонженков С.Д. Реализация внутрипредметных связей при решении математических задач посредством когнитивно-визуальной деятельности: учеб. пособие. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. 195 с.
13. Попов Н.И., Шустова Е.Н. Об эффективности использования методических подходов при изучении элементарных функций будущими учителями математики // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (18). С. 139–144.
14. Попов Н.И. Фундаментализация университетского математического образования. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 135 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 3 марта 2020 г.

Key Tasks as a Means of Advancing Schoolchildren's Mathematical Knowledge When Learning Elementary Functions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 203–208.

DOI: 10.17223/15617793/454/24

Nikolay I. Popov, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: popovnikolay@yandex.ru

Elena N. Shustova, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: shustovaen@yandex.ru

Keywords: pedagogical experiment; study of elementary functions; application of derived functions; training of schoolchildren in mathematics; key tasks.

The article presents the results of a pedagogical experiment on the study of the effectiveness of a diagnostic and technological approach for identifying key tasks of mathematical problem systems. The authors focus on the functional substantive line of studying mathematics—one of the main lines in the school course, since it helps to achieve not only subject but also meta-subject learning goals, as well as to develop schoolchildren's personalities. The authors note that many professors of schools and higher education institutions draw attention to schoolchildren's insufficient knowledge on the topic "Elementary Functions". Undoubtedly, modern professors must master information and communication technologies, innovative methods of developmental teaching so as to overcome this drawback. The aim of this research was to test the effectiveness of the above-mentioned authorial approach in order to advance the knowledge of Grade 10 schoolchildren on the topic "Applying Derivatives to Analyze Functions". After studying the topic, the schoolchildren had a test on it. The performance was graded on a scale from 1 to 5. The average score was 3.10. The tightness of links between the exercises of the system of mathematical problems was determined using the t-criterion, and five key tasks out of the fourteen proposed were singled out. The key tasks determine the successfulness of schoolchildren's learning; practicing various skills of solving key tasks significantly improves the results of solving other tasks of the test. An important component of the proposed approach is working out a logical structural scheme of elementary components of mathematical problems, which makes it possible to identify problematic issues common to all schoolchildren. In order to verify the importance of key tasks and to increase

the level of schoolchildren's mathematical knowledge, a special tutorial on solving the singled-out key tasks was organized; it preceded the second test. As a result, in the second test, the schoolchildren's average score increased and reached 3.81. The use of the Student's criterion in the analysis of the results made it possible to draw the conclusion about the statistical significance of the differences in the average scores on the tasks of the test. The conducted pedagogical experiment showed the effectiveness of the suggested diagnostic and technological approach. Thus, the identification of key tasks and exercises in tests on algebra does not appear very time-consuming and makes it possible to significantly increase schoolchildren's mathematical knowledge.

REFERENCES

1. Docs.cntd.ru. (2015) *Federal State Educational Standard of Basic General Education: Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 1897 of December 17, 2010 (As Amended on December 31, 2015)*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/902254916/>
2. Likhtarnikov, L.M. & Povolotskiy, A.I. (1997) *Osnovy matematicheskogo analiza. Kniga dlya uchiteley matematiki starshikh klassov srednikh shkol* [Fundamentals of Mathematical Analysis. A Book for High School Math Teachers]. St. Petersburg: Lan'.
3. Pokrovskiy, V.P. (2014) *Metodika obucheniya matematike: funktsional'naya sodержatel'no-metodicheskaya liniya* [Methods of Teaching Mathematics: Functional Content and Methodology]. Vladimir : Izd-vo VIGU.
4. Shustova, E.N. (2010) Metodika izlozheniya kursa "Teoriya elementarnykh funktsiy" [The Methodology of the Course "Theory of Elementary Functions"]. *Vestnik Komi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 8. pp. 268–270.
5. Grinshpon, I.E. & Grinshpon, Ya.S. (2011) *Elementarnye funktsii i ikh grafiki* [Elementary Functions and Their Graphs]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
6. Zeel', E.O. (2005) *Elementarnye funktsii* [Elementary Functions]. Arkhangelsk: Pomor State University.
7. Mordkovich, A.G. & Semenov, P.V. (2010) *Algebra i nachala matematicheskogo analiza. 10–11 klassy (bazovyy uroven')* [Algebra and the Principles of Mathematical Analysis. Grades 10–11 (Basic Level)]. Moscow: Mnemozina.
8. Grigor'ev, S.G. & Podbolotova, M.I. (2015) Modeling Extended Profession-Oriented Practice of Master's Students in Conditions of Modular Training and Networking Interaction in Direction of Training "Pedagogical Education". *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatika i informatizatsiya obrazovaniya – Vestnik of Moscow City Teacher Training University. Series: Informatics and Informatization of Education*. 2 (32). pp. 8–25. (In Russian).
9. Monakhov, V.M. (2006) *Vvedenie v teoriyu pedagogicheskikh tekhnologiy* [Introduction to the Theory of Educational Technologies]. Volgograd: Peremena; Volgograd State Pedagogical University.
10. Popov, N.I. (2017) Diagnostic and Technological Approach for Emphasizing Key Examples in Systems of Mathematical Problems. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 5 (50). pp. 107–112. (In Russian).
11. Popov, N.I. & Marasanov, A.N. (2009) On the Identification of Intrasubject Relationships in the Study of Trigonometry. *Nauka i shkola*. 5. pp. 37–39. (In Russian).
12. Dalinger, V.A. & Simonzhenkov, S.D. (2013) *Realizatsiya vnutripredmetnykh svyazey pri reshenii matematicheskikh zadach posredstvom kognitivno-vizual'noy deyatel'nosti* [The Implementation of Intra-Subject Relationships in Solving Mathematical Problems Through Cognitive-Visual Activity]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
13. Popov, N.I. & Shustova, E.N. (2018) On the Efficiency of Using Methodological Approaches in Studying Elementary Functions by Future Teachers of Mathematics. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya – Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 1 (18). pp. 139–144. (In Russian).
14. Popov, N.I. (2012) *Fundamentalizatsiya universitetskogo matematicheskogo obrazovaniya* [Fundamentalization of University Mathematical Education]. Yoshkar-Ola: Mari State University.

Received: 03 March 2020

М.Б. Султанов

ЭЭГ-КОРРЕЛЯТЫ ЛИЧНОСТНЫХ СУПЕРФАКТОРОВ АЙЗЕНКА У ЮШОШЕЙ-СПОРТСМЕНОВ

Представлены результаты взаимосвязи осцилляций ЭЭГ ритмов с личностными чертами юношей-футболистов. Выявлена статистически значимая связь между тета-ритмом и нейротизмом, а также гамма-ритмом и социальной конформностью. Выявленные в работе данные об осцилляциях ЭЭГ ритмов как коррелятов личностных черт футболистов указывают на специфическое взаимодействие нейронных ансамблей в фоновой активности ЭЭГ, что может обуславливать преимущественное предпочтение избранных стратегий поведения в спорте.

Ключевые слова: ЭЭГ; личностные черты; префронтальная кора; психотизм; экстраверсия; нейротизм; социальная конформность; неинвазивный метод.

Введение

В современном спорте все большую актуальность приобретает всестороннее изучение поведения спортсменов как во время, так и вне соревнований, а для более глубокого его понимания необходимо учитывать особенности их личностных характеристик. При этом считается, что именно поведение спортсменов во время соревнований, в частности в командных видах спорта, часто играет ключевую роль в достижении успеха. Так, Чемпионат Мира по футболу, проведенный в России, подтвердил, что одной из важнейших задач в спорте высших достижений является изучение индивидуальности футболистов. Тем не менее особенности и свойства того или иного врожденного темперамента могут претерпевать различные изменения и в ходе индивидуальной жизнедеятельности человека, на которые оказывает влияние окружающая действительность, включая спортивную деятельность [1].

Известно, что поиск физиологических коррелятов темперамента и определение роли личностных характеристик в различных процессах функциональной деятельности мозга является одним из приоритетных направлений психофизиологии [2]. Наряду с этим выявлено, что нейронные ансамбли в фоновой ЭЭГ активности мозга, в частности префронтальной области коры, могут обуславливать различные формы поведения. К примеру, дорсолатеральная и вентролатеральная области префронтальной коры [3, 4] связаны с различными аспектами поведения и личностными характеристиками [5, 6], участвуя при этом как в планировании поведения, включая в себя социальную адаптацию [7], так и в механизме коркового торможения [8–10]. Вместе с тем по результатам ряда исследований было выявлено, что некоторые психические характеристики могут отражать особенности спонтанного взаимодействия нейронных осцилляторов [11] и модулировать организацию функциональной активности коры (ее префронтальной области, с механизмом активации), которой связаны экстраверсия и нейротизм [12, 13]. К этому следует добавить, что при исследовании роли дельта-, тета- и альфа-ритмов в компонентах вызванного потенциала было выявлено совместное влияние уровней экстраверсии и нейротизма на специфику активирующих и ингибирующих

взаимосвязей в кортико-подкорковых структурах мозга [14, 15]. С другой стороны, показано, что среди большого количества известных на сегодняшний день типологий личности психодинамическая теория личности Г. Айзенка, изучающая психометрическую структуру универсальных личностных суперфакторов, неоднократно апробирована на различных выборах [16, 17].

На основании вышеизложенного гипотеза данного исследования включала в себя предположение о том, что отдельные ЭЭГ ритмы имеют устойчивую связь с личностными чертами футболистов, которая может отражаться и на их профессиональной спортивной деятельности. Отсюда *цель* настоящего исследования – выявление гипотетических предикторов личностных черт (суперфакторов) по Г. Айзенку среди пяти генерализованных ЭЭГ ритмов префронтальной коры головного мозга юношей-футболистов.

Материалы и методы исследования

В исследованиях приняли участие 17 юношей-футболистов в возрасте 17–20 лет ($M = 18,56$, $SD = 0,94$). Все испытуемые дали устное согласие на участие в эксперименте. Для оценки личностных характеристик – психотизма (P), экстраверсии (E), нейротизма (N), а также социальной конформности (L) – была использована методика EPQ по Г. Айзенку [18].

Процедура исследования и сбор данных. Заполнение анкет проводилось на базе спортивного клуба без участия исследователя. Запись биопотенциалов префронтальной коры осуществлялась при монополярном отведении с помощью двух электродов в положении Fp1-Fp2 одноканальной беспроводной системой «NeuroSky ThinkGear» [19] производства США. Данная система включала в себя и головной обруч «MindCap XL» производства Германии, который обычно используется для нейробиоуправления в исследованиях в области спорта. Полученные данные накапливались во встроенном микрочипе и передавались по беспроводной связи «Bluetooth» на компьютер для записи и последующего автономного количественного анализа с помощью программного обеспечения «MindRecord» (New Dimension Technology, Япония). Далее ЭЭГ данные в необработанном формате преобразовывались в текстовый файл (ASCII) для

последующего анализа. Спектральный анализ ЭЭГ проводили, выделив следующие диапазоны: дельта: 1–3 Гц; тета: 4–7 Гц; альфа: 8–12 Гц; бета: 13–30 Гц; гамма: 31–50 Гц. Применялось окно Хеннинга (эпохи перекрывались на 50%), частота дискретизации составляла 512 Гц. Мощность полосы спектральной плотности выражалась в $\text{мкВ}^2/\text{Гц}$. Для анализа выбирали 2-секундные отрезки общей длительностью 30–40 с. В качестве индифферентной точки использовали ушной электрод на мочке левого уха. Регистрация электрофизиологических показателей для каждого испытуемого проходила в состоянии спокойного бодрствования с закрытыми (ГЗ) глазами в течение 5 мин. Во время записи на глаза испытуемых надевали маску черного цвета, не пропускающую свет.

Анализ выделенных безартефактных участков ЭЭГ осуществлялся с помощью программы «WinEEG» (Мицар, Россия). При этом эпохи, содержащие амплитуды, превышающие 150 мкВ , были удалены из анализа. Параллельно глазодвигательные и мышечные артефакты автоматически удалялись с использованием «анализа независимых компонентов» (ICA) в программном обеспечении «WinEEG». Вместе с этим эпохи проверялись на наличие артефактов и визуально, а отрезки, содержащие их, удалялись из анализа.

Статистический анализ данных включал в себя дескриптивную и индуктивную статистику. Вычислялось среднее значение и стандартное отклонение. Критерий Шапиро – Уилка использовался для проверки данных на нормальность распределения. Метод линейной регрессии применялся для выявления ЭЭГ предикторов среди личностных черт спортсменов. Уровень значимости соответствовал показателю $p < 0,05$. Анализ проводился с использованием статистического пакета Statistics Kingdom®. На основании рекомендации номинального количества из 15 наблюдений на предиктор [20] наша выборка из 17 человек считалась адекватной для регрессионного уравнения. Кроме того, линейная регрессия является робастным (устойчивым) методом, что предполагает нормальность распределения только зависимой переменной [21]. В этой связи шкала психотизма была исключена нами из дальнейшего анализа ввиду отсутствия у нее нормального распределения, а шкала экстраверсии не выявила статистически значимой связи с ЭЭГ ритмами.

Результаты и их обсуждение

По результатам исследования было выявлено два предиктора для личностных суперфакторов Г. Айзенка среди ЭЭГ ритмов (табл. 1, 2, рис. 1, 2).

Таблица 1
Линейный регрессионный анализ связи ЭЭГ ритмов с нейротизмом

Ритм	Ср. знач.	Ст. откл.	$F_{(1,15)}$	R^2	t	P	Шапиро – Уилк (P)
Дельта	59,42	41,08	0,135	0,009	0,367	0,719	0,783
Тета	68,08	32,15	5,520	0,269	-2,350	0,033	0,509
Альфа	76,84	51,07	0,076	0,005	-0,275	0,787	0,992
Бета	82,46	21,31	0,466	0,030	-0,683	0,505	0,615
Гамма	43,00	23,53	0,148	0,010	-0,385	0,706	0,816

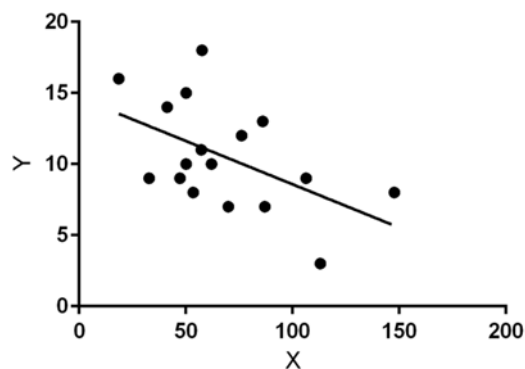

Рис. 1. Взаимосвязь тета-ритма с нейротизмом: по шкале абсцисс (X) – спектральная мощность, $\text{мкВ}^2/\text{Гц}$; по шкале ординат (Y) – значение нейротизма, баллы

Таблица 2
Линейный регрессионный анализ связи ЭЭГ ритмов с социальной конформностью

Ритм	Ср. знач.	Ст. откл.	$F_{(1,15)}$	R^2	t	P	Шапиро – Уилк (P)
Дельта	59,42	41,08	0,289	0,019	-0,537	0,599	0,854
Тета	68,08	32,15	1,362	0,083	-1,167	0,261	0,379
Альфа	76,84	51,07	2,271	0,132	-1,507	0,153	0,925
Бета	82,46	21,31	2,657	0,151	-1,630	0,124	0,537
Гамма	43,00	23,53	6,045	0,287	-2,459	0,027	0,318

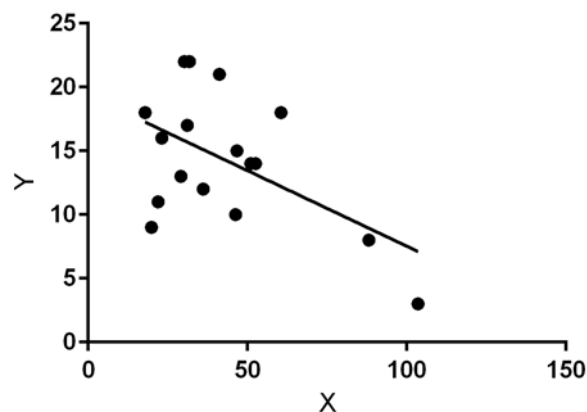

Рис. 2. Взаимосвязь гамма-ритма с социальной конформностью: по шкале абсцисс (X) – спектральная мощность, $\text{мкВ}^2/\text{Гц}$; по шкале ординат (Y) – значение конформности, баллы

Так, ЭЭГ-корреляты нейротизма (N) в тета-диапазоне обратно пропорциональны: с повышением мощности тета-ритма снижался уровень нейротизма ($t = -2,35$, $R^2 = 0,269$, $p \leq 0,033$). Выявленное в нашем исследовании подавление мощности тета-ритма при усилении нейротизма согласуется с данными других исследований, где были получены высокие показатели фронтального тета-ритма в сочетании с низкими показателями нейротизма и тревожности [22, 23], что указывает на связь тета-ритма фронтальной коры с тревожностью [24]. Известно, что тревожность рассматривается и как свойство темперамента, при котором высокие показатели ее значений соответствуют относительно высоким показателям нейротизма и, по-видимому, обусловлены врожденным показателем типологии ВНД [25, 26]. Наряду с этим исследованием, относящиеся к работе в экстремальных условиях (например, антарктические экспедиции), показали, что медленные ритмы, в том числе

тета-ритм, играют ведущую роль в адаптивных перестройках организма [27]. Кроме того, тета-частоты оказались связанными и с ситуациями, предполагающими включение механизмов охранительного или защитного торможения [28].

С другой стороны, данные, полученные по шкале «лжи» (L), рассматривались как показатель социальной конформности. По результатам исследования была выявлена статистически значимая связь между гамма-ритмом и социальной конформностью футболистов с отрицательным уклоном ($t = -2,46$, $R^2 = 0,287$, $p \leq 0,027$). При этом с возрастанием мощности гамма-ритма снижался уровень социальной конформности. Вероятно, обнаруженная нами отрицательная взаимосвязь между гамма-ритмом и социальной конформностью связана с тем, что у футболистов высокие значения этого ритма могут указывать на их более выраженное избирательное поведение или независимость в принятии решений. Кроме того, можно предположить, что гамма-мощность префронтальной коры может быть маркером личностных черт и по той причине, что гамма-колебания в коре головного мозга гораздо более эффективны, чем в подкорковых структурах [29]. Полученные результаты могут служить предпосылкой для более углубленного анализа этого высокочастотного ритма при изучении поведения спортсменов, тем более, что существуют теории, связывающие этот ритм с работой торможения, сознания и внимания [11, 30]. Наряду с этим по «Башару» активность в зоне гамма-ритма характерна для мотивации [31]. Вместе с тем обусловливание нейронными осцилляторами некоторых психических свойств личности спортсменов согласуется с концеп-

цией, выдвинутой Ришаром Мейли: «Структуру личности нужно рассматривать как конструкцию, или организацию, являющуюся результатом взаимодействия между врожденными предрасположенностями и внешними условиями» [32].

Таким образом, особенности взаимодействия устойчивых связей нейронных ансамблей префронтальной коры могут предрасполагать личность к определенным видам поведения, в частности, к уровню тревожности футболистов, ее индивидуального вклада в общекомандный успех или в степень самореализации в спортивном коллективе, что может отражаться на уровне социального взаимодействия между всеми членами команды [33]. Роль нейронов при оценке уровня тренированности спортсменов является приоритетным направлением в современной спортивной науке [34]. Актуальность такого рода исследований подтверждается и тем фактом, что немало людей, а именно спортсменов, формируют стиль деятельности, не адекватный их психофизиологическим особенностям [35].

Выводы

1. ЭЭГ осцилляторы префронтальной коры юношей-футболистов избирательно чувствительны к психологическим свойствам, выделенным Г. Айзенком.
2. Тета-ритм оказался предиктором нейротизма, что связано с процессами защитного торможения у юношей-футболистов.
3. Гамма-ритм является предиктором социальной конформности, что отражает независимость в принятии решений футболистами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шадриков В.Д. Психология деятельности человека. М.: Логос, 1996. 319 с.
2. Heller W. Neuropsychological mechanisms of individual differences in emotion, personality, and arousal // *Neuropsychology*. 1993. Vol. 7 (4). P. 476-489. URL: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0894-4105.7.4.476>
3. Park J., Moghaddam B. Impact of anxiety on prefrontal cortex encoding of cognitive flexibility // *Neuroscience*. 2017. Vol. 345. P. 193-202. URL: <https://dx.doi.org/10.1016/j.neuroscience.2016.06.013>
4. Telzer E.H., Mogg K., Bradley B.P., Mai X., Ernst M., Pine D.S., Monk C.S. Relationship between trait anxiety, prefrontal cortex, and attention bias to angry faces in children and adolescents // *Biological psychology*. 2008. Vol. 79 (2). P. 216-222. URL: <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2008.05.004>
5. Guo C.C., Nguyen V.T., Hyett M.P., Parker G.B., Breakspear M.J. Out-of-sync: disrupted neural activity in emotional circuitry during film viewing in melancholic depression // *Scientific reports*. 2015. Vol. 5. P. 11605. URL: <https://doi.org/10.1038/srep11605>
6. Shin J., Müller K.R., Hwang H.J. Near-infrared spectroscopy (NIRS)-based eyes-closed brain-computer interface (BCI) using prefrontal cortex activation due to mental arithmetic // *Scientific reports*. 2016. Vol. 6. P. 36203. URL: <https://doi.org/10.1038/srep36203>
7. Baron-Cohen S., Ring H.A., Wheelwright S., Bullmore E.T., Brammer M.J., Simmons A., Williams S.C. Social intelligence in the normal and autistic brain: an fMRI study // *European journal of neuroscience*. 1999. Vol. 11 (6). P. 1891-1898. URL: <https://doi.org/10.1046/j.1460-9568.1999.00621.x>
8. Cruikshank S.J., Ahmed O.J., Stevens T.R., Patrick S.L., Gonzalez A.N., Elmaleh M., Connors B.W. Thalamic control of layer 1 circuits in prefrontal cortex // *Journal of Neuroscience*. 2012. Vol. 32 (49). P. 17813-17823. URL: <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.3231-12.2012>
9. Delevich K., Tucciarone J., Huang Z.J., Li B. The mediodorsal thalamus drives feedforward inhibition in the anterior cingulate cortex via parvalbumin interneurons // *Journal of Neuroscience*. 2015. Vol. 35 (14). P. 5743-5753. URL: <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.4565-14.2015>
10. McGarry L.M., Carter A.G. Inhibitory gating of basolateral amygdala inputs to the prefrontal cortex // *Journal of Neuroscience*. 2016. Vol. 36 (36). P. 9391-9406. URL: <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.0874-16.2016>
11. Бушов Ю.В. Роль фазовых взаимодействий между высоко- и низкочастотными ритмами ЭЭГ в когнитивных процессах и механизмах сознания // *Сибирский психологический журнал*. 2012. № 45. С. 98-103.
12. De Pascalis V. Hemispheric asymmetry, personality and temperament // *Personality and Individual Differences*. 1993. Vol. 14 (6). P. 825-834. URL: [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(93\)90095-K](https://doi.org/10.1016/0191-8869(93)90095-K)
13. Gale A. Electroencephalographic studies of extraversion-introversion: A case study in the psychophysiology of individual differences // *Personality and Individual Differences*. 1983. Vol. 4 (4). P. 371-380. URL: [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(83\)90002-8](https://doi.org/10.1016/0191-8869(83)90002-8)
14. Robinson D.L. The technical, neurological, and psychological significance of 'alpha', 'delta' and 'theta' waves confounded in EEG evoked potentials: a study of peak amplitudes // *Personality and Individual Differences*. 2000. Vol. 28 (4). P. 673-693. URL: [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(99\)00130-0](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(99)00130-0)

15. Robinson D.L. How brain arousal systems determine different temperament types and the major dimensions of personality // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 31 (8). P. 1233–1259. URL: [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(00\)00211-7](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(00)00211-7)
16. Ишков А.Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности. М. : АСВ, 2004. С. 164–167.
17. Личностный опросник ЕРІ (методика Г.Айзенка). Альманах психологических тестов. М. : КСП, 1995. С. 217–224.
18. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. М. : Бахрах-М, 2017. 672 с.
19. Rogers J.M., Johnstone S.J., Aminov A., Donnelly J., Wilson, P.H. Test-retest reliability of a single-channel, wireless EEG system // *International Journal of Psychophysiology*. 2016. Vol. 106. P. 87–96. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2016.06.006>
20. Stevens J. *Applied multivariate statistics for the social sciences*. Routledge, 2009. 664 p.
21. Fitzmaurice G.M., Laird N.M., Ware J.H. *Applied longitudinal analysis*. John Wiley & Sons, 2012. Vol. 998.
22. Inanaga K. Frontal midline theta rhythm and mental activity // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 1998. Vol. 5 (6). P. 555–566. URL: <https://doi.org/10.1046/j.1440-1819.1998.00452.x>
23. Mizuki Y. Frontal lobe: mental functions and EEG // *American Journal of EEG Technology*. 1987. Vol. 27 (2). P. 91–101. URL: <https://doi.org/10.1080/00029238.1987.11080219>
24. Cavanagh J.F., Shackman A.J. Frontal midline theta reflects anxiety and cognitive control: meta-analytic evidence // *Journal of Physiology-Paris*. 2015. Vol. 109 (1-3). P. 3–15. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jphysparis.2014.04.003>
25. Smoller J., Block S., Young M. Genetics of anxiety disorders: the complex road from DSM to DNA // *Depress Anxiety*. 2009. Vol. 26 (11). P. 965–975. URL: <https://doi.org/10.1002/da.20623>
26. Strelay J. The concepts of arousal and arousability as used in temperaments studies // *Temperament: Individual differences at the interface of biology and behavior* / eds. by J.E. Bates, T.D. Wachs. Washington, DC, US: American Psychological Association, 1994. P. 117–141. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/10149-000>
27. Василевский Н.Н., Сороко С.И., Богословский М.М. Психофизиологические аспекты адаптации человека в Антарктиде. Л. : Медицина, 1978. 208 с.
28. Buzsáki G. Theta oscillations in the hippocampus // *Neuron*. 2002. Vol. 33 (3). P. 325–340. URL: [https://doi.org/10.1016/S0896-6273\(02\)00586-X](https://doi.org/10.1016/S0896-6273(02)00586-X)
29. Fitzgerald P.J., Watson B.O. Gamma oscillations as a biomarker for major depression: an emerging topic // *Translational Psychiatry*. 2018. Vol. 8 (1). P. 177. URL: <https://doi.org/10.1038/s41398-018-0239-y>
30. Barry R.J., Clarke A.R., Hajos M., McCarthy R., Selikowitz M., Dupuy F.E. Resting-state EEG gamma activity in children with attention-deficit/hyperactivity disorder // *Clinical neurophysiology*. 2010. Vol. 121 (11). P. 1871–1877. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clinph.2010.04.022>
31. Başar-Eroglu C., Strüber D., Schürmann M., Stadler M., Başar E. Gamma-band responses in the brain: a short review of psychophysiological correlates and functional significance // *International journal of psychophysiology*. 1996. Vol. 24 (1-2). P. 101–112. URL: [https://doi.org/10.1016/S0167-8760\(96\)00051-7](https://doi.org/10.1016/S0167-8760(96)00051-7)
32. Мейли Р. Структура личности // Экспериментальная психология / ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже. М. : Прогресс, 1975. Т. V. С. 277.
33. Исмаилова Х.Ю., Султанов М.Б. Изучение особенностей личностных характеристик и маркеров темперамента у юношей различной психологической типологии // *Сибирский педагогический журнал*. 2019. № 1. С. 139–147. URL: <http://dx.doi.org/10.15293/1813-4718.1901.17>
34. Гурова М.Б., Капилевич Л.В., Матросова Т.С. Структура соматосенсорных вызванных потенциалов у спортсменов-тяжелотлетов и единоборцев разной квалификации // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 345. С. 171–172.
35. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2011. 701 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 8 сентября 2019 г.

EEG Correlates of Eysenck's Personality Traits in Young Male Athletes

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 209–213.

DOI: 209–213. DOI: 10.17223/15617793/454/25

Murad B. Sultanov, A.I. Karaev Institute of Physiology of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Republic of Azerbaijan). E-mail: murad.sultan.81@mail.ru

Keywords: EEG; personality traits; prefrontal cortex; psychoticism; extraversion; neuroticism; social desirability; non-invasive method.

The article presents the study of the relationship of oscillations of electroencephalography (EEG) rhythms on the data of personality traits of young athletes ($N = 17$) aged 17 to 21. EEG recorded by a single-channel wireless EEG system with dry non-contact EEG electrodes designed by NeuroSky with the ThinkGear module and the MindCap XL headband in the prefrontal cortex. Personality traits were determined by the Eysenck Personality Questionnaire (EPQ): Psychoticism, Extraversion, and Neuroticism. Lie (Social Desirability) were also used. A linear regression model was used to analyze EEG rhythms as predictor for Eysenck's personality traits. The findings of the study highlighted two EEG rhythms that are predictors for personality traits: theta wave for neuroticism with negative slope ($t = -2.35$, $R^2 = 0.269$, $p \leq 0.033$), which could be related to inhibition, and gamma wave for social desirability with negative slope ($t = -2.46$, $R^2 = 0.287$, $p \leq 0.027$), which could be related to the independence of footballers' decision-making. The revealed EEG patterns could cause the preference of certain behavioral strategies in sport. Furthermore, statistically significant relationship between theta wave with neuroticism indicate that they may be influenced by emotion-generating brain structures. Thus, EEG oscillators in the young footballers' prefrontal cortex are selectively sensitive to the psychological traits by Eysenck. Theta rhythm was the predictor of neuroticism, which could be related to defensive inhibition among young footballers. Gamma rhythm was the predictor of social desirability, which could be related to the independence of decision-making or selective behavior modification among footballers. This research is among the first studies using the NeuroSky Think Gear module with a single-channel EEG system to analyze the features of temperament among athletes. The received data imply further studies to examine the probability of association between the slow and higher frequency rhythms and personality traits among athletes. The data on EEG rhythm oscillations as neurophysiological correlates of footballers' personality traits can be used to create methods for objective behavior diagnosis in sport competitions in both young and high-qualification footballers.

REFERENCES

1. Shadrikov, V.D. (1996) *Psikhologiya deyatel'nosti cheloveka* [Psychology of Human Activity]. Moscow: Logos.
2. Heller, W. (1993) Neuropsychological mechanisms of individual differences in emotion, personality, and arousal. *Neuropsychology*. 7 (4). pp. 476–489. [Online] Available from: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0894-4105.7.4.476>
3. Park, J. & Moghaddam, B. (2017) Impact of anxiety on prefrontal cortex encoding of cognitive flexibility. *Neuroscience*. 345. pp. 193–202. DOI: 10.1016/j.neuroscience.2016.06.013

4. Telzer, E.H. et al. (2008) Relationship between trait anxiety, prefrontal cortex, and attention bias to angry faces in children and adolescents. *Biological Psychology*. 79 (2). pp. 216–222. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2008.05.004
5. Guo, C.C. et al. (2015) Out-of-sync: disrupted neural activity in emotional circuitry during film viewing in melancholic depression. *Scientific Reports*. 5. p. 11605. DOI: 10.1038/srep11605
6. Shin, J., Müller, K.R. & Hwang, H.J. (2016) Near-infrared spectroscopy (NIRS)-based eyes-closed brain-computer interface (BCI) using prefrontal cortex activation due to mental arithmetic. *Scientific Reports*. Vol. 6. R. 36203. DOI: 10.1038/srep36203
7. Baron-Cohen, S. et al. (1999) Social intelligence in the normal and autistic brain: an fMRI study. *European Journal of Neuroscience*. 11 (6). pp. 1891–1898. DOI: 10.1046/j.1460-9568.1999.00621.x
8. Cruikshank, S.J. et al. (2012) Thalamic control of layer 1 circuits in prefrontal cortex. *Journal of Neuroscience*. 32 (49). pp. 17813–17823. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.3231-12.2012
9. Delevich, K., Tucciarone, J., Huang, Z.J. & Li, B. (2015) The mediodorsal thalamus drives feedforward inhibition in the anterior cingulate cortex via parvalbumin interneurons. *Journal of Neuroscience*. 35 (14). pp. 5743–5753. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.4565-14.2015
10. McGarry, L.M. & Carter, A.G. (2016) Inhibitory gating of basolateral amygdala inputs to the prefrontal cortex. *Journal of Neuroscience*. 36 (36). pp. 9391–9406. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.0874-16.2016
11. Bushov, Yu.V. (2012) Role of Phase Interactions Between High- and Low-Frequency Rhythms of EEG in Cognitive Processes and Consciousness Mechanisms. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 45. pp. 98–103. (In Russian).
12. De Pascalis, V. (1993) Hemispheric asymmetry, personality and temperament. *Personality and Individual Differences*. 14 (6). pp. 825–834. DOI: 10.1016/0191-8869(93)90095-K
13. Gale, A. (1983) Electroencephalographic studies of extraversion-introversion: A case study in the psychophysiology of individual differences. *Personality and Individual Differences*. 4 (4). pp. 371–380. DOI: 10.1016/0191-8869(83)90002-8
14. Robinson, D.L. (2000) The technical, neurological, and psychological significance of ‘alpha’, ‘delta’ and ‘theta’ waves confounded in EEG evoked potentials: a study of peak amplitudes. *Personality and Individual Differences*. 28 (4). pp. 673–693. DOI: 10.1016/S0191-8869(99)00130-0
15. Robinson, D.L. (2001) How brain arousal systems determine different temperament types and the major dimensions of personality. *Personality and Individual Differences*. 31 (8). pp. 1233–1259. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00211-7
16. Ishkov, A.D. (2004) *Uchebnaya deyatel'nost' studenta: psikhologicheskie faktory uspeshnosti* [Student Learning Activities: Psychological Factors of Success]. Moscow: ASV. pp. 164–167.
17. Rimskiy, S. & Rimskaya, R.R. (eds) (1995) Lichnostnyy oprosnik EPI (metodika G. Ayzenka) [Eysenck Personality Inventory]. In: *Al'manakh psikhologicheskikh testov* [Almanac of Psychological Tests]. Moscow: KSP. pp. 217–224.
18. Raygorodskiy, D.Ya. (2017) *Prakticheskaya psikhodiagnostika* [Practical Psychodiagnosics]. Moscow: Bakhrakh-M.
19. Rogers, J.M. et al. (2016) Test-retest reliability of a single-channel, wireless EEG system. *International Journal of Psychophysiology*. 106. pp. 87–96. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2016.06.006
20. Stevens, J. (2009) *Applied Multivariate Statistics for the Social Sciences*. Routledge.
21. Fitzmaurice, G.M., Laird, N.M. & Ware, J.H. (2012) *Applied Longitudinal Analysis*. Vol. 998. John Wiley & Sons.
22. Inanaga, K. (1998) Frontal midline theta rhythm and mental activity. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 5 (6). pp. 555–566. DOI: 10.1046/j.1440-1819.1998.00452.x
23. Mizuki, Y. (1987) Frontal lobe: mental functions and EEG. *American Journal of EEG Technology*. 27 (2). pp. 91–101. DOI: 10.1080/00029238.1987.11080219
24. Cavanagh, J.F. & Shackman, A.J. (2015) Frontal midline theta reflects anxiety and cognitive control: meta-analytic evidence. *Journal of Physiology-Paris*. 109 (1-3). pp. 3–15. DOI: 10.1016/j.jphysparis.2014.04.003
25. Smoller, J., Block, S. & Young, M. (2009) Genetics of anxiety disorders: the complex road from DSM to DNA. *Depress Anxiety*. Vol. 26 (11). pp. 965–975. DOI: 10.1002/da.20623
26. Strelay, J. (1994) The concepts of arousal and arousability as used in temperaments studies. In: Bates, J.E. & Wachs, T.D. (eds) *Temperament: Individual Differences at the Interface of Biology and Behavior*. Washington, DC, US: American Psychological Association. pp. 117–141. DOI: 10.1037/10149-000
27. Vasilevskiy, N.N., Soroko, S.I. & Bogoslovskiy, M.M. (1978) *Psikhofiziologicheskie aspekty adaptatsii cheloveka v Antarktide* [Psychophysiological Aspects of Human Adaptation in Antarctica]. Leningrad: Meditsina.
28. Buzsáki, G. (2002) Theta oscillations in the hippocampus. *Neuron*. 33 (3). pp. 325–340. DOI: 10.1016/S0896-6273(02)00586-X
29. Fitzgerald, P.J. & Watson, B.O. (2018) Gamma oscillations as a biomarker for major depression: an emerging topic. *Translational Psychiatry*. 8 (1). p. 177. DOI: 10.1038/s41398-018-0239-y
30. Barry, R.J. et al. (2010) Resting-state EEG gamma activity in children with attention-deficit/hyperactivity disorder. *Clinical Neurophysiology*. 121 (11). pp. 1871–1877. DOI: 10.1016/j.clinph.2010.04.022
31. Başar-Eroglu, C. et al. (1996) Gamma-band responses in the brain: a short review of psychophysiological correlates and functional significance. *International Journal of Psychophysiology*. 24 (1-2). pp. 101–112. DOI: 10.1016/S0167-8760(96)00051-7
32. Meili, R. (1975) *Struktura lichnosti* [The Structure of the Personality]. In: Piaget, J. & Frawley, P. (eds) *Ekspperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. Vol. 5. Moscow: Progress.
33. Ismaylova, Kh.Yu. & Sultanov, M.B. (2019) Studying of Peculiarities of Personal Traits and Markers of Temperament of Youth Population With Different Psychological Type. *Sibirskiy pedagogicheskii zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 1. pp. 139–147. (In Russian). DOI: 10.15293/1813-4718.1901.17
34. Gurova, M.B., Kapilevich, L.V. & Matrosova, T.S. (2011) Structure of somatosensory evoked potentials of sportsmen-weightlifters and martial artists of different qualifications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 345. pp. 171–172. (In Russian).
35. Il'in, E.P. (2011) *Psikhologiya individual'nykh razlichiy* [The Psychology of Individual Differences]. St. Petersburg: Piter.

Received: 08 September 2019

ПРАВО

УДК 343.346

М.В. Бавсун, А.Н. Берестовой, К.Н. Карнов, И.В. Попов

КВАЛИФИКАЦИЯ УМЫШЛЕННЫХ И НЕОСТОРОЖНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Анализируются критерии, позволяющие разграничить неумышленные нарушения правил дорожного движения, повлекших по неосторожности общественно-опасные последствия, от случаев умышленного причинения вреда жизни либо здоровью человека, связанных с использованием транспортного средства как орудия совершения преступления. Авторы предлагают опираться на признаки, свидетельствующие о наличии прямого либо косвенного умысла (предварительный конфликт с потерпевшим, личные неприязненные отношения, противоправное поведение самого потерпевшего и т.д.).

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление; нарушение правил дорожного движения; транспортное средство; уголовная ответственность; форма вины; неосторожность; косвенный умысел; состояние опьянения.

В настоящее время в судебной практике существуют достаточно устоявшиеся подходы к квалификации преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Исходя из конструкции диспозиции ст. 264 УК РФ, данное преступление характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия либо небрежности. Между тем в научной литературе неоднократно высказывалось мнение о двойственном характере вины в рассматриваемых преступлениях. Это утверждение основано на том, что «правила дорожного движения нарушаются, в основном, умышленно (осознанно), а к последствиям этих нарушений субъект относится неосторожно» [1. С. 135; 2. С. 149, 152, 154]. Следует констатировать, что данное утверждение не позволяет рассматривать преступления, предусмотренные ст. 264, 268 УК РФ как умышленные либо даже как преступления с двумя формами вины. Во многом это связано с тем, что осознанное нарушение правил дорожного движения либо правил эксплуатации транспортных средств само по себе не свидетельствует о преступности данных действий и не полностью характеризует субъективное отношение лица, управляющего транспортным средством к наступившим последствиям.

Кроме того, наличие в УК РФ норм, предусматривающих ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111, ч. 2 ст. 318 УК РФ) или смерти (ст. 105, 108, 317 УК РФ и др.), не вступает в противоречие с нормами ст. 264 УК РФ и позволяет привлекать к ответственности в случае умышленного причинения вреда с использованием транспортного средства как орудия преступления. В данном случае интересы безопасности дорожного движения не являются преобладающими по отношению к охране жизни и здоровья.

Так, вердиктом коллегии присяжных заседателей подсудимый А.Я.М. признан виновным в том, что «он, используя незначительный повод - конфликт между ним, посетителями и сотрудниками бара «М», игнорируя сложившиеся в обществе правила поведения, находясь в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте, имея не менее 7 лет стажа вождения, на принадлежащем ему технически исправном автомобиле «ГАЗ» закрыв картоном номерные знаки, начал движение в направ-

лении стоявших в это время у входа в бар людей, не соблюдая правила дорожного движения, создавая опасность при выполнении маневра и двигаясь по тротуару, не соблюдая боковой интервал от пешеходов, допуская возможность причинения вреда здоровью и жизни других лиц, придавал ускорение автомобилю и совершил наезд: на четверых потерпевших, один из которых скончался в результате полученных травм. Затем он (А.Я.М.), посчитав свои действия достаточными для лишения жизни потерпевших, скрылся с места происшествия, при этом благодаря оказанной своевременной квалифицированной медицинской помощи троим потерпевшим их смерти не наступило.

При указанных обстоятельствах суд верно оценил поведение виновного как умышленное, при котором он с очевидностью осознавал опасность своих действий, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий и желал их наступления и, соответственно, квалифицировал по п. «е», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по ч. 3 ст. 30 п. «а», «е», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹.

В другом случае действия лица обусловлены противоправным поведением самих потерпевших, однако тоже непосредственно связаны с управлением транспортным средством.

Осужденный по ст. 108 УК РФ, З., управляя транспортным средством, пытался защитить себя от нападения, однако превысил пределы необходимой обороны и причинил смерть нападавшему. Исходя из приговора суда, «нападавшие пытались открыть двери указанного автомобиля, один из нападавших из неустановленного огнестрельного оружия ограниченного поражения калибра 9 мм произвел три выстрела в левую сторону кузова в область водительской двери автомобиля. В это время З., реально воспринимая действия нападавших как непосредственную угрозу применения насилия, но осознавая, что его действия явно не соответствуют характеру и опасности посягательства, **умышленно**, с целью причинения смерти И., управляя автомобилем, совершил наезд на потерпевшего, который находился перед автомобилем, продолжил движение и скрылся с места преступления, чем причинил повреждения, расценивающиеся в сово-

купности (так как имеют один механизм образования) как причинившие тяжкий вред здоровью человека, по признаку опасности для жизни, от которых потерпевший скончался спустя непродолжительное время².

В другом схожем случае даже наличие конфликта между потерпевшим и виновным не сыграло принципиальной роли при решении вопроса квалификации.

После конфликта, произошедшего на парковке автомобилей, осужденный (С.Н.В.) сел в свой автомобиль и начал выезжать из двора. Группа разъяренных людей, в руках у которых были металлические предметы, предположительно обрезки труб, окружили машину. Эти люди выкрикивали в его адрес угрозы, угрожали физической расправой. Один мужчина попытался вытащить его из машины через открытое окно и пытался наносить удары, он (С.Н.В.) сопротивлялся и в этот момент повредил руку. Женщина встала перед передним бампером и стала чем-то стучать по капоту автомобиля, в этот момент двигатель автомобиля был запущен, ручка переключения передач находилась в положении первой передачи, а он (С.Н.В.) сдерживал движение транспортного средства путём нажатия одновременно педалей сцепления и тормоза. Когда мужчина в очередной раз дёрнул его за ворот одежды и резко притянул к окну, его нога соскочила с педали, и автомобиль резко дёрнулся с места, при этом у него возникло ощущение, что он задним левым колесом наехал на какое-то препятствие, возможно на бордюрный камень. Мужчина резко отпрыгнул в сторону. В этот момент перед передней частью его автомобиля никого не было, поэтому он продолжил движение, не останавливаясь, пытаясь покинуть место конфликта, так как осознавал угрозу своей жизни и здоровью. Во время движения он посмотрел в зеркало заднего вида и никого не увидел на проезжей части лежащим. Ощущения того, что под кузовом его автомобиля кто-то находился не было, проехал вперёд, потом свернул в соседний двор, где припарковал свой автомобиль, после чего пошёл к себе домой. В ходе описанных действий С.Н.В. совершил наезд на пешехода, находившегося на проезжей части перед передней частью автомобиля, причинив последнему телесные повреждения повлекшие его смерть³. Судом данные действия были квалифицированы по ч. 4 ст. 264 УК РФ, несмотря на утверждение стороны потерпевших об умышленном характере действий осужденного и невозможности не заметить стоявшего перед автомобилем потерпевшего.

Указанные и многочисленные другие примеры судебной практики свидетельствуют о том, что квалификация действий по ст. 105 (ст. 111) УК РФ применяется в тех случаях, когда между потерпевшим и лицом, управляющим транспортным средством до момента ДТП (как правило, наезда), имелись личные неприязненные отношения либо конфликт. Отсутствие данного фактора практически всегда приводит к выводу о неосторожном обращении с источником повышенной опасности и квалификации действий по ст. 264 УК РФ.

В то же время в других ситуациях суды нередко вынуждены квалифицировать действия лиц, управлявших ТС, по ст. 264 УК РФ в связи с отсутствием

точных данных, свидетельствующих о наличии хотя бы косвенного умысла.

Например, осужденный по ст. 264 УК РФ Г.Л.Л. не справился с управлением, выехал на правую обочину по ходу своего движения, где совершил наезд на шедших в попутном направлении пешеходов М., К., Т., после чего съехал в кювет, выбрался из автомобиля и скрылся с места дорожно-транспортного происшествия. В результате данного ДТП пешеходы М. и К. от полученных телесных повреждений скончались на месте, пешеход Т. получила телесные повреждения, причинившие тяжкий вред здоровью. При этом предположение стороны потерпевших, о том, что «Г.Л.Л. умышленно наехал на потерпевших, бравидуя, в пьяном виде, так как у потерпевших были белые шапки, которые было сложно не заметить при ярком свете луны», суд посчитал явно недостаточным для осуждения по ст. 105 УК РФ⁴.

Имеющаяся в научной литературе дискуссия относительно необходимости признания умышленными преступлениями случаи совершения в состоянии опьянения дорожно-транспортных преступлений [3] в большей степени основываются на попытках усиления ответственности за совершение таких преступлений, обусловленных тяжестью наступающих последствий и их резонансным характере. Однако до настоящего момента лишь сам факт опьянения пока что не имеет прямого значения для определения формы вины, а умышленное причинение вреда квалифицируется по общим нормам (ст. 105, 111 УК РФ).

В то же время в теории уголовного права разрабатываются концепции, основанные на определении формы вины в зависимости от степени опьянения лица, управляющего транспортным средством. «В случае установления факта потребления им веществ, вызывающих алкогольное опьянение (наличие абсолютного этилового спирта в концентрации от 0,3 до 0,5 грамма на один литр крови или от 0,12 до 0,21 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха), а также употребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо иных веществ, вызывающих опьянение, вне зависимости от их вида и количества, а также в случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения рассматриваемые деяния должны признаваться преступлениями, совершенными с косвенным умыслом».

В то же время представляется, что данная проблема могла бы найти свое решение в плоскости изменения правоприменительной практики в части определения формы вины в случаях причинения смерти в результате управления транспортными средствами в состоянии опьянения. При условии управления в состоянии опьянения и явном игнорировании мер предосторожности при обращении с источником опасности действия лица по отношению к наступившим последствиям, очевидно, могут рассматриваться как совершенные с косвенным умыслом. При осознании общественной опасности своего поведения, предвидении наступления последствий и безразличном отношении к ним нет оснований признавать наличие неосторожной формы вины в поведении лица.

Характер допущенных нарушений правил дорожного движения и (или) эксплуатации транспортных средств, как правило, отражается в поведении самого водителя: у одного оно проявляется в «эгоистическом пренебрежении к безопасности других участников дорожного движения, хулиганстве, хамстве за рулем» [4. С. 59], у другого же это поведение извинительное, возникающее из-за совершения случайной ошибки вследствие проявления невнимательности либо недостатка практических навыков (умений) управления транспортным средством. В связи с этим обоснованными представляются рассуждения Е.С. Стешич о том, что «некоторые совершаемые дорожно-транспортные преступления в рамки неосторожных преступлений не вписываются, а являются умышленным причинением вреда здоровью либо убийством с косвенным умыслом» [5. С. 19, 21; 6. С. 78–79; 7. С. 23; 8 С. 74–77; 9 С. 87–90]. Схожие идеи встречаются в работах других специалистов Л.А. Прохорова, Э.А. Саркисовой [10], М.М. Нафикова и др.

Между тем сложившееся представление об исключительности неосторожной формы вины применительно к составу ст. 264 УК РФ имеет устоявшийся характер. Причем это к практике применения данной нормы относится еще в большей степени, чем к уголовно-правовой доктрине. Указание на неосторожную форму вины в автотранспортных преступлениях присутствовало еще в п. 5 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях».

Относительно критериев умышленной либо неосторожной формы вины применительно к рассматриваемому случаю в научной литературе обращается внимание на следующий пример: «М. управлял в нетрезвом состоянии автомашиной ЗИЛ-130. Из хулиганских побуждений на большой скорости он начал преследовать автомашину ГАЗ-53, заезжал то слева, то справа от нее. При очередном обгоне М. подставил задний борт своей машины, ударил в левый борт автомашину ГАЗ-53. От полученного удара она съехала в кювет, а находившимся в кузове пассажирам были причинены телесные повреждения различной степени тяжести» [1. С. 136]. А.И. Коробеев предлагает квалифицировать приведенную ситуацию по совокупности как хулиганство и автотранспортное преступление.

Противники такого подхода указывают, что, «совершая обгон на значительной скорости автомашины ГАЗ-53, в кузове которой находились люди, М. осознавал фактический характер и общественную опасность своих действий, предвидел возможность причинения вреда здоровью или жизни этих людей, не желал, но сознательно допускал любой вред. По отношению к последствиям – причинению вреда находившимся в автомашине людям, он действовал с неконкретизированным умыслом. В то же время действовал он из хулиганских побуждений. Такое отношение к совершаемым действиям предполагает квалификацию в зависимости от тяжести вреда здоровью по соответствующей статье главы преступлений против жизни и здоровья из хулиганских побуждений либо по ст. 213 УК РФ» [11].

Практика привлечения лиц, умышленно использующих свое транспортное средство как орудие преступления за совершение умышленных преступлений, не является новой как для России⁵, так и для других стран (штат Калифорния, США, Япония и др.) [12. С. 57]. При этом, признавая умышленный характер действий лица, суды указывают следующие факторы: «действия водителя не были продиктованы сложившейся обстановкой и не были обусловлены технической неисправностью или недостаточной квалификацией гражданина, имеющего значительный стаж управления автомобилем»⁶.

Резонансным в данном случае является обвинительный приговор в отношении двух лиц, участвовавших в уличных гонках в Германии. «Двое молодых людей катались по берлинским улицам на автомобиле. Машина под управлением Х. на скорости 170 километров в час врезалась в автомобиль жертвы преступления. Пенсионер скончался на месте»⁷. В результате Х. был признан виновным в умышленном убийстве и приговорен к пожизненному лишению свободы. Справедливости ради необходимо отметить, что спустя год данный приговор был отменен⁸. В то же время судебная практика получила прецедент, указывающий на допустимость рассмотрения подобного поведения лиц как совершенного с косвенным умыслом исходя из такого фактора, как скорость движения и характер маневрирования⁹. Учитывая особенности законодательства Германии и тот факт, что непосредственным причинителем вреда был только водитель транспортного средства, его действия квалифицированы как «убийство по халатности» (ст. 222 УК Германии).

Формирование судебной практики обусловлено сложностью доказывания наличия умысла в действиях лица управляющего транспортным средством. Предопределенность управления транспортным средством как предназначенным для передвижения предполагает лишь отдаленное восприятие его как источника повышенной опасности, требующего особого отношения к соблюдению правил безопасности. В таком случае как умышленные преступления против жизни и здоровья квалифицируются только те действия, в рамках которых лицо совершает действия, заведомо направленные на причинение смерти либо вреда здоровью.

Примером такой неоднозначной трактовки может являться следующий приговор суда. Рабочие по заготовке леса В., П., П-ва, К., Г., С. распивали спиртные напитки возле деревни. Около 21 часа В. самовольно завел трактор ДТ-75 и поехал к месту распития спиртных напитков. Проехав мимо сидевших на бревне людей, В. развернул трактор и из хулиганских побуждений с целью умышленного убийства двинулся прямо на них. Трое сидевших на бревне успели отскочить в сторону, а на П., С. и П-ва В. наехал трактором. От полученных множественных телесных повреждений П-ва и С. скончались на месте происшествия, а П-ва – в больнице¹⁰.

Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор и переквалифицировал действия В. с п. «б», «д», «з» ст. 102 на ч. 3 ст. 211 УК РСФСР, при этом указал на то, что никаких доказательств желания причинения

смерти потерпевшим в материалах уголовного дела не представлено (никаких намерений или угроз в отношении оставшихся там людей не высказывал), побудительных мотивов его поведения (конфликта с потерпевшими) также не имелось. Указанные обстоятельства в совокупности предопределили перекалфикацию деяния на ч. 3 ст. 211 УК РСФСР (нарушение ПДД, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего).

В настоящее время Пленум Верховного Суда РФ специально указывает, что «в тех случаях, когда лицо, управлявшее транспортным средством, умышленно использовало его в целях причинения вреда здоровью потерпевшего либо причинения ему смерти, содеянное влечет уголовную ответственность по статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации о преступлениях против жизни и здоровья» (п. 15 ППВС).

Так, Ч. осужден по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по ч. 3 ст. 30 – п. «а», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ за совершение преступлений при следующих обстоятельствах. Ч. умышленно, на почве личных неприязненных отношений, возникших из-за конфликта с Б., с целью убийства Б., управляя автомобилем «Mitsubishi», подъехал к гражданам, стоявшим на близком расстоянии друг от друга на проезжей части дороги, действуя общеопасным способом, заведомо осознавая, что используемый им способ причинения смерти Б. представляет опасность для жизни двух и более лиц, увеличил скорость и умышленно направил автомобиль в группу граждан, среди которых были Б. и В. При этом Б. отскочил от автомобиля, а Ч. совершил наезд на стоявшего по пути движения автомобиля В., сопровождавшийся ударом частями автомобиля по телу В., что повлекло падение В. спиной на асфальт с соударением затылочной областью головы и задней поверхностью туловища, переехал колесами через левую голень В., после чего Ч., продолжая реализовывать свой преступный умысел на убийство Б., развернул автомобиль и вновь направил его в группу граждан, стоявших возле лежавшего на асфальте В., среди которых находился Б., и при этом совершил повторный наезд на В., причинив своими действиями В. травмы, не совместимые с жизнью¹¹.

Данные и многие другие примеры судебной практики свидетельствуют об очевидности «не только повышенной общественной опасности лиц, управляю-

щих ТС в состоянии опьянения и причиняющих подчас чрезвычайно тяжкие последствия, но и совершении *некоторой доли* (курсив наш. – М.Б., К.К.) таких преступлений с умыслом» [12. С. 57].

Таким образом, вопрос квалификации преступных нарушений ПДД или эксплуатации ТС находится в плоскости определения того, было ли использовано транспортное средство умышленно в состоянии осознанности общественной опасности действий либо лицо нарушило ПДД, а последствия наступили непредумышленно.

Исключая ситуации когда лицо, управляющее транспортным средством, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий (небрежность), волевой компонент легкомыслия определяется как самонадеянный (без достаточных к тому оснований) расчет на предотвращение этих последствий. Однако такой расчет должен быть основан на каких-либо умениях, навыках водителя, принятии действий для исключения данных последствий. Если же речь идет об управлении источником повышенной опасности, то вероятность благоприятного передвижения (без последствий) является как минимум низкой, а учитывая массу транспортного средства и скорость его передвижения, зачастую становится ничтожно малой.

Для правильной квалификации преступных нарушений ПДД необходим учет характера поведения лица в момент управления транспортным средством. Явное, грубое игнорирование элементарных правил безопасности, опасное маневрирование, преднамеренное столкновение транспортных средств, умышленный наезд на пешеходов или велосипедистов, очевидно предполагающие наступление вреда, управление транспортным средством в состоянии опьянения, существенное превышение скоростного режима должны рассматриваться как факторы безразличного отношения к возможности наступления последствий при очевидном предвидении таковых, и, соответственно, влечь квалификацию действий как совершенных с косвенным умыслом. К числу данных факторов также может быть отнесено и управление источником повышенной опасности в состоянии опьянения (алкогольного наркотического и др.), так как его наличие свидетельствует о безразличном отношении потерпевшего к наступающим последствиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приговор Санкт-Петербургского городского суда № 2-39/2019 от 21 июня 2019 г. по делу № 2-39/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.10.2019).

² Приговор Верховного Суда Республики Бурятия № 22-359/2019 от 12 марта 2019 г. по делу № 22-359/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.11.2019).

³ Приговор № 1-62/2014 от 28 марта 2014 г. по делу № 1-62/2014 Нагатинский районный суд (Город Москва). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 23.10.2019).

⁴ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Марий Эл № 22-841/2016 от 14 ноября 2016 г. по делу № 22-841/2016. URL: <https://sudact.ru>. (дата обращения: 12.12.2019).

⁵ В Башкирии водитель автомобиля умышленно задавил 13-летнего мотоциклиста в ходе дорожной ссоры. URL: <https://www.newsru.com/crime/01aug2017/dtpmrd13ymotobash.html>; https://www.e1.ru/news/spool/news_id-65619641.html

⁶ URL: <https://rg.ru/2018/11/14/reg-urfo/v-ekaterinburge-po-faktu-naezda-na-peshehodov-vozbuzhdno-ugolovnoe-delo.html>; <https://www.tvc.ru/news/show/id/149435> (дата обращения: 12.12.2019).

⁷ Двоих стритрейсеров в Берлине приговорили к пожизненному заключению, сообщает немецкая bild. URL: <https://www.bild.de/wa/II/bild-de/unangemeldet-42925516.bild.html> (дата обращения: 27.11.2019).

⁸ Немецкий суд отменил пожизненный срок для стритрейсеров. URL: <https://rg.ru/2018/03/06/nemeckij-sud-otmenil-pozhiznennyj-srok-dlia-stritrejserov.html> (дата обращения: 12.12.2019).

⁹ Юристы Высшей судебной палаты Германии считают, что преступление было совершено по халатной неосторожности. Ведь стритрейсеры всегда убеждают себя, что во время гонок по улицам ничего не случится, вытесняя из сознания возможные последствия и считая себя первоклассными водителями. Кроме того, участники гонок подвергают опасности прежде всего себя, поэтому о преднамеренном убийстве говорить вряд ли возможно, аргументировали судьи. Они также не устремили в машине «орудие убийства», как это ранее сделал их берлинский коллега. URL : <https://rg.ru/2018/03/06/nemeckij-sud-otmenil-pozhiznennyj-srok-dlia-stritrejserov.html> (дата обращения: 27.08.2019).

¹⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 июня 1995 г. «Нарушение правил безопасности движения лицом, управляющим транспортным средством, повлекшее смерть потерпевшего, без достаточных доказательств квалифицировано как умышленное убийство» (извлечение).

¹¹ Приговор Кемеровского областного суда № 2-55/2015 2-7/2016 от 9 сентября 2016 г. по делу № 2-55/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2QL23ANC75QK/> (дата обращения: 27.08.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С. 135–136.
2. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1998. С. 149, 152, 154.
3. Комарикова С.А. Уголовно-правовая оценка нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019.
4. Лукьянов В.В. Форма вины в дорожно-транспортных правонарушениях // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 59.
5. Стешич Е.С. Ответственность за «опасное вождение»: нужны ли реформы? // Актуальные вопросы права и отраслевых наук. 2015. № 1(1). С. 19, 21.
6. Стешич Е.С. Объективное и субъективное в генезисе автотранспортных преступлений // Общество и право. 2016. № 1. С. 78–79.
7. Стешич Е.С., Красненкова С.А. Криминальная предрасположенность как фактор дорожно-транспортного преступления (по материалам конкретного исследования) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 2. С. 23.
8. Стешич Е.С. Авария с тяжкими последствиями: неосторожное преступление или убийство? // Уголовное право. 2014. № 2. С. 74–77.
9. Стешич Е.С. Особенности законодательного регулирования обеспечения безопасности дорожного движения в современных условиях // Проблемы противодействия преступности в сфере дорожного движения : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 16 октября 2015 г.) / отв. ред. А.Н. Подчерняев. Орел, 2016. С. 87–90.
10. Саркисова Э.А. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. URL: <http://www.kaznachey.com/doc/7h30DqVea9A/text/>
11. Рогатых Л.Ф., Малинин В. Б. Квалификация нарушений Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ). СПб., 2004.
12. Коробеев А., Чучаев А. Транспортные преступления: исправление ошибок или движение по кругу // Уголовное право. 2019. № 5. С. 57.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 марта 2020 г.

Qualification of Intentional and Reckless Violations of Traffic and Vehicle Operation Regulations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 214–219.

DOI: 10.17223/15617793/454/26

Maksim V. Bavsun, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation).

E-mail: kafedramvd@mail.ru

Andrey N. Berestovoi, North Western Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: kafedramail@mail.ru

Kirill N. Karpov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail:

kkn83@mail.ru

Igor V. Popov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail:

kafedramail@mail.ru

Keywords: road traffic crime; violation of traffic regulations; vehicle; criminal liability; form of guilt; negligence; indirect intent; intoxication.

The authors examine the norms of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of the regulation of criminal liability for violation of traffic regulations that entailed grievous bodily harm or death of the victim (Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as the rules on liability for intentionally causing harm to human life and health. The aim of the study is to identify criteria affecting the qualification of intentional and reckless violations of traffic and vehicle operation regulations. In the study, the authors use the general scientific dialectic method of studying social phenomena and the analysis of judicial practice. The materials are the decisions of the judicial authorities on the issues of qualification of crimes. The authors analyze the issues of qualification of criminal violations of traffic and vehicle operation regulations to develop criteria distinguishing between unintentional violations of traffic rules that resulted in socially dangerous consequences by negligence and cases of intentional causing of harm to human health or human life associated with the use of a vehicle as an instrument for committing a crime. Considerable attention is paid to the question of assessing the state of intoxication when driving a vehicle as a factor affecting the form of guilt. As qualification criteria, the authors propose to rely on signs indicating the presence of direct or indirect intent (preliminary conflict with the victim, personal hostile relations, illegal behavior of the victim, etc.). For the correct qualification of criminal violations of traffic rules, it is necessary to take into account the nature of the person's behavior at the time of driving. Explicit gross ignoring of basic safety rules, dangerous maneuvering, deliberate collision of vehicles, deliberate collision with pedestrians or cyclists obviously suggesting harm, driving while intoxicated, significant speeding should be considered as factors of an indifferent attitude to the evident possibility of consequences and, accordingly, entail the qualification of actions as committed with indirect intent.

REFERENCES

1. Korobeev, A.I. (2003) *Transportnye prestupleniya* [Transport Crimes]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
2. Yakushin, V.A. (1998) *Sub'ektivnoe vmenenie i ego znachenie v ugovolnom prave* [Subjective Imputation and Its Significance in Criminal Law]. Togliatti: Togliatti Polytechnic Institute.

3. Komarikova, S.A. (2019) *Ugolovno-pravovaya otsenka narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv (st. 264 UK RF)* [Criminal Legal Assessment of Violations of Traffic and Vehicle Operation Regulations (Article 264 of the Criminal Code)]. Law Cand. Diss. Omsk.
4. Luk'yanov, V.V. (2002) Forma viny v dorozhno-transportnykh pravonarusheniyyakh [Form of Guilt in Traffic Offenses]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 12.
5. Steshich, E.S. (2015) Responsibility for the Dangerous Driving: Are the Reforms Necessary? *Aktual'nye voprosy prava i otraslevykh nauk*. 1 (1). (In Russian).
6. Steshich, E.S. (2016) Objective and Subjective in the Genesis of Vehicle Crimes. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 1. pp. 78–79. (In Russian).
7. Steshich, E.S. & Krasnenkova, S.A. (2014) Kriminal'naya predispozitsiya kak faktor dorozhno-transportnogo prestupleniya (po materialam konkretnogo issledovaniya) [Criminal Pre-Disposition as a Factor in Traffic Crime (Based on a Specific Study)]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2.
8. Steshich, E.S. (2014) A Car Accident With Severe Consequences: Negligent Crime or Murder? *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 74–77. (In Russian).
9. Steshich, E.S. (2016) [Features of the Legislative Regulation of Road Safety in Modern Conditions]. *Problemy protivodeystviya prestupnosti v sfere dorozhnogo dvizheniya* [Problems of Combating Crime in the Field of Traffic]. Orel. 16 October 2015. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 87–90. (In Russian).
10. Sarkisova, E.A. (2004) *Narushenie pravil bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv* [Violation of Traffic and Vehicle Operation Regulations]. [Online] Available from: <http://www.kaznachey.com/doc/7h30DqVea9A/text/>.
11. Rogatykh, L.F. & Malinin, V.B. (2004) *Kvalifikatsiya narusheniy Pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv (st. 264 UK RF)* [Qualification of Violations of Traffic and Vehicle Operation Regulations (Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor's Office.
12. Korobeev, A. & Chuchaev, A. (2019) Transport Crimes: Correction of Mistakes or Movement in a Circle? *Ugolovnoe pravo*. 5. (In Russian).

Received: 31 March 2020

А.А. Крымов

РЕАЛИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНЫХ ФОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ВВЕДЕНИИ РЕЖИМА ОСОБЫХ УСЛОВИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ПОСТАНОВКА ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Анализируется регулирование реализации досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в исправительных учреждениях. Выявляется ряд проблем и формулируются направления совершенствования законодательства и практики реализации уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность; режим особых условий; исправительное учреждение; оперативно-режимная деятельность.

Деятельность администрации исправительного учреждения характеризуется разносторонностью и направлена на решение различных целей и задач, в том числе в области исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений [1. С. 103–113; 2. С. 547–556]. На это же отчасти ориентирована и уголовно-процессуальная деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, которая реализуется через разные формы в ходе: проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела, производства неотложных следственных действий, предварительного расследования преступлений в форме дознания, разрешения вопросов в стадии исполнения приговора [3]. Ее значимость очевидна, поскольку ежегодное количество лиц, совершивших преступления, не отбывших наказание в виде реального лишения свободы, в 2008–2017 гг. колебалось от 15,9 до 5,2 тыс. человек, согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ [4], а количество досрочно освобожденных осужденных от наказания судами стабильно составляет по несколько десятков тысяч человек, по информации Федеральной службы исполнения наказаний России [5]. Рассмотрим более подробно досудебные формы уголовно-процессуальной деятельности в период действия режима особых условий в исправительных учреждениях.

Уголовно-процессуальная деятельность тесно взаимосвязана с другими аспектами функционирования исправительных учреждений – оперативно-розыскного и иного режимного характера, воспитательной работой и прочим, и обычно реализуется теми же сотрудниками (оперативными уполномоченными и др.). Это относится как к мирному или чрезвычайному времени, так и к режиму особых условий, который вводится в исправительных учреждениях по ч. 1 ст. 85 УИК РФ в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных. Режим особых условий действует достаточно продолжительное время: он вводится на срок до 30 суток с возможным продлением дополнительно на 30 суток (ч. 3 ст. 85 УИК РФ). Соответственно, в этот период ряд специфических обстоятельств, обуславливающих нейтрализацию вышеуказанных оснований вве-

дения режима особых условий, будет влиять и на осуществление уголовно-процессуальной деятельности исправительных учреждений.

В то же время наблюдается отсутствие соответствующего регулирования вышеуказанного режима: практически не закреплены особенности правового положения осужденных (кроме ограничения их некоторых прав), не определена специфика осуществления исправительно-профилактической работы с осужденными и т.п. [6], что объективно влияет и на осуществление уголовно-процессуальной деятельности.

Похожая ситуация – в следственных изоляторах. По статье 48 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» основаниями введения в них режима особых условий являются: массовые беспорядки, захват заложников и другие террористические акты или неповиновение подозреваемых и обвиняемых, стихийные бедствия, аварии систем жизнеобеспечения, эпидемии, эпизоотии и т.п. Режим особых условий в местах содержания под стражей также может применяться продолжительное время – на срок до тридцати суток.

Установление режима особых условий зависит от специфики самих учреждений и особенностей осужденных, содержащихся в них. Специфика различных учреждений уголовно-исполнительной системы преимущественно основывается на режиме в исправительном учреждении, который по ч. 1 ст. 82 УИК РФ обеспечивает личную безопасность осужденных и персонала, охрану и изоляцию осужденных, надзор за ними и пр.

Исправительные учреждения существенно различаются между собой с учетом особенностей их режима (особенно, например, колонии-поселения и тюрьмы). Особой спецификой обладают, в частности, лечебно-профилактические учреждения в соответствии с разделом XX Приказа Минюста России от 16.12.2016 № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений».

Требуют учета также особенности лиц, содержащихся в различных учреждениях уголовно-исполнительной системы при введении режима особых условий.

В этом случае специфика реализации режима особых условий будет зависеть от особенностей катего-

рий осужденных в конкретных исправительных учреждениях, а также вышеуказанных и иных условий их содержания, что в законодательстве не закреплено.

Регулирование форм уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в мирное и «нечрезвычайное» время также имеет ряд недостатков: не определена их подследственность, имеются сложности в обеспечении безопасности осужденных – участников уголовного судопроизводства, отсутствуют должности дознавателей в уголовно-исполнительной системе и т.п. (об этих и других проблемах в изучаемой области говорят различные специалисты) [7. С. 63–69; 8. С. 29–36; 9. С. 72–82]. Без сомнения, в период действия режима особых условий в исправительных учреждениях проблемы уголовно-процессуальной деятельности еще больше усугубляются.

Ввиду взаимосвязи уголовно-процессуальной деятельности с другими аспектами функционирования исправительных учреждений первая в той или иной степени может быть ориентирована и на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства по ст. 1 УИК РФ (кроме назначения уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 6 УПК РФ). Как отмечается в юридической литературе [10. С. 98], фактически реализация целей уголовного процесса ориентирована на достижение целей уголовного наказания (среди которых, как и в ст. 1 УИК РФ, указаны исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений).

Да и сам режим особых условий в исправительных учреждениях в целом ориентирован на предупреждение совершения различных преступлений (например, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, по ст. 321 УК РФ) и предшествующих им правонарушений.

Общеизвестно, что эффективность предупреждения пенитенциарных преступлений зависит от предварительного недопущения совершения осужденными дисциплинарных нарушений, особенно злостных [11. С. 41–53; 12], ряд которых (угроза, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление, организация группировок осужденных, направленных на совершение злостных нарушений, а равно активное участие в них и т.п.) при определенных обстоятельствах могут быть признаны преступлениями, что требует особого профилактического воздействия со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Проведением процессуальных действий и принятием соответствующих решений в исправительном учреждении занимаются отдельные сотрудники его администрации. Так, начальник исправительного учреждения в соответствии с ч. 1 ст. 157 УПК РФ имеет право возбудить уголовное дело и осуществить по нему неотложные следственные действия.

Однако на практике осуществление процессуальных действий начальники исправительных учреждений обычно возлагают на сотрудников оперативных подразделений [13, 14], хотя последние нередко воспринимают уголовно-процессуальные полномочия как нечто второстепенное по сравнению со своими

прямыми оперативно-розыскными обязанностями. Данная ситуация негативно влияет на реализацию уголовно-процессуальной деятельности исправительных учреждений, тем более что в уголовно-исполнительной системе отсутствуют должности дознавателей, а следователи и иные должностные лица других правоохранительных органов (органов внутренних дел, Следственного комитета и др.) обычно не обладают специальными навыками по специфике общения с осужденными, особенно приверженцами традиций криминальной субкультуры, и особенностям осуществления процессуальных действий в условиях исправительного учреждения.

Учреждения уголовно-исполнительной системы также обладают различными факторами, влияющими на эффективность выявления, пресечения и расследования пенитенциарных преступлений: существованием традиций криминальной субкультуры среди осужденных, которые осуществляют соответствующее противодействие действиям сотрудникам, негативное воздействие на других осужденных, являющихся потерпевшими, свидетелями или имеющих иной процессуальный статус, и знают о методах расследования преступлений; наличием возможностей по реализации оперативно-режимных и иных мероприятий для выявления, пресечения и расследования преступлений и т.п.

Реализация уголовно-процессуальной деятельности в исправительных учреждениях с учетом вышеуказанных факторов осуществляется во взаимосвязи с установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом) через деятельность отдела безопасности, осуществляющего обыски осужденных и помещений, в которых они проживают, досмотр вещей осужденных и т.п., оперативных отделов и других подразделений уголовно-исполнительной системы (ведь оперативно-розыскная деятельность, режим особых условий и использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля и прочее являются средствами обеспечения режима в исправительных учреждениях).

Регулирование самого режима в исправительных учреждениях и средств его обеспечения, а также использования полученных результатов администрациями исправительных учреждений преимущественно осуществляется в уголовно-исполнительном законодательстве.

При этом в УПК РФ практически не предусматриваются способы по использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, и только в ст. 89 определена возможность их использования при соответствии положениям уголовно-процессуального законодательства.

Специфика задач оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях закреплена в ч. 1 ст. 84 УИК РФ, к которым отнесены: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания и пр.

Фактически же оперативно-розыскная деятельность как средство обеспечения режима в исправи-

тельных учреждениях становится условно «оперативно-режимной», а ее результаты могут реализовываться в рамках доследственной проверки, в качестве повода для возбуждения уголовного дела, для подготовки и осуществления следственных действий, в целях выявления, пресечения и раскрытия преступлений и пр.

Для принятия решения по материалам доследственной проверки целесообразно активно применять оперативно-режимные меры, кроме прямо предусмотренных оперативно-розыскных мероприятий в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», к которым возможно отнести: обеспечение личной безопасности осужденного, применяемое путем его перевода в безопасное место или принятия иных мер; постоянные утренние и вечерние проверки наличия осужденных; цензура корреспонденции осужденных и др. При этом необходимо помнить, что данные меры не являются процессуальными действиями и реализуются независимо от доследственной проверки, о чем еще в советское время обоснованно говорилось в юридической литературе [15].

В рамках доследственной проверки необходимо учитывать, что в исправительных учреждениях сконцентрировано значительное количество осужденных с деформированной психологией и психическими отклонениями, придерживающихся традиций криминальной субкультуры, запрещающих под угрозой физической расправы общаться с сотрудниками администрации учреждения и иных правоохранительных органов.

Значимость оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях трудно переоценить. Кроме обеспечения режима в исправительном учреждении оперативные сотрудники круглосуточно отслеживают оперативную обстановку, выявляют и проводят проверки по дисциплинарным нарушениям осужденных, противодействуют попыткам попадания к осужденным запрещенных предметов, устанавливают и расследуют факты неслужебных связей персонала с осужденными, выявляют преступления и т.п.

Представляется, что, например, при массовых беспорядках или групповых неповиновениях осужденных как основаниях введения режима особых условий для получения необходимой информации администрацией исправительного учреждения будут применяться в основном именно оперативно-розыскные и оперативно-режимные меры, так как до нормализации оперативной обстановки в исправительном учреждении проведение сугубо процессуальных мероприятий будет существенно затруднено.

Еще одним средством обеспечения режима в исправительных учреждениях является применение технических средств надзора и контроля как для предупреждения, пресечения, выявления совершения осужденными преступлений и предшествующих им нарушений, особенно злостных, так и для проведения следственных и иных мероприятий в процессе расследования преступлений. Согласно ч. 1 ст. 83 УИК РФ аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля применяются для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений осужденных, а также для получения иной информации об их поведении. Думается, что приме-

нение указанных средств будет особенно необходимым в период действия режима особых условий для получения негласной информации о событиях, происходящих в исправительном учреждении.

Вместе с тем путем осуществления оперативно-розыскной деятельности и применения технических средств надзора и контроля в исправительном учреждении, особенно при введении режима особых условий, вряд ли будет возможность получать надлежаще оформленные процессуально значимые результаты.

Это предопределяет необходимость формулирования особенностей уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и их соответствующего нормативно-го закрепления.

Определенные предпосылки этому уже имеются в действующем законодательстве. Так, согласно ст. 12 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» при введении чрезвычайного положения может быть предусмотрено, помимо прочего, продление до трех месяцев срока содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, а по ст. 48 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» при введении режима особых условий могут быть ограничены или приостановлены все мероприятия, проводимые с участием подозреваемых и обвиняемых, усиливаются их охрана, пропускной режим и надзор за подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, прекращается прием посылок и передач, а также применяются другие меры, предусмотренные законом.

С учетом сказанного, объективно уголовно-процессуальная деятельность в исправительном учреждении еще более осложняется при режиме особых условий, ведь основаниями его введения являются стихийное бедствие, чрезвычайное или военное положение, массовые беспорядки и групповые неповиновения осужденных в соответствии с ч. 1 ст. 85 УИК РФ.

Кроме того, из-за проблем уголовно-процессуальной деятельности даже в мирное и «нечрезвычайное» время администрации исправительных учреждений вместо проведения процессуальных действий в соответствии с положениями УПК РФ нередко осуществляют оперативно-режимные и иные мероприятия согласно нормам уголовно-исполнительного законодательства без соответствующего процессуального оформления.

В результате на практике значительная часть преступлений осужденных являются латентными (с этим согласны и другие исследователи [16. С. 25–29; 17. С. 74–76]), при этом они нередко оформляются как дисциплинарные нарушения, что ведет к безнаказанности и формированию у них устойчивого преступного поведения.

Более того, при массовых беспорядках и групповых неповиновениях – одних из оснований введения режима особых условий – негативная активность осужденных, особенно приверженцев традиций криминальной субкультуры, резко возрастает.

Это связано с различными факторами: повышенным негативным эмоциональным состоянием большого числа осужденных, увеличением неофициальной власти у лидеров – представителей криминальной субкультуры, попытками одних осужденных «решить проблемы» в отношении других, пользуясь дестабилизацией деятельности исправительного учреждения и сложностью потенциальных потерпевших обратиться за помощью к администрации учреждения, в том числе для обеспечения их личной безопасности и т.п. Усиливается также организованное сопротивление со стороны осужденных оперативно-режимной и иной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы путем их недопуска в жилые и иные помещения, вооруженного и массового неповиновения и сопротивления, сосредоточения осужденных в конкретном месте, что затрудняет негласные встречи оперативных сотрудников с конфидентами-осужденными и пр.

В этой ситуации объективно затруднено исполнение норм уголовно-процессуального законодательства и осложнена деятельность в основном оперативных сотрудников при проверке сообщения о преступлении, производстве неотложных следственных действий, а также предварительном расследовании преступлений осужденных в форме дознания.

В свою очередь, в период действия режима особых условий сотрудникам воспитательного отдела и другим работникам исправительного учреждения будет сложно применять даже меры взыскания к нарушителям-осужденным, переводить в более строгие условия отбывания наказания и иным образом усиливать правоограничения в их отношении. Так, только по ч. 1 ст. 117 УИК РФ в мирное и «внезвычайное» время до объявления взыскания у осужденного берется письменное объяснение или же в случае его отказа от дачи объяснения составляется соответствующий акт, взыскание налагается не позднее 10 суток со дня обнаружения нарушения, а если в связи с нарушением проводилась проверка – со дня ее окончания, но не позднее трех месяцев со дня совершения нарушения, и т.п.

В правоприменительной деятельности наиболее применяемым способом проверки сообщений о пенитенциарных преступлениях является получение объяснения от осужденного, основная проблема при получении которого – не допустить его замены объяснением осужденного по факту дисциплинарного нарушения (по ч. 1 ст. 117 УИК РФ).

Кроме того, в период действия режима особых условий в исправительном учреждении может приостанавливаться реализация ряда прав осужденных (приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение свиданий, посылок, передач, бандеролей и пр.), изменяться деятельность охранно-режимных, производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб и т.п. (ч. 2 ст. 85 УИК РФ). В этом случае существенно меняется организация деятельности отдела безопасности, оперативных и иных подразделений уголовно-исполнительной системы, которые имеют отношение к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности.

Это важно уже в связи с тем, что обычно передача материалов по фактам совершенных преступлений в исправительных учреждениях осуществляется в форме рапорта лица об обнаружении признаков преступления, принявшим сообщение о совершенном или готовящемся преступлении по ст. 143 УПК РФ. К таким сообщениям в уголовно-исполнительной системе относятся: сведения о происшествиях, содержащиеся в журналах рапортов приема-сдачи дежурств, учета рапортов о нарушениях установленного порядка отбывания наказания и пр.; сведения о происшествиях, событиях и фактах относительно обеспечения правопорядка; сообщения медицинского персонала о выявлении у осужденных телесных повреждений; рапорты сотрудников о непосредственно обнаруженных или выявленных ими происшествиях и т.п.

Кроме того, по ч. 3 ст. 145 УПК РФ начальник исправительного учреждения обязан принять меры к пресечению преступления или закреплению его следов путем: организации охраны места происшествия; выявления осужденных-очевидцев преступления и получения от них объяснений; поиска предметов и документов, сохранивших следы преступления, и др.

Представляется, что в период действия режима особых условий осуществление указанных и иных мер также может быть затруднена.

Очевидно, что уже на этом этапе уголовного преследования будут иметь место затруднения деятельности оперативных, режимных и иных подразделений уголовно-исполнительной системы, так как организация их функционирования в связи введением режима особых условий может быть существенно скорректирована.

Выделяется несколько проблем реализации досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в исправительных учреждениях, требующих своего изучения и решения:

1) отсутствие штатных должностей дознавателей в уголовно-исполнительной системе и сложности разграничения уголовно-процессуальной с оперативно-режимной деятельностью исправительных учреждений;

2) сложности осуществления уголовно-процессуальной деятельности в период действия режима особых условий ввиду наличия дополнительных факторов, в целом затрудняющих нормальное функционирование исправительных учреждений;

3) недостаточность закрепления особенностей уголовно-процессуальной деятельности исправительных учреждений, в том числе в период действия режима особых условий;

4) отсутствие четкого подхода к особенностям организации реализации досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в исправительных учреждениях.

Представляется, что актуальнее дальнейшее исследование изучаемой проблематики и формулирование предложений по повышению эффективности реализации досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в исправительных учреждениях, включая корректировку действующего законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уткин В.А., Киселёв М.В., Савушкин С.М. «Гибридные» и «мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 103–113.
2. Rodionov A.V., Skiba A.P., Baljan E.V., Kalashnikov G.M., Buranova E.A. Models of convicts' labor organization in European German-speaking federative countries: comparative legal research // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 3. С. 547–556.
3. Крымов А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>
5. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний России. URL: <http://www.fsin.su>
6. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения / под общ. ред. А.А. Крымова ; науч. ред. А.П. Скибы. Рязань : Академия ФСИН России, 2017.
7. Гаврилов Б.Я. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений ФСИН России как одна из составляющих уголовно-исполнительной политики // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Рязань : Академия ФСИН России, 2016. С. 63–69.
8. Гирько С.И., Ширванов А.А. Подследственность уголовно-исполнительной системы как органа дознания – проблема, которую необходимо решить в первоочередном порядке // «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. III Междунар. пенитенц. форума. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. С. 29–36.
9. Шурухов Н.Г. Уголовно-процессуальные полномочия на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий в учреждениях уголовно-исполнительной системы (проблемы законодательной регламентации) // Актуальные проблемы организации правоохранительной и правозащитной деятельности : сб. материалов конф. Тула, 2018. С. 72–82.
10. Уголовный процесс : проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013.
11. Авдеев В.А. Оптимизация целей наказания в контексте предупреждения преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 41–53.
12. Малышева О.А. Взаимодействие органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы в предупреждении пенитенциарной преступности: научный очерк. М., 2007.
13. Особенности производства предварительного расследования по делам о преступлениях, совершаемых в учреждениях УИС / А.С. Шаталов и др. Вологда : Вологод. ин-т права и экономики ФСИН России, 2007.
14. Страхов А.В. Предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в исправительных учреждениях ФСИН России : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.
15. Петуховский М.А. Дознание и предварительное следствие в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1979.
16. Гирько С.И. Почему необходимо восстановление уголовно-процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Российский следователь. 2018. № 4. С. 25–29.
17. Хохрин С.А. Латентность как фактор пенитенциарной преступности // European Journal of Law and Political Sciences. 2016. № 1. С. 74–76.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 марта 2020 г.

Implementation of Pre-Trial Forms of Criminal Procedural Activity at the Introduction of the Mode of Special Conditions in Correctional Facilities: Stating Specific Problems

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 220–225.

DOI: 10.17223/15617793/454/27

Aleksandr A. Krymov, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: krsan@yandex.ru

Keywords: criminal procedure; mode of special conditions; correctional facility; operational and custodial activities.

In the article, the author identifies and considers various organizational and legal problems of implementation of pre-trial forms of criminal procedural activity under the introduction of special conditions in correctional facilities. He studies the mode of special conditions in correctional facilities, as well as the peculiarities of the operational and custodial (and other) activities of its administration in the context of criminal procedure. The focus of the study is on a set of problems characteristic of pre-trial forms of criminal procedural activity. In the study, the general scientific methods of analysis, synthesis, a system-structural method and the specific scientific methods of modeling, statistical analysis, expert assessment, a comparative historical method were used. The study is based on empirical data obtained during the research of inmates in Russian correctional facilities. As a result of the study, the author comes to a number of conclusions. There are several problems in exercising pre-trial forms of criminal procedural activity at the introduction of the mode of special conditions in correctional facilities that are to be studied and solved: the absence of staff posts of interrogators in the penal system and the complexity of differentiating criminal procedural activities from operational and custodial ones in correctional facilities; difficulties in carrying out criminal procedural activities under the mode of special conditions in view of additional factors that generally impede the normal functioning of correctional facilities; insufficient consolidation of the features of criminal procedural activities of correctional facilities, including under the mode of special conditions; lack of a clear approach to the features of the organization of pre-trial forms of criminal procedural activities when introducing the special conditions mode in correctional facilities. It is finally concluded that a further study of these issues and a formulation of proposals to improve the effectiveness of the implementation of pre-trial forms of criminal procedural activities at the introduction of special conditions in correctional facilities, including the adjustment of the current laws, is relevant.

REFERENCES

1. Utkin, V.A., Kiselev, M.V. & Savushkin, S.M. (2018) "Hybrid" and "Multiregime" Penal Institutions: Advantages and Risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 29. pp. 103–113. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/29/9
2. Rodionov, A.V. et al. (2019) Models of convicts' labor organization in European German-speaking federative countries: comparative legal research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 3. pp. 547–556. DOI: 10.21638/spbu14.2019.309
3. Krymov, A.A. (2015) *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' organov i uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii* [The Criminal Procedural Activity of Bodies and Institutions of the Penal System of Russia]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
4. *Official Website of the Judicial Department Under the Supreme Court of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru>.
5. *Official Website of the Federal Penitentiary Service of Russia*. [Online] Available from: <http://www.fsin.su>.

6. Skiba, A.P. (ed.) (2017) *Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyakh stikhiynogo bedstviya, vvedeniya chrezvychaynogo ili voennogo polozheniya* [Penal Law in the Event of a Natural Disaster, the Imposition of a State of Emergency or Martial Law]. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
7. Gavrilov, B.Ya. (2016) [The Criminal Procedural Activity of the Bodies and Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia as One of the Components of the Penal Policy]. *Ugolovno-ispolnitel'naya politika i voprosy ispolneniya ugovolnykh nakazaniy* [Penal Policy and Issues of the Execution of Criminal Sentences]. Proceedings of the International Conference. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 63–69. (In Russian).
8. Gir'ko, S.I. & Shirvanov, A.A. (2017) [The Jurisdiction of the Penal System as an Inquiry Body: A Crucial Problem to Solve]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, Punishment, Correction]. Proceedings of the III International Penitentiary Forum. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 29–36. (In Russian).
9. Shurukhnov, N.G. (2018) [Criminal Procedural Powers to Initiate Criminal Proceedings and the Production of Urgent Investigative Actions in Institutions the Criminal-Executive System (Problems Legislative Regulation)]. *Aktual'nye problemy organizatsii pravookhranitel'noy i pravozashchitnoy deyatel'nosti* [Topical Issues of Organizing Law Enforcement and Human Rights Activities]. Conference Proceedings. Tula: Tula Branch of the Russian State University of Justice. pp. 72–82. (In Russian).
10. Tomin, V.T. & Zinchenko, I.A. (eds) (2013) *Ugolovnyy protsess: problemnye lektsii* [The Criminal Procedure: Problem-Oriented Lectures]. Moscow: Yurait.
11. Avdeev, V.A. (2013) Purposes of Punishment Optimization in the Context of Crime Prevention. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Russian Journal of Criminology*. 2. pp. 41–53. (In Russian).
12. Malysheva, O.A. (2007) *Vzaimodeystvie organov vnutrennikh del i ugovolno-ispolnitel'noy sistemy v preduprezhdenii penitentsiarnoy prestupnosti: nauchnyy ocherk* [The Interaction of Internal Affairs Bodies and the Penal System in the Prevention of Penitentiary Crime: A Research Essay]. Moscow: [s.n.].
13. Shatalov, A.S. et al. (2007) *Osobennosti proizvodstva predvaritel'nogo rassledovaniya po delam o prestupleniyakh, sovershaemykh v uchrezhdeniyakh UIS* [Features of the Preliminary Investigation of Cases of Crimes Committed in Correctional Facilities]. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.
14. Strakhov, A.V. (2007) *Predvaritel'noe sledstvie po ugovolnym delam o prestupleniyakh, sovershaemykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh FSIN Rossii* [Preliminary Investigation in Criminal Cases of Crimes Committed in Correctional Facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Law Cand. Diss. Vladimir.
15. Petukhovskiy, M.A. (1979) *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh* [Inquiry and Preliminary Investigation in Correctional Labor Facilities]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
16. Gir'ko, S.I. (2018) Why Do the Criminal Procedure Powers of the Penal System of the Russian Federation Have to Be Restored?. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 4. pp. 25–29. (In Russian).
17. Khokhrin, S.A. (2016) Latency as Factor of Penitentiary Crime. *European Journal of Law and Political Sciences*. 1. pp. 74–76. (In Russian).

Received: 11 March 2020

Т.Г. Лепина

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ КОНТРАБАНДЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Классифицированы положения законодательства иностранных государств, предусматривающие ответственность за совершение контрабанды. Один из видов классификации основывается на наличии (либо отсутствии) соответствующих положений в уголовном законодательстве, другие обусловлены перечнем видов контрабанды, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность. Исследование зарубежного опыта позволит применять положительно зарекомендовавшие себя положения в отечественном законодательстве.

Ключевые слова: противодействие; контрабанда; зарубежные страны; уголовная ответственность; экспорт; импорт.

Введение

Правонарушения, связанные с контрабандой, уже давно приняли характер массового остро негативного явления, представляющего угрозу важным экономическим интересам любого государства. Наблюдается постоянный рост числа преступлений, связанных с незаконным перемещением через границу товаров и ресурсов [1. С. 205]. Противодействие этим деяниям зачастую требует согласованной деятельности двух или более государств одновременно. Различные подходы к регламентации ответственности за совершение контрабанды могут порождать определенные сложности. Так, например, одинаковые по степени общественной опасности деяния могут быть в одних государствах уголовно наказуемыми, а в других – повлечь административные санкции. России следует стремиться к поиску новых направлений сотрудничества с зарубежными странами, демонстрирующими накопление положительного опыта правоохранительной деятельности в рассматриваемой сфере [2. С. 112; 3. С. 59]. В связи с этим представляется важным рассмотреть отличия, обусловленные содержанием правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение контрабанды.

Основное исследование

Полагаем, что первый вид классификации зарубежных стран должен основываться на наличии (либо отсутствии) в уголовном законодательстве страны положений, регламентирующих уголовную ответственность за незаконное перемещение товаров через границу. Так, Н.В. Кузнецова справедливо указывает, что даже правовые системы стран Европейского союза демонстрируют рассогласованность в данной сфере [3. С. 62]. Думается, что страны можно разделить на следующие группы:

А. *Государства, в законодательстве которых отсутствует уголовная ответственность за контрабанду товаров* (Австрия, Бельгия, Норвегия) [4. С. 62].

Б. *Страны, в правовых системах которых уголовная ответственность за совершение контрабанды установлена не в уголовном кодексе, а в иных законах*. Так, например, в Ираке закон «О таможене» 1984 г. содержит ряд положений, касающихся контрабанды. В нем предусмотрена дифференциация наказания,

обусловленная тяжестью совершенного деяния (проступка или преступления) [5. С. 27]. В Индии установлена уголовная ответственность за контрабанду наркотических средств, а также психотропных веществ (Акт о веществах и косметике 1940 г. и Акт о наркотических средствах и психотропных веществах 1985 г.) [6. С. 168–173]. Кроме того, в США положения, предусматривающие ответственность за контрабанду, не кодифицированы. Например, уголовная ответственность за незаконный вывоз оружия, а также материалов и технологий, которые могут использоваться в военных целях, регламентируется Законом о контроле над экспортом оружия. Помимо этого, ответственность за деяния, связанные с контрабандой может предусматриваться и другими нормативно-правовыми актами (Закон 1979 г. «Об управлении экспортом» и др.). Последний призван контролировать вывоз из страны товаров и современных технологий [7. С. 4].

В. *Государства, в уголовных законах которых предусмотрена уголовная ответственность за совершение контрабанды* (Иран, Голландия, ФРГ, Франция и др.).

Следующая классификация зарубежных стран обусловлена перечнем видов контрабанды, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность. Данная дифференциация вызвана тем, что в правовых системах ряда государств акцент делается на противодействии экономическим преступлениям, связанным с незаконным ввозом и вывозом определенных товаров. В других в первую очередь криминализируются деяния, связанные с контрабандой предметов, изъятых из гражданского оборота. В связи с этим государства можно разделить на следующие группы:

А. *Государства, в которых к уголовной ответственности привлекаются лица, совершившие экономическую контрабанду*. Например, они осуществляют перемещение через границу контрафактных товаров или средств их индивидуализации (УК Голландии). Это могут быть поддельные деньги (ст. 209), ложные, фальсифицированные или незаконно произведенные клейма, печати и знаки или предметы, на которые они незаконно поставлены (ст. 220). В части 1 ст. 337 регламентируется наступление уголовной ответственности за контрабанду: фальсифицированных или незаконно произведенных торговых марок, товаров или

тары с незаконно используемыми фирменными наименованиями или товарным знаком и др. [8].

Уголовный кодекс Швеции также ориентирован на противодействие экономической контрабанде. В ст. 1 гл. 11 ч. 2 данного уголовного закона установлена уголовная ответственность для лица, объявленного банкротом, которое вывозит из страны имущество, чтобы утаить его от процедуры банкротства [9].

Б. Зарубежные страны, криминализирующие широкий круг деяний, которые можно отнести как к экономической контрабанде, так и к контрабанде предметов, ограниченных в обороте или запрещенных к обороту. Эту группу можно разделить на две подгруппы.

1. Страны первой подгруппы преимущественно ориентированы на противодействие ввозу и вывозу на территорию (с территории) государств определенных предметов или товаров. Например, в УК Сан-Марино предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил ввоза наркотических средств (в том числе по неосторожности) (ст. 244, 250) и за контрабанду оружия и взрывных устройств (ст. 251). Максимальное наказание за данные деяния составляет 3 года (ст. 244) и 1 год лишения свободы (ст. 251). При этом наиболее строгое наказание предусмотрено за контрабандный ввоз на территорию Республики питательных веществ и веществ, используемых в медицинских целях – до 10 лет лишения свободы (ст. 242) [10. С. 70].

2. Государства второй подгруппы в первую очередь ориентированы на противодействие контрабанде, посягающей на экономические интересы страны.

В УК Аргентины к уголовной ответственности привлекается «тот, кто подделал деньги, имеющие законное хождение в Республике, а также тот, кто ввез, сбыв или ввел в оборот такого рода фальшивые деньги» (ст. 282). В соответствии со ст. 283 под угрозой наказания запрещено уменьшение веса или изменение монет, имеющих законное хождение, а также их ввоз, сбыт или введение в оборот.

Согласно § 169 УК Дании к уголовной ответственности должно привлекаться любое лицо, которое импортирует поддельные деньги или ценные бумаги. В § 170 установлена уголовная ответственность за импорт векселя на предъявителя в качестве платежного средства для узкого или широкого обращения или такого, который мог бы быть использован подобным образом. Данное положение не распространяется на иностранные банкноты.

УК Ирана предусматривает привлечение к уголовной ответственности за ввоз на территорию страны: 1) поддельных национальных и иностранных монет золотой и серебряной чеканки (ст. 518) – наказание в виде тюремного заключения на срок от 1 года до 10 лет; 2) поддельных национальных и иностранных монет, отчеканенных не из драгоценных металлов (ст. 520) – наказание в виде тюремного заключения на срок от 1 года до 3 лет; 3) поддельных указов, печатей высших органов власти, решений судов (ст. 525, 526 УК Ирана) [10. С. 72].

В. Страны, в которых приоритетное значение имеют уголовно-правовые меры противодействия

контрабанде товаров, ограниченных или запрещенных в обороте. Так, УК Японии предусматривает привлечение к уголовной ответственности в случае незаконного перемещения через границу опия или приборов для курения опия (ст. 136–138) [11]. Или, например, при незаконном ввозе или вывозе материалов, посягающих на государственные или общественные устои, а также связанных с призывами к неповиновению (УК Израиля). Так, например, контрабанда оружия наказывается тюремным заключением сроком на 15 лет (Раздел хет: «Причинение вреда государственным и общественным устоям»; Глава алеф: «Призыв к неповиновению»; ст. 144; бет). В то же время другое преступление этого раздела наказывается не столь строго: ввоз материала, который может призвать к неповиновению, наказывается тюремным заключением сроком на 5 лет (Раздел хет: «Причинение вреда государственным и общественным устоям»; глава алеф: «Призыв к неповиновению»; ст. 134; бет). При этом ввоз поддельных векселя или драгоценной монеты влечет наказание в виде тюремного заключения сроком на 7 лет (Раздел йюд бет: «Подделка денег и марок»; главы алеф и бет; ст. 462 (2), 476) [12].

УК ФРГ также регламентирует привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших различные виды контрабанды. Так, в § 275 в числе деяний, представляющих собой способы подготовки к подделке служебных удостоверений, назван ввоз и вывоз, например, матриц, бумаги, подобной бумаге, соответствующих бланков.

Согласно § 276, к уголовной ответственности могут привлекаться лица, совершившие ввоз и вывоз «фальсифицированного служебного удостоверения или служебного удостоверения, которое содержит фальшивое засвидетельствование».

За совершение таких преступлений предусмотрено наказание в виде 2 лет лишения свободы или денежного штрафа. Однако если соответствующие деяния являются промыслом или лицо состоит в банде (квалифицированные составы), оно подлежит наказанию от 3 месяцев до 5 лет лишения свободы. Оба этих параграфа (275 и 276) расположены в разделе 23 «Подделка документов».

Помимо этого, УК ФРГ (ч. 1 § 328) регламентирует привлечение к уголовной ответственности лиц, ввозящих или вывозящих горючие ядерные вещества; иные радиоактивные вещества, которые по своему роду, свойству или количеству могут причинить смерть или тяжкий вред здоровью другого человека. За совершение данного деяния предусмотрено наказание в виде 5 лет лишения свободы или штрафа [13].

В УК Швейцарии уголовная ответственность установлена за незаконный ввоз и вывоз товаров, связанный с посягательствами на «элементарные ценности», на имущественные права, информационную безопасность, общественное здоровье. Например, ввоз фотоснимков, изображений, других предметов, которые не подлежат защите в силу своей незначительной культурной или научной ценности, изображающих «жестокость в отношении людей или животных» и тяжким образом нарушающих элементарные ценности (ст. 135). Согласно ст. 236 преступным является

ввоз корма, вредного для здоровья животных. Также уголовная ответственность предусмотрена за ввоз программ, призванных изменять, ликвидировать или делать неприменимыми данные (ч. 2 ст. 144 bis), а также ввоз и вывоз техники, ее составных частей или программ для обработки данных, которые предназначены для незаконной расшифровки радиопрограмм или служб телекоммуникации (ст. 150). Деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 144 bis, наказываются одинаково с контрабандой фальшивых денег (ст. 244) – каторжной тюрьмой на срок до 5 лет.

Согласно УК Республики Корея к уголовной ответственности должно привлекаться лицо, виновное в совершении контрабанды взрывчатых веществ во время войны либо в период военного инцидента (ст. 121). Помимо этого, уголовные наказания предусмотрены за импорт опиума, морфина или их производных (ст. 198). Статья 199 устанавливает запрет на импорт приспособления для курения опиума. В части 4 ст. 207 УК Кореи регламентируется уголовная ответственность за ввоз или вывоз валюты с целью сбыта. В статьях 211, 217, 222 устанавливается запрет на совершение ввоза или вывоза поддельных денежных знаков, ценных бумаг, а также облигаций государственного займа, государственных и почтовых штампов и печатей, выпущенных в Республике Корея или других иностранных государствах с намерением продать [14].

В уголовном законодательстве Турции преступными признаются несколько видов контрабанды. Так, предусмотрено привлечение к уголовной ответственности за контрабанду поддельных или фальшивых денег, национальных золотых украшений (ст. 316 УК Турции); за ввоз поддельных и фальшивых знаков оплаты (ценных бумаг, талонов, марок) (ст. 322 УК Турции). В статье 426 предусмотрена ответственность за контрабанду предметов непристойного содержания. Однако наиболее строгое наказание предусмотрено в случае совершения контрабанды наркотиков. В соответствии с ч. 1 ст. 403 за ввоз в страну наркотических веществ без наличия разрешения либо вопреки условиям разрешения предусмотрено тяжкое заключение на срок от 10 до 20 лет и тяжкий денежный штраф в размере 500 тыс. лир за каждый грамм с дробью наркотических веществ. За вывоз их из страны (ч. 2) – тяжкое заключение на срок от 6 до 12 лет и тяжкий денежный штраф в размере 50 тыс. лир за каждый грамм с дробью наркотических веществ. Согласно ч. 3 ст. 403 УК Турции вывоз из страны наркотических веществ после их переработки или ввоз наказывается тяжким заключением на срок от 10 до 20 лет и тяжким денежным штрафом в размере 500 тыс. лир за каждый грамм с дробью наркотических веществ [10. С. 76].

В некоторых странах за совершение контрабанды наркотиков предусмотрена смертная казнь (Афганистан, Китай, Египет, Индия, Иран, Катар, Сомали, Зимбабве) [15. С. 161; 16. С. 261–263].

УК КНР предусматривает наступление уголовной ответственности за совершение различных видов контрабанды, например:

– контрабанда оружия, боеприпасов, ядерных материалов или фальшивой валюты (ч. 1 ст. 151);

– контрабанда запрещенных государством к вывозу из страны культурных ценностей, золота, серебра и прочих драгоценных металлов, а также запрещенных государством к ввозу в страну ценных животных и произведенной из них продукции (ч. 2 ст. 151).

Преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 151, при особо отягчающих обстоятельствах наказываются бессрочным лишением свободы или смертной казнью, а также конфискацией имущества.

Согласно ч. 3 ст. 151 УК КНР уголовная ответственность также предусмотрена за совершение контрабанды запрещенных государством к вывозу из страны уникальных растений и продукции из них. Максимальное наказание – лишение свободы на срок до 5 лет и (или) штраф; при отягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок свыше 5 лет и штраф.

Помимо перечисленных выше преступлений, уголовная ответственность также предусмотрена за совершение контрабанды порнографической продукции с целью извлечения прибыли или распространения (ст. 152); контрабанды товаров и предметов с уклонением от уплаты налогов (ст. 153).

УК КНР предусматривает наказание за незаконное приобретение непосредственно у контрабандиста товаров, запрещенных государством к ввозу в страну (ст. 155), вооруженное прикрытие контрабанды (ст. 157).

Правительство КНР уделяет большое внимание проблеме распространения наркотиков, что получило отражение в законодательстве. В прошлые годы нередко на стадионах производились публичные расстрелы преступников в присутствии большого количества зрителей (в настоящее время в результате влияния мировой общественности такие меры больше не применяются) [17. С. 31–36]. Современные уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления в данной сфере, отличаются строгостью санкций. В статье 346 регламентируется привлечение к уголовной ответственности за совершение контрабанды наркотических средств. Строгость наказания зависит от количества перевозимых веществ. Наиболее строгие санкции в виде лишения свободы на срок 15 лет, бессрочного лишения свободы или смертной казни обусловлены наличием следующих обстоятельств:

а) совершение контрабанды наркотических веществ в крупном объеме;

б) руководство группой, занимающейся контрабандой, продажей, транспортировкой и изготовлением наркотиков;

в) вооруженное прикрытие контрабанды, продажи, транспортировки и изготовления наркотиков;

г) сопротивление с применением насилия проведению досмотра, задержанию и аресту, при отягчающих обстоятельствах;

д) участие в организованной международной торговле наркотиками [18].

Уголовный закон Франции устанавливает наказание за контрабанду наркотиков в виде 10 лет тюремного заключения и штрафа в размере 50 000 000 франков. Квалифицированный состав (совершение деяния организованной бандой) влечет наказание в виде 30 лет уголовного заключения и штрафа в размере 50 000 000 франков (ст. 222-36 УК Франции).

Контрабанда взрывчатых веществ криминализируется в соответствии со ст. 421-1 УК Франции. Указанное деяние в некоторых случаях может быть отнесено к актам терроризма. Установление данного обстоятельства существенным образом ужесточает наказание [19].

Третья классификация проводится в соответствии с тем, на какой объект уголовно-правовой охраны (по мнению законодателя) посягает лицо, виновное в контрабанде товаров.

1. *Страны, в которых контрабанда может рассматриваться как посягательство на личность*, например Франция. Так, согласно УК Франции уголовная ответственность за контрабанду наркотиков регламентирована ст. 222-36, расположенной в отделе IV «О незаконной торговле наркотиками», который включен в главу II «О посягательствах на физическую или психическую неприкосновенность личности». Согласно УК Швейцарии ввоз в страну звуковых записей, фотоснимков, изображений, на которых изображены сцены жестокости в отношении людей или животных (ст. 135), включен в раздел «Преступные деяния против жизни и здоровья».

2. *Государства, в уголовных законах которых контрабанда поддельной валюты или денежных инструментов отнесена к преступлениям, связанным с фальсификацией и обманом*, например, Аргентина, Голландия, Дания, Израиль, Северная Корея, Таиланд. Как правило, эти преступления отнесены к подделке, фальсификации, подмене или обману и содержатся в соответствующих главах и (или) разделах уголовных законов. В соответствии с УК Аргентины объектом рассматриваемых деяний выступает общественное доверие (раздел XII).

3. *Страны, в которых незаконный ввоз или вывоз определенных товаров относится к преступлениям против общественного порядка или общественной безопасности*.

В уголовном законе Сан-Марино в главе I «Преступления против безопасности, общественного здравоохранения и окружающей среды» раздела третьего «Преступления против общества» расположена контрабанда:

- водных растворов или питательных либо медицинских веществ, опасных для здоровья (ст. 242);
- веществ, предназначенных для потребления, кроме перечисленных в предыдущем пункте, которые представляют опасность для здоровья (ст. 234);
- наркотических средств (ст. 244).

Важно отметить, что в той же главе содержится ст. 251, предусматривающая ответственность за ввоз оружия, бомб, газа либо взрывных устройств и воспламеняющихся материалов или взрывчатых веществ. Данное деяние отнесено не к преступлениям, а к проступкам.

Также в третьем разделе в главе 3 «Преступления против общественной морали» содержится ст. 280, регламентирующая ответственность за ввоз на территорию Республики Сан-Марино спирта, ликера для алкогольных напитков либо алкогольные напитки.

В УК Швейцарии ст. 236 «Введение в обращение корма, вредного для здоровья животных» (в которой криминализируется ввоз вредного для здоровья животных корма или средства для корма) расположена в

восьмом разделе «Преступления и проступки против общественного здоровья».

В УК Израиля ввоз материалов, которые могут призвать к неповиновению (ст. 134), а также контрабанда оружия (ст. 144) отнесены к деяниям, связанным с причинением вреда государственным и общественным устоям (раздел хет).

В УК Северной Кореи контрабанда взрывчатых веществ (ст. 121) отнесена к преступлениям против общественного порядка (глава V).

4. *Страны, в которых контрабанда объектов интеллектуальной собственности, как правило, отнесена к экономическим преступлениям*. Например, УК Сан-Марино. В третьем разделе «Преступления против общества» в главу 4 «Преступления против государственной экономики» включены ст. 309 «Продукты и авторские произведения с маркировкой, предназначенной для обмена» и ст. 319 «Злоупотребления при снабжении товарами и продовольствием». Первая вводит запрет на ввоз авторских произведений искусства, промышленной или сельскохозяйственной продукции с названиями, маркировкой и другими знаками, вводящими в заблуждение относительно происхождения, качества или состава продукта и авторского произведения. Данное деяние является преступлением. В статье 319 установлен запрет на ввоз или вывоз товаров и продовольствия без разрешения властей. Это деяние отнесено к проступкам.

В разделе XXV «Обман» УК Голландии (ст. 337) предусмотрена уголовная ответственность за ввоз в страну товаров с незаконно нанесенным товарным знаком.

В статье 275 УК Таиланда вводится запрет под угрозой наказания на ввоз товаров, имеющих образ, искусственную марку или любое буквенное обозначение, или товаров, имеющих подделанную или сымитированную торговую марку, принадлежащую другому лицу. Это деяние расположено в разделе VIII «Преступления, относящиеся к торговле».

5. *В некоторых странах отдельные виды контрабанды отнесены к преступлениям, посягающим на безопасность окружающей среды*, например, УК Сан-Марино, ФРГ.

Так, в разделе 29 «Наказуемые деяния против окружающей среды» УК ФРГ в § 328 регламентирована уголовная ответственность за контрабанду ядерных или радиоактивных веществ.

Заключение

С учетом анализа представленных выше положений зарубежного законодательства можно отметить, что объекты (и предметы) деяний, связанных с контрабандой, различаются. Также различаются и способы уголовно-правовой охраны. Затруднительно выделить общие черты даже в государствах одной правовой семьи (например, романо-германской). Некоторые исследователи придерживаются аналогичной точки зрения, отмечая, что на выборе модели ответственности за контрабанду не сказывается ни географический принцип, ни отнесение государства к определенной правовой семье [20. С. 141, 142].

В положениях уголовного закона многих стран существуют свои особенности. Например, нередко в иностранных государствах регламентируется уголовная ответственность за незаконное перемещение через границу поддельных денег. Полагаем, что соответствующее деяние могло бы быть включено и в диспозицию ст. 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» (с редактированием ее названия). Либо возможен другой вариант, при котором ответственность за незаконное перемещение через границу поддельных денег следовало бы регламентировать в ст. 186 УК РФ «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг».

Как правило, в иностранных уголовных законах в числе наказуемых деяний в рамках одной статьи названо не только незаконное перемещение товаров через границу, но также перечислены и иные действия (бездействие). Например, изготовление, хранение, транспортировка, приобретение и др. Введение уголовно-правового запрета путем выделения некоторых деяний в отдельные нормы приводит к разрастанию отечественного уголовного закона, что не всегда оправданно. Например, в ст. 228 регламентируется ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств и психотропных веществ; в ст. 229.1 УК РФ – за контрабанду этих же предметов. Существуют и иные примеры. Полагаем, что незаконное перемещение через границу (как преступное деяние) может быть включено в нормы, регламентирующие уголовную ответственность за изготовление, сбыт, хранение, перемещение (и другое) соответствующих предметов преступления. Это способствовало бы оптимизации уголовного законодательства России.

Решению рассмотренной выше задачи также способствовало бы разделение составов, предусматри-

вающих охрану слишком разноплановых объектов. Например, в ст. 226.1 УК РФ регламентируется ответственность за контрабанду как радиоактивных веществ, так и культурных ценностей. Полагаем, что такое конструирование правовой нормы снижает эффективность охраны общественных отношений, прав и свобод, которым причиняется вред в результате совершения преступления, а также порождает сложности в правоприменительной деятельности.

Думается, что основным объектом контрабанды радиоактивных веществ является безопасность окружающей среды (подобная точка зрения отражена в УК ФРГ). Следовательно, в российском законодательстве данное деяние могло бы быть отнесено к экологическим преступлениям. Целесообразность акцентирования внимания на охране окружающей среды обусловлена масштабами преступности в соответствующей сфере, необходимостью решать вопросы, связанные с обеспечением экологической безопасности [21. С. 103–113]. При этом контрабанда культурных ценностей (объектом которой законодатель видит общественную безопасность) в первую очередь посягает на интересы государства по поводу владения и распоряжения культурными ценностями и сохранения культурного наследия народов России. Полагаем, что конструкцию ст. 226.1 УК РФ сложно назвать корректной. Многие исследователи указывают на существование недостатков в правовом регулировании привлечения к уголовной ответственности за совершение контрабанды [22. С. 54; 23. С. 577–586].

Думается, что изучение положений уголовного закона иностранных государств способствует эволюции отечественной правовой системы. Это позволяет рассматривать в качестве примера корректно сформулированные предписания, а также избежать копирования ошибок в законотворческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Н.В. Сравнительная характеристика уголовного законодательства стран СНГ об ответственности за контрабанду // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и методические аспекты : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова / под ред. В.Ф. Лапшина. 2016. С. 205–211.
2. Кныш С.В., Селищев К.Н. Контрабанда оружия // Аллея науки. 2017. № 6. С. 110–113.
3. Кузнецова Н.В. Сравнительная характеристика наказаний за контрабанду в России и некоторых зарубежных странах // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 60–64.
4. Красота Т.Г., Красота Ю.Л. Таможенные правонарушения: выявление и предупреждение. Ульяновск : Зебра, 2017. 66 с.
5. Толстухина Т.В., Шервани Э.Н.К. Контрабанда наркотических средств в республике Ирак как объект уголовно-правового и криминалистического исследования // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 24–34.
6. Щербаков А.Д. Противодействие обороту наркотиков в Индии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 7. С. 168–173.
7. Берзинь О.А. Таможенная служба США и особенности ее правоохранительной деятельности // Публично-правовые исследования. 2013. № 3. С. 1–12.
8. Уголовный кодекс Голландии. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242430&subID=100100457,100100458,100100510,100101139> (дата обращения: 05.03.2019).
9. Уголовный кодекс Швеции. URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 05.03.2019).
10. Прохоров Л.А. Правовые модели противодействия контрабанде: опыт зарубежного законодательства // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 69–77.
11. Уголовный кодекс Японии. URL: <https://constitutions.ru/?p=407&attempt=1> (дата обращения: 05.03.2019).
12. Уголовный кодекс Израиля. URL: <https://constitutions.ru/?p=11071> (дата обращения: 05.03.2019).
13. Уголовный кодекс ФРГ. URL: <https://constitutions.ru/?p=24969> (дата обращения: 05.03.2019).
14. Уголовный кодекс Республики Корея. URL: <https://books.google.ru/books?id=qJkCgAAQBAJ&pg=PT81&lpg=PT81&dq> (дата обращения: 05.03.2019).
15. Нестерова М.В. Противодействие контрабанде наркотических средств и психотропных веществ в рамках осуществления таможенного контроля // Сборник научных статей студентов специальности 38.05.02 – «Таможенное дело» «Современные вопросы таможенного дела». Брянск, 2018. С. 159–164.
16. Шахвердова К.М., Санжаревская Д.А. Некоторые проблемы таможенного сотрудничества России и Египта // European Research : сб. ст. победителей VIII междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и просвещение, 2017. С. 261–263.

17. Трошинский П.В. Правовое регулирование борьбы китайского государства с незаконным оборотом наркотиков // Наркоконтроль. 2015. № 1. С. 31–36.
18. Уголовный кодекс КНР. URL: <https://constitutions.ru/?p=403> (дата обращения: 05.03.2019).
19. Уголовный кодекс Франции. URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 05.03.2019).
20. Зайнуллина З.Ф., Тамаев Р.С. Уголовно-правовые меры противодействия контрабанде за рубежом // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 3 (50). С. 136–142.
21. Татьяна Л.Г., Лукомская А.С., Юлдошев Р.Р. Понятие, сущность и современные перспективы предупреждения экологической преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 105. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).103-113
22. Талан М.В. Совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2018. № 7 (7). С. 47–55.
23. Пантелеева И.А., Бакшт Д.А. Проблемы уголовной ответственности за контрабанду культурных ценностей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 577–586. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).577-586

Статья представлена научной редакцией «Право» 8 февраля 2020 г.

Criminal Liability for Smuggling in Foreign Countries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 226–232.

DOI: 10.17223/15617793/454/28

Tatyana G. Lepina, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: lepina2813@mail.ru

Keywords: counteraction; smuggling; foreign countries; criminal liability; export; import.

The author of the article aims to study the design features of legal norms that provide for criminal prosecution for the commission of various types of smuggling in foreign countries. As a result of applying the comparative legal method and analyzing the provisions of the criminal laws of foreign countries, the author's position on the grounds for their classification is formed. The first classification is based on the presence (or absence) of criminal law provisions governing the criminal liability for the illegal movement of goods across the border. Depending on it, countries are divided into three groups. In the countries of the first group, there is no criminal liability for smuggling at all. In the countries of the second group, the relevant provisions are contained in separate regulations. In the countries of the third group, criminal liability for smuggling is enshrined in criminal codes. The second type of classification is based on the list of types of smuggling for which criminal liability is provided. So, there are countries whose legislation is primarily aimed at countering economic smuggling. Criminal laws of other countries regulate liability both for committing economic smuggling and for smuggling items that are restricted in circulation or prohibited from circulation. In some countries, priority is given to criminal-law measures to counteract the smuggling of goods that are restricted or prohibited from circulation. The third classification is based on the type of object of criminal law protection (according to the legislator) that a person who has committed the illegal import or export of certain goods or objects encroaches on. So, in some countries, smuggling can be attributed to crimes against the individual and public safety. In some countries, the corresponding offenses are classified as economic or related to falsification (fraud). In some countries, smuggling may be attributed to an act against environmental safety. As a result, a number of conclusions are drawn. Given the analysis of the provisions of foreign law, it can be noted that targets of acts related to smuggling differ. The methods of criminal law protection also differ. It is difficult to single out common features even in states of the same legal family. As a rule, in foreign criminal laws, among the punishable acts under one article, not only illegal movement of goods across the border is mentioned, but also other actions (inaction) are listed. The introduction of a criminal law prohibition by highlighting certain acts in separate norms leads to the expansion of the domestic criminal law, which is not always justified. In the author's opinion, illegal cross-border movement (as a criminal act) can be included in the rules governing criminal liability for the manufacture, sale, storage, movement (and other) of the relevant targets of crime. This would help to optimize criminal law.

REFERENCES

1. Kuznetsova, N.V. (2016) [Comparative Characteristics of the Criminal Legislation of the CIS Countries on Liability for Smuggling]. *Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugovornogo prava Rossiyskoy Federatsii: nauchnye i metodicheskie aspekty* [Current Status and Development of Criminal Law of the Russian Federation: Scientific and Methodological Aspects]. Conference Proceedings. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 205–211. (In Russian).
2. Knysh, S.V. & Selishchev, K.N. (2017) Kontrabanda oruzhiya [Arms Smuggling]. *Alleya nauki*. 6. pp. 110–113.
3. Kuznetsova, N.V. (2016) Comparative Characteristics of the Penalties for Smuggling in Russia and in Some Foreign Countries. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 4 (36). pp. 60–64. (In Russian).
4. Krasota, T.G. & Krasota, Yu.L. (2017) *Tamozhennyye pravonarusheniya: vyyavlenie i preduprezhdenie* [Customs Offenses: Identification and Prevention]. Ul'yanovsk: Zebra.
5. Tolstukhina, T.V. & Shervani, E.N.K. (2014) Kontrabanda narkoticheskikh sredstv v respublike Irak kak ob'ekt ugovornogo i kriminalisticheskogo issledovaniya [Smuggling of Narcotic Drugs in the Republic of Iraq as an Object of Criminal Law and Forensic Research]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2-2. pp. 24–34.
6. Shcherbakov, A.D. (2015) Protivodeystvie oborotu narkotikov v Indii [Counteracting Drug Trafficking in India]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina – Courier of the Kutafin Moscow State Law University*. 7. pp. 168–173.
7. Berzin', O.A. (2013) Tamozhennaya sluzhba SShA i osobennosti ee pravookhranitel'noy deyatel'nosti [US Customs and Its Law Enforcement Features]. *Publichno-pravovyye issledovaniya*. 3. pp. 1–12.
8. Law.edu.ru. (2007) *The Criminal Code of the Kingdom of Netherlands*. [Online] Available from: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242430&subID=100100457,100100458,100100510,100101139>. (Accessed: 05.03.2019). (In Russian).
9. Svenska Palmen. (1999) *Swedish Penal Code*. [Online] Available from: http://www.sweden4rus.ru/rus/info/juridisk/ugovlovnj_kodeks_shvecii. (Accessed: 05.03.2019).
10. Prokhorov, L.A. & Skachkova, A.V. (2013) Legal Models of Counteraction to Smuggling: Experience of Foreign Lawmaking. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 2 (44). pp. 69–77. (In Russian).
11. Constitutions.ru. (2018) *Penal Code of Japan*. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=407&attempt=1>. (Accessed 05.03.2019). (In Russian).
12. Constitutions.ru. (2018) *Penal Law of Israel*. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=11071>. (Accessed: 05.03.2019). (In Russian).
13. (2019) *German Penal Code*. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=24969>. (Accessed: 05.03.2019). (In Russian).

14. Books.google.ru. (2017) *Penal Code of Korea*. [Online] Available from: <https://books.google.ru/books?id=qlJkCgAAQBAJ&pg=PT81&lpg=PT81&dq>. (Accessed: 05.03.2019).
15. Nesterova, M.V. (2018) Counteracting the Smuggling of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances in the Framework of Customs Control. In: *Sovremennye voprosy tamozhennogo dela* [Modern Customs Issues]. Bryansk: Bryansk State University. pp. 159–164. (In Russian).
16. Shakhverdova, K.M. & Sanzharevskaya, D.A. (2017) [Certain Problems of Customs Commonwealth Between Russia and Egypt]. *European Research*. Conference Proceedings. Penza: Nauka i Prosveshchenie. pp. 261–263. (In Russian).
17. Troshchinskiy, P.V. (2015) Legal Regulation of Counternarcotic Actions of the Chinese State. *Narkokontrol'*. 1. pp. 31–36. (In Russian).
18. Constitutions.ru. (2018) *Criminal Law of the People's Republic of China*. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=403>. (Accessed: 05.03.2019). (In Russian).
19. Constitutions.ru. (2019) *French Penal Code*. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=25017>. (Accessed: 05.03.2019).
20. Zaynullina, Z.F. & Tamaev, R.S. (2018) Ugolovno-pravovye меры protivodeystviya kontrabande za rubezhom [Criminal Law Measures to Combat Smuggling Abroad]. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata – Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 3 (50). pp. 136–142.
21. Tat'yanina, L.G., Lukomskaya, A.S. & Yuldoshev, R.R. (2019) The concept, essence and modern prospects of environmental crime prevention in the Russian Federation. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 13 (1). (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).103-113
22. Talan, M.V. (2018) Sovershenstvovanie ugolovno-pravovykh norm ob otvetstvennosti za kontrabandu [Improving the Criminal Law on Liability for Smuggling]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava na sovremennoy etape (voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noy tekhniki)*. 7 (7). pp. 47–55.
23. Panteleeva, I.A. & Baksht, D.A. (2017) Issues of Criminal Liability for Smuggling Cultural Properties. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 11 (3). pp. 577–586. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).577-586

Received: 08 February 2020

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДАННЫХ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Исследуются правовая природа права на защиту данных, целесообразность ее выделения в качестве самостоятельного права и проблемы ее реализации. Особое внимание уделено поиску необходимого баланса между защитой данных и свободой выражения мнения. Проведен анализ международно-правовой базы доктринальных исследований, а также правовых позиций национальных и международных судов в области защиты. Обоснован вывод о необходимости создания независимых надзорных органов в сфере защиты данных на основе стандартов, выработанных Советом Европы.

Ключевые слова: защита персональных данных; массовое наблюдение; конфиденциальность; право на уважение частной жизни; интернет; Совет Европы; Европейский Суд по правам человека; Суд Европейского Союза; Конвенция 108.

Введение

За последние десятилетия технические возможности для сбора и обработки данных существенно расширились. Цифровая революция и технологический прогресс не только изменили отношение людей к персональным данным, но и бросили вызов существующим концепциям защиты данных. Вопросы защиты персональных данных приобретают еще большее значение также в контексте развития и массового внедрения программ и методов автоматизированной обработки данных. На сегодняшний день социальные сети и мессенджеры хранят большую часть данных о своих пользователях, и в этой связи вопросы защиты данных в интернете представляются особенно актуальными.

На основе анализа прецедентной практики Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) в области защиты данных возможно выделить три проблемных аспекта. Во-первых, персональная информация, размещенная пользователем в интернете, как правило, может многое рассказать об интересах и деятельности данного человека. Персональные данные, размещенные на сайтах социальных сетей, а затем хранимые и индексируемые поисковыми системами, могут быть использованы третьими лицами в коммерческих целях. В этой связи крупные корпорации стремятся использовать различные программы для оценки потребительских привычек с целью персонализации рекламы, управляя огромным количеством персональных данных. Во-вторых, в настоящее время происходит поиск «идеальной» формулы сбалансирования права на свободу выражения мнения и права на защиту персональных данных. Свою лепту в решении данного вопроса вносит также восприимчивая неоднозначная прецедентная практика ЕСПЧ последних лет. В-третьих, возникает необходимость постоянного «обновления» стандартов защиты от произвольного массового наблюдения и сбора данных на национальном и международном уровнях.

Право на уважение частной жизни и право на защиту данных: правовые основы регулирования

Связь между правом на уважение частной жизни и защитой персональных данных обусловлена эволюцией европейской системы защиты персональных дан-

ных. До начала 2000-х гг. большинство исследователей однозначно полагали, что право на уважение частной жизни включает в себя право на защиту персональных данных, рассматривая последнее как одно из «измерений» права на уважение частной жизни [1. Р. 91]. Данный подход находит свое отражение и в прецедентной практике ЕСПЧ, в рамках которой право на защиту данных является следствием расширительного толкования ст. 8 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ). Однако, несмотря на то что ЕСПЧ рассматривает право на защиту данных лишь как один из элементов права на уважение частной жизни, очевидно, что модернизация Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (далее – Конвенция 108), закрепление в ст. 8 Хартии ЕС об основных правах «права на защиту данных» в качестве отдельного права, развитие прецедентных практик национальных и субрегиональных международных судов способствуют превращению права на защиту данных в самостоятельное и «дееспособное» право.

На сегодняшний день набирает популярность идея о том, что на самом деле существуют две отдельные, но взаимосвязанные категории: с одной стороны, право на уважение частной жизни и, с другой – право на защиту персональных данных. В этой связи Г. Гонсалес Фустер ставит под сомнение идею о том, что защита персональных данных всегда вытекает из права на уважение частной жизни [2. Р. 268]. При этом ряд государств – членов ЕС с самого начала не рассматривали защиту данных в качестве составляющего элемента права на уважение частной жизни. Разумеется, в некотором смысле защита персональных данных возникла как следствие толкования права на уважение частной жизни, но в то же время наблюдаются тенденции концептуализации права на защиту данных и преобразования ее в отдельное право [3. Р. 62].

Следует отметить, что на сегодня Хартия ЕС об основных правах предоставляет национальным судам ЕС все необходимые инструменты для преобразования права на защиту данных в полноценное и отдельное право. В свою очередь, ЕСПЧ постоянно отмечает, что понятие «частная жизнь» является широким понятием, не поддающимся исчерпывающему определению [4. П. 87], предпочитая, в отличие от Суда Европейского

Союза (далее – Суд ЕС), рассматривать право на защиту персональных данных лишь как один из элементов права на уважение частной жизни. С данным подходом сложно не согласиться, поскольку право на защиту персональных данных нельзя в полной мере признавать в качестве полноценного и самостоятельного права. Для того чтобы соответствующее право стало полностью «дееспособным», нужно, чтобы оно обладало элементами, присущими только ему, при этом было настолько сбалансированным, что необходимости обращаться к праву на уважение частной жизни не возникало. Однако в процессе развития законодательств и правоприменительных практик европейских стран в сфере защиты данных Европейскому Суду все сложнее будет избегать вопроса о выделении права на защиту данных в качестве отдельного права, учитывая то, что Суд ЕС уже признал последнее.

На глобальном уровне наблюдается тенденция установления минимальных стандартов регулирования сбора и обработки персональных данных. Международные документы и руководящие принципы, отражающие эти изменения, включают, среди прочего: Руководящие принципы регламентации компьютеризированных картотек 1990 г., содержащих данные личного характера; Конвенцию 108 и ее обновленные версии, в которых устанавливается высокий уровень защиты на глобальном уровне; Принципы неприкосновенности частной жизни 1980 г. Организации экономического сотрудничества и развития, обновленные в 2013 г.; Конвенцию о кибербезопасности и защите личных данных Африканского союза (Конвенция Малабо); Мадридскую резолюцию Международной конференции уполномоченных по защите данных и права на неприкосновенность частной жизни; Рамки защиты частной жизни форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Эти стандарты легли в основу рамок защиты конфиденциальности данных многих государств. Во всех документах и рекомендациях, упомянутых выше, признается, что лицам, чьи данные собираются и обрабатываются, должны предоставляться определенные права. Затрагиваемые лица как минимум имеют право знать, что персональные данные были собраны и обработаны, иметь доступ к хранимым данным, исправлять неточные или устаревшие данные и исправлять данные, которые хранятся незаконно или необоснованно.

Право на неприкосновенность личной жизни является одним из основных прав человека и закреплено в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП), а также во многих других международных и региональных договорах о правах человека. В контексте международно-правового регулирования защиты данных ст. 17 МПГПП устанавливает, что вмешательство в право на уважение частной жизни допускается только в соответствии с международным правом в области прав человека, если оно не является произвольным или незаконным. Комитет по правам человека ООН в своих замечаниях пояснил [5], что термин «незаконное» подразумевает, что любое вмешательство должно быть предусмотрено законом, а сам закон должен со-

ответствовать положениям, целям и задачам МПГПП. Это означает, что любая программа наблюдения за коммуникациями должна осуществляться на основе общедоступного закона, который в свою очередь должен соответствовать собственному конституционному режиму государства и международному праву в области прав человека. Однако очевидно, что отсутствие эффективного надзора способствовало отсутствию ответственности за произвольные или незаконные посягательства на право на неприкосновенность частной жизни в цифровой среде. Внутренние гарантии без независимого внешнего мониторинга, в частности, оказались неэффективными в отношении незаконных или произвольных методов наблюдения.

Как напомнила Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 68/167, международное право в области прав человека обеспечивает универсальные рамки, на основе которых должно оцениваться любое вмешательство в права человека на неприкосновенность частной жизни [6]. Хотя право на неприкосновенность частной жизни в соответствии с международным правом в области прав человека не является абсолютным, любой случай вмешательства должен подвергаться тщательной и критической оценке его необходимости, законности и соразмерности. В соответствии с этими принципами государства могут нарушать право на частную жизнь лишь в той степени, в какой это предусмотрено законом, и в соответствующем законодательстве должны подробно определяться конкретные обстоятельства, в которых такое вмешательство может допускаться [7. С. 3–8]. Вмешательство является незаконным и произвольным не только в том случае, если оно не допускается законом, но и тогда, когда тот или иной закон или конкретное вмешательство противоречит положениям, целям и задачам Пакта.

В последние годы ценную роль в области защиты данных играет специальный докладчик ООН по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни, который ежегодно в своих докладах акцентирует внимание на различных аспектах защиты данных, выдвигая также ряд рекомендаций. Так, в докладе за 2019 г. подчеркнута возрастающая роль медицинских данных, имеющих высокую коммерческую ценность. В этой связи специальный докладчик ООН Р. Каннатаци предполагает, что передача любых персональных данных как внутри страны, так и за ее пределами должна подвергаться соответствующему надзору в соответствии с принципом: «если данные подлежат обмену, то они подлежат надзору» [8].

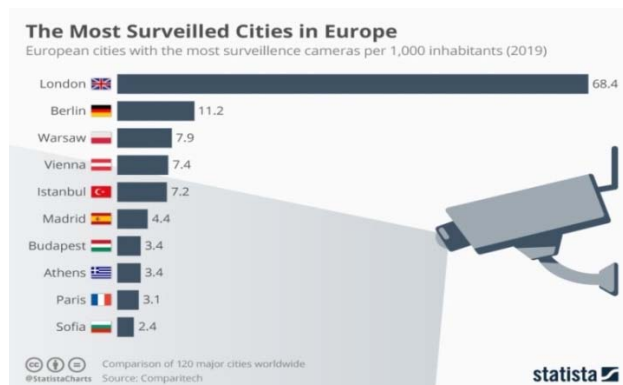
В докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека отмечено, что государства часто оправдывают программы наблюдения сообщениями национальной безопасности, включая борьбу с терроризмом [9]. Наблюдение по сообщениям национальной безопасности или в целях предупреждения терроризма или других преступлений может быть «законной целью» для целей оценки с точки зрения ст. 17 МПГПП. Однако степень вмешательства должна оцениваться с учетом необходимости принятия мер для достижения этой цели и фактических выгод, которые она приносит для достижения этой цели.

Что касается национальных норм о защите данных, то в большинстве случаев, когда государства решались на закрепление положений об обработке данных, это осуществлялось в форме отдельных законов (например, во Франции), однако в некоторых случаях положения об автоматизированной обработке данных находили свое отражение в принятых конституциях (например, в Португалии, Испании). Например, французский закон *Loi informatique et liberté* нацелен на защиту *vie privée* (частной жизни) и связывает защиту данных с правом на уважение частной жизни [10]. Аналогичным образом австрийские конституционные положения о защите персональных данных 1978 г., закрепив впервые право на защиту данных (*datenschutz*) в качестве конституционного права, связывали защиту данных с правом на уважение частной и семейной жизни.

Риски и угрозы смарт-наблюдения

В настоящее время тематике смарт-наблюдения уделяется немало внимания, в частности, технологические компании посвящают этой тематике целые исследовательские программы и курсы, а национальные власти вносят периодически различные предложения по совершенствованию актов, регламентирующих защиту данных. В этой связи Лоуренс Лессинг, основатель доктрины интернет-права, рассуждая о праве на уважение частной жизни в контексте сбора данных о людях в киберпространстве, отмечает следующее: в реальном мире в большинстве случаев мы чаще всего замечаем или имеем возможность заметить, что за нами осуществляется наблюдение. Например, мы можем заметить видеорекамеры, «не обладая какой-либо особой квалификацией, а просто представляя, как могут выглядеть такого рода устройства», или же при оплате покупки пластиковой картой на чеке отображается некоторая личная информация. Однако, по замечанию Л. Лессинга, в «киберпространстве» в большинстве случаев пользователь не сможет распознать наблюдение. В последнем случае информация передается через устройства пользователя (смартфон, смартчасы и т.д.) на сервер [11. Р. 221]. Идеи профессора школы права Гарвардского университета сложно оспорить, поскольку они полностью соответствуют существующим реалиям.

Создание и внедрение систем массового наблюдения, сбора и обработки данных в последние годы привело к изменению взаимоотношений между человеком и государством. Катализатором данной трансформации стала растущая связь между «секьюритизацией» и превентивным надзором со стороны органов безопасности [12. Р. 36]. Технологии наблюдения превращаются в «смарт» благодаря внедрению специальных программ. Например, камеры смарт-наблюдения начинают сбор данных в случае, если система замечает «опасный объект или опасную ситуацию». Согласно опросу, проведенному Comparitech, городами-лидерами, в которых установлено больше всего камер наблюдения на душу населения, являются Лондон (630 тыс. камер наблюдаются за 9,6 млн жителей – 68,4 камеры на 1 тыс. лондонцев) и Берлин (11,2 камеры на 1 тыс. жителей) [13].

Одним из ключевых аспектов сотрудничества государств с частными компаниями (в целях создания системы всеобщего превентивного наблюдения для борьбы с терроризмом) является возложение на телекоммуникационные компании обязанности сохранять метаданные о телефонных звонках или электронной почте своих клиентов и передавать соответствующие данные государственным органам. Данная практика является довольно распространенной и применяется в странах ЕС и США. Например, в ЕС поставщики телекоммуникационных услуг обязаны хранить данные от 6 месяцев до 2 лет в отступление от положений директивы 2002/58/ЕС [14]. Кроме того, срок хранения данных может быть продлен государствами – членами ЕС, «столкнувшимися с особыми обстоятельствами, которые требуют продления» (ст. 12). Доступ к сохраненным данным имеют лишь «только компетентные национальные органы в конкретных случаях и в соответствии с национальным законодательством» (ст. 4). Однако законодательство ЕС не определяет четко, кто является компетентным органом, оставляя решение данного вопроса на усмотрение национальных властей.

Неудивительно, что у смарт-наблюдения есть и некоторые плюсы, одним из которых, по замечанию М. Вермеулена и Р. Беллановой, является отсутствие дискриминации при использовании интеллектуальных методов наблюдения, поскольку именно машина, а не человек, выбирает субъектов наблюдения, что «компенсирует человеческие предрассудки» [15. Р. 309]. Действительно, дискриминация в данном случае отсутствует, поскольку человеческие предрассудки уступают место программным алгоритмам. Однако существенным вопросом является то, как собранные в результате наблюдения данные будут в последующем использованы уже не программой, а отдельными лицами или службами.

Системы смарт-наблюдения способны также извлекать необходимую информацию из имеющейся для последующего применения при принятии автоматизированных решений [16. Р. 347]. Ключевой особенностью смарт-наблюдения является также то, что они используются для наблюдения в общественных местах. Рабочая группа ЕС по защите персональных данных признала, что при смарт-наблюдении лицо должно рассчитывать на меньшую степень конфиденциальности [17. С. 5]. ЕСПЧ, в свою очередь, указал, что наблюдение за действиями человека в общественном месте с помощью фотооборудования, которое не

фиксирует визуальные данные, само по себе не приводит к вмешательству в частную жизнь человека [18. Р. 38], а само вмешательство в право на уважение частной жизни происходит лишь в том случае, если данные, полученные с помощью смарт-наблюдения, предаются гласности.

Смартфоны, ноутбуки и быстрый межсетевой доступ стирают временные и пространственные границы между трудовой и домашней жизнью, а также между работой и домом. Как отмечает К. Джервис, становится все труднее различать, в каком качестве человек действует в тот или иной момент времени [19. Р. 443]. В этой связи естественным образом актуализируется вопрос, связанный с осуществлением наблюдения на рабочем месте. Европейский Суд рассмотрел целую группу подобных дел, среди которых ключевым является постановление Большой Палаты по делу «*Barbulescu v. Romania*», в котором было констатировано отсутствие европейского консенсуса по вопросу об осуществлении наблюдения на рабочем месте, а также пределов свободы усмотрения государств в данном случае [20. П. 121].

Одним из ключевых дел, рассмотренных ЕСПЧ в 2019 г., является постановление по делу «*López Ribalda and Others v. Spain*», в котором Большая Палата не признала нарушения ст. 8 Конвенции вследствие скрытого видеонаблюдения за сотрудниками магазина. Суд, в частности, установил, что испанские суды сбалансировали права заявителей – сотрудников супермаркета, подозреваемых в краже, и права работодателя, проведя тщательную проверку соразмерности применения видеонаблюдения.

Наглядным примером того, что правовые позиции ЕСПЧ в области наблюдения не категоричны, является то обстоятельство, что Палата ЕСПЧ из 7 судей в постановлении в январе 2018 г. по данному делу единогласно пришла к обратному выводу о нарушении ст. 8 Конвенции. Большая Палата ЕСПЧ перенесла принципы, изложенные в деле «*Barbulescu v. Romania*», касающиеся контроля работодателем за учетной записью электронной почты сотрудника, на данный случай, отметив, что национальные суды не превысили пределов усмотрения. Приняв во внимание, что наблюдение длилось всего 10 дней, а записи просмотрело ограниченное число людей, Суд счел, что вторжение в частную жизнь заявителей не достигло высокой степени серьезности. Важным обстоятельством является также цель наблюдения: видеозаписи не использовались ни для каких-либо других целей, кроме как для отслеживания лиц, ответственных за убытки, и что не было никакой другой меры, которая могла бы удовлетворить преследуемую законную цель.

Примечательно, что судьи Й. Грозев, А. Юдковская и В.А. Де Гаэтано, не согласившиеся с мнением большинства судей, в особом мнении отметили, что Суд, не обнаружив нарушения ст. 8 Конвенции, разрешил неограниченное использование скрытого видеонаблюдения на рабочем месте без предоставления достаточных правовых гарантий тем, чьи личные данные будут собираться и использоваться в неизвестных целях. Трудно не согласиться с мнением судей ЕСПЧ, оказавшихся в меньшинстве при разрешении данного

дела, поскольку даже наличие «разумных подозрений в совершении правонарушения» не должно являться достаточным основанием для осуществления скрытого наблюдения. В этой связи при отсутствии в национальных законодательствах четких процессуальных гарантий подобные наблюдения будут массово применяться.

Защита данных в интернете

Непрерывное распространение персональных данных в интернете способствует несанкционированному доступу к данным миллионов пользователей, в связи с чем опасения по поводу незаконной обработки данных выглядят более чем реальными. И. Гюрсель отмечает, что как только мы появляемся в интернете, все наши действия оставляют «цифровые следы про нашу личную жизнь» [21. Р. 39]. Уязвимость персональных данных и отсутствие гарантий защиты служат основными причинами для сотрудничества государств и международных организаций в целях выработки единых стандартов для защиты данных.

Одной из многих работ, посвященных массовому наблюдению и дающих понимание того, что современная проблема обеспечения конфиденциальности и защиты данных не такая уж современная, является эссе американского инженера Пола Бэрна (Paul Baran) «Будущая компьютерная утилиты» (The future computer utility). В своей работе американский исследователь предполагал, что когда-нибудь несколько больших централизованных компьютеров обеспечат обработку информации: «домашний компьютер будет использоваться для отправки и получения сообщений. Мы могли бы проверить, есть ли в наличии на складе рекламируемая рубашка нужного цвета и размера. Мы могли бы спросить, когда будет осуществлена доставка... Сам компьютер мог бы напоминать нам о предстоящей годовщине и спасти нас от катастрофических последствий забывчивости» [22. Р. 78]. При всех плюсах компьютеризации П. Бэрн также предполагал существование механизма, который мог бы «предложить максимальную защиту права на неприкосновенность частной информации от потенциального подслушивающего устройства» [22. Р. 79].

На сегодняшний день коммерческие интересы технологических компаний и политические интересы правительственных учреждений в интернете во многом похожи: обе стороны заинтересованы в сборе и быстром анализе пользовательских данных. Исследования показывают, что данные, представленные на страницах пользователей социальных сетей, могут быть использованы для получения так называемых «чувствительных» данных. Например, Facebook может определить сексуальную ориентацию посредством анализа онлайн-поведения пользователя и его «друзей» [23], политические взгляды [24], а также определить склонность к суициду [25]. Microsoft, в свою очередь, на основе данных пользователей может предсказать болезнь Паркинсона и болезнь Альцгеймера. А голосовой помощник Amazon Alexa может определять состояние здоровья на основе моделей

речи [26]. Несмотря на то что ни одно из этих приложений не позволяет осуществлять прогнозы с абсолютной уверенностью, тем не менее, с помощью данных программ крупные корпорации хранят и обрабатывают данные своих пользователей для различных целей.

Исходя из широких возможностей крупных компаний осуществлять сбор и хранение больших данных, представляется возможным выделить два проблемных аспекта. Во-первых, персональные данные, размещенные пользователем в интернете, как правило, могут многое рассказать об интересах и деятельности этого человека. Персональные данные, опубликованные на сайтах социальных сетей, а затем хранимые и индексируемые поисковыми системами, могут быть произвольно использованы третьими лицами в коммерческих целях. В этой связи крупные корпорации стремятся использовать более «умные» и бесконтрольные технологии (алгоритмы) для оценки потребительских привычек с целью персонализации рекламы, управляя огромным количеством персональных данных.

Во-вторых, стоит задуматься о том, все ли персональные данные в интернете подлежат защите. Как отмечает британский судья ЕСПЧ Тим Эйке, вполне очевидно, что не все лайки и смайлы заслуживают защиты [27]. Суд вряд ли будет предлагать высокий уровень защиты данных пользователей социальных сетей, если речь идет о том, что «автор ел или носил» [28], поскольку соответствующие данные не обладают особой информативной ценностью. Очевидно, что многое из того, что пользователи «твитят» и публикуют, не может в конечном итоге требовать защиты, однако даже такие данные находятся в «сфере действия» ст. 8 ЕКПЧ, чтобы при необходимости обеспечить защиту данных в соответствии с требуемыми стандартами ЕСПЧ.

На основе анализа правовых позиций Суда ЕС по делу *Google Spain* можно утверждать об увеличении случаев нарушения права на защиту данных вследствие распространения интернета и поисковых систем в современном обществе, которые делают данные «вездесущими» [29. П. 80]. Это значительно затрудняет возможность требовать удаления или стирания личной информации из интернета, т.е. так называемого «right to be forgotten» («право быть забытым» или «права на забвение»). Определенный вклад в укрепление европейской онлайн-безопасности, как представляется, вносят вступившие в силу в июне 2019 г. новые правила безопасности в интернете для компаний и отдельных интернет-пользователей, получившие закрепление в законе о кибербезопасности ЕС (EU Cybersecurity Act), согласно которым страны ЕС теперь должны следить за тем, чтобы зарегистрированные на их территории онлайн-ресурсы были безопасными и не распространяли дезинформацию [30]. Предлагаемая общеевропейская система сертификации предполагает выдачу Европейским агентством кибербезопасности (ENISA) сертификатов, свидетельствующих о соответствии товаров и услуг требованиям кибербезопасности.

Защита персональных данных и свобода выражения мнения: поиск необходимого баланса

Безусловно, экспансия интернета преобразила многие сферы общественной жизни, в том числе и правовую, затронув в первую очередь права человека. В этой связи концептуальными вопросами стали вопросы, связанные с поиском оптимальной формулы балансирования права на защиту данных и права на свободу выражения мнения. Актуальной представляется прецедентная практика ЕСПЧ, которая выработала ряд правовых позиций по данному вопросу. В частности, в постановлении по делу «*Delfi AS v. Estonia*» Европейский Суд прямо указал, что «Интернет, предоставляя своим пользователям возможность активно себя реализовывать, является уникальной платформой для реализации свободы выражения мнения» [31. П. 110]. Вместе с тем ЕСПЧ отметил, что наряду с положительными аспектами интернета имеют место и определенные риски, одним из которых выступает «напряженность» между свободой выражения мнения и защитой персональных данных [32. С. 29].

В доктрине международного права по вопросу регулирования интернета преобладают две точки зрения. Согласно первой позиции государства, крупные информационно-коммуникационные сети должны воздерживаться от любых форм и попыток регулирования интернет-пространства. Сторонники данной точки зрения тем самым выступают за неограниченную свободу пользователей в интернете без какого-либо вмешательства со стороны в первую очередь государственных служб. Визави-оппоненты данной точки зрения считают, что правовое регулирование должно также касаться интернета без исключения, чтобы не допускать возникновения правового вакуума.

Представляется, что определенную ясность в исследовании данного вопроса может внести прецедентная практика ЕСЧП, которая уделяет особое внимание делам, связанным с ответственностью информационного посредника за недопустимые комментарии онлайн-пользователей в контексте стандартов Конвенции. В постановлениях по делам «*Delfi AS v. Estonia*», «*Magyar T.E. and Index.hu Zrt. V. Hungary*» ЕСПЧ впервые попытался конкретизировать допустимые пределы в отношении режимов ответственности интернет-посредника за комментарии анонимных онлайн-пользователей, а также факторы, которые подлежат оценке при установлении баланса между правами интернет-посредника на свободу выражения мнения (ст. 10 ЕКПЧ) и правами лиц, затронутых недопустимыми комментариями пользователей, на защиту репутации (ст. 8). Дело касалось обязанностей и ответственности новостных интернет-порталов, которые на коммерческой основе предоставляли платформу для комментариев пользователей к ранее опубликованному контенту. Компания-заявитель *Delfi AS*, управлявшая новостным порталом, жаловалась, что была привлечена к ответственности национальными судами за оскорбительные комментарии на веб-странице, размещенные ее читателями ниже одной из своих новостных статей о паромной компании. По просьбе адвокатов владельца паромной компании

Delfi удалила оскорбительные комментарии примерно через шесть недель после их публикации.

В указанном деле ЕСПЧ впервые сформулировал общие принципы для оценки свободы усмотрения государств в контексте ст. 10 ЕКПЧ в отношении привлечения к ответственности интернет-посредников. Вопрос, стоявший перед Большой Палатой ЕСПЧ, заключался не в том, была ли нарушена свобода выражения мнений авторов комментариев, а в том, было ли привлечение Delfi к ответственности за комментарии, опубликованные третьими сторонами, нарушением ее свободы распространять информацию, гарантированной ст. 10 ЕКПЧ.

Большая Палата не признала нарушения ст. 10 Конвенции и пришла к выводу, что эстонские суды обоснованно и пропорционально ограничили право портала на свободу выражения мнения, в частности, потому, что комментарии, о которых идет речь, были диффамационными и размещены в ответ на статью, опубликованную Delfi на своем профессионально управляемом новостном портале. Тем самым Суд оставил на усмотрение государств – участников Конвенции выбор режима ответственности посредника на внутригосударственном уровне. Исландский судья ЕСПЧ Р. Спано в особом мнении отметил, что Суд занял среднюю позицию между двумя диаметрально противоположными точками зрения на регулирование интернета – защищающей интернет-пространство, свободное от ограничений онлайн-поведения, и выступающей за регулируемый интернет, в котором должны применяться одни и те же правовые принципы – как онлайн, так и офлайн [32. С. 28].

Данное постановление ЕСПЧ подверглось критике со стороны тех, кто считает, что оно ограничивает свободу слова в интернете, позволяя национальным властям привлекать к ответственности посредников, дающим частным пользователям возможность свободно обсуждать те или иные новости, и что онлайн-порталы обязаны обеспечивать определенный мониторинг [33]. Предложенный в данном деле подход ЕСПЧ в определенной степени можно понять, учитывая сложные поиски «золотой середины» между защитой свободы выражения мнения и защитой права на частную жизнь.

Другое дело «*Magyar T.E. and Index.hu Zrt. v. Hungary*» касалось ответственности саморегулируемого органа интернет-провайдеров контента и новостного интернет-портала за вульгарные и оскорбительные онлайн-комментарии, размещенные на их сайтах. Компания MTE (Magyar Tartalomszolgáltatók Egyesülete) и новостной портал (Index.hu Zrt) жаловались на то, что они были привлечены к ответственности национальными судами за онлайн-комментарии, опубликованные их читателями после публикации мнения, критикующего методы ведения бизнеса двух сайтов по торговле недвижимостью.

Европейский Суд вновь заявил, что хотя интернет-новостные порталы и не являются издателями комментариев в традиционном смысле этого слова, но они несут ответственность. Суд признал нарушение ст. 10 Конвенции, указав главным образом на то, что венгерские суды, принимая решение по понятию от-

ветственности в деле заявителей, не обеспечили должного баланса между соответствующими конкурирующими правами, а именно между правом заявителей на свободу выражения мнений и правом веб-сайтов по недвижимости на защиту деловой репутации.

Следует отметить, что последнее дело в некоторых аспектах отличалось от дела, рассмотренного ранее ЕСПЧ дела Delfi AS v. Estonia, поскольку было лишено ключевых элементов «языка вражды». Оценивая прецедентное значение постановления по делу Delfi AS, нужно учитывать, что это первое постановление по делу подобного рода, рассмотренного ЕСПЧ. Как отмечает судья ЕСПЧ Р. Спано, данное дело носит в известной степени уникальный характер и может служить основой для интерпретаций за рамками фактов данного конкретного дела [32. С. 37]. Очевидно, что эти два постановления обогащают судебную практику ЕСПЧ и дополняют ее новыми элементами, проводя разграничение между ситуациями, когда государства могут свободно устанавливать ответственность новостных порталов за онлайн-комментарии пользователей.

Правила обработки данных: независимость контролирующих органов и национальная безопасность

Согласно общим правилам, установленным в Конвенции 108, персональные данные должны обрабатываться только на основе принципов, включающих требование о том, чтобы сбор был соразмерен осуществляемым целям [34]. В свою очередь законодательство ЕС запрещает обработку персональных данных в случае, если пользователи данных не были проинформированы о сборе и не имели право получать доступ к данным. Основываясь на этих простых правилах, ЕСПЧ и Суд ЕС за последние несколько лет существенно обогатили свои прецедентные практики в области защиты данных. Тем не менее режим защиты данных в Европе содержит ряд недостатков и отступлений, которые ослабляют способность защищать право на уважение частной жизни. Одним из таких отступлений является то обстоятельство, что сложившаяся система защиты данных в странах ЕС позволяет государствам ограничивать право на защиту данных по широким соображениям национальной безопасности и правопорядка. Например, парламент Франции, сразу же после терактов ноября 2015 г., утвердил новое законодательство, расширяющее полномочия правительства по осуществлению наблюдения в целях борьбы с терроризмом [35].

Несмотря на наличие минимальных общих правил обработки данных, установленных в прецедентной практике ЕСПЧ, тем не менее, национальные правила существенно различаются, причем некоторые государства обеспечивают более фундаментальную защиту данных, в то время как другие заметно отстают. Например, ФРГ имеет более регламентированное национальное законодательство и устоявшуюся практику в области защиты данных. Это в определенной степени позволяет германским властям прибегать и к некоторому «активизму». Так, Федеральный Консти-

туционный суд Германии последовательно ввел право на информационное самоопределение (the right to informational self-determination), которое стало основополагающим правом, защищаемым в соответствии с основным законодательством [36. Р. 87].

Как отмечают Д. Коул и Ф. Фабринни, ни европейское законодательство, ни конвенционные стандарты в нынешнем толковании ЕСПЧ не способны фактически ограничить наблюдение европейских государств за иностранными гражданами за пределами их юрисдикций [37. Р. 224]. В этой связи, рассуждая о необходимости создания контрольных (надзорных) органов в области защиты данных, не следует также забывать об их независимости. В рамках обсуждений по вопросу характера независимости соответствующего органа по защите данных Европейская комиссия отметила, что полная независимость предполагает свободу от любого влияния, будь то со стороны других государственных органов или извне [38. П. 15]. Данная идея выдвигалась в деле «European Commission v. Federal Republic of Germany» представителями ФРГ, предложившими более узкий, функциональный подход, в соответствии с которым контролирующие органы должны быть просто независимы от органов, находящихся под их контролем, а не независимы от других государственных органов. Однако Суд ЕС в 2011 г. отверг узкое толкование независимости, выдвинутое германским правительством, постановив, что независимость касается не только «отношений между контролирующими органами и органами, подлежащими такому надзору» [38. П. 19]. По мнению Суда ЕС, «простого риска того, что контролирующие органы могут оказывать политическое влияние на решения контролирующих органов, достаточно для того, чтобы препятствовать данным органам независимо выполнять свои задачи» [38. П. 36].

Изучению независимости контрольных органов в сфере защиты данных посвящена работа профессора Лондонской школы экономики и политических наук О. Лински. В своем исследовании О. Лински выделяет горизонтальную и вертикальную независимости надзорных органов в сфере защиты данных: независимость на национальном уровне (горизонтальная независимость) или независимость от институтов и учреждений ЕС (вертикальная независимость). Горизонтальная независимость может быть далее подразделена на две части для определения того, являются ли контролирующие органы независимыми от государственных органов или физических и юридических лиц [39. Р. 257].

На сегодняшний день основным действующим органом европейского механизма защиты данных является созданный Европейский Совет по защите данных (European Data Protection Board), способствующий последовательному применению правил защиты данных во всем ЕС и содействующий сотрудничеству между органами ЕС по защите данных. Представляется целесообразным в качестве меры рекомендовать государствам – членам Совета Европы учреждать соответствующие органы, которые бы осуществляли внесудебный и независимый контроль за защитой данных в рамках национальных правовых систем,

основываясь на требованиях, изложенных в модернизированной Конвенции 108.

При создании национального органа контроля в области защиты данных должное внимание следует уделять вопросу национальной безопасности. Право на защиту данных не является абсолютным правом, поскольку в целях обеспечения национальной безопасности, обороны и общественной безопасности право на защиту данных может быть ограничено. В этой связи одним из ключевых документов в сфере информационной безопасности в рамках СНГ является Концепция информационной безопасности государств – участников СНГ в военной сфере 2013 г. (далее – Концепция), которая представляет собой официально принятую государствами – участниками Содружества систему взглядов на цели, задачи и принципы обеспечения информационной безопасности. Например, в качестве угрозы информационной безопасности государств – участников Содружества отмечено нарушение установленных регламентов сбора, обработки и передачи информации, а также отсутствие необходимой нормативно-правовой базы, регулирующей межгосударственные отношения в информационной сфере [40]. В указанной Концепции информационной безопасности отражен в основном технический аспект информационной безопасности, подразумевающий технические средства обработки информации. Представляется, что ряд мер, предложенных в Концепции, действительно могут повысить уровень защиты данных в государствах – членах СНГ. К числу таких мер относятся: разработка и внедрение механизмов реализации и согласования правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационной сфере; создание Межгосударственного консультативного совета по информационной безопасности государств – участников Содружества.

Другим важным актом, определяющим векторы сотрудничества в области защиты данных в рамках СНГ, является Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности (далее – Соглашение). Принимая во внимание важное значение информационной безопасности для реализации права на защиту данных, Соглашение предусматривает взаимодействие и сотрудничество по разработке нормативных правовых актов и стандартов в информационном пространстве, направленных на обеспечение информационной безопасности в государствах – членах СНГ [41]. В рамках других международных организаций также наблюдаются ограничения права на защиту данных в связи с соображениями борьбы с терроризмом. Например, в рамках Шанхайской организации сотрудничества также существует соглашение [42], которое в качестве основания ограничения защиты данных предусматривает борьбу с «информационным терроризмом». Что касается Евразийского экономического союза, то в рекомендациях Коллегии Евразийской экономической комиссии содержится также ряд стандартов в области защиты персональных данных: обработка персональных данных ограничивается достижением конкретных, зара-

нее определенных и законных целей; ответственность за раскрытие и распространение персональных данных без согласия субъекта персональных данных возлагается на операторов персональных данных и иных лиц, получивших доступ к этим персональным данным; последующая передача персональных данных, в том числе трансграничная передача персональных данных, осуществляется только при наличии соответствующего согласия субъекта персональных данных и в соответствии с законодательством государства-члена [43].

Таким образом, одной из тенденций сегодняшнего времени является принятие государствами законов, предусматривающих возможности ограничения права на защиту данных «в целях борьбы с терроризмом». Не стала исключением и российская нормативная база в области защиты данных, которая в 2016 г. обязалаотовых операторов и организаторов распространения информации в интернете хранить в течение года не только сами факты приема, передачи, доставки или обработки информации, но и их содержимое в течение шести месяцев [44]. Приведенные выше примеры соглашений в рамках региональных международных организаций также являются свидетельством ограничения права на защиту данных, что в свою очередь вызвано распространением так называемого информационного терроризма и соображениями национальной безопасности. Международные суды, рассматривая в последнее время дела, связанные с защитой персональных данных частных лиц, все более охотно принимают во внимание дискреционные полномочия государства в области защиты национальной безопасности, особенно с учетом современных угроз глобального терроризма и серьезных трансграничных преступлений.

Заключение

Необходимость защиты данных обусловлена растущим влиянием и контролем технологий, осуществляющих сбор и обработку личных данных миллионов людей в повседневной деятельности. Будучи «живым инструментом», Конвенция и ЕСПЧ должны не только признать влияние современных технологий, но и разработать более адекватные правовые гарантии для обеспечения надлежащей защиты данных. Новые тех-

нологии резко изменили легкость, с которой видеонаблюдение может осуществляться, что значительно увеличивает потенциальную возможность нарушения прав на неприкосновенность частной жизни в соответствии со ст. 8 Конвенции. Именно по этой причине на национальном уровне необходимо, чтобы законодательная база была ясной и предсказуемой в отношении дел, касающихся электронного наблюдения.

Особое внимание также следует уделить вопросу о создании единой системы независимых органов среди всех государств – членов Совета Европы для проведения эффективного надзора за любой деятельностью, нарушающей неприкосновенность частной жизни, в отношении разведывательных служб и правоохранительных органов. В этой связи, рассуждая о необходимости создания контрольных (надзорных) органов в области защиты данных, не следует также забывать об их независимости. Хотя исчерпывающего перечня требований к независимости контролирующих органов в области защиты данных не существует, из судебной практики ЕСПЧ можно выделить ряд критериев. Во-первых, не должно быть никакого прямого или косвенного внешнего влияния на контролирующий орган. На практике это означает, что решения и другие действия надзорного органа не могут быть приняты с предварительного одобрения или отменены (за исключением отмены на основе судебного решения). Во-вторых, контролирующий орган должен обладать организационной независимостью (например, отдельной правосубъектностью, чтобы не быть юридически частью другого государственного органа); независимыми сотрудниками (которые не работают в других государственных органах); финансовыми и информационными ресурсами.

На сегодняшний день стандарты Совета Европы являются той минимальной ступенью, от которой государствам следует отталкиваться при установлении стандартов защиты данных на национальных уровнях. В качестве рекомендации государствам для повышения стандартов национальной правовой системы и установления достаточных гарантий в области защиты данных рекомендуется ратифицировать и имплементировать новые положения Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benyekhlef K. Les normes internationales de protection des données personnelles et l'autoroute de l'information. In Les Journées Maximilien-Caron: Le respect de la vie privée dans l'entreprise. Thémis, 1996. P. 65–105.
2. Gonzalez Fuster G. The Emergence of Personal Data Protection as a Fundamental Right of the EU. Springer International Publishing, 2016. 274 p.
3. Hustinx P.J. Data protection in the European Union // Privacy & Informatie. 2005. P. 62–65.
4. ECtHR, López Ribalda and Others v. Spain (applications nos. 1874/13 and 8567/13). 17.10.2019.
5. UN Human Rights Committee (HRC), CCPR General Comment No. 16: Article 17 (Right to Privacy), The Right to Respect of Privacy, Family, Home and Correspondence, and Protection of Honour and Reputation, 8 April 1988, HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I). URL: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/10/General-Comment-16-of-the-Human-Rights-Committee.pdf> (дата обращения: 10.01.2020).
6. Резолюция 68/167, принятая Генеральной Ассамблеей 18 декабря 2013 года. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху. URL: <https://undocs.org/A/RES/68/167> (дата обращения: 10.01.2020).
7. Замечание общего порядка № 16 Комитета по правам человека о праве на личную жизнь, пункты 3 и 8. 1988. URL: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/10/General-Comment-16-of-the-Human-Rights-Committee.pdf> (дата обращения: 10.01.2020).
8. Доклад за 2019 год Специального докладчика ООН по праву на неприкосновенность частной жизни. URL: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/Privacy/SR/Pages/AnnualReports.aspx> (дата обращения: 10.01.2020).

9. Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век (A/HRC/27/37). 2014. URL: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/DigitalAge/Pages/ReportDigitalAge.aspx> (дата обращения: 10.01.2020).
10. Закон Франции № 78-17 от 6 января 1978 года об обработке данных, файлах и свободах (Loi № 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000006068624&dateTexte=vig> (дата обращения: 12.09.2019).
11. Lessig L. Code: Version 2.0. New York : Basic Books, 2006. 350 p.
12. Mitsilegas V. The Transformation of Privacy in an Era of Pre-emptive Surveillance // *Tilburg law review*. 2015. Vol. 20. P. 35–37.
13. Statista. The most surveilled city in Europe. URL: <https://www.statista.com/chart/19268/most-surveilled-cities-in-europe/> (дата обращения: 01.11.2019).
14. Council Directive 2006/24/ec of 15 March 2006 on the retention of data generated or processed in connection with the provision of publicly available electronic communications services or of public communications networks and amending Directive 2002/58/ec Art. 3 (1).
15. Vermeulen M., Bellanova R. European 'smart' surveillance: What's at stake for data protection, privacy and non-discrimination? // *Security and Human Rights*. 2013. Vol. 4. P. 297–311.
16. Wright D. Sorting out Smart Surveillance // *Computer Law & Security Review*. 2010. Vol. 26, № 4. P. 342–361.
17. Доклад рабочей группы ЕС по защите персональных данных. 2004. URL: https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2004/wp101_en.pdf (дата обращения: 01.11.2019).
18. ECtHR. *Perry vs United Kingdom*. 17 July 2003.
19. Jervis C. *Barbulescu v Romania: Why There is no Room for Complacency When it Comes to Privacy Rights in the Workplace* // *Industrial Law Journal*. 2018. P. 440–453.
20. ECtHR. *Barbulescu v. Romania*. 05.09.2017.
21. Gursel I. Protection of Personal Data in International Law and the General Aspects of the Turkish Data Protection Law // *Dokuz Eylul Universitesi Hukuk Fakultesi Dergisi*. 2016. Vol. 18. P. 33–62.
22. Baran P. The future computer utility. 1967. P. 75–87.
23. Jernigan C., Mistre B.F. Gaydar: Facebook Friendships Expose Sexual Orientation // *FIRSTMONDAY.ORG*. 2009. Oct. 5. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/2611> (дата обращения: 01.11.2019).
24. Merrill J. Liberal, Moderate or Conservative? See How Facebook Labels You // *N.Y. TIMES*. 2016. Aug. 23. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/us/politics/facebook-ads-politics.html> (дата обращения: 01.11.2019).
25. Constine J. Facebook Rolls Out AI to Detect Suicidal Posts Before They're Reported // *TECHCRUNCH*. 2017. Nov. 27. URL: <https://techcrunch.com/2017/11/27/facebook-ai-suicide-prevention/?guccounter=1> (дата обращения: 01.11.2019).
26. Cook J. Amazon Patents New Alexa Feature That Knows When You're Ill and Offers You Medicine // *TELEGRAPH*. 2018. Oct. 9. URL: <https://www.telegraph.co.uk/technology/2018/10/09/amazon-patents-new-alexa-feature-knows-offers-medicine/> (дата обращения: 01.11.2019).
27. Eicke T. 'Big Data': The ECtHR as facilitator or guardian? Lecture 2018 – Lincoln's Inn, 29 November 2018. § 15–16.
28. Woods L. 'Social media: it is not just about Article 10 // *UNSPECIFIED Edward Elgar / eds. by D. Mangan, L.E. Gillies*. 2017. 154 p.
29. Case C-131/12 *Google Spain SL, Google Inc. V Agencia Española de Protección de Datos (Aepd), M. Costeja González* (European Court of Justice Grand Chamber 13 May 2014).
30. EU Cybersecurity Act. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-3193_en.htm (дата обращения: 01.11.2019).
31. ECtHR. *Delfi AS v. Estonia*, 64569/09, 16/06/2015.
32. Спано Р. Ответственность информационного посредника за комментарии онлайн-пользователя в контексте Европейской Конвенции по правам человека // *Международное правосудие*. 2017. № 2 (22). С. 28–41.
33. Woods L. *Delfi v Estonia: Curtailing online freedom of expression?* 2015. URL: <http://eulawanalysis.blogspot.com/2015/06/delfi-v-estonia-curtailing-online.html> (дата обращения: 01.11.2019).
34. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (принята в г. Страсбурге 28.01.1981). URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/108> (дата обращения: 01.11.2019).
35. LOI n 2015-912 du 24 juillet 2015 relative au renseignement. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000030933629&dateTexte=20180930> (дата обращения: 01.11.2019).
36. Hornung G., Schnabel C. Data Protection in Germany I: The Population Census Decision and the Right to Informational Self-Determination // *Computer Law & Security Review*. 2009. Vol. 25. P. 84–88.
37. Cole D., Fabbrini F. Bridging the transatlantic divide? The United States, the European Union, and the protection of privacy across borders // *International Journal of Constitutional Law*. 2016. Vol. 14. P. 220–237.
38. *European Commission v Federal Republic of Germany*, C-518/07, EU:C:2010:125.
39. Lunskey O. The 'Europeanisation' of Data Protection Law // *Cambridge Yearbook of European Legal Studies*. 2017. Vol. 19. P. 252–286.
40. Решение Совета глав правительств СНГ «О Концепции информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств в военной сфере» (Принято в г. Минске 04.06.1999). URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/8896>
41. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420278452> (дата обращения: 10.01.2020).
42. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902289626> (дата обращения: 10.01.2020).
43. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.11.2017 № 27 «Об Общих подходах к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом» // СПС КонсультантПлюс.
44. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // *Российская газета*. 2016. 8 июля (№ 149).

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 февраля 2020 г.

International Legal Issues of Realization of the Right to Data Protection: Problems and Trends

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 233–243.

DOI: 10.17223/15617793/454/29

Tigran D. Oganessian, Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: t.oganesian@mail.ru

Keywords: protection of personal data; mass surveillance; confidentiality; right to respect for privacy; Internet; Council of Europe; European Court of Human Rights; Court of Justice of the European Union; Convention 108.

There is a particular need to rethink the nature of the right to data protection and to develop new standards of international protection against relevant abuses in connection with the use of new information and communication technologies. The article aims to analyze the different approaches to the study of the nature of the right to data protection in the context of the right to respect for private life; to identify the appropriateness of allocation of the right to data protection as an independent and separate right; to determine trends in the development of case law and the current legal position of some national courts, the European Court of Human Rights, and the Court of Justice of the European Union in the field of data protection. The analysis of the international legal framework of doctrinal research and of the legal positions of national and international courts on data protection showed that the importance of data protection in terms of Internet development and the new transnational ways of data collecting and processing that the entire international community has not yet had to face dictate the need for continued development and improvement of international and national standards of data protection. Here, the ECHR and the CJEU are of particular importance as they play a leading role in the progressive development of European case law in this area. At the same time, based on the analysis of the ECHR case law, it can be concluded that the ECHR, in its decisions of recent years, departs from a rigid approach, giving more freedom to states in the implementation of mass surveillance. It is concluded that today the right to protection of personal data is in an intermediate state: it can no longer be fully considered either as part of the right to respect for private life, or as a full and independent right. As a matter of urgency, states should review their own national laws, policies and practices to ensure that they fully comply with the data protection standards developed by the Council of Europe and the EU. In order to improve the standards of the national legal system and establish sufficient safeguards in the field of data protection, it is recommended that the new provisions of Convention 108+ be ratified and implemented. It is noted that the current system of data protection in the EU allows states to limit the right to data protection for broad reasons of national security and law enforcement. Particular attention should also be paid to the establishment of a single system of independent bodies among all the Council of Europe member states to effectively oversee any activities of the intelligence services and law enforcement agencies that violate privacy.

REFERENCES

1. Benyekhlef, K. (1996) Les normes internationales de protection des données personnelles et l'autoroute de l'information. In: *Les Journées Maxilien-Caron: Le respect de la vie privée dans l'entreprise*. Thémis. pp. 65–105.
2. Gonzalez Fuster, G. (2016) *The Emergence of Personal Data Protection as a Fundamental Right of the EU*. Springer International Publishing.
3. Hustinx, P.J. (2005) Data protection in the European Union. *Privacy & Informatie*. pp. 62–65.
4. ECtHR. (2019) *López Ribalda and Others v. Spain (applications nos. 1874/13 and 8567/13)*. 17.10.2019.
5. UN Human Rights Committee. (2013) *CCPR General Comment No. 16: Article 17 (Right to Privacy), The Right to Respect of Privacy, Family, Home and Correspondence, and Protection of Honour and Reputation*. 8 April 1988, HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. 1). [Online] Available from: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/10/General-Comment-16-of-the-Human-Rights-Committee.pdf>. (Accessed: 10.01.2020).
6. UN. (2013) *Rezolyutsiya 68/167, prinyataya General'noy Assambleey 18 dekabrya 2013 goda. Pravo na neprikosnovennost' chastnoy zhizni v tsifrovuyu epokhu* [The Right to Privacy in the Digital Age: Resolution 68/167 Adopted by the General Assembly on 18 December 2013]. [Online] Available from: <https://undocs.org/A/RES/68/167>. (Accessed: 10.01.2020).
7. UN Human Rights Committee. (2013) *General Comment No. 16 Article 17 (The right to respect of privacy, family, home and correspondence, and protection of honour and reputation) (No. 3 & 8)*. [Online] Available from: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/10/General-Comment-16-of-the-Human-Rights-Committee.pdf>. (Accessed: 10.01.2020).
8. UN Human Rights Committee. (2020) *Doklad za 2019 god Spetsial'nogo dokladchika OON po pravu na neprikosnovennost' chastnoy zhizni* [UN Special Rapporteur on the right to privacy: An annual report]. [Online] Available from: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/Privacy/SR/Pages/AnnualReports.aspx>. (Accessed: 10.01.2020).
9. UN Human Rights Committee. (2014) *Doklad Upravleniya Verkhovnogo komissara OON po pravam cheloveka po voprosu o prave na neprikosnovennost' chastnoy zhizni v tsifrovoy vek (A/HRC/27/37)* [Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights: The Right to Privacy in the Digital Age (A/HRC/27/37)]. [Online] Available from: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/DigitalAge/Pages/ReportDigitalAge.aspx>. (Accessed: 10.01.2020).
10. Legifrance. (2020) *Loi N° 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'inform atique, aux fichiers et aux libertés*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000006068624&dateTexte=vig>. (Accessed: 12.09.2019).
11. Lessig, L. (2006) *Code: Version 2.0*. New York: Basic Books.
12. Mitsilegas, V. (2015) The Transformation of Privacy in an Era of Pre-emptive Surveillance. *Tilburg Law Review*. 20. pp. 35–37.
13. Statista. (2019) *The most surveilled city in Europe*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/chart/19268/most-surveilled-cities-in-europe/>. (Accessed: 01.11.2019).
14. EC. (2006) *Council Directive 2006/24/ec of 15 March 2006 on the retention of data generated or processed in connection with the provision of publicly available electronic communications services or of public communications networks and amending Directive 2002/58/ec Art. 3 (1)*.
15. Vermeulen, M. & Bellanova, R. (2013) European 'smart' surveillance: What's at stake for data protection, privacy and non-discrimination? *Security and Human Rights*. 4. pp. 297–311.
16. Wright, D. (2010) Sorting out Smart Surveillance. *Computer Law & Security Review*. 26, (4). pp. 342–361.
17. EU. (2004) *Article 29 Data Protection Working Party. Declaration of the Article 29 Working Party on Enforcement*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2004/wp101_en.pdf. (Accessed: 01.11.2019).
18. ECtHR. (2003) *Perry vs United Kingdom*. 17 July 2003.
19. Jervis, C. (2018) *Barbulescu v Romania: Why There is No Room for Complacency When it Comes to Privacy Rights in the Workplace*. *Industrial Law Journal*. 47 (3). pp. 440–453.
20. ECtHR. (2017) *Barbulescu v. Romania*. 05 September 2017.
21. Gursel, I. (2016) Protection of Personal Data in International Law and the General Aspects of the Turkish Data Protection Law. *Dokuz Eylul Universitesi Hukuk Fakultesi Dergisi*. 18. pp. 33–62.
22. Baran, P. (1967) The Future Computer Utility. *National Affairs*. 43. pp. 75–87.
23. Jernigan, C. & Mistre, B.F. (2009) *Gaydar: Facebook Friendships Expose Sexual Orientation*. Oct. 5. [Online] Available from: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/2611>. (Accessed: 01.11.2019).
24. Merrill, J. (2016) Liberal, Moderate or Conservative? See How Facebook Labels You. *N.Y. TIMES*. Aug. 23. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/us/politics/facebook-ads-politics.html>. (Accessed: 01.11.2019).
25. Constine, J. (2017) *Facebook Rolls Out AI to Detect Suicidal Posts Before They're Reported*. Nov. 27. [Online] Available from: <https://techcrunch.com/2017/11/27/facebook-ai-suicide-prevention/?guccounter=1>. (Accessed: 01.11.2019).
26. Cook, J. (2018) Amazon Patents New Alexa Feature That Knows When You're Ill and Offers You Medicine. *TELEGRAPH*. Oct. 9. [Online] Available from: <https://www.telegraph.co.uk/technology/2018/10/09/amazon-patents-new-alexa-feature-knows-offers-medicine/>. (Accessed: 01.11.2019).

27. Eicke, T. (2018) 'Big Data': *The ECtHR as facilitator or guardian?* Lecture 2018 – Lincoln's Inn, 29 November 2018. § 15–16.
28. Woods, L. (2017) Social media: it is not just about Article 10. In: Mangan, D. & Gillies, L.E. (eds) *The Legal Challenges of Social Media*. Edward Elgar, pp. 104–124.
29. European Court of Justice Grand Chamber. (2014) *Case C-131/12 Google Spain SL, Googl eInc. V Agencia Espahiolade Proteccion de Datos (Aepd), M. Costeja Gonzalez*. 13 May 2014.
30. EU. (2017) *EU Cybersecurity Act*. [Online] Available from: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-3193_en.htm. (Accessed: 01.11.2019).
31. ECtHR. *Delfi AS v. Estonia*, 64569/09. 16 June 2015.
32. Spano, R. (2017) Otvetstvennost' informatsionnogo posrednika za komentarii onlayn-pol'zovatelya v kontekste Evropeyskoy Konventsii po pravam cheloveka [Responsibility of the Information Intermediary for the Comments of the Online User in the Context of the European Convention on Human Rights]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2 (22). pp. 28–41.
33. Woods, L. (2015) *Delfi v Estonia: Curtailing online freedom of expression?* [Online] Available from: <http://eulawanalysis.blogspot.com/2015/06/delfi-v-estonia-curtailing-online.html>. (Accessed: 01.11.2019).
34. Council of Europe. (1981) *Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data*. [Online] Available from: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/108>. (Accessed: 01.11.2019). (In Russian).
35. Legifrance. (2015) *Loi n 2015-912 du 24 juillet 2015 relative au renseignement*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000030933629&dateTexte=20180930>. (Accessed: 01.11.2019).
36. Hornung, G. & Schnabel, C. (2009) Data Protection in Germany I: The Population Census Decision and the Right to Informational Self-Determination. *Computer Law & Security Review*. 25. pp. 84–88.
37. Cole, D. & Fabbri, F. (2016) Bridging the transatlantic divide? The United States, the European Union, and the protection of privacy across borders. *International Journal of Constitutional Law*. 14. pp. 220–237.
38. Grand Chamber. (2010) *European Commission v Federal Republic of Germany, C-518/07, EU:C:2010:125*.
39. Lynskey, O. (2017) The 'Europeanisation' of Data Protection Law. *Cambridge Yearbook of European Legal Studies*. 19. pp. 252–286.
40. Lawmix.ru. (1999) *Reshenie Soveta glav pravitel'stv SNG "O Kontseptsii informatsionnoy bezopasnosti gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv v voennoy sfere" (Prinyato v g. Minske 04.06.1999)* [Decision of the Council of the Heads of Government of the CIS "On the Concept of Information Security of the Member States of the Commonwealth of Independent States in the Military Sphere" (Adopted in Minsk on 04.06.1999)]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/8896>.
41. Docs.cntd.ru. (2013) *Soglasenie o sotrudnichestve gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv v oblasti obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti ot 20 noyabrya 2013 goda* [Treaty on Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in the Field of Information Security of November 20, 2013]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/420278452>. (Accessed: 10.01.2020).
42. Docs.cntd.ru. (2009) *Soglasenie mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti ot 16 iyunya 2009 goda* [Treaty Between the Governments of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization on Cooperation in the Field of International Information Security of June 16, 2009]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902289626>. (Accessed: 10.01.2020).
43. Consultant Plus. (2017) *Recommendation of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 27 of November 21, 2017, "On General Approaches to the Implementation by the Member States of the Eurasian Economic Union of a Consolidated Policy in the Sphere of Consumer Rights Protection in the Realization of Goods (Work, Services) Remotely"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283378/. (In Russian).
44. *Rossiyskaya gazeta*. (2016) Federal'nyy zakon ot 6 iyulya 2016 g. № 374-FZ "O vnesenii izmeneniy v FZ "O protivodeystvii terrorizmu" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nykh mer protivodeystviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti" [Federal Law No. 374-FZ of July 6, 2016, "On Amendments to the Federal Law 'On Countering Terrorism' and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Establishment of Additional Counter-Terrorism Measures and Ensuring Public Safety"]. 8 July. 149.

Received: 13 February 2020

Е.В. Раздьяконова

ПРИНЦИП РАВНОЙ ЗАЩИТЫ ВСЕХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ И ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

Исследуется конституционный принцип равной защиты всех форм собственности в контексте правового регулирования отношений в сфере публично-частного партнерства. Этот аспект мало изучен в юридической науке, поэтому в статье автор анализирует законодательство о публично-частном партнёрстве на предмет защищенности права публичной собственности. В результате исследования сделаны выводы о необходимости учета особенностей публичной собственности в нормотворчестве и правоприменении.

Ключевые слова: принцип равной защиты всех форм собственности; публичный интерес; публично-частное партнерство.

Принцип равной защиты всех форм собственности

Принцип равной защиты разных форм собственности исследуется с точки зрения различных отраслей российского права. Проблема его содержания и применения рассматривается как одна из неоднозначных проблем современной научной мысли. Собственность является определенной социальной ценностью и экономической основой любого общества и государства. Признавая новые современные формы сотрудничества государства с обществом, законодатель иногда отходит от гарантий равной защиты в отношении объектов публичной собственности. В связи с этим проблематика следования принципу равной защиты всех форм собственности в отношениях, связанных с передачей объектов публичной собственности для их более эффективного управления, требует рассмотрения с позиций создания действенного механизма защиты права публичной собственности, не допускающего произвольную передачу объектов, которые изначально предназначены для использования в интересах населения.

Действующая Конституция признает и равным образом защищает различные формы собственности. Принцип равной защиты всех форм собственности, закрепленный в ст. 8 Конституции предполагает, что эта норма должна стать фундаментом регулирования любых правоотношений, где затрагиваются отношения собственности. Правовые основы охраны отношений собственности предусматриваются большинством отраслей российского права: конституционным правом, устанавливающим общие принципы регулирования и защиты права собственности; в административном и уголовном праве предусматривается ответственность за противоправные посягательства на чужое имущество и другими, в том числе и гражданским правом.

Защита различных форм собственности является одной из основных внутренних функций государства, которую оно осуществляет посредством разных способов, в том числе через органы судебной власти. Наиболее важное значение при изучении судебной практики по вопросам защиты права публичной собственности имеют правовые позиции Конституционного Суда РФ, поскольку именно они восполняют

пробелы в доктринальном осмыслении положений Конституции РФ. Но сформулированный в Конституции РФ принцип признания и защиты равным образом различных форм собственности, понятный с точки зрения лексического значения, является наиболее сложным с позиций конституционно-правового толкования. В решениях Конституционного Суда РФ отсутствует полная характеристика нормативного содержания рассматриваемого принципа, но, как указывает М.В. Бородач, «к настоящему времени на основе ряда судебных решений Конституционного Суда РФ наметились два основных концепта, раскрывающих нормативное содержание рассматриваемого принципа: 1) идея о намеренном (ограничивающем публично-властную дискрецию) поставлении себя государством в формально равноправное положение с другими субъектами в отношениях гражданского оборота; 2) равноправие публичных собственников разных публично-территориальных уровней в имущественных взаимоотношениях между собой при разграничении государственной собственности» [1. С. 453]

В соответствии с принципом признания и защиты равным образом разных форм собственности государство должно создавать условия для развития разнообразных форм собственности и обеспечивать их равную защиту [2. С. 170], в том числе и в отношениях, связанных с передачей объектов государственной и муниципальной собственности для эффективного управления в частные руки, необходимость которого обусловлена рядом объективных причин.

Конститутивный характер публично-частного партнерства

Сокращение доходов бюджета, нестабильная экономическая ситуация препятствуют органам публичной власти нести должным образом бремя содержания государственного и муниципального имущества. Поэтому особое значение приобретает привлечение в эти отношения частного капитала. Данный вид взаимодействий за рубежом получил название Public Private Partnership и подразумевает участие не только органов государственной власти, но и органов местного самоуправления путем передачи объектов государственной и муниципальной собственности для ее

эффективного использования и содержания частному партнеру.

Как указывает И.В. Выдрин, «в этом взаимодействии скрыт большой потенциал, оно, без какой-либо патетики, являет собой устойчивый вектор развития страны на многие годы вперед. Потому-то публично-частное партнерство должно попадать в орбиту науки и отрасли конституционного права, призванных, с одной стороны, сформировать системные знания о нем, а с другой стороны, обеспечить его хотя бы и минимальную нормативную регламентацию. Ему не миновать участи регулятора публично-частного партнерства, пусть и в общем виде. Таким образом, признание конституционным правом публично-частного партнерства в форме взаимодействия государства и общества имеет как сугубо науковедческий аспект, так и прикладное значение, связанное с его нормативным регулированием» [3. С. 157]. Публично-частное партнерство можно рассматривать и как форму взаимодействия органов государственной и муниципальной власти с институтами гражданского общества в целях установления сотрудничества в сферах политического, социального и экономического развития Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований. Включение муниципального сегмента объясняет, почему партнерство именуется не государственно-частным, как это чаще всего принято в законодательной практике последних лет, а публично-частным [3. С. 159].

Публично-частное партнерство выступает достаточно значимым инструментом в социально-экономической политике государства, особенно в период кризисов. Так, например, во Франции с началом экономического кризиса был принят план по стимулированию экономики страны, включающий в себя в качестве важного элемента Public Private Partnership [4. С. 4]. И в России в связи с кризисными явлениями в начале 2000-х гг. повысился интерес инвесторов к инфраструктурным проектам. Однако для реализации долгосрочных и дорогостоящих инфраструктурных проектов требовалось законодательное регулирование [5. С. 66]. В этой связи был принят Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – закон о концессии).

Хотя до 2016 г. (до момента вступления в силу специального федерального закона) в субъектах Российской Федерации действовали специальные законы, посвященные государственно-частному и муниципально-частному партнерству, по состоянию на начало 2016 г. порядка 90% проектов было реализовано с использованием закона о концессии [5. С. 67]. Подобное доминирование лишь одной формы публично-частного партнерства вызывало беспокойство у ряда ученых. Так, в монографии Ю.В. Рагулиной «Государственно-частное партнерство: региональный опыт развития» указывалось, что для привлечения инвестиций одной только концессии недостаточно и необходимо расширить законодательное поле [6].

В России принят и действует с 1 января 2016 г. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдель-

ные законодательные акты Российской Федерации» [7] (далее – закон о публично-частном партнерстве), где используются два термина: «государственно-частное партнерство», «муниципально-частное партнерство», сущность которых одинакова, только ориентирует на соответствующий уровень власти и складывающихся там отношений. Поэтому справедливо в исследовании указанного механизма использовать объединяющий термин «публично-частное партнерство». Опираясь на два определения «государственно-частное партнерство» и «муниципально-частное партнерство», закрепленных в законе о публично-частном партнерстве, для целей научных исследований можно сформулировать одно общее: публично-частное партнерство – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, осуществляемое на основании соглашения о публично-частном партнерстве в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения доступности и повышения качества товаров, работ, услуг, обеспечение которыми потребителей обусловлено полномочиями органов публичной власти (государственной и муниципальной).

Данный закон в отличие от закона о концессии не ограничивается регулированием всего лишь одного механизма публично-частного партнерства и имеет более общий характер. Но проблемы в сфере правового регулирования этого института остались. И прежде всего, это защита публичной собственности в отношении публично-частного партнерства. В то же время такие конституционные принципы, как поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, признание и защита разных форм собственности формируют экономическую основу публично-частного партнерства.

Одним из недостатков законодательства о публично-частном партнерстве является то, что в нем не учитываются характерные особенности содержания права публичной собственности. Принципиальное отличие публичной собственности от иных состоит в том, что, по мнению А.В. Винницкого, право публичной собственности – это «...особое, видоизмененное право собственности по сравнению с правом частной собственности. Подобное видоизменение происходит вследствие внедрения в частнопроводную конструкцию права собственности, закрепленной гражданским законодательством, категории публичных интересов и идеи “общего блага”, которые получают детальное развитие применительно к государственному и муниципальному имуществу в рамках публичного и прежде всего административного законодательства» [8. С. 50]. Ю.А. Тихомиров публичные интересы определяет как общие интересы, своего рода усредненные личных, групповых интересов. Это общественные интересы, без удовлетворения которых невозможно, с одной стороны, реализовать частные, с другой – обеспечить целостность организаций, государства, наций, социальных слоев, общества в целом [9. С. 54]. Обращаясь к теме публичного интереса, А.В. Кряжков утверждает, что «публичные интересы включают в

себя лишь те потребности, от которых зависит существование и развитие общества». При этом, как указывает автор, «...государство должно ограничивать свое вмешательство сферой публичных интересов. Определение этой границы государственного вмешательства и составляет проблему разделения государства и гражданского общества, баланса публичных и частных интересов, интересов отдельного субъекта и интересов всего общества» [10. С. 92].

Как отмечают в юридической литературе, публичное образование, являясь «проводником» воли граждан, обязано искать компромисс между необходимостью учета конституционных принципов демократии (права большинства) и правового государства (гарантии меньшинств) [11. С. 76], следовательно, государство, защищая право публичной собственности должно исходить из категорий «публичный интерес» и «общее благо».

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ при рассмотрении положений действующего законодательства исходит из конституционного принципа признания и защиты равным образом разных форм собственности, он не исключает различий в правовом режиме частной и публичной собственности, обусловленных в том числе особенностями осуществления и защиты прав на объекты, находящиеся в частной или публичной собственности [12]. Под прямым воздействием принципа признания и защиты равным образом разных форм собственности находится в основном гражданское законодательство.

Закон о публично-частном партнерстве нельзя в полной мере отнести к гражданскому законодательству, так как через проекты публично-частного партнерства органы публичной власти выполняют свои социальные обязательства перед населением. Закон устанавливает закрытый перечень объектов соглашения о публично-частном партнерстве, в частности это автодороги, мосты, транспорт общего пользования (кроме метрополитена), объекты ж/д и трубопроводного транспорта, морские, речные и специализированные порты, водные и воздушные суда, аэропорты, объекты по производству, передаче и распределению электроэнергии, гидротехнические сооружения, объекты благоустройства территорий, а также те объекты, на которых осуществляются обработка, утилизация, обезвреживание, размещение твердых коммунальных отходов, объекты здравоохранения, в том числе предназначенные для санаторно-курортного лечения, объекты образования, культуры, спорта, объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма, иные объекты социального обслуживания населения. Но при этом нормы этого закона предусматривают в некоторых случаях передачу объекта соглашения в собственность частного партнера на время действия соглашения о публично-частном партнерстве и регистрацию залога на публичного партнера. Такое регулирование не учитывает особенности права публичной собственности, включающее в себя, в отличие от частной, категорию «публичный интерес». Закон не закрепляет категории «публичный интерес», используя в тексте закона другой термин – «интерес публичного партнера», но его

значение в тексте закона не раскрывается. Системный последовательный анализ норм закона о публично-частном партнерстве не дает ответа на вопрос, что понимать под «интересом публичного партнера», но совершенно очевидно, что по своему смысловому содержанию «публичный интерес» как характеристика публичной собственности и «интерес публичного партнера» как характеристика стороны договорных отношений в семантическом значении не являются схожими понятиями. Объект, переходя из публичной собственности в частную, теряет свое прямое предназначение – служить удовлетворению публичного интереса, так как имущество, находящееся на праве частной собственности, призвано служить удовлетворению интереса частного собственника, обычно заключающегося в извлечении прибыли от эксплуатации объекта.

Таким образом, в законе о публично-частном партнерстве при регулировании возможности передачи объектов из публичной собственности в частную (например, ст. 6, 12, 33.1, 33.2 закона о публично-частном партнерстве) нарушается конституционный принцип равной защиты всех форм собственности. В целях соблюдения баланса интересов публичного и частного партнера следует изменить подход в правовом регулировании и предусмотреть сохранение объекта на праве публичной собственности за публичным партнером и регистрацию залога у частного партнера на весь период действия соглашения о публично-частном партнерстве. Такая норма будет способствовать реализации принципа соблюдения публичных интересов, который, к сожалению, не находит закрепления в законодательстве о публично-частном партнерстве, что говорит в том числе и о пробеле, существующем в ст. 4 Федерального закона о публично-частном партнерстве, посвященной принципам государственно-частного, муниципально-частного партнерства.

Принцип соблюдения публичных интересов нарушается также в отношениях публично-частного партнерства, связанных с реконструкцией или восстановлением объекта, находящегося в публичной собственности, когда в результате исполнения обязательств по договору публично-частного партнерства объект перестает существовать в первоначальном виде.

Защита права публичной собственности в публично-частном партнерстве

Как справедливо отмечают ученые американского права, защита права собственности возможна только тогда, когда существует объект этого права, и субъект права может потерять право собственности без вмешательства кого-то, если базовое свойство перестает существовать [13]. Зачастую объекты недвижимости, передаваемые по договорам публично-частного партнерства, настолько видоизменяются в результате их восстановления или реконструкции, что от первоначального вида объекта не остается практически ничего, кроме назначения здания. К примеру, в Новосибирске в 2013 г. было снесено здание по адресу ул. Советская, 36, где с 1909 г. располагались знаме-

нитые Федоровские бани. Здание было закрыто на реконструкцию в 2011 г. – муниципалитет передал его частной компании по договору концессии, которая отказалась его реставрировать. Одной из основных причин отказа от реконструкции стало аварийное состояние фундамента и недопустимое к эксплуатации состояние строительных конструкций. Тогда здание перешло тому же инвестору, но уже по инвестиционному договору, а муниципалитет сохранил за собой часть площади здания [14]. В итоге реконструкции вместо двухэтажного здания появилось шесть, площадь нового здания значительно превышает изначальную, т.е. это не тот самый объект, который передан по договору публично-частного партнерства, а другой, вновь построенный, и, таким образом, в муниципальной собственности находится уже не все здание, а только его незначительная часть.

В этом случае следует исследовать такой критерий, как «публичный интерес» в контексте данного проекта, и вопрос ответственности публичного партнера должен решаться с учетом несоблюдения публичного интереса при управлении объектами публичной собственности. Как указывает И.А. Кравец, ответственность в конституционализме занимает лидирующее место как правовой и политический институт и как проблема достижения эффективности и подконтрольности публичной власти [15. С. 204]. При этом ученый при исследовании проблем конституционализма не обходит стороной и необходимость учета принципа общественных (публичных) интересов, который требует, чтобы государственные органы действовали в интересах широкой общественности. Данный принцип среди прочего предполагает, что «общественность», или население, является достаточно последовательной группой с взаимосвязанными общими публичными интересами, которые должны обеспечиваться правительством страны, поскольку население соглашается с тем, что оно обслуживается правительством [15. С. 205].

Здание бань хоть и не являлось памятником архитектуры, но, как отмечают жители Новосибирска, было одной из его достопримечательностей, историческим местом. Снос здания и возведение совершенно иного здания в отличие от архитектурного проекта предыдущего здания противоречили интересам местных жителей, которые в большинстве своем высказывались за сохранение именно проекта двухэтажного здания [16]. Таким образом, если в проекте концессионного соглашения по вопросу восстановления здания прослеживалось намерение сохранить первоначальный облик здания, то итогом реализации инвестиционного договора стало отсутствие учета публичного интереса населения муниципального образования. Необходимо отметить, что в российском законодательстве термины «публичный интерес» и «общее благо» употребляются без раскрытия содержания, что создает возможности для интерпретации в правоприменительной практике. Из разъяснений, содержащихся в п. 75 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской

Федерации», следует, что применительно к ст. 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы [17]. Таким образом, судебная практика определяет значение публичного интереса исходя из казуального толкования и в контексте конституционного принципа признания и защиты равным образом разных форм собственности не дает должного представления о характеристиках публичного интереса.

Правовая идентификация публичного и частного интересов рассматривается в науке и при исследовании финансово-правового аспекта публично-частного партнерства. Содержательными проблемами видятся определение видовых характеристик публичного и частного интереса, масштаба и единицы их измерения, критериев справедливого распределения имущественных и неимущественных затрат, выгоды и рисков [18. С. 3]. В литературе указано, что в п. 4 ст. 212 ГК РФ закреплена норма, основанная на конституционном принципе равной защиты всех форм собственности, предполагающем также неприкосновенность собственности. Возникает вопрос о том, в какой мере принцип неприкосновенности собственности должен форматировать правовое регулирование отношений публичной собственности. С точки зрения ряда ученых-конституционалистов, из этого конституционного принципа вытекают закрепленные в ГК РФ положения, в соответствии с которыми существует единое право собственности, предполагающее, что у всех субъектов права, признаваемых собственниками, имеются одинаковые полномочия и государство должно обеспечивать равную защиту прав всех собственников, в том числе путем отказа от неоправданных ограничений объектного состава имущества, которое может принадлежать публичным собственникам. Новый подход, в соответствии с которым в публичной собственности субъектов РФ и муниципальных образований может находиться не любое имущество, а лишь такое, которое непосредственно служит в качестве материальной базы тех полномочий, которые закреплены за ними, означает закрепление в непрофильном законе, не являющемся частью гражданского законодательства, принципа строго целевого характера публичного имущества, т.е. невозможность для публичных собственников быть собственниками некоторых видов имущества, которое при этом не является изъятим из оборота [19. С. 108–109].

Если для граждан и юридических лиц действует принцип автономного усмотрения самого правообладателя, лишь бы таковое не нарушало прав и законных интересов других лиц, то для публичного собственника могут действовать соответствующие ограничения, которые вытекают из специфики его правового статуса, проявляющейся в том числе при его участии в гражданских правоотношениях, и предполагают осуществление возложенных на него полно-

мочий в конституционно установленных целях [20]. О подобном правовом эффекте, когда, с одной стороны, частное право сталкивается с практической проблемой и доходит до известного предела в своих исканиях, что препятствует эффективным решениям, с другой стороны, происходит корректировка логики частного права на основе конституционно-правовых принципов, указывают в научных публикациях [21].

Следовательно, в регулировании отношений публично-частного партнерства эффективной гарантией соблюдения баланса частных и публичных интересов может считаться только развитая система законодательства с понятными для правоприменителей нормами, создающими действенный механизм охраны интересов как частных, так и публичных партнеров. К сожалению, такой характеристикой законодательство о публично-частном партнерстве не обладает, что подтверждается и практикой арбитражных судов.

Так, в Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2016 г. по делу № А53-7344/2016 и решении Арбитражного суда Ростовской области от 28.06.2016 по этому же делу при рассмотрении спора между департаментом имущество-земельных отношений города Ростова-на-Дону (далее – Департамент) и обществом с ограниченной ответственностью «Солнечный круг» установлено, что здание муниципального концертного комплекса «Юбилейный» передано в порядке приватизации в уставной капитал создаваемого ОАО «Киноконцертный комплекс «Юбилейный», после чего между Департаментом и ООО «Солнечный круг» было заключено инвестиционное соглашение [22]. При-

менительно к описанному выше случаю из судебной практики в момент приватизации объект собственности переходит из состава публичной собственности и становится собственностью юридического лица, преследующего сугубо свои частные интересы при управлении объектом.

Таким образом, законодательство о публично-частном партнерстве вообще не защищает право публичной собственности, имеющее особое содержание, включающее в себя категорию «публичный интерес». Между тем законодательное регулирование отношений в сфере публично-частного партнерства, предполагающих использование каких-либо объектов права публичной собственности и их передачу частному партнеру, должно исходить из категории «публичный интерес». В связи с этим, основываясь на необходимости обеспечения равной защиты всех форм собственности, в Федеральном законе от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 4 следует закрепить в числе прочих принципов государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства принцип соблюдения публичных интересов. А нормы закона, предусматривающие возможность передачи объекта из государственной и муниципальной собственности в частную, изменить таким образом, чтобы при соблюдении интересов частного партнера в соглашениях публично-частного партнерства объекты публичной собственности оставались на праве государственной и муниципальной собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородач М.В. Публичная собственность: опыт конституционно-правового осмысления / под науч. ред. В.И. Крусса. М. : Норма, 2019. 576 с.
2. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юрист, 2004. 286 с.
3. Конституционное право России : учеб. для бакалавров / отв. ред. И.В. Выдрин. М. : Юрлитинформ, 2015. 552 с.
4. Hall D. A crisis for public-private partnerships (PPPs)? // PSIRU. 2009. January. 9 p.
5. Зубах П.А. Анализ рынка проектов государственно-частного партнерства в сфере инфраструктурного развития // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. № 4. С. 66–74.
6. Рагулина Ю.В., Петрова Ю.И., Плахотников А.А., Елесина М.В. Государственно-частное партнерство: региональный опыт развития. М. : Научная библиотека, 2014. 176 с.
7. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (в ред. от 26.09.2019) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29. Ст. 4350.
8. Винницкий А.В. Публичная собственность. М. : Статут, 2013. 732 с.
9. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. 496 с.
10. Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 91–99.
11. Скрыль С.М. Конституционно-правовой механизм ограничения права собственности в системе согласования публичных и частных интересов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 31 (132). С. 74–78.
12. По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца : Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 27. Ст. 4075.
13. Frank I. Michelman. Property as a Constitutional Right // 38 Wash. & Lee L. Rev. 1097 (1981). URL: <https://scholarlycommons.law.wlu.edu/wlulr/vol38/iss4/2>
14. URL: <https://news.ngs.ru/more/1387408> (дата обращения: 11.09.2019).
15. Кравец И.А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202–215.
16. URL: <https://yandex.ru/video/preview?filmId=8471763676842393026&text=%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B8%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA&noreask=1&path=wizard&parent-reqid=1568356643659474-523018380633587905500093-man1-3606&redircnt=1568356667.1> (дата обращения: 11.09.2019).
17. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. 2015. № 140.
18. Омелехина Н.В. Правовая модель пространственного управления экономикой на примере Новосибирской области // Федерализм. 2015. № 3 (79). С. 95–104.

19. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. проф. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М. : Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2013. 1040 с.
20. По делу о проверке конституционности ряда положений части 11 статьи 154 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с запросом Правительства Москвы : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2006 года № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 28. Ст. 3117.
21. Подоплелова О., Степанов Д. Добросовестные приобретатели против недобросовестного государства: дело Александра Дубовца в Конституционном Суде России : Комментарий к Постановлению от 22 июня 2017 года № 16-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 101–114.
22. Дело № А53-7344/2016. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.09.2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 марта 2020 г.

The Principle of Equal Protection of All Forms of Ownership and Public-Private Partnership

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 244–250.

DOI: 10.17223/15617793/454/30

Evgenia V. Razdyakonova, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation), Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: er505@ngs.ru

Keywords: principle of equal protection of all forms of ownership; public interest; public-private partnership.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No.18-011-00761 A.

The article is devoted to the study of the legal regulation of relations in the field of public-private partnership and the consideration of the constitutional principle of equal protection of all forms of ownership in these relations. This aspect is little studied in legal science. In the article, the author attempts to analyze the law on public-private partnership in the protection of public property rights, focuses on the features of public property that allow distinguishing this type of property from others. The author aims to study the law on public-private partnership and the practice of its enforcement in accordance with the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the interpretation of the norms of the Constitution of the Russian Federation on the protection of property rights. In the study, a formal-legal method was used, which made it possible to establish signs of public ownership right that distinguish its content from private property rights and to state that one of the shortcomings of the law on public-private partnerships is that it does not take into account the characteristic features of the content of public property rights. The transfer of the object into private ownership does not imply the preservation of the category of public interest and the idea of common good in its content. At the same time, the Constitutional Court of the Russian Federation does not exclude differences in the legal regime of private and public property, due, inter alia, to the peculiarities of the exercise and protection of rights to objects in private or public ownership. Using the sociological method in the analysis of judicial practice in public-private partnerships and public-private partnership projects, the author formulates recommendations on improving the mechanism for protecting public property rights in public-private partnership relations, as regulation does not take into account the features of public ownership. As a result, the author concludes that the law in the field of public-private partnership does not take into account the constitutional principle of equal protection of all forms of ownership. It allows transferring public property to private ownership and modifying objects without taking into account the interests of the public. In this regard, a change in this law should provide for the preservation of the object on the right of public ownership by a public partner and the registration of a pledge with a private partner for the entire duration of the public-private partnership agreement; in relations of the reconstruction and restoration of the object, it is necessary to take into account public opinion. The author also justifies the need to consolidate the principle of observance of public interests in the law on public-private partnership.

REFERENCES

1. Borodach, M.V. (2019) *Publichnaya sobstvennost': opyt konstitutsionno-pravovogo osmysleniya* [Public Ownership: The Experience of Constitutional Legal Reflection]. Moscow: Norma.
2. Gadzhiev, G.A. (2004) *Konstitutsionnye printsipy rynochnoy ekonomiki (razvitie osnov grazhdanskogo prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii)* [Constitutional Principles of a Market Economy (Development of the Foundations of Civil Law in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. Moscow: Yurist".
3. Vydrin, I.V. (ed.) (2015) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. Moscow: Yurlitinform.
4. Hall, D. (2009) A crisis for public-private partnerships (PPPs)? *PSIRU*. January.
5. Zubakh, P.A. (2016) Market Analysis of Projects of Public-Private Partnerships in Infrastructure Development. *Vestnik Moskovskogo finansovoyuridicheskogo universiteta*. 4. pp. 66–74. (In Russian).
6. Ragulina, Yu.V. et al. (2014) *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: regional'nyy opyt razvitiya* [Public-Private Partnership: Regional Development Experience]. Moscow: Nauchnaya biblioteka.
7. Russian Federation. (2015) O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, munitsipal'no-chastnom partnerstve v Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 13 iyulya 2015 g. № 224-FZ (v red. ot 26.09.2019) [On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 224-FZ of July 13, 2015 (As Amended on September 26, 2019)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 29. Art. 4350.
8. Vinnitskiy, A.V. (2013) *Publichnaya sobstvennost'* [Public Property]. Moscow: Statusts.
9. Tikhomirov, Yu.A. (1995) *Publichnoe pravo* [Public Law]. Moscow: BEK.
10. Kryazhkov, A.V. (1999) *Publichnyy interes: ponyatie, vidy i zashchita* [Public Interest: Concept, Types and Protection]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 10. pp. 91–99.
11. Skryl', S.M. (2008) Konstitutsionno-pravovoy mekhanizm ogranicheniya prava sobstvennosti v sisteme soglasovaniya publichnykh i chastnykh interesov [The Constitutional-Legal Mechanism for Restricting Property Rights in the System of Coordination of Public and Private Interests]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 31 (132). pp. 74–78.

12. Russian Federation. (2017) Po delu o provere konstitutsionnosti polozeniya punkta 1 stat'i 302 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina A.N. Dubovtsa: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22.06.2017 № 16-P [In the Case of the Verification of the Constitutionality of the Provisions of Paragraph 1 of Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection With a Complaint of Citizen A.N. Dubovets: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of June 22, 2017]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 4075.
13. Michelman, F.I. (1981) Property as a Constitutional Right. *Wash. & Lee L. Rev.* 38 (4/2). [Online] Available from: <https://scholarlycommons.law.wlu.edu/wlulr/vol38/iss4/2>
14. Ngs.ru. (2013) *Kul'tovoe mesto* [An Iconic Place]. [Online] Available from: <https://news.ngs.ru/more/1387408>. (Accessed: 11.09.2019).
15. Kravets, I.A. (2019) Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Context). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 439. pp. 202–215. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/439/28
16. Yandex. (2019) “*Fedorovskie Bani*” opened in Novosibirsk after ten years of shutdown. [Video]. [Online] Available from: <https://yandex.ru/video/preview?filmId=8471763676842393026&text=%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B8%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA&noreask=1&path=wizard&parent-reqid=1568356643659474-523018380633587905500093-man1-3606&redircnt=1568356667.1>. (Accessed: 11.09.2019). (In Russian).
17. *Rossiyskaya gazeta*. (2015) O primeneni sudami nekotorykh polozeniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 [On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of June 23, 2015]. 140.
18. Omelekhina, N.V. (2015) Pravovaya model' prostranstvennogo upravleniya ekonomikoy na primere Novosibirskoy oblasti [The Legal Model of Spatial Management of the Economy on the Example of Novosibirsk Oblast]. *Federalizm*. 3 (79). pp. 95–104.
19. Zor'kin, V.D. (ed.) (2013) *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. 3rd ed. Moscow: Norma; NITs INFRA-M.
20. Russian Federation. (2006) Po delu o provere konstitutsionnosti ryada polozeniy chasti 11 stat'i 154 Federal'nogo zakona ot 22 avgusta 2004 goda № 122-FZ “O vnesenii izmeneniy v zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem federal'nykh zakonov “O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Federal'nyy zakon “Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii” i “Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii” v svyazi s zaprosom Pravitel'stva Moskvy: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 30 iyunya 2006 goda № 8-P [In the Case of the Verification of the Constitutionality of a Number of Provisions of Part 11 of Article 154 of the Federal Law No. 122-FZ of 22 August 2004 on Amending the Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing Some of the Legislative Acts of the Russian Federation Invalid in Connection With the Adoption of Federal Laws “On Introducing Amendments to the Federal Law ‘On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation’ and ‘On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation’” in Connection With the Request of the Moscow Government: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of June 30, 2006]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 28. Art. 3117.
21. Podoplelova, O. & Stepanov, D. (2017) Good-Faith Purchasers V. Bad-Faith Government: The Case of Aleksander Dubovets Before the Russian Constitutional Court Commentary on Judgment No. 16-P of June 22, 2017. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 6. pp. 101–114. (In Russian).
22. Sudact.ru. (2016) *Case No. A53-7344/2016*. [Online] Available from: <https://sudact.ru>. (Accessed: 02.09.2019). (In Russian).

Received: 11 March 2020

А.Б. Смушкин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследуются возможности использования компьютерно-опосредованной (виртуальной) реальности в правоохранительной деятельности. Виртуальная реальность дифференцируется на виды. Рассматривается зарубежная практика применения виртуальной реальности. Анализируются возможности применения в практике деятельности правоохранительных органов различных ее видов. Обосновывается необходимость внесения изменений в УПК и разрабатываются новеллы законодательства для применения виртуальной реальности

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; виртуальная реальность; расширенная реальность; дополненная реальность; виртуальный осмотр; оцифрованное место происшествия.

Варианты компьютерно-опосредованной реальности уже давно используются в индустрии развлечений, в военных технологиях в симуляторах для обучения управления какой-либо техникой, а также на тактических дисплеях действующих образцов военной техники и в иных профессиональных направлениях, однако в правоохранительной деятельности данному вопросу уделяется крайне мало внимания. Между тем в китайской полиции уже используются очки дополненной реальности для распознавания лиц прохожих и сопоставления с полицейской базой данных [1]. Отечественные же правоохранители только планируют тестировать аналогичные устройства и в октябре 2019 продемонстрировали его использование на выставке «Интерполитех» [2]. Однако в отечественной практике правоохранительной деятельности компьютерно-опосредованная реальность так пока и не получила применения вообще.

В педагогическом процессе «гражданских» юридических вузов, а также высших учебных заведений Генеральной прокуратуры, Министерства юстиции, Следственного комитета при обучении криминалистике, основам оперативно-розыскной деятельности, тактико-специальной подготовке и другим наукам также недооценивается применение компьютерно-опосредованной виртуальной реальности. Московский институт открытого образования начал подготовку учебных панорамных видеофильмов (так называемых видео-360). Это смежная с виртуальной реальностью технология. Отдельно стоит отметить разработку «Технология дополненной реальности в криминалистике на основе многослойной ООД», разрабатываемую ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород) не на основе наложения на реальность виртуальных образов, а базируясь на отечественной концепции деятельностного подхода, где выделяется ориентировочная основа действия, которая, выступая виртуальным образом тактических приемов и методов выявления и фиксации следов накладывается на изображения реальных следов преступления и другие объекты [3. С. 483–491].

Однако к настоящему моменту нет единого мнения даже в области терминологии в рассматриваемой сфере. Неспециалисты часто прибегают к обиходному обобщению технологий, называя все технологии виртуальной реальностью. Между тем среди вариантов

технологий, отличающихся от реальной реальности (RR), ученые выделяют виртуальную реальность (Virtual Reality – VR), дополненную реальность (Augmented Reality – AR), смешанную реальность (Mixed Reality – MR), расширенную реальность (Extended Reality – XR) и погружающую реальность (Immersive Reality – IR) [4–6].

В философской литературе под виртуальной реальностью понимается «технически конструируемая при помощи компьютерных средств интерактивная среда; как порождение и оперирование объектами, реальными или воображаемыми, на основе их графического представления, симуляции их физических свойств и способности воздействия и самостоятельно присутствия в пространстве, а также создание таких объектов средствами специального компьютерного оборудования» [7. С. 191]. Подобного подхода придерживались и другие ученые [8. С. 7]. Однако многие авторы связывают виртуальную реальность не с компьютерными технологиями, а с психологией, указывая при этом, что виртуальная реальность – «это не есть следствие использования электронных коммуникаций, хотя они суть необходимые инструменты выражения в новой культуре» [9. С. 585]. В.С. Бабенко, Ф. Хаммет, Е.А. Шаповалов рассматривают виртуальную реальность как соединение объективного и субъективного: «Виртуальная реальность – это то, где отсутствует четкое разделение объективного и субъективного плана в понимании, где эти различные содержания перетекают друг в друга, становясь неразличимыми, неотличимыми» [10. С. 174]. То есть виртуальная реальность, в их понимании, – вся сфера потенциального, возможного. Анализируя сказанное, можно отметить явное несоответствие использования психологических подходов целям, задачам и закономерностям правоохранительной деятельности. Поэтому в нашей статье мы применяем технологический подход к виртуальной реальности и именуем его компьютерно-опосредованным во избежание смешивания с симулякрами психологического характера или мифотворчеством. Однако при этом мы считаем также необходимым ограничивать компьютерно-опосредованную виртуальную реальность от игровых или иных симуляционных программ, созданных на экране компьютера и не изолированных от окружающей реальности.

Расширенная реальность, в узком смысле слова, представляет собой полностью симуляционную реальность, созданную компьютером путем синтеза изображений и звуков.

Дополненная реальность усиливает информационную насыщенность реальности комментариями, титрами, эффектами, изображениями и т.д., как бы накладывая дополнительный слой поверх реальности.

Смешанная реальность объединяет реальную и виртуальную реальность, дополняя элементы реальной реальности симуляционными элементами виртуальной (например, джин, вылетающий из бутылки).

Погружающая реальность – зарождающаяся технология, позволяющая полностью погрузить пользователя в расширенную реальность, охватив все органы чувств (визуальная картинка, симуляция звука, запахов, тактильного отклика, вкуса и положения в пространстве), не вызывая ощущения нереальности происходящего.

Таким образом, виртуальная реальность представляет собой весь спектр вышеперечисленных технологий. При этом очень часто разница терминологии объясняется просто разработками в рамках разных фирм.

Проанализировав возможности компьютерно-опосредованной реальности, для криминалистических целей мы полагаем целесообразным выделять в рамках виртуальной реальности оцифрованную (отсканированную), отражающую обстановку, существующую реально, но не в этом месте или не в это время. Под оцифрованной реальностью мы понимаем сканирование реального материального мира и создание 3D-модели, отображающей его либо схематично, либо максимально идентично оригиналу (без дополнительных элементов). При этом пользователь такой модели как бы размещается внутри нее, осознавая, однако, ее симулятивность.

Неотъемлемым атрибутом любого варианта расширенной компьютерно-опосредованной реальности являются шлемы (или очки, в зависимости от технологии исполнения), комплексы для отслеживания движения головы, а также манипуляторы и контроллеры. В некоторых случаях для более полного погружения в ограниченном пространстве используются специальные установки для имитации движения пользователем, находящимся на одном месте, или комнаты виртуальной реальности.

Представляется, что в правоохранительной деятельности возможно эффективное использование практически всех видов виртуальной реальности. На это Е.П. Ищенко указывал еще в 2006 г.: «Думается, что главными путями развития отечественной криминалистики, наиболее отвечающими ее сути, являются освоение новых информационных и нанотехнологий, связанных с работой в виртуальной реальности» [11, с. 214]. Однако, хотя прошло более десятилетия, научные исследования по данному направлению применения виртуальной реальности так и не получили достаточного развития и существенного прорыва в отечественной криминалистике сделано не было. В связи с этим важным направлением исследований представляется формирование принципов использо-

вания данных технологий в оперативно-розыскной и следственной практике. При этом следует иметь в виду, что методы многих оперативно-розыскных мероприятий сходны с аналогичными методами производства некоторых похожих следственных действий, однако последние подлежат более подробной регламентации в законе. Поэтому особое внимание следует уделять разработке тактики следственных действий с использованием компьютерно-опосредованной реальности и специфике регламентации процессуального закрепления ее применения.

Дополненная реальность может основываться на различных принципах: «безмаркерная» технология, технология на базе маркеров и «пространственная» технология [12].

«Безмаркерная» технология основана на сканировании окружающего пространства по особым алгоритмам распознавания с наложением виртуальной «сетки». Объекты реального мира будут служить «маркерами», к которым «привязывается» виртуальная модель.

Технология на базе маркеров основана на распознавании специальных маркеров видеочастицей и привязке к ним цифровых объектов.

В рамках «пространственной» технологии привязка объектов осуществляется по сочетанию информации датчиков ГЛОНАСС-GPS, компаса, гирокомпаса. Точка в пространстве, определенная таким образом, сопоставляется с точкой «виртуального» объекта, заложенного в программе.

Технологии дополненной реальности могут использоваться при распознавании лиц и объектов, находящихся в розыске (например, угнанного автотранспорта) в рамках решения оперативно-служебных задач в ходе несения патрульной и иной службы.

Использование маркерных технологий дополненной реальности явно получит мощный толчок к распространению при воплощении в жизнь технологий концепции «интернет вещей», а именно радиометок RFID, позволяющих получить информацию о виде, артикуле объекта, дате производства, покупке, сроках годности. Представляется, что развитие таких технологий неизбежно приведет не только к передаче информации с радиометки управляющим центрам, но и использованию радиометок в качестве маркеров, на которые в дополненной реальности будет выводиться всплывающая информация, контекстное меню, текст или картинки. Реализация подобных технологий представляется делом ближайшего будущего буквально 3–5 лет.

Следовательно, уже сейчас необходимо разработать методику использования и особенности применения в правоохранительной деятельности указанных технологий. Так, кроме использования в очках с распознаванием лиц, возможно использование радиометок-маркеров в документах, картах или просто бейджах, а также визитках, выложенных в дополненную реальность. Однако это заслуживает отдельного исследования, поскольку при реализации данной технологии необходимо будет предусмотреть различные уровни доступа к идентификации субъектов в диапазоне от полной добровольной открытости до полной

закрытости с промежуточными элементами типа «имя – должность», «ФИО – профессия», «организация – участник мероприятия – ФИО».

Анализируя возможности применения подобной технологии, нужно отметить, что у сотрудников правоохранительных органов (особенно специальных служб) должен быть повышенный допуск к информации о наблюдаемом лице – от паспортных данных с регистрацией до места работы, нахождения в списке экстремистов, прежние судимости, а также объявления лица в розыск. Конечно, при подобном получении информации может возникнуть опасность незаконного распространения персональных данных и нарушения права на частную жизнь. Однако и в настоящее время для получения подобных персональных данных фигуранта уполномоченному сотруднику правоохранительных органов не требуется никакой санкции ни судебной, ни прокурорской, ни ведомственной. Персональные данные могут быть получены при проверке документов в ходе выполнения оперативно-служебных задач, производстве наблюдения, опроса и наведения справок в ходе ОРМ или при направлении запросов следователем. Однако информация, доступ к которой должен санкционироваться судом, при применении подобных технологий раскрываться не должна. Контекстная информация, разворачивающаяся в дополнительной реальности для сотрудников органов, может быть ограничена вводом специального текстового, графического или иного пароля, маркерных данных самого сотрудника или иных методов. Подобное ограничение допущенных к получению даже не составляющей тайну информации лиц будет способствовать ограничению возможности незаконного использования полученной информации, препятствовать злоупотреблению служебным положением, обеспечивать допуск к информации, содержащей тайну частной жизни только уполномоченных лиц. Объем информации, предоставляемый по запросу такого сотрудника, а также ограниченный круг лиц, имеющих право на получение подобной информации, будут способствовать охране персональных данных от незаконного получения и распространения.

Подобное использование дополненной реальности может облегчить поиск разыскиваемых лиц, контролю и управлению доступом лиц на объекты, подлежащие охране, превентивному контролю возможных зачинщиков беспорядков или ранее совершивших преступления, облегчать и делать незаметной для иных лиц процедуру проверки документов и установления личности. При этом у объектов, имеющих повышенную значимость для общественной безопасности, эта процедура может вестись в постоянном режиме лицами, осуществляющими охрану, и патрульными службами.

В настоящий момент представляется возможным снабжать подобными радиометками и маркерами заграничного паспорта, вынося данные для дополнительной реальности в установленные чипы.

Использование RFID и иных маркерных меток на предметах возможно уже сейчас, в частности на объектах, имеющих индивидуальный номер и в отношении которых ведется более строгий учет: оружие, ав-

тотранспорт и т.д. Так, отметки можно ставить на автомобили, оснащенные дорожными сигнализациями с модулем GPS-ГЛОНАСС позиционирования и поиска на карте. Подобная технология будет способствовать поиску похищенного оружия, угнанного автотранспорта, позволяя получить точную информацию дистанционно, без привлечения внимания и в дальнейшем поможет принять необходимые меры.

Технология, основанная на сопоставлении GPS-координат объекта с запрограммированными на устройстве, может использоваться для большей наглядности в ходе процессуального действия и его фиксации, например, светящиеся следы, место и поза трупа в ходе осмотра и т.д.

Безмаркерную технологию возможно применять при совместной дистанционной работе следственно-оперативной группы или эффективно организованного взаимодействия различных структур, когда следователь, находящийся на месте происшествия и проведения процессуального действия, его тщательно сканирует расположенной на очках либо шлеме (в зависимости от технологии исполнения) камерой. Специалисты, технические работники, оперативные сотрудники, сотрудники, ведущие криминалистическую регистрацию, и другие лица выводят элементы, дополняющие реальность, в виде всплывающих комментариев, подсказок, графиков, изображений, схем и планов, результатов анализа и т.д. Кроме того, как отмечают зарубежные авторы, «в некоторых узких областях знаний сложно найти эксперта, который имел бы всесторонние знания в изучаемой области, и такие эксперты могут находиться в совершенно другом регионе, тогда как дистанционное взаимодействие с сотрудником позволяет разрешить ключевые вопросы в режиме реального времени, поэтому растет потребность в развитии технологий для реализации дистанционного взаимодействия путем создания совместно визуального пространства» [13].

Подвид виртуальной реальности, основанный на использовании отсканированной реальности, может выявлять изменение ранее снятой обстановки места невербального или смешанного процессуального действия при повторном посещении, реконструкции места при следственном или оперативном эксперименте и в иных ситуациях восстановления обстановки.

Можно отметить перспективы перевода предъявления для опознания в виртуальную (оцифрованную, отсканированную) реальность. Некоторые зарубежные авторы уже рассматривали такие методы производства данного процессуального действия [14. С. 242]. Уделялось внимание данной идее и отечественными авторами. Так, положительно оценивая возможность предъявления для опознания в виртуальной реальности, Е.В. Пискунова отмечала что «при опознании в условиях виртуальной реальности опознающий не ограничен в выборе своей позиции, он может “подойти” к опознаваемому ближе, осмотреть его со всех сторон, т.е. получить больше деталей и ассоциаций, которые делают воспоминания ярче» [15. С. 157]. Использование программируемой обстановки позволяет активизировать воспоминания по ассоциации с местом, а возможность использования вместо

собственной внешности аватаров (аватар в данном контексте – электронный двойник любой программируемой внешности) способствует снижению стресса, тревожности, страха перед опознаваемым. Эффективным может быть также использование виртуальной реальности в ходе оперативно-розыскного отождествления личности (особенно при применении данного метода для отождествления изучаемого лица, находящегося в ином государстве или просто крайне территориально отдаленно).

Проанализировав способы фиксации, мы также рекомендуем постепенный переход от фотографии и видеозаписи при осуществлении криминалистической регистрации к 3D-моделям и, в итоге, к виртуальным образам. Подобные виртуальные образы зарегистрированного объекта можно будет также использовать при процессуальных действиях (предъявление для опознания, проверка показаний, следственный эксперимент).

Большую пользу может принести использование оцифрованной реальности и в ходе осмотра места происшествия в опасных или экстремальных условиях, а также оперативно-розыскного обследования помещений, зданий и сооружений. Имеются случаи применения виртуальной реальности в следственных действиях Германии. Так, в главном управлении уголовного розыска Баварии «специальная группа измеряет и снимает места преступления в 3D с точностью до миллиметра. Сканирование комбинируется с текстурами 360-градусных фотографий, а затем обрабатывается для анализа в виртуальной реальности. Следователи даже оцифровывают тела жертв насильственных преступлений с точностью до 100 микрон с помощью высокоточного лазерного сканера... около 60 раз в год полиции приходится прибегать к цифровому методу сохранения мест преступлений» [16].

По данным сайта Navr, «ученые из Института судебной медицины в Цюрихе, Швейцария, развивают технологии, призванные помочь следователям, судьям и адвокатам лучше визуализировать сцену преступления и даже проводить виртуальное вскрытие жертвы. Очки виртуальной реальности Oculus Rift и программное обеспечение Forensic Holodeck воссоздают сцену, основываясь на трехмерных изображениях, съемках с камер наблюдения и показаний свидетелей» [17].

Эффективным будет также применение подобных технологий в целях проверки показаний на месте. Как подчеркивают В.Ф. Енгальчев и Е.В. Пискунова, «проверка показаний на месте часто проводится спустя значительный промежуток времени после самого преступления, когда обстановка места происшествия существенно изменилась. Виртуальная модель позволяет оказаться на месте происшествия, каким оно было в момент первоначального осмотра. Убрав из модели отдельные детали обстановки места происшествия либо предположив, что на момент фиксации хода и результатов осмотра на месте происшествия уже не хватало каких-то предметов (например, они были похищены преступником, сокрыты лицом, первым прибывшим на место происшествия, и т.д.), можно предложить лицу, чьи показания проверяются, до-

полнить модель недостающими предметами, которые следует выбирать из имеющейся библиотеки образов (по аналогии с составлением фотокомпозиционного портрета)» [18. С. 86].

Английские ученые, как указывает Александр Лубяной, обратили внимание, что «во время реального допроса люди часто переживают, испытывают неловкость перед полицейскими и забывают некоторую долю информации. Они предположили, что в большинстве случаев свидетели предпочитают не сообщать факты, в которых не уверены. Кроме того, на фоне стресса очевидцы могут “дорисовать” в своем воображении ложные детали» и предложили следующий тактический прием: перенос допроса в виртуальную реальность [19]. И допрашиваемые и следователь используют устройства для выхода в виртуальную реальность, и «аватар» следователя там допрашивает «аватара» респондента. Аналогичные методы возможно использовать в ходе очной ставки и оперативно-розыскного опроса. Представляется, что перенос допроса будет способствовать реализации права участника судопроизводства на безопасность и, следовательно, проводиться с его согласия или по его ходатайству. Кроме того, повышение психологической комфортности допроса будет способствовать повышению эффективности результативности допроса.

Виртуальные технологии могут использоваться при осмотре места происшествия или обследования помещений, зданий и сооружений не только для создания отсканированной реальности, но и для изготовления трехмерной, виртуальной схемы места происшествия. Так, в Астрахани специально для Следственного комитета была разработана программа «Конструктор места происшествия», позволяющая «оцифровать» место преступления [20]. Основная задача программы – фиксация данных с места происшествия. Ее главное преимущество – использование технологии дополненной и виртуальной реальности, 3D-сканирования и распознавания (IntelRealSense). Все эти технологии позволяют добиться реалистичности и эффекта присутствия сотрудников правоохранительных органов и экспертов на месте происшествия, облегчают протоколирование и представление картины события в суде. Следователь, приехав на место преступления, на планшете конструирует в программе 3D-модель помещения или открытой местности, где произошло преступление. Это что-то вроде подробной схемы, только цифровой и с гораздо большими возможностями.

Технологии смешанной реальности могут использоваться для производства предъявления для опознания в условиях, исключающих восприятие опознающего лица, дистанционных очных ставок, дистанционных допросах и т.д. Смешанная реальность может использоваться, например, для наглядной демонстрации суду присяжных механизма преступления (что уже предпринимается за рубежом [21]) или наглядной демонстрации экспертных выводов.

Технологии погружающей реальности, а также всех иных видов могут также активно использоваться в образовательном процессе, отрабатывая тактику

процессуальных и других оперативно-служебных действий, оперативно-розыскных мероприятий на симуляторах, создаваемых на основе реального уголовного дела, и реальных процессуальных действий или оперативно-служебных действий. Конечно, программные комплексы «Виртуальный осмотр места происшествия» и «Конструктор места происшествия» существуют уже сейчас, однако они представляют собой в основном псевдотрехмерную компьютерную симуляцию на экране. Применение же технологией компьютерно-опосредованной реальности позволит использовать погружающие в обстановку методы и более эффективно обучать пользователей. Для этого не нужно масштабных полигонов, а достаточно только программно-аппаратного комплекса, очков, шлема, установки-тренажера, когда движение производится в специальном устройстве, а тело остается на одном месте, либо при использовании технологии виртуальной комнаты (в зависимости от технологической реализации), все это будет производиться в рамках одного помещения.

Как уже отмечалось, «среди наиболее значимых для учебного процесса можно выделить следующие позитивные свойства виртуальной реальности: 1) виртуальные объекты могут быть весьма разнообразными, что позволяет удовлетворять самые разные потребности (обеспечить практически неисчерпаемое количество вариантов изменения параметров различных событий и объектов); 2) виртуальный мир предоставляет большие возможности для воплощения творческих идей; 3) в отличие от объектов реального мира, каждый из которых является уникальным и имеющим один-единственный “жизненный цикл”, виртуальные объекты могут воспроизводиться, изменяться и уничтожаться бесчисленное количество раз (что является неопределимым при производстве экспериментов); 4) виртуальный мир характеризуется безопасностью и личной защищенностью; 5) через виртуальный мир человек может приобретать новый опыт, не рискуя своим здоровьем, временем, денежными средствами и т.п.» [22. С. 52].

Представляется, что применение технологий компьютерно-опосредованной реальности в следственной деятельности потребует соответствующего тактического обеспечения, а также внесения изменений в отдельные нормы Уголовно-процессуального кодекса и закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Так же как любое применение технических средств в рамках процессуальных действий, применение технических устройств компьютерно-опосредованной реальности должно получить отражение в протоколе. Обязательно указывается, какие технические средства используются для сканирования записи и хранения виртуального образа объекта, а также воспроизведения его. О применении данной техники должны будут ставиться в известность участники следственного действия.

Для использования компьютерно-опосредованной реальности, с учетом ближайших перспектив ее развития, представляется необходимым внести в ст. 5 УПК дополнения, дающие определение виртуального образа и виртуального пространства следующего со-

держания: «виртуальный образ – это отсканированный специальным оборудованием трехмерный образ объекта, помещения или участка местности, используемые в следственных действиях с компьютерно-опосредованной реальностью»; «Под виртуальным пространством понимается элемент компьютерно-опосредованной реальности, состоящий из отсканированного места (участка местности, помещения), в котором размещается виртуальный образ опознаваемого объекта».

Конечно, данные термины не носят правовой характер, однако, с учетом разных подходов к пониманию даже самой категории «виртуальная реальность», нам представляется целесообразным раскрытие их содержания во избежание разночтений, коллизий правоприменительной практики, для единообразного понимания и применения. Статья 5 УПК РФ содержит трактовку основных понятий, используемых в процессуальном законе. Поэтому полагаем, что рекомендуемые нами нормы эффективнее всего с точки зрения законодательной техники будут реализовываться именно в рамках данной статьи. При этом можно отметить, что хотя отдельные элементы виртуальной реальности в некоторых странах начинают применяться, однако такое применение носит в основном эпизодический и непроцессуальный характер. Поэтому оно пока не привело к внесению дополнений в процессуальные законы этих стран.

В протоколах должно будет отмечаться использование в следственных действиях виртуального образа реального объекта, а также внесенные программные изменения для использования дополненной реальности или виртуальной реальности для наглядной демонстрации.

Для применения возможностей компьютерно-опосредованной реальности при эксгумации можно рекомендовать полное сканирование криминальных трупов, а также трупов, обнаруженных в условиях неоднозначности. В случае же изменения парадигмы захоронений с закапывания тела на его кремацию сканирование и последующие исследования отсканированного образа трупа будут являться единственным вариантом эксгумации. При этом эксгумация при сканировании трупа должна проводиться в обычном, предусмотренном ст. 178 УПК порядке. А для возможного исследования образа трупа, как и его фотографий, отпечатков пальцев, геномного материала, достаточно процессуального решения следователя.

В ходе осмотра места происшествия сканирование объекта для последующего использования его виртуального образа в следственной деятельности (не путать с компьютерным образом диска) должно осуществляться со всех сторон во всех положениях объекта. При многослойности или многоэлементности объекта осуществляется отдельно сканирование всех слоев и всех элементов. Так можно рекомендовать при сканировании вскрытия трупа поэтапное сканирование всех совершенных действий и состояние трупа после них, каждого извлеченного органа и место его расположения в организме после удаления.

При последующем использовании отсканированных помещений и участков местности практически

снимаются ограничения по передвижению по месту осмотра. При любых действиях на месте осмотра повреждения следов в виртуальном образе реального места осмотра можно будет не опасаться. Обратную связь действий лица на объекты в виртуальном образе реальности можно ограничить программным методом. Как следователь, так и иные участники следственного действия смогут рассмотреть объекты в динамике.

Проведение повторного осмотра не на реальном месте происшествия, а в его виртуальном образе представляется не отдельным видом осмотра, а методом, способом его производства. Производство такого вида осмотра потребует внесения изменений в ч. 3 ст. 177 УПК и изложения ее в следующей редакции: «...повторный осмотр места происшествия, проводимый по его виртуальному образу, осуществляется вне места происшествия в специально оборудованном помещении». Конечно, при подобном осмотре по виртуальному образу невозможно будет изъять объекты с места происшествия, но и при проведении повторного осмотра спустя существенный промежуток времени после первоначального его результативность в плане нахождения не обнаруженных ранее предметов редко велика.

С тактико-процессуальной точки зрения опосредованное предъявление для опознания с использованием виртуальной реальности может осуществляться в нескольких целях. Так, возможно применение данного метода для дистанционного предъявления для опознания, например, в ситуации нахождения опознающего и опознаваемого в разных государствах (имеющих договоры о взаимной правовой помощи) или в противоположных концах нашей страны, особенно если уверенность в результативности данного следственного действия отсутствует даже у опознающего. Подобный метод кроме экономии процессуальных сил и времени несет также существенную экономию материальных и финансовых средств.

Второй ситуацией использования виртуального предъявления для опознания может быть, по нашему мнению, опосредованное предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное восприятие опознающего опознаваемым. Предъявление для опознания в виртуальной реальности позволит размещать опознаваемого в любую программируемую обстановку и придавать любой внешний вид «аватара» опознающего. При этом личность опознающего, особенности обстановки, внешний вид применяемого «аватара» и последовательность его действий заверяются подписями понятых. Процесс предъявления для опознания должен транслироваться на экран для понятых. Для соблюдения требований о количестве объектов, среди которых находится искомый, можно использовать виртуальные образы похожих лиц из баз криминалистической регистрации или интернете. После чего следователь уточняет у опознающего, по каким признакам он узнал опознаваемого. Права опознаваемого при этом нарушены не будут. Действия опознающего, ход и результаты предъявления для опознания заверяются подписями понятых. Производство предъявления для опознания

подобным методом потребует внесения изменений в ч. 5 ст. 193 УПК. Всесторонне рассмотрев данный вопрос, мы предлагаем следующую редакцию ч. 5 ст. 193 УПК: «При невозможности предъявления лица опознание может быть проведено по его фотографии или виртуальному образу, предъявляемым одновременно с фотографиями других лиц или их виртуальными образами, внешне сходными с объектами. Количество фотографий или виртуальных образов должно быть не менее трех».

В рамках проверки показаний к использованию компьютерно-опосредованной реальности можно прибегать в целях экономии профессиональных сил и времени, снижения тактического риска попытки побега или освобождения со стороны соучастников. Место происшествия сканируется еще в ходе осмотра.

Проезд к месту происшествия может быть показан лицом на карте, особенно на панорамных картах в Яндексe или иных аналогичных программах. О возможности проверки показаний по карте писали еще В.В. Степанов и Н.В. Власенко [23. С. 31], рассматривая в том числе и проверку с использованием компьютерного изображения.

В виртуальном образе объекта ранее допрошенный участник должен показать все свои действия, перемещения по месту происшествия. При этом место происшествия в виртуальном образе может быть ограничено определенными пределами и нет опасности побега. Вместо манекенов можно использовать виртуальные образы реальных жертв, что будет способствовать более точному указанию, например, конкретных точек нанесения ударов. Использование подобных методов проверки показаний потребует внесения дополнений в ст. 194 УПК в ч. 1 и 2 необходимых дополнений, допускающих возможность проверки показаний в виртуальном образе места происшествия.

Необходимо также подчеркнуть потенциальную эффективность использования компьютерно-опосредованной реальности в совместной работе следственной или следственно-оперативной групп путем взаимного дополнения результатов изучения отсканированного фрагмента реальности. Зарубежные ученые отмечали, что «интерфейсы дополнительной реальности одновременно обеспечивают среду для пользователей, работающих как в виртуальном, так и в реальном мире, облегчая работу программной компьютерно-обеспеченной совместной работы» [24. Р. 745–753]. Однако при этом многие отмечают и ряд негативных, проблемных моментов:

«1. Время, необходимое для следственной реконструкции: сбор данных, геометрическое моделирование и построение следственной версии, все эти шаги, необходимые для следственной реконструкции, выполняются вручную. Полученные при помощи встроенных сканеров и камер данные передаются удаленно находящимся экспертам и обрабатываются в ходе дальнейшего исследования. Выполнение всех этих задач требует затрат достаточного количества времени.

2. Экспертиза, необходимая для направления специализированного программного обеспечения: обработка технических средств требует привлечения спе-

циалистов в области информатизации и программного обеспечения. Сотруднику следственной оперативной группы придется передавать весь собранный объем данных различным экспертам, что также увеличивает срок проведения всех следственных мероприятий.

3. Сложность: необходимо такое оборудование, которое смогло бы быть использовано в самых экстремальных природных условиях и вне зависимости от времени.

4. Время: сбор доказательств часто проводится на месте преступления, когда сцена места происшествия уже была изменена или затронута действиями других физических лиц. Для лучшей оценки произошедшего по делу необходимо провести сбор доказательств и провести анализ прежде, чем место преступления будет изменено. Сбор доказательственной базы при первом взаимодействии следственной оперативной группы на месте совершения преступления и многоплановая работа вместе с экспертами в режиме реального времени – еще одна важная задача, которая стоит перед следствием.

5. Физическое взаимодействие с местом преступления: физическое взаимодействие с местом преступления необходимо для анализа и маркировки, но должно быть минимальным при сборе доказательств, чтобы не изменить или уничтожить доказательства, а потому маркировка предметов доказательств не является целесообразной. Кроме того, сотрудники следственной оперативной группы используют свои руки при проведении следственных действий, поэтому использование устройств, занимающих одну из рук, ограничивает свободу в передвижении» [25. Р. 2].

Следует отметить, что производство следственных действий с использованием компьютерно-опосредованной реальности приводит к выводу о необходимости внесения в Главу 10 электронных доказательств в качестве самостоятельного вида, что уже неоднократно предлагалось многими авторами [26–29]. Однако дискуссия по данному вопросу требует специальных исследований и выходит за пределы основных целей данной статьи.

Внесение аналогичных вышеуказанным в работе изменений потребуют ст. 284, 287, 289 УПК РФ, регламентирующие порядок производства соответствующих судебных действий: осмотра вещественных доказательств, осмотра местности и помещений и предъявления для опознания в суде.

Таким образом, представляется, что перспективы использования виртуальной реальности в следственной деятельности необходимо рассматривать уже сейчас и наше исследование можно считать одним из первых шагов в данном направлении. Необходимость внесения изменений в процессуальный закон связана со спецификой виртуальной среды и переноса в нее полностью или частично следственного действия. Конечно, Уголовно-процессуальный кодекс содержит нормы, регламентирующие применение в ходе следственных действий отдельных видов техники, и не всякая техническая новинка требует процессуального закрепления, однако виртуальная реальность на настоящий момент, представляет собой явление новое, имеющее кардинальные отличия, с не полностью устоявшимся понятийным аппаратом и при этом крайне специфической и в техническом и в психологическом плане природой. Множественность подходов к категориям «виртуальность», «виртуальная реальность» и другие без процессуального закрепления законодателем конкретной трактовки терминов «виртуальное пространство» и «виртуальный образ» может привести при применении в процессуальной деятельности виртуальной реальности к множественным коллизиям. При этом регламентация порядка и тактики производства оперативно-розыскных мероприятий осуществляется в основном в нормативных актах ограниченного доступа. С учетом этого мы можем рекомендовать только внесение дополнений в закон «Об ОРД», допускающих применение компьютерно-опосредованной виртуальной реальности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китайским полицейским выдали очки дополненной реальности, помогающие вычислить преступников // Информационное издание Вестник. URL: https://densegodnya.ru/armia/article_post/kitayskim-politseyskim-vydali-ochki-dopolnennoy-realnosti-pomogayushchiye-vychislit-prestupnikov (дата обращения: 09.02.2020).
2. Солопов М. Полиция Москвы получит очки с распознаванием лиц // Блог компании Puzzle English. URL: <https://habr.com/ru/post/440498/> (дата обращения: 09.02.2020).
3. Толстолуцкий В.Ю., Колосова В.А., Кострова Е.М. Дополненная реальность как технологическая основа совершенствования криминалистической деятельности // Современные проблемы права глазами молодых ученых : сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конференции (13 апреля 2018 г.) / науч. ред. В.Ю.Толстолуцкий, В.А. Юматов, В.А. Колосова. Арзамас : Арзамас. филиал ННГУ, 2018. С. 483–491.
4. Виртуальная реальность: разбираемся в терминологии // Блог компании Puzzle English. URL: <https://habr.com/ru/company/puzzleenglish/blog/370977/> (дата обращения: 09.02.2020).
5. Акулич М. Дополненная, виртуальная, смешанная реальность и маркетинг. М. : Издательские решения, 2019. 122 с.
6. Иванова А.В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 3 (108). С. 88–107.
7. Солодкина Е.А. К определению понятия «виртуальная реальность» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2004. № 1.
8. Воронов А.И. Философский анализ понятия «Виртуальная реальность» : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1999. 22 с.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. и под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
10. Игнатъев В.И., Владимирова Т.В., Степанова А.Н. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2009. 308 с.
11. Ищенко Е.П. О некоторых подходах к выявлению и расследованию преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве // Использование современных информационных технологий в правоохранительной деятельности и региональные проблемы информационной безопасности : сб. материалов науч.-практ. конф. Калининград, 2006. Вып. VII. С. 214–216.

12. Технология дополненной реальности AR // Увлекательная реальность. URL: https://funreality.ru/technology/augmented_reality/ (дата обращения: 09.02.2020).
13. Fussell S.R., Setlock L.D., Kraut R.E. Effects of head-mounted and scene-oriented video systems on remote collaboration on physical tasks // In Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. CHI '03. ACM, 2003. P. 513–520.
14. Bailenson J.N., Davies A., Blasovich J., Beall A.C., McCall C., Guadagno R.E. The effects of witness viewpoint distance, angle, and choice on eyewitness accuracy in police lineups conducted in immersive virtual environments // Presence: Teleoperators and virtual environments. Columbus, 2008. Vol. 17, № 3. P. 242–252.
15. Пискунова Е.В. 2014. 04. 042. Использование 3D-технологий в криминалистике и судебной экспертизе (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 2014. № 4.
16. Полицейские используют VR для изучения места преступления. URL: <https://vr-j.ru/news/politsejskie-ispolzuyut-vr-dlya-izucheniya-mesta-prestupleniya/> (дата обращения: 09.02.2020).
17. Сычев И. Криминалисты изучают сцены преступления с помощью очков виртуальной реальности // HАBR. URL: <https://habr.com/ru/post/377417/> (дата обращения: 09.02.2020).
18. Енгальчев В.Ф., Пискунова Е.В. О новых возможностях судебной психологической экспертизы, использующей технологии 3D-моделирования // Судебная экспертиза: Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 15–16 января 2014 г.). М., 2014. С. 85–89.
19. Лубяной А. Виртуальная реальность помогает свидетелям вспоминать больше деталей преступления // Версия-Инфо. URL: <https://versiya.info/psychology/68856> (дата обращения: 09.02.2020).
20. Следователь Го: о дополненной реальности на службе правоохранительных органов / Центр экспертиз при Институте судебных экспертиз и криминалистики. URL: <https://ceur.ru/news/ekspertiza/item351520/> (дата обращения: 09.02.2020).
21. Самуилкина А. Американские юристы готовятся использовать VR в суде // Хайтек. URL: <https://hightech.fm/2017/02/01/virtual-reality-courtroom> (дата обращения: 09.02.2020).
22. Богачкина С.А., Зварич А.Б., Гигина О.Ю., Воронин С.В., Войтенко В.А. Большая компьютерная энциклопедия. М. : Эксмо, 2007. 480 с.
23. Власенко Н.В., Степанов В.В. Сущность и тактика проверки показаний на месте. М. : Юрлитинформ, 2004.
24. Billingham M., Kato H., Poupyrev I. The Magicbook: a transitional AR interface // Computers and Graphics. 2001. № 25 (5). P. 745–753.
25. Poelman R., Akman O., Lukosch S., Jonker P. As if being there: Mediated reality for crime scene investigation // ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work. CSCW '12, 2012. P. 2.
26. Основы теории электронных доказательств / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. 400 с.
27. Зигура Н.А., Кудрявцева А.В. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России. М., 2011. 176 с.
28. Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153.
29. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. №. 4 (11). С. 46–50.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 апреля 2020 г.

The Use of Computer-Mediated Reality in Law Enforcement

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 251–259.

DOI: 10.17223/15617793/454/31

Aleksandr B. Smushkin, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: Skif32@yandex.ru

Keywords: law enforcement; virtual reality; augmented reality; extended reality; virtual inspection; digitized scene.

The article considers the reality and prospects of computer-mediated (virtual) reality in law enforcement. The aim of the article is to develop and propose main directions of using different types of computer-mediated reality and elements of tactical support for the use of these types. The practice of the existing application of virtual reality is considered on the material of China, the USA, the Netherlands, the UK, and other countries. In the article, virtual reality is differentiated into augmented reality, mixed reality, extended reality and immersive reality. The author names the main technical devices designed for the use of computer-mediated reality. The basic methods of augmented reality functioning are considered. When considering the types of virtual reality, it is recognized that the effective use of practically all types of virtual reality is possible in law enforcement. Differentiating augmented reality by different types of technologies into “markerless”, “marker” and spatial, the advantage of “marker” technology is stated and the possibility of using RFID tags for effective implementation is analyzed. In addition to solutions using virtual reality operational tasks during patrolling, the article discusses the possibility of using computer-mediated reality in the production of a number of procedural actions: investigative examination, presentation for identification (remote or in order to ensure the safety of participants in the proceedings), verification of testimony, etc. The possibility of using a new tactic—interrogation in the virtual space—is stated. At the same time, the interrogated reduce anxiety factors and will be more disposed to establish psychological contact. The author considers the new software and hardware for investigative activity, Designer of the Scene, which allows “digitizing” the crime scene. Considerable attention is paid to the use of virtual reality in the educational process. In the course of the study, the general dialectic, general (analysis and synthesis, extrapolation, analogy) and specific (comparative-legal, descriptive, technical-legal) scientific methods in their interrelation and various combinations were used. The author developed and substantiated novelties of criminal procedure laws related to the practical application of various types of computer-mediated reality. The research results in the conclusion about the broad prospects of using computer-mediated reality in law enforcement and the need for further research on the effective use of various types of virtual reality.

REFERENCES

1. Vestnik. (2018) *Kitayskim politseyskim vydali ochki dopolnennoy real'nosti, pomogayushchie vychislit' prestupnikov* [Chinese Police Officers Were Given Augmented Reality Glasses to Help Identify Criminals]. [Online] Available from: https://densegodnya.ru/armia/article_post/kitayskim-politseyskim-vidali-ochki-dopolnennoy-realnosti-pomogayushchiye-vychislit-prestupnikov. (Accessed: 09.02.2020).
2. Solopov, M. (2019) *Politsiya Moskv poluchit ochki s raspoznavaniem lits* [Moscow Police Will Receive Glasses With Face Recognition]. [Online] Available from: <https://habr.com/ru/post/440498/>. (Accessed: 09.02.2020).
3. Tolstolutskiy, V.Yu., Kolosova, V.A. & Kostrova, E.M. (2018) [Augmented Reality as the Technological Basis for Improving Forensic Activities]. *Sovremennye problemy prava glazami molodykh uchennykh* [Modern Problems of Law Through the Eyes of Young Researchers]. Proceedings of the International Conference. 13 April 2018. Arzamas: Arzamas Branch of Lobachevsky University. pp. 483–491. (In Russian).

4. Puzzle English. (2017) *Virtual'naya real'nost': razbiraemysya v terminologii* [Virtual Reality: Understanding the Terminology]. [Online] Available from: <https://habr.com/ru/company/puzzleenglish/blog/370977/>. (Accessed: 09.02.2020).
5. Akulich, M. (2019) *Dopolnennaya, virtual'naya, smeshannaya real'nost' i marketing* [Augmented, Virtual, Mixed Reality and Marketing]. Moscow: Izdatel'skie resheniya.
6. Ivanova, A.V. (2018) VR & AR Technologies: Opportunities And Application Obstacles. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment – Strategic Decisions and Risk Management*. 3 (108). pp. 88–107. (In Russian). DOI: 10.17747/2078-8886-2018-3-88-107
7. Solodkina, E.A. (2004) K opredeleniyu ponyatiya "virtual'naya real'nost'" [On the Definition of the Concept "Virtual Reality"]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Filosofiya*. 1.
8. Voronov, A.I. (1999) *Filosofskiy analiz ponyatiya "Virtual'naya real'nost'"* [Philosophical Analysis of the Concept "Virtual Reality"]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English. Moscow: HSE.
10. Ignat'ev, V.I., Vladimirova, T.V. & Stepanova, A.N. (2009) *Sotsial'naya sistema kak informatsionnoe vzaimodeystvie* [Social System as an Information Interaction]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
11. Ishchenko, E.P. (2006) [On Some Approaches to the Identification and Investigation of Crimes Committed in the Virtual Space]. *Ispol'zovanie sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy v pravookhranitel'noy deyatelnosti i regional'nye problemy informatsionnoy bezopasnosti* [The Use of Modern Information Technologies in Law Enforcement and Regional Problems of Information Security]. Conference Proceedings. Is. 7. Kaliningrad: [s.n.]. pp. 214–216.
12. Uvlekatel'naya real'nost'. (2020) *Tekhnologiya dopolnennoy real'nosti AR* [Augmented Reality Technology]. [Online] Available from: https://funreality.ru/technology/augmented_reality/. (Accessed: 09.02.2020).
13. Fussell, S.R., Setlock, L.D. & Kraut, R.E. (2003) Effects of head-mounted and scene-oriented video systems on remote collaboration on physical tasks. *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. CHI '03. ACM. pp. 513–520.
14. Bailenson, J.N. et al. (2008) The effects of witness viewpoint distance, angle, and choice on eyewitness accuracy in police lineups conducted in immersive virtual environments. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*. 17 (3). pp. 242–252.
15. Piskunova, E.V. (2014) *Ispol'zovanie 3D-tekhnologiy v kriminalistike i sudebnoy ekspertize (referativnyy obzor)* [The Use of 3D-Technology in Forensics and Forensic Science (A Review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4. Gosudarstvo i pravo: Referativnyy zhurnal*. 4.
16. VR_Journal. (2018) *Politseyskie ispol'zuyut VR dlya izucheniya mesta prestupleniya* [Police Officers Use VR to Study the Crime Scene]. [Online] Available from: <https://vr-j.ru/news/politsejskie-ispolzuyut-vr-dlya-izucheniya-mesta-prestupleniya/>. (Accessed: 09.02.2020).
17. Sychev, I. (2015) *Kriminalisty izuchayut stseny prestupleniya s pomoshch'yu ochkov virtual'noy real'nosti* [Criminologists Study Crime Scenes Using Virtual Reality Glasses]. [Online] Available from: <https://habr.com/ru/post/377417/>. (Accessed: 09.02.2020).
18. Engalychev, V.F. & Piskunova, E.V. (2014) [On the New Possibilities of Forensic Psychological Examination Using 3D-Modeling Technology]. *Sudebnaya ekspertiza: Metodologicheskie, pravovye i organizatsionnye problemy novykh rodov (vidov) sudebnykh ekspertiz* [Forensic Examination: Methodological, Legal and Organizational Problems of New Genera (Types) of Forensic Examination]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 15–16 January 2014. Moscow: Prospekt. pp. 85–89. (In Russian).
19. Lubyany, A. (2018) *Virtual'naya real'nost' pomogaet svidetelyam vspominat' bol'she detaley prestupleniya* [Virtual Reality Helps Witnesses Remember More Details of a Crime]. [Online] Available from: <https://versiya.info/psychology/68856>. (Accessed: 09.02.2020).
20. Ceur.ru. (2018) *Sledovatel' Go: o dopolnennoy real'nosti na sluzhbe pravookhranitel'nykh organov* [Investigator, Go: On Augmented Reality in the Service of Law Enforcement Agencies]. [Online] Available from: <https://ceur.ru/news/ekspertiza/item351520/>. (Accessed: 09.02.2020).
21. Samuilkina, A. (2017) *Amerikanskije yuristy gotovyatsya ispol'zovat' VR v sude* [American Lawyers Are Preparing to Use VR in Court]. [Online] Available from: <https://hightech.fm/2017/02/01/virtual-reality-courtroom>. (Accessed: 09.02.2020).
22. Bogachkina, S.A. et al. (2007) *Bol'shaya komp'yuternaya entsiklopediya* [A Big Computer Encyclopedia]. Moscow: Eksmo.
23. Vlasenko, N.V. & Stepanov, V.V. (2004) *Sushchnost' i taktika proverki pokazaniy na meste* [Essence and Tactics of Checking Evidence on the Spot]. Moscow: Yurlitinform.
24. Billinghurst, M., Kato, H. & Poupyrev, I. (2001) The Magicbook: a transitional AR interface. *Computers and Graphics*. 25 (5). pp. 745–753.
25. Poelman, R., Akman, O., Lukosch, S. & Jonker, P. (2012) As if being there: Mediated reality for crime scene investigation. *ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work*. CSCW '12. p. 2.
26. Zuev, S.V. (ed.) (2019) *Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv* [Fundamentals of the Theory of Electronic Evidence]. Moscow: Yurlitinform.
27. Zigura, N.A. & Kudryavtseva, A.V. (2011) *Komp'yuternaya informatsiya kak vid dokazatel'stva v ugovennom protsesse Rossii* [Computer Information as a Type of Evidence in the Criminal Procedure of Russia]. Moscow: Yurlitinform.
28. Pastukhov, P.S. (2015) Electronic evidence in criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 149–153. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/396/27
29. Vekhov, V.B. (2016) Electronic Evidence: Problems of Theory and Practice. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 4 (11). pp. 46–50.

Received: 13 April 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБСЕЛЕМОВ Серикхан Ахметович – соискатель кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: abselemovserikhan@yandex.ru

АЛЕКСЕЕВА Светлана Владимировна – канд. филол. наук, научный сотрудник Лаборатории когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: mail@s-alexeeva.ru

АНДРИЯНОВА Татьяна Владимировна – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии Курского государственного университета. E-mail: andriyanova.tv@gmail.com

АНИСИМОВ Кирилл Владиславович – д-р филол. наук, зав. кафедрой журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

АРИЯН Маргарита Анастасовна – д-р пед. наук, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: fenkot603@yandex.ru

БАВСУН Максим Викторович – д-р юрид. наук, заместитель начальника по научной работе Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: kafedramvd@mail.ru

БЕЛЯКОВА Евгения Гелиевна – д-р пед. наук, профессор кафедры общей и социальной педагогики Тюменского государственного университета. E-mail: e.g.belyakova@utmn.ru

БЕРЕСТОВОЙ Андрей Николаевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург). E-mail: kafedramail@mail.ru

БОЙКО Владимир Анатольевич – канд. культурологии, доцент Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: vboyko100@gmail.com

БОКЕРИЯ Светлана Александровна – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: bokeriya.svetlana@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Алина Вячеславовна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: alvasileva@mail.ru

ГОНЧАРКО Дмитрий Николаевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург); научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-Петербург). E-mail: goncharko@list.ru

ГОНЧАРКО Оксана Юрьевна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета; научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-Петербург). E-mail: goncharko_oksana@mail.ru

ЕРМАКОВА Ольга Константиновна – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ermakovaok@mail.ru

ЗАХАРОВА Ирина Гелиевна – д-р пед. наук, профессор кафедры программного обеспечения Тюменского государственного университета. E-mail: i.g.zakharova@utmn.ru

КАРПОВ Кирилл Николаевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: kkn83@mail.ru

КОРНИЕНКО Михаил Анатольевич – канд. филос. наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета. E-mail: mkornienko1@gmail.com

КРЫМОВ Александр Александрович – д-р юрид. наук, начальник Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). E-mail: krsan@yandex.ru

КУЖЕЛЕВА-САГАН Ирина Петровна – д-р филос. наук, зав. кафедрой социальных коммуникаций Томского государственного университета. E-mail: ipsagan@mail.ru

КУЛИКОВА Елена Юрьевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: kulis@mail.ru

ЛЕПИНА Татьяна Геннадьевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск). E-mail: lepina2813@mail.ru

ЛИХОМАНОВ Игорь Валентинович – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища. E-mail: graingar@yandex.ru

МАСЛЮЖЕНКО Денис Николаевич – канд. ист. наук, директор Гуманитарного института Курганского государственного университета. E-mail: denmas13@yandex.ru

МАЦИЕВСКИЙ Герман Олегович – д-р ист. наук, профессор кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (г. Краснодар). E-mail: matsievski2004@mail.ru

МУХИНА Маргарита Петровна – канд. пед. наук, зав. кафедрой теории и методики физической культуры и спорта Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: margarit-mukhin@yandex.ru

ОГАНЕСЯН Тигран Давидович – канд. юрид. наук, научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: t.oganesian@mail.ru

ПОДРЕЗОВ Михаил Владимирович – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: mvpodrezov@gmail.com

ПОЛИТОВ Андрей Викторович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. E-mail: erikhczeren@yandex.ru

ПОПОВ Игорь Владимирович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: kafedramail@mail.ru

ПОПОВ Николай Иванович – д-р пед. наук, канд. физ.-мат. наук, зав. кафедрой физико-математического и информационного образования Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: popovnikolay@yandex.ru

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович – канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: gorot@mail.ru

ПРЖИГОЦКИЙ Владислав Александрович – аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: hoald@mail.ru

РАЗДЬЯКОНОВА Евгения Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории, истории государства и права, конституционного права Новосибирского государственного университета; доцент кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: er505@ngs.ru

РЫНКОВ Вадим Маркович – канд. ист. наук, директор Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: vadsvet@list.ru

СЛЮСАРЬ Наталия Анатольевна – д-р филол. наук, доцент Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); доцент кафедры проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: slioussar@gmail.com

СМУШКИН Александр Борисович – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: Skif32@yandex.ru

СПИЧЕВА Дина Ивановна – канд. филос. наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Томского государственного университета. E-mail: spischeva@mail.ru.

СТЕПУРА Светлана Николаевна – канд. филол. наук, доцент отделения иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: stepura@tpu.ru / lana3670@rambler.ru

СУЛТАНОВ Мурад Балабек оглы – докторант Института физиологии им. А.И. Караева Национальной академии наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан). E-mail: murad.sultan.81@mail.ru

ТАТАУРОВА Екатерина Михайловна – ассистент кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: kate_tataurova@yahoo.com

ХУДОЖИТКОВ Сергей Алексеевич – студент 5-го курса кафедры теории и методики физической культуры и спорта Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: mr-chegman@yandex.ru

ЦАРЁВ Роман Юрьевич – канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии Курганского государственного университета. E-mail: romanogomani@mail.ru

ЧЕРНОВА Дарья Алексеевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Лаборатории когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: d.chernova@spbu.ru

ЧУРКИН Михаил Константинович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета; ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ШУСТОВА Елена Николаевна – ст. преподаватель кафедры физико-математического и информационного образования Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: shustovaen@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2020. № 454. Май

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 29.05.2020 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 32. Усл. печ. л. 29,7. Тираж 50 экз.
Заказ № 41... Цена свободная.

Дата выхода в свет 20 июня 2020 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru